Кр РФ
р.193390

193.390

СБОРНИКЪ

СВѢДѢНІЙ

О

КАВКАЗСКИХЪ ГОРЦАХЪ.

ИЗДАНІЕ

КАВКАЗСКАГО ГОРСКАГО УПРАВЛЕНІЯ.

ВЫПУСКЪ VI.

ТИФЛИСЪ.

1872.

Mädel. 5
Карт 3
Уб. Обл. 1

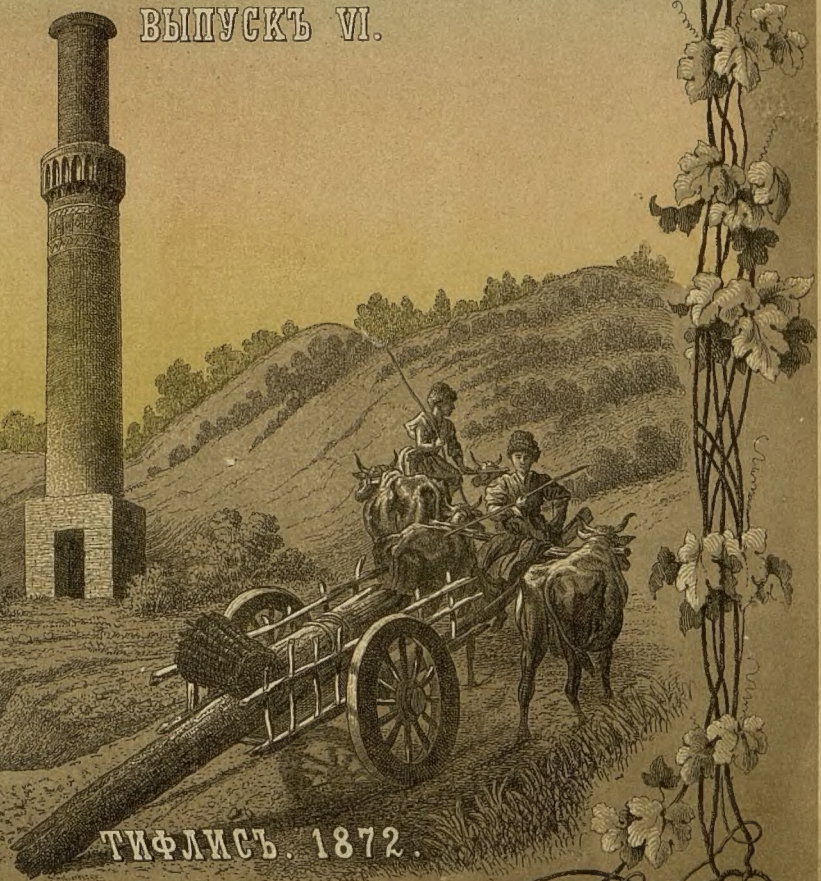
СБОРНИКЪ

СВѢДѢНІЙ О КАВКАЗСКИХЪ ГОРЦАХЪ.

ИЗДАНІЕ

Кавказскаго Горскаго Управленія.

ВЫПУСКЪ VI.



ТИФЛИСЪ. 1872.

Сост. и ред. Дюгеродикъ.

СБОРНИКЪ

СВѢДѢНІЙ О КАВКАЗСКИХЪ ГОРЦАХЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ

съ соизволенія

ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЫСОЧЕСТВА

Главнокомандующаго Кавказскою Арміею

при

КАВКАЗСКОМЪ ГОРСКОМЪ УПРАВЛЕНІИ.

ВЫПУСКЪ VI.

ТИФЛИСЪ.

1872.

Проверено 1944 г.

С22,12

Ростовская Публичная Библиотека им. К. Маркса Р.С.Ф.С.Р.

БИБЛИОТЕКА им. К. Маркса

67265

Страниц - 48 + 62 + 90 + 128 + 73. + 65
Таблиц - 5
Карт - 3
Цв. обл. - 1.

Библиотека
Ростов н-Д.
книгохранилище
Кр
р. 193.390
им. К. Маркса.

Проверено
1937—38 г.

Ростовская
Публ
им. К

Въ Типографіи Главнаго Управленія Намѣстника Кавказскаго.

Содержаніе.

I. Изслѣдованія и матеріалы:

1) Абхазцы (Азега),—по поводу сочиненія г. Дубровина: „Очеркъ Кавказа и народовъ его населяющихъ“,—***.

2) Карта горскихъ народовъ, подвластныхъ Шамилю (съ приложеніями), *И. П. Линевича*.

3) Чеченское племя (съ примѣчаніями), *Умалата Лаудаева*.

4) Адаты жителей Кумыкской плоскости.

II. Народныя сказанія кавказскихъ горцевъ:

1) Кабардинская старина (I. Коварная жена.—II. Дохшуко Бгуншоковъ.—III. Отцовское завѣщаніе.—IV. Жанболатъ.—V. Айдемирканъ.—VI. Князь Амфоко Тосултановъ.—VII. Созырыхо, сынъ Коала.—VIII. Гоаша-Махо.—IX. Абадзехъ-кровомститель.—X. Два друга).

2) Кабардинскія сказки.

III. Горская лѣтопись:

1) Экономическое положеніе туземнаго населенія Сухумскаго отдѣла, *А—а*.

2) Научныя извѣстія: I. По поводу изслѣдованій П. К. Услара о Кюринскомъ языкѣ, *Н. В.*—II. Нѣсколько словъ о новомъ лингвистическомъ трудѣ академика Шифнера, *Л. П. Загурскаго*.

3) О самоубійствахъ въ Дагестанской области, *Н. В.*

4) Населеніе Закатальскаго округа по народной переписи 1871 года, *Н. В.*

5) Замѣтка.

IV. *Приложеніе*:

Статистическія свѣдѣнія о Мангишлакѣ (съ картою), *И. П. Линевича*.

ИЗСЛѢДОВАНІЯ И МАТЕРІАЛЫ.

АБХАЗЦЫ (АЗЕГА).

По поводу сочиненія г. Дубровина: «Очеркъ Кавказа и народовъ его населяющихъ».

Принятіе за основаніе, при описаніи правовъ и обычаевъ народа, не имѣющаго своей литературы, однихъ письменныхъ источниковъ ведетъ часто автора къ невольнымъ ошибкамъ. Въ ошибкахъ этихъ мы имѣемъ полное право упрекать его, если въ сочиненіи не находимъ указаній на источники и если, слѣдовательно, говоря непосредственно отъ своего лица, авторъ какъ-бы принимаетъ на себя всю отвѣтственность за сказанное. Но если находимъ цитаты и авторъ сочиненія добросовѣстно приписываетъ себѣ только честь систематическаго сбора всѣхъ свѣдѣній въ одно цѣлое, то, конечно, никому не прійдетъ въ мысль упрекнуть его въ искаженіи истины, а прійдется отъ души пожалѣть, что, при честномъ трудѣ своемъ, онъ не могъ воспользоваться болѣе полнымъ и точнымъ матеріаломъ. Такая мысль является при чтеніи сочиненія г. Дубровина: «Очеркъ Кавказа и народовъ его населяющихъ» (Спб. 1871 г., кн. I—III).

Такъ-какъ г. Дубровинъ, въ предисловіи къ I книгѣ своего сочиненія, приписываетъ себѣ именно только честь компилятора и тѣмъ слагаетъ съ себя отвѣтственность за вѣрность свѣдѣній на тѣхъ, трудами которыхъ онъ пользовался, то остается разсмотрѣть, насколько, при извѣстныхъ обстоятельствахъ, могутъ быть отвѣтственны послѣдніе.

Вѣрность описанія края, на основаніи личнаго изученія, или только посѣщенія его, зависитъ отъ весьма многихъ обстоятельствъ, въ числѣ которыхъ главныя: умственное развитіе населенія описываемой страны и ея отношенія къ своимъ болѣе цивилизованнымъ сосѣдямъ (1). При маломъ умственномъ развитіи народа и его недружелюбномъ, а тѣмъ болѣе враждебномъ, настроеніи къ сосѣдямъ, путешественнику, взявшемуся за описаніе домашняго быта и общественнаго строя народа, предстоитъ почти непреодолимый трудъ— бороться со всевозможными предразсудками и предубѣжденіями и иногда, въ результатѣ всѣхъ усилій, остается основать свое описаніе на самыхъ поверхностныхъ личныхъ наблюденіяхъ и на свѣдѣніяхъ, собранныхъ безъ всякой провѣрки. Подобныя основанія послужили для большей части сочиненій, касающихся быта горскихъ племенъ Кавказа и относящихся къ періоду, предшествовавшему ихъ окончательному покоренію.

До покоренія каждаго изъ кавказскихъ горскихъ племенъ, всѣ данныя, служившія для составленія понятія о его бытѣ, даже близко имѣвшими съ ними дѣло начальствующими лицами, извлекались или изъ показаній лазутчиковъ и мирныхъ горцевъ, или изъ разсказовъ лицъ, бывшихъ въ плѣну, или, наконецъ, изъ донесеній офицеровъ, командированныхъ, подъ прикрытіемъ самой глубокой тайны, для изученія какой-нибудь дороги.

Насколько могли быть точны свѣдѣнія, добытыя подобными путями, понять не трудно. Лазутчики, по свойственной горцамъ привычкѣ скрывать общественный и домашній бытъ своихъ соплеменниковъ, были точны только относительно щедро оплачивавшихся свѣдѣній, т. е. сбора и намѣренія партій, примѣрной численности каждой изъ нихъ, избраннаго ими пути для вторженія въ наши предѣлы и т. п. Мирные горцы, имѣя въ виду, при водвореніи въ нашихъ предѣлахъ, сохраненіе своихъ обычныхъ отношеній къ зависѣвшимъ отъ нихъ рабамъ и подвластнымъ (инициатива изъявленія покорности всегда принадлежала лицамъ высшихъ

(1) Мы допускаемъ, что изучающій хорошо знакомъ съ языкомъ описываемаго имъ народа.

сословій), старались переиначивать ихъ сообразно своимъ личнымъ выгодамъ. Плѣнные, находясь большую часть времени своего плѣна въ цѣпяхъ, подъ строгимъ карауломъ (иногда даже въ ямахъ), и не зная туземнаго языка, имѣли возможность составлять понятіе о бытѣ народа только по внѣшнимъ, видимымъ ими отношеніямъ. Наконецъ, командированные офицеры должны были слѣдовать черезъ всю страну, съ главною заботою сохранить свою жизнь, а потому имъ приходилось скрывать отъ всѣхъ свое путешествіе и избѣгать, не только сближенія съ населеніемъ, что одно могло дать возможность изучить его бытъ, но и всякихъ даже случайныхъ встрѣчъ.—Собранныя подобными путями и при такихъ условіяхъ свѣдѣнія служили основаніемъ при рѣшеніи многихъ административныхъ и военныхъ вопросовъ лицами начальствовавшими на Кавказѣ, и только этимъ и можно объяснять всѣ промахи, сдѣланные по той и другой части, во все время веденія Кавказской войны.

Лица, рисковавшія посѣщать какое-либо изъ горскихъ племенъ, съ исключительно-научною цѣлью, должны были находиться совершенно въ положеніи офицеровъ, командированныхъ для изслѣдованія дорогъ, такъ-какъ, по понятію горцевъ, любопытство всякаго чужестранца въ основаніи должно было имѣть враждебное намѣреніе. Также какъ и офицеры, они тайкомъ пробирались отъ одного безопаснаго мѣста къ другому, довольствовались свѣдѣніями, полученными отъ проводниковъ, по большей части лазутчиковъ, и ограничивались поверхностными наблюденіями. При существовавшей нелюбви горца посвящать чужестранца въ свою домашнюю и общественную жизнь, наблюдателю приходилось довольствоваться собранными краткими, и частью невѣрными, свѣдѣніями и, сопоставляя ихъ съ собственными наблюденіями, выводить заключенія о бытѣ народа.—Основанныя на такихъ данныхъ повѣствованія, конечно, должны были грѣшить передъ истиной. Они до нѣкоторой степени удовлетворяли одной цѣли, именно—знакомили съ природнымъ богатствомъ и физическимъ характеромъ страны, но были слишкомъ далеки отъ того, чтобы служить вѣрнымъ изображеніемъ внутренняго быта населенія, его домашняго и общественнаго строя,

его характера и привычекъ. Насколько возможно было путешественнику ознакомиться съ послѣдними, можно видѣть изъ описанія характера ихъ путешествій. Довѣряясь одному, двумъ проводникамъ, они дѣлали переходы отъ одной стоянки къ другой, если не ночью, то по едва проходимымъ лѣснымъ тропинкамъ, производили отдыхи или въ какой-нибудь лѣсной трущобѣ, или въ разсѣлинахъ скалъ, или, въ крайности, въ саклѣ знакомаго или родственника проводника, причемъ эти, предувѣдомленные заранѣе, старались всѣми силами скрыть своего гостя отъ любопытныхъ взоровъ.

Точно при такихъ-же условіяхъ находились всѣ путешественники, посѣщавшіе Абхазію до 1865 года, т. е. до выѣзда владѣтеля изъ края (*). Не смотря на то, что страна эта считалась присоединенною къ Россіи съ 1810 года, до 1865 года наши отношенія къ ней ограничивались сношеніемъ администраціи съ владѣтелемъ, и всякое вмѣшательство во внутренній бытъ страны строго возбранялось въ силу Высочайшей грамоты Императора Александра I, даровавшей владѣтелямъ Абхазіи право внутренняго управленія. Основываясь на этомъ, всякое покушеніе на вмѣшательство нашей администраціи во внутреннія дѣла этой страны встрѣчало со стороны владѣтелей ея протесты и жалобы, постепенно низведшіе въ ней нашу власть на степень дѣятельности военно-полицейской. Обязанности ея сосредоточились въ поддержаніи владѣтельской власти, въ случаѣ надобности, вооруженною силою, и въ исполненіи распоряженій владѣтеля, касавшихся высылки изъ края или тюремнаго заключенія лицъ, по мнѣнію владѣтеля заслуживавшихъ этого; послѣднее исполнялось съ предупредительностью, безъ всякаго разбора даже причинъ, подававшихъ поводъ къ наложенію наказаній. Оградивъ себя отъ вмѣшательства нашей администраціи и ввѣривъ управленіе округами членамъ своей фамиліи, владѣтели значительно расширили свою власть на счетъ правъ всѣхъ сословій населенія. Полный произволъ, которымъ они при этомъ пользовались, еще болѣе заставлялъ ихъ опасаться чьего-либо посторонняго вмѣшательства въ отношенія ихъ къ населенію и потому

(*) Владѣтель выѣхалъ изъ Абхазіи въ ноябрѣ 1864 года.

они старались противодѣйствовать этому всѣми мѣрами. Населеніе Абхазіи дотого было возбуждено противу русскихъ, что слова автора «Воспоминаній кавказскаго офицера», приводимыя г. Дубровинымъ: «безпрестанно получались извѣстія о солдатахъ и казакахъ, убитыхъ изъ лѣсу невидимо кѣмъ»—подтверждались до 1865 года. Русскіе были безопасны за стѣнами своихъ укрѣпленій; неосторожно отдѣлявшагося отъ команды офицера и солдата или находили черезъ нѣсколько дней убитыми, или они исчезали безслѣдно (3). Такое замкнутое положеніе нашихъ войскъ лишало ихъ всякой возможности знакомства съ бытомъ туземцевъ, и лица управлявшія войсками, расположенными въ краѣ, имѣли самое превратное понятіе, не только о сословныхъ отношеніяхъ, домашнемъ бытѣ и правахъ абхазцевъ, но даже и о правахъ членовъ владѣтельской фамиліи.

Если свѣдѣнія о внутренней жизни абхазцевъ, собиравшіяся оффиціальнымъ путемъ, не могли быть вѣрны, то еще менѣе можно полагаться на описанія путешественниковъ, имѣвшихъ возможность посѣщать, нельзя сказать, Абхазію, а занятые нашими войсками пункты на берегу моря. Даже лица рекомендованныя исключительной заботливости владѣтеля были безопасны только въ его домѣ. Владѣтели между лицами всѣхъ сословій всегда имѣли много такихъ враговъ, которые не рѣшились-бы на открытую вражду, но которые охотно подкараулили-бы его изъ-за куста или сдѣлали-бы вредъ его приближенному, а тѣмъ болѣе иностранному гостю, находившемуся подъ покровительствомъ русскихъ. Этимъ они могли надѣяться подорвать довѣріе къ нему правительства. Дюбуа-де-Монпере, въ свое путешествіе по Абхазіи, могъ посѣтить только Гудауты, Лыхны, Келасури, Сухумъ и укрѣпленіе Бомборы, изъ которыхъ въ первыхъ трехъ пунктахъ были члены владѣтельской фамиліи и самъ владѣтель, а въ послѣднихъ двухъ—штабы рус-

(3) Житель сел. Куланурхва, амиста Гада Лакербай, спеціально занимавшійся убійствомъ русскихъ солдатъ,—по словамъ жителей, пользовался особеннымъ расположеніемъ и покровительствомъ князя Михаила Шервашидзе.

скихъ войскъ. Желанію автора «Воспоминаній Кавказскаго офицера»— познакомиться ближе съ Абхазіею—всегда противопоставлялась какая-либо опасность, не только отъ бродившихъ по краю недовольныхъ абрековъ, но даже отъ членовъ владѣтельской фамиліи, враждовавшихъ съ княземъ Михаиломъ, и потому онъ долженъ былъ ограничиться поѣздками и осмотромъ приморской дороги и посѣщеніемъ резиденціи владѣтеля, сел. Лыхны, близь-лежащаго укрѣпленія Бомборы и резиденціи Гасанъ-бея, Келасури.

Единственными лицами, кои могли-бы представить вѣрную картину быта абхазцевъ, до удаленія изъ края владѣтеля, относясь къ народу безпристрастно и отрѣшась для этого отъ взглядовъ владѣтеля и высшихъ сословій, были адъютанты кн. Михаила Шервашидзе; но изъ нихъ мы не встрѣчаемъ въ литературѣ ни одного.

Указавъ въ общихъ чертахъ, какія препятствія встрѣчали въ Абхазіи лица, желавшія изучить этотъ край и бытъ его населенія, я долженъ замѣтить, что въ послѣднее время управленія краемъ кн. Михаила Шервашидзе препятствія эти значительно увеличились. Привыкшій во все время своего властвованія къ полному невмѣшательству русской администраціи въ его дѣла, кн. Михаилъ Шервашидзе, вслѣдствіе личныхъ торговыхъ выгодъ отъ сношеній съ Турціею, окружилъ себя турками и далъ имъ полную свободу пропагандировать въ населеніи, вмѣстѣ съ ученіемъ Мухаммеда, ненависть къ русскимъ. Предубѣжденіе противъ дѣятельности русскихъ властей и противу ихъ вмѣшательства во внутреннія дѣла страны были такъ сильны у абхазцевъ, что, послѣ выѣзда кн. Шервашидзе, нужно было нѣсколько лѣтъ самаго усиленнаго и добросовѣстнаго труда со стороны администраціи, чтобы сблизиться съ народомъ и внушить къ себѣ хотя небольшое довѣріе. Насколько вскорѣ послѣ выѣзда кн. Михаила возможно было изученіе быта абхазцевъ и ихъ сословныхъ отношеній, видно изъ того, какъ были приняты населеніемъ, въ 1865 году, чиновники горскаго управленія, исключительно командированные съ этою цѣлью. Народъ отказывался давать имъ какія-бы то ни было показанія, не хотѣлъ знакомить ихъ съ своимъ домашнимъ бытомъ и съ своими матері-

альными средствами. Сборъ свѣдѣній и превратное толкованіе населенію лицами высшихъ сословій цѣли его были одною изъ причинъ, вызвавшихъ возстаніе абхазцевъ въ 1866 году.

Такимъ образомъ, изученіе домашняго быта абхазцевъ, ихъ сословныхъ правъ и ихъ соціальныхъ отношеній было почти недоступно до 1867 года, т. е. до времени окончательнаго, такъ сказать, водворенія въ краѣ русскаго управленія, утвердившагося послѣ репрессивныхъ мѣръ и послѣ нѣкоторыхъ административныхъ преобразованій, настоятельность которыхъ указало абхазское возмущеніе. Между прочимъ, именно къ періоду до 1867 года относятся почти всѣ сочиненія, касающіяся абхазцевъ, послужившія матеріаломъ, достойному полнаго уваженія, труду г. Дубровина: «Очеркъ Кавказа и народовъ его населяющихъ» (4). Болѣе поздніе и обратившіе на себя вниманіе г. Дубровина, были статьи гг. Аверкіева, Званбая и Завадскаго; поэтому мы позволяемъ себѣ сказать нѣсколько словъ о характерѣ этихъ сочиненій и объ условіяхъ, при которыхъ находились авторы, собирая опубликованныя ими свѣдѣнія.

Болѣе полныя, по количеству свѣдѣній о домашнемъ и общественномъ бытѣ абхазцевъ, замѣтки г. Аверкіева, служившаго въ рядахъ Гагринскаго, а потомъ Сухумскаго гарнизона, въ 1864 и началѣ 65 г., напечатаны имъ въ 1866 году (5). Самый періодъ знакомства г. Аверкіева съ краемъ не могъ благопріятствовать его труду. Округами въ 1864 году управляли родственники владѣтеля, не имѣвшіе никакихъ управленій или даже канцелярій и не собиравшіе никакихъ свѣдѣній. Всѣ данныя г. Аверкіевъ могъ собрать въ этомъ году отъ частныхъ лицъ, какъ сказано выше, неохотно говорившихъ истину. Въ 1865 году округами завѣдывали русскіе офицеры, но насколько они сами были знакомы съ бытомъ населенія, это видно изъ того, что когда въ 1866 году на-

(4) Говоря о трудѣ г. Дубровина, я буду имѣть въ виду одну только часть его, касающуюся племени абхазцевъ (азега), томъ I, кн. II, стр. 1—82.

(5) Съ сѣверо-восточнаго прибрежья Чернаго моря, Ив. Аверкіева. «Кавказъ» 1866 г., №№ 74—76.

чальникъ Сухумскаго отдѣла, полковникъ Коньяръ, имѣя въ виду, что для управленія народомъ необходимо знакомство со строемъ его жизни, сдѣлалъ окружнымъ начальникамъ нѣсколько запросовъ, касающихся этого предмета, то представленныя изъ четырехъ округовъ свѣдѣнія были до-того разнорѣчивы, что изъ свода ихъ можно было составить только нѣчто приблизительно-похожее на дѣйствительность. Относительно личныхъ наблюденій г. Аверкіева можно смѣло предполагать, что они были весьма ограничены (6). Для поѣздокъ по краю ему должно было служить препятствіемъ, кромѣ исполненія прямыхъ служебныхъ его обязанностей, далеко небезопасное для путешественника въ то время состояніе края. Переговоры о выѣздѣ изъ Абхазіи владѣтеля начались еще въ апрѣлѣ мѣсяцѣ 1864 года; абхазцы знали о нихъ и не скрывали своего нерасположенія къ русскимъ, а бродившія въ горахъ шайки изъ оставшихся отъ переселенія убыховъ, псхувцевъ и ахчипсхувцевъ давали возможность недовольнымъ, пристроиваясь къ нимъ, удовлетворять своей жаждѣ мщенія. Чтобы понять настроеніе абхазцевъ того времени, достаточно только указать, что до 1867 года окружныя управленія охранялись сотнями казаковъ.

За г. Аверкіевымъ слѣдуетъ полковникъ Званбай, природный абхазецъ, убитый въ прошлую турецкую войну (7). Какъ коренной житель Абхазіи, онъ могъ-бы дать самыя точныя свѣдѣнія о сво-

---

(6) Приходимъ къ этому убѣжденію по ошибкамъ, встрѣчающимся у г. Аверкіева. Такъ, напр., онъ говоритъ объ урочищѣ Бабрипшъ, лежащемъ на р. Мчишъ, въ которомъ происходитъ оригинальный способъ паханья: во-первыхъ, урочища такого названія не было и нѣтъ въ Абхазіи (есть Гагрипшъ, прилегающее къ укр. Гагры и населенное Джигетами), а во-вторыхъ, указываемый имъ способъ обработки земли не замѣняетъ паханья, а служитъ для перемѣшиванія золы выжженнаго папоротника, послѣ какового процесса земля перепахивается обыкновеннымъ порядкомъ абхазской сохою.

(7) Въ послѣдній разъ записки Званбая, касающіяся абхазской мифологіи, были напечатаны въ 1861 году, полковникомъ Завадскимъ, у котораго сохранилась его рукопись («Кавказъ», 1867 г., № № 59, 60, 61 и 63).

ихъ соплеменникахъ, но, къ сожалѣнію, все что онъ успѣлъ написать относится только къ религіозному состоянію и повѣрьямъ абхазцевъ, отдѣлу въ сочиненіи г. Дубровина самому полному и вѣрному. Не смотря однако на правдивость свѣдѣній, доставленныхъ Званбаемъ о религіи абхазцевъ, мы не думаемъ, чтобы онъ былъ такъ-же правдивъ въ вопросѣ, касающемся сословныхъ правъ жителей—самой слабой струны всѣхъ лицъ привиллегированныхъ сословій, къ числу которыхъ принадлежалъ г. Званбай. Подражая владѣтелю, старавшемуся игнорировать въ нѣкоторыхъ случаяхъ права тавадовъ и амиста, послѣдніе тоже самое старались дѣлать относительно правъ всѣхъ ниже ихъ стоявшихъ сословій. Что на этомъ пути г. Званбай уклонился-бы отъ истины, заставляетъ насъ предполагать то незначительное, по-видимому, уклоненіе отъ правды, которое встрѣчаемъ у него при описаніи особеннаго уваженія подвластныхъ къ своимъ владѣльцамъ, заставляющаго ихъ во всѣхъ молитвахъ призывать благословеніе Божіе на помѣщика и на его семейство. Обычай этотъ, во время существованія крѣпостнаго права, былъ чрезвычайно распространенъ въ Мингреліи, но не думаемъ, чтобы и тамъ онъ былъ результатомъ чистаго сердечнаго побужденія, а смотримъ на него, какъ на доказательство угнетенности положенія низшихъ классовъ. Можно думать, что распространеніе этого обычая въ Мингреліи относится ко времени начала возведенія въ санъ священниковъ лицъ изъ низшихъ сословій, не смотря на носимый ими санъ, продолжавшихъ находиться въ крѣпостной зависимости отъ своихъ владѣльцевъ (8). Униженіе подобныхъ священниковъ доходило до того, что, приходя, даже по обязанностямъ духовника, въ домъ тавада или амиста, они цѣловали полу его

(8) Какъ доказательство, въ какомъ униженіи духовенство было въ Абхазіи при кн. Михаилѣ Шервашидзе, жители приводятъ слѣдующій случай. Однажды заболѣла жена владѣтеля и по совѣту медика ей надо было поставить промывательное; кн. Михаилъ не хотѣлъ допустить, чтобы это было сдѣлано кѣмъ-либо изъ мужчинъ, а такъ какъ женская прислуга не знала, какъ взяться за дѣло, то владѣтель приказалъ продѣлать всю операцію надъ случившимся въ это время у него священникомъ, чему послѣдній безпрекословно повиновался.

чохи. Абхазцы дѣйствительно въ концѣ молитвъ упоминали фамилію Шервашидзе, какъ владѣтеля, и фамилію Анчабадзе, по преданію нѣкогда управлявшую Абхазіею, но никогда не упоминали ни одной изъ остальныхъ фамилій тавадовъ и амиста (9).

Затѣмъ слѣдуютъ замѣтки г. Завадскаго, бывшаго въ тридцатыхъ годахъ строевымъ офицеромъ и потомъ исправлявшаго должность правителя канцеляріи начальника отдѣленія Черноморской береговой линіи, — собранныя имъ тогда свѣдѣнія онъ напечаталъ въ 1867 году. Время знакомства г. Завадскаго съ Абхазіею совпадало съ временемъ управленія краемъ кн. Михаила Шервашидзе и вмѣстѣ съ тѣмъ съ временемъ проявленія имъ самаго полнаго произвола. Въ этотъ періодъ всѣ обычныя сословныя отношенія были нарушены, и ссылаться на узаконенныя народнымъ обычаемъ права могли только два, три человѣка тавадовъ или амиста, выдававшихся изъ среды и, такъ сказать, завоевавшихъ себѣ исключительное положеніе, или особеннымъ вниманіемъ къ нимъ правительства, или, еще болѣе, родственными и дружественными связями съ сосѣдними горскими племенами. Владѣтель, сильный поддержкою русскихъ войскъ, не признавалъ правъ и преимуществъ высшихъ сословій, а эти старались дѣлать тоже самое относительно ниже ихъ стоящихъ сословій. Если основываться на явленіяхъ, происходившихъ во время управленія Абхазіею кн. Михаила Шервашидзе, то придется составить самое ложное понятіе о правахъ владѣтеля и нѣкоторыхъ его приближенныхъ и о безправности и беззащитности остальнаго населенія. Какою гарантіею въ это время были узаконенныя обычаемъ отношенія можно судить по тому, что владѣтель продавалъ лицъ привиллегированныхъ фамилій въ рабство (10), ссылалъ ихъ

---

(9) Какими чувствами дарили вообще зависимые своихъ владѣльцевъ, видно изъ молитвы, читаемой при свадебномъ обрядѣ, приводимой г. Дубровинымъ на 48 стр. Подъ словами «*всѣхъ-тѣхъ*, которые лишаютъ насъ собственности и нарушаютъ у насъ тишину и спокойствіе» — подразумѣваются именно владѣльцы.

(10) Какъ напр., онъ поступилъ съ амиста Лакеромъ, жителемъ сел. Куланурхва.

безъ всякаго суда, въ Сибирь и отобранное у нихъ имѣніе отдавалъ своимъ родственникамъ (11), или, облагая ихъ непомѣрнымъ штрафомъ, взамѣнъ его бралъ все имѣніе виновнаго себѣ. Тавады и амиста ни разу не проявили своего протеста противу произвола владѣтеля, а старались только, пользуясь имъ, расширять свои права на счетъ правъ анхае и ахуйю. Но здѣсь они встрѣчали болѣе единодушія, нежели въ своей средѣ, и иногда коллективный протестъ нѣсколькихъ многочисленныхъ фамилій зависимыхъ сословій заставлялъ ихъ отказываться отъ своихъ попытокъ (12). Къ этому времени управленія кн. Михаила относится возвышеніе сословія шинагмъ, которые изъ простой прислуги владѣтеля дѣлались часто его ближайшими совѣтниками и исполнителями его приказаній. Занявъ это положеніе, они вступали въ родственныя связи съ тавадами и амиста. Но что подобныя связи считались нарушеніемъ правъ высшихъ сословій (13) и что сословная гордость послѣднихъ оскорблялась ими, доказательствомъ этому можетъ служить то, что большая часть подобныхъ браковъ заключалась по настоянію и при посредствѣ владѣтеля, что въ родство съ шинагмами вступали разоренныя, притѣсняемыя своими родственниками боковыя линіи родовъ высшихъ сословій, надѣявшіяся при помощи новыхъ родствен-

---

(11) Какъ, напр., было поступлено съ тавадомъ Таго Анчабадзе, подвластные и имущество котораго были отданы княгинѣ Кесаріи Шервашидзе, или съ тавадомъ Эмухвари, подвластные котораго были отданы амиста Кацо Маргани.

(12) Замѣчательно, какимъ образомъ выражался этотъ протестъ: напримѣръ, жители сел. Эмха, узнавъ, что владѣтель, безъ ихъ вѣдома, передалъ повинности ихъ Кацо Маргани, послали анхае Эбжиноу къ джигетамъ просить у нихъ пріюта и вслѣдъ за этимъ все населеніе направилось за р. Бзыбь. Уговоренные стариками, посланными владѣтелемъ, они возвратились на прежнее мѣсто своего жительства, но только тогда, когда Кацо Маргани, въ присутствіи тѣхъ-же стариковъ, далъ обѣщаніе, что права жителей ни въ чемъ не будутъ нарушены, и въ этомъ обязательствѣ заставилъ присягнуть сына своего на горѣ Дудрипшѣ, въ присутствіи почетныхъ жителей сел. Эмха.

(13) Очеркъ Кавказа и народовъ его населяющихъ, кн. II, томъ I, стр. 67.

никовъ улучшить свое положеніе, и что всѣ подобные браки считались и считаются до настоящаго времени неровными, и линіи тавадовъ и амиста, вступившія въ связи съ шипагмами, считаются уронившими свое достоинство.

При такомъ искаженіи всѣхъ отношеній между сословіями г. Завадскій знакомился съ Абхазіею, и на сколько вѣрны собранныя имъ свѣдѣнія можно видѣть изъ составленнаго имъ списка владѣтельскихъ имѣній, въ который включены цѣлыя селенія, такія, въ которыхъ владѣтелю были подвластны всего два, три дыма. Винить въ этихъ ошибкахъ г. Завадскаго, равно какъ и другихъ, писавшихъ объ Абхазіи до 1867 года, нельзя. Тамъ, гдѣ царствуетъ произволъ управителя и тѣмъ поощряется произволъ другихъ, опредѣлить право каждаго сословія довольно трудно, а при отсутствіи условій, позволяющихъ сблизиться съ народомъ и провѣрить показанія высшихъ слоевъ показаніями низшихъ,—невозможно. Одинъ упрекъ, который можно сдѣлать всѣмъ писавшимъ объ Абхазіи—это тотъ, что они не объясняли, при какихъ условіяхъ и какимъ путемъ добывались ими свѣдѣнія; подобное предупрежденіе могло-бы служить указаніемъ, съ какимъ довѣріемъ можно къ нимъ относиться. Какъ сказано выше, перечитывая сочиненіе г. Дубровина, невольно приходится пожалѣть, что онъ не могъ воспользоваться трудами, основанными на тщательномъ изученіи племенъ кавказскихъ горцевъ. Относительно Абхазіи подобный трудъ появился въ 1869 году, въ формѣ пояснительной записки къ проекту положенія, составленному Сухумскою сословно-поземельной коммисіею (14). Самыя основанія, послужившія для выводовъ коммисіи (опросы около 5/т. жителей Абхазіи и Самурзакани изъ всѣхъ сословій, на-

(14) Насъ удивило, что въ сочиненіи г. Дубровина мы не встрѣчаемъ ссылки даже на краткую выдержку изъ этой записки, помѣщенную въ III выпускѣ «Сборника свѣд. о кавказск. горцахъ», хотя г. Дубровинъ пользовался ею въ нѣкоторыхъ случаяхъ и даже сдѣлалъ изъ нея значительныя выписки.—Замѣтимъ кстати, что хотя эта часть записки была помѣщена въ «Сборникѣ», какъ извлеченіе изъ трудовъ Коммисіи, но собственно вся пояснительная записка составляетъ трудъ предсѣдателя коммисіи, полковника П. Краевича.

чиная отъ тавадовъ и оканчивая ахашаломъ), даютъ право относиться къ нимъ съ полнымъ довѣріемъ. Порядокъ образованія отношеній сословій населенія Сухумскаго отдѣла, сущность самыхъ отношеній, проистекающія изъ нихъ права каждаго сословія, изложенныя въ упомянутой пояснительной запискѣ, послужили-бы г. Дубровину путеводною нитью для выхода изъ лабиринта противорѣчій, встрѣчаемыхъ въ трудахъ авторовъ, пытавшихся до 1867 года познакомиться и познакомить другихъ съ Абхазіею.

Такъ-какъ цѣль настоящей статьи возстановить невѣрности, вкравшіяся въ отдѣлъ сочиненія г. Дубровина, касающійся жизни абхазцевъ, то я позволяю себѣ всѣ указанія основывать на выводахъ, сдѣланныхъ упомянутою коммисіею. Выводы эти весьма рѣзко противорѣчатъ въ самомъ существѣ своемъ тѣмъ, которые выноситъ читатель изъ чтенія путешествій и замѣтокъ объ Абхазіи, а потому и съ выводами, сдѣланными г. Дубровинымъ.

Приступая къ описанію Абхазіи, г. Дубровинъ дѣлитъ ее на три части: собственно Абхазію, Цебельду и Самурзакань, говоря, что послѣдняя заселена переселенцами, разновременно переходившими [15] въ нее на жительство изъ Абхазіи, Имеретіи, Гуріи и Мингреліи, почему въ западной части ея преобладаетъ абхазскій элементъ, а въ восточной мингрельскій, что замѣтно и въ языкѣ: въ западной части — абхазскомъ, а въ восточной — въ особомъ нарѣчіи мингрельскаго.

Надо думать, что особенность самурзаканскаго нарѣчія и была причиною, почему населеніе Самурзакани считали какою-то смѣсью абхазцевъ, мингрельцевъ, гурійцевъ и имеретинъ. Ошибочность подобнаго основанія, къ счастію, опровергается тождественнымъ явленіемъ въ самой-же Абхазіи, на противоположномъ ея концѣ: всѣ селенія, прилегающія къ р. Бзыби, служившей границею между Абхазіею и Джигетіею, говорятъ испорченнымъ абхазскимъ

([15]) Это пишетъ г. Дубровинъ на 2 стр. II части I тома; на стр. же 60-й I части того-же тома, онъ населеніе Самурзакани считаетъ принадлежащимъ къ абхазскому племени, говоря: «пространство между рр. Хамышъ и Ингуромъ населено абхазскимъ племенемъ».

языкомъ, въ которомъ чрезвычайно много встрѣчается словъ убыхскаго и джигетскаго языковъ. Итакъ, причиною подобнаго явленія можетъ быть иногда чисто внѣшнее столкновеніе. Относительно происхожденія самурзаканскаго нарѣчія нельзя отвергать, что начало его лежитъ гораздо глубже, именно въ смѣшеніи двухъ племенъ, но только въ смѣшеніи, произшедшемъ около двухсотъ лѣтъ тому назадъ, въ силу сложившихся обстоятельствъ, одновременно, а никакъ не разновременно. Продолжительная покровительственная роль Мингреліи надъ Самурзаканью, конечно, не могла не оказать вліянія не только на языкъ, но, и отчасти, на образъ жизни и даже на характеръ самурзаканцевъ; но это вліяніе было незначительно, сравнительно съ тѣмъ, которое преобразовало языкъ и характеръ отношеній населенія этой страны. Послѣдующее вселеніе въ страну мингрельцевъ, имеретинъ и гурійцевъ, если оно и происходило, то происходило въ самыхъ ограниченныхъ размѣрахъ, причемъ переселенцы терялись въ массѣ населенія, не оставляя на ней никакого слѣда. Причинъ, создавшихъ настоящій строй жизни самурзаканцевъ и ихъ языкъ, я коснусь ниже, при изложеніи краткаго очерка исторіи Самурзакани за послѣдніе два вѣка; теперь-же, на основаніи числовыхъ данныхъ, постараюсь показать невозможность вліянія, происходившаго отъ постепеннаго вселенія въ страну иноземцевъ.

Все народонаселеніе Самурзакани числится въ 23,380 душъ (обоего пола), состоящихъ въ 4,479 дымахъ, изъ числа ихъ переселенцевъ изъ Мингреліи 373 дыма и изъ нихъ 184 дыма перешли въ Самурзакань послѣ 1866 года, т. е. послѣ рѣшенія поземельнаго вопроса въ Мингреліи. Поэтому, всѣ переселенцы изъ Мингреліи, Гуріи и Имеретіи (послѣднихъ самое незначительное число и не превышаетъ нѣсколькихъ десятковъ дымовъ) принадлежатъ къ бывшимъ зависимымъ сословіямъ, искавшимъ себѣ мѣста для поселенія и нашедшимъ его, благодаря обычаю гостепріимства, въ Самурзакани. Все-же первенствующее населеніе Самурзакани, т. е. роды привиллегированныхъ сословій, родственно съ родами, живу-

щими въ остальной Абхазіи, и эта родственность довольно свѣжа еще въ памяти народной (16).

Къ восточной границѣ Самурзакани прилегаютъ селенія: Речхи, Саберіа, Дихазурги, Чубурхинджи, Тагелони, Набакеви и Отобая, первенствующія фамиліи которыхъ—Ипали-швили, Шервашидзе, Марганіи, Акиртава и Анчабадзе—родственны абхазскимъ тавадамъ и амиста, носящимъ тѣже фамиліи. Если отъ привиллегированныхъ фамилій перейти къ піошамъ, составляющимъ главную массу населенія, то и здѣсь тоже самое явленіе: исключительное большинство ихъ носятъ тѣже самыя фамиліи, какія носятъ анхае, подвластные родственникамъ ихъ владѣльцевъ въ остальной части Абхазіи, съ тою только разницею, что живущіе въ Самурзакани прибавили къ своимъ фамиліямъ окончанія *ія*: такъ, Зухба, Коцба и Тарба, подвластные Марганіевъ Пицундскаго округа, Зухбаія, Коцбаія и Тарбаія—Самурзаканскихъ Марганіевъ; Ахба—Ачендарскихъ Анчабадзе, Ахбаія—Тагелонскихъ; Кылба—Ацинскихъ Акиртаа, Килбаія—Чубурхиндскихъ и т. п. Фамиліи-же піошей, не встрѣчающіяся въ остальной Абхазіи, признаютъ себя коренными жителями Самурзакани и нѣкоторые изъ нихъ насчитываютъ десять, двѣнадцать предковъ, жившихъ въ этомъ краѣ, такъ что подобныхъ жителей, если даже предки ихъ во время оно и дѣйствительно вышли изъ Мингреліи, мы никакъ не можемъ считать мингрельцами.

Родственная связь самурзаканскаго населенія съ абхазскимъ начинаетъ исчезать въ сословіи дельмахоре, въ которомъ многія

---

(16) Въ этомъ отношеніи составляетъ исключеніе фамилія тавадовъ Чхотуа, считающихъ своимъ родоначальникомъ какого-то манаха Беро, пришедшаго проповѣдывать слово Божіе въ Самурзакань и поселившагося вблизи основаннаго имъ монастыря (на горѣ Нацимери). Дѣйствительно, фамилія тавадовъ Чхотуа поселена на берегу Ингура, съ сел. Саберіи, лежащемъ вблизи горы, на которой видны еще развалины. Другая фамилія самурзаканскихъ тавадовъ, Соте-швили, хотя и носитъ это названіе, но происходитъ отъ тавадовъ абхазскихъ—Чабалурхва, изъ которыхъ одинъ, по имени Сотъ, поселился въ Самурзакани. Тавадовъ и жноскуа, носящихъ фамиліи, одинаковыя съ тавадами и азнаурами Мингреліи, въ Самурзакани нѣтъ.

фамиліи чисто мингрельскаго происхожденія. Причина этому—существовавшая въ Мингреліи въ значительныхъ размѣрахъ продажа крестьянскихъ семействъ по-одиночкѣ, тогда-какъ въ Абхазіи подобная продажа строго запрещалась обычаемъ. Принадлежность въ Абхазіи и Самурзакани значительнаго числа лицъ изъ сословія ахуйю къ кореннымъ жителямъ Мингреліи дала поводъ сословію этому дать, кромѣ коренпаго абхазскаго названія ахуйю, другое, именно *агируа'*, что въ переводѣ значитъ мингрелецъ (17).

Но мы думаемъ, что такому ограниченному числу, вселившихся въ страну, лицъ мингрельскаго происхожденія никакъ нельзя приписать вліяніе на языкъ самурзаканцевъ. Въ противномъ случаѣ придется удивляться, почему подобнаго вліянія не обнаружилось въ другихъ частяхъ Абхазіи, гдѣ въ каждомъ участкѣ ахуйю изъ мингрельцевъ разсыпаны почти въ такомъ-же числѣ, какъ и въ Самурзакани.

Поэтому, населеніе Самурзакани никакъ нельзя считать смѣсью абхазцевъ, гурійцевъ, имеретинъ и мингрельцевъ; оно абхазское и мы согласны дать вѣру тому порядку заселенія этой страны предками настоящихъ ея обитателей, который сохранился въ памяти народной.

По преданію народа, около двухъ-сотъ лѣтъ тому назадъ, все пародонаселеніе, жившее на плоскости между Ингуромъ и Гализгой (Егури и Егризи Вахушта), было страшно разоряемо войнами, происходившими между имеретинскимъ царемъ и одишскими Дадіанами, всегда въ минуту опасности переходившими за р. Ингуръ. Вслѣдствіе этого часть населенія бѣжала въ Абхазію, благодаря своему отдаленному положенію жившую покойно, часть въ Мингрелію, а остальные сгруппировались въ отдаленныхъ и неприступныхъ ущельяхъ горъ. Только предки жителей настоящаго селенія Бедія, считавшіе своею защитою древній храмъ, рѣшились остаться на мѣстѣ. Въ такомъ запустѣломъ положеніи страна оставалась до поселенія въ ней Куапа Шервашидзе.

---

(17) Числительность сословія этого въ Самурзакани простирается до 430 дымовъ.

Когда Джигешія Шервашидзе, видя невозможность одному управлять Абхазіею, назначилъ въ настоящую Самурзакань ([18]) брата своего Куапа, а на пространство между рр. Псыртою и Бзыбью младшаго брата Кана, то Куапъ, отправляясь въ опустѣвшую страну и не расчитывая на поддержку незначительнаго мѣстнаго населенія, составилъ дружину изъ охотниковъ, тавадовъ и амиста, которые, по народному обычаю, послѣдовали за нимъ вмѣстѣ съ частью своихъ подвластныхъ. Дружинѣ понравились новыя мѣста и она не замедлила, разсѣявшись по странѣ, перетащить туда и свои семейства ([19]). Малочисленное остававшееся на мѣстѣ населеніе признало охотно покровительство пришельцевъ, такъ-какъ надѣялось найти въ нихъ своихъ защитниковъ. Но имеретинскіе цари и Дадіаны не хотѣли безъ боя уступить страну, находившуюся долгое время подъ ихъ покровительствомъ, а потому новые поселенцы должны были много вытерпѣть отъ ихъ нападеній, прежде чѣмъ Мурзаканъ Шервашидзе, сынъ Куапа, не разбилъ, въ началѣ прошлаго столѣтія, имеретинскаго царя ([20]). Оградивъ себя съ этой стороны,

([18]) На принадлежность настоящей Самурзакани въ древности къ Абхазіи, есть указаніе Вахушта; онъ говоритъ: «Леонъ, царь Абхазіи, сдѣлалъ слѣдующее раздѣленіе: одинъ эристовъ управлялъ въ Цхомѣ, другой въ Бедіи и третій въ Абхазіи». Descript. géograph. de la Géorgie, p. 401.

([19]) Судя по легкости, съ какою до настоящаго времени абхазцы переходили съ мѣста на мѣсто, подобное переселеніе весьма возможно.

([20]) Въ исторіи Грузіи, подъ 1709 годомъ, дѣйствительно упоминается о походѣ царя Георгія VI, сына Александра IV, въ Одишь, но не говорится о битвѣ. Тамъ сказано: «Шервашидзе встрѣтилъ ихъ (царя Георгія IV, Кація и Бежана, сыновей Липаритіана) на своей землѣ и царь, условившись съ нимъ, поставилъ въ званіи дадіана Кація и возвратился въ Имеретію» (Brosset. Hist. moderne de la Géorgie, t. II, part. I, pag. 305).

Въ географіи Вахушта, оконченной не позже 1745 года, границею Абхазіи, того времени, со стороны Мингреліи показана р. Эгризи (настоящая Гализга). Но свѣдѣнія Вахуштомъ были собраны, вѣроятно, до выѣзда его въ Россію, т. е. до 1723 года, слѣдовательно въ то время, когда, по преданію, только что произошли въ Абхазіи сказанныя перемѣны. Интересно было-бы знать, къ какому времени относится положеніе Абха-

Кр.
Р. 193 390

Мурзаканъ, пользуясь слабостью и зависимостью отъ Турціи Левана, внука Джигешіи, который, какъ происходящій отъ старшей линіи, считался владѣтелемъ всей Абхазіи, отложился отъ него ([21]) и назвалъ управляемую имъ часть Абхазіи Самурзаканью ([22]).

При наслѣдникахъ Мурзакана самостоятельность Самурзакани пошатнулась и мингрельскіе Дадіаны, пользуясь родствомъ съ этою линіею Шервашидзевыхъ и слабостью послѣдовавшихъ за Мурзаканомъ владѣтелей: Хутуніи, Соломона и Левана, простерли на страну свое вліяніе, прекратившееся на время въ концѣ прошлаго столѣтія, съ принятіемъ владѣтельскихъ правъ всей Абхазіи Келишъ-беемъ. Келишъ-бей, съ цѣлью заставить Дадіановъ отказаться отъ своего вмѣшательства въ дѣла Самурзакани, двинулся на Зугдиди, гдѣ Григорій и Манучаръ Дадіани, не ожидавшіе его нападенія, заключили съ Келишъ-беемъ миръ, по которому отказались отъ притязаній своихъ на Самурзаканъ. Взявъ въ обезпеченіе мира сыновей Дадіановъ и назначивъ управлять Самурзаканью сына своего Махмедъ-бея, Келишъ-бей далъ ему въ пожизненное пользованіе доходы съ окрестныхъ жителей Анакліи, занятой турецкимъ гарнизономъ, и возвратился въ Сухумъ. Дадіаны прибѣгли подъ покровительство Россіи и, принеся ей подданство, начали склонять къ тому-же родственника своего Манучара Шервашидзе, управлявшаго Самурзаканью послѣ смерти Махмедъ-бея и занятія русскими войсками Анакліи. Ошибочное занятіе Анакліи, считавшейся принадлежащею Турціи и ввѣренной послѣднею охраненію Келишъ-бея, дало

зіи въ границахъ между р. Егури (Ингуръ) и Капетисъ-Цкали (Бзыбь), показанное на картѣ Вахушта, упоминаемой въ предисловіи г. Броссе къ изд. географіи Вахушта, подъ № 21.

([21]) Что Самурзаканъ составляла въ это время часть Абхазіи, это, между прочимъ, видно изъ названія, сохранившагося за слѣдующимъ отдѣломъ Абхазіи, лежащимъ между рр. Гализгой и Кодоромъ, *Абживи*, что по-абхазски значитъ «средній».

([22]) Въ переводѣ значитъ часть, подчиняющаяся Мурзакану. И въ настоящее время, селенія, въ которыхъ живутъ подвластные Шервашидзе, называются Са-Шарашіа, подвластные Анчабадзевымъ—Са-Анчабадзе и т. п., по имени первенствующей тавадской или аристократической фамиліи.

возможность вступить въ переговоры съ послѣднимъ. Келишъ-бей, заявляя желаніе принять подданство Россіи, между другими условіями, выговаривалъ возвращеніе ему отнятыхъ Дадіаномъ селеній, принадлежащихъ Самурзакани и неправильно приписываемыхъ къ Мингреліи. Подобная просьба можетъ служить доказательствомъ того, что Келишъ-бей считалъ Самурзакань принадлежащею къ Абхазіи ([23]). Манучаръ Шервашидзе, въ это время, независимо отъ Келишъ-бея, началъ дѣйствовать въ духѣ присоединенія Самурзакани къ Россіи и сношенія по этому поводу съ кн. Циціановымъ велъ черезъ родственниковъ своей жены, Дадіановъ. По присоединеніи къ Россіи Самурзакани, Манучаръ не долго управлялъ ею и умеръ въ 1813 году, оставивъ двухъ малолѣтнихъ сыновей, надъ которыми принялъ опеку тесть его, Дадіанъ. Пользуясь правомъ опекуна, Дадіанъ управлялъ не только имѣніями Александра и Дмитрія Шервашидзе, но, именемъ ихъ, и всею Самурзаканью, чему не противился сынъ Келишъ-бея, Сеферъ-бей Шервашидзе, принявшій также при посредствѣ Дадіана подданство Россіи и признанный послѣднею въ званіи владѣтеля Абхазіи. Такое послабленіе и, почти добровольный, отказъ Сеферъ-бея отъ наслѣдственнаго права владѣтеля Абхазіи на Самурзакань, объясняется непрочностью его собственнаго положенія. Будучи незаконнымъ сыномъ Келишъ-бея и получивъ званіе владѣтеля Абхазіи помимо прямаго наслѣдника, при поддержкѣ не только ходатайствомъ, но и вооруженною помощію своего родственника Дадіана, онъ, въ виду притязаній Асланъ-бея и Гасанъ-бея, заботился только о сохраненіи своихъ правъ въ Абхазіи, предоставивъ Дадіанамъ распоряжаться Самурзаканью. Въ концѣ своего управленія, Сеферъ-бей сдѣлалъ, однако, слабую попытку присоединить Самурзакань и съ этою цѣлью перенесъ резиденцію свою на границу Абжиевскаго округа и Самурзакани, но вліяніе Дадіановъ было такъ сильно, что онъ ничего не успѣлъ сдѣлать. Въ 1828 году, стар-

([23]) Справедливость этого подтверждается историческимъ документомъ. Черезъ поручика Ампраджибова, посланнаго къ Келишъ-бею для веденія переговоровъ о принятіи имъ подданства Россіи, Келишъ-бей просилъ о секвестрованіи селеній, прилегающихъ къ р. Ингуру, отнятыхъ Дадіаномъ. (Акты Археографической коммисіи, т. III, стр. 193).

шій сынъ Манучара Шервашидзе, Александръ, былъ сосланъ, а въ 1831 году убитъ Таргеломъ Дадіаномъ и младшій сынъ Манучара, Дмитрій, почему владѣтель Мингреліи поспѣшилъ предъявить права свои на имѣніе Манучара Шервашидзе. Объяснивъ, что Манучаръ, хотя и былъ владѣтель, но что онъ подчинялся Мингреліи и что подъ словомъ наслѣдство Манучара надо понимать всю Самурзакань, Дадіанъ успѣлъ въ томъ, что Самурзакань была присоединена къ Мингреліи. Бывшій въ это время владѣтелемъ Абхазіи, кн. Михаилъ протестовалъ противу подобной несправедливости и результатомъ его настояній было то, что въ Самурзакани учредили особое приставство. Однако Дадіаны успѣли впослѣдствіи отнять отъ Самурзакани нѣсколько селеній, отдѣленныхъ къ Мингреліи р. Нигуромъ, перемѣнившимъ въ началѣ настоящаго столѣтія свое теченіе. Селенія эти были признаны родовымъ имѣніемъ Манучара.

Я изложилъ здѣсь кратко исторію Самурзакани для того, чтобы показать ошибочность мнѣнія, будто Самурзакань, по племенному происхожденію ея населенія и по строю сложившейся въ ней жизни, считалась частью Мингреліи, мнѣнія, въ силу котораго ставятся еще и нынѣ большія затрудненія къ правильному разрѣшенію этого вопроса.

Допуская полную тождественность отношеній и образа жизни прежнихъ жителей Самурзакани съ жизнію и отношеніями мингрельцевъ, можно-ли допустить, чтобы завоеватели, абхазцы, подчинивъ себѣ страну и внеся новый и значительный элементъ населенія, не измѣнили этихъ отношеній, сообразно выработаннымъ въ собственномъ своемъ отечествѣ? Это тѣмъ болѣе должно было случиться, что сословныя отношенія абхазцевъ значительно мягче существовавшихъ въ Мингреліи и потому завоеванные видѣли, въ замѣнѣ ихъ новыми, облегченіе для себя. Въ свою очередь завоеватели не остались также безъ вліянія на нихъ туземнаго населенія, и это вліяніе выразилось въ измѣненіи языка, образовавшаго особое нарѣчіе абхазскаго, называемое самурзаканскимъ, и частью въ нѣкоторыхъ религіозныхъ обрядахъ. Но прошедшая двухсотъ-лѣтняя давность не даетъ намъ права считать теперь потомковъ оставшагося въ Самурзакани населенія мингрельскимъ; оно, подъ вліяніемъ абхаз-

цевъ, совершенно измѣнилось и все различіе его отъ послѣднихъ осталось только въ носимыхъ ими фамиліяхъ.

Другая цѣль моего разсказа о прошломъ Самурзакани—это указать ошибочность предположенія г. Дубровина, что Самурзакань не входила въ составъ Абхазіи и наравнѣ съ цебельдинцами, джигетами и медовѣевцами составляла отдѣльную аристократическую республику (24). Положимъ, въ основаніе представленнаго мною историческаго очерка Самурзакани легло сохранившееся въ народѣ преданіе, но я думаю, что ему можно дать вѣру. Всѣ событія, происходившія за полтораста—двѣсти лѣтъ тому назадъ, еще довольно вѣрно сохраняются въ преданіи, въ особенности въ народѣ, котораго вся исторія находится въ этомъ хранилищѣ; но если при этомъ многія событія, упоминаемыя преданіемъ, подтверждаются еще историческими документами и если настоящая соціальная жизнь самурзаканцевъ и абхазцевъ говоритъ въ пользу основной идеи преданія, то, мнѣ кажется, исторія не имѣетъ права пренебрегать имъ. Всѣ событія въ Самурзакани и самая послѣдовательность ихъ почерпнута мною изъ устнаго преданія (25) и только провѣрены случившимися подъ рукою историческими сочиненіями. Но, сопоставляя ихъ съ настоящимъ положеніемъ Абхазіи и Самурзакани, они дотого кажутся вѣроятными, что я безъ опасенія основываю на нихъ опроверженіе предположенія, составленнаго о Самурзакани г. Дубровинымъ.

Послѣдующее вліяніе Мингреліи, конечно, должно было отразиться на жизни и общественныхъ отношеніяхъ самурзаканцевъ, но оно не могло совершенно уничтожить духъ прежнихъ, выработанныхъ жизнію, отношеній. Послѣдовательная зависимость сословій, но зависимость не рабская, а служащая всегда основой семейнаго быта, зависимость, зиждущаяся на уваженіи старшихъ лицъ, принявшихъ на себя заботу объ общемъ благѣ, и явившаяся

(24) Томъ I, часть II, стр. 60.

(25) Исключеніе въ этомъ случаѣ относится до послѣднихъ притязаній мингрельскихъ Дадіановъ на Самурзакань и на селенія при р. Ингурѣ, что взято мною изъ дѣлъ бывшаго Самурзаканскаго приставства.

сознательно, вслѣдствіе необходимости составленія прочнаго союза, для обезпеченія себя отъ внутреннихъ и внѣшнихъ враговъ,—такая зависимость лежала въ основѣ всѣхъ отношеній самурзаканцевъ и абхазцевъ. Если назвать эти страны республиками, то никакъ не въ смыслѣ аристократическихъ, а въ болѣе обширномъ смыслѣ. Основнымъ элементомъ силы и единства этихъ обществъ было не высшее сословіе, а масса извѣстной части населенія, отъ которой зависѣло значеніе, сила, а вслѣдствіе того и положеніе въ обществѣ привиллегированной фамиліи. Самое значительное по числу сословіе анхае (піошъ) играло важную роль во всей общественной жизни абхазцевъ. Будучи совершенно свободными ([25]) и полными собственниками обработанныхъ ими земель, они составляли значеніе высшихъ фамилій, къ которымъ пристраивались. Тавадъ или амиста былъ вліятеленъ до-тѣхъ-поръ, пока способенъ былъ выполнять свое значеніе—быть главою союза: какъ только онъ дѣлался неспособнымъ для этой роли, его оставлялъ народъ и онъ оканчивалъ свою жизнь частнымъ собственникомъ, съ двумя-тремя дымами анхае, оставшимися ему преданными, по-большей-части вслѣдствіе родственныхъ (конечно не кровныхъ, а по воспитанію или обычаю) отношеній.

Если-бы общественное значеніе тавадовъ и амиста было такъ велико, какъ предполагаетъ г. Дубровинъ, то многія линіи первенствующихъ фамилій не пали-бы совершенно и, взамѣнъ ихъ, не возвысились-бы фамиліи мало-извѣстныя и вовсе непринадлежавшія къ привиллегированнымъ классамъ.

Въ селеніи Отхара (Пицундскаго округа) проживаютъ Тоулахъ-ипа ([27]) Шервашидзе, потомки Капа Шервашидзе, управлявшаго,

([26]) Образцами строя жизни обществъ Абхазскаго племени нужно считать джигетовъ, псхувцевъ и ахчипсхувцевъ. Эти общества, состоя въ послѣднее время внѣ всякаго чужестраннаго вліянія, сохранили свой прежній строй, тогда-какъ въ Абхазіи и Самурзаканѣ, благодаря вліянію Турціи и Мингреліи, права средняго сословія (анхае) потерпѣли нѣкоторое ограниченіе. У джигетовъ, псхувцевъ и ахчипсхувцевъ анхае не отбывали никакой повинности.

([27]) Въ переводѣ: «сынъ Тоулаха», но это не означаетъ, что онъ родной сынъ Тоулаха. Въ Абхазіи и Самурзаканѣ всѣ члены исходящей линіи отъ какого-нибудь замѣчательнаго предка прибавляютъ его имя: такимъ образомъ Шервашидзе сел. Отхара носитъ имя своего прапрадѣда, Тоулаха.

столѣтія два тому назадъ, частью Абхазіи. Послѣ смерти Тоулаха, наслѣдники его не умѣли поддержать своего значенія, и жители, признававшіе ихъ покровительство, перешли подъ протекторство выходца изъ Кабарды, Цившъ, потомки котораго первенствуютъ теперь въ сел. Отхара и въ отдѣлившемся отъ него сел. Бача. То же самое повторилось въ самурзаканскомъ селеніи Дихазурга, гдѣ фамилія піошей Микія возвысилась на счетъ фамиліи жпоскуа Маргани; въ сел. Колдахвара, гдѣ фамилія Барасъ сдѣлалась настолько-же вліятельною, какъ и фамилія тавадовъ Ипалъ-ипа; въ сел. Ацы, гдѣ, по слабости амиста Акиртаа, часть ихъ подвластныхъ признала покровительство Багба. Во всѣхъ этихъ случаяхъ обладаніе тавадскимъ или амистинскимъ званіемъ ничего не значило, если представители ихъ дѣлались неспособными къ тому дѣлу, къ которому были призваны. Они терялись въ толпѣ и уступали мѣсто тѣмъ, кого предпочиталъ имъ народъ, причемъ неаристократическое происхожденіе послѣдняго ничего не значило передъ его заслугами, умомъ, ловкостью и энергіею. Часто тавадъ и амиста, сходя съ поприща общественной дѣятельности, получали какую-нибудь позорную кличку, съ которой и умирали: такъ, напр., Гудавскій Маргани Мисоустъ прозывался хунцулаху (засѣвшій въ грязь). Народу нуженъ былъ не тавадъ или амиста, а человѣкъ способный оберегать его самостоятельность, его право, и руководить общественной защитой.

Говоря, что въ Абхазіи преобладаетъ элементъ аристократическій ([28]), г. Дубровинъ тавадамъ и амиста старается придать соотвѣтствующее этому предположенію значеніе и увеличиваетъ аристократическій элементъ присоединеніемъ къ нему мелкихъ дворянъ. Мы не знаемъ, кого авторъ относитъ къ числу мелкихъ дворянъ. Судя по тому, что онъ считаетъ въ Абхазіи и Самурзакани восемь дворянскихъ фамилій (стр. 65), т. е., вѣроятно, Маргани, Лакербай, Званбай, Акиртава, Мыкямба, Блабъ, Барасъ и Цышъ,—онъ этимъ исчерпываетъ весь контингентъ дворянъ, не только признаваемыхъ въ этомъ званіи всѣмъ народонаселеніемъ (первыя пять фамилій), но

([28]) Закавказье, часть II, стр. 60.

и такихъ, которые, по слабости нѣкоторыхъ линій дворянскихъ родовъ, усилились въ болѣе позднее время и потому называются въ Абхазіи кячь-амиста. Надо полагать, что къ числу мелкихъ дворянъ авторъ относитъ шинагмъ, которыхъ на стр. 67 сравниваетъ по правамъ съ дворянами. Но такое причисленіе ихъ къ привиллегированному сословію неправильно, такъ-какъ шинагмы не способны были давать покровительство, вслѣдствіе чего они и не имѣли подвластныхъ имъ анхае.

Въ правахъ тавадовъ и амиста въ послѣднее время не существовало совершенно никакой разницы, но и въ прежнее время тавады не имѣли того значенія, какое имъ приписываетъ г. Дубровинъ ([29]). Ихъ голосъ въ общемъ совѣтѣ всегда имѣлъ большое значеніе, какъ голосъ людей, считавшихся развитыми и смыслящими въ дѣлахъ управленія; имъ отдавалось полное уваженіе, какъ лицамъ, занимавшимъ высшее положеніе; но все это дѣлалось для каждаго изъ нихъ до-тѣхъ-поръ, пока какимъ-нибудь проступкомъ, или просто слабостью, онъ не ронялъ своего значенія.

Тавадъ вовсе не считался лицомъ неприкосновеннымъ ([30]) и за убійство тавада, по обычаю, плата возвышалась до цѣны въ 32 мальчика, лошадь и полное вооруженіе, и хотя кровомщеніе въ Абхазіи было явленіемъ обыкновеннымъ, но бывали примѣры, что тавады не прибѣгали къ нему. Не приводя примѣровъ позднѣйшаго времени, когда, по словамъ нѣкоторыхъ, подъ вліяніемъ деспотическаго управленія кн. Михаила Шервашидзе, значеніе высшихъ сословій немного пало, я укажу на убійство тавада Цамба, бывшее четыре поколѣнія тому назадъ. Судъ изъ тавадовъ и амиста опредѣлилъ вознагражденіе за его кровь, равное положенному народнымъ обычаемъ и, послѣ расчета, убійца не подвергся никакому преслѣдованію. Вскорѣ послѣ этого одинъ изъ пастуховъ убилъ тавада Ипалъ-ипа, и убилъ не случайно, а подкарауливши, такъ-какъ давно замѣтилъ, что этотъ тавадъ былъ большой лакомка до кислаго

([29]) Стр. 60 и 61.

([30]) Это г. Дубровинъ говоритъ на страницѣ 61-й а на страницѣ 79-й хотя не опредѣленно, но подтверждаетъ наши слова.

молока и отыскивалъ его всюду, гдѣ-бы пастухъ его ни пряталъ вблизи своего кутана (31). Пастухъ убилъ Ипалъ-ипа тѣмъ-же самымъ ковшомъ, въ которомъ было молоко, что равносильно убійству палкою, считающемуся для родственниковъ убитаго болѣе тяжкимъ оскорбленіемъ, нежели убійство огнестрѣльнымъ оружіемъ, или кинжаломъ: и изъ-за этого убійства не послѣдовало ожесточеннаго кровомщенія, а обыкновенный расчетъ по суду. Такъ-же точно, и даже не судомъ, а просто добровольнымъ приношеніемъ убійцею подарковъ, равныхъ суммѣ, опредѣленной народнымъ обычаемъ, окончилось дѣло піоша Багира Джинджулія, убившаго тавада сел. Окумъ, Хаджилобея Эмухвари, укравшаго быка.

Если такъ высоко стояли въ общественномъ мнѣніи тавады, какъ утверждали всѣ писавшіе о правахъ ихъ, на основаніи только ихъ преувеличенныхъ показаній, то они всѣми силами отстаивали-бы свое положеніе и, по-крайней-мѣрѣ, въ дѣлахъ личнаго оскорбленія не шли-бы на сдѣлки, предпочитая такимъ образомъ матеріальныя выгоды чувству оскорбленнаго самолюбія. Они вооружались-бы всѣ въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ униженіе одного изъ нихъ наносило оскорбленіе сословію тавадовъ. Между прочимъ случаи доказываютъ совсѣмъ другое. Тавадъ Нарчу Ипалъ-ипа, на дочери котораго былъ женатъ дядя послѣдняго владѣтеля, Гасанъ-бей Шервашидзе, когда въ 1832 году не исполнилъ приказанія владѣтеля, требовавшаго, чтобы онъ переселился на прежнее свое мѣсто изъза р. Бзыби, былъ схваченъ посланными кн. Михаила Шервашидзе, связанъ ими и, перекинутый черезъ сѣдло, привезенъ къ владѣтелю. Ни Нарчу, ни его родственники не мстили за это оскорбленіе, и не мстили не потому, что не могли мстить, а потому, что матеріальныя выгоды, которыхъ они лишались съ потерею всѣхъ подвластныхъ, не сочувствовавшихъ враждѣ Нарчу съ владѣтелемъ, предпочли чувству оскорбленной чести. Что они могли мстить — это доказалъ почти въ тоже самое время простой шинагма Софуджь Гублія, который, за отказъ кн. Михаила Шервашидзе въ исполне-

(31) Шалашъ и около него, иногда, изгородь въ мѣстахъ обыкновеннаго ночлега стада.

пеніи его просьбы, болѣе 12 лѣтъ, въ качествѣ абрека, грабилъ Абхазію и грабилъ-бы долѣе, если-бы владѣтель не изъявилъ желанія прекратить съ нимъ вражду. Что, въ свою очередь, владѣтели не считались лицами неприкосновенными, это доказываетъ, во-первыхъ, изгнаніе народомъ Мапучара, Зураба и Левана Шервашидзе въ Турцію, во-вторыхъ, заговоръ тавадовъ Дзяпшъ-ипа на жизнь оскорбившаго ихъ Келишъ-бея, и наконецъ, въ-третьихъ, самое убійство Келишъ-бея, въ которомъ участвовали тѣже Дзяпшъ-ипа и ихъ подвластные. Конечно, въ послѣднихъ случаяхъ надо было, чтобы во главѣ заговора стояло какое-либо значительное лицо, или цѣлая фамилія; но фамилія Ипалъ-ипа, во время нанесеннаго ей, въ лицѣ представителя ея Парчу, оскорбленія, была весьма вліятельна и многочисленна. Что владѣтели не считали своей личности неприкосновенною, для этого достаточно напомнить случай, бывшій съ княземъ Михаиломъ Шервашидзе, въ присутствіи автора «Воспоминаній Кавказскаго офицера», когда, предупрежденный объ опасности, онъ перемѣнился башлыкомъ съ своимъ приближеннымъ и этотъ несчастный поплатился жизнію, вмѣсто владѣтеля.

Сами тавады и амиста Абхазіи и Самурзакани далеко не были такого высокаго понятія о своемъ положеніи, какое имъ придавали писавшіе объ Абхазіи. Въ основаніе доказательствъ того вывода, что права ихъ ничѣмъ не отличались отъ правъ тавадовъ и азнауровъ Грузіи, приводится обыкновенно еще и попытъ, что Абхазія входила въ составъ грузинскаго царства. Но развѣ можетъ гегемонія одного государства надъ другими служить доказательствомъ тождественности всѣхъ существовавшихъ въ нихъ правъ и отношеній? Если доказывать неизбѣжность этого, то почему въ такомъ случаѣ права и отношенія абхазцевъ и самурзаканцевъ не считать тождественными съ правами и отношеніями, существовавшими въ Турціи, такъ-какъ послѣдніе три вѣка они находились подъ владычествомъ этой державы. Вся прошедшая исторія Абхазіи показываетъ, напротивъ, что она была именно въ такомъ положеніи, при которомъ могла, и даже должна была, сохранить отношенія, выработанныя собственною жизнію.

Не восходя ко времени образованія грузинскаго дворянства,

достаточно только вспомнить о двухъ раздѣлахъ грузинскаго царства, чтобы видѣть, какія причины благопріятствовали усиленію значенія привиллегированныхъ сословій. Раздѣленіе грузинскаго царства при Фарнавазѣ на десять эриставствъ ([32]) создало одновременно десять первенствующихъ родовъ, управлявшихъ этими отдѣлами. Роды эти, благодаря постоянной войнѣ, веденной Грузіею съ внѣшними врагами, и слабости монархической власти, пріобрѣли сильное значеніе. Отраженіе непріятеля отъ занимаемой эриставомъ крѣпости, или удачный походъ его противу вторгшагося въ управляемый имъ отдѣлъ врага, настолько возвышали побѣдителя въ глазахъ всей Грузіи, что давали ему право подумывать даже о царской коронѣ. Если-же онъ не желалъ воспользоваться этимъ правомъ, то, во всякомъ случаѣ, вслѣдствіе смутнаго положенія страны, принималъ непосредственное участіе въ предоставленіи короны тому или другому изъ претендентовъ царскаго рода и въ послѣднемъ случаѣ получившій спѣшилъ осыпать привиллегіями давшаго ему возможность восторжествовать надъ своими противниками. Первенствующая роль родовъ, возведенныхъ Фарнавазомъ въ эриставское званіе, продолжалась до Вахтанга. Этотъ царь, заключивъ удачный миръ съ персами, вновь раздѣлилъ царство на десять эриставствъ и назначилъ управлять ими болѣе отличившихся въ войнахъ мужей. Новый раздѣлъ послужилъ къ возвышенію нѣкоторыхъ новыхъ родовъ, имѣвшихъ полную возможность, при постоянныхъ войнахъ и перемѣнномъ подчиненіи Грузіи персамъ, аравитянамъ, грекамъ и туркамъ, достигнуть почти царскихъ правъ. Эриставъ въ своемъ эриставствѣ сдѣлался царькомъ, осыпавшимъ милостями и наградами своихъ приверженцевъ и клевретовъ, образуя такимъ образомъ второстепенныхъ дворянъ. Подобное положеніе эриставовъ вызывало зависть и искательство другихъ, которые, иногда, не расчитывая на поддержку своихъ соотечественниковъ, обращались къ иноземной помощи тѣхъ народовъ, подъ владычествомъ которыхъ находилась Грузія. Одолѣвъ при ихъ пособіи своего врага, новый эриставъ пріобрѣталъ права сверженнаго, но и послѣдній, хотя и

([32]) Мы придержались показанію Вахушта. Акад. Бутковъ говоритъ, что при Фарнавазѣ грузинское царство было раздѣлено на 8 эриставствъ.

удалялся съ арены общественной дѣятельности, не терялъ своихъ личныхъ правъ и только выжидалъ случая, чтобы заявить о нихъ. Вслѣдствіе утвержденія въ званіи главныхъ управителей новыхъ лицъ грузинскими царями, греческими императорами и эмирами, число ихъ значительно увеличивалось и нѣкоторые изъ нихъ пріобрѣтали громадное значеніе. Дочего въ смутныя времена грузинскаго царства могли усилиться нѣкоторые роды грузинской аристократіи и какое они пріобрѣтали значеніе, лучше всего показываетъ война Липарита Орбеліани съ царемъ Багратомъ.

Въ Абхазіи было совершенно другое. Территорія ея, благодаря своему, такъ сказать, уединенному положенію ([33]), была рѣдко театромъ войны съ внѣшнимъ врагомъ. Если-же онъ вторгался, то, по ограниченности края, опасность грозила не для одной какой-либо мѣстности или отдѣльной части ея, а для всего населенія, и потому оно дружно сплачивалось около своего правителя. Съ окончаніемъ войны, слѣдовавшимъ обыкновенно за занятіемъ городовъ, лежавшихъ по морскому берегу, вся страна подчинялась непріятелю и результатъ этого подчиненія обнаруживался въ томъ, что она или уступала берега свои для торговыхъ колоній и крѣпостей, какъ это было при подчиненіи Риму, Греціи и Генуѣ, или, какъ лежащая на окраинѣ, служила охраннымъ пунктомъ отъ вторженія народовъ, жившихъ по ту сторону горъ, какое назначеніе она выполняла во времена владычества Грузіи, Персіи и Аравіи. Въ томъ и въ другомъ случаѣ пріобрѣтеніе Абхазіи выражалось занятіемъ гарнизонами завоевателя приморскихъ пунктовъ ([34]) и назначеніемъ

([33]) «Удаленная отъ нашествія аравитянъ, огражденная высокимъ хребтомъ горъ отъ вторженія варваровъ, она была въ то время единственною частью Кавказа, которой собственная безопасность, при плодородіи почвы, способствовала физическому и моральному усиленію ея жителей». Такъ описываетъ кн. Баратовъ состояніе Абхазіи во второй половинѣ VIII вѣка, стр. 6, тетр. III.

([34]) Число этихъ пунктовъ все время въ Абхазіи было крайне ограничено: Діоскурія, Пифіусъ (Пицунда), основанные милетцами; Никопсія (Анакопія), основанная абхазцами въ половинѣ VI вѣка; Цхомъ, основанный, вѣроятно, тогда-же; Аскуретъ, вѣроятно, на мѣстѣ бывшей Діоскуріи, основанный во время абхазскихъ царей, и Келасури и Анаклія, основанные турками.

управителя. На обязанность послѣдняго возлагалось вносить опредѣленную подать, въ случаѣ нужды содѣйствовать извѣстною военною силою и охранять торговлю завоевателя, какъ это и было во времена владычества грековъ, римлянъ, грузинъ и турокъ. Точное выполненіе всѣхъ этихъ обязательствъ совершенно гарантировало страну отъ всякаго вмѣшательства завоевателя въ ея внутреннія дѣла. Перемѣна владычества ничего не значила для жителей и всѣ выгоды подчиненія тому или другому государству соразмѣрялись съ величиною платимой дани и размѣромъ отбываемой воинской повинности. И то и другое сообразовалось, конечно, съ ихъ средствами и чрезмѣрное требованіе легко могло остаться безъ исполненія. Принудить народъ къ выполненію ихъ было довольно трудно. Почти не живя осѣдло и имѣя, такъ сказать, временныя постройки, характеръ которыхъ онъ сохранилъ и до настоящаго времени, народъ легко оставлялъ свои жилища и скрывался въ горныя неприступныя ущелья, если только ему грозила какая-нибудь опасность. Оставленіе жителями морскаго берега и переселеніе его на болѣе возвышенныя и самой природой защищенныя мѣста произошло конечно одновременно съ занятіемъ этого берега чужестранцами. При подобномъ географическомъ положеніи страны и при характерѣ ея населенія, само благоразуміе заставляло завоевателя, при невозможности содержать въ краѣ слишкомъ большія силы, не касаться внутренняго управленія народа и предоставлять руководить имъ тѣмъ, кого онъ заставалъ. Только при такихъ условіяхъ Абхазія могла еще приносить завоевателю ту пользу, какую онъ ожидалъ отъ подчиненія себѣ этой страны. Предположенія эти отчасти подтверждаются, какъ настоящимъ, отличнымъ отъ другихъ сосѣднихъ племенъ, строемъ жизни населенія Абхазіи, такъ и отрывочными историческими указаніями.

До присоединенія Юстиніаномъ Абхазіи къ Греціи, управляла ею одна династія изъ туземцевъ, которую Юстиніанъ и оставилъ ([35]). Императоръ Праклій назначилъ правителемъ Леона (по

([35]) Легко можетъ быть, что династія эта была изъ фамиліи Апчабадзе, о которыхъ сохранилось преданіе въ народѣ, что они задолго до Шервашидзе управляли Абхазіею, почему фамилія Апчабадзе упомянается

нѣкоторымъ указаніямъ, происходящаго изъ управлявшей прежде династіи, по другимъ—изъ Кларджетскихъ Багратидовъ), съ званіемъ куропалата. Преемникъ Леона I, Леонъ II (по грузинскимъ хроникамъ), изгнавъ греческіе гарнизоны, занялъ грузинскія провинціи до Сурамскаго хребта и принялъ титулъ царя абхазскаго. Съ прекращеніемъ въ 985 г. династіи абхазскихъ царей, Абхазія подчинилась грузинскимъ царямъ, и Давидъ Возобновитель, въ 1124 году, назначилъ эриставомъ Абхазіи Шервашидзе. Вѣроятно, управленіе Абхазіею династіи Шервашидзе не прекращалось до 1864 года, что можно полагать потому, что во весь этотъ періодъ, если встрѣчается въ хроникахъ фамилія абхазскаго управителя, то это фамилія Шервашидзе, и затѣмъ не находится указаній ни на одну изъ княжескихъ или дворянскихъ фамилій Абхазіи ([36]). Только въ прошломъ столѣтіи, у Вахушта, въ числѣ родовъ привиллегированныхъ сословій Абхазіи упоминается фамилія Анчабадзе ([37]), и извѣстность ея даетъ право вѣрить сохранившемуся преданію о прошломъ ея значеніи. Такимъ образомъ Абхазія, составляя отдѣльную ([38]) и уединенную часть

вмѣстѣ съ фамиліею Шервашидзе въ молитвахъ, произносимыхъ при разныхъ религіозныхъ обрядахъ. Быть можетъ, Аносъ, по армянскимъ хроникамъ, первый изъ управителей Абхазіи, и былъ родоначальникомъ фамиліи Анчабадзе (по-абхазски *Анчиба*, сокращенно *Анба*). Странно, что абхазцы утверждаютъ, что Анба на старомъ ихъ языкѣ значитъ *князь*, а Чачба (какъ называютъ по-абхазски Шервашидзе) *надъ княземъ князь*.

([36]) Въ письмѣ Трапезунтскаго императора Давида къ герцогу Бургундскому, 22 апрѣля 1459 года, говорится, что въ числѣ союзниковъ противу турокъ будетъ «Рабіи, герцогъ Абхазіи, его братъ и его бароны, съ $^{50}/_{г.}$ воиновъ». Самые титулы герцога и бароновъ показываютъ знакомство съ краемъ и доказываютъ, что на Абхазію смотрѣли съ точки утвердившейся тогда въ Европѣ феодальной системы (Brosset. Addit. XXIII, p. 408).

([37]) Description géographique de la Géorgie par Wakhoucht publiée par Brosset. 1842, p. 49.

([38]) Даже Леонъ II, сдѣлавшись абхазскимъ царемъ и перенеся столицу изъ Никопсіи въ Кутаисъ, образовалъ изъ Абхазіи отдѣльное эриставство.—Въ пользу большей или меньшей самостоятельности Абхазіи гово

грузинскаго царства, находилась постоянно подъ управленіемъ той или другой, но всегда одной фамиліи, непосредственно на нее вліявшей. Такимъ образомъ есть полное основаніе предполагать, что число такихъ фамилій было весьма ограниченное и что каждая изъ нихъ управляла страною весьма продолжительное время. Подобная продолжительность династій управителей, независимо отъ воли завоевателей, могла быть только при такомъ строѣ внутреннихъ отношеній, при которомъ невозможно было возвышеніе другихъ фамилій. И нѣтъ никакого сомнѣнія, прямою задачею всѣхъ управителей должно было быть сохраненіе такого порядка отношеній. Насколько эту задачу выполняли прежнія династіи — сказать трудно; но почти утвердительно можно сказать, что фамилія Шервашидзе не отступала отъ нея. Въ пользу подобнаго предположенія могутъ служить домогательства Шервашидзевыхъ утвердить въ своемъ родѣ наслѣдственность правъ эристава ([39]), продолжительность управленія Абхазіею членовъ этой фамиліи и характеръ управленія послѣднихъ владѣтелей, Зураба, Келишъ-бея и Сеферъ-бея, еще сохранившійся въ памяти народа. Охрана существовавшихъ отношеній и правъ всѣхъ сословій составляла внутреннюю политику владѣтелей, точно также какъ угодливость и исполненіе приказаній сузерена — внѣшнюю. Первая обезпечивала ихъ отъ соперниковъ внутри края, а вторая отъ претендентовъ извнѣ. Только этимъ путемъ и могла удержаться династія Шервашидзе втеченіи семи вѣковъ.

Сословныя отношенія и права жителей Сухумскаго отдѣла, которыя застало русское управленіе, какъ нельзя больше соотвѣтствовали цѣлямъ Шервашидзе, или какого-бы то ни было управителя. При нихъ никто не могъ возвыситься до того, чтобы сдѣлаться

рить, кромѣ приведенныхъ цитатъ, еще походъ императора Ираклія, въ 624 году, когда абхазцы, утомленные войною, оставили его въ Ширванѣ и возвратились домой. (Исторія Грузіи кн. Баратова, тетр. II, стр. 69).

([39]) Право это пріобрѣтено были ими въ 1325 году и окончательно утверждено за родомъ Шервашидзе въ 1462 году Багратомъ II, сыномъ Дмитрія, за содѣйствіе, оказанное ему Шервашидзе, во время войны съ грузинскимъ царемъ Георгіемъ (Brosset, II part., Add. IX, et Hist. mod. de la Géorgie, p. 245).

опаснымъ владѣтелю. Тавады и амиста, не будучи исключительными собственниками земли, могли пріобрѣтать значеніе только количествомъ своихъ подвластныхъ. Умъ, отвага и энергія привлекали къ таваду и амиста большее число подвластныхъ и этимъ дѣлали его сильнѣе другихъ. Но привлеченіе значительнаго числа подвластныхъ лишало тѣхъ-же самыхъ элементовъ силы другихъ, и владѣтель въ послѣднихъ находилъ себѣ вѣрныхъ союзниковъ (40). Самый переходъ подвластныхъ могъ, однако-же, быть при самостоятельности послѣднихъ и эта самостоятельность основывалась на правѣ личной свободы и на принадлежности каждому занимаемыхъ имъ участковъ земли. Такимъ образомъ личная свобода массы населенія, при правѣ частной собственности на земли, регулировали отношенія между привиллегированными сословіями и владѣтелемъ.

Владѣтель, по праву блюстителя закона, выражавшагося въ формѣ народнаго обычая, могъ всегда положить предѣлъ возвышенію одного лица или фамиліи. Ему въ этомъ случаѣ не нужно было прибѣгать къ насилію, а достаточно было членовъ падающей фамиліи приблизить къ себѣ. Народъ считалъ всегда покровительство владѣтеля выше покровительства каждой изъ тавадскихъ фамилій, а потому и лица приближенныя къ владѣтелю всегда могли расчитывать на увеличеніе числа своихъ подвластныхъ. Въ Абхазіи и Самурзаканѣ постоянно шелъ процессъ возвышенія одной фамиліи на счетъ другихъ, но возвышенія только до извѣстной степени. До Келишъ-бея и въ первое время его управленія первенствующею была фамилія тавадовъ Дзяшъ-ипа, но вскорѣ она пала, уступивъ при Сеферъ-беѣ мѣсто тавадамъ Ипалъ-ипа. Когда Нарчу Ипалъ-ипа возвысился до того, что выказалъ неповиновеніе Гамудъ-бею (Михаилу), послѣдній наказалъ его, съ помощію его-же подвластныхъ и подвластныхъ амиста Маргани, родъ которыхъ, со времени появленія въ

(40) Лучшими примѣрами могутъ служить слѣдующіе походы: Зураба Шервашидзе противу тавадовъ Дзяшъ-ипа, жившихъ въ Цхубенѣ; преемника его Келишъ-бея противъ Бекеръ-бея Шервашидзе; его-же противу Набакевскихъ тавадовъ Анчабадзе, и Михаила Шервашидзе противу тавада Нарчу Ипалъ-ипа.

немъ Кацо Маргани, сдѣлался вліятельнѣе всѣхъ тавадовъ. Но и послѣдній, при первомъ выказанномъ имъ неудовольствіи на владѣтеля, потерпѣлъ сильное крушеніе и владѣтель началъ поддерживать, обязанную своимъ паденіемъ Кацо Маргани, фамилію Иналъ-ина, въ лицѣ Даруква Иналъ-ина. Что порядокъ этотъ существовалъ издревле, это доказывается исторіею переходовъ анхае (піошъ) изъ одной подвластности въ другую и тѣмъ участіемъ, какое принимали владѣтели въ этихъ переходахъ. Владѣтели имѣли возможность останавливать возвышеніе не только какого-нибудь тавада или амиста, но и членовъ своей фамиліи, если только возвышеніе ихъ могло грозить опасностью владѣтельской власти. Всѣ боковыя линіи Шервашидзевыхъ, какъ въ Абхазіи, такъ и Самурзакани, нали именно потому, что по происхожденію своему могли быть соперниками владѣтеля. Въ распоряженіи владѣтелей было слишкомъ много средствъ, для того чтобы способствовать возвышенію одной и паденію другой изъ привиллегированныхъ фамилій. Имѣя право прощать наложенный судомъ штрафъ и прекращать «прощеніемъ долговъ» всякіе, даже частные иски, они, сколько помнитъ народъ, преимущественно употребляли эти мѣры для того, чтобы возвысить одного изъ тавадовъ или амиста и способствовать паденію другого. Считая за стыдъ заняться какою-нибудь работою, тавадъ и амиста посвящали все свое время грабежу и воровству; эти промыслы вели къ частымъ непріятнымъ столкновеніямъ, оканчивавшимся судомъ и штрафомъ или большими платежами за причиненные убытки. Взысканіе послѣднихъ, ложившееся на всѣхъ родственниковъ виновнаго тавада или амиста и на ихъ подвластныхъ, влекло анхае, послѣ двухъ-трехъ уплатъ, къ разоренію—и они искали болѣе степеннаго и вліятельнаго покровителя. Отъ владѣтеля зависѣло остановить переходъ ихъ или нѣтъ, т. е. простить-ли штрафъ, по народному обычаю принадлежавшій владѣтелю, или изречь прощеніе долговъ, или наконецъ предоставить тавада своей злополучной судьбѣ. Абхазцы разсказываютъ много случаевъ, въ которыхъ владѣтели избавляли своихъ приближенныхъ отъ потери всѣхъ своихъ подвластныхъ—объявленіемъ всеобщаго прощенія долговъ. Зато не ожидавшій подобнаго снисхожденія тавадъ или амиста, же-

лавшій оградить себя отъ оставленія подвластными, долженъ былъ прибѣгать къ продажѣ своихъ дѣтей (41), что тоже влекло къ потерѣ уваженія и отпаденію значительнаго числа подвластныхъ.

Другое право, бывшее регуляторомъ отношеній всѣхъ сословій Абхазіи и Самурзакани—это поземельное, ставившее низшее сословія внѣ зависимости отъ привиллегированныхъ классовъ. Законъ Ману: «земля принадлежитъ тому, кто первый ее обработалъ», былъ примѣняемъ въ странѣ въ самыхъ широкихъ размѣрахъ. Всѣ сословія, начиная отъ тавада и оканчивая ахашала (42), были полными собственниками земель, обработанныхъ ими или ихъ предками. Огромное множество фактовъ продажи земель лицами изъ сословія анхае (піошъ) и ахуйю (дельмахоре) постороннимъ лицамъ и своимъ владѣльцамъ, какъ въ прежнее, такъ и въ послѣднее время, доказываютъ существованіе этого права. Безъ земли немыслимо существованіе отдѣльнаго хозяйства; это дотого строго соблюдалось владѣтелями относительно высшихъ классовъ, въ случаяхъ необходимости употребить все ихъ имущество для уплаты штрафа, и высшими классами относительно зависѣвшихъ отъ нихъ, что, по народному обычаю, ахуйю, выкупая свою зависимость, обязанъ былъ отдать владѣльцу все до рубахи, исключая своей земли.

Разнохарактерность мнѣній и выводовъ quasi-изслѣдователей быта абхазцевъ отразилась въ сочиненіи г. Дубровина частыми противорѣчіями. Такъ, напр., касаясь правъ жителей на землю, онъ говоритъ: «въ поземельномъ отношеніи всѣ сословія равны» (стр. 66). «Мѣста расчищенныя и приспособленныя къ воздѣлыванію составляли частную собственность того лица, которое положило на ихъ расчистку свой трудъ или денежный капиталъ» (на той-же страни-

---

(41) Примѣрами въ этомъ случаѣ могутъ служить Окумскіе (Самурзаканскіе) тавады Эмухвари и Кулапурхвскіе Лакербаи, продавшіе своихъ дѣтей, такъ-какъ подвластные, платившіе за нихъ много, отказались отъ дальнѣйшаго участія въ расчетахъ своихъ покровителей.

(42) Собственниковъ земли изъ числа послѣднихъ обнаружено только два; но это тѣмъ не менѣе доказываетъ, что при большемъ досугѣ отъ работъ, которыми было обременено это сословіе, оно, относительно пользованія землею, имѣло права одинаковыя съ другими сословіями.

цѣ). Касаясь правъ высшихъ сословій: «князья и дворяне пользовались частью дохода и съ земли, принадлежавшей крестьянамъ» (тамъ-же); далѣе, при разсмотрѣніи правъ анхае: «анхае, переходя въ другое селеніе, имѣли возможность сохранить за собою землю» (стр. 68) и еще далѣе: «сословіе ахуйю (слѣдующее за анхае) составляло низшій видъ изъ зависимыхъ поземельныхъ собственниковъ» (стр. 69). Изъ всѣхъ этихъ словъ читатель можетъ вывести одно только заключеніе, что анхае и ахуйю суть сословія поземельныхъ собственниковъ, при извѣстныхъ обстоятельствахъ (43) сохраняющихъ за собою землю, даже при переходѣ на жительство въ другое селеніе (44). Но, къ сожалѣнію, на тѣхъ-же почти страницахъ читатель встрѣчаетъ фразы, которыя останавливаютъ его отъ составленія какого-бы то ни было заключенія о поземельныхъ правахъ анхае и ахуйю. Если они находятся во владѣніи князей и дворянъ «на правахъ подданства за землю, которою (послѣдніе) ихъ надѣляли» (стр. 65) и если анхае «вольные жители, которые, пользуясь владѣльческими землями, обязаны были за это опредѣленною платою и работою» (стр. 68), то, значитъ, они не были собственники, а пользовались землею, принадлежащею владѣльцамъ, за что и отбывали послѣднимъ опредѣленныя повинности. Но при этомъ являются вопросы: какимъ-же образомъ, переходя на жительство въ другое селеніе, слѣдовательно, прекращая отбывать повинности прежнему владѣльцу и начиная вносить ихъ другому, они сохраняли права на свои участки въ мѣстѣ прежняго ихъ жительства, что, мы видѣли, не отвергаетъ и самъ авторъ, и о какихъ обя-

(43) Обстоятельства эти, какъ выставляетъ ихъ и самъ авторъ, вовсе не зависятъ отъ законнаго ограниченія правъ владѣнія землею, а чисто случайныя и устраняются, если переходящій въ другое селеніе имѣетъ родственниковъ въ томъ селеніи, гдѣ онъ оставляетъ землю. Въ этомъ случаѣ послѣдняя поступаетъ подъ ихъ надзоръ и сохраняется во владѣніи ушедшаго.

(44) Авторъ говоритъ въ этомъ случаѣ объ одномъ сословіи анхае, но, признавая и ахуйю поземельными собственниками, нѣтъ никакого основанія лишать ихъ этого права, такъ-какъ относительно анхае оно конечно основано на томъ, что земля принадлежитъ имъ.

зательствахъ анхае относительно своихъ владѣльцевъ говоритъ г. Дубровинъ на 67 стр., заявляя, что «зависимость ихъ (анхае), личныя услуги и повинности, приносимыя владѣльцамъ, были неболѣе какъ добровольные подарки, которые, повторяясь въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ, обратились потомъ въ обязанность»? Если это были подарки, то не были обязательною «платою и работою», за пользованіе владѣльческими землями, и почему повторительное принесеніе сословіемъ анхае подарковъ владѣльцамъ перешло для нихъ въ обязательную повинность, тогда-какъ, при такихъ-же условіяхъ, подарки, даваемые владѣтелю князьями и дворянами, не получили такого характера? (стр. 64). Надо полагать, что противорѣчіе это не ускользнуло отъ г. Дубровина, потому-что, говоря о сословіи ахуйю, онъ такъ опредѣляетъ ихъ поземельныя права: «крестьяне пользовались отведенными имъ землями, которыхъ отнимать у нихъ владѣлецъ права не имѣлъ». Что-же это за опредѣленіе? Чѣмъ выражалось въ такомъ случаѣ право владѣльцевъ на землю, занимаемую ахуйю, если владѣлецъ не имѣлъ права ее отбирать, если ахуйю, переходя въ другое селеніе, сохранялъ на землю свои права (45) и если онъ, прибавимъ мы отъ себя, могъ, по произволу, продать ее и часто даже своему владѣльцу (чему очень много примѣровъ)?

Подобное разрѣшеніе вопроса мы находимъ большою натяжкою, къ которой авторъ долженъ былъ прибѣгнуть, не имѣя возможности, по бывшимъ у него разнорѣчивымъ указаніямъ, составить себѣ опредѣленное понятіе объ отношеніяхъ, существующихъ между зависимыми и привиллегированными сословіями Абхазіи и Самурзакани.

Всѣ сословія туземнаго населенія Сухумскаго отдѣла, какъ сказано выше, совершенно равноправные поземельные собственники.

(45) Хотя г. Дубровинъ не говоритъ этого прямо, но, признавая за ахуйю право перехода въ другое селеніе подъ покровительство другаго лица (право ассаства, на стр. 68), онъ признаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и сопряженныя съ нимъ другія права. Особыя условія, опредѣлявшія возможность ассаства ахуйю, о которыхъ дальше говоритъ авторъ, состояли, сколько намъ извѣстно, въ вознагражденіи прежняго владѣльца ахуйю какимъ-нибудь подаркомъ за потерю имъ, съ переходомъ ахуйю, его повинностей.

Земля расчищенная и воздѣланная, какъ совершенно справедливо сказалъ г. Дубровинъ на стр. 66, принадлежитъ тому, кто положилъ на нее свой трудъ или капиталъ, или получилъ по праву наслѣдства. Право это составляло основу всего общественнаго строя. Дѣлая низшія сословія болѣе самостоятельными, оно ограждало ихъ отъ произвола высшихъ и заставляло послѣднихъ блюсти установленныя обычаемъ отношенія. Владѣтели видѣли въ существованіи этого порядка владѣнія землею силу, противудѣйствующую значительному усиленію привиллегированныхъ сословій, и потому не только охраняли его, но всѣми мѣрами старались поддержать въ народѣ приверженность къ установленнымъ обычнымъ отношеніямъ. Сила владѣтеля была не въ высшихъ сословіяхъ, а въ расположеніи массы населенія, которое тѣмъ болѣе привязывалось къ нему, чѣмъ болѣе видѣло въ немъ охранителя своихъ правъ. Г. Завадскій совершенно справедливо говоритъ, что ахчае охотно и рачительно исполняли свою обязанность, если владѣтелю нужно было подавить внутреннее волненіе, производившееся тавадами и амиста. Недаромъ у абхазцевъ существуетъ поговорка: «Пусть меня накажетъ Богъ, но наградитъ владѣтель». Эта поговорка не могла сложиться, если-бы народъ не видѣлъ въ владѣтеляхъ защитниковъ своихъ правъ.

Насколько владѣтели заботились о сохраненіи основныхъ правъ, касающихся всего населенія, а не отдѣльныхъ сословій, это видно изъ того, что даже кн. Михаилъ Шервашидзе, пользовавшійся большимъ произволомъ, опасался налагать на нихъ руку. Въ актѣ, выданномъ любимцу своему Кацо Маргани, на право пользованія повинностями подвластныхъ тавадовъ Эмха, перешедшихъ къ нему, Михаилу, вслѣдствіе большихъ долговъ Эмха, онъ точно опредѣляетъ отношенія новаго покровителя къ жителямъ, причемъ ограждаетъ поземельную ихъ собственность.

Другая причина, не дающая основанія сомнѣваться въ распространеніи права поземельной собственности на всѣ слои общества, это зависимость сословій ахчае, ахуйю и ахашала. Зависимость эта была чисто личная и проистекала отъ однихъ обстоятельствъ для ахчае и отъ другихъ для ахуйю и ахашала.

Объясняя основы общественнаго устройства абхазцевъ (стр. 59 и 60), г. Дубровинъ объясняетъ причины, сдѣлавшія неизбѣжнымъ выдѣленіе изъ общества нѣкоторыхъ лицъ или фамилій, стоявшихъ во главѣ общественныхъ союзовъ и принявшихъ на себя заботу о внутренней и внѣшней ихъ безопасности, т. е. образованіе привиллегированныхъ сословій. Лица эти и фамиліи, отдавшись служенію обществу, неизбѣжно должны были посвящать менѣе времени и труда своему хозяйству и отъ этого нести матеріальные убытки. Какъ въ вознагражденіе могущихъ быть убытковъ, такъ и въ вознагражденіе за заботу объ общественномъ спокойствіи, жители приносили привиллегированнымъ лицамъ подарки, отъ частаго повторенія обратившіеся въ повинность, которая дѣлалась обязательною для лицъ вновь вступавшихъ въ союзъ. Такимъ образомъ повинность анхае образовалась подъ вліяніемъ тѣхъ-же обстоятельствъ, которыя заставили первоначальные родовые союзы сплотиться въ общественные и потомъ эти послѣдніе ввѣрить управленію всѣми дѣлами одному лицу или фамиліи. Что повинность анхае имѣла характеръ покровительственной дани, это доказывается между прочимъ постояннымъ ея размѣромъ, установившимся для каждой привиллегированной фамиліи отдѣльно, что конечно зависѣло отъ ея значенія и силы, правомъ анхае при переходѣ подъ покровительство другой привиллегированной фамиліи прекращать отбываніе повинностей прежнему протектору и безплодными покушеніями нѣкоторыхъ тавадовъ и амиста увеличить размѣръ повинностей, покушеніями, вызывавшими протестъ всѣхъ анхае, выражавшійся въ отказѣ отбывать какія-бы то ни было повинности и въ переходѣ подъ покровительство другихъ. Только именно тому обстоятельству, что повинности анхае составляли выраженіе благодарности, за оказывавшееся покровительство, и можно приписать явленіе, указываемое г. Дубровинымъ на 71 стр., что съ введеніемъ русскаго управленія значительно увеличилось число *азатовъ* (людей совершенно свободныхъ), такъ-какъ поступавшіе вновь въ сословіе анхае не нуждались въ покровительствѣ тавадовъ и амиста.

Для того чтобы понять происхожденіе зависимости ахуйю, надо начать съ ахашалъ. Ахашалы были рабы и весь контингентъ

ихъ въ Абхазіи и Самурзакани произошелъ или изъ дѣтей, покупавшихся у сосѣднихъ горскихъ племенъ, или изъ дѣтей, прижитыхъ внѣ брака дѣвушками сословія ахашалъ, которыхъ владѣлецъ имѣлъ право продавать по своему произволу, или изъ членовъ разрозненныхъ семействъ мингрельскаго сословія *глеховъ*, продававшихся своими владѣльцами, какъ сказано выше, и цѣлыми семействами и по одиночкѣ. Въ Абхазіи и Самурзакани вовсе не существовало двухъ родовъ ахашалъ, какъ говоритъ г. Дубровинъ, на стр. 70, раздѣляя ихъ на собственно *ахашалъ*—людей добытыхъ грабежомъ, покупкою или на войнѣ, и на *агруа*, рожденныхъ въ краѣ. О розничной продажѣ семействъ ахашалъ не могло быть и рѣчи, потому-что ахашаломъ не могъ быть семейный человѣкъ. Какъ только владѣлецъ давалъ разрѣшеніе ахашалу жениться, онъ въ тоже самое время, согласно народнаго обычая, обязанъ былъ дать ему участокъ земли, равный стоимости 1 коровы или 10 р., корову, теленка, мѣдный котелъ и постель. Народный обычай обязывалъ владѣльца давать все это ахашалу для того, чтобы послѣдній имѣлъ возможность, со дня своей женитьбы, сдѣлаться хозяиномъ и занять то мѣсто, которое соотвѣтствовало его новому положенію, такъ-какъ самый актъ женитьбы переводилъ ахашала въ сословіе *ахуйю* или агируа (послѣднее слово собственно значитъ мингрелецъ). Со дня женитьбы ахашалъ дѣлался собственникомъ данной ему земли и всего движимаго имущества и, отбывая повинности сословія ахуйю, позволявшія ему половину времени употреблять для своихъ работъ, постепенно увеличивалъ и улучшалъ свое хозяйство. Все пріобрѣтенное имъ дѣлалось также его неотъемлемою собственностью, на которую владѣлецъ не имѣлъ ни малѣйшаго права. Откупаясь отъ повинностей, ахуйю, въ прежнее время, отдавалъ все свое движимое имущество, которое онъ, во избѣжаніе утайки чего-нибудь, долженъ былъ объявить послѣ принесенія присяги. Участки-же земли, какъ полученный первоначально отъ владѣльца, если выкупающійся лично самъ вступилъ въ сословіе ахуйю изъ ахашалъ, такъ равно и полученные по наслѣдству и обработанные имъ самимъ, всегда оставались у выкупившагося и владѣлецъ не имѣлъ права требовать ихъ въ счетъ выкупной платы.

На стр. 70, г. Дубровинъ говоритъ, что помѣщики имѣли право продавать своихъ крестьянъ, которые цѣнились обыкновенно въ 50 коровъ (45). Ахуйю въ Абхазіи и дельмахоре въ Самурзаканѣ не могли быть продаваемы своими владѣльцами, не только отдѣльными членами, но и цѣлымъ семействомъ. Всякое покушеніе въ этомъ родѣ со стороны владѣльца влекло за собою потерю ахуйю, находившаго себѣ другого покровителя. Ахуйю состоялъ въ личной зависимости отъ владѣльца и зависимость эта выражалась повинностью; но онъ переставалъ быть, какъ ахашалъ, вещью, переходившею изъ рукъ въ руки, по произволу владѣльца. Повинности ахуйю были строго опредѣлены и всякое поползновеніе владѣльца увеличить размѣръ ихъ вело къ прекращенію отбыванія всѣхъ повинностей. Обязанности ахуйю состояли въ 3-хъ-дневной полевой работѣ, въ превращеніи кукурузы въ муку и приготовленіи изъ нея для стола владѣльца пищи (отъ этой повинности сословіе получило свое названіе *ахуйк*, что значитъ *кашеваръ*, а не работникъ, какъ говоритъ г. Дубровинъ), въ отдачѣ для услугъ въ домъ владѣльца мальчика или дѣвочки, перваго до совершеннолѣтія, а второй до замужества; въ обязательные три дня—въ заготовленіи дровъ, въ огорожѣ хлѣбныхъ полей и въ рѣзаніи животныхъ для стола владѣльца. Не всѣ эти повинности непремѣнно были обязательны для каждаго дыма ахуйю; напротивъ, рѣдко какой дымъ исполнялъ ихъ всѣ вмѣстѣ и это обыкновенно случалось съ тѣми, кто, по какимъ-либо обстоятельствамъ, дѣлался кредиторомъ своего владѣльца.

---

(45) На той-же страницѣ, ниже, говоря объ агируа, которые, по мнѣнію г. Дубровина, составляли одно изъ подраздѣленій рабовъ, авторъ выражается такъ: «агируа, составляя также неотъемлемую собственность господина, имѣлъ ту привиллегію, что не могъ быть проданъ иначе, какъ съ разрѣшенія владѣтеля». Такъ-какъ сословія семейныхъ ахашалъ не существовало въ Абхазіи и Самурзаканѣ, то ясно, что это относится до сословія ахуйю или агируа. Иначе въ высшей степени было-бы странно, что рабы пользовались привиллегіею, не существовавшей, по мнѣнію г. Дубровина, для крестьянъ.

Такимъ образомъ изъ всѣхъ сословій абхазо-самурзаканскаго населенія, въ строгомъ смыслѣ, личная зависимость существовала для ахашалъ, какъ людей пріобрѣтенныхъ покупкою, и для ахуйю, какъ сословія, образовавшагося изъ ахашалъ. Зависимость послѣднихъ основывалась на правѣ купли, какъ главы семейства, такъ равно и жены его, за которую, по народному обычаю, заплатить долженъ былъ владѣлецъ ахашала. Съ уплатою владѣльцу за отбывавшіяся повинности, ахуйю, въ прежнее время, дѣлался анхае; но если его владѣлецъ самъ принадлежалъ къ этому послѣднему сословію, то никакъ не его, а какого-нибудь тавада или амиста, покровительство котораго избиралъ освобождающійся. Этотъ переходъ опять указываетъ, что анхае въ строгомъ смыслѣ не было сословіе зависимое, въ силу какихъ-либо правъ на нихъ привиллегированныхъ классовъ, а сословіе, ставшее добровольно въ обязательныя отношенія, вслѣдствіе необходимости, при царствовавшемъ въ краѣ произволѣ, имѣть какую-нибудь защиту.

Разсмотрѣвъ сословныя отношенія и поземельныя права зависимыхъ, перейдемъ къ частной жизни абхазо-самурзаканскаго населенія, ихъ семейному быту и ихъ нравственности, выставленныхъ г. Дубровинымъ, первыхъ двухъ—во многихъ отношеніяхъ неправильно, а послѣдней—далеко не въ привлекательномъ свѣтѣ.

Здѣсь съ г. Дубровинымъ повторяется тоже самое, что и при описаніи общественнаго строя абхазской жизни. Противорѣчія самому себѣ такъ часты, что, право, не знаешь, на чемъ остановиться. Такъ, напр., рисуя положеніе и права женщины въ абхазскомъ семействѣ, онъ чрезвычайно лестно отзывается о ихъ нравственности, говоря: «Не смотря на то, что женщина проводитъ всю свою жизнь подъ гнетомъ мужа, удивительная чистота нравовъ есть принадлежность женщины всѣхъ племенъ абхазскаго народа. Ни рабство, ни тяжкіе труды не могутъ заставить забыть жену свой долгъ и измѣнить мужу» (стр. 43),—и вслѣдъ за этимъ, на стр. 44, утверждаетъ, что въ Абхазіи существуетъ обычай не жениться на дѣвушкѣ, а держать ее въ домѣ, какъ жену, а на страницѣ 56, что «развратъ

и цинизмъ проявляются въ народѣ и при погребеніи умершихъ». Употребленіе здѣсь «*и*» доказываетъ, что, по мнѣнію г. Дубровина, развратъ и цинизмъ проявляются при всѣхъ удобныхъ случаяхъ, даже при совершеніи такихъ торжественныхъ обрядовъ, какъ погребеніе умершихъ.

Конечно, весьма грустное мнѣніе пришлось-бы составить о нравственности народа, если-бы подобныя явленія дѣйствительно случались. Но, къ счастію, этого пока еще нѣтъ, такъ-что писавшіе это могутъ совершенно успокоиться: нравственность абхазцевъ еще далеко не пала. Она несравненно выше того, какое представленіе о ней могутъ составить прочитавшіе вышеприведенныя строки. Г. Дубровинъ, въ подтвержденіе своихъ словъ, цитируетъ, на стр. 57, мѣсто изъ замѣтокъ епископа имеретинскаго Гавріила, гдѣ приводится, дѣйствительно, возмутительный случай, именно, что во время чтенія надъ покойникомъ, огонь былъ потушенъ, присутствовавшіе мужчины и женщины кидались другъ къ другу, послышался смѣхъ, пискъ, визгъ и при этомъ гробъ покойника былъ опрокинутъ. Зная многоуважаемаго епископа, мы не смѣемъ сомнѣваться въ томъ, что онъ слышалъ этотъ разсказъ отъ причетника, но не можемъ не пожалѣть, что онъ съ такимъ довѣріемъ отнесся къ этому разсказу, не давъ себѣ труда его провѣрить. Быть можетъ, тогда самому достойному архипастырю не пришлось-бы сдѣлать выводъ, что подобныя явленія въ обычаѣ,—слѣдовательно, не рѣдкость ([47]). Мы положительно отвергаемъ существованіе приведеннаго причетникомъ-*очевидцемъ* факта и думаемъ, что имѣемъ на то полное право. Живя нѣсколько лѣтъ въ Абхазіи, изучая ее во всѣхъ подробностяхъ и изучая, не какъ служебное лицо, отъ котораго многое можетъ быть скрыто, а собственно изъ желанія познакомиться съ прошедшимъ и настоящимъ этой страны,—мы никогда не слышали пиче-

([47]) Думаемъ, что мы имѣемъ право понимать такъ слова епископа Гавріила, заключающія приведенный разсказъ: «есть поводъ опасаться, что въ подобныхъ случаяхъ предаются гнусному разврату и что этотъ мерзостный *обычай* есть какого-либо языческаго происхожденія».

го подобнаго заявленному причетникомъ, и вынесли совершенно другое мнѣніе о нравственности народа, мнѣніе, рѣшительно не допускающее подобнаго явленія.

Мы не знаемъ, что станется съ нравственностью абхазцевъ черезъ нѣсколько лѣтъ, если не позаботятся вселить въ нихъ нравственныхъ началъ новой для народа христіанской религіи; легко можетъ быть, что оторванные отъ прежнихъ своихъ религіозныхъ убѣжденій и не получая, взамѣнъ ихъ, никакихъ новыхъ, они, какъ народъ, для котораго религіозныя убѣжденія составляютъ въ тоже время и нравственный кодексъ, пошатнутся въ нравственномъ отношеніи; но до настоящаго времени, право, трудно было-бы что-нибудь сказать не въ пользу нравственности абхазцевъ, и въ особенности абхазскихъ женщинъ. Мы, конечно, не имѣемъ права смотрѣть на нихъ въ этомъ отношеніи съ точки зрѣнія усвоеннаго у насъ понятія о нравственности, не должны, напримѣръ, возмущаться тѣмъ, что абхазецъ живетъ съ женою безъ всякаго религіознаго обряда (это дѣло духовенства внушить необходимость освященія брака религіей), что абхазецъ-христіанинъ живетъ иногда съ двумя женами (это тѣмъ болѣе дѣло духовенства) и что бракъ расторгается вслѣдствіе желанія одного изъ супруговъ; мы и не будемъ возмущаться всѣмъ этимъ, а посмотримъ на отношенія мужа и жены, какъ они обставлены народнымъ обычаемъ, имѣющимъ силу закона. *Мькяхъ* (а не мѣняхъ), по мнѣнію г. Аверкіева, служащій яснымъ выраженіемъ взгляда абхазцевъ на брачный союзъ, въ основаніи котораго была покупка женщинъ, по нашему мнѣнію, не имѣетъ этого значенія. Имъ обезпечивалась женщина, не только въ случаѣ оставленія ея мужемъ безъ вины, такъ-какъ при этомъ она получала кровомщеніе, несравненно большее, нежели мѣкяхъ, но и въ случаѣ смерти мужа, потому-что, по народному обычаю, жена не получала ничего изъ недвижимаго имущества своего мужа. Мѣкяхъ имѣлъ совершенно такое-же значеніе, какое имѣетъ брачный контрактъ, съ тою только разницею, что онъ составлялся исключительно въ пользу женщины, лишенной народнымъ обычаемъ имущественныхъ правъ, и, по нашему мнѣнію, въ актѣ выдачи

мѣкяха выразилась забота объ участи жены. Составленіемъ мѣкяха, обыкновенно подписывавшагося муллою, начинался и оканчивался брачный обрядъ, который могъ быть послѣ этого расторгнутъ только по рѣшенію суда, но никакъ не произвольно. Если расторженіе брака совершалось по обоюдному согласію супруговъ, безъ всякаго обвиненія той или другой стороны, то жена, получивъ, что ей назначено въ мѣкяхѣ и принесенное ею приданое, возвращалась къ своимъ роднымъ. Если-же одна изъ сторонъ обвинялась въ супружеской невѣрности, то судъ признавалъ расторженіе брака только по уплатѣ виновнымъ полнаго кровомщенія, цѣнность котораго соразмѣрялась съ виновностью и положеніемъ въ обществѣ обиженной стороны. Неуплата кровомщенія вела часто къ убійствамъ, а потому родственники виновнаго старались всѣми мѣрами покончить скорѣе расчетъ, какъ-бы онъ ни былъ тяжелъ для нихъ въ матеріальномъ отношеніи. Если обвинялась въ невѣрности жена, то ея положеніе, послѣ развода, дѣлалось самое грустное: родственники ея, удовлетворивъ по суду мужа, иногда брали ее къ себѣ въ домъ, гдѣ она дѣлалась въ полномъ смыслѣ рабою, и въ прежнее время продавалась; иногда-же совершенно отказывались отъ виновной, и она, бродя изъ дома въ домъ, нанималась въ работу изъ-за куска хлѣба. Дать ей пріютъ, значило нанести оскорбленіе ея родственникамъ и навлечь на свою голову бѣду. Съ мужчиной, соблазнившимъ женщину, если только онъ не былъ захваченъ на мѣстѣ преступленія, мужъ не имѣлъ права вести никакого расчета, но, до полученія кровомщенія отъ родственниковъ жены, могъ убить его при первой встрѣчѣ. Родственники-же жены могли требовать съ соблазнителя или удовлетворенія по суду, или обязательства жениться на соблазненной имъ женщинѣ (послѣ возвращенія родственникамъ всего заплаченнаго ими мужу кровомщенія). Покончить съ соблазнителемъ тѣмъ или другимъ путемъ зависѣло совершенно отъ родственниковъ и родныхъ разведенной жены. Мужчина, соблазнившій дѣвушку, обязанъ былъ жениться на ней, въ противномъ случаѣ онъ подвергался преслѣдованію родныхъ и родственниковъ дѣвушки, а послѣдняя продавалась въ рабство. Какъ женщина, такъ и дѣвушка, обвиненныя въ незаконной связи съ мужчиною, исключа-

лись изъ всѣхъ общественныхъ увеселеній и должны были жить затворницами, или до брака, если соблазнители ихъ обязывались этимъ актомъ покончить дѣло, или до рѣшенія ихъ участи родителями или родственниками.

При такомъ огражденіи супружеской вѣрности обычными постановленіями, свято исполнявшимися народомъ, при такомъ взглядѣ на нравственность женщины въ отношеніяхъ ея къ мужчинѣ и при существованіи разводовъ, возможно-ли было проявленіе цинизма и разврата въ половыхъ отношеніяхъ и возможенъ-ли былъ случай, подобный описываемому епископомъ Гавріиломъ? Думаемъ, что онъ вызвалъ-бы преслѣдованіе со стороны родственниковъ и мужей женщинъ, бывшихъ во время происшествія въ домѣ умершаго, и что самое происшествіе никакъ отъ нихъ не могло быть скрыто.

Распространенный, будто-бы, въ Абхазіи, по словамъ г. Дубровина, обычай не жениться на дѣвушкѣ, а держать ее въ домѣ, какъ жену, совершенно противорѣчитъ понятію абхазца о чести женщины и потому не существовалъ. Невѣста переходила въ домъ жениха по совершеніи извѣстныхъ обрядовъ, имѣвшихъ значеніе, равносильное нашему церковному таинству брака. Обряды эти состояли въ написаніи мѣкяха, въ чтеніи муллою молитвы и въ предшествовавшемъ этому принятіи отцомъ невѣсты первыхъ подарковъ жениха. Не только жившая съ мужчиной на правахъ жены, но даже и та дѣвушка, отъ которой отказывался женихъ, сдѣлавшій ей предложеніе, хотя-бы безъ свидѣтелей, считались навсегда обезчещенными и родственники ихъ могли требовать удовлетворенія за безчестіе. Писавшіе объ абхазцахъ смѣшивали брачный обрядъ съ празднованіемъ свадьбы, которая бываетъ черезъ годъ, а иногда и два послѣ брака. Свадьба у абхазцевъ празднуется только тогда, когда зять и тесть окончательно обмѣняются подарками, а такъ-какъ эти подарки бываютъ иногда до того велики, что тотъ или другой не въ состояніи заплатить ихъ одновременно, то празднованіе свадьбы и откладывается до времени, когда соберутся со средствами. Дѣвушка въ это время считается не невѣстой, а женой, даже и въ тѣхъ случаяхъ, когда она остается въ домѣ своего отца,

что бываетъ, если ея мужъ, по обычаю обязанный первымъ дать подарки, не представитъ всѣхъ. Мужъ впродолженіи этого времени имѣетъ право посѣщать свою жену, оставаться съ нею наединѣ, но не смѣетъ взять ее къ себѣ въ домъ. Если-же остановка за подарками со стороны отца или родственниковъ жены, то послѣдняя живетъ въ домѣ своего мужа, но свадьба празднуется тогда, когда отецъ ея отдаритъ зятя. Нѣкоторые, какъ доказательство безнравственности абхазцевъ, выставляютъ болѣе частые, нежели это случается у насъ, брачные разводы. Опровергать справедливость самаго факта мы не будемъ, но именно въ существованіи его видимъ довольно высокое нравственное развитіе женщины. Гораздо-же нравственнѣе со стороны женщины развестись съ нелюбимымъ ею мужемъ и вступить въ бракъ съ любимымъ мужчиною, нежели, считаясь женою одного, жить въ любовной связи съ другимъ.

Что масса абхазскаго населенія смотритъ съ отвращеніемъ на проявленіе разврата даже посторонніхъ, это я могу подтвердить двумя случаями изъ моей служебной практики. Въ 1867 году, жители Пицундскаго округа обратились ко мнѣ съ просьбой уничтожить, открытый мингрельцемъ, для стоявшей въ сел. Лыхны сотни казаковъ, домъ терпимости, говоря, что съ выходомъ сотни въ немъ нѣтъ надобности и что подобное заведеніе позоритъ всѣхъ жителей округа. Тоже самое повторилось въ 1868 году въ Драндскомъ округѣ, когда одна изъ жительницъ Мингреліи открыла такое-же заведеніе въ м. Очемчирахъ. Какъ въ томъ, такъ и въ другомъ домѣ, всѣ женщины были уроженки Мингреліи, привезенныя въ Абхазію мингрельцами-же, съ спеціальною цѣлью торговать ихъ тѣломъ.

Положеніе женщины въ абхазскомъ семействѣ далеко не такое, какимъ рисуетъ г. Дубровинъ на стр. 8, 43 и 51. Жена вовсе не раба своего мужа и еще менѣе «старшее въ домѣ рабочее животное»; она полная хозяйка и забота о домашнемъ хозяйствѣ составляетъ весь кругъ ея дѣятельности. Черная работа лежитъ исключительно на ахашалахъ, а если ихъ нѣтъ, то на мужѣ. Мужъ обязанъ нарубить и принести дровъ, пригнать корову или козъ, выдоить ихъ и заложить имъ на ночь кормъ. Молоко онъ пере-

даетъ женѣ, которая изъ него дѣлаетъ разныя приготовленія. Мужъ-же обязанъ вскопать огородъ, засадить его и въ этомъ видѣ передать женѣ, на обязанности которой лежитъ содержать его въ порядкѣ, и то только тѣ гряды, на которыхъ посѣяны овощи или хлопокъ. Приготовленіе поля для посѣва гоми или кукурузы, посѣвъ зеренъ и тоханье (подбивка) кукурузы составляютъ обязанность исключительно мужчинъ, а дѣло женщинъ только приготовить пищу для рабочихъ и иногда доставить ее на мѣсто работъ, если оно далеко отъ жилья. Женщины въ полевомъ хозяйствѣ не принимаютъ никакого участія.

Указаніемъ приведенныхъ невѣрностей мы закапчиваемъ нашу статью, по поводу сочиненія г. Дубровина. Сожалѣемъ очень, что она вышла слишкомъ пространна, но находимъ въ этомъ для себя оправданіе въ нашемъ желаніи выставить недавно присоединенный къ Россіи народъ въ его настоящемъ свѣтѣ, съ недостатками и достоинствами его домашней и общественной жизни. Всякое ложное пониманіе характера народа и характера его соціальныхъ отношеній, при введеніи въ немъ реформъ, соотвѣтствующихъ строю государства, принявшаго его въ себя ведетъ часто ко многимъ ошибкамъ, дурно отражающимся на нравственномъ и матеріальномъ положеніи присоединеннаго народа. Г. Дубровинъ признаетъ необходимость знанія народа, съ которымъ приходится вести войну (предисловіе къ I кн., томъ I, стр. IX); по нашему мнѣнію, знаніе это тѣмъ болѣе необходимо при введеніи мирныхъ реформъ, когда предстоитъ дѣлать ломку его прежняго общественнаго строя. Каждому изъ насъ, конечно, желательно-бы было дѣлать при этомъ какъ можно меньше ошибокъ, что возможно только при правильной оцѣнкѣ хорошихъ и дурныхъ качествъ народа, для чего, въ свою очередь, необходимо, чтобы описывающіе народъ изображали его такимъ, какимъ онъ въ дѣйствительности есть, а не такимъ, какимъ

хочется его имъ видѣть. Это-то послѣднее главнымъ образомъ и было недостаткомъ писавшихъ объ абхазцахъ.

* * *

25-го декабря
1871 года.

КАРТА ГОРСКИХЪ НАРОДОВЪ, ПОДВЛАСТНЫХЪ ШАМИЛЮ.

Карта подъ этимъ заглавіемъ, составленная бывшимъ при Шамилѣ замѣчательнымъ дѣятелемъ, вышедшимъ въ 1856 году изъ горъ, Юсуфъ-Гаджи-Эфенди Сафаровымъ, служитъ интереснымъ и едва-ли не единственнымъ образцомъ географическихъ и топографическихъ познаній въ управленіи Имама.

Для разъясненія арабскаго текста карты прилагается и копія съ нея съ русскимъ текстомъ.

Упоминая по поводу изданія этой географической карты и имя ея составителя, считаю необходимымъ сказать нѣсколько словъ въ разъясненіе самой личности Юсуфа-Гаджи-Эфенди Сафарова, о жизни котораго, до прибытія его къ Шамилю, о разнообразныхъ его способностяхъ и значеніи въ горахъ было уже сказано въ предисловіи къ статьѣ „Низамъ у Шамиля“ (3-й выпускъ Сборника свѣдѣній о кавказскихъ горцахъ, 1870 года) *).

Предки Юсуфа-Гаджи-Сафарова происходили изъ деревни Алды (въ Чечнѣ); пятилѣтнимъ мальчикомъ онъ отправился съ отцемъ въ Мекку, гдѣ тотъ и умеръ. Оставшись въ Турціи, Сафаровъ черезъ нѣсколько лѣтъ поступилъ въ турецкій корпусъ, находившійся въ Египтѣ подъ начальствомъ паши Магомедъ-Али, гдѣ служилъ до чина полковника (меиръ-алай). Здѣсь онъ „изучилъ ариѳметику, инженерное искусство, устройство крѣпостей и тран-

*) Приводимыя свѣдѣнія о Сафаровѣ основаны на личныхъ его показаніяхъ, извлеченныхъ изъ архивныхъ дѣлъ Кавказскаго Горскаго Управленія.

шей; положилъ основанія многимъ городамъ и проводилъ воду къ нимъ. Зналъ основательно арабскій и турецкій языки; издалъ правила для войскъ, какъ конныхъ, такъ и пѣшихъ; научился, какъ дѣлать подкопы для взрыва крѣпостей и какъ поджигать порохъ; сверхъ того зналъ десять кавказско-горскихъ языковъ". Такія разнообразныя познанія давали ему право считаться ученымъ, какимъ онъ и слылъ между магометанами.

Въ 1840 году онъ отправился изъ Египта на родину, въ Чечню, въ деревню Алды, чтобы взять мать свою и имущество, но „попалъ въ войска Шамиля", пишетъ Сафаровъ, „былъ у не„го первымъ между наибами, устраивалъ и расширялъ его владѣ„нія, сдѣлался извѣстенъ всѣмъ народамъ горскимъ и Шамиль „ни своимъ старшинствомъ, ни насиліемъ безъ посредничества и „знанія мною военнаго дѣла не достигалъ-бы того, что дѣлалъ со „мною". Но его превосходство передъ Шамилемъ въ наукахъ заставило послѣдняго сдѣлаться врагомъ Сафарова; Шамиль, изъ зависти и корысти, желая унизить Сафарова передъ народомъ и овладѣть его имуществомъ, обвинилъ его въ измѣнѣ, въ доставленіи князю Барятинскому секретныхъ свѣдѣній о положеніи дѣлъ въ горахъ, и отправилъ Сафарова въ ссылку въ селеніе Тинди, называемое Сибирью, гдѣ онъ и находился въ темницѣ три года; находясь въ ссылкѣ столь долгое время и не надѣясь на милость Шамиля въ будущемъ, Сафаровъ рѣшился въ 1856 году бѣжать изъ заточенія подъ покровительство русскаго начальства и изъ безопаснаго убѣжища отмстить своему врагу. „Знаю многое о Шамилѣ и его войскахъ", писалъ Сафаровъ князю Барятинскому, „надѣюсь быть полезнымъ русскому правительству и ручаюсь уничтожить все сдѣланное мною у Шамиля, *потому-что хозяинъ дома лучше знаетъ, что въ немъ дѣлается*",—но скоро постигшая смерть прекратила его замыслы.

Относясь, затѣмъ, къ Сафарову, какъ къ бывшему представителю географическихъ и топографическихъ познаній у Шамиля, по прилагаемому его труду можно видѣть, что онъ не обладалъ большими спеціальными познаніями по этой части; изобра-

женная имъ мѣстность вычерчена на глазъ и съ обратнымъ расположеніемъ странъ свѣта; масштабъ не выдержанъ: въ иныхъ мѣстахъ верстъ 30 въ дюймѣ, въ другихъ около 15-ти. Болѣе подробно и въ большемъ масштабѣ изображена его родина, Чечня; здѣсь Сафаровъ особо обозначилъ даже дорогу изъ Грозной въ Чахкери (укр. Воздвиженское) между 2-хъ горъ (Ханкальское ущелье), представленныхъ имъ въ видѣ звѣздъ. Для приданія рельефности своей картѣ, Сафаровъ иллюминовалъ ее и, какъ видно, употребилъ при черченіи всѣ, имѣвшіяся у него въ горахъ, краски.

Къ составленной картѣ Сафаровъ придалъ объясненіе: 1) что изъ укрѣпленій, находящихся въ обществахъ горскихъ непокорныхъ народовъ, построены имъ самимъ слѣдующія укрѣпленія: Риси, Ири, Чохъ, Гуны, Уллу, Чалда, Хараканъ и укрѣпленный домъ Шамиля въ Ведено, и 2) что народъ, подвѣдомственный Имаму, по его востребованію, можетъ выставить войско въ слѣдующемъ составѣ:

№ по порядку	НАЗВАНІЕ ОБЩЕСТВЪ.	ИМЕНА НАИБОВЪ.	Число вооруженныхъ.			
			Конныхъ.	Пѣшихъ.	Итого.	
1	Гехи.	Сабдулла.	100	230	330	Общества, находящіяся въ лѣсахъ и состоящія изъ чеченцевъ и тавлинцевъ.
2	Шали.	Даудъ-Гаджи. . .	200	350	550	
3	Мичикъ.	Эски.	220	360	580	
4	Аухъ.	Хату.	200	330	530	
5	Салатау. . . .	Муртузали	140	160	300	
			860	1430	2290	
6	Ичкери	Эдиль	100	200	300	Общества, находящіяся въ горахъ и состоящія изъ чеченцевъ и тавлинцевъ.
7	Гумбетъ. . . .	Абакаръ-Дебиръ .	250	200	450	
8	Анди	Дебиръ.	300	200	500	
9	Тегнуцалъ. . .	Исмаилъ	200	360	560	
10	Чарбили . . .	Хада.	200	250	450	
11	Шубутъ . . .	Бацока.	200	300	500	
12	Нашахъ . . .	Гамзатъ-Гаджи .	250	400	650	
13	Шаро	Асланъ-Кадій. . .	150	230	380	
14	Чамалалъ . . .	Абдулъ-Кадиръ. .	150	250	400	
15	Упкратль . . .	Хатыль-Магоматъ.	150	320	470	
			1950	2710	4660	
16	Хараканъ. . .	Ибрагимъ	150	250	400	Общества, находящіяся въ горахъ, между обоими Койсу, и состоящія собственно изъ тавлинцевъ.
17	Унцукуль . . .	Кадій	200	250	450	
18	Хунадатъ . . .	Абакаръ-Гаджи. .	150	250	400	
19	Харадерекъ . .	Магометъ-Аминъ..	200	350	550	
20	Корода	Умаръ-Дебиръ . .	100	200	300	
21	Хунзахъ . . .	Энкочь.	200	250	450	

22	Тилитль. . . .	Гамзатъ	150	200	350	Общества, находящіяся въ горахъ, между обоими Койсу, и состоящія собственно изъ тавлинцевъ.
23	Карата	Гази-Магома (сынъ Шамиля). . .	350	250	600	
24	Чохъ.	Юнкавъ-Гаджи. .	200	350	550	
25	Сугратъ. . . .	Хурисъ	150	300	450	
26	Хидъ	Хатыновъ	200	300	500	
27	Турутъ. . . .	Магометъ.	100	150	250	
28	Тенды.	Шамхалъ-Дебиръ .	300	400	700	
29	Тлинсиръ . . .	Даніель-Султанъ. .	250	300	550	
30	Карахъ	Гаджи-явъ	120	180	300	
31	Анкратль . . .	Бакракъ	50	250	300	
32	Анцухъ. . . .	Шагавъ	100	150	250	
33	Цунта.	Хаджіо.	100	350	450	
			3070	4730	7800	
		Всего . .	5880	8870	14,750	

Линевичъ.

8 января 1872 г.
Тифлисъ.

خريطة بلاد شامل

في ٢٧ محرم سنة ١٢٧٥

	نائب	دكبات	شاة	جملة
بيان سكان الاطراف جاچان ودتلي				
قسم كخ نائب سعد الله	١	١٠٠	٢٣٠	٣٣٠
قسم شاك نائب داود مجيد	١	٣٠٠	٢٥٠	٥٥٠
قسم چكك نائب اسكي	١	٢٢٠	٣٦٠	٥٨٠
قسم اوخ نائب حسن	١	٣٠٠	٢٣٠	٥٣٠
قسم سلتق نائب مرتضى علي	١	١٤٠	١٦٠	٣٠٠
	٥	٨٦٠	١٤٣٠	٢٢٩٠
بيان سكان الجبل بين نهر اركن وقدس چاچاوده				
قسم نشخ نائب حمزه حاج	١	٣٥٠	٤٠٠	٧٥٠
قسم شبوت نائب بتقه	١	٢٠٠	٣٠٠	٥٠٠
قسم انفرطل نائب محمد	١	١٥٠	٢٧٠	٤٢٠
قسم شارو نائب ارسلان قاضي	١	١٥٠	٢٣٠	٣٨٠
قسم جملل نائب عبد القادر	١	١٥٠	٢٥٠	٤٠٠
قسم طمنترل نائب اسماعيل	١	٢٠٠	٣٦٠	٥٦٠
قسم يجري نائب هذا	١	٢٠٠	٢٥٠	٤٥٠
قسم عندي نائب دبر	١	٣٠٠	٢٠٠	٥٠٠
قسم اچكرع نائب ادل	١	١٠٠	٢٠٠	٣٠٠
قسم كوبنت نائب ابكر دبر	١	٢٥٠	٢٠٠	٤٥٠
	١٥	٢٨١٠	٤١٤٠	٦٩٥٠
بيان بقية سكان الجبل بين نهري قرسو ونتلي فقط				
قسم زنط نائب حبيب	١	١٠٠	٣٥٠	٤٥٠
قسم انطرطل نائب بطرق	١	٠٥٠	٢٥٠	٣٠٠
قسم اشنخ نائب شهد	١	١٠٠	١٥٠	٢٥٠
قسم طندي نائب شيخال	١	٣٠٠	٤٠٠	٧٠٠
قسم كرطه نائب قاضي محي ابن شامل	١	٣٥٠	٢٥٠	٦٠٠
قسم طرطخ نائب محمد	١	١٠٠	١٥٠	٢٥٠
قسم هندق نائب اناكچ	١	٢٥٠	٢٠٠	٤٥٠
قسم هردرق نائب محمد امين	١	٢٠٠	٣٥٠	٥٥٠
قسم هزده نائب ابكر حج	١	١٥٠	٢٥٠	٤٠٠
قسم اشكل نائب قد	١	٢٠٠	٢٥٠	٤٥٠
قسم هركان نائب ابراهيم	١	١٥٠	٢٥٠	٤٠٠
	٢٦	٤٧٦٠	٦٩٩٠	١١٧٥٠
بيان بقية سكان الجبل من شرق الغربية تنلي فقط				
قسم فراخ نائب مجيد	١	١٣٠	١٨٠	٣٠٠
قسم هيد نائب مصطفى	١	٢٠٠	٣٠٠	٥٠٠
قسم طلط نائب حمزه	١	١٥٠	٢٠٠	٣٥٠
قسم قرده نائب عمر دبر	١	١٠٠	٢٠٠	٣٠٠
قسم تنتر نائب دانيال سلطان	١	٢٥٠	٣٠٠	٥٥٠
قسم تفرة نائب خرشن	١	١٥٠	٣٠٠	٤٥٠
قسم چوخ نائب عقوطاج محمد	١	٢٠٠	٣٥٠	٥٥٠
	٣٣	٥٩٢٠	٨٨٢٠	١٤٧٥٠

Копія и переводъ съ Арабскаго, сдѣланы въ 1856 году.
КАРТА
ГОРСКИХЪ НАРОДОВЪ ПОДВЛАСТНЫХЪ
ШАМИЛЮ.
(На подлинной заглавіе обозначено на оборотѣ карты.)
Примѣчаніе: Укрѣпленія, подчеркнутыя построены Юсуфомъ хаджи Эфендіемъ Сафаровымъ.
Подлинную составлялъ Юсуфъ хаджи Эфендій Сафаровъ.
Горы Ширахъ
ГРУЗІЯ
КАХЕТІЯ
Г. ТИФЛИСЪ
Г. Телавъ
Г. Нуха
Владикавказъ
Кр. Грозная
Г. Моздокъ
ШАМХАЛЬСТВО ТАРКОВСКОЕ
Горы Аракъ
ОБ. ТЛЕНСИРЪ
ОБ. КАРАХЪ
ОБ. АНКРАТЛЬ
ОБ. ЦУНТА
ОБ. АНЦУХЪ
ОБ. УНКРАТЛЬ
ОБ. ПАШАХЪ
ОБ. СУГРАТЪ
ОБ. ХИД
ОБЩ. ТУРУТЪ-МУХЪ
ОБ. ТЕНДЫ
ОБ. ШАРО
ОБ. ЧАМАЛАЛЪ
ОБ. ЧОХЪ
ОБ. ТЕЛИТЛЬ
ОБ. КАРАТА
ОБ. КУРАДА
ОБ. ХУНЗАХЪ
ОБ. ЧАРБИЛИ
ОБ. ШУБУТЪ
ОБ. ХУЦАДАТЪ
ОБ. ХАРАДЕРЕКЪ
ОБ. ТЕГНУЦАЛЪ
ОБ. ГКХИ
ОБ. АНДИ
ОБ. ХАРАКАНЪ
ОБ. УНЦУКУЛЬ
ОБ. ГУМБЕТЪ
ОБ. ИЧКЕРИ
ОБ. САЛАТАУ
ОБ. АУХЪ
ОБ. ШАЛИ
ОБ. МИЧИКЪ
Р. Кури

ЧЕЧЕНСКОЕ ПЛЕМЯ *).

I.

Территорія, занимаемая Чеченскимъ племенемъ.

Мѣстность, заключающаяся между Осетіею и Кумыкскою плоскостью, населена многочисленнымъ племенемъ кавказскихъ горцевъ, говорящихъ однимъ языкомъ, называющимся чеченскимъ. Въ составъ этого племени входятъ общества бывшихъ округовъ: Ауховскаго, Ичкеринскаго, Аргунскаго, Чеченскаго и Назрановскаго. Говоря общимъ языкомъ, общества эти, какъ русскими, такъ и туземцами, не всѣ называются чеченскими. Собственно-чеченцы суть жители округа, носившаго это имя, и чистый чеченскій языкъ есть тотъ, на которомъ они объясняются. Прочія-же общества значительно уклоняются отъ этого языка, имѣя каждое свой особенный жаргонъ.

Къ сѣверу рѣка Терекъ служитъ границей этого племени и русскихъ станицъ; южной границей служитъ хребетъ Кавказскихъ горъ. Смотря съ плоскости на горы, видишь, что онѣ тремя уступами проходятъ отъ востока на западъ. Южный склонъ этихъ горъ крутой и отвѣсный, сѣверный-же продолговатый и пологій. Высочайшій или первый уступъ составляютъ снѣговыя горы, называющіяся по-чеченски *башъ-ламъ*, т. е. тающія горы. Слово *беше* значитъ таетъ, а *ламъ*—гора. Вершины этого усту-

*) Предлагаемая статья заключаетъ въ себѣ нѣсколько отрывковъ изъ доставленной въ Редакцію „Сборника“ рукописи, составленной природнымъ чеченцемъ, У. Лаудаевымъ. Въ предисловіи къ ней между прочимъ сказано: „изъ чеченцевъ я первый пишу на русскомъ языкѣ о моей родинѣ, еще такъ мало извѣстной“. Авторъ получилъ воспитаніе въ кадетскомъ корпусѣ и нынѣ имѣетъ чинъ ротмистра.

па покрыты вѣчнымъ снѣгомъ. (Примѣч. I). Подножіе его лишь въ концѣ мая покрывается травою.

Второй уступъ называется по-чеченски *ламъ*, т. е. гора; горы, составляющія этотъ уступъ, отъ основанія до половины высоты покрыты лѣсомъ, а вершины ихъ обнажены и часто бываютъ скалистой формаціи, почему, для различія высотъ этихъ горъ, ихъ по-русски можно назвать *лысыми горами*, такъ-какъ русскіе всякую возвышенность называютъ горою. Вѣроятно, горный холодъ препятствуетъ растительности лѣса на этихъ вершинахъ, и онъ растетъ до извѣстнаго предѣла атмосферической высоты. Вершины эти покрываются питательной травой, почему жители, для предохраненія стадъ отъ солнечнаго зноя, пригоняютъ ихъ на эти мѣста. Третій уступъ назыв. по-чеченски *арсъ*, т. е. горы, покрытыя лѣсомъ; русскіе зовутъ ихъ черными горами. Они покрыты густымъ лѣсомъ, состоящимъ изъ всѣхъ породъ европейскихъ деревьевъ, кромѣ березы и вѣчнозеленыхъ смолистыхъ породъ, сосны, ели и др. встрѣчающихся изрѣдка только на лысыхъ горахъ. (Прим. II). Горнымъ хребтамъ чеченцы даютъ названія, смотря по ихъ высотѣ. Надсунженскій хребетъ невысокихъ горъ называютъ *рагъ*, отъ слова *раго*, означающаго сарай, т. е. этимъ названіемъ они объясняютъ, что тѣ горы гораздо ниже черныхъ горъ; возвышенный уступъ предгорій Терека назыв. *шу*, т. е. береговая возвышенность. За черными горами слѣдуетъ равнина, или плоскость Чечни, съ богатой растительностью, которая почти безъ пота чела, при маломъ успліи работающаго, сторицею вознаграждаетъ его труды; земля эта чрезвычайно удобна для садоводства *).

Множество рѣкъ и рѣчекъ истекаетъ изъ горнаго хребта, направляясь съ юга на сѣверъ. Нѣкоторыя изъ нихъ, вытекая изъ вѣчнотающихъ снѣговъ перваго уступа, съ шумомъ низвергаются на покатый сѣверъ, вырывая для себя въ землѣ глубокія ложбины, и силою разрывая цѣпи лысыхъ и черныхъ горъ, образуютъ страшныя и тѣсныя ущелья, а вырвавшись на раздольную плоскость, своевольно катятъ по ней свои струи. Другія, вытекая изъ лысыхъ и черныхъ горъ, извиваются по плоскости и впадаютъ въ р. Сунжу, образуя съ нею общій бассейнъ. Сунжа впадаетъ въ Терекъ, служащій границей Чечни.

---

*) Послѣ десятилѣтняго спокойствія въ краѣ, истребленные русскими сады нынѣ разведены еще пышнѣе прежнихъ.

Границы этого племени остались нынѣ почти тѣже, коими оно владѣло до покоренія Чечни русскими, съ небольшими измѣненіями; напримѣръ, отъ нея отошла земля для двухъ Сунженскихъ казачьихъ полковъ; Карабулакское общество ушло въ Турцію, и земля его еще никѣмъ не заселена. Назрановское общество, бывшее разбросаннымъ по хуторамъ и малымъ ауламъ, для прекращенія разбоевъ собрано вмѣстѣ и расположено большими аулами вокругъ Назрановскаго укрѣпленія и проч.

II.

Названія обществъ Чеченскаго племени и ихъ значенія.

Главенство надъ обществами Чеченскаго племени всегда имѣли жители бывшаго Чеченскаго округа, какъ численностью и степенью развитія общественной жизни, такъ въ минувшія времена храбростью и отвагою.

Чеченцы сами себя называютъ *нахчой*, кумыки зовутъ ихъ *мичикишъ*, тавлинцы—*буртель*, кабардинцы—*шашанъ*, а русскіе—*чеченцами*. Почему-же одинъ и тотъ-же народъ сосѣдями называется различными именами? Племя это, какъ увидимъ ниже, образовалось подъ снѣговыми горами близь истоковъ р. Аргуна, откуда уже, нуждаясь въ землѣ, стало расходиться по другимъ мѣстамъ. Оно заняло горы бывшаго Назрановскаго округа и Чаберлой, впослѣдствіи водворилось въ Ичкеріи и Аухѣ; наконецъ, послѣ ухода русскихъ съ плоскости Чечни за Терекъ, занимаетъ плоскость и тѣмъ заканчиваетъ свое разселеніе. Какъ вообще всѣ первобытные народы, чеченцы на плоскости занимались преимущественно скотоводствомъ, какъ необходимымъ средствомъ для своего существованія. Скотъ ихъ множился на привольной и дѣвственной землѣ; они въ изобиліи получали молоко, сыръ и масло. Въ первобытность-же свою, не бывъ ознакомлены еще съ хлѣбопашествомъ, за непмѣніемъ хлѣба, употребляли въ пищу большое количество сыра; почему, хвалясь своимъ изобиліемъ предъ своими соотечественниками, обитавшими въ скудныхъ пригунскихъ горахъ и много-населенной Ичкеріи, назвали себя *сырными*, по-чеченски *нахчой*. Сыръ по-чеченски называется *нахчи*; слово это во множественномъ числѣ—*нахчій*, а отсюда проис-

ходитъ народное названіе нахчой, т. е. люди, изобилующіе сыромъ.

Быть можетъ и то, что названіе это плоскостнымъ чеченцамъ приписали въ насмѣшку, называя ихъ *сыроѣдами*, какъ нынѣ надтеречныхъ чеченцевъ въ насмѣшку называютъ *калдашъ ющ нахъ*, т. е. людьми ѣдящими творогъ. Что названіе нахчой чеченцы получили отъ сыра, это подтверждается и тѣмъ, что назрановцы, говорящіе не чисто-чеченскимъ языкомъ, сыръ называютъ *начхи*, а чеченцевъ *начхой*, т. е. и они даютъ имъ названіе отъ сыра. Кумыки называютъ чеченцевъ *мичикишъ*, отъ словъ *мичикъ* и *гиши*. Мичикъ — рѣка въ Большой Чечнѣ, по сосѣдству съ кумыками; рѣка эта нѣкогда составляла границу этихъ двухъ народовъ, а *гиши* значитъ по-кумыкски человѣкъ, что вмѣстѣ составитъ мичикгиши или мичикишъ, т. е. живущій на Мичикѣ, мичикинецъ. Кабардинцы дали чеченцамъ названіе отъ аула Чечень, находящагося на берегу Аргуна, у подошвы Ханкальской горы; аулъ этотъ былъ первымъ изъ основанныхъ чеченцами на плоскости. Именемъ этого аула кабардинцы называли чеченцевъ, выговаривая это слово своимъ національнымъ выговоромъ «шашанъ». Русскіе заимствовали для чеченцевъ названіе отъ кабардинцевъ, измѣнивъ неблагозвучный выговоръ шашанъ въ чеченъ. Изъ этого различія названій, данныхъ сосѣдями чеченцамъ, видно, что они были первоначально народомъ незначительнымъ и слабымъ, потому-что сильный народъ всѣми сосѣдями именуется общимъ названіемъ.

Собственно Нахчой называется общество бывшаго Чеченскаго округа; прочія-же общества, лишь поверхностно называясь этимъ именемъ, имѣютъ каждое для себя особыя названія. Ауховцы называются *Аккій*; названіе это они получили отъ того, что, живя прежде въ Аргунскомъ округѣ, составляли членовъ Аккинской фамиліи. Скудная почва земли, принадлежащая этому обществу, заставила половину этой фамиліи переселиться въ Аухъ, гдѣ кумыками и русскими переселенцы назвались *ауховцами*; сами-же они для себя, какъ и отъ чеченцевъ, удержали названіе первобытной фамиліи *Аккій*, т. е. выходцевъ изъ Акки. Ичкеринцы назыв. *нахчой-мохкхой;* названіе это наслѣдственно перешло къ нимъ отъ плоскостныхъ чеченцевъ, вышедшихъ изъ Ичкеріи и уже получившихъ названіе нахчой, и означаетъ: земля чеченцевъ или сырныхъ. Водворившись на плоскости, они не считали ея своею собственностью, потому что она принадлежала русскимъ. Чтобы

вовсе не остаться безъ земли, ичкеринскіе выходцы удерживали за собою свои фамильные поземельные участки; а такъ-какъ чеченцы на плоскости уже назвались нахчой, то они Ичкерію въ отношеніи къ себѣ назвали Нахчой-мохкъ, т. е. страною сырныхъ, или страною, гдѣ плоскостные чеченцы имѣютъ свои поземельные участки. Ичкерія есть слово кумыкское; *ичи-ери* значитъ: земля внутри, т. е. среди горъ,—и дѣйствительно, она находится посреди лысыхъ и черныхъ горъ. Жители бывшаго Аргунскаго округа называются *шотой*, отъ слова *шу*, означающаго *высота*, т. е. живущіе на высокихъ мѣстахъ. Шатоевцами преимущественно называются обитатели сѣвернаго склона лысыхъ горъ до самой плоскости, и названіе это они получили отъ плоскостныхъ чеченцевъ. Первобытные обитатели этой страны жили болѣе на югѣ горъ и подножій снѣговаго уступа и называются по-чеченски *ламорой*, т. е. горными, отъ слова *ламъ*, означающаго „гора“. Ламоройцы занимали южную часть бывшаго Аргунскаго округа, Чаберлой и югъ Ичкеріи. Назрановцы, составлявшіе много большихъ фамилій, назывались прежде фамильными именами: галгай, галой, ингушъ (ашгуштъ) и т. д. Когда въ концѣ прошлаго столѣтія они основали аулъ Несеръ (Назрань), то стали принимать названіе *несерхой*, т. е. назрановцевъ; когда-же русскіе основали укрѣпленіе Назрановское, то имя несерхой дѣлается для нихъ оффиціальнымъ. Кромѣ этихъ общихъ названій, чеченцы имѣютъ между собою много подраздѣленій, принимая для себя названія отъ мѣстности, рѣки, горы и проч.

III.

О народахъ, обитавшихъ на плоскости Чечни до водворенія на ней чеченцевъ.

Чеченцы жили прежде въ горахъ и только въ началѣ прошлаго столѣтія появились на плоскости. Въ преданіяхъ чеченцевъ говорится, что на плоскости Чечни господствовали разновременно: ногайцы, русскіе и калмыки. Преданія эти темны, сбивчивы и часто противорѣчивы, такъ что нужно много проницательности, чтобы постичь ихъ истинный смыслъ. (Пр. III).

Надо полагать, что, съ основаніемъ Золотой Орды, татары

завладѣли плоскостью Чечни, или, быть можетъ, просто водворились на ней, найдя ее никѣмъ необитаемою. Сохранилось преданіе въ *ирахъ* (пѣсня, импровизація) ногайцевъ, что Шамхалъ въ давнія времена владѣлъ востокомъ, а кабардинцы западомъ Кавказа. Занимаясь всегда разбоемъ и грабежомъ, кабардинцы, собравшись большою массою, пустились за добычей во владѣнія Шамхала. Они шли черезъ плоскость Чечни и кумыковъ, и нашли ее тогда никѣмъ необитаемою. (Пр. IV). Изъ этого преданія ясно, что чеченцы заняли плоскость лишь впослѣдствіи. Опять-же ногайцы поютъ, что ханъ Мамай (разбитый Дмитріемъ на Куликовомъ полѣ) бралъ отъ кабардинцевъ ясакъ или подать, слѣдовательно татары завладѣли всею плоскостью Кавказа, а съ нею и Чечнею. Занимавшись всегда скотоводствомъ, татары не могли оставить по себѣ слѣдовъ своего пребыванія въ этой странѣ. Орда ослабѣла и рушилась, раздѣлясь отъ несогласія хановъ на нѣсколько частей; русскіе, сбросивъ съ себя ихъ иго, начали на развалинахъ орды строить города и крѣпости. Вольница русская стала искать просторнѣйшій разгулъ своему предпріимчивому духу. Она, сухимъ путемъ и водою, испытывала свою удаль; плавала по Атеню (Идиль, Волга) въ Хвалынское море, перещупывалась съ *кизилбашами* (кизилбашъ или персіянинъ), бывала въ Шемахѣ и другихъ *басурманскихъ* городахъ; не останавливаясь на этомъ, она была и въ Хивѣ... Нѣтъ сомнѣнія, что русскіе, по своему завоевательному духу, зашли и въ Чечню, вытѣснили изъ нея ослабѣвшихъ татаръ и поселились въ ней *жительствомъ*. И теперь еще совершенно свѣжи чеченскія преданія, въ которыхъ говорится, что въ то время *русскій сдѣлался отцомъ страны* (орсай мехки да хилле), и что *телѣга русскихъ взошла на горы* (оргайнъ гудалакъ ламте яллеръ). Слова: мехки да хилле, т. е. сдѣлался отцомъ страны, означаетъ, что сдѣлался отцомъ всей чеченской земли, Ичкеріи и при-аргунскихъ мѣстъ, а ламте яллеръ, т. е. взошла на гору, означаетъ, что взошла на лысыя горы. (Пр. V). Изъ этого видно, что русскіе были тогда не временными посѣтителями Чечни, готовыми оставить ее, при первомъ случившемся неудобствѣ, но жили осѣдло, ибо телѣга въ горахъ есть принадлежность осѣдлой жизни. Въ Большой и Малой Чечнѣ, при выходѣ рѣкъ и рѣчекъ изъ ущелій черныхъ горъ на плоскость, на самыхъ горахъ и другихъ мѣстахъ видны и теперь окопы нѣкогда бывшихъ укрѣпленій, несомнѣнно русскихъ. Названія рѣки и аула Урусъ-Мартана (орсай-Мартанъ, т.

е. россіянинъ-Мартынъ) и др. подтверждаютъ этотъ фактъ. Нѣкоторые окопы, напр., на курганѣ Гойтенъ-корта въ Большой Чечнѣ, на берегу Аргуна, такъ еще пощажены временемъ, что стоитъ только занять ихъ, и они будутъ служить укрѣпленіемъ. Русскіе стали оставлять свое отечество и уходить на югъ со временъ царя Бориса Годунова, закрѣпившаго крестьянъ. Не желавшіе быть крѣпостными бѣжали толпами на югъ Россіи, къ казакамъ, и, вѣроятно, въ тѣже времена водворились и въ Чечнѣ. Смутное время самозванцевъ и стрѣлецкія возмущенія привели новыхъ переселенцевъ на Кавказъ и въ Чечню. Съ этихъ поръ русскіе ближе знакомятся съ Кавказомъ. Петръ Великій, лично предводительствуя войсками въ войнѣ противъ Персіи, шелъ черезъ земли горскихъ племенъ, которыя изъявляли ему свою покорность. Память о *Педаръ-Падшахѣ* и теперь еще не изгладилась на восточномъ Кавказѣ. Послѣ азовскаго пораженія вліяніе Турціи надъ Кавказомъ начинаетъ ослабѣвать, тогда-какъ русскіе стали усиливаться на немъ. Они начинаютъ тогда водворяться положительно въ нынѣшней Ставропольской губерніи. Окруженнымъ со всѣхъ сторонъ хищными племенами, не вѣрными въ данномъ словѣ и жаждавшими всегда добычи, русскимъ, находившимся въ Чечнѣ, необходимо было много бодрствованія, чтобы сохранить себя и свое имущество отъ нападеній этихъ необузданныхъ племенъ. Быть можетъ, эти неудобства и воспоминаніе о далекой родинѣ заставили ихъ оставить Чечню и присоединиться къ своимъ соотечественникамъ, уже во множествѣ водворившимся на Терекѣ. Они уходятъ изъ нея. Удалившись за Терекъ, русскіе, однако, не оставили своего притязанія на оставленную землю. Считая ее своею собственностію, они позволяли чеченцамъ занимать плоскость на условіяхъ, тщательно слѣдя изъ-за Терека за ихъ выполненіемъ. Условія эти заключались въ томъ, чтобы ими можно было оградить хищническія нападенія чеченцевъ за Терекъ. Извѣстнымъ себѣ преданностію лицамъ они позволяли пользоваться землею, возлагая на нихъ отвѣтственность за своихъ людей. Главныя условія были: 1) покорность русскому царю*), 2) въ случаѣ плѣненія русскаго, или учиненнаго воровства, должны были возвратить плѣннаго или украденное, 3) обязаны были выставлять людей для походовъ съ русскими и для постовъ; 4) отвѣтственность за хищничество па-

*) Съ этихъ поръ чеченцы узнаютъ о могуществѣ русскаго царя и признаютъ его своимъ повелителемъ, называя падшахъ или царь.

дала на тѣ аулы, чрезъ которые шли слѣды и т. д. Для точнаго исполненія условій, по причинѣ частыхъ вѣроломныхъ случаевъ, отъ вліятельныхъ людей брали заложниковъ (аманатовъ). (Пр. VI). Когда русскіе уже окончательно оставили Чечню, то чеченцы безъ позволенія, самовольно селились на жительство въ ущельяхъ черныхъ горъ, въ лѣсахъ и другихъ скрытыхъ мѣстахъ; русскіе старались препятствовать ихъ своеволію, жгли хутора, разоряли и грабили жителей, уводили ихъ въ плѣнъ, и отсюда-то начинается вѣковая борьба чеченскаго племени съ русскими, принявшая съ началомъ нынѣшняго столѣтія большіе размѣры.

Русскіе оставляли Чечню разновременно; сперва ушли они изъ Малой Чечни, а потомъ уже стали по частямъ уходить и изъ Большой. Такое переселеніе ихъ весьма естественно; общества Аргунское и Назрановское, находясь въ первобытной грубости, и понятія не имѣли объ общественной жизни. Необузданныя племена эти, для пропитанія своего, занимались разбоемъ и грабежомъ, почему слишкомъ тревожили русскихъ въ Малой Чечнѣ; тогда какъ ичкеринцы были менѣе опасны русскимъ въ Большой Чечнѣ. Въ ичкеринцахъ сохранялись начала общественной жизни, привитыя у нихъ аварцами, и они были менѣе грубы и опасны. Постепенно удаляясь отъ черныхъ горъ, русскіе селились въ сердцѣ плоскости; такимъ образомъ они нѣсколько времени жили въ Качкалыкѣ и Надсунженскомъ хребтѣ (гребень,—отсюда гребенскіе казаки), гдѣ еще долго оставались послѣ ухода своихъ собратій (Пр. VII).

IV.

Происхожденіе Чеченскаго племени и его разселеніе.

Какъ произошло это племя? Отвѣчать на это невозможно, потому что ни изъ преданій, ни изъ другихъ источниковъ нельзя извлечь данныхъ для рѣшенія этого вопроса.

О происхожденіи своемъ чеченцы не имѣютъ общаго народнаго преданія. Говорятъ, что какой-то шамскій князь (Шамъ—Сирія), заслуживъ гнѣвъ своего повелителя, бѣжалъ и поселился на Кавказѣ. У него было нѣсколько сыновей; изъ нихъ младшій, называвшійся Нахчой, взялъ себѣ удѣломъ землю въ горахъ и

сдѣлался родоначальникомъ чеченцевъ. Преданіе это ничѣмъ не подтверждается и есть скорѣе выраженіе тщеславія молодого народа, желающаго имѣть своимъ родоначальникомъ княжескаго сына; или-же, не есть-ли оно переиначенная генеологія фамилій Шамхаловъ, происходящихъ отъ шамскаго Шахбала, поставленнаго Абу-Муслимомъ, главою начавшейся на Кавказѣ магометанской религіи? По своему невѣдѣнію, чеченцы могли примѣнить этотъ фактъ къ своему народному происхожденію. Да и самое названіе *нахчой* имѣли первоначально только жители плоскости Чечни, т. е. названіе это проявилось въ концѣ XVII столѣтія. Есть и другія подобныя этому преданія о происхожденіи чеченцевъ, но всѣ они не заслуживаютъ вниманія. Вообще-же происхожденіе чеченцевъ такъ-же трудно опредѣлить, какъ происхожденіе всѣхъ мелкихъ неисторическихъ народовъ, а потому, не вдаваясь въ глубь временъ, достаточно привести данныя, которыя могли-бы дать происхожденію народа правдоподобное основаніе.

Много народовъ перебывало на Кавказѣ; могущественные и сильные занимали его сѣверную плоскость, слабыя-же племена, для безопасности своей, удалялись въ глубь горъ и болѣе укрѣпленныя мѣста. Новый наплывъ народовъ, шедшихъ изъ Азіи въ Европу черезъ Кавказъ, вытѣснялъ прежнихъ жителей съ занятыхъ территорій; вытѣсненный народъ долженъ былъ подаваться далѣе на сѣверо-западъ. Но при этомъ движеніи онъ не могъ продолжать путь прежнимъ цѣлымъ обществомъ. Отставшіе отъ слѣдованія люди удалялись въ горы и, тамъ укрѣпляясь, смѣшивались съ туземцами. Преданіе говоритъ, что первобытныя фамиліи Чеченскаго племени вышли изъ-за снѣговыхъ горъ на сѣверныя ихъ подножія, откуда стали уже развѣтвляться по другимъ мѣстамъ. Можно допустить, что во время великаго переселенія народовъ, когда всѣ страны востока находились въ сильномъ броженіи, движеніе это отозвалось и на Грузіи, а потому грузины и сосѣднія съ ними горскія племена зашли въ нынѣшнюю Чечню и, поселясь въ ней, смѣшались съ туземцами; смѣшеніе это и теперь очевидно на порубежныхъ земляхъ Чеченскаго племени; напримѣръ, жители ауловъ Мааста, Малги и др. составляютъ нѣчто среднее между чеченцами и хевсурами, такъ-же какъ нѣкоторыя чаберлоевскія фамиліи составляютъ какъ-бы помѣсь чеченцевъ съ тавлинцами, а нѣкоторыя фамиліи назрановцевъ составляли помѣсь чеченцевъ съ нагорными племенами, гладалоевцами и друг. Первобытные жители этой страны занима-

ли дефиле между снѣговыми и лысыми горами, т. е. югъ бывшаго Аргунскаго округа, часть Назрановскаго и часть Чаберлоя. (Пр. VIII). Племенные остатки, водворявшіеся на этой территоріи, селились ниже ихъ и ближе къ плоскости, почему первобытныхъ обитателей пришельцы называли *ламорой*, отъ слова *ламъ* — гора, т. е. живущими на лысыхъ горахъ; сами-же получили названіе *шотой*, т. е. живущими ниже ихъ и ближе къ плоскости, на черныхъ горахъ. Водворяясь въ горахъ, племена эти имѣли каждое своего предводителя или главу, водворившаго ихъ на занятой землѣ; по слабости этого племени, предводитель искалъ для жительства своего народа укрѣпленное мѣсто; имемъ его, какъ самъ народъ, такъ и сосѣди, называли занятую землю и самое племя, и такимъ образомъ онъ дѣлался родоначальникомъ фамиліи (тайпана). Фамиліи: Шароевская, Чантиnская, Аккинская, Хиль-дихеройская, суть первобытныя туземныя фамиліи этой страны; фамиліи-же: Михалоевская, Памаtоевская, Варандоевская и др. суть уже фамиліи пришельцевъ въ эту страну. Можетъ быть, всѣ эти фамиліи, пришедшія изъ разныхъ странъ, имѣли каждая свой собственный языкъ. Размножившись, они почувствовали недостатокъ въ землѣ и должны были раздаваться во всѣ стороны. На югъ, далѣе въ горы, имъ нельзя было двигаться, ибо тамъ водворился сильный народъ, нѣкогда вытѣснившій оттуда первыхъ обитателей Чечни, а потому они должны были раздаваться въ три остальныя стороны. На востокѣ они смѣшиваются съ первобытными чаберлоевскими обитателями и составляютъ въ Чаберлоѣ новыя фамиліи. Слабое первобытное племя Чаберлоя утрачиваетъ свой языкъ, принимая новый, чеченскій; вотъ почему чаберлоевцы и теперь говорятъ столь грубымъ и неправильнымъ чеченскимъ нарѣчіемъ, что нельзя не сомнѣваться въ томъ, есть-ли это природный ихъ языкъ. На западѣ пришельцы заняли назрановскія горы, гдѣ, смѣшавшись съ туземцами, составили много новыхъ фамилій, какъ-то: Галгаевскую, Галашевскую, Ингушевскую (ангуштъ) и другія, а на сѣверъ подались до южныхъ подножій черныхъ горъ. Выходцы изъ другихъ странъ: грузины, аварцы, хевсуры и другіе, водворялись между ними; иноземцы съ охотою селились у нихъ, какъ вольныхъ людей, не имѣвшихъ ни правленія, ни правителя. Такимъ образомъ персіяне, разбитые аварцами при Надиръ-шахѣ, разсѣялись по Дагестану; изъ нихъ нѣкоторые поселились между чеченцами и составили собою новыя фамиліи, какъ-то: Туркой, Хуркой, Хой,

Парсеной и проч. (Пр. IX). Первобытныя фамиліи Чеченскаго племени старались о пріобрѣтеніи новыхъ земель, что было поводомъ къ раздорамъ и кровопролитіямъ. Для жительства своего они избирали мѣста не столько выгодныя и красивыя, какъ болѣе неприступныя и укрѣпленныя. Современемъ безпокойные люди другихъ странъ и бѣглецы разныхъ народностей увеличивали собою число чеченскихъ фамилій. Пришельцы были умнѣе, предпріимчивѣе туземцевъ—ламоройцевъ, почему брали верхъ надъ ними и тѣснили ихъ, чему лучшимъ доказательствомъ служитъ то, что фамиліи пришельцевъ завладѣли лучшими и выгоднѣйшими землями, оставивъ ламороицамъ безплодныя высоты лысыхъ горъ. Что пришельцы превосходили ихъ въ умственномъ развитіи, видно изъ того, что и теперь еще простота ламороицевъ служитъ предметомъ насмѣшекъ для шатоевцевъ; простота ихъ доходитъ почти до идіотизма. (Пр. X). Успокоившись на занятыхъ мѣстностяхъ, они укрѣпляютъ ихъ за собою, и потомъ воздвигаютъ уже аулы. Маастъ и Нашахъ славились въ ихъ странѣ.

Общаго народнаго названія населеніе Чечни тогда еще не имѣло; совокупясь изъ различныхъ народностей, населеніе это объединилось однимъ общимъ языкомъ. Каждая фамилія называлась именемъ своего родоначальника, водворившаго ее въ Чечнѣ, гордилась этимъ именемъ и наблюдала фамильный интересъ отъ ущерба со стороны другихъ фамилій. Это были въ своемъ родѣ многія мелкія республики, объединенныя общимъ языкомъ. Преданіе говоритъ, что до переселенія въ Ичкерію, всѣхъ фамилій Чеченскаго племени было 59, или какъ выражаются чеченцы: три раза двадцать безъ одного; теперь ихъ болѣе 100.

Фамиліи, образовавшія Чеченское племя и происшедшія изъ различныхъ элементовъ, находились въ непріязненныхъ одна къ другой отношеніяхъ; они взаимно грабили другъ друга. Болѣе другихъ терпѣла Аккинская фамилія (Акка). Вслѣдствіе этого половина этой фамиліи уходитъ подъ покровительство аварскаго хана, въ Аухъ, и получаетъ названіе ауховцевъ; сами-же для себя эти фамиліи удержали названіе прародительской фамиліи *Аккій*, т. е. выходцы изъ Акки. Чеченцы тоже называли ихъ этимъ именемъ; когда-же ауховцы приняли магометанство, а первобытная Аккинская фамилія оставалась еще въ язычествѣ, то для религіозныхъ отличій этой фамиліи чеченцы называли пер-

вобытную Аккинскую фамилію *керестанъ-аккій*, т. е. христіанскіе аккійцы, въ отличіе отъ ауховцевъ, принявшихъ исламъ*).

Ичкерія не была еще населена этимъ племенемъ; ею владѣли аварскіе ханы. Съ своими зелеными холмами и тучными лугами, она сильно манила къ себѣ полукочевыхъ чеченцевъ. Преданіе умалчиваетъ о причинахъ, побудившихъ половину фамилій тогдашняго Чеченскаго племени переселиться въ Ичкерію. Къ тому могли побуждать ихъ многія причины: 1) недостатокъ земли отъ умножившихся фамилій и народонаселенія; 2) несогласія и раздоры за поземельные участки, и 3) ихъ могли побудить къ тому политическія причины. Грузія пріобрѣла власть надъ этимъ народомъ и наложила на страну тяжелыя условія; не желавшіе выполнять ихъ не могли оставаться въ странѣ и должны были переселиться. Обязавшись платить аварскому хану ясакъ (подать), они начали свое переселеніе; но какъ для хана составляло матеріальный интересъ селить побольше людей на подать, то онъ различными льготами содѣйствовалъ къ сильнѣйшему переселенію. Болѣе плодоносная земля Ичкеріи и могущество аварскихъ хановъ привлекли къ себѣ половину тогдашнихъ фамилій этого племени; безкопечные драки и раздоры, происходившіе въ при-аргунской землѣ, еще болѣе усилили переселеніе. Слабые, надѣясь на могущество хана, прибѣгали подъ его покровъ, и переселеніе произошло такъ быстро, что вскорѣ почувствовалось территоріальное стѣсненіе и слѣдующія за симъ послѣдствія, неминуемыя въ средѣ полудикаго народа: драки и убійства. Ханъ поставленъ былъ въ необходимость раздѣлить землю на участки, назначивъ для каждой фамиліи свою часть. Этой мѣрой водворилось кое-какъ спокойствіе въ краѣ. (Пр. XI). До-нынѣ сохранилось это раздѣленіе земли на участки, и теперь участки эти населяются тѣми-же фамиліями, какими они заняты были впервые, и носятъ тѣ-же названія, напр. Чермой-мохкъ, Чермой-ламъ означаютъ: земля Чермоевской фамиліи, гора чермоевцевъ; Дишній-мохкъ—дишніевская земля; Харачой-ламъ—харачоевская гора и т. д. Ясакъ или подать платили по условіямъ хана съ жителями; условія эти, смотря по обстоятельствамъ, т. е. большему или меньшему вліянію хана на страну, измѣнялись, т. е. подати увеличивались и уменьшались. Обыкновенно платили отъ количества головъ рогатаго скота, овецъ, лошадей и проч.

---

*) *Керестанъ*, т. е. христіаниномъ чеченцы называютъ всѣхъ безъ различія иновѣрцевъ, въ томъ числѣ и язычниковъ.

Бывали примѣры, что отъ овецъ платили 3%, отъ скота 1%; случалось, что отъ овецъ давали только 1%, а отъ скота ничего не платили. Было даже такъ, что отъ слабыхъ фамилій брали подать, по условіямъ ихъ съ ханомъ, тогда-какъ сильныя фамиліи не выполняли этихъ условій и ничего не давали, а въ случаѣ востребованія сопротивлялись силою своего оружія. Усилившись въ Ичкеріи, они стали не радѣть объ уплатѣ ясака, современемъ-же вовсе перестали его давать, завладѣвъ землею, какъ своею собственностью. Ичкерія, какъ уже сказано, есть кумыкское слово: *Ичи-ери* означ. мѣстность среди горъ. По-чеченски она называется *нахчой-мохкъ*, т. е. страною чеченцевъ. Поселившись на плоскости, чеченцы часто называли Ичкерію *де-мохкъ*, т. е. праотеческая земля, хотя прямое право на это имя должно неотъемлемо принадлежать при-аргунской странѣ. Называя Ичкерію отцовскою землею, они выясняли этимъ то, что вышли на плоскость изъ этой земли, въ которой они имѣли свои фамильные поземельные участки. Ичкеринцы строили аулы, какъ и шатоевцы, на своихъ участкахъ, и придавали ауламъ названіе фамилій, напр.: Черми, Харачи, Цонтари и проч., отъ фамилій Чермоевской, Харачоевской, Цонтароевской и т. д. И тогда еще племя это не имѣло общаго народнаго названія и представляло множество мелкихъ фамилій, говорившихъ однимъ языкомъ. Оффиціальное названіе этой страны у сосѣдей было Ичкерія, взятое отъ кумыковъ.

На плоскость, за черныя горы, чеченцы до того еще не проникали, ибо ею владѣлъ сильный народъ, угрожавшій чеченцамъ смертью или плѣномъ. А потому они съ боязнью и любопытствомъ заглядывались на нее изъ Басскаго, Хулхулаускаго, Аргунскаго и другихъ ущелій. Когда-же русскіе, оставивъ Чечню, перебрались за Терекъ, то чеченцы быстро заняли плоскость, водворились на ней и получили тамъ народное названіе—нахчой, утвержденное за ними всѣми обществами Чеченскаго племени и послѣдовательно перешедшее на остальныя общества Чечни. (Пр. XII).

V.

О тайпанахъ или чеченскихъ фамиліяхъ.

Жизнь чеченскаго народа была тѣсно связана съ его фамильными отношеніями, а потому на связь ихъ фамилій нужно обратить особенное вниманіе.

Происходя изъ различныхъ элементовъ, фамиліи эти, какъ вообще бываетъ у полудикихъ народовъ, враждовали между собою. Такъ, напримѣръ, предположимъ, что четыре фамиліи, русская, аварская, грузинская и кабардинская, водворились на одной территоріи; естественно, фамиліи эти, не питая между собою родственныхъ чувствъ, но имѣющія одинъ интересъ—пріобрѣсть себѣ лучшій участокъ земли, стали-бы одна къ другой въ непріязненныя отношенія. Враждебное это чувство наслѣдовало-бы и потомство. Этимъ и объясняются неединодушныя начала чеченцевъ. Всѣ чеченскія фамиліи старались пріобрѣсть себѣ землю въ горахъ, гдѣ они могли быть болѣе спокойны, чѣмъ въ доступныхъ-низменностяхъ; поэтому-то фамиліи, водворившіяся тамъ раньше, имѣютъ землю на сѣверномъ склонѣ лысыхъ горъ, водворившіяся-же впослѣдствіи — селились по чернымъ горамъ. Когда такимъ образомъ вся территорія занялась жителями, то вновь прибывавшія фамиліи, за неимѣніемъ земли для своего водворенія, жили до-времени на чужой землѣ, т. е. были въ гостяхъ, по-чеченски *хамалга-бяжкема*. Отсюда, какъ гостящая фамилія, такъ и хозяйская, выжидали случая для пріобрѣтенія земли; различными средствами—покупкою, силою оружія или тяжбами, они отыскивали себѣ землю, гдѣ, поставивъ свои очаги, кормили свои семейства. Нѣкоторые пришельцы, такимъ образомъ, пріобрѣтали себѣ землю, тогда-какъ другіе, менѣе счастливые, оставались безъ нея и назывались *безземельными* (мохкъ-бацу). Послѣ ухода русскихъ изъ Чечни, какъ малоземельныя, такъ и безземельныя фамиліи, заняли для себя на плоскости земли, а изъ этого ясно, почему нѣкоторыя имѣютъ землю въ горахъ и на плоскости, другія только на одной плоскости. Въ тѣ смутныя времена все зависѣло отъ оружія; встрѣча двухъ людей разныхъ фамилій, вмѣсто нынѣшняго привѣтствія „салямъ-алейкумъ“ (миръ съ тобою), тогда нерѣдко разрѣшалась битвою. Сильный побѣждалъ слабаго, часто убивалъ его, чтобы завладѣть его ничтожнымъ имуществомъ: оружіемъ, платьемъ, конемъ или осломъ. Поэтому

каждая фамилія составляла какъ-бы одно тѣло, и всѣ члены оной находились въ тѣсной связи. Въ случаѣ обиды, нанесенной члену одной фамиліи, всѣ остальные вступались за него, какъ будто-бы она нанесена каждому изъ нихъ лично. Эта родственная связь членовъ фамиліи называется по-чеченски *тайпанъ* или *тайпа*, что означаетъ: одна фамилія, родъ, или одно племя. Поэтому чеченцы, говоря о хорошихъ или дурныхъ качествахъ одного лица, спрашиваютъ: изъ какого онъ тайпана? Или говоря о другихъ народахъ, говорятъ: гирій тайпа, донской тайпа, т. е. осетинской фамиліи, донской фамиліи и др. Въ отношеніи фамильнаго родства всѣ его члены называются братьями — *вежерей* или *воша*, а цѣлая связь—братствомъ, *вошалла*. Въ первобытныя времена, когда члены фамилій были малочисленны, они, не подраздѣляясь на части, имѣли одно названіе и составляли какъ-бы одну семью; съ умноженіемъ фамильныхъ членовъ, они, нося общее названіе, раздѣлились еще на *гаары*, или *неки*, т. е. вѣтви и линіи. Когда члены фамилій умножились такъ, что трудно было проживать на прародительской землѣ, то они отыскивали себѣ другія мѣста, а потому стали разъединяться и становились незнакомы одинъ другому. Но это обстоятельство не уменьшало ихъ братскихъ отношеній, а еще болѣе усиливало ихъ, лишь только узнавали свое фамильное родство. (Пр. XIII). Вѣтвь, или гаара одной фамиліи, уходя въ иную страну, не оставляла своего участка земли въ полное владѣніе своихъ оставшихся братьевъ, но, позволяя имъ пользоваться ею, получала за нее отъ братьевъ *беръ*, т. е. подарокъ, или подать. (Пр. XIV). Сильныя фамиліи обижали слабыя; для противодѣйствія имъ послѣднія соединялись съ другими слабыми, или приставали къ сильной, и тѣмъ давали отпоръ обидчикамъ. Изъ такихъ фамильныхъ отношеній видно, что связь фамилій составляла тогда, въ своемъ родѣ, управленіе страною. Надо замѣтить, что въ настоящее время, когда обычаи чеченцевъ начинаютъ мѣняться, сливаясь съ русскою жизнью,—связь фамилій усиливается еще болѣе. Совокупясь изъ разныхъ элементовъ, фамиліи соревновали между собою, не позволяя нѣкоторымъ возвышаться надъ народомъ. По различнымъ причинамъ нѣкоторыя личности иногда выдвигались впередъ; съ возвышеніемъ подобнаго лица и фамилія его пріобрѣтала вліяніе въ народѣ; тогда прочія, завидуя ей, усугубляли свои силы, для низведенія такого лица и его фамиліи въ общій разрядъ.

Выше сказано, что общество Чеченскаго племени, состоя изъ

множества фамилій, искони враждебныхъ между собою, чужды единодушія. Такимъ образомъ назрановцы были непримиримыми врагами чеченцевъ на плоскости и на Терекѣ; они грабили и убивали другъ друга; также и шатоевцы нападали на надтеречныхъ чеченцевъ, эти-же, мстя имъ, похищали у нихъ людей и продавали ихъ въ яссыръ (неволю) на западъ Кавказа. Ауховцы болѣе близки съ кумыками, а назрановцы съ осетинами и кабардинцами, нежели съ единоплеменными чеченцами. Изъ этого неединодушія чеченскихъ обществъ проистекла ничтожность политическаго значенія ихъ страны.

VI.

Памятники, преданія и сказанія.

Находясь на низшей степени просвѣщенія, чеченцы не могли быть соорудителями замѣчательныхъ памятниковъ своей прошедшей жизни; ведя пастушескую жизнь, они не могли сооружать что-либо прочное. Да если-бы, находясь въ язычествѣ, они и сооружали храмы и капища, то съ принятіемъ ислама все это должно было подвергнуться уничтоженію. Въ однихъ только горахъ Назрановскаго общества, куда исламъ окончательно проникъ только въ послѣднее сорокалѣтіе, они существуютъ еще до-сихъ-поръ *).

Чеченское племя въ различныя времена находилось подъ властью разныхъ иноземцевъ; для удержанія за собою завоеванной земли, завоеватели должны были укрѣпляться на ней, сооружая крѣпости, башни и другія постройки, для содержанія въ нихъ своихъ войскъ. Такъ, грузины, владѣя при-аргунскимъ краемъ, оставили въ немъ памятники своего пребыванія въ каменныхъ башняхъ, существующихъ и нынѣ. (Пр. XV). Аварскіе ханы владѣли Ичкеріею; не столь могущественные, какъ грузины, и не такъ просвѣщенные, они мало отличались отъ ичкеринцевъ, почему и не оставили слѣдовъ своего обладанія этой страной. Власть аварцевъ зависѣла отъ случая; имъ угрожалъ востокъ, откуда могущество шамхала могло поколебать ихъ власть,

*) При всемъ моемъ желаніи я не имѣлъ средствъ посѣтить эти мѣста; но увѣренъ, что тамъ могъ-бы встрѣтить что-нибудь примѣчательное.

почему они болѣе укрѣпляли свои внутреннія земли, чѣмъ пчкеринскія. Русскіе, владѣя плоскостью, имѣли вліяніе и на горныхъ жителей. Окруженные хищными племенами, русскіе сосредоточивали свою жизнь въ становищахъ, укрѣпляя ихъ отъ вторженій хищниковъ; эти-то укрѣпленія должны служить памятниками пребыванія русскихъ въ Чечнѣ. Такимъ образомъ, изъ древнихъ памятниковъ Чечни достойны примѣчанія: ровъ Тамерлана, насыпные курганы, окопы бывшихъ укрѣпленій, а въ горахъ — каменныя башни. (Пр. XVI).

Чеченцы весьма бѣдны преданіями, да и тѣ сбивчивы, во многомъ неправдоподобны, такъ-что въ нихъ трудно отличить истину отъ сказочнаго. Живя въ неприступныхъ горахъ, чеченцы не были свидѣтелями крупныхъ событій, и край ихъ не былъ потрясаемъ большими переворотами, почему имъ не изъ чего было извлекать преданій для передачи потомству. Но они весьма любятъ слушать баснословныя преданія и сказки. (Пр. XVII). По принятіи магометанства, муллы начали добывать рукописи отъ арабовъ, турокъ и персіянъ, и тогда чеченцы познакомились съ разсказами о халифахъ, султанахъ, объ Аксакъ-Темирѣ (хромой Темиръ или Тамерланъ), героѣ восточныхъ народовъ, объ юродивомъ муллѣ Несеретѣ (Насръ-Эддинъ-мулла) и т. д.

Изъ чеченскихъ преданій болѣе прочихъ замѣчательно преданіе о *нартахъ*. Говорятъ, что Чечнею завладѣли невѣдомые до того чеченцамъ пришельцы, которыхъ они называютъ нартами (нартъ). Преданіе говоритъ, что они были *керстанами*, т. е. христіанами. Они имѣли исполинскій ростъ; часто представляютъ ихъ одноокими, одѣтыми съ головы до ногъ въ желѣзную броню; вооруженіе ихъ составляли: щитъ (галкапъ или ихунишъ), мечъ (туръ) и булава (чонкуръ). Изъ преданій видно, что они, хотя и малочисленные, завладѣли страною, грабили жителей, убивали и тѣснили ихъ, насиловали женъ и дочерей или силою брали ихъ себѣ въ жены. Народъ страшился ихъ появленія, и чувство этого страха перешло и въ преданіе. Не одни чеченцы, но почти всѣ горскія племена говорятъ о нихъ въ своихъ преданіяхъ; адигейскіе народы ближе всѣхъ знакомы съ ними; они зовутъ ихъ поименно и сложили пѣсни про ихъ дѣла. Извѣстный ключъ въ Кисловодскѣ — нарзанъ (нартъ-сана) получилъ названіе отъ нартовъ. Надтеречные чеченцы указываютъ мѣста, гдѣ они жили и которыя и теперь еще носятъ ихъ названія. (Пр. XVIII).

Народныя сказки чеченцевъ тоже ничего не разъясняютъ о происхожденіи націи, или случавшихся переворотахъ въ странѣ. Всѣ они говорятъ о нартахъ, калмыкахъ, татарахъ и русскихъ, т. е. о тѣхъ народахъ, которые были сильнѣе чеченцевъ и коихъ они боялись. Сами-же они играютъ въ сказаніяхъ страдательную роль. Обыкновенно, въ сказкахъ, у родителей бываютъ сынъ и дочь, или нѣсколько сыновей съ дочерью. Единственная дочь ихъ пропадаетъ, престарѣлые родители слезами обливаютъ послѣднія ступени своей помраченной жизни. Сынъ не въ состояніи вынести ихъ слезъ и печали, сѣдлаетъ завѣтнаго коня своего отца, надѣваетъ прародительское оружіе — (Пр. XIX) — пускается на поискъ и кладетъ обѣтъ вернуться домой или съ сестрой своей, или же сложить голову въ полѣ, но смыть свое безчестье. Долго странствуя, подвергаясь тысячѣ опасностей и трудовъ, онъ проникаетъ въ жилище похитителя, обнимаетъ сестру и предлагаетъ ей бѣжать съ нимъ. Похитителемъ бываетъ или ханъ, или *арже-ногай* (черный ногаецъ), или *гяуръ-орсай* (невѣрный русскій). Сестра говоритъ брату, что труды его напрасны, что если-бы онъ бѣжалъ быстрѣе бури, то и тогда ханъ, на своей треногой лошади, настигнетъ ихъ, его убьетъ, а ее увезетъ обратно. Что будемъ дѣлать? спрашиваетъ братъ; они совѣтуются и соглашаются на томъ, что сестра выпытаетъ у хана, какимъ образомъ можно его убить. Спрятавъ брата въ потаенное мѣсто, она умывается душистымъ мыломъ (базарай-саба), расчесываетъ волосы, распускаетъ длинную и роскошную косу, одѣвается въ лучшее платье (дарай беръ) и обольщаетъ своими прелестями хана. На ложѣ любви, она спрашиваетъ, въ чемъ заключается его сила и какимъ образомъ можно его одолѣть; сама-же въ это время, для отстраненія подозрѣній, жметъ его въ своихъ объятіяхъ и осыпаетъ страстными поцѣлуями. Восторженный и исступленный ханъ поддается обольщеніямъ прелестей красавицы и, какъ новый Самсонъ передъ Далилой, открываетъ завѣтную тайну,—талисманъ пресѣченія своей жизни. Сестра передаетъ тайну брату, а этотъ, выждавъ благопріятную минуту, лишаетъ хана жизни и, забравъ его имущество, съ сестрой возвращается къ престарѣлымъ родителямъ, уже отчаявшимся когда-нибудь ихъ увидѣть.

Вообще, всѣ сказки чеченцевъ подобнаго содержанія, изъ чего видно, что первобытные чеченцы были не предпріимчивы, жили скромною домашнею жизнью, въ недоступныхъ мѣстахъ

своей родины. Сосѣди превышали ихъ во всемъ и часто владычествовали надъ ними.

VII.

Переселеніе чеченцевъ на плоскость.

Чеченцы начали селиться на плоскости съ начала XVIII столѣтія, т. е. съ того времени, когда русскіе разновременно стали покидать ее. Еще до ухода русскихъ, по различнымъ преступленіямъ и другимъ причинамъ, чеченцы удалялись къ русскимъ и водворялись между ними. Полное-же ихъ переселеніе совершилось тогда, когда русскіе перебрались за Терекъ. Къ переселенію побуждало чеченцевъ много естественныхъ причинъ: пчкеринцы и шатоевцы размножились такъ, что имъ невозможно было существовать въ горахъ, кормить овецъ и скотъ, тогда какъ обширная, привольная и дѣвственная плоскость была какъ нельзя болѣе удобна для скотоводства; кромѣ того, умножившіяся безземельныя фамиліи старались пріискать себѣ на плоскости собственные поземельные участки. Опасаясь русскихъ и полагая, что они также легко могутъ возвратиться въ Чечню, какъ могли оставить ее, они селились сперва хуторами, да и то въ неприступныхъ мѣстахъ ущелій, лѣсовъ и проч. (Пр. XX). Русскіе нападали на нихъ, грабили ихъ имущество, жгли хутора, убивали и плѣняли людей, такъ-что еще долго чеченцы не рѣшались осѣдло водвориться на ней. Съ своей стороны и чеченцы не менѣе безпокоили русскихъ, мстя имъ тѣми-же средствами, уводя ихъ въ плѣнъ и угоняя табуны и скотъ. Для прекращенія ихъ хищническихъ нападеній, русскіе старались принять сильныя мѣры. Извѣстнымъ своею преданностію людямъ они позволяли строить аулы, возлагая на нихъ отвѣтственность за своихъ людей. Тогда чеченцы быстро наводнили плоскость. Безземельныя и малоземельныя фамиліи наперерывъ другъ передъ другомъ стараются заискивать любовь русскихъ своею преданностію, дабы этимъ добыть себѣ землю. (Пр. XXI). Занявъ на плоскости земли, чеченцы усиливаются на ней и потомъ отвергаютъ заключенныя съ русскими условія, выходятъ изъ ихъ покорности,

вслѣдствіе чего начинаются взаимныя непріязненныя дѣйствія. Съ-этихъ-поръ чеченцы начинаютъ уже болѣе выясняться въ глазахъ сосѣднихъ народовъ; до того живя въ горахъ и отражая хищническія нападенія сосѣдей, они теперь сами выходятъ изъ домовъ своихъ и пускаются за добычей въ чужія земли. Они сами тревожатъ чужіе рубежи, и потомство въ пѣсняхъ передаетъ какъ ихъ удачныя битвы, такъ и пораженія. Въ это-же время они получаютъ народное названіе *нахчой*. Наконецъ, въ это-же время они принимаютъ исламъ и дѣлаются религіозными врагами какъ русскихъ, такъ и язычествующихъ сосѣдей своихъ и собратій. Съ этого времени начинается новый періодъ жизни чеченцевъ, — они являются между горцами сильнымъ народомъ.

Объявивъ чеченцевъ своими врагами, русскіе отдаютъ плоскость, на заключенныхъ съ чеченцами условіяхъ, кумыкскимъ и кабардинскимъ князьямъ. Кумыки завладѣли Качкалыкомъ и частью Большой Чечни, вслѣдствіе чего и даютъ этой странѣ свое названіе. Качкалыкъ по-кумыкски назыв. *Гачалакъ*; слово это означаетъ: страна малонаселенная или пустая, и произошло отъ того, что кумыкскіе князья, получивъ отъ русскихъ эту страну, водворили на ней своихъ единоземцевъ, которые селились хуторами на выгоднѣйшихъ мѣстахъ; современемъ, хутора эти увеличились, образовавъ малые аулы, которые кумыками, для отличія отъ большихъ ауловъ, назывались ненаселенными или пустыми: по-кумыкски *гачалакъ*. Кабардинцы присвоили себѣ землю лѣваго берега р. Сунжи и часть Малой Чечни; еще до-сихъ-поръ надсунженскія горы по-чеченски называются *чергезай-рагъ*, т. е. черкесскій (кабардинскій) горный хребетъ. Чеченцы-же, безъ права, занимали сѣверныя подножія черныхъ горъ и были преслѣдуемы тремя врагами: русскими, кумыками и кабардинцами. Но обстоятельства благопріятствовали чеченцамъ. Положительно водворясь за Терекомъ, русскіе стали менѣе обращать вниманія на Чечню, довольствуясь бдительностію кумыкскихъ и кабардинскихъ князей, какъ средствомъ противъ вторженія чеченцевъ въ ихъ землю.

Небогатые князья, для своихъ выгодъ, водворяли чеченцевъ на своихъ земляхъ, получая за нее ясакъ; съ другой стороны, плодородная земля плоскости и населенность горъ заставляли чеченцевъ искать селитьбы на княжескихъ земляхъ. Но первона-

чально они селились малыми хуторами, только для корма своего скота и овецъ. Они все еще не были увѣрены въ прочности своей осѣдлости въ этой странѣ, опасаясь русскихъ, почему довременн еще не строили ауловъ. Когда-же вліяніе русскихъ стало ослабѣвать надъ Чечнею, т. е. когда усилились князья, то и чеченцы стали смѣлѣе водворяться въ ней; скоро они выходятъ изъ повиновенія князей, перестаютъ платить имъ ясакъ и завладѣваютъ всею плоскостью Большой и Малой Чечни до береговъ р. Сунжи. Завладѣвъ плоскостью и изгнавъ князей, чеченцы начинаютъ строить большіе аулы, при чемъ совершается въ ихъ жизни новое явленіе. Они селятся въ аулахъ по нѣсколько фамилій вмѣстѣ, а не по одной, какъ было прежде, въ горахъ. Древнѣйшимъ ауломъ на плоскости считается Чечень-аулъ; онъ преимуществовалъ передъ прочими, былъ обширенъ, лучше обстроенъ, имѣлъ лавки (тукенъ), на порогахъ конхъ виднѣлись армяне, евреи и кумыки. Отъ имени этого аула чеченцы получаютъ для себя отъ русскихъ и кабардинцевъ народное названіе *шашанъ* и *чеченцевъ*. (Пр. XXII).

Затѣмъ явились и другіе аулы: Гермечикъ, Майръ-Тупъ, Гехи, и проч. Съ-этихъ-поръ чеченцы не придаютъ своей землѣ названія фамилій, но называютъ, обратно, землю именемъ аула, рѣки или горы, а потомъ это-же названіе переходитъ и къ жителямъ. Такъ, жители лѣваго берега р. Аргуна, отъ Ханкальской горы въ-верхъ до Аргунскаго ущелья и черныхъ горъ, назывались *чеченъ-хой*, т. е. жители земли, принадлежавшей аулу Чечень; а какъ плоскостные чеченцы получили понятіе объ общественной жизни изъ этого аула, то земля его была болѣе другихъ уважаема и въ пѣсняхъ называлась: *нана-чечень*, т. е. *мать-чечень*. Жители Большой Чечни назывались *аргуналъ-дихере-нахъ*, т. е. за-аргунскимъ народомъ; жители Малой Чечни — *гехи-хой*, т. е. гехинцами; когда чеченцы отъ кумыковъ отторгнули страну качкалыковскихъ ауловъ, то оставили для нея кумыкское названіе *гачалкъ-хой*. Когда-же плоскость усѣялась аулами, то они себя и свою землю называли просто именами ауловъ: жители аула Шали — *шелихой*, Мартана—*мартанъ-хой*, Гойты—*гойтеръ-хой*, т. е. шалинцы, мартановцы, гойтенцы и т. д.

Значительнѣйшимъ ауломъ на плоскости въ началѣ нынѣшняго столѣтія былъ Алды; онъ состоялъ изъ членовъ 40 фамилій и изъ него-же являлись испытанные вожаки (бяччи) для вторженій въ русскія земли.

Основавъ на плоскости аулы, чеченцы тотчасъ воспользовались выгодами, которыя могли извлечь отъ земли своей; подражая русскимъ, они замѣняютъ горныя сохи плугами, производятъ правильное хлѣбопашество и по этой отрасли промышленности превосходятъ прочія племена окружныхъ странъ. Сообразуясь съ условіями своей земли, они обзавелись лучшимъ хозяйствомъ, развели рогатый скотъ, лошадей, овецъ и пчелъ и устроили прекрасные сады. Они сѣяли преимущественно пшеницу, просо и ячмень. Кукуруза имъ до того не была еще извѣстна, и они научились ея обсѣмененію впослѣдствіи. (Пр. XXIII). Такіе успѣхи поставили плоскостныхъ чеченцевъ выше ихъ горныхъ братьевъ; перенимая отъ сосѣдей все лучшее и полезное, они усовершенствовались въ нравахъ, обычаяхъ и общежитіи, даже самый языкъ ихъ, состоявшій изъ природно-подражательныхъ звуковъ, дѣлается благозвучнѣе. Они во всемъ превосходятъ своихъ горныхъ братьевъ, которые, отдавая имъ надъ собою первенство, называютъ ихъ настоящими *нахчой*, сами-же, называясь этимъ именемъ поверхностно, удержали для себя названіе *ламорой*. (Пр. XXIV). Изъ этого ясно, почему впослѣдствіи всѣ предпріятія чеченцевъ: возмущенія, переселенія, религіозныя волненія и проч. начинались сперва плоскостными чеченцами и отъ нихъ уже постепенно распространялись въ горы. Всѣ люди, волновавшіе Чечню, для достиженія своихъ цѣлей обращались сперва къ плоскостнымъ жителямъ, съ твердою увѣренностью, что горные послѣдуютъ за ними.

Завладѣвъ плоскостью, чеченцы, не опасаясь уже болѣе никого, смѣлѣе начинаютъ свои хищническія дѣйствія и, довольствуясь огражденіемъ своей свободы отъ притязаній кумыковъ и кабардинцевъ, признавая ихъ братьями по религіи, всѣ свои предпріятія обращаютъ противъ русскихъ.

Состояніе обществъ Чеченскаго племени въ то время, т. е. въ концѣ XVIII столѣтія, было слѣдующее. Ауховцы, бывшіе подъ властью аварцевъ, освободились отъ нихъ; малая ихъ часть платила еще ясакъ кумыкамъ, и то болѣе добровольно, подражая прочимъ жителямъ кумыкской плоскости, чѣмъ понуждаемая къ тому силою князей. Ичкеринцы и шатоевцы ни отъ кого не зависѣли и у нихъ господствовала анархія въ полномъ значеніи этого слова, проявлявшаяся въ спорахъ, дракахъ и кровопролитіяхъ ихъ фамилій. Жители Назрановскаго общества остаются еще въ язычествѣ; чеченцы-мусульмане видятъ въ нихъ религіозныхъ

враговъ; они ожесточаются другъ противъ друга, грабя и убивая взаимно одинъ другого, почему назрановцы, разъединясь съ единоплеменными чеченцами, общатся съ язычествующими еще осетинами и кабардинцами. Качкалыковцы усилились и перестаютъ давать кумыкамъ ясакъ; малочеченцы силою оружія сопротивляются кабардинцамъ и, отнимая ихъ земли, отодвигаются на западъ. Русскіе, по-прежнему, изрѣдка тревожатъ чеченцевъ, требуя отъ нихъ покорности русскому царю за дарованную землю. Они производятъ по-прежнему набѣги въ Большую и Малую Чечню и жгутъ аулы. (Пр. XXV). Чеченцы не признаютъ ихъ власти, вслѣдствіе чего начинается продолжительная война, кончившаяся 12 лѣтъ тому назадъ.

VIII.

Общественный бытъ чеченцевъ.

Общественная жизнь чеченцевъ во всѣ времена представляла печальное зрѣлище; она не была обезпечена никакими условіями, и если благонамѣренными людьми, по примѣру сосѣдей, предпринимались благія мѣры, то не было средствъ приводить ихъ въ исполненіе. Совокупясь изъ различныхъ элементовъ, чеченцы старались только о благосостояніи своихъ собственныхъ фамилій не заботясь о своемъ общемъ отечествѣ. Почти до покоренія ихъ русскими, они имѣли одно право—право оружія. Сильныя фамиліи обижали слабыхъ; эти-же, мстя имъ тайно и явно, только увеличивали безпорядки и вели къ новымъ преступленіямъ. (Пр. XXVI). Воровство, какъ у всѣхъ полудикихъ народовъ, сильно было развито между ними; поземельные споры были поводомъ къ дракамъ и кровопролитіямъ, а обычай чеченцевъ, похищать себѣ женъ противъ родительской воли, еще болѣе увеличивалъ безпорядки въ странѣ.

Чеченцы не имѣли князей и были всѣ равны между собою, а если случалось, что инородцы высшихъ сословій селились между ними, то и они утрачивали свой высокій родъ и сравнивались съ чеченцами. Чеченцы называютъ себя узденями (озди или уздень); слово это у нихъ имѣетъ другое значеніе, чѣмъ у ихъ сосѣдей. У послѣднихъ узденство дѣлилось на степени, у чечен-

цевъ-же всѣ люди стояли на одной степени узденства, различаясь между собою только качествами: умомъ, богатствомъ, щедростью, храбростью, а нерѣдко и дурными дѣлами, разбоями, воровствомъ и т. д. Слово уздень, заимствованное ими отъ сосѣдей, означаетъ у чеченцевъ: человѣкъ свободный, вольный, независимый, или, какъ они сами выражаются, вольный какъ волкъ, (борзъ-сенна). Сосѣди ихъ жили на княжескихъ земляхъ, по праву-ли, или силою пріобрѣтенныхъ; у чеченцевъ-же земля была общею, и если случалось, что они селились на княжескихъ земляхъ, съ условіемъ платить подать, то, усилившись, переставали ее платить и завладѣвали землею. Имъ было стыдно платить за землю, которую Богъ создалъ для всѣхъ равно; платившихъ ясакъ, горные соплеменники осмѣивали и упрекали, называя ихъ *лай*, т. е. холопами. По понятіямъ объ узденствѣ, чеченецъ не могъ подчинить себя другому лицу, ибо тогда узденство его теряло значеніе. Отсюда ясно, почему они не терпѣли у себя никакой власти и не выбирали изъ своей среды предводителей. Даже такія общественныя должности, какъ старшина аула, десятникъ (тургакъ) и др., не существовали въ прежнихъ чеченскихъ аулахъ, и если случалось, что общественные безпорядки принуждали народъ выбирать начальствующее лицо, то власть его была мнимою и его слушались только его фамилія и родственники. Чтобы еще рѣзче выразить свое равенство, чеченцы называютъ себя витязями или воинами, по-чеченски *конахи*. Чтобы изобразить отвагу или щедрость какого-либо лица, говорятъ: *имъ дики конахи ву*, т. е. онъ хорошій воинъ. Слово это нельзя примѣнить ни къ русскому *молодецъ*, ни къ кумыкскому *игитъ* (джигитъ).

Эти воинственные люди расправлялись между собою силою оружія; дерущихся разнимали, мирили и улаживали дѣло домашнимъ образомъ. Но подобный третейскій судъ могъ быть примѣняемъ только между однофамильцами. Въ первобытныя времена пастушеской жизни, старшій въ родѣ былъ уважаемъ своею фамиліею. Онъ рѣшалъ домашнія несогласія и споры, онъ былъ и отцомъ фамиліи, и наставникомъ, и начальникомъ. Въ случаѣ спора двухъ фамилій, старшіе въ родѣ совѣтывались, какъ-бы уладить дѣло, условливались, и никто имъ не противорѣчилъ. Но размножившись, народъ сталъ имѣть болѣе тяжбъ, какъ поземельныхъ, такъ и по воровству, по увозу женщинъ и проч. Тогда судъ старшаго въ фамиліи сталъ уже недостаточнымъ. Тогда старики

всѣхъ окрестныхъ фамилій стали собираться для совѣщаній о прекращеніи безпорядковъ въ странѣ. На совѣтѣ имп опредѣлялось, какое возмездіе должно слѣдовать за различныя преступленія. Старики возвращались домой, объявляли фамиліямъ изустно свои постановленія и заставляли ихъ клясться свято исполнять ихъ. Постановленія эти чеченцы называли *эдиль*, или *адиль*, т. е. обычай. Это-же выражается словомъ *адатъ*, перенятымъ отъ татаръ, изъ чего можно заключить, что и условія адата чеченцы заимствовали отъ сосѣдей. Но и судъ старшихъ въ фамиліяхъ былъ недостаточенъ въ вольномъ чеченскомъ народѣ, потому-что некому было блюсти за исполненіемъ его постановленій; сильныя фамиліи отрицали его компетентность, а потому онъ существовалъ только между слабыми и для слабыхъ фамилій. Прибѣгали также къ *маслагату*, или примиренію; тяжущихся мирили просьбами, вознагражденіями и уступками. Но и маслагатъ не могъ удовлетворять цѣлой странѣ и всякимъ тяжбамъ, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ оказывалъ даже вредъ. Мало-по-малу онъ перешелъ въ судъ по адату. Выбирали людей, извѣстныхъ умомъ, честностію, безкорыстіемъ и безпристрастіемъ, и возлагали на нихъ обязанность разбирательства тяжбъ и ихъ рѣшеній. Подобныхъ людей называли *каной*, т. е. стариками или судьями, и народъ обязанъ былъ съ общаго согласія исполнять ихъ приговоры. Современемъ стали улучшать порядокъ судопроизводства, именно: до того тяжущіеся шли для разбирательства въ домы судей; найдя это неудобнымъ, и чтобы судьи были болѣе безпристрастны, опредѣлили мѣста, гдѣ старики-судьи, при стеченіи народа, творили правосудіе и объявляли приговоры. Мѣста подобныхъ сходокъ назывались скромнымъ именемъ *хаттамъ*, т. е. распросъ, отъ слова хатта, означающаго *спроси*. Судьи выслушивали дѣло и тутъ-же объявляли приговоръ; затѣмъ шли домой; отъ тяжущихся зависѣло подчиниться приговору. Такъ-какъ чеченцы постепенно выходили на плоскость изъ горъ, то и учрежденіе хаттама образовалось первоначально въ горахъ. Жители бывшаго Аргунскаго округа разбирались въ Маастѣ и Нашахѣ, ичкеринцы собирались на курганѣ около аула Цонтари, а плоскостные чеченцы собирались въ Ханкальскомъ ущельѣ и Качкалыкѣ. Собранія эти еще до появленія Шамиля назывались *махкама*; названіе это перешло къ существующему нынѣ народному суду. Знаніемъ адата особенно отличался аулъ Маастъ. (Пр. XXVII).

Благоразумныя мѣропріятія людей, любившихъ свою роди-

ну, не имѣли однако между чеченцами успѣха; сильныя фамиліи буйствовали и, не боясь никого, не исполняли приговоровъ адата. Воровство вошло у нихъ въ славу и доблесть; убивали и рѣзали другъ друга почти безъ причины, и наконецъ начали совершаться невиданныя до того преступленія, перенятыя отъ адиговъ: стали похищать, или силою уводить беззащитныхъ людей— своихъ собратій въ неволю и продавать ихъ въ рабство въ далекія страны. (Пр. XXVIII).

Перестали уважаться обычаи отцовъ и не исполнялись условія адата; въ Чечнѣ стало господствовать только одно право — право сильнаго. Такой безпорядокъ произошелъ еще отъ слѣдующихъ причинъ. Ичкеринцы, бывшіе подъ властію аварскихъ хановъ, отвергаютъ ихъ власть и завладѣваютъ землею; малочеченцы усиливаются и кабардинцы оставляютъ притязанія на ихъ свободу и землю; русскіе не вліяютъ уже на плоскостныхъ чеченцевъ. Не имѣя надъ собою власти, дикій и воинственный духъ чеченцевъ не даетъ никому отчета въ своихъ поступкахъ. Въ эти именно времена вошли въ народѣ въ поговорку возгласы, нынѣ повторяющіеся только на пирушкахъ, но тогда бывшіе во всеобщемъ употребленіи: свѣтъ нашъ, кто кромѣ насъ на свѣтѣ (дуне вайнъ деци)! Этимъ возгласомъ они обрисовывали тогдашнее состояніе своей страны, т. е. что поступкамъ ихъ нѣтъ отвѣта, преступленіямъ — возмездія. Безпорядки эти принудили благоразумнѣйшихъ чеченцевъ позаботиться самимъ о водвореніи спокойствія въ краѣ. Для этого они въ различныхъ аулахъ приглашали къ себѣ князей для княженія (алолу данъ), обязываясь на содержаніе ихъ платить ясакъ. Ичкеринцы и часть шатоевцевъ пригласили къ себѣ мелардоевскихъ князей (происходящихъ отъ боковыхъ линій аварскихъ хановъ, княжившихъ въ Гумбетѣ: Гумбетъ по-чеченски Мелардy). Жители Большой Чечни приглашали кумыкскихъ, а Малой — кабардинскихъ князей. Но не помогло и это средство. Когда князья, по обязанности своей, стали заявлять свою власть, то чеченцы, не привыкшіе къ ней, не исполняли условій съ князьями. Фамилія вступалась за провинившагося сочлена, а такъ-какъ князья не имѣли средствъ принудить ихъ къ повиновенію, то уходили откуда пришли. Одни лишь надтеречные чеченцы, поселившіеся на правомъ берегу Терека, повиновались князьямъ, да и то болѣе изъ боязни русскихъ, нежели самихъ князей. Для русскихъ составляло тогда политическій интересъ держать людей въ княжескомъ повиновеніи; этимъ средствомъ они

обезпечивали свои границы отъ хищническихъ нападеній изъ внутренней Чечни. Князья эти хорошо воспользовались своимъ положеніемъ, понимая важность своего значенія. Имъ очевидно было, что они необходимы какъ русскимъ, такъ и чеченцамъ, и составляютъ между этими народами посредниковъ. Чеченцы боялись князей и повиновались имъ, зная, что имъ покровительствуютъ русскіе; опять-же русскіе, зная уваженіе жителей къ князьямъ, ласкали ихъ. Лишь поверхностно завися отъ русскихъ, они владѣли землями праваго берега р. Терека. Однако, на жителей князья не изъявляли деспотическихъ притязаній, коими отличались князья сосѣднихъ къ Чечнѣ племенъ; да и не возможно было покушаться на свободу чеченцевъ, потому-что они тотчасъ ушли-бы въ глубину Чечни, откуда могли-бы легко отмщать за оказанныя имъ несправедливости. Поэтому надтеречные аулы состояли по-большей части изъ княжескихъ приближенныхъ—*эмчековъ* (пѣстуновъ, кормильцевъ княжескихъ дѣтей) и ихъ родственниковъ. Между-тѣмъ безпорядки въ Чечнѣ увеличивались и дошли до крайняго предѣла; терпѣніе обижаемыхъ вышло изъ границъ. Народъ искалъ спасенія, откуда-бы оно ни появилось. Рѣшаются наконецъ на послѣднее средство — принять магометанскую вѣру, въ надеждѣ, что шаріатъ возстановитъ спокойствіе въ краѣ, коимъ наслаждались ихъ мусульманскіе сосѣди, и чеченцы принимаютъ исламъ.

IX.

Принятіе чеченцами ислама.

Чеченцы говорятъ, что праотцы ихъ были *керстанами*. По созвучію словъ, несомнѣнно, что *керстанъ* значитъ христіанинъ. Чеченцы нынѣ всѣхъ иновѣрцевъ называютъ этимъ именемъ, напр.: христіане, евреи, ламаиты, часто и персіяне, исповѣдующіе магометанство шіитскаго толка, въ ихъ понятіяхъ стоятъ на одной степени керстанизма; но, разобравъ, откуда произошло это названіе, видно, что оно не означаетъ язычника, но христіанина. Горныхъ язычниковъ чеченцы называютъ: *дынъ-бацу-керстанъ*, т. е. христіане безъ вѣры, или не имѣющіе понятія о единомъ Богѣ; христіанъ и іудеевъ они называютъ просто *кере-*

станъ, т. е. вѣрующіе въ единаго Бога, но не признающіе пророка Мухаммеда. А изъ этого ясно, что, находясь сперва въ язычествѣ, они приняли христіанство, и опять-же, принявъ магометанство, сдѣлались врагами христіанъ и обратили въ брань слово керестанъ, называя имъ безъ изъятія всѣхъ иновѣрцевъ. Нѣтъ сомнѣнія, что Грузія, въ могучій періодъ своей жизни, не могла оставаться равнодушною къ языческой вѣрѣ такого близкаго, какъ чеченцы, сосѣда. Имѣя надъ ними власть, Грузіи не трудно было обратить ихъ въ свою религію. Вообще первобытныя племена, при переходѣ изъ язычества въ единобожескія религіи, могутъ сопротивляться переходу въ нихъ изъ привязанности къ старинѣ, а не изъ крѣпости своихъ убѣжденій. Чеченцамъ не трудно было оставить свое безъискусственное язычество, постигнувъ ясные доводы единства Бога христіанъ; къ тому-же, для обращенія ихъ, грузины, вѣроятно, не щадили подарковъ, на которые бѣдные горцы съпскони были падки. Грузины имѣли съ ними сообщенія по различнымъ, хотя и труднымъ, дорогамъ; имъ возможно было доставлять чеченцамъ духовниковъ и церковныя принадлежности. Прошла пора могущества Грузіи, а съ нею, естественно, должна была угаснуть въ Чечнѣ только-что зачавшаяся заря христіанской вѣры, тѣмъ болѣе, что духовенство осталось вовсе безъ поддержки. Тогда чеченцы дѣлаются полухристіанами, т. е. начинаютъ опять обращаться къ языческой вѣрѣ. Получивъ-же однажды понятіе объ истинномъ Богѣ, они, при появленіи мусульманскихъ проповѣдниковъ, уже легче принимаютъ исламъ, такъ-какъ въ обѣихъ этихъ религіяхъ одно общее—познаніе единаго Бога. Были и другія причины, ускорившія этотъ переходъ. Въ то смутное время злодѣянія совершались повсемѣстно. Христіанская религія, проповѣдующая въ своихъ догматахъ кротость и смиреніе, была не по духу тогдашняго состоянія страны, тогда-какъ мусульманство не такъ судитъ о поступкахъ человѣка, и тамъ, гдѣ евангеліе велитъ прощать врагу своему, коранъ позволяетъ воздать око за око и зубъ за зубъ, по закону Моисея. Натурально, послѣднее болѣе нравилось полудикому народу. Обрядъ омовеній, какъ обрядъ рѣзко противорѣчащій жизни вѣчно грязныхъ и неряшливыхъ горцевъ, тоже былъ имъ по душѣ.

Магометанство приняли чеченцы отъ сосѣднихъ дагестанскихъ племенъ; потому-то они исповѣдуютъ ученіе шафійскаго толка. Преданіе называетъ его проповѣдникомъ нѣкоего Термао-

ла; изъ преданія-же видно, что обращали въ новую вѣру силою оружія и что по этому поводу въ странѣ происходили гоненія, насилія и другіе безпорядки. (Пр. XXIX). Принявъ исламъ, чеченцы согласились платить ясакъ Шамхалу, называвшемуся Валіемъ Дагестана (намѣстникъ); платежъ этотъ продолжался недолго. Хотя преданіе умалчиваетъ о томъ, изъ какой вѣры чеченцы перешли въ магометанство, но нѣтъ сомнѣнія, что они до того были христіанами. Кромѣ названія своихъ предковъ керестанами, есть и другіе факты, подтверждающіе эту истину. (Пр. XXX). Не желавшіе принять исламъ не могли оставаться въ странѣ, а потому во множествѣ уходили къ русскимъ, о чемъ свѣжи преданія и понынѣ. Распространеніе мусульманства, начавшееся съ фанатизмомъ и насиліями, къ концу принимаетъ болѣе миролюбивый характеръ.

До принятія ислама чеченцы были миролюбивѣе своихъ сосѣдей. Тогда-какъ кабардинцы и другія племена, занимаясь для своего пропитанія одними грабежами, и понятія не имѣли о хлѣбопашествѣ, чеченцы дѣятельно занимались имъ. Западныя горскія племена добывали порохъ и огнестрѣльное оружіе съ береговъ Чернаго моря, отъ венеціанъ, генуэзцевъ, грековъ и турокъ, и промѣнивали ихъ на чеченскій хлѣбъ. Кромѣ того сосѣди пригоняли въ Чечню на обмѣнъ ихъ хлѣба лошадей и скотъ; гористая и скалистая природа дагестанскихъ племенъ не изобиловала хлѣбомъ, а потому они мѣняли на чеченскій хлѣбъ свои произведенія: фрукты, ковры, шелкъ и проч. Тогда-какъ сосѣди чеченцевъ, подъ знаменами своихъ князей, толпами, самонадѣянно пускались за добычей къ русскимъ, напутствуемые благословеніями муллъ и предсказаніями ихъ изъ книги звѣздъ (седай-жайна или астрологія), о благопріятномъ исходѣ предпріятія, чеченцы, лишь малыми шайками, по два и по три, ночью, втайнѣ отъ родителей и товарищей, пускались на добычу за Терекъ. Нерѣдко удальцы складывали головы въ христіанской землѣ, или, схваченные, ссылались въ Россію. Много лихихъ дѣлъ было совершаемо ими, но некому было передавать ихъ въ родной аулъ, чтобы родные оплакали участь злополучныхъ.

По принятіи магометанства все измѣнилось у чеченцевъ. Коранъ вселяетъ въ нихъ непримиримую вражду къ иновѣрцамъ; сопленные галгаи, оставшіеся въ язычествѣ, какъ и нѣкоторые осетины, дѣлаются ихъ религіозными врагами. (Пр. XXXI). До того дружественные, русскіе и чеченцы начинаютъ непріязнен-

ныя другъ противъ друга дѣйствія. Духовенство еще болѣе возбуждаетъ фанатизмъ народа; оно ночные набѣги и воровство называетъ *войною за вѣру*, а павшимъ въ этихъ подвигахъ людямъ обѣщаетъ рай, называя ихъ *казаватами*, т. е. пострадавшими за вѣру. Впрочемъ, это дѣлалось болѣе изъ личной корысти духовенства. (Пр. XXXII).

Съ принятіемъ магометанства, спорныя дѣла чеченцевъ должны были рѣшаться по шаріату. Но возможно-ли было вольный народъ, вѣками привыкшій къ адату, подчинить шаріату? Шаріатъ хорошъ или между благочестивыми людьми въ полномъ значеніи этого слова, или-же при томъ условіи, чтобы власть была сосредоточена въ рукахъ одной особы, могущей, въ случаѣ непослушанія, принудить къ повиновенію угрозою или наказаніемъ. Чеченцы ни въ какомъ случаѣ не были тѣми людьми, кои необходимы шаріату; будучи благочестивы только въ наружномъ исполненіи обрядовъ мусульманства, они не постигали внутреннихъ его достоинствъ, и не имѣли къ тому-же народнаго правителя, а потому съ шаріатомъ у нихъ послѣдовало тоже, что нѣкогда съ адатомъ: отъ чего страна ожидала всего лучшаго, то на дѣлѣ дало противное—безпорядки увеличились. Обыкновенно, двое тяжущихся шли къ кади (судья) на разбирательство. Кади безпристрастно объявлялъ приговоръ; исполненіе его оставалось на волѣ и богобоязненности тяжущихся. Случалось часто такъ, что если проигравшій тяжбу былъ сильной фамиліи, то уклонялся отъ шаріата и возвращался къ прежнему адату, да и то не столько для выполненія его, сколько для уклоненія отъ удовлетворенія. Эти лукавые извороты и теперь еще сильны между чеченцами; и нынѣ часто случается, что знатокъ адата, изъ кругомъ-виноватаго, дѣлается правымъ и изподтишка смѣется надъ своимъ противникомъ.

Благомыслящіе люди всегда старались поправлять зло въ народѣ. Чтобы исправить неудобства, постигшія шаріатъ, нашли необходимымъ согласовать его съ адатомъ, а потому нѣкоторыя дѣла стали рѣшаться по адату, другія по шаріату. Согласованіе это введено было въ другихъ горскихъ племенахъ, а потому, должно быть, оно перенято чеченцами. Въ настоящее время учрежденіемъ *мажкама* (народный судъ) производится болѣе правильное чѣмъ прежде судопроизводство, и при бдительномъ надзорѣ русскихъ начальниковъ, оно можетъ удовлетворять народнымъ нуждамъ. Хотя чеченскіе депутаты не могутъ еще похвалиться пол-

нымъ безпристрастіемъ, по-крайней-мѣрѣ они не служатъ, какъ въ прошедшія времена, предметомъ насмѣшекъ и пересказовъ въ народѣ, за несправедливыя ихъ рѣшенія.

Издавна вольные чеченцы наслаждаются свободою только въ настоящее время. Имъ отведены мѣста для жительства, разбросанные малые аулы и хутора соединены вмѣстѣ и составляютъ правильные большіе аулы, называемые уже *шахаръ* (городъ), съ своимъ начальствомъ и судомъ. Во многихъ мѣстахъ собираются базары, гдѣ русскіе и чеченцы бьютъ по рукамъ, торгуясь между собою, и гдѣ чеченцы выгодно продаютъ свои произведенія. Они стократъ счастливѣе теперь, чѣмъ въ былое вольное время, когда они должны были спать съ оружіемъ въ рукахъ, для отогнанія ночнаго вора, какъ волкъ кружившагося около ихъ домовъ, для похищенія быка, коровы или барана. Нынѣ они уже не походятъ на тѣ нагія и голодныя толпы, кои двѣнадцать лѣтъ тому назадъ, разоренныя наибами, робко являлись подъ защиту русскихъ.

ПРИМѢЧАНІЯ

КЪ СТАТЬѢ

ЧЕЧЕНСКОЕ ПЛЕМЯ.

I.

По примѣру всѣхъ мусульманъ, чеченцы всѣ явленія природы: землетрясенія, затмѣнія солнца и луны, громъ, молнію и проч., непостижимыя уму безъ помощи науки, истолковываютъ помощью религіозныхъ сказаній. Говорятъ, что громъ есть звукъ ударовъ, наносимыхъ ангелами діаволамъ (шайтанъ), въ ихъ взаимной вѣчной борьбѣ; молнія есть огненная стрѣла, коей ангелы проницаютъ діаволовъ; послѣ ударовъ ея слышенъ сѣрный запахъ, происходящій отъ нечистыхъ, которые прячутся отъ стрѣлъ подъ скирды, въ дома и проч. Подобнымъ-же образомъ истолковываютъ явленіе вѣчнаго снѣга на снѣговыхъ горахъ. Говорятъ, что всѣ созданія Бога, какъ одушевленныя, такъ и неодушевленныя, будутъ въ будущей жизни нести страданія за грѣхи. Снѣговыя горы, покрытыя вѣчнымъ снѣгомъ, слѣдовательно находящіяся въ состояніи всегдашняго замерзанія, согласились въ настоящей жизни перенести это страданіе, чтобы получить блаженство въ будущей.

II.

Говорятъ, что черныя горы не были съискони покрыты лѣсомъ, и приводятъ для этого слѣдующее подтвержденіе. Горные чеченцы, за неимѣніемъ лѣса, огораживали свои дворы каменными стѣнами; обычай этотъ изчезъ еще въ недавнія времена, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ ведется и теперь, хотя можно оплетать заборы и хворостомъ, такъ-какъ страна имъ слишкомъ изобилуетъ. Преданіе говоритъ, что явились бѣлыя птицы, не виданныя до

того; они своимъ каломъ унавозили горы, и съ-тѣхъ-поръ начали расти деревья, обратившіяся въ непроходимые лѣса. Несомнѣнно то, что горы Ханкальскія и берега р. Аргуна были безлѣсны. Одноаулецъ мой, старикъ 90-а лѣтъ, утверждаетъ, что мать его говорила ему, что на Ханкалахъ росъ только терновникъ. Опять-же ичкеринцы говорятъ, что въ цѣлой Ичкеріи не было ни хворостины, чтобы погонять быковъ.

III.

Можно-бы сомнѣваться въ томъ, что калмыки господствовали въ Чечнѣ. Между-тѣмъ народъ въ своихъ преданіяхъ подтверждаетъ о пребываніи ихъ въ Чечнѣ. Напримѣръ, надъ Сунжей есть нынѣ чеченскій аулъ Гуларъ. Гуларъ по-чеченски значитъ укрѣпленная мѣстность, т. е. окопанная канавой, рвомъ, стѣной и проч. Гуларскій аулъ находится на мѣстности, бывшей нѣкогда укрѣпленною окопомъ, и преданіе говоритъ, что на этомъ мѣстѣ нѣкогда обиталъ сильный калмыцкій ханъ съ своимъ народомъ. Мѣстностей, называющихся Гуларъ, много и въ Чечнѣ и надъ Терекомъ. Другіе-же говорятъ, что на томъ Гуларѣ нѣкогда жили русскіе. Достовѣрно то, что калмыки жили на Кумыкской плоскости, до самаго Каспійскаго моря. Какъ ламаиты, они считались врагами всѣхъ мусульманскихъ горскихъ племенъ и самого Шамхала. Горцы тревожили калмыковъ, грабили и убивали ихъ и всячески старались удалить ихъ изъ этой страны. Если они дѣйствительно жили въ Чечнѣ, то, разумѣется, чеченцы тревожили ихъ не менѣе другихъ горцевъ. Преданіе говоритъ, что, не предвидя возможности оставаться на этой территоріи, калмыки собрали совѣтъ изъ умнѣйшихъ людей. Совѣтъ этотъ привелъ къ такому результату: „миръ и тишину, говорили они, мы оставили въ Небесной имперіи, и должны возвратиться за ними въ Китай“. Ихъ много устрашала переправа черезъ Идиль (Волга), но случай помогъ имъ. Престарѣлый калмыкъ, оставшійся въ живыхъ еще со временъ водворенія ихъ на Кавказѣ, предлагаетъ народу свои услуги. Онъ приказалъ свить себѣ корзину и приготовить легкопоступнаго верблюда; старика посадили въ корзину и навьючили ею верблюда, и такимъ образомъ началось подъ его предводительствомъ отступленіе калмыковъ. Старикъ нашелъ такой удобный бродъ, что даже овцы были переправлены на восточный берегъ Волги. Когда всѣ до одного переправились, то и старикъ началъ переправляться; вдругъ поднимается вѣтеръ, Вол-

га разыгралась, волны сбили съ ногъ верблюда и калмыкъ утонулъ. Событіе это сочли за благопріятное, говоря, что самъ Богъ хранилъ старика, только для этого дня. На дѣлѣ-же вышло противное: калмыки были настигнуты русскими; часть ихъ истреблена, часть успѣла уйти въ Китай и часть возвратилась въ Россію.

Какъ-бы то ни было, но видно, что они не долго находились въ Чечнѣ. Объ удаленіи ихъ изъ Чечни есть еще и другой разсказъ. Двое ичкеринцевъ, преслѣдуя оленя, зашли на плоскость, гдѣ были схвачены калмыками и представлены хану. Онъ распрашивалъ ихъ, что они за люди, чѣмъ занимаются, какъ живутъ и т. д. Слово за слово, разговоръ зашелъ о красотѣ женщинъ— чувствительной струнѣ калмыцкаго владыки. Ичкеринцы говорили, что некрасивыя калмычки не должны-бы плѣнять сердце такого важнаго, какъ онъ, лица, и прибавили, что у нихъ въ Ичкеріи, въ Дишніевской фамиліи, есть дѣвица чудной красоты. Отъ свѣта ея очей, добавили они, ночь становится днемъ: такъ не мѣшало-бы ему достать эту красавицу, не щадя денегъ. Ханъ заочно воспламенился любовью къ этой дѣвицѣ и просилъ ихъ содѣйствія къ ея пріобрѣтенію. Желаніе хана было объявлено дишніевцамъ. Собравъ совѣтъ изъ умнѣйшихъ людей страны, они составили условія и отправили дѣвицу съ послами въ путь. Узнавъ, что дѣвица въ дорогѣ, высокомѣрный ханъ унизился до того, что самъ выѣхалъ къ ней на встрѣчу и взялъ подъ уздцы верблюда, на которагo пересадили дѣвицу. Присланные сказали, что онъ не иначе получитъ руку ея, какъ съ условіемъ, что уступитъ ичкеринцамъ страну и переберется за Терекъ. „Хочешь имѣть ее своей женой, отдай намъ землю, а не хочешь, мы отправимъ ее къ султану“. Ханъ согласился, но просилъ полгода сроку; время это онъ желалъ спокойно провести въ объятіяхъ новой супруги. Онъ сдержалъ свое слово; черезъ полгода чеченцы не видали болѣе калмыковъ и заняли плоскость. Говорятъ, что, увидѣвъ зеленые луга Затеречья, чеченцы думали перебраться и туда, но были остановлены неимѣніемъ лодокъ. Это ихъ не задержало; накосивъ сѣна, они наметали стогъ и спустили его на воду, сами сѣвъ на него. Стогъ размыло водою и не умѣвшіе плавать потонули. Сочтя это за гнѣвъ Бога, чеченцы оставили свое намѣреніе. Это преданіе опять подтверждаетъ о пребываніи калмыковъ на плоскости Чечни; очень возможно, что, занимая Кумыкскую плоскость, они заняли и часть Чечни. Но утверждать, что плоскость оставлена чеченцамъ калмыками, было-бы несправед-

ливо; ее оставили имъ русскіе, а потому калмыки могли быть въ Чечнѣ до водворенія русскихъ на плоскости.

IV.

О набѣгѣ кабардинцевъ на владѣнія Шамхала сохранилось такое преданіе. Кабардинцы напали на пограничный аулъ, забрали имущество, скотъ и всѣхъ людей и безнаказанно ушли за Терекъ. Полагая, что находятся уже внѣ опасности, они на берегу рѣчки Кулкужу, въ Кабардѣ, предались пиршеству и стали дѣлить яссыръ, т. е. невольниковъ. Узнавъ объ этомъ, Шамхалъ пришелъ въ ярость, собралъ многочисленное войско и готовился въ погоню. Нѣкто Али, любимецъ Шамхала, отсовѣтовалъ ему лично идти въ погоню, и взялъ это предпріятіе на себя. Выбравъ двѣсти отборныхъ всадниковъ, Али пустился за кабардинцами; онъ настигъ ихъ при р. Кулкужу и расположился невдалекѣ отъ нихъ. Али былъ человѣкъ разумный; ночью лично освидѣтельствовавъ оплошность пирующихъ, онъ съ разсвѣтомъ приготовилъ свою рать слѣдующими словами: „Вы видите, братья, оплошность гяуровъ (кабардинцы были тогда язычниками): полагая, что скрылись отъ глазъ нашего Шамхала, они торжествуютъ, они сняли панцыри и оружіе, отуманили свои головы виномъ, беззаконничаютъ съ нашими беззащитными женами и сестрами и дѣлятъ, какъ овецъ, нашихъ братьевъ. У кого бьется сердце робостью, пусть тотъ удалится отъ меня и поѣдетъ искать слѣды пройденныхъ ногъ своего коня; у кого львиное сердце, тотъ только мнѣ товарищъ. Отмстимъ-же кабардинцамъ за безчестье нашихъ братьевъ, женъ и сестеръ, и да сдѣлаемъ лицо Шамхала бѣлымъ (яснымъ)!“ Они ринулись на полупьяныхъ кабардинцевъ, истребили ихъ, до послѣдняго человѣка, и съ плѣнными братьями возвратились къ Шамхалу. Великая милость была наградою Али.—Во времена этихъ своеобразныхъ набѣговъ, кумыки и чеченцы не занимали еще плоскости.

V.

Что чеченцы были тогда покорны русскимъ, это доказываетъ самое названіе, данное чеченцами русскимъ царямъ. Государь по-чеченски *пади-шахъ* или *падшахъ*, т. е. царь-міра. Не можетъ быть, чтобы они, религіозно симпатизирующіе султану, не дали-бы ему этого титула, если-бы не были покорны русскимъ. Султана они называютъ хункяръ, а персидскаго шаха—шахомъ.

VI.

Туземецъ лучше нежели иноземецъ можетъ знать о событіяхъ своей родины, изъ народныхъ преданій, повѣрій и пословицъ. Еще въ 1854 году, т. е. когда Шамиль былъ во всей своей силѣ, я помню совершенно ясно, какъ чеченцы, толкуя о битвахъ русскихъ съ Шамилемъ, говорили, чувствуя безсиліе послѣдняго: „въ прошедшія времена русскіе были отцомъ страны и *матушка* (баба) русская тогда ходила одна по чернымъ и лысымъ горамъ“. Нужно знать, что одиночное хожденіе женщины по горамъ считается у чеченцевъ значительнымъ фактомъ. Когда-же Шамиль былъ взятъ и Чечня усмирена, то народъ какъ-будто былъ приготовленъ къ этому и предвидѣлъ это; я помню очень хорошо, какъ земляки мои утѣшали себя словами: „нѣтъ сомнѣнія, что русскій опять сдѣлается отцомъ страны, оцѣпитъ горы крѣпостями (галанишъ), и *матушка* будетъ расхаживать по горамъ. Но Богъ великъ, явится *тури-да* (т. е. отецъ меча) и изгонитъ ихъ за Терекъ“. Не доказываютъ-ли эти народные пересуды того, что русскіе дѣйствительно имѣли вліяніе на жителей лысыхъ горъ.

VII.

Преданіе говоритъ, что когда всѣ русскіе ушли за Терекъ, то остался въ Чечнѣ одинъ только русскій, именемъ Тарасъ, на своемъ прежнемъ жительствѣ. Онъ былъ человѣкъ зажиточный и мужественный. Жилье его выстроено было на развѣсистомъ дубѣ; подъ нимъ содержался его скотъ и пчелы; такимъ образомъ, одинъ, провелъ онъ два года. Слухъ о его богатствѣ распространился между чеченцами, но храбрость его удерживала ихъ отъ злокозненныхъ покушеній. Наконецъ два зумсоевца (изъ Аргунскихъ фамилій), прельстясь его богатствомъ, вознамѣрились убить его. Напасть открыто они не рѣшались, но, сдѣлавъ засаду за кустами, привязали фитильное ружье къ дереву и навели его на дверь Тарасова дома. Тарасъ безпечно возвращался въ свое жилище. Зумсоевцы мѣткимъ выстрѣломъ убили его. И мертвый, онъ не свалился съ ногъ, но умеръ, прислонившись къ двери, и былъ еще имъ страшенъ. Полагая, что онъ употребляетъ противъ нихъ хитрость, они только черезъ два дня удостовѣрились въ его смерти, и тогда забрали его имущество.

VIII.

Первобытные обитатели этой страны назывались чаберлоев-

нами (чаберлой). Когда-же на Шаро-и-Чанти-аргунской территоріи образовалось Чеченское племя, то, умножившись затѣмъ, оно подвинулось въ окрестныя стороны. Оно заняло Чаберлой и, смѣшавшись съ его обитателями, составило новыя фамиліи. Туземцы-же Чаберлоя утратили свою національность и природный языкъ, почему еще и до-сихъ-поръ неправильно выражаются по-чеченски. Страна, однако, удержала за собою свое первобытное названіе—Чаберлой.

IX.

Между чеченцами есть незначительная фамилія *Парсеной*, происходящая отъ остатковъ разбитаго персидскаго войска. Замѣчательно созвучіе словъ парсеной съ персами, хотя чеченцы зовутъ персіянъ *кизилбашъ* или *гажарай*.

X.

Чеченскія общества разсказываютъ много анекдотовъ одно про другое. Считая себя болѣе развитымъ, общество Чечни обыкновенно смѣется и трунитъ надъ другими. Напримѣръ, объ ауховцахъ разсказываютъ. Пошли три ауховца къ кумыкамъ учиться ихъ языку; пробыли три года и выучились говорить всѣ трое три фразы, т. е. каждый по одной. Первый зналъ одно слово *бизъ*, т. е. *мы*, второй — *хальва учунъ*, т. е. за халву (халва—сладкое тѣсто), а третій зналъ слова *жанъ чыксынъ аузна*, т. е. *пусть душа вылѣзетъ черезъ ротъ*. Возвращаясь домой, они безпрестанно повторяли эти слова, чтобы вовсе не забыть ихъ. На дорогѣ увидѣли они зарѣзаннаго человѣка и начали его осматривать; вышедшіе на тревогу родственники зарѣзаннаго подъѣхали къ нимъ и спрашивали, не знаютъ-ли они, кто убійца? Первый ауховецъ преспокойно отвѣчаетъ: *бизъ*, т. е. мы. Кумыки удивились, что они такъ легко сознаются въ убійствѣ, и спросили: что онъ вамъ сдѣлалъ, за что вы его убили? Тогда второй сказалъ: *хальва учунъ*, т. е. за халву. Кумыки удивились еще болѣе и, упрекали ихъ, говоря: развѣ можно убивать мусульманина за халву? Чтобы не отстать отъ товарищей въ знаніи кумыкскаго языка, третій сказалъ: *жанъ чыксынъ аузна*, т. е. пусть вылѣзетъ его душа черезъ ротъ. Раздраженные ихъ отвѣтами, кумыки перебили ихъ.

Сидѣли ауховцы кружкомъ, вытянувъ въ центръ ноги; на всѣхъ были желтые сапоги, только-что купленные на базарѣ.

Подъѣхавшій всадникъ сказалъ имъ: что вы дѣлаете и почему не идете домой? уже вечеретъ. Ауховцы отвѣчали: „мы не можемъ разобрать нашихъ ногъ, они всѣ желтыя“, и просили его помочь имъ. Съ охотою, сказалъ всадникъ, и началъ бить ихъ нагайкой: отъ боли они повскакивали на ноги и благодарили всадника за оказанную услугу.

Шли ауховцы по полю, увидали нору. Полагая, что въ ней сидитъ лисица, одинъ изъ нихъ влѣзъ въ нору. Къ несчастью, въ норѣ была не лиса, а медвѣдь, и лишь только ауховецъ всунулъ туда голову, медвѣдь свернулъ ее съ шеи. Трепетавшагося ауховца вытащили изъ норы и, не видя на немъ головы, спрашивали другъ друга, была-ли она на немъ. Никто не могъ дать утвердительный отвѣтъ. Призвали изъ аула его жену и спросили ее, была-ли на немъ голова. „Была-ли на немъ голова, признаться и я не знаю“, сказала она, „но знаю, что шила ему ежегодно папахъ“.

Шли ауховцы по крутому и обрывистому берегу рѣки и увидѣли въ пропасти мѣшокъ. Какъ-бы его достать, разсуждали они. Взявъ другъ друга за руки, они составили изъ себя цѣпь; изъ нихъ первое звено ухватилось рукою за дубъ, а цѣпь спустилась въ пропасть за мѣшкомъ. Къ несчастію, у перваго звена почесалось въ головѣ; онъ просилъ второе освободить на минуту руку, чтобы почесаться. „Ну, скорѣе-же!“ сказало второе звено и освободило руку; всѣ остальные погибли.

Шелъ шатоевецъ по Чечнѣ и нашелъ арбузъ. Что за зеленая у чеченцевъ тыква! подумалъ онъ и понесъ его домой. Жена сварила арбузъ и подала мужу; найдя его безвкуснымъ, шатоевецъ сказалъ: „дуракъ-же я, что не догадался, что онъ не спѣлый; стоило-же труда нести его изъ Чечни въ горы!“

Пошли чеченцы къ назрановцамъ, обращать ихъ изъ язычества въ мусульманство. Одинъ галгаевецъ, принимая новую вѣру, получилъ наставленіе, чтобы до смерти своей ежедневно молился Богу пять разъ и постилъ-бы одинъ мѣсяцъ въ году. Возвращаясь домой отъ миссіонеровъ, онъ повстрѣчался съ своимъ товарищемъ, шедшимъ тоже къ миссіонерамъ. Новообращенный сдѣлалъ ему такое наставленіе: „Смотри не оплошай, я промахнулся; обязывайся постить одинъ мѣсяцъ въ году, но не обязывайся молиться, потому-что этотъ обрядъ долженъ будешь исполнять до смерти. Не легче-ли тебѣ пропостить мѣсяцъ, чѣмъ до конца жизни бить головою въ землю, подобно вонючему жуку“.

XI.

О раздѣленіи Ичкеріи на фамильные участки разсказываютъ слѣдующее. Земля дѣлилась при собраніи цѣлаго народа; когда фамилія получала свою часть, то для отстраненія на дальнѣйшее время поземельныхъ недоразумѣній, всѣ присутствовавшіе брались свидѣтелями въ означеніи границъ. Для этого на концѣ границы рѣзали быковъ и барановъ и варили мясо въ огромныхъ котлахъ, и въ знакъ утвержденія границъ потчивали свидѣтелей. Въ знакъ этого торжества, по окончаніи угощенія, котлы скатывали съ горъ до другого конца границы, чѣмъ изъявляли свое вступленіе во владѣніе землею. Часто случалось, что и на другомъ концѣ границы повторялся пиръ.

XII.

Шатоевцы и назрановцы неохотно зовутъ себя нахчоями, что происходитъ отъ ихъ прежнихъ враждебныхъ отношеній къ чеченцамъ. Но при изліяніи сердечныхъ чувствъ при встрѣчахъ, въ гостяхъ, на пути и проч., они всегда изъявляютъ свою единоплеменность, выражаясь: мы общіе братья (вай ца вежерей децы), или: мы одинаковые нахчой (вай ца нахчой ду).

XIII.

При этихъ случаяхъ часто происходили трагическія сцены. Есть разсказъ о случившемся еще въ недавнее время. Нѣкто Ногай-Мирза, Чермоевской фамиліи, проѣзжалъ верхомъ черезъ одинъ аулъ. Онъ увидѣлъ растрепанную женщину, бѣжавшую съ крикомъ и воплемъ отъ мужчины, преслѣдовавшаго ее съ обнаженнымъ кинжаломъ. Женщина вопила: „О мусульмане, сжальтесь надо мною, меня убиваютъ безвинно; неужели не осталось на землѣ ни одного моего брата, чермоевца, который защитилъ-бы невинную сестру!“ Ногай-Мирза подскакалъ къ ней и сказалъ: „Чермоевцы еще живы, шашки ихъ не притупѣли“, и выхвативъ изъ ноженъ шашку, убилъ гнавшагося за женщиной. Она была Чермоевской фамиліи. Есть много подобныхъ разсказовъ, въ которыхъ фамильные братья подвергаются опасностямъ, не щадя своей жизни для взаимной помощи.

XIV.

О переселеніи своемъ въ Ичкерію всѣ чеченскія фамиліи разсказываютъ басни и легенды. Чермоевская фамилія говоритъ такъ: фамилія эта вышла изъ Мааста и водворилась въ аулѣ

Нашахѣ, слѣдовательно, она—хевсурскаго происхожденія. Одинъ зажиточный чермоевецъ лишился въ Нашахѣ родителей и рѣшился оставить это грустное для него по воспоминаніямъ мѣсто. Отыскивая другое мѣстожительство, онъ взобрался на гору, называемую нынѣ Чермой-ламъ, т. е. гора чермоевцевъ; съ высоты горы онъ любовался окрестностями. День былъ жаркій; невдалекѣ журчалъ ручей. Утомленный отъ ходьбы и зноя, онъ воткнулъ свое копье (гемукъ) у ручья и прилегъ отдохнуть. Проснувшись, увидѣлъ онъ на концѣ копья свѣжесвитое птичье гнѣздо, и сочтя это за благопріятное предзнаменованіе, поселился тутъ съ своимъ семействомъ. Вскорѣ и другіе однофамильцы присоединились къ нему и составили аулъ Черми въ Ичкеріи *). У подошвы этой горы существовалъ знаменитый шамилевскій аулъ Ведень.

Когда фамильныя вѣтви или гаары уходили въ иную землю, то они не оставляли своего поземельнаго участка въ полное владѣніе оставшихся братьевъ, но, считая его своею собственностію, позволяли братьямъ пользоваться имъ, за что получали отъ нихъ *беръ*, т. е. подарокъ, или родъ подати. Для примѣра приведу гаару моей Чермоевской фамиліи. Эта фамилія имѣла земли въ Ичкеріи, бывшемъ Аргунскомъ округѣ и Чечнѣ. Въ началѣ нынѣшняго столѣтія чермоевецъ Ногай-Мирза, мой прадѣдъ, переселился изъ Ичкеріи на плоскость, съ своимъ имуществомъ, состоявшимъ изъ рогатаго скота. Онъ перебывалъ во многихъ аулахъ, но нигдѣ не оставался доволенъ качествомъ земли, которое опредѣлялъ слѣдующимъ средствомъ. У него была мѣра для хлѣба, называвшаяся *гирди* (около 5 гарнцевъ). Коровы его не могли нигдѣ, однимъ удоемъ каждая, наполнить молокомъ эту мѣру, какъ бывало въ Ичкеріи. Отыскивая лучшую землю, онъ зашелъ на Терекъ, гдѣ, къ его радости, молоко перешло черезъ края гирди. „Вотъ та земля, которую я искалъ“, сказалъ онъ и основалъ аулъ, существующій и нынѣ и носящій его имя. Наша фамилія получала отъ оставшагося въ Ичкеріи участка беръ, или подарокъ. Еще за время Шамиля, т. е. спустя сорокъ лѣтъ послѣ своего ухода изъ Ичкеріи, отецъ мой ѣздилъ за беромъ къ чермоевцамъ. Беръ этотъ состоялъ изъ пары овецъ, одного или двухъ сафьяновъ и до 15 аршинъ бязевой матеріи; но какъ-бы

*) Сказаніе это передается другими нѣсколько иначе (см. Сборникъ, вып. IV, статья: „Ичкерія“, стр. 15—16). *Ред.*

малъ ни былъ этотъ сборъ, фамилія наша гордилась имъ, говоря, что получила его за праотеческую землю, и хвалилась этимъ передъ безземельными людьми. Пашни нашей фамиліи еще въ 1860 г. мнѣ указывали чермоевцы.

XV.

Весьма вѣроятно, что башни въ горахъ—грузинской постройки; но я не настаиваю на этомъ мнѣніи, и даже указываю на слышанное мною отъ одного лица мнѣніе, по которому сооруженіе ихъ приписывается фамиліи *Парсеной*, жившей нѣкогда въ Аргунскомъ краѣ. Теперь этой фамиліи уже тамъ не существуетъ; она перешла на плоскость, гдѣ, кажется, состоитъ изъ двухъ, трехъ дворовъ. Насколько мнѣніе это заслуживаетъ вѣроятія, сказать не могу; достовѣрно только то, что о владычествѣ персіянъ въ горахъ у чеченцевъ нѣтъ преданій. О грузинахъ-же—*гуржій*—народъ много говоритъ въ своихъ преданіяхъ.

XVI.

Изъ древнихъ памятниковъ Чечни замѣчательны:

1) Ровъ Тамерлана.

Въ различныхъ мѣстахъ Чечни, за Аргуномъ, около укрѣпленія Воздвиженскаго, въ Малой Чечнѣ и надъ Терекомъ, можно и теперь еще видѣть ровъ, уже отъ времени почти сравнявшійся съ землею. Чеченцы приписываютъ его Тамерлану и называютъ его: *Аксакъ-Темиръ-оръ*, т. е. ровъ хромаго Темира. На счетъ этого рва преданіе говоритъ, что у Тамерлана пропалъ его сынъ; чтобы отыскать его, онъ собралъ многочисленное войско и рѣшился или покорить міръ или отыскать сына. Чтобы вѣрнѣе возвратиться обратно, онъ копалъ по пройденной дорогѣ ровъ; войско его было столь многочисленно, что на долю каждаго воина, во время копанія рва, досталось только по одной торбѣ земли. Ровъ этотъ простирался отъ Каспійскаго до Чернаго моря и шелъ на Русь. Тамерланъ предложилъ своимъ воинамъ набрать побольше земли съ собою, сказавъ, что какъ взявшіе съ собою земли, такъ и не взявшіе воины будутъ раскаяваться. Воины не поняли словъ Тамерлана, а потому нѣкоторые взяли съ собою земли, другіе-же нѣтъ. Набранная земля превратилась въ золото, и вѣщія слова Темира исполнились. Набравшіе земли воины сожалѣли, что взяли ея мало; не набравшіе-же сожалѣли, что не взяли ея. Потомъ говорится, что сынъ его находился табунщикомъ у тогдашняго татарскаго

хана Тохтамыша. Въ этомъ табунѣ былъ конь *турпалъ* (въ родѣ русскаго Полкана). Сынъ Тамерлана сѣлъ на него; конь чуткимъ ухомъ услышалъ шумъ идущаго войска Тамерлана и присоединилъ къ нему его сына. Побивъ татаръ, онъ вернулся обратно.

2) Насыпные курганы.

Ни въ одной Чечнѣ, но по всему сѣверному Кавказу, по близости воды, разбросаны курганы. Большая часть ихъ окопана рвомъ. Копавшіе ровъ какъ-бы очерчивали сперва большую окружность круга и по ней уже копали ровъ; изъ выкопанной-же земли въ центрѣ круга насыпали курганъ, почему величина кургана соразмѣрна съ окружностью круга рва. Соорудитель кургана могъ имѣть двоякую пользу: на курганѣ онъ жилъ съ своимъ семействомъ, а ровъ служилъ ему защитою отъ врага; ночью загонялъ онъ въ него свой скотъ. Курганы обыкновенно расположены группами, отстоящими одна отъ другой въ разстояніи около десяти верстъ. Между малыми курганами каждой группы всегда бываетъ одинъ большой, господствующій надъ окрестностью. Можно полагать, что группа кургановъ составляла селеніе, улусъ; на большомъ жилъ князь или вождь, на маломъ его подвластные. По множеству кургановъ можно предполагать, что они насыпаны многочисленнымъ народомъ. Нѣкоторые полагаютъ, что курганы эти суть кладбища нѣкогда существовавшаго, сильнаго на Кавказѣ, народа; очевидцы утверждаютъ, что, раскапывая одинъ курганъ на землѣ надтеречныхъ чеченцевъ, вырыли человѣческій оставъ, лежавшій между каменными плитами. Въ могилѣ нашли, вмѣстѣ съ оставомъ, кинжалъ и глиняный рукомойникъ. Есть преданіе, что курганы эти сооружали калмыки и татары; но это едва-ли такъ потому, что эти народы обыкновенно жили въ войлочныхъ кибиткахъ и никогда не производили подобныхъ пиженерныхъ работъ.

Нѣкоторые курганы имѣютъ раскопанныя вершины, напр. курганъ надъ Терекомъ, называющійся *ахкене чу барзъ*, т. е. курганъ съ раскопанною внутренностью. Преданіе говоритъ, что его раскапывали русскіе, въ надеждѣ добыть изъ него казну (кладъ или золото). Когда работавшіе уже докопались до клада и застучъ, ударясь о металлъ, издалъ звукъ, тогда вдругъ поднялась гроза; градъ и буря истребили работавшихъ. Народъ и теперь того мнѣнія, что золото въ немъ есть, но что нечистые духи (шайтанъ) стерегутъ его. Но врядъ-ли мои земляки испугались-бы шайтана; ихъ болѣе удерживаетъ отъ раскапыванья неувѣ-

ренность въ существованіи клада. Въ Чечнѣ находили въ курганахъ деньги, кувшины, горшки, серебряныя запястья и другія вещи, но все это оказывалось зарытымъ съ прошлаго столѣтія, со времени начала войны чеченцевъ съ русскими.

3) Окопы бывшихъ въ Чечнѣ укрѣпленій.

Грузины и аварцы имѣли власть надъ горными чеченцами, не касаясь плоскости, такъ-какъ она не была еще населена. Владѣя нѣкогда плоскостью, татары, занимаясь скотоводствомъ, не имѣли необходимости сооружать укрѣпленія, тѣмъ болѣе, что чеченцы были слабѣе ихъ. А потому весьма вѣроятно, что окопы эти сооружены русскими. Чеченцы вполнѣ въ этомъ увѣрены. Такъ, напримѣръ, курганъ Гойтенъ-корта, около Аргуна, въ Большой Чечнѣ, коего окопы еще совершенно и теперь цѣлы. Говорятъ, что онъ былъ средоточіемъ для русскихъ, остававшихся долѣе другихъ въ Чечнѣ. Въ Мартанскомъ и Гойтенскомъ ущельяхъ тоже существовали ихъ окопы; чеченцы находили въ нихъ серебряныя и мѣдныя деньги.

4) Каменныя башни.

Хотя народъ не имѣетъ преданій о сооруженіи башенъ, но можно однако-же съ нѣкоторою вѣроятностью приписать его грузинамъ. Грузины могли проникать на сѣверный Кавказъ. Они имѣли съ чеченцами сообщенія по разнымъ пѣшеходнымъ дорогамъ, существующимъ и нынѣ; замѣчу еще, что много чеченскихъ фамилій приписываютъ себѣ происхожденіе отъ грузинъ. Во времена своего владычества надъ чеченцами, грузины могли сооружать каменныя башни, для содержанія въ нихъ войскъ; башни эти служили имъ оплотомъ противъ слабаго народа. Башни имѣютъ видъ усѣченной четырехъ-гранной пирамиды, съ малымъ основаніемъ, почему кажутся узкими и высокими. Туземцы называютъ ихъ *гала* (укрѣпленіе); это опять указываетъ, что въ нихъ содержались войска. Притомъ-же онѣ воздвигнуты на такихъ мѣстахъ, откуда удобно наблюдать надъ мѣстностью. Башни близъ аула Варанды господствуютъ надъ грознымъ ущельемъ Аргуна. Что Грузія имѣла вліяніе на Чечню, видно также изъ сохранившихся въ Чечнѣ названій грузинскихъ монетъ: *сомъ*, *абазъ*, *шауръ* или *шей*.

Въ горахъ назрановскихъ есть примѣчательные памятники: языческія капища бога *Цу*, *Боранъ-кешъ*, т. е. кладбище Борагана и др., которые, по изслѣдованіи, могли-бы оказать пользу наукѣ. Я не могъ тамъ быть.

XVII.

Чеченцы часто переиначиваютъ преданія, соображаясь съ настоящими событіями. Напримѣръ, всѣ библейскіе патріархи и пророки, по ихъ мнѣнію, были магометанской вѣры. Первые халифы истребляли невѣрныхъ артиллерійскимъ огнемъ; также и Тамерланъ былъ по ихъ мнѣнію отличный артиллеристъ. Такъ-какъ изъ западныхъ народовъ имъ болѣе извѣстны русскіе и турки, то остальныхъ европейцевъ они считаютъ фамиліями (тайпанъ), состоящими подъ властью русскаго царя или султана и платящими имъ подать.

XVIII.

Нарты оставили по себѣ много разсказовъ въ чеченскомъ народѣ, какъ въ горахъ, такъ и на плоскости. Вездѣ эти керестанъ-исполины являются угнетателями народа. Приведемъ для примѣра нѣсколько разсказовъ. Жила въ Ичкеріи сирая вдова, лишившаяся двухъ сыновей, убитыхъ нартами. Сидя въ землянкѣ своей, старуха вспоминала о своемъ несчастьи и горько плакала. Стенанія ея были прерваны раздавшимся на дворѣ шумомъ. Выйдя изъ землянки, она къ ужасу своему увидѣла семерыхъ нартовъ и готова была бѣжать, когда одинъ изъ нихъ задержалъ ее и просилъ накормить ихъ. Дѣлать было нечего; она ввела ихъ въ землянку, развѣсила ихъ щиты и оружіе по стѣнѣ и принялась за стряпню. Вложивъ въ маленькій котелокъ ребрышко сушеной баранины, она повѣсила его на огонь и, взявъ горсть муки, смѣсила лепешку. Нарты забавлялись надъ такимъ легонькимъ обѣдомъ, ибо каждый изъ нихъ съѣдалъ по барану. Но каково-же было ихъ удивленіе, когда, принявшись за поданный обѣдъ, они не съѣли всего мяса и хлѣба. Они попросили старуху объяснить имъ это чудо. Старуха отвѣчала: „до нашествія нартовъ на Ичкерію, страна благоденствовала; хлѣба, молока и масла было въ изобиліи; дѣти наши росли и хорошѣли на радость нашихъ старыхъ лѣтъ. Съ появленіемъ нартовъ все измѣнилось, видно Богъ наказалъ насъ за грѣхи наши вашимъ нашествіемъ. Урожаи прошли, коровы не даютъ молока, благодать, какъ рѣка въ море, утекла изъ Ичкеріи; глядя на дѣтей нашихъ, мы выплакиваемъ глаза и ускоряемъ печальные дни нашей жизни. Нарты убиваютъ мужчинъ, а дочерей уводятъ къ себѣ для безчестья. Да будутъ прокляты нечестивые нарты съ своимъ сѣменемъ; ужъ лучше-бы Богъ наслалъ на насъ моровую язву и

истребилъ-бы всѣхъ! Мясо и мука, вамъ поданныя, сбережены еще съ того благодатнаго времени, когда мы не вѣдали о нартахъ". Услыша этотъ разсказъ, нарты устыдились за самихъ себя, устыдились того, что они служатъ карою для народа, что они даже самую природу разгнѣвали своими беззаконіями. Раскаяніе владѣетъ ихъ жестокими сердцами; они сдѣлались названными сыновьями старухи, обстроились жильями вокругъ ея землянки и, поженившись на невѣстахъ, ею избранныхъ, слились съ чеченцами. Нѣкоторые, измѣняя этотъ разсказъ, говорятъ, что нарты, послѣ чуднаго обѣда, вмѣсто браги (нихи), растопили красную мѣдь, выпили и погибли.

Надтеречные чеченцы имѣютъ болѣе свѣдѣній о нартахъ. Изъ ихъ преданій видно, что нѣкогда существовали два нарта: Науръ и Гожакъ. Жилище Гожакъ-нарта и теперь еще видно, на землѣ Нога-Мирза-юртовскаго аула, и называется *Гожакъ-оръ*, т. е. пещера или подкопъ Гожака. Отверстіе этого подкопа выходитъ на отвѣсную кручу и имѣетъ одинъ аршинъ въ діаметрѣ; потомъ подкопъ расширяется и простирается болѣе $^1/_2$ версты въ длину, представляя множество комнатъ, которыя имѣютъ до сажени высоты. Земля изъ этой пустоты была выносима изъ отверстія подъ кручу, гдѣ такимъ образомъ образовался большой курганъ. Подобная-же пещера видна на землѣ Верхне-Наурскаго аула и называется *Науръ-оръ*, т. е. пещера Наура. Эти два нарта господствовали на землѣ надтеречныхъ чеченцевъ, и вотъ что дошло къ потомству, въ преданіяхъ, объ ихъ дѣлахъ. Гожакъ имѣлъ красивую жену, именемъ Белашай. Науръ влюбился въ нее и вознамѣрился завладѣть ею. Въ этомъ помогъ Науру его пріятель, кабардинецъ. Они сварили водки и, разливъ ее въ сосуды, навьючили на коня; съ нимъ кабардинецъ отправился къ жилищу Гожака. Послѣдняго не случилось дома; зная дорогу, по которой Гожакъ возвращался домой, кабардинецъ разставилъ по ней сосуды съ водкой на извѣстномъ разстояніи одинъ отъ другого. Утомленный Гожакъ, возвращаясь домой, увидѣлъ первый сосудъ съ водкой и выпилъ его; также точно выпилъ онъ и всѣ другіе и отуманенный свалился съ ногъ, на порогѣ дверей своего жилища. Кабардинецъ снялъ съ него голову и отнесъ къ Науру, за что получилъ сто коней въ награду, а Белашай сдѣлалась женою Наура. Науръ имѣлъ двухъ женъ: первая, *Сатай-ханъ*, имѣла пребываніе на курганѣ надъ Терекомъ, на землѣ Старо-юртовскаго аула; другая-же, извѣстная уже Белашай, жила

въ горахъ Нога-Мирза-юртовскаго аула, на курганѣ. Самъ-же Науръ жилъ въ своей пещерѣ, находящейся на землѣ Верхне-Наурскаго аула, т. е. онъ жилъ посреди резиденцій своихъ женъ, въ разстояніи 40 и 30 верстъ отъ нихъ. Но это разстояніе не препятствовало ему забавлять своихъ женъ музыкой. Онъ игралъ по вечерамъ на балалайкѣ; звукъ ея доносился къ обѣимъ его женамъ и для каждой изъ нихъ у Наура были особые музыкальные звуки; по нимъ онѣ узнавали, къ которой онъ сдѣлаетъ ночное посѣщеніе. Онъ имѣлъ такое множество лошадей, что, придя на водопой, они не помѣщались на лугахъ Верхне-Наурскаго аула. Про его смерть говорятъ такъ. Жилъ за Терекомъ знаменитый богатырь—Ногайскій Мирза. У него была прекрасная жена, которую онъ силою похитилъ у родителей. Мирза совершалъ свои наѣзды на буланомъ конѣ, съ черной полосой вдоль спины; отъ частой ѣзды конь исхудалъ и былъ оставленъ въ табунѣ для поправленія. Сѣвши на другого коня, Мирза остался имъ недоволенъ, а потому черезъ два мѣсяца, полагая, что любимый конь его уже поправился, пошелъ его освидѣтельствовать и нашелъ его еще болѣе худымъ, да къ тому еще съ больной спиной. Подозрѣніе запало въ проницательную душу ногайца. ,,Или жена моя разъѣзжаетъ на конѣ къ любовнику, или-же любовникъ, посѣщая мою жену, ѣздитъ на немъ“. Чтобы добраться до истины, онъ употребилъ хитрость. Съ этого времени, каждый разъ, уѣзжая изъ дому, онъ ударялъ нагайкою свою жену, приговаривая: ,,знаешь-ли ты на свѣтѣ богатыря, храбрѣе меня, и жену, красивѣе тебя?“ Наскучивъ этой выходкой, слишкомъ часто повторявшеюся, жена однажды сказала: ,,затеречный Науръ храбрѣе тебя, его жена Сатай-ханъ красивѣе меня“. Ногаецъ тотчасъ понялъ значеніе этихъ словъ и поѣхалъ къ Науру. Съ высоты горъ Науръ примѣтилъ за рѣкою ѣхавшаго всадника; въ первый разъ въ жизни робость овладѣла его душой, и онъ приготовился про всякій случай. О всадникѣ онъ размышлялъ такимъ образомъ: если онъ робкой души, то будетъ искать броду, если-же храбръ и отваженъ, то зря кинется въ воду. Съ высокого берега—ногаецъ ринулся въ воду, переплылъ рѣку и предсталъ передъ Науромъ. ,,Воинъ“, сказалъ ему Науръ, ,,ко мнѣ-ли лежалъ твой путь, или ты ѣдешь далѣе“? Ногаецъ отвѣтилъ: ,,теперь я у тебя, захочу — уѣду, захочу — останусь у тебя“. Науръ принялъ гостя, убилъ кобылу, сварилъ и подалъ мясо ногайцу. Насытившись, ногаецъ сказалъ: ,,послушай, Науръ,

правымъ берегомъ Терека владѣешь ты, лѣвымъ—я; кони наши пьютъ общую воду Терека, слѣдовательно и мы сродни между собою. Эхо теречныхъ горъ вторитъ твое имя, вѣтеръ ногайскихъ степей далеко несетъ звукъ моего имени; чего-бы, кажется, не доставало для насъ, и почему-бы намъ не жить дружно? Не будемъ толковать, какъ бабы или дѣти, поговоримъ по-богатырски. Ты обезчестилъ мою жену и долженъ позволить мнѣ тоже самое съ своею". Науръ отвѣчалъ, что онъ въ безчестіи его жены и виноватъ и не виновенъ (виноватъ тѣмъ, что обезчестилъ, а не виновенъ тѣмъ, что жена ногайца любила Наура больше мужа), но что никому не позволитъ обезчестить свою жену. Они вступили въ бой: одинъ изъ нихъ—ногаецъ, молодой и хитрый, другой — старѣющійся Науръ, начинающій сомнѣваться въ своей физической силѣ. Они вступили въ рукопашный бой; уже вечерѣло; ногаецъ сталъ утомляться и употребилъ хитрость свойственную его народу. ,,Посмотри, Науръ, на небо, что за птицы летятъ по немъ? да утри потъ съ твоего чела". Науръ взглянулъ на небо; ногаецъ-же сшибъ его съ ногъ и, сѣвъ на него, сказалъ: ,,и теперь я не хочу твоей смерти; богатырь не измѣняетъ данному слову; но жизнь твоя въ моихъ рукахъ,—позволь лишь ночь провести мнѣ съ твоей женой". Науръ отказалъ и былъ убитъ; положивъ его голову въ торока, ногаецъ поѣхалъ къ Сатай-ханъ, провелъ съ нею ночь и, снявъ съ ея пальца кольцо, вернулся къ женѣ. Онъ сказалъ ей, бросивъ голову Наура: ,,теперь я увѣренъ, что ты не знаешь богатыря храбрѣе меня", а потомъ, подавъ ей кольцо, сказалъ: ,,и нѣтъ жены красивѣе тебя". Жена узнала голову своего возлюбленнаго Наура, взяла ее въ руки, цѣловала и жала къ своей груди, и обратясь къ своему мужу, сказала: ,,ты могъ его убить или обманомъ, или-же измѣной; онъ всегда былъ храбрѣе тебя". Уличенный въ обманѣ, ногаецъ устыдился, отвезъ жену съ почотомъ къ родителямъ, а самъ уѣхалъ въ Казань. Узнавъ о смерти Наура, жены его лишили себя жизни. Сатай-ханъ съ кручи кургана бросилась въ Терекъ и погибла въ его волнахъ. Въ воспоминаніе этого происшествія, мѣсто это и теперь называется ея именемъ—*Сатай-те*, т. е. возвышенность Сатай. Белашай-же съ высокаго кургана кинулась въ пропасть и погибла. Курганъ этотъ и теперь называется ея именемъ, *Белашай-барзъ*, т. е. курганъ Белашай. Потомство брата Ногайскаго Мирзы еще существуетъ и разсказываетъ о Наурѣ.

XIX.

Оружіе составляло необходимую потребность чеченцевъ съ давняго до настоящаго времени. Прежде они не были увѣрены и за одинъ день своей жизни, почему не дѣлали безъ него ни шагу, какъ на работахъ, такъ и дома, и даже засыпая осматривали, исправно-ли оно. И теперь даже, когда спокойствіе ихъ ограждено закономъ, любовь къ оружію, какъ и прежде, владѣетъ ими, почему они тратятъ много денегъ на его пріобрѣтеніе и украшеніе. Въ минувшія времена случалось, что за ружье или шашку платили двѣсти барановъ, или столько-же рублей, или-же холопа съ холопкой. Чеченцамъ труднѣе другихъ горцевъ было доставать его. Порохъ и оружіе распространены на Кавказѣ съ береговъ Чернаго моря, венеціянцами, генуэзцами, греками и турками. Пользуясь страстью горцевъ къ оружію, народы эти, съ большою для себя прибылью, распространили его по Кавказу. Лучшими шашками считаются тѣ, которыя имѣютъ на клинкѣ изображеніе звѣря; неизвѣстно почему, чеченцы спознали въ этомъ изображеніи обезьяну, по-чеченски *маймунъ*, и назвали шашку: *терсъ-маймунъ*. Русскіе это изображеніе признали за волка и наз. такую шашку *волчокъ*. Шашки, называемыя *калдамъ*, имѣютъ изображеніе креста и считаются старыми и хорошими. Замѣчательно, что персидскія хоросанки и турецкія дамасски не славятся у горцевъ. Изъ ружей преимуществуютъ *мажаръ-топъ*—вѣроятно, венгерскія, хотя венгры славились болѣе саблями, чѣмъ ружьями; цѣнятся также ружья, называемыя *грыме* (крымскія) и *бахчисарай*. Изъ пистолетовъ славятся: *вендигъ*, или венеціянскіе; *перенкъ*, или французскіе; *генжи*, получившіе названіе отъ пистолетовъ изъ Генуи. При всей любви къ оружію, нельзя сказать, чтобы горцы были знатоками въ немъ.

XX.

Есть преданіе, что послѣ удаленія русскихъ изъ Чечни, въ развалинахъ одного ихъ дома чеченцы нашли образъ. Какъ и въ настоящее время, тогда чеченцы были того мнѣнія, что христіане, въ самомъ образѣ или крестѣ, разумѣютъ Бога. Считая такую находку слишкомъ важною, народъ собрался на совѣщаніе: разсудили такъ, что если русскіе, въ хлопотахъ переселяясь, позабыли своего бога, то, опомнившись на противуположномъ берегу Терека, опять вспомнятъ о немъ и придутъ за нимъ назадъ. Тогда, быть можетъ, они уже не возвратятся и останутся

въ Чечнѣ; поэтому было-бы благоразумнѣе имъ самимъ вручить его русскимъ. Два чеченца съ образомъ пришли къ тому мѣсту, гдѣ нынѣ находится Наурскій аулъ, вызвали изъ-за Терека русскаго, именемъ Педаро (Ѳедора), и отдали ему образъ, ожидая за бога большаго подарка. Педаръ подарилъ имъ 10 коп. По поводу образа въ то время говорили:

Орсашна Далла дага мавагайла,
Дагавіачахъ вай мехке буха мабагайла.

Въ переводѣ это означаетъ:

Пусть-бы русскіе о своемъ богѣ не вспомнили,
Вспомнивши-же, въ нашу землю назадъ не пришли.

XXI.

Первоначально чеченцы строились на плоскости хуторами, ибо опасались русскихъ, которые разоряли и жгли хутора, забирали скотъ и брали въ плѣнъ людей. Есть преданіе, что семь хозяевъ, для безопасности отъ русскихъ, составили одинъ хуторъ; русскіе, въ числѣ восьми человѣкъ, пришли для ихъ наказанія, но не посмѣвъ напасть на нихъ, ушли съ угрозами. Опасаясь новаго ихъ появленія, чеченцы увеличили свое число до 18 человѣкъ. Черезъ два дня русскіе, въ числѣ 19 человѣкъ, явились къ хутору, и опять, побоявшись чеченцевъ, вернулись обратно. Одинъ чеченецъ пустилъ имъ въ догонку пулю и убилъ одного русскаго. Въ память этого событія, мѣсто это назвали: Майръ-тупъ, т. е. становище храбрыхъ. Когда на этомъ мѣстѣ основали аулъ, то названіе это перешло и къ нему.

XXII.

Говорятъ, что Чечень-аулъ былъ тогда такъ великъ, что одинъ всадникъ, вздумавши объѣхать вокругъ аула, заморилъ коня.

XXIII.

Кукуруза по-чеченски называется *хажжи*, отъ словъ *хаджи* и *ка*, т. е. *пилигримъ* и *пшеница*, или пшеница пилигрима. Вѣроятно, что нѣкій хаджи, странствуя на поклоненіе въ Мекку, видалъ, какъ турки и египтяне сѣютъ и убираютъ кукурузу и научилъ тому своихъ земляковъ. Теперь посѣвъ кукурузы составляетъ главную отрасль ихъ хлѣбопашества.

XXIV.

Водворившись на плоскости, чеченцы сдѣлались богаче и

во всемъ благообразнѣе своихъ простодушныхъ горскихъ братьевъ. Для выказанія своего преимущества, они называли горцевъ съ презрѣніемъ *ламорой*, т. е. горные. Горные жители были равнодушны къ этому названію и отвѣчали: орлы являются изъ горъ, т. е. сравнивали себя съ орлами.

XXV.

Безпрестанно разоряемые русскими, чеченцы такъ свыклись съ переселеніемъ съ одного мѣста на другое, что это составляетъ ихъ народную отличительную черту. Они переселялись безъ всякаго повода къ тому и обзаводились легкими, непрочными строеніями. При Шамилѣ случалось, что нѣкоторыя семейства строили себѣ жилища въ 20 мѣстахъ. Отличительная черта къ переселенію ясно проявилась у нихъ во время послѣдняго переселенія горцевъ въ Турцію; чеченцы ушли туда въ большомъ числѣ. Были примѣры, что два раза переселявшійся, переселялся и въ третій разъ.

XXVI.

Въ случаѣ убіенія, цѣлая фамилія, или тайпа, бѣжала на иное мѣстожительство. Кровь (ци) переходила изъ рода въ родъ, пока потомство убитаго не упивалось кровью потомка убившаго. Первоначально, кровь распространялась на всю фамилію; съ умноженіемъ фамильныхъ членовъ, кровь распространялась на гаару, а въ позднѣйшее время на одно семейство. Обыкновенно старались убить самого убійцу или его брата и отца. Случалось, что убившій, уплативъ деньги, снималъ съ себя кровь; но болѣе похвальнымъ считалось, если убійца былъ прощаемъ безъ возмездія. Въ такомъ случаѣ онъ дѣлался названнымъ сыномъ матери убитаго. Для этого, убійца отпускалъ на головѣ волосы, не стригъ ногтей и, обнимая новую мать, прикладывался къ ея груди, какъ младенецъ. Тогда сынъ или родственники брили его голову, обрѣзывали ногти, и онъ дѣлался членомъ семейства. Бывали случаи, что названный сынъ навсегда оставался въ новомъ семействѣ.

XXVII.

Знаніемъ адата аулъ Маастъ славился у чеченцевъ передъ всѣми аулами ихъ обществъ, а потому тяжбы, которыя не могли быть разобраны въ какомъ-либо другомъ мѣстѣ, поступали въ Маастъ. Есть слѣдующій разсказъ. Шелъ пѣшій человѣкъ, съ

посохомъ въ рукѣ, по крутому и обрывистому берегу рѣки. Пастухъ ближняго аула пасъ стадо и сидѣлъ задумавшись, спустивъ въ пропасть ноги. Случилось такъ, что пѣшеходъ, не замѣченный пастухомъ, какъ-разъ поровнявшись съ нимъ, уронилъ свой посохъ; отъ внезапнаго шума пастухъ вздрогнулъ и свалился въ кручу, отчего и умеръ. Родственники пастуха объявили пѣшехода кровнымъ врагомъ, этотъ-же, не чувствуя за собой вины, завелъ съ ними тяжбу, рѣшенную въ Маастѣ. Рѣшеніе было такое: всю кровь убитаго оцѣнили въ сорокъ коровъ и раздѣлили ее на три части; $^1/_3$ наложили на пѣшехода за неосторожность съ посохомъ, $^1/_3$ наложили на самый посохъ, произведшій шумъ, и $^1/_3$ на робкую душу пастуха. Заплативъ третью часть цѣны и отдавъ родственникамъ убитаго посохъ, пѣшеходъ снялъ съ себя кровь.

Одна дѣвица любила молодаго парня, а этотъ былъ къ ней хладнокровенъ. Идя съ рѣки, дѣвица встрѣтилась съ нимъ и безъ всякой причины стала кричать, будто-бы онъ обезчестилъ ее. Свидѣтелей не было и тяжба эта была рѣшена въ Маастѣ такимъ образомъ: если дѣвица, въ пятницу, послѣ молебствія въ мечети, въ собраніи цѣлаго джамаата (общества) явится въ одной рубашкѣ, безъ платка и шараваръ, и взлѣзши на крышу мечети присягнетъ въ своемъ показаніи, то парень долженъ на ней жениться; въ противномъ случаѣ парень считается правымъ. Дѣвица не рѣшилась исполнить приговоръ; чувство стыда взяло верхъ надъ страстью, и слава маастскихъ мудрецовъ была прославлена въ народѣ.

Вмѣстѣ съ разселеніемъ въ иныя мѣста, чеченцы прежде всего старались о введеніи у себя правильнаго судебнаго разбирательства. Занявъ Ичкерію, они сильно страдали отъ внутреннихъ раздоровъ и несогласій. Для возстановленія спокойствія, ичкеринцы собираются на курганѣ около аула Цонтари, выбираютъ изъ себя сто умнѣйшихъ человѣкъ, для составленія условій о водвореніи спокойствія въ странѣ. Сто избранныхъ даютъ обѣтъ не сходить съ этого мѣста, не успокоивъ страну; они, впродолженіи десяти мѣсяцевъ, не сходя съ высоты, составили донынѣ существующія въ Ичкеріи правила адата. Въ память такого благодѣтельнаго событія, курганъ этотъ и теперь уважается народомъ и называется: *кетишъ-корта*, т. е. сборная высота. О томъ-же старались и плоскостные чеченцы; они собирались въ Ханкальскомъ ущельѣ, на курганѣ, называемомъ *ханъ-галай-барзъ*, т. е.

сторожевой курганъ. Русскіе называютъ его Ермоловскимъ. Качкалыковцы имѣли тоже у себя подобное мѣсто; къ нимъ ѣздили на разбирательство даже кумыки; мѣсто это они называли *сти-гачалакъ*, т. е. семъ качкалыковъ или семь ауловъ, составлявшихъ Качкалыкъ.

XXVIII.

Собственно холопскаго сословія у чеченцевъ не было; холопы явились у нихъ въ послѣдствіи и притомъ на другихъ условіяхъ, чѣмъ у ихъ сосѣдей. Первоначально, они переняли отъ адигейцевъ понятія объ этомъ сословіи и его добываніи. Они тайно похищали или-же силою увлекали слабыхъ людей сосѣднихъ племенъ и своихъ соотечественниковъ и продавали ихъ за деньги или мѣняли на холоповъ-же. Несчастныя жертвы безправія назывались *яссыръ*, т. е. невольники. Были еще и другія причины, породившія рабовъ. Частые неурожаи тогдашнихъ временъ заставляли нѣкоторыхъ, во избѣжаніе голодной смерти цѣлаго семейства, продавать или мѣнять на хлѣбъ одного семейнаго сочлена, дабы этой мѣрой спасти остальныхъ отъ смерти. Часто случалось, что проданный такимъ образомъ человѣкъ не былъ выкупаемъ и оставался навсегда рабомъ; тоже самое дѣлалось въ случаѣ несостоятельности должника. Впослѣдствіи, во время войнъ, захваченные въ плѣнъ люди дѣлались рабами. Рабство чеченскихъ холоповъ было на другихъ условіяхъ, чѣмъ у сосѣднихъ горскихъ племенъ. У этихъ холопы или рабы составляли низшій классъ народа; чеченцы-же, всегда стремившіеся къ равенству, не отказывали въ немъ и холопамъ. Тогда-какъ у другихъ горцевъ холопы составляли особую категорію людей, у чеченцевъ они составляли младшихъ членовъ семейства. Рабовладѣльцы прочихъ племенъ селили своихъ холоповъ жильями вокругъ себя, и холопы, пропитывая своп семейства, несли еще рабочую повинность; у чеченцевъ-же они жили въ домахъ своихъ господъ и пользовались ихъ пищею и обувью. Почти всегда владѣлецъ и холопъ работали вмѣстѣ. Въ отношеніи къ посторонимъ людямъ, у чеченцевъ холопы были почти равны съ народомъ; одно только названіе *лай* (рабъ) отличало его отъ другихъ жителей; тогда-какъ уздени прочихъ племенъ, стыдясь заниматься черными работами, возлагали ихъ на рабовъ, всячески старались объ ихъ пріобрѣтеніи и классъ этотъ былъ у нихъ многочисленный.

XXIX.

Языческія вѣрованія чеченцевъ смѣшались съ мусульманскими вѣрованіями, почему весьма трудно отдѣлить въ нихъ одни отъ другихъ, такъ-какъ вѣрованія эти приняли уже общую форму исламизма. Напримѣръ, принявъ исламъ, чеченцы вмѣстѣ съ нимъ приняли вѣрованіе въ существованіе ангеловъ и діаволовъ (малашкъ и шайтанъ, или сатана); кромѣ этого они вѣруютъ еще въ геніевъ (джинъ), которые, по понятіямъ ихъ, извлеченнымъ изъ корана, дѣлятся на добрыхъ и злыхъ, или бѣлыхъ и черныхъ, причемъ бѣлые суть геніи мусульманъ, а черные христіанъ. Геніи эти находятся въ такой-же враждѣ, какъ ангелы съ діаволами. У чеченцевъ есть еще и другія вѣрованія, напримѣръ, вѣрованіе въ *алмасовъ* и *убуровъ*, о которыхъ коранъ ничего не говоритъ; слѣдовательно вѣрованіе это осталось въ народѣ еще съ языческой эпохи. Алмасъ есть существо женскаго пола, являющееся людямъ въ человѣческомъ образѣ, на кладбищахъ, по вечерамъ въ глухихъ мѣстахъ аула, лѣса, по дорогамъ и проч. Существа эти—полу-плоть и полу-духъ. Они предвѣщаютъ смерть человѣка заунывнымъ пѣніемъ, произнося часто имя жертвы и испуская при этомъ стоны. Вѣрованіе въ алмасовъ и теперь еще сильно у чеченцевъ. Убуръ есть ничто иное, какъ вампиръ, обыкновенно сосущій кровь младенцевъ въ колыбели. Съ алмасами, шайтанами и джинами чеченцы обращаются безъ церемоніи. Такъ, напримѣръ, уже извѣстный намъ Ногай-Мирза шелъ вечеромъ съ поля и увидѣлъ на дорогѣ женщину въ бѣломъ одѣяніи, сидѣвшую на землѣ и плакавшую навзрыдъ. Ногай-Мирза разслышалъ ея зловѣщія слова, говорившія о наступающей смерти его любимой сестры. Онъ быстро подскочилъ къ женщинѣ съ шашкою въ рукѣ; алмасъ вспрыгнула и убѣжала, оставивъ въ рукѣ Ногай-Мирзы свою косу, которую онъ успѣлъ отрѣзать шашкой. Коса эта, какъ трофей, висѣла на стѣнѣ сакли и утерялась во время разоренія чеченцами теречныхъ ауловъ. Такимъ-же образомъ они расправляются съ геніями, которые вдали отъ взоровъ людскихъ сообщаются между собою въ человѣческомъ образѣ. Если случается, что заблудившійся чеченецъ, въ лѣсу или въ глухомъ мѣстѣ, набредетъ на ихъ общество, то стрѣляетъ въ нихъ, и робкіе духи исчезаютъ. Различныя случайности въ жизни, какъ-то: умалишеніе, физическое разслабленіе, истерическіе припадки, падучую болѣзнь и т. д. тоже приписываютъ проискамъ геніевъ

и шайтановъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ языческія вѣрованія проявляются въ народныхъ пѣсняхъ. Такимъ-образомъ, народный припѣвъ чеченцевъ, употребляемый ими и хоромъ и соло, на пирушкахъ и въ печальныхъ случаяхъ, богатымъ лавочникомъ и бѣднымъ пастухомъ, состоитъ изъ слѣдующихъ словъ:

Далай, далай, вай далай, далай,
Ялай, ялай, лайла, Яла лай.

Слова эти, нынѣ ничего не означающія, по всей вѣроятности относятся къ тому періоду жизни чеченцевъ, когда они, находясь въ язычествѣ, были угнетены другимъ народомъ. Далай или Дало значитъ по-чеченски Богъ; слово Ялай или яла означаетъ умереть или смерть. Въ переводѣ припѣвъ этотъ значитъ:

Боже, боже, нашъ боже, боже,
Яла, яла, пусть умретъ яла смертью.

Быть можетъ, въ этомъ припѣвѣ слово яла означаетъ какое-либо языческое божество—даже божество смерти.

Въ преданіяхъ народа сохранилось имя перваго проповѣдника исламизма у чеченцевъ; имъ былъ нѣкто Термаолъ. Онъ былъ человѣкъ краснорѣчивый и жестокій. Увлекаемые потокомъ его рѣчей, чеченцы покорились ему. Въ собраніи всего народа онъ въ торжественныхъ словахъ описывалъ всемогущество Бога мусульманъ; въ яркихъ краскахъ изображалъ рай, уготованный правовѣрнымъ. Говорилъ о шестидесяти гуріяхъ (хуріаль), назначенныхъ избраннымъ. Гуріи встрѣтятъ своего суженаго въ райскихъ вратахъ и, воспѣвая гимны Предвѣчному и славя своего новаго повелителя, отведутъ его въ приготовленный для него домъ, выстроенный изъ мускуса, золота и серебра и испещренный дорогими камнями: алмазами (жаухаръ), яхонтами (ягутъ), изумрудами (зубаржатъ), и проч. Въ немъ будетъ находиться 70 комнатъ, съ великолѣпными ложами; вѣчно-юныя и дѣвственныя гуріи взоры свои, полные любви и страсти, будутъ обращать на своего повелителя, ожидая его приказаній. Онѣ будутъ одѣты въ 60 платьевъ, одно сверхъ другого, но отъ бѣлизны ихъ тѣла и чистоты плоти, черезъ 60 платьевъ будутъ виднѣться мозги въ ихъ костяхъ, какъ черезъ чистѣйшій кристаллъ. Говорилъ, что праведные будутъ имѣть ростъ въ шесть разъ болѣе своего нормальнаго, чтобы въ шесть разъ болѣе вкушать райскихъ сладостей. Такія рѣчи воспламеняли чеченцевъ, и тѣ, которые хоть

мало были еще въ сомнѣніи, тотчасъ-же дѣлались мусульманами. Народный фанатизмъ доходилъ до того, что даже старцы въ послѣдніе дни жизни своей совершали обрядъ обрѣзанія. Окруживъ себя усерднѣйшими послѣдователями, Термаолъ началъ смѣлѣе производить обращеніе и убивалъ противящихся, называя ихъ врагами божьими (дели-мастахой). Брань эта, нынѣ столь общеупотребительная, въ первый разъ явилась у чеченцевъ въ то время. Говорятъ, что онъ имѣлъ обычай, убивши тысячу человѣкъ невѣрующихъ, одинъ трупъ ставить вверхъ ногами; будто-бы онъ разъ втеченіи одного дня въ подобную позу поставилъ три трупа, т. е. убилъ три тысячи человѣкъ, и смягчился только тогда, когда жены убитыхъ, накрывъ свои головы котлами, вышли изъ домовъ своихъ въ знакъ того, что имъ уже не для кого болѣе держать огонь и воду *). Когда наконецъ страна успокоилась, то эти жестокости Термаола не были забыты народомъ. Онъ сдѣлался предметомъ насмѣшекъ дѣтей, представлявшихъ въ своихъ играхъ опрокинутые трупы. Не будучи въ состояніи перенести такого униженія, онъ вырылъ себѣ могилу и живой погребъ себя. Погребая себя, онъ сказалъ: „прощайте, мусульмане, теперь я уже больше не нуженъ вамъ, но приду тогда, когда вы почувствуете въ мнѣ нужду“. Нѣкоторые фанатики и теперь ожидаютъ его появленія. Могила его находится въ Ичкеріи, на землѣ Энокалинской фамиліи.

Исламизмъ, проповѣдуемый сперва насиліями, къ концу принялъ болѣе спокойный характеръ, что видно изъ слѣдующаго преданія.

При окончательномъ утвержденіи исламизма между чеченцами, въ главѣ народа стоялъ нѣкто *Берса* (Берсанъ), Курчалинской фамиліи; онъ имѣлъ вліяніе въ народѣ, его называли имамомъ и шейхомъ (святымъ). Въ аулѣ Гупи онъ имѣлъ большаго друга и такого-же вліятельнаго въ народѣ человѣка, но страшнаго противника корана. Берса пріѣхалъ въ аулъ Ахшпатой, недалеко отъ Гуни, для обращенія оставшихся еще въ язычествѣ. Гуноевскій пріятель Берсы обидѣлся, за то что онъ, вопреки народнаго обычая гостепріимства, не заѣхалъ къ нему и пренебрегъ его особой. Обиду эту онъ принялъ близко къ сердцу и поѣхалъ къ Берсѣ лично выразить свое неудовольствіе. Представъ передъ Берсой,

*) Обычай накрывать голову котлами существовалъ у чеченцевъ до позднихъ временъ.

онъ осыпалъ его упреками. Берса отвѣчалъ, что когда онъ былъ подобнымъ ему гяуромъ, то былъ его другомъ; теперь-же, принявъ исламъ, онъ не можетъ быть другомъ невѣрнаго нечестивца, и „если я встрѣчусь съ тобою въ полѣ—добавилъ шейхъ—то вступлю съ тобою въ бой, чтобы смертью невѣрнаго стяжать спасеніе. Сердце мое чувствуетъ къ тебѣ любовь сильнѣе прежняго, но души наши раздѣляетъ преграда, которую можешь разрушить только ты. Хочешь продолжать нашу дружбу — прими коранъ; не хочешь — будемъ заклятыми врагами". Гуноевецъ былъ уступчивъ и любилъ Берсу, а потому согласился принять исламъ, но просилъ для этого одинъ мѣсяцъ срока. „У меня", сказалъ онъ, „есть тридцать грудей откормленныхъ кабановъ; съѣдая ежедневно по одной груди, я въ продолженіи мѣсяца покончу ихъ и тогда, распрощавшись съ моимъ лакомымъ кушаньемъ, приму коранъ". — „Мѣсяцъ пройдетъ, какъ мгновеніе ока", сказалъ шейхъ, „можешь-ли ты ручаться, что черезъ часъ ангелъ смерти не отниметъ твоей жизни, и тогда, не внявъ словамъ друга, учащаго тебя познанію истиннаго Бога, ты будешь въ аду терпѣть всѣ ужасы мученій? неужели совѣты друга не стоютъ для тебя поганыхъ свиныхъ грудей? Теперь, или никогда!" вскричалъ шейхъ грозно. Гуноевецъ принялъ исламъ и поѣхалъ домой обращать свою фамилію. Но кто изъ людей не подверженъ слабости и не отступаетъ отъ правилъ религіи, а тѣмъ болѣе можно-ли винить за часъ передъ этимъ и почти силою обращеннаго Гуноевца? Пріѣхавъ домой, онъ проголодался, и увидѣвши свиныя груди—соблазнился: вмѣсто того чтобы, какъ новый миссіонеръ, учить свою фамилію новой вѣрѣ и объяснять значеніе поста, онъ приказалъ женѣ повѣсить скорѣе котелъ и сварить разомъ десять грудей. „Не бросить-же мнѣ ихъ собакамъ", размышлялъ онъ: „я много хлопоталъ, откармливая кабановъ; три дня небольшая бѣда, успѣю раскаяться, а можетъ быть, съѣвъ десять грудей, получу къ нимъ отвращеніе, и тогда сдѣлаюсь мусульманиномъ безъ всякой задней мысли". Уже пища была готова; онъ пошелъ разсѣдлать коня и возвращался, издали еще обоняя запахъ жирныхъ грудей. Но каково-же было его удивленіе, когда, вошедъ въ комнату, онъ увидѣлъ на почетномъ для гостя мѣстѣ шейха, страшно ему выговаривавшаго. Шейхъ вынесъ котелъ на дворъ и бросилъ мясо собакамъ. Пораженный этимъ чудомъ, Гуноевецъ сдѣлался ревностнымъ мусульманиномъ и далъ обѣтъ постить цѣлый мѣсяцъ.

XXX.

Я нашелъ нѣкоторыя данныя, доказывающія, что до принятія корана чеченцы были христіанами.

По библейскимъ преданіямъ, самъ Богъ опредѣлилъ шесть первыхъ дней для работы и седьмой, субботу, для отдыха. Этому порядку недѣлесчисленія слѣдовали народы Малой Азіи, Аравіи, Египта, Персіи и мн. др. Послѣ воскресенія Іисуса, христіане, въ память этого событія, измѣнили прежній счетъ днямъ недѣли, а именно: праздничнымъ своимъ днемъ опредѣлили ветхозавѣтный первый день, а потомъ уже по порядку называютъ остальные дни, почему ветхозавѣтный субботній день дѣлается христіанскимъ шестымъ днемъ, а ветхозавѣтный первый—христіанскимъ седьмымъ или праздничнымъ днемъ.

Мухаммедъ тоже переименовалъ дни, а именно: слѣдуя прежнему ветхозавѣтному счисленію дней, бывшему тогда въ Аравіи, шестой его день, или пятый христіанскій, онъ назначилъ праздничнымъ днемъ, назвавъ его *джума*; остальные-же дни оставилъ по прежнему ветхозавѣтному порядку.

Принявъ магометанство, чеченцы должны были-бы слѣдовать магометанскому счету недѣли, но видимъ противное; они ведутъ не только что христіанскій порядокъ счисленія дней недѣли, но и названія дней на ихъ языкѣ тождественны съ русскими названіями. Это яснѣе изъ слѣдующей таблицы:

Ветхозавѣтный счетъ.	Первый день. 1	Второй день. 2	Третій день. 3	Четвертый день 4	Пятый день. 5	Шестой день. 6	Суббота 7
Христіанскій счетъ.	Воскресенье. 7	Понедѣльникъ. 1	Вторникъ. 2	Среда. 3	Четвергъ. 4	Пятница. 5	Суббота 6
Магометанскій счетъ.	Первый. 1	Второй. 2	Третій. 3	Четвертый. 4	Пятый. 5	Шестой. 6 Джума.	Суббота 7
Чеченскій счетъ.	Киринъ-де. 7 Недѣльный день	Оршотъ 1 Понедѣльникъ.	Шинера. 2 Второй.	Кара. 3 Третій.	Іера. 4 Четвертый.	Перески 5 Джума.	Шабатъ 6 Суббота

Изъ этой таблицы ясно видно, что ветхозавѣтный и маго-

метанскій счетъ недѣльныхъ дней одинаковы между собою, а христіанско-русскій тождественъ съ чеченскимъ.

Названія дней у чеченцевъ имѣютъ тѣже значенія, какъ и русскія. Вторникъ по-чеченски назыв. *шинера*, отъ слова *ши*, означающаго два, т. е. второй день, или вторникъ; среда—*кара*, отъ слова *ко* или три, т. е. третій день; четвергъ *іера*, отъ слова *ји*, т. е. четыре. Пятница до принятія ислама называлась *пхера*, отъ слова *пхи*, т. е. пять. Принявъ мусульманство, чеченцы назвали пятницу *пески*, отъ арабскаго слова *фарзъ*, т. е. постановленія мусульманства, переданныя Богомъ черезъ коранъ. Арабскую букву ف (*фи*) чеченцы выговариваютъ *пи*, поэтому и названіе пятницы *фарзски* выговариваютъ *париски*, какъ произносятъ въ горахъ, а на плоскости *пески*, т. е. день, въ который объявлены постановленія фарза. Суббота называется *шабатъ*, а воскресенье—*киринъ-де*, т. е. недѣльный день, или главный день недѣли. Названіе киринъ-де происходитъ изъ двухъ словъ: *кира* недѣля и *де* день, т. е. праздничный день.

Мнѣ случайно досталась арабская рукопись отъ одного лица, котораго она вовсе не интересовала. Въ ней велся хронологическій перечень событій на Кавказѣ и между прочимъ сказано, что чеченцы находились въ *крестопоклонствѣ*, т. е. христіанствѣ, 104 года до принятія ими мусульманской вѣры. Тогда, допустивъ, что чеченцы начали принимать исламъ разновременно съ начала XVIII столѣтія, можно заключить, что они находились въ христіанствѣ цѣлое XVII столѣтіе, и притомъ что христіанство у нихъ возобновлено было русскими. Подтвержденіемъ этого можетъ служить и то обстоятельство, что тѣ чеченцы, въ эпоху принятія у нихъ корана, которые не желали его принять, уходили къ русскимъ. Если-бы до того чеченцы были въ язычествѣ, то, естественно, они ушли-бы къ соплеменнымъ и единовѣрнымъ жителямъ, назрановцамъ, т. е. къ галгаямъ, ингушамъ, и др., но не къ христіанствующимъ иновѣрнымъ русскимъ. Они уходили къ русскимъ, потому что считали ихъ братьями по религіи.

Что дѣйствительно чеченцы уходили тогда къ русскимъ, это подтверждаютъ сами казаки Червленной и др. станицъ. До-сихъ-поръ еще они не позабыли своихъ праотеческихъ фамилій, и сами подтверждаютъ, что происходятъ отъ чеченцевъ изъ фамилій: Биллетоевской, Варандоевской, Ахшпатоевской, Гноевской и т. д. И теперь они ведутъ куначество (знакомство) съ чеченцами.

XXXI.

Принявъ исламъ, чеченцы дѣлаются религіозными врагами всѣхъ иновѣрцевъ, въ томъ числѣ и язычествующихъ единоплеменниковъ своихъ. Сохранилась пѣсня о религіозныхъ битвахъ ихъ.

Случилось такъ, что въ эти ожесточенныя времена, дочь вліятельнаго галгаевца выкралъ чеченецъ и увезъ въ Чечню. Галгаевецъ, въ храмѣ своего бога *Цу*, поклялся ненавистью и местью къ чеченцамъ. Для удовлетворенія своей злобы, онъ приноситъ въ жертву десять упитанныхъ воловъ и начинаетъ собирать шайку. Далѣе говорится, что въ шайку его вступилъ молодой ингушъ, на статной и красивой лошади. Коня своего онъ выкормилъ, какъ своего семьянина: возвращался-ли домой съ поздней вечеринки, онъ не ложился спать, не давши коню полчурека; приходилъ-ли съ работы, часть поданной ему пищи удѣлялъ коню. Шайка пустилась въ Чечню. Провѣдавъ о томъ, и чеченцы тоже собрались, ночью окружили враговъ и на разсвѣтѣ вступили въ бой. Уже большая часть галгаевцевъ была истреблена; подъ вожакомъ пала лошадь. Увидавъ молодаго ингуша на лихомъ конѣ, вождь сказалъ ему: дай мнѣ сѣсть на твоего коня, я прогоню этихъ робкихъ чеченцевъ; они, какъ скворцы отъ ястреба, разлетятся въ стороны отъ руки моей, мы-же со славою и добычей вернемся домой!—„Нѣтъ, сказалъ ингушъ, тебѣ не безъизвѣстно, какъ я выкормилъ его; я лишалъ себя на половину своей пищи, чтобы въ черный день онъ выручилъ меня изъ бѣды. Теперь настalъ этотъ роковой часъ. Дѣлай, какъ знаешь, а я вернусь домой вѣстникомъ нашего несчастья“. Сказавъ это, онъ невредимо проскакалъ сквозь ряды чеченцевъ, осыпаемый градомъ пуль изъ ихъ ружей. Шайка была истреблена; у ингушъ пропала охота тревожить чеченцевъ.

Въ концѣ прошлаго столѣтія, чеченцы, по примѣру прочихъ горцевъ, начинаютъ собираться массами и тревожатъ русскія границы. Нѣкто *Мансуръ*, алдинскій уроженецъ, Арестенжоевской фамиліи, сталъ въ главѣ народа. Его называли и шейхомъ, и имамомъ. Онъ началъ свои дѣйствія, съ намѣреніемъ

вытѣснить русскихъ изъ мусульманскихъ земель. Планы его стремились къ тому, чтобы собрать всѣ горскія племена и единодушно дѣйствовать противъ русскихъ. Для достиженія своей цѣли онъ обратился къ помощи религіи, зная, какое большое уваженіе оказывали горцы къ духовнымъ особамъ. Наложивъ на страну трехдневный постъ (мархо), онъ, съ приближенными своими (мурады), сталъ навѣщать аулы, сопровождаемый пѣніемъ зикра (славословіе). Жители выходили къ нему на встрѣчу, каялись передъ нимъ въ грѣхахъ и обращались къ *таба* (покаянію), обязывались не дѣлать дурныхъ поступковъ, какъ-то: не красть, не спорить, не курить табаку, не пить крѣпкихъ напитковъ, но усердно молиться Богу, не пропуская для этого назначенныхъ сроковъ. Народъ призналъ Мансура своимъ *устасомъ*, т. е. ходатаемъ передъ Богомъ: цѣловали полы его одежды, и такъ увлекались религіознымъ настроеніемъ, что прощали другъ другу долги, прекращали тяжбы и прощали даже самую кровь (ци). Люди открывали одинъ другому свои сердца, изгоняя изъ нихъ злобу, зависть, корысть и проч. Говорятъ, что тогда народъ до такой степени обратился на истинный путь, что найденныя вещи и деньги привязывали на шесты и выставляли на дорогахъ, пока настоящій владѣлецъ не снималъ ихъ. Этотъ кризисъ въ жизни чеченцевъ продолжался два года. Слава о немъ распространилась и въ другихъ племенахъ. Язычествовавшіе кабардинцы, галгаи и горные чеченцы принимаютъ исламъ и единодушно съ чеченцами возстаютъ противъ русскихъ. Чеченцы принимаютъ надъ ними главенство и смѣлѣе начинаютъ дѣйствовать. Самонадѣянность ихъ доходила до того, что напр. нѣсколько человѣкъ, не имѣвшихъ и одного быка, условливались составить свой плугъ, и для этого при начатіи полевыхъ работъ пригоняли изъ-за Терека быковъ, добытыхъ отъ русскихъ. Калымъ выплачивали, назначая для взноса его опредѣленные сроки и тѣмъ временемъ добывая его отъ русскихъ. Преданіе говоритъ, что для прекращенія такого хищничества, русскіе вознамѣрились взять и разорить гнѣздо хищниковъ — аулъ Алды, мѣстожительство Мансура. Они безъ боя переправились на чеченскій берегъ р. Сунжи и уже подходили къ аулу. Мансуръ между-тѣмъ ничего не предпринималъ; черезъ такое бездѣйствіе его народъ началъ сомнѣваться въ его святости и сталъ роптать. Русскіе готовились уже штурмовать аулъ; только тогда Мансуръ совершилъ въ мечети молебствіе, вышелъ изъ нея, всенародно совершилъ *дуа* (прошеніе у Бога) и ринул-

ся на русскихъ. Они были совершенно разбиты; убитыхъ было такое множество, что изъ кольевъ, которыми былъ огороженъ аулъ и на которые выставлены были головы убитыхъ русскихъ, осталось безъ трофея только два кола. Часть русскихъ разсѣялась по лѣсу, и черезъ недѣлю послѣ битвы, изнуренные голодомъ, они сами являлись въ аулъ. Но нѣкоторая часть русскаго войска все-таки стройно ретировалось къ р. Сунжѣ. Чеченцы быстрымъ натискомъ силились прорвать ряды храбрыхъ, но русскіе отражали ихъ; говорятъ, что ихъ поддерживалъ отъ разстройства одинъ всадникъ на бѣломъ конѣ. Мансуръ самъ зарядилъ ружье свое и мѣткимъ выстрѣломъ свалилъ этого всадника съ коня. Тогда весь русскій отрядъ былъ истребленъ и, какъ говоритъ преданіе, по Сунжѣ неслись однѣ фуражки (лаба-ёлукуйнъ), впервые видѣнныя чеченцами.

Извѣстный печальный конецъ, постигшій Мансура, не образумилъ чеченцевъ; они и вѣрить не хотѣли, чтобы онъ могъ быть схваченъ невѣрными, но говорили, что онъ взятъ на небо и скоро спустится на землю, для окончательнаго истребленія всѣхъ русскихъ.

Но, не дождавшись его появленія, они не могли уже оставаться безъ имама, а потому перваго выскочку или ханжу признавали имамомъ. Такъ, нѣкто *Гаука*, Чермоевской фамиліи, противъ собственнаго желанія, провозглашенъ былъ имамомъ. И теперь еще видѣнъ ровъ, вырытый за его время, для воспрепятствованія русскимъ идти въ Чечню, черезъ Ханкальское ущелье. Ровъ этотъ называется: Гаукай-оръ.

Такъ шли дѣла въ Чечнѣ, когда наконецъ русскіе, въ 1818 году, основали на Сунжѣ, въ сердцѣ Чечни, крѣпость Грозную.

Послѣдующія событія довольно извѣстны.

XXXII.

Хамсъ или *хамси* есть слово арабское и означаетъ пять. Чеченцы выговариваютъ это слово *кумсъ*. Во время набѣговъ чеченцевъ на иновѣрцевъ, всякая отнятая отъ враговъ добыча

дѣлилась на пять частей; изъ нихъ четыре части предоставлялись добывателямъ, а пятая, называвшаяся кумсъ, т. е. пятая часть, отдавалась духовнымъ. Въ имаматство Шамиля, кумсъ давали ему. За утайку кумса наказывали.

У. Лаудаевъ.

АДАТЫ

ЖИТЕЛЕЙ КУМЫКСКОЙ ПЛОСКОСТИ *).

ВСТУПЛЕНІЕ.

Населеніе Кумыкской плоскости состоитъ изъ двухъ главныхъ племенъ — Кумыкскаго и Ногайскаго, а также не малаго числа пришлецовъ изъ Чечни и Дагестана. Всѣ они, не смотря на разноплеменность, подъ вліяніемъ одинаковаго образа жизни, подчинились одинаковому адату; оставшіеся-же слѣды нѣкоторой особенности среди ногайцевъ примѣняются ими иногда къ дѣлу лишь частнымъ, домашнимъ образомъ, но не входятъ въ адатъ и примѣненія при разбирательствѣ въ судѣ не имѣютъ.

Кумыки придаютъ большое значеніе соблюденію всѣхъ тонкостей адатнаго порядка, и малѣйшее уклоненіе отъ таковаго, при разбирательствѣ дѣла, влечетъ за собою неудовольствіе и протестъ. Отъ этого часто случается, что нѣкоторыя дѣла, совсѣмъ не сложныя, разбираются продолжительнѣе, чѣмъ сложныя.

Мѣстное судопроизводство основывается на двухъ способахъ разбирательства: шаріатѣ (духовный судъ) и адатѣ (судъ по обы-

*) Для предоставленія возможности сравнительно изучать адатныя постановленія горцевъ, „Сборникъ“ предположилъ напечатать собраніе адатовъ всѣхъ главнѣйшихъ горскихъ племенъ Кавказа. Помѣщаемое нынѣ въ „Сборникѣ“ собраніе адатовъ жителей Кумыкской плоскости составлено подъ руководствомъ бывшаго начальника Кумыкскаго округа (нынѣ Хасавъ-Юртовскій), полковника Вояковскаго (нынѣ генералъ маіоръ), въ 1865 году, частію на основаніи бывшихъ уже въ окружномъ судѣ примѣровъ, частію по показаніямъ депутатовъ суда и свѣдущихъ стариковъ. Перемѣна въ условіяхъ жизни кумыковъ, происшедшая отъ подчиненія ихъ русской власти, измѣнила и продолжаетъ измѣнять многое въ старинныхъ ихъ адатахъ, замѣняя отжившее новыми народными постановленіями, весьма близкими по духу къ законамъ Имперіи.

чаямъ). Не касаясь перваго, имѣющаго свои основанія, приступимъ къ выясненію втораго способа, оговорившись предварительно, что многія изъ дѣлъ, подлежащихъ разбирательству по шаріату, рѣшаются часто (судомъ) по адату, если есть ясныя фактическія доказательства, — при чемъ однако постановленія шаріата не упускаются изъ виду. Такъ, наприм., дѣла по бракамъ, долговыя, — если есть проценты, исковыя и тяжебныя передаются на шаріатъ только тогда, когда судъ, при разбирательствѣ таковыхъ адатнымъ порядкомъ, затрудняется произнести приговоръ.

При разбирательствѣ адатнымъ порядкомъ, — по дѣламъ исковымъ, тяжебнымъ, долговымъ и за ложную присягу,—употребляются свидѣтели, черезъ которыхъ открывается истина дѣла. По всѣмъ-же другимъ дѣламъ употребляются также свидѣтели, или-же доказчики; если-же нѣтъ ни тѣхъ, ни другихъ, то назначаются подозрѣваемому *туссвы*, и столько ихъ, сколько полагается адатомъ для каждаго рода преступленія особо.

Тусевы—это какъ-бы заочные свидѣтели; они назначаются самимъ истцомъ изъ родственниковъ отвѣтчика, или изъ постороннихъ лицъ, когда истецъ увѣренъ, что эти послѣдніе знаютъ обстоятельства дѣла, а равно и самый образъ жизни отвѣтчика. Но часто въ число тусевовъ попадаются и такія лица, которымъ совершенно не было извѣстно ни дѣло, ни частный образъ жизни отвѣтчика.

Роль этихъ тусевовъ состоитъ въ томъ, чтобы присягою обвинить или оправдать обвиняемаго. Обвиняемый, при назначеніи ему тусевовъ, имѣетъ право устранить ихъ, но для этого долженъ представить уважительныя причины, наприм.: вражду, дурное поведеніе, близкое родство или дружбу съ истцомъ, а также если кто изъ нихъ развелся съ женою, а потомъ опять на ней женился, или если кто присягалъ когда-либо ложно; но для устраненія тусева отъ присяги требуются судомъ точныя доказательства, голословныхъ-же обвиненій судъ не принимаетъ.

Если отвѣтчикомъ представлены точныя доказательства негодности тусева, то лицо это устраняется, а на мѣсто его истецъ назначаетъ другого.

Если одинъ изъ числа назначенныхъ тусевовъ и принявшихъ присягу обвинитъ подозрѣваемаго, то послѣдній признается виновнымъ, хотя-бы всѣ остальные тусевы и оправдали его.

Если обвиненный присягою тусевовъ объявитъ въ судѣ,

что онъ можетъ доказать ложность присяги, то ему дается срокъ для этого, и дѣло считается не оконченнымъ.

Не могутъ быть назначаемы въ тусевы, согласно обычая: князья, муллы, кадіи, женщины и тѣ, которые имѣютъ отъ кадія или муллы свидѣтельство въ томъ, что присягнули разъ навсегда— ни самому никогда не присягать, ни другимъ не давать присяги; вмѣсто такого свидѣтельства въ этомъ можно представить двухъ хорошихъ свидѣтелей.

Если тусевы, не зная подробностей дѣла, по которому они назначены, затрудняются обвинить или оправдать подозрѣваемаго, то они предлагаютъ послѣднему, съ родственниками его, принять присягу, а потомъ уже, по присягѣ этой, принимаютъ и сами присягу.

Если-же одинъ изъ тусевовъ, зная навѣрно виновность подозрѣваемаго, объявитъ, что онъ не можетъ оправдать отвѣтчика, то послѣдній съ родственниками къ присягѣ не допускается.

Истецъ имѣетъ право назначать меньше противъ положеннаго обычаемъ числа тусевовъ или даже дать присягу самому отвѣтчику, если нѣтъ къ тому препятствій.

На обязанности отвѣтчика лежитъ доставить тусевовъ въ судъ.

Въ случаяхъ, когда виновный неизвѣстенъ, истецъ употребляетъ доказчика (айгакъ), который разыскиваетъ виновнаго. Если послѣдній будетъ найденъ, тогда платятся за доказательство айгаку деньги, въ количествѣ опредѣленномъ для каждаго рода разыскиваемаго, и плата эта падаетъ на виновнаго.

Доказчикъ бываетъ явный и тайный; первый обыкновенно представляется въ судъ, и если показаніе его достовѣрно и самъ онъ человѣкъ хорошій, то ему дается присяга, по которой подозрѣваемый обвиняется; въ противномъ случаѣ назначаются отвѣтчику тусевы; а если доказчикъ тайный, то истецъ, при назначеніи подозрѣваемому тусевовъ, имѣетъ право назначить въ число ихъ и своего доказчика.

Во всѣхъ спорныхъ дѣлахъ, гдѣ рѣшеніе произносится на основаніи точныхъ показаній свидѣтелей,—послѣднихъ прежде всего долженъ выставить самъ истецъ; если-же онъ не можетъ выполнить этого, дается присяга отвѣтчику; а если этотъ не пожелаетъ или не можетъ по какимъ-либо обстоятельствамъ принять присягу, то она дается истцу,—чѣмъ и кончается дѣло.

Если-же обѣ стороны имѣютъ свидѣтелей, то таковые су-

домъ принимаются и приводятся къ присягѣ,—если нѣтъ къ тому никакихъ препятствій. Въ такихъ случаяхъ проигрываетъ дѣло та сторона, свидѣтели которой отказались принять присягу, или которая выставитъ хотя однимъ свидѣтелемъ меньше противной стороны. При равномъ-же числѣ свидѣтелей съ обѣихъ сторонъ и когда всѣ они приняли присягу, дѣло обыкновенно кончается маслагатомъ (полюбовно).

Если, при разбирательствѣ какого-нибудь дѣла, судъ предложилъ тяжущимся окончить споръ по маслагату, и послѣдніе на это согласились, то по составленіи маслагатнаго рѣшенія и объявленіи имъ такового, никто изъ нихъ не имѣетъ права заявлять неудовольствіе, а долженъ безпрекословно исполнить все, что постановлено маслагатомъ.

Маслагатное рѣшеніе не принимается на аппеляцію ни адатомъ, ни шаріатомъ.

Разбирательству по адату подлежатъ:

1-е) Убійство.
2-е) Пораненіе съ увѣчьемъ или безъ увѣчья.
3-е) Грабежъ.
4-е) Воровство.
5-е) Поджогъ.
6-е) Прелюбодѣяніе.
7-е) Блудъ.
8-е) Безчестіе.
9-е) Изнасилованіе женщины или дѣвушки.
10-е) Растлѣніе.
11-е) Увозъ дѣвушки.
12-е) Сватовство.
13-е) Побои.
14-е) Ложная присяга.
15-е) Долги.
16-е) Зарѣзаніе чужой скотины.
17-е) Исковыя и тяжебныя дѣла.
18-е) Порабощеніе—и
19-е) Раздѣлъ имущества, переходящаго по наслѣдству.

Теперь приступимъ къ изложенію примѣненія адата въ каждомъ изъ этихъ случаевъ порознь.

1. Убійство.

При какихъ-бы обстоятельствахъ ни случилось убійство, какія-бы ни были побудительныя къ тому причины, оно всегда влечетъ за собою мщеніе виновному, т. е. канлы; не избавляется отъ этого и тотъ, кто совершитъ убійство при защитѣ себя отъ нападенія, или даже нечаянно,—хотя-бы это былъ несовершеннолѣтній. Только въ слѣдующихъ случаяхъ убійца не подвергается мщенію: за нанесеніе безчестія женщинѣ, родственникъ ея (со стороны-ли онъ отца, или со стороны матери, ближайшій-ли, или дальній, но если родство его къ ней доказано и онъ имѣетъ право искать кровь ея), можетъ убить виновнаго, не подвергаясь самъ со стороны родственниковъ убитаго имъ мщенію. Отецъ, убившій сына или дочь, не подлежитъ мщенію; избавляется также отъ такового и мужъ, убившій невѣрную свою жену или ея любовника, захваченныхъ на мѣстѣ преступленія. За убійство безроднаго бѣдняка, если это убійство случилось на пути слѣдованія его съ товарищемъ, или въ домѣ, гдѣ онъ жилъ, — товарищъ его или хозяинъ дома имѣютъ право убить виновнаго на мѣстѣ преступленія, не подвергаясь мщенію родственниковъ его; если-же со дня убійства бѣдняка (байгушъ) пройдетъ нѣсколько дней, то за кровь его ни товарищъ, ни хозяинъ дома не имѣютъ права мстить и только могутъ требовать отъ виновнаго кровной чести.

Въ случаѣ убійства брата роднымъ братомъ, дѣло остается въ семействѣ, и убійца считается канлы только передъ отцомъ, матерью и другими родными братьями. Если-же убійца съ убитымъ братья отъ разныхъ матерей, то если есть другой братъ отъ одной матери съ убитымъ, — ему принадлежитъ право мести. Вообще въ подобномъ случаѣ все кончается въ семействѣ, безъ всякаго сторонняго вмѣшательства.

Во всѣхъ-же другихъ случаяхъ адатъ требуетъ мщенія за пролитую кровь.

Убійство женщины считается самымъ постыднымъ поступкомъ, и потому за оное полагается двойное канлы, т. е. за убитую женщину месть падаетъ на убійцу и ближайшаго его родственника и они оба канлы.

Если убійца, по совершеніи убійства, взялъ что-нибудь принадлежавшее убитому, какъ-то: лошадь, оружіе, или хотя малѣйшую вещь изъ его одежды, то за это полагается также двойное канлы.

Обязанность кровомщенія лежитъ на ближайшемъ родственникѣ, на другѣ, если нѣтъ родственника; если-же нѣтъ ни того, ни другого, мститъ за кровь знакомый, хозяинъ дома, короче— принять на себя обязанность мести считается особенною честью, и безчестьемъ, если кто уклоняется отъ этой обязанности, или исполняетъ ее безъ настойчивости.

Первенство по кровомщенію дается родственникамъ по мужской линіи, а не по женской.

Въ прежнее время, права кровомщенія были не ограничены; тогда участь канлы зависѣла единственно отъ хозяина крови,— онъ могъ убить его, или простить, не отвѣчая за это ни передъ кѣмъ. При такихъ правахъ, кровомщеніе, весьма очевидно, не только служило важнымъ препятствіемъ къ прекращенію кровной вражды, но нерѣдко отдаляло надолго всякую возможность примиренія. Все это не могло не обратить на себя вниманія русской власти, и она нашла необходимымъ гарантировать личную безопасность канлы, насколько это было возможнымъ, ограничивъ права по кровомщенію, запрещеніемъ безнаказаннаго убійства канлы или одного изъ его родственниковъ, и введеніемъ на мѣсто того правила — ссылать всякаго убійцу административнымъ порядкомъ въ Сибирь.

Для прекращенія кровной вражды, дѣлается по адату между родственниками съ обѣихъ сторонъ примиреніе, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ, съ разрѣшенія мѣстной власти, родственникамъ убитаго предоставляется право требовать съ убійцы матеріальное вознагражденіе за кровь. Въ случаяхъ-же, когда виновный не согласенъ сдѣлать матеріальнаго вознагражденія, или если онъ, по ограниченному своему состоянію, не можетъ уплатить требуемую сумму, или-же когда противная сторона не пожелаетъ принять такового, виновный ссылался въ арестантскія роты, а теперь—въ Сибирь, административнымъ порядкомъ.

Самое незначительное нарушеніе порядка, установленнаго адатомъ при примиреніи, хотя-бы и сдѣлано было это безъ всякаго умысла, самое малѣйшее неуваженіе къ адату, замедлитъ примиреніе, или дѣластъ его вовсе невозможнымъ.

Какъ только совершено убійство кѣмъ-нибудь, убійца и всѣ родственники его тотчасъ-же должны удалиться съ мѣста, гдѣ совершено преступленіе, и скрываться гдѣ-нибудь въ другомъ, ни подъ какимъ видомъ не показываясь на глаза родственникамъ убитаго, пока послѣдніе не обнаружатъ согласія на примиреніе.

При согласіи-же на таковое, почетные люди принимаютъ дѣятельное участіе въ примиреніи родственниковъ убитаго съ родственниками убійцы: собираются князья, муллы и почетные старики и идутъ просить за послѣднихъ прощенія. Если родственники убитаго согласятся на просьбу почетныхъ лицъ, тогда послѣдніе приводятъ къ нимъ родственниковъ убійцы, которые дѣлаютъ при этомъ честь, выражаемую въ „алымѣ“, т. е. деньгахъ, жертвуемыхъ ими обиженнымъ убійствомъ.

Алымъ обязателенъ только для родственниковъ убійцы, и если онъ принятъ, то отвѣтчикомъ остается только одинъ убійца; родственники-же его тогда ни въ какомъ случаѣ не могутъ подвергаться мести.

Величина суммы алыма зависитъ отъ числа родственниковъ убійцы, которые вносятъ для алыма деньги въ слѣдующемъ размѣрѣ: семейство убійцы вноситъ 13 руб., родной братъ его, живущій отдѣльно, 3 руб., двоюродный братъ 1 руб. и такъ далѣе, смотря по степени родства, до 10 коп. сер. На волю отпущенный убійцею холопъ вносилъ наравнѣ съ двоюроднымъ братомъ и столько-же вносили кровные родственники его.

Бываютъ случаи, что не успѣютъ еще почетные согласить родственниковъ убитаго на примиреніе, какъ кто-нибудь изъ нихъ убьетъ одного изъ родственниковъ убійцы: тогда зачитывается кровь за кровь, и вражда прекращается между обѣими сторонами, при чемъ однако обычное примиреніе все-таки соблюдается.

Въ противоположность этому иногда бываетъ, что убійство совершается и послѣ сдѣланія алыма; тогда поступали такимъ образомъ: все отданное въ алымъ возвращалось родственникамъ; домъ-же виновнаго, за нарушеніе обычнаго порядка при алымѣ, сожигался, самъ-же виновный, если почетныя лица, бывшія при отдачѣ алыма, не были согласны простить ему это неуваженіе къ обычаю, изгонялся изъ того общества, среди котораго онъ жилъ, даже и тогда, если бы обѣ стороны сдѣлали между собою примиреніе кровь за кровь.

За примиреніемъ между собою родственниковъ убитаго и убійцы слѣдуетъ ходатайство о прощеніи самого виновнаго въ убійствѣ; при этомъ соблюдается тотъ-же самый порядокъ, какъ и въ первомъ случаѣ: снова собираются князья, муллы и почетные старики, идутъ къ родственникамъ убитаго, и стоя съ непокрытыми головами, умоляютъ ихъ о прощеніи убійцы и дозволеніи ему явиться передъ ними съ повинною. Но родственники

убитаго, ради обычая, на просьбу почетныхъ не скоро должны соглашаться, хотя-бы это и было противъ ихъ желанія.

Получивъ черезъ посредничество почетныхъ прощеніе отъ родственниковъ убитаго, убійца дѣлаетъ слѣдующую честь: въ сопровожденіи тѣхъ-же почетныхъ и своихъ родственниковъ, идетъ онъ къ родственникамъ убитаго и приглашаетъ ихъ въ свой домъ, гдѣ заранѣе должны быть приготовлены *сто* руб. серебряною монетою, осѣдланная лошадь и ружье. Когда соберутся въ домѣ всѣ родственники, убійца прежде всего, безъ шапки, съ отращенными на головѣ волосами, обязанъ обойти всѣхъ ихъ, кланяясь каждому и испрашивая прощенія, а потомъ уже обходитъ съ угощеніемъ. На другой-же день дѣлается на счетъ виновнаго полный обѣдъ. Этимъ оканчивается вражда и обѣ стороны дѣлаются между собою кровными родственниками.

Что-же касается денегъ, лошади и ружья, то отъ желанія обиженныхъ зависитъ брать или не брать таковыя.

Въ случаяхъ-же, когда убійца получилъ прощеніе, но по какимъ-либо обстоятельствамъ еще не сдѣлалъ кровную честь— ему назначается хозяиномъ крови граница, черезъ которую онъ не долженъ переходить, пока не совершится окончательное примиреніе; если онъ будетъ убитъ за назначенною границею, то виновный подвергается мщенію, и наоборотъ, если будетъ убитъ внѣ границы, кровь его пропадаетъ.

При убійствѣ въ дракѣ двухъ лицъ изъ разныхъ фамилій, кровь одного зачитывается за кровь другого. При убійствѣ двухъ лицъ изъ одной фамиліи, выходятъ въ канлы двое: виновный и ближайшій его родственникъ; однимъ словомъ, число канлы съ одной стороны зависитъ отъ числа убитыхъ съ другой.

Въ старое время существовалъ обычай на счетъ канлы по сословіямъ; теперь-же онъ потерялъ свое значеніе и замѣнился обычаемъ, одинаковымъ для всѣхъ сословій. Еще недавно, за убійство, совершенное холопомъ, отвѣчалъ за него владѣтель его, т. е. дѣлался канлы; за убійство-же, совершенное холопомъ князя, выходилъ въ канлы самъ убійца, а не князь.

За исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда убійца извѣстенъ, или самъ сознался, у кумыкъ существуетъ слѣдующій порядокъ для открытія неизвѣстнаго убійцы: подозрѣваемый можетъ обвиняться свидѣтелями или доказчикомъ; найденная-же на мѣстѣ преступленія вещь убійцы, или если убитый передъ смертію назоветъ убійцу, считаются только уликами, навлекающими подозрѣ-

ніе на виновнаго; если-же подозрѣваемый, по какимъ-либо обстоятельствамъ, въ убійствѣ не сознается, назначается ему 12 тусеовъ (прежде назначалось 40), которые присягою обвиняютъ или оправдываютъ его.

Если-же въ убійствѣ, происшедшемъ въ дракѣ нѣсколькихъ лицъ, подозрѣваются трое, или и того больше, то ближайшій родственникъ убитаго выбираетъ въ канлы одного изъ нихъ; а если этотъ укажетъ на другихъ, считая себя невиновнымъ въ убійствѣ, то ему предоставляется адатомъ право назначить остальнымъ тусеовъ, каждому по 12-ти; въ случаѣ, если они оправдаются тусевами, то убійцею остается онъ.

Въ убійствѣ женщины женщиною-же, съ послѣднею поступается точно такъ-же, какъ и съ мужчиною, т. е. убійца выходитъ въ канлы. Если-же виновная въ убійствѣ не сознается, то назначаются ей тусевы изъ женщинъ—одинаковое число съ мужчиною; но отъ произвола родственниковъ убитой зависитъ, назначить убійцѣ въ тусевы и мужчинъ: тогда, въ первомъ случаѣ, по обвиненію, выходитъ въ канлы сама убійца, а во-второмъ—ближайшій убійцы родственникъ. При примиреніи честь дѣлается какъ и между мужчинами.

Нанесшій рану, какимъ-бы то ни было орудіемъ, тупымъ или острымъ, если пораненый умеръ именно отъ этой раны, не простивъ виновнаго, — выходитъ въ канлы. Если-же въ этомъ участвовало нѣсколько лицъ, то по освидѣтельствованіи туземными лекарями ранъ и опредѣленіи, отъ которой изъ нихъ произошла смерть,—дѣлается главнымъ канлы тотъ, кто нанесъ эту рану, а остальные выходятъ въ „ирчель-канлы“, т. е. канлы на одинъ годъ.

Размѣръ платы за кровь убитаго не опредѣленъ, а зависитъ отъ желанія обиженной стороны и доходитъ иногда до значительной цифры.

2. Пораненіе.

При всякомъ пораненіи, съ увѣчьемъ или безъ увѣчья, исполняется тотъ-же самый порядокъ, какъ и при убійствѣ. Также виновный долженъ скрываться гдѣ-нибудь вмѣстѣ съ родственниками своими; точно также почетные люди являются посредниками между обѣими сторонами и примиряютъ ихъ.

Для достиженія этой цѣли, почетные, тотчасъ-же послѣ пораненія, берутъ съ собою одного барана, $1^1/_2$ ф. мёду, 2 ф. масла, одну сабу пшеничной муки и холста на перевязку, на все время леченія раненаго, и идутъ къ раненому въ домъ. Здѣсь они упрашиваютъ его простить виновнаго и дозволить ему явиться къ нему.

Если раненый проститъ виновнаго, послѣдній является къ нему и ухаживаетъ за нимъ во все время леченія его, а по совершенномъ уже выздоровленіи его, дѣлаетъ обыкновенную ему честь, т. е. ранившій дѣлаетъ угощеніе раненому *).

Если виновный по званію своему ниже раненаго, то идетъ въ домъ послѣдняго со всѣмъ нужнымъ для угощенія; если-же выше, то приглашаетъ его вмѣстѣ съ родственниками въ свой домъ.

Для леченія раненаго, виновный самъ выбираетъ лекаря. Плата послѣднему и всѣ расходы по леченію относятся на счетъ виновнаго.

Затѣмъ черезъ годъ, считая со дня пораненія, опредѣляется туземными лекарями степень важности увѣчья, происшедшей отъ раны, и соразмѣрно тому возлагается на виновнаго плата за увѣчье.

Если раненый, получивъ удовлетвореніе за увѣчье, умретъ потомъ отъ послѣдствій той раны, то ранившій дѣлается канлы, если только онъ не получалъ отъ раненаго прощенія за смерть, кромѣ прощенія за рану. Плата за увѣчье тогда пропадаетъ.

Плата за рану съ увѣчьемъ полагается отъ 10 до 600 руб. серебр.

За изувѣченные глаза установлена плата по 100 руб. сер. за каждый, и столько-же за руки и ноги. За мизинецъ платится 10 руб. сер. и т. д. до большаго пальца, прибавляя по 10 руб. за каждый.

Для открытія виновнаго въ нанесеніи раны, поступаютъ точно такъ-же, какъ и при убійствѣ, только подозрѣваемому назначается вмѣсто 12-ти 6 тусевовъ.

3. Грабежъ.

На этотъ родъ преступленія у кумыкъ существуетъ слѣду-

*) Во всѣхъ подобныхъ случаяхъ эта честь у кумыкъ называется обыкновенною.

ющій обычай: уличенный въ грабежѣ долженъ возвратить все ограбленное, кому оно принадлежало, или-же удовлетворить по стоимости ограбленнаго, а затѣмъ обязанъ сдѣлать обиженному такую-же честь, какъ и при убійствѣ, за исключеніемъ только 100 руб. серебряною монетою. Сверхъ того виновный наказывается административною властью.

Для открытія виновнаго въ грабежѣ употребляется доказчикъ, по присягѣ котораго и обвиняется подозрѣваемый; если-же нѣтъ доказчика, подозрѣваемому назначается 12 тусевовъ.

4. Воровство.

27 сентября 1862 года состоялся общественный приговоръ, по которому за воровство опредѣлены слѣдующія наказанія:

1) Въ первый разъ изобличенный въ воровствѣ, какъ-бы оно маловажно ни было, долженъ уплатить за уворованное вдвое и штрафу 30 руб. сер., и затѣмъ на одинъ годъ ссылался въ Георгіевскъ на крѣпостныя работы.

2) За второе воровство виновный, кромѣ двойной платы за украденное, оштрафовывался 50 рублями и ссылался на пять лѣтъ въ Россію.

3) Если кто, по возвращеніи изъ Россіи, снова былъ уличенъ въ воровствѣ, то ссылался туда-же навсегда.

Впослѣдствіи, по распоряженію высшаго начальства, уличенный въ воровствѣ ссылался административнымъ порядкомъ въ арестантскія роты на 3 года и болѣе, смотря по мѣрѣ преступленія виновнаго.

Для открытія непзвѣстнаго вора употребляется доказчикъ,—почти всегда за условленную плату,—который представляется въ судъ для допроса; если показаніе его основательно, и самъ онъ человѣкъ честный, то дается ему присяга, по которой подозрѣваемый обвиняется.

Самая большая плата доказчику дается по стоимости украденнаго, или-же меньше, но никакъ не больше стоимости его.

Плата доказчику взыскивается съ виновнаго послѣ принятія истцомъ присяги въ дѣйствительности стоимости украденнаго, или что столько имъ уплачено денегъ доказчику, если только истецъ не имѣетъ на то свидѣтелей. Въ обоихъ случаяхъ присяга дается по желанію самого виновнаго.

Въ случаяхъ-же, когда доказчика нѣтъ, или если и есть онъ, но истецъ по какимъ-либо обстоятельствамъ не желаетъ назвать его, а прямо объявляетъ подозрѣніе свое на кого-нибудь, то подозрѣваемому назначается столько тусевовъ, сколько положено адатомъ по каждому роду украденнаго особо.

Подозрѣваемому въ воровствѣ у одного хозяина скота, барановъ или лошадей, назначается два тусева, когда тусевы эти жители того аула, гдѣ случилось воровство, и одинъ, если изъ другого аула. За украденный-же скотъ у разныхъ лицъ, отъ каждаго изъ нихъ назначается подозрѣваемому по два тусева или по одному.

За воровство одного барана назначается одинъ тусевъ.

Подозрѣваемому въ воровствѣ вещей изъ сакли, хотя-бы на одинъ рубль, и даже за одно намѣреніе украсть что-нибудь, назначается 6 тусевовъ, такъ-какъ въ этомъ случаѣ допускается мысль о безчестіи.

Если истецъ, не имѣя доказчика, не желаетъ назначать подозрѣваемому тусевовъ, то имѣетъ право дать присягу ему самому, когда нѣтъ къ тому препятствій; въ противномъ-же случаѣ можетъ присягать самъ или дать присягу двумъ родственникамъ обвиняемаго.

5. Поджогъ.

За умышленный поджогъ среди заселенныхъ мѣстъ назначается подозрѣваемому 6 тусевовъ; если-же поджогъ былъ сдѣланъ въ степи, назначается за сожженное: не свыше 10 руб.— одинъ тусевъ, и два тусева, если сожжено болѣе чѣмъ на 10 р.

За поджогъ нечаянный, дѣло подлежитъ разбирательству по шаріату.

Для открытія неизвѣстнаго виновнаго въ поджогѣ, поступаютъ точно такъ-же, какъ и при воровствѣ, т. е. принимаются доказчикъ и свидѣтели, присягою которыхъ и обвиняется подозрѣваемый.

Плата доказчику неопредѣлена, но можно давать по стоимости сгорѣвшаго, показанной истцомъ изъ-подъ присяги.

Виновный въ умышленномъ поджогѣ, кромѣ удовлетворенія обиженныхъ по стоимости сгорѣвшаго, наказыается въ административномъ порядкѣ.

6. Прелюбодѣяніе.

Если мужъ, или ближайшій родственникъ его, застанетъ жену свою въ моментъ совокупленія со стороннимъ мужчиною, то имѣетъ право убить обоихъ, не подвергаясь со стороны родственниковъ убитыхъ мщенію.

Для открытія виновнаго въ прелюбодѣяніи съ чужою женою допускаются доказчикъ и свидѣтели; если-же таковыхъ не имѣется, назначается подозрѣваемому 12 тусевовъ.

Уличенный въ прелюбодѣяніи долженъ скрываться какъ каплы, а потомъ при примиреніи дѣлаетъ обиженному кровную честь. Иногда-же, по желанію обиженнаго, виновный платитъ 100 руб. сер.

Что касается женщины, уличенной въ прелюбодѣяніи, то родственники ея дѣлаютъ мужу кровную честь.

7. Блудъ.

За блудъ мужчины съ дѣвушкою или вдовою полагается:

Виновный долженъ жениться на той женщинѣ, съ которою имѣлъ связь. Послѣ-же брака можетъ развестись съ нею; но въ такомъ случаѣ долженъ отдать ей полный кебинъ-хаккъ, когда послѣ брака имѣлъ сношеніе съ нею хотя одинъ разъ,—и половину, когда не имѣлъ; въ обоихъ случаяхъ виновный обязанъ сдѣлать кровную честь родственникамъ женщины.

При разводѣ, кебинъ-хаккъ отдается на руки женщинѣ, или ея родственникамъ.

Если виновный въ связи съ женщиною не сознается, то назначается ему 6 тусевовъ, и 12, когда у нея есть женихъ.

Виновный въ связи съ чужою невѣстою, долженъ дѣлать честь и жениху, который имѣетъ полное право отказаться отъ нея. Тогда съ виновнымъ поступаютъ точно такъ-же, какъ и въ первомъ случаѣ.

Если отъ связи мужчины съ женщиною родится дитя, то оно отдается на попеченіе мужчинѣ.

Въ случаяхъ любовной связи съ родственницами въ ближайшей степени родства, на которыхъ обычай не позволяетъ жениться, виновный посылается на шаріатъ.

Съ виновнымъ-же въ связи съ дальними родственницами поступаютъ точно такъ-же, какъ и при связи не съ родственницами.

Для открытія виновнаго въ любовной связи допускаются доказчикъ и свидѣтели.

8. Безчестіе.

У кумыкъ безчестіемъ считается: всякое прикосновеніе къ дѣвушкѣ, вдовѣ или замужней женщинѣ, съ дурнымъ намѣреніемъ; если кто вбѣжитъ въ чужой дворъ, преслѣдуя спасающагося; отрѣзаніе хвоста у чужой лошади, и убіеніе чужой собаки.

Во всѣхъ случаяхъ безчестія полагаются адатомъ слѣдующія наказанія:

Виновный въ нанесеніи безчестія дѣвушкѣ, или вдовѣ, гдѣбы то ни случилось,—дѣлаетъ родственникамъ ея честь, состоящую изъ одного только угощенія.

Отъ желанія обезчещенной зависитъ, выйдти замужъ за обезчестившаго ее, или не выйдти.

Подозрѣваемый въ нанесеніи безчестія обвиняется свидѣтелями или доказчикомъ, если есть; въ противномъ случаѣ назначается 6 тусевовъ, и 12, когда безчестіе нанесено чужой невѣстѣ или замужней женщинѣ; въ послѣднемъ случаѣ виновный дѣлаетъ кровную честь.

Если кто, преслѣдуя спасающагося, вбѣжитъ въ чужой дворъ, то долженъ сдѣлать хозяину того двора обыкновенную честь, т. е. придти съ почетными и просить прощенія.

Если-же виновный не признается, то обвиняется свидѣтелями, когда они есть, или назначается 6 тусевовъ, когда свидѣтелей нѣтъ.

За отрѣзаніе хвоста у чужой лошади честь не дѣлается, но виновный въ этомъ обязанъ уплатить хозяину прежнюю стоимость лошади, такъ-какъ у кумыкъ лошадь безъ хвоста теряетъ цѣну; если-же хозяинъ пожелаетъ оставить за собой лошадь, то виновный долженъ уплатить все-таки прежнюю цѣнность лошади, за вычетомъ только настоящей стоимости ея.

Если виновный не согласится, назначается ему 2 тусева.

Виновный въ убіеніи чужой собаки дѣлаетъ обиженному обыкновенную честь.

Подозрѣваемому-же въ этомъ дается для очищенія присяга; ни тусевы, ни доказчикъ, ни даже свидѣтели не принимаются.

9. Изнасилованіе женщины.

Если изнасилована замужняя женщина, то съ виновнымъ поступаютъ точно такъ-же, какъ и съ виновнымъ въ прелюбодѣяніи, т. е. какъ съ убійцею.

Разбирательство по этимъ дѣламъ точно такое-же, какъ и по прелюбодѣянію (см. стр. 13).

За изнасилованіе дѣвушки или вдовы, виновный подвергается наказанію, опредѣленному обычаемъ за блудъ (п. 7).

Изнасиловавшій чужую невѣсту дѣлаетъ жениху и родственникамъ ея честь и затѣмъ поступаютъ съ виновнымъ точно такъ-же, какъ съ виновнымъ въ блудѣ съ чужою невѣстою.

10. Растлѣніе.

За растлѣніе дѣвушки, еще не достигшей совершеннолѣтняго возраста, виновный обязанъ ждать ея совершеннолѣтія, а потомъ жениться на ней. Послѣ брака имѣетъ право развестись съ нею, отдавъ ей кебинъ-хаккъ. По совершеніи-же преступленія дѣлаетъ родственникамъ дѣвушки кровную честь.

Если-же дѣвушка отъ растлѣнія умретъ, виновный дѣлается канлы и подвергается наказанію, по усмотрѣнію начальства.

11. Увозъ дѣвушки или вдовы.

Увезена-ли дѣвушка или вдова, съ согласія-ли ея, или безъ согласія, виновный все-таки дѣлаетъ кровную честь ея роднымъ, за исключеніемъ денегъ.

Если увезенная не пожелаетъ выйдти замужъ за увезшаго ее, то она возвращается назадъ; при этомъ дѣлается кровная честь роднымъ и кромѣ того виновный платитъ увезенной полный кебинъ-хаккъ,—если только родственники дѣвушки докажутъ сношеніе ея съ увезшимъ, а если доказать не могутъ, то все-таки при этомъ дѣлается кровная честь, за исключеніемъ денегъ.

Если-же увезенная была невѣста другого, то виновный дѣлаетъ кровную честь жениху вмѣстѣ съ родственниками ея.

Если-же увезенная пожелаетъ выйдти за увезшаго ее замужъ, то послѣдній вноситъ альгамъ и калымъ — дѣвушкѣ пол-

ные и вдовѣ половину, и назначаетъ кебинъ-хаккъ—дѣвушкѣ полный и вдовѣ половину.

Размѣръ кебинъ-хакка опредѣляется происхожденіемъ: у князей полагается кебинъ-хаккъ въ 720 р., у первостепенныхъ уздеией отъ 100 до 300 р., для всѣхъ-же остальныхъ не менѣе 100 р.

За увозъ замужней женщины, виновный дѣлаетъ кровную честь мужу ея.

Если послѣдній пожелаетъ развестись съ нею, то имѣетъ право не давать ей кебинъ-хаккъ, и даже отобрать все, что было куплено имъ для нея.

12. Сватовство.

Мужчина, желая посватать избранную имъ дѣвушку, обращается прежде всего къ почетнымъ и объявляетъ имъ свое намѣреніе. Почетные идутъ къ родственникамъ той дѣвушки и заключаютъ условіе калыма и кебинъ-хакка. Черезъ почетныхъ-же передаются невѣстѣ всѣ подарки жениха и дѣлается угощеніе ея роднымъ; послѣдніе-же дѣлаютъ разные подарки почетнымъ.

Если одна изъ засватанныхъ сторонъ пожелаетъ уничтожить сватовство, а другая сторона не желаетъ, то споръ этотъ рѣшается по адату слѣдующимъ образомъ:

Если женихъ отказывается отъ невѣсты, то всѣ подарки, сдѣланные имъ ей, остаются въ пользу послѣдней, и кромѣ того уплачиваются всѣ расходы, понесенные родными дѣвушки при сватовствѣ.

Если-же отказываютъ жениху родственники невѣсты, то возвращаются ему всѣ подарки, сдѣланные имъ невѣстѣ.

Женихъ имѣетъ право требовать отъ невѣсты личнаго ея отказа, не довѣряя ея родственникамъ, которые часто отказываютъ противъ желанія самой невѣсты,—и если невѣста изъявитъ свое согласіе выйдти за него замужъ, то родственники ея ни въ какомъ случаѣ не имѣютъ права воспрепятствовать ей въ этомъ.

Если женихъ откажется отъ невѣсты, послѣ нанесенія ей безчестія, и это будетъ доказано ея родственниками посредствомъ свидѣтелей, или назначеніемъ ему 6-ти тусевовъ, то долженъ прежде жениться на ней и потомъ уже разводиться съ нею, уплачивая при этомъ кебинъ-хаккъ.

На кебинъ-хаккъ обыкновенно дѣлается мужемъ при свидѣтеляхъ росписка, которая отдается женѣ или ея роднымъ.

13. Побои.

Рана, происшедшая отъ побоевъ, излечивается на счетъ виновнаго, и всѣ расходы по леченію также относятся на счетъ виновнаго.

По излеченіи раны дѣлается виновнымъ обиженному обыкновенная честь, какъ и при пораненіи.

За нанесеніе побоевъ безъ ранъ, обиженный имѣетъ право требовать отъ виновнаго обыкновенную честь.

За смерть, происшедшую отъ послѣдствій побоевъ, виновный выходитъ въ канлы.

14. Ложная присяга.

Какъ тусевы, такъ и свидѣтели, а равно и доказчикъ, при разбирательствѣ какого-нибудь дѣла, могутъ быть устранены отвѣтчикомъ, а также показаніе таковыхъ можетъ быть уничтожено, если только отвѣтчикъ докажетъ, что кто-нибудь изъ нихъ ложно до этого присягалъ; для этого онъ долженъ представить по-крайней-мѣрѣ хоть одного свидѣтеля, показанія котораго должны основываться на точныхъ фактахъ и провѣряться самымъ строгимъ разслѣдованіемъ.

Въ послѣднее время принято, чтобы имя лжеприсяжника оглашалось въ главныхъ мечетяхъ вовсеуслышаніе народа и записывалось-бы въ заведенные для этого дѣла списки, хранящіеся при мечетяхъ.

15. Долги.

Дѣла о долгахъ подлежатъ вѣдѣнію шаріата; но если есть росписки, подлинность которыхъ несомнѣнна, или проценты, то разбираются адатнымъ порядкомъ, причемъ требуются письменныя обязательства или доказательства.

16. Зарѣзаніе чужой скотины.

Приговоромъ Андреевскаго общества положено:

За зарѣзаніе чужой скотины, при нанесеніи ею вреда черезъ

потраву, съ виновнаго, сверхъ удовлетворенія хозяина по стоимости зарѣзанной штуки, взыскивается еще штрафу 3 руб. сер. въ общественную штрафную сумму.

Мѣра эта примѣнена потомъ къ цѣлому округу.

17. Исковыя и тяжебныя дѣла.

Дѣла этого рода подлежатъ разбирательству по шаріату; но прежде передачи ихъ кадію, они разсматриваются судомъ. При этомъ принимается въ соображеніе, подходитъ-ли дѣло къ постановленію о 10-ти лѣтней давности (для шаріата давности не существуетъ), или не было-ли дѣло рѣшено прежнимъ, до покоренія края, правительствомъ, или не было-ли когда по этому дѣлу маслагатнаго рѣшенія и, вообще обсуживается, слѣдуетъ-ли дѣло принять къ разбирательству по адату.

Затѣмъ, если дѣло не сложное и можетъ быть рѣшено съ помощію показаній свидѣтелей, или на основаніи ясныхъ письменныхъ доказательствъ,—то оно разбирается судомъ; въ противномъ случаѣ передается кадію на шаріатъ.

18. Порабощеніе.

Порабощенное, или неправильно запроданное лицо свободнаго происхожденія, по доказательству имъ таковаго, выкупалось и возвращалось на прежнее мѣсто жительства—на счетъ виновнаго; кромѣ того обиженному дѣлалась виновнымъ кровная честь, состоявшая изъ угощенія и лошади съ сѣдломъ *).

19. О раздѣлѣ имущества, переходящаго по наслѣдству.

5-го октября 1864 года общимъ собраніемъ князей, почетныхъ узденей и окружнаго суда разъяснено, что раздѣлъ имущества, переходящаго по наслѣдству, дѣлается на слѣдующихъ основаніяхъ:

*) Этотъ адатъ имѣлъ примѣненіе до освобожденія рабовъ.

Князья и уздени 1-й степени при раздѣлѣ имущества придерживаются существующаго между ними обычая, а остальное населеніе округа руководствуется по сему шаріатными постановленіями.

Обычай (адатъ) между князьями и узденями 1-й степени существуетъ слѣдующій:

1) Каждый изъ князей и узденей при жизни своей можетъ распоряжаться своимъ имуществомъ, какъ ему заблагоразсудится. Онъ можетъ продать или подарить кому захочетъ, какъ недвижимое, такъ и движимое свое имущество, будетъ-ли оно родовое или благопріобрѣтенное, и наслѣдники его, прямые и дальніе, не могутъ тому воспрепятствовать и не имѣютъ права распространять на это имущество свои иски.

2) Если имѣніе не будетъ передано кому-либо при жизни владѣльца, или завѣщано имъ исключительно въ пользу одного лица, то послѣ смерти переходитъ полностью къ прямымъ наслѣдникамъ мужескаго пола, т. е. сыновьямъ, а за неимѣніемъ ихъ—роднымъ братьямъ, которые и раздѣляютъ его между собою на равныя части.

Въ случаѣ неимѣнія прямыхъ наслѣдниковъ мужескаго пола, все имущество поступаетъ къ ближайшимъ умершаго родственникамъ мужескаго пола; при этомъ степень родства и близость наслѣдованія опредѣляется шаріатомъ.

Женскій-же полъ, какъ-то: мать, сестра, дочь, племянница и другія родственницы отъ наслѣдованія устраняются, и назначается имъ по миролюбивой сдѣлкѣ (маслагату) часть изъ оставшагося движимаго имущества, т. е. вещей, денегъ, скота, лошадей и овецъ *); а также по маслагату назначается часть изъ движимаго имущества и женѣ умершаго, независимо выдачи ей установленнаго приданаго (кебинъ-хаккъ).

3) Княжескіе чанки **), мужескаго и женскаго пола, не имѣютъ права на наслѣдованіе движимаго и недвижимаго имѣнія послѣ отцовъ своихъ; если-же будетъ сдѣланъ дарственный актъ (назру) въ пользу чанковъ или княжескихъ дочерей, то ближай-

---

*) Отъ недвижимаго-же имущества выдается имъ извѣстная часть деньгами, по опредѣленію суда, — если прямой наслѣдникъ не пожелаетъ ей выдать таковую.

**) Т. е. дѣти отъ неравныхъ браковъ князей.

шіе родственники мужескаго пола не могутъ завладѣть тѣмъ имѣніемъ;—

и 4) движимое и недвижимое имѣніе, поступившее уздепнмъ черезъ дары отъ князей, въ случаѣ неимѣнія наслѣдниковъ мужескаго пола у тѣхъ узденей, переходитъ къ наслѣдникамъ женскаго пола—если даръ потомственный, и возвращается князьямъ,—если даръ пожизненный.

НАРОДНЫЯ СКАЗАНІЯ

КАВКАЗСКИХЪ ГОРЦЕВЪ.

КАБАРДИНСКАЯ СТАРИНА.

ОТЪ СОБИРАТЕЛЯ.

Въ пятомъ выпускѣ настоящаго „Сборника“ помѣщено нѣсколько кабардинскихъ сказаній о древнихъ *Нартахъ*. Сообщаемые нынѣ разсказы принадлежатъ не столь отдаленному времени: они касаются не чудесной древности, но преимущественно близкой къ намъ по времени, обыденной жизни Адиговъ, воспроизводимой въ этихъ разсказахъ весьма вѣрно съ дѣйствительностью.

Между-тѣмъ-какъ доблести Нартовъ постепенно исчезали и позднѣйшіе адигскіе наѣздники во всѣхъ отношеніяхъ стали уступать героямъ нартовскимъ,—адигскія женщины, судя по преданіямъ, успѣли значительно усовершенствовать качества, завѣщанныя имъ *госпожею Сатанэ*. Вѣрность мужу, какъ видно изъ помѣщаемыхъ разсказовъ, стала почитаться весьма рѣдкимъ качествомъ въ женѣ. Достойна удивленія, представляемая въ разсказахъ, женская изобрѣтательность на самыя замысловатыя средства для достиженія незаконныхъ видовъ и для выхода изъ затруднительнаго положенія, а также та—казалось-бы, несвойственная женщинамъ — отважность, съ которою онѣ выполняли самыя опасныя предпріятія. И всѣ существующіе въ Кабардѣ разсказы, въ которыхъ упоминаются женщины, сходятся въ такомъ взглядѣ на нихъ. Между тѣмъ, нельзя сказать, чтобы проявленію такихъ качествъ поспособствовало угнетенное положеніе кабардинской женщины. Въ старину женщины въ Кабардѣ пользовались относительно-большею свободою, чѣмъ теперь. Такъ, новобрачныя, которыя въ настоящее время не должны показывать и носу изъ сакли, имѣли

въ старину право принимать и видѣть у себя всякаго, а также сами невозбранно посѣщали общественныя увеселенія. Все домашнее хозяйство находилось въ исключительномъ вѣдѣніи жены, которая одна и была отвѣтственна за дурное или хорошее его веденіе; мужъ-же ни въ какомъ случаѣ не вмѣшивался въ ея часть. Умная, распорядительная хозяйка, умѣвшая во всякое время *поднять честный и безукоризненный столъ* *) для гостей, умѣвшая каждаго вошедшаго или пріѣхавшаго достойно принять, — не только способствовала увеличенію славы своего мужа, своего дома (фамиліи, семейства), но и сама почиталась наравнѣ съ лучшими наѣздниками. И во всемъ остальномъ, права женщины считались равными правамъ мужчинъ, такъ-что, при незаслуженной обидѣ со стороны мужа или при какомъ-либо другомъ нарушеніи ея правъ, она могла развестись съ мужемъ и всегда расчитывать на защиту своихъ родныхъ.—Ничто изъ вышесказаннаго не примѣнимо, конечно, ни къ положенію, ни къ нравамъ женщинъ настоящаго времени, во многомъ уже отличающагося отъ давнопрошедшаго, о которомъ мы говоримъ и котораго касаются и помѣщаемые ниже разсказы.

---

*) Въ *поднятіи честнаго стола* или въ безукоризненномъ пріемѣ гостей полагается главное достоинство хорошей кабардинской хозяйки. Опытный гость, зорко слѣдящій за всѣмъ что ему подается, по самымъ незначительнымъ мелочамъ, непримѣтнымъ непосвященному,—по чистотѣ, напр., ножекъ тѣхъ круглыхъ столиковъ, на которыхъ приносятся кушанья, каждое на особомъ столикѣ, и проч.,—можетъ опредѣлить достоинство хозяйки дома.

I.

Коварная жена.

Нѣсколько молодыхъ людей, собравшись, по своему обыкновенію, посидѣть и поболтать на холмикѣ, находившемся посреди аула, стали разсказывать про подвиги извѣстныхъ наѣздниковъ, сколько и откуда привезено тѣмъ или другимъ добычи и т. п. Одинъ изъ присутствовавшихъ молодыхъ людей, задѣтый этими разсказами, далъ себѣ клятву привезти сто плѣнныхъ и заставить о себѣ также говорить въ народѣ. Вернувшись домой, онъ приказалъ своимъ холопамъ выстроить обширный и крѣпкій рубленный амбаръ, раздѣленный перегородкой на двѣ половины, каждая съ деревяннымъ поломъ. Послѣ постройки зданія для помѣщенія плѣнниковъ, мужчинъ и женщинъ отдѣльно, Пачабгожевъ (фамилія молодаго человѣка) приступилъ къ исполненію своего намѣренія. Почти безъ перерыва, безъ отдыха, возвращаясь изъ наѣзда съ добычею изъ одного или двухъ плѣнниковъ, онъ снова отправлялся въ набѣгъ. По возвращеніи его съ одной изъ подобныхъ поѣздокъ, довѣренный его крестьянинъ, присматривавшій за плѣнниками и котораго въ эту ночь Пачабгожевъ задержалъ долѣе обыкновеннаго распросами о хозяйствѣ, одобренный ласковымъ обращеніемъ, но болѣе всего, вѣроятно, чашею бузы, поднесенною ему хозяиномъ, попросилъ позволенія замѣтить ему слѣдующее: „Твои и мои предки провели жизнь вмѣстѣ, и я самъ родился у порога того дома, въ почетномъ углу котораго родился ты; поэтому и слѣдуя притомъ примѣру предковъ моихъ, я привыкъ смотрѣть на честь и прибытки дома этого, какъ на свои собственные. Итакъ, хотя-бы ты и счелъ нужнымъ упрекнуть меня, я рѣшился высказать тебѣ то, что мое преданное сердце нашло необходимымъ и подсказало мнѣ. Ты человѣкъ одинокій, состоянія у тебя столько, что его въ волю должно хватить, какъ

тебѣ собственно, на вполнѣ роскошную жизнь, такъ и на подарки друзьямъ. Несмотря на это ты подвергаешь себя всевозможнымъ опасностямъ, отправляясь въ безцѣльные набѣги. Почему ты не желаешь жить въ покоѣ, пользуясь своимъ состояніемъ, и какое употребленіе хочешь сдѣлать изъ множества навезенныхъ тобою плѣнниковъ, пока причиняющихъ тебѣ только лишній и очень замѣтный расходъ?"—„Я далъ себѣ клятву", отвѣтилъ господинъ, „и пока она не выполнена, я не могу дать себѣ отдыха". Не зная самъ числа привезенныхъ уже плѣнниковъ и полагая, что не достигъ-ли онъ назначеннаго имъ себѣ числа, господинъ приказалъ своему крестьянину доложить ему о числѣ всѣхъ узниковъ. Оказалось, что только одного не достаетъ до опредѣленнаго имъ числа, т. е. до ста. Пачабгожевъ обрадовался этому извѣстію и, желая скорѣе пополнить этотъ незначительный пробѣлъ, не медля отправился вновь въ наѣздъ, приказавъ своему крестьянину какъ можно бдительнѣе слѣдить за плѣнниками.

Между-тѣмъ жену его, недовольную уже давно частыми и продолжительными отлучками мужа, въ послѣднюю его поѣздку окончательно одолѣли недобрыя мысли. „Ни въ пищѣ, ни въ одеждѣ, ни въ прислугѣ я не имѣю недостатка", думала она, „напротивъ, всего этого у меня даже въ излишкѣ. Но всѣ эти блага, такъ дорого вообще людьми цѣнимыя, пусты, ничтожны на мой взглядъ, потому-что они не могутъ удержать при мнѣ мужа, и я должна, при мужѣ еще, жить какъ вдова". Разсуждая такимъ образомъ, она пришла постепенно къ мысли, что легко можетъ замѣнить отказавшагося отъ нея мужа другимъ. Придя къ этому заключенію, она естественно стала обдумывать, гдѣ-бы выбрать себѣ любовника, и остановилась на плѣнникахъ своего мужа. Отобравъ у крестьянина ключъ, подъ предлогомъ опросить женщинъ, не имѣютъ-ли онѣ въ чемъ нужды, она отправилась къ плѣнникамъ и, послѣ подробнаго осмотра, выбрала между ними одного красиваго, молодаго и дюжаго юношу, котораго и увела тотчасъ изъ тюрьмы, сказавъ, что беретъ его къ себѣ въ прислужники. Приведя къ себѣ, она выдала ему новую одежду и велѣла хорошенько обмыться и почиститься, а затѣмъ одѣться въ выданную ему новую одежду. Потомъ, втеченіи трехъ сутокъ она ухаживала за нимъ самымъ заботливѣйшимъ образомъ, кормила его возможными изысканными кушаньями, не пренебрегая, къ тому, никакими средствами, дабы скорѣе разсѣять тяжелыя мысли, навѣянныя на него заточеніемъ, и скорѣе возстановить его силы. За-

мѣтивъ, что попеченія ея достигли своей цѣли, она объяснила молодому человѣку свои намѣренія, которыя были, конечно, одобрены и приняты съ удовольствіемъ. Съ этого времени стали они жить какъ мужъ и жена. Но срокъ возвращенія Пачабгожева изъ наѣзда приближался—и мысль, что день пріѣзда его долженъ быть и днемъ разлуки съ молодымъ человѣкомъ, который сталъ ей очень любъ, мѣшала счастью жены Пачабгожева быть полнымъ. Эта мысль, съ каждымъ днемъ, приближавшимъ время возврата мужа, все чаще и назойливѣе осаждала его жену, которая наконецъ стала подумывать о томъ, какъ-бы извести совсѣмъ мужа. Въ одну ночь она спросила своего любовника, опьяненнаго ея ласками, сдѣлаетъ-ли онъ все, что она прикажетъ ему? и получила, конечно, въ отвѣтъ, что онъ готовъ сдѣлать все возможное для человѣка. Тогда она открыла свое намѣреніе извести мужа, и объяснила ему затѣмъ и планъ ею для этого придуманный. „У него есть шашка, которую онъ очень бережетъ, говоря, что она большая драгоцѣнность. Пріобрѣлъ-ли онъ ее самъ или досталась ему отъ предковъ его, не знаю, но шашка дѣйствительно не похожа на всѣ мной до-сихъ-поръ видѣнныя. Когда онъ вынетъ ее изъ сундука днемъ, она темнѣетъ какъ черная змѣя, ночью-же она ярко блеститъ. По словамъ мужа, шашка эта рубитъ одинаково легко все, попадется-ли камень или желѣзо. Тотъ человѣкъ, у котораго въ рукахъ будетъ эта шашка, если обладаетъ хотя небольшимъ мужествомъ или рѣшимостью, смѣло можетъ напасть на какого-угодно прославленнаго бойца. Мужъ мой возвращается изъ каждаго набѣга обыкновенно ночью, когда всѣ улягутся, и отворять ворота выхожу сама я. Принявъ отъ него привезеннаго плѣнника, я, обыкновенно, ухожу, а онъ, введя коня, затворяетъ ворота уже самъ. Если ты согласенъ на предложеніе мое, то когда я выйду на его зовъ, ты, взявъ шашку, пойдешь слѣдомъ за мной и станешь подъ воротами. Какъ только пройдетъ онъ въ ворота, то ты, напавши на него, безъ всякаго риска съ своей стороны достигнешь цѣли. Но для успѣха покушенія надо не терять присутствія духа и напасть такъ внезапно, чтобы онъ не имѣлъ времени опомниться, иначе, при малѣйшей твоей оплошности, будетъ трудно съ нимъ справиться". Юноша обѣщался въ точности слѣдовать ея словамъ.

По прошествіи нѣкотораго времени возвратился Пачабгожевъ. Юноша, слѣдомъ за женою его, прошелъ и, скрывшись за одною половинкою воротъ, какъ только показался въ нихъ Пачабго-

жевъ, кинулся на него, но, промахнувшись, вмѣсто Пачабгожева попалъ въ другую половину воротъ и разрубилъ ее на двое, какъ свѣжій, только-что выжатый сыръ. Пачабгожевъ, быстро повернувшись съ выхваченной уже шашкой, разрубилъ юношу пополамъ отъ плеча. Затѣмъ, преспокойно обтеревъ шашку и положивъ ее въ ножны, поставилъ онъ коня въ конюшню и, возвратившись къ женѣ, велѣлъ ей розыскать желѣзную лопатку. Приказавъ женѣ ложиться спать, самъ со свѣчею и желѣзною лопаткою прошелъ въ кладовую, пристроенную къ спальнѣ, и въ одномъ изъ ея угловъ вырылъ глубокую яму. По окончаніи этой работы, трупъ убитаго имъ, съ шашкою и со всѣмъ что было на немъ, завернулъ онъ въ бурку и зарылъ въ яму, не полюбопытствовавъ даже узнать, кто такой былъ его врагъ. Накрывъ землею и сравнявъ яму съ поломъ, такъ чтобы она не была замѣтна, онъ вернулся къ женѣ и, не подозрѣвая съ ея стороны измѣны, а предполагая, что покушавшійся на его убійство былъ или самъ князь, владѣлецъ аула, который давно уже питалъ къ нему вражду, или подосланный отъ него, объявилъ женѣ, что вслѣдствіе одного непредвидѣннаго случая необходимо скрыть о томъ, что онъ возвращался домой, и чтобы она подъ страхомъ смерти никому о томъ не сказывала. Немного отдохнувъ, до свѣта онъ вновь уѣхалъ въ набѣгъ.

Жена его, увидѣвъ еще только входящаго въ комнату мужа, догадалась, конечно, что ея милый юноша погибъ отъ рукъ этого лихаго человѣка. Скованная однако боязнью, чтобы мужъ ея не проникъ въ ея тайну, если она еще неизвѣстна ему, она напрягала всѣ силы своей воли, чтобы быть хладнокровной и не выдать себя какимъ-либо невольнымъ движеніемъ. Но съ отъѣздомъ мужа, она дала волю своей затаенной горести. Неутѣшная въ своемъ горѣ, она отрыла спустя нѣкоторое время и черепъ своего любовника, разсудивъ, что при взглядѣ на предметъ, взятый отъ него на память, ей будетъ казаться, что она видитъ его самого передъ собою. Днемъ она прятала черепъ, ночью-же доставала и, положивъ его передъ собою, горько оплакивала. Навѣщавшія ее сосѣдки, видя ее постоянно печальною и предполагая, что она тужитъ о долгомъ отсутствіи мужа, старались развлекать и утѣшать ее, говоря, что онъ мужчина и не можетъ постоянно сидѣть около нея, что съ нимъ, такимъ извѣстнымъ удальцомъ, ничего не можетъ случиться и, вѣроятно, онъ очень скоро вернется съ богатою добычею. На подобныя утѣшенія она

обыкновенно отвѣчала лицемѣрно, что его отлучка никогда такъ долго не продолжалась и потому она опасается, чтобы съ нимъ чего-либо не случилось. Въ это-же самое время, между тѣмъ, она помышляла о томъ, какъ-бы отомстить за любовника, какъ-бы извести своего мужа; для этого она составила и планъ.

Призвавъ лучшаго серебряника, проживавшаго въ аулѣ, она сказала ему, что обогатитъ его сразу, осыплетъ золотомъ, если онъ возьметъ работу, которую она намѣрена ему дать, и при этомъ согласится выполнить условія, какія она предложитъ. Серебряникъ съ готовностью, конечно, предложилъ свои услуги. Тогда она заставила его поклясться, что онъ исполнитъ ея работу такимъ образомъ, что ни единая живая душа не увидитъ этой работы и не узнаетъ, для кого онъ работаетъ. Передавъ ему черепъ, она насыпала ему сперва полную горсть золота, не въ счетъ платы за работу, но чтобы побудить его какъ можно старательнѣе и лучше исполнить работу, а потомъ и другую горсть серебра, чтобы покрыть имъ черепъ, изъ котораго она велѣла сдѣлать чашу, но такъ, чтобы черепъ былъ совершенно покрытъ серебромъ и невозможно было-бы узнать, изъ чистаго-ли серебра чаша или изъ какого-либо другаго матеріала, покрытаго только серебромъ. Серебряникъ, не чувствовавшій уже подъ собою земли отъ радости, вновь поклялся исполнить въ точности желанія госпожи, и съ наступленіемъ ночи, когда всѣ у него въ домѣ улеглись, тайкомъ пробрался въ свою мастерскую и принялся за работу. Покрывъ черепъ серебромъ и позолотою, превративъ его въ красивую чашу, испещренную самыми затѣйливыми арабесками (работая только ночью, изъ боязни, чтобы кто-либо не проникъ въ его тайну), серебряникъ представилъ наконецъ чашу госпожѣ, а та, полюбовавшись его работою, выдала ему еще полную горсть золота и отпустила домой. Сдѣлавъ чехолъ на чашу, госпожа привѣсила ее въ головахъ кровати, чтобъ имѣть ее во всякое время подъ рукой, часто плакала надъ нею, пила всегда изъ нея воду и т. п.

Послѣ долгаго отсутствія, вернулся наконецъ и мужъ съ богатѣйшею добычею, состоявшею изъ рѣдкихъ шелковыхъ матерій, золота, серебра и пр. На утро, еще лежа въ постели, мужъ попросилъ жену дать ему напиться. Жена подпесла ему воды въ чашѣ изъ черепа своего возлюбленнаго. Пачабгожеву тотчасъ-же бросились въ глаза богатство и красота отдѣлки чаши. Полюбовавшись и осмотрѣвъ ее внимательно, мужъ спросилъ

жену, возвращая ей чашу, гдѣ достала она такую рѣдкость. „Какъ-бы я, женщина ничтожная, могла пріобрѣсти ее! она дарована тебѣ, какъ и все, чѣмъ ты владѣешь, Богомъ и счастіемъ твоимъ“, сказала жена. „Незадолго до твоего возвращенія“, продолжала она, „пріѣхалъ какой-то очень невзрачный гостенекъ, прибывшій, по его словамъ, изъ *Кумука* [1]) и, узнавъ, что ты въ отсутствіи, уѣхалъ, велѣвъ сказать, что онъ пріѣзжалъ видѣть тебя, но что навѣдается еще разъ послѣ твоего возвращенія, и оставивъ эту чашу для передачи тебѣ“.—„Удивительно хорошая работа“, сказалъ Пачабгожевъ, взявъ снова чашу и осматривая ее: „любопытно-бы знать, изъ чистаго-ли серебра вся она или что-либо другое обложено имъ? Нѣтъ, вѣроятно, она изъ одного серебра, иначе невозможно было-бы такъ искусно оправить въ серебро чашу изъ дерева или другаго матеріала“, сказалъ Пачабгожевъ. — „Нѣтъ“, отвѣтила жена, „она не изъ одного серебра. Несмотря на то что я женщина и почти ничего не видѣла на своемъ вѣку, но угадала, изъ чего сдѣлана чаша; какъ-же ты, мужчина, и притомъ такой опытный, не можешь этого отгадать?“ Пачабгожевъ сталъ тогда называть различные сорты дерева и другіе предметы, изъ которыхъ могла быть сдѣлана чаша, но никакъ не могъ, конечно, догадаться, что черепъ человѣческій обращенъ въ чашу. Жена стала увѣрять, что всѣ его усилія безполезны, такъ-какъ онъ самъ собою никогда не откроетъ предмета, изъ котораго сдѣлана чаша, и предложила даже побиться объ закладъ. Пачабгожевъ, задѣтый насмѣшками и увѣренностью жены, принялъ вызовъ и спросилъ, что-же она сдѣлаетъ для него въ случаѣ своего проигрыша. Жена отвѣтила, что отдастъ ему тогда свой послѣдній *дыширикъ* [2]), заключающійся въ восьми душахъ крестьянъ. — „И я, въ случаѣ проигрыша, подарю тебѣ столько-же“, сказалъ Пачабгожевъ.—„Фи, несовѣстно тебѣ равняться со мной!“ отвѣтила она.—„Ну, вдвое, въ такомъ случаѣ“, возразилъ мужъ.—„Нѣтъ“, сказала она, „я не хочу заранѣе назначать никакого подарка. Поклянись мнѣ, что ты, въ случаѣ проигрыша, сдѣлаешь все, что я потребую отъ тебя“. Онъ охотно на это согласился. Условились, что если онъ втеченіи мѣсяца не узнаетъ, изъ чего чаша сдѣлана, то проиграетъ закладъ. Принявъ потребовавшую женою присягу и положивъ за пазуху чашу, Пачабгожевъ ушелъ, по своему обыковенію, въ кунацкую.

[1]) Вмѣсто *земля Кумыковъ*, говорятъ просто: *Кумукъ*.

[2]) Т. е. собственное имущество жены.

За нѣсколько дней до срока, жена Пачабгожева пригласила къ себѣ трехъ бѣдныхъ родственниковъ мужа, голодныхъ, оборванныхъ и готовыхъ, изъ-за куска хлѣба, отважиться на все, и велѣла имъ наточить хорошенько кинжалы, говоря, что если они будутъ послушны ей, она предоставитъ имъ средства къ безбѣдному существованію. Прошелъ условленный между мужемъ и женою мѣсяцъ и еще нѣсколько дней, но Пачабгожевъ не напоминалъ вовсе про закладъ. Жена, не торопившаяся также, въ полной увѣренности, что мужъ не можетъ отгадать, сказала наконецъ: „что-же, забылъ ты развѣ о нашемъ спорѣ, почему не скажешь, отгадалъ-ли ты, изъ чего сдѣлана чаша, или не спросишь, прошелъ-ли твой срокъ?“ — „Да, я было и забылъ“, отвѣтилъ мужъ. „Сколько ни думаю“, продолжалъ онъ, „а не могу никакъ отгадать, изъ чего можетъ быть сдѣлана эта чаша. Сознаюсь, я проигралъ, требуй чего желаешь!“ — „Въ такомъ случаѣ я должна объявить тебѣ съ прискорбіемъ, что, слишкомъ полагаясь на твой умъ и проницательность, я дала себѣ безразсудную клятву, въ которой теперь раскаиваюсь, такъ-какъ обязана непремѣнно ее выполнить“. Затѣмъ она объявила, что поклялась, въ случаѣ своего выигрыша, велѣть убить мужа, что хотя онъ и милъ и очень дорогъ для нея, но Богъ еще дороже, и что она поэтому не посмѣетъ навлечь на себя Его гнѣвъ, а обязана быть вѣрна своему обѣщанію; наконецъ требовала, чтобы и онъ, если дорожитъ своимъ словомъ и Богомъ, добровольно, обезоруживъ самъ себя, предался-бы своимъ тремъ родственникамъ, которые не откажутся, вѣроятно, изъ расположенія къ нему, выполнить волю Божію надъ нимъ. Пачабгожевъ былъ изумленъ и не вѣрилъ слышанному. Но поспѣшность и настойчивость, съ которыми она требовала отъ него исполненія клятвы, заставили его скоро убѣдиться, что все имъ слышанное далеко не шутка. Но возражать что-либо было поздно; клятва, хотя и обманнымъ образомъ вырванная, должна была быть выполнена. Безпрекословно положилъ онъ все бывшее при немъ оружіе и сказалъ, что готовъ и ждетъ ея приказаній. Жена тотчасъ-же передала объ этомъ его родственникамъ, которымъ заранѣе еще сообщила свои намѣренія и которые приняли на себя порученіе убить своего богатаго родственника съ такою охотою и готовностью, съ какою не могли они приняться ни за какое другое порученіе невѣстки. Вывели они Пачабгожева за ограду и окружили его съ обнаженными кинжалами. Въ тотъ моментъ, когда они переглядывались между собою о томъ,

кому изъ нихъ первому слѣдуетъ начать убійство, изъ-за угла показались нѣсколько почетныхъ стариковъ. Увидѣвъ Пачабгожева, окруженнаго родственниками своими, которыхъ намѣреніе было очевидно, старики поспѣшили подойти къ группѣ и спросили Пачабгожева, что означаетъ все это, почему онъ, котораго почитали всѣ способнымъ сладить и со ста лучшими наѣздниками, а не то что съ этими оборванцами, довелъ себя до такого положенія. — „Безполезно и думать объ этомъ“, отвѣтилъ онъ, „я далъ клятву и обязанъ ее выполнить“. Родственники его объяснили при этомъ старикамъ, что Пачабгожевъ бился объ закладъ втеченіи мѣсяца рѣшить одну задачу и что въ противномъ случаѣ онъ обязался клятвою исполнить безпрекословно всякое ихъ требованіе. „А такъ-какъ онъ не рѣшилъ задачи, то и долженъ исполнить наше желаніе“, добавили они и просили стариковъ идти своею дорогою, не вмѣшиваясь въ ихъ дѣло. — „Нѣтъ“, отвѣтили старики, „мы не давали, какъ Пачабгожевъ, клятвы и не позволимъ, чтобъ отъ рукъ такихъ ничтожныхъ и безполезныхъ людей, какъ вы, погибъ такой извѣстный и доблестный мужъ. По-крайней-мѣрѣ мы назначаемъ ему еще 15 дней сроку на рѣшеніе задачи; если и втеченіи этого времени онъ не отгадаетъ ея, тогда да исполнится воля Божья“, рѣшили старики. Дѣлать было нечего, родственникамъ необходимо было ждать еще 15 дней, скрѣпя сердце. Какъ ни ломалъ голову Пачабгожевъ, но и послѣдній день срока, назначеннаго стариками, засталъ его въ томъ-же положеніи, — не придумавшаго, изъ чего сдѣлана чаша. Снова онъ долженъ былъ предстать передъ своею женою и сознаться ей въ своемъ безсиліи, а отъ нея перейти въ руки своихъ голодныхъ родственниковъ. Но въ тотъ моментъ, когда они взялись за кинжалы, радуясь, что теперь-ужъ никто имъ не помѣшаетъ, передъ ними неожиданно явился князь Т., владѣлецъ аула. Узнавъ, въ чемъ дѣло, князь сказалъ, что онъ не потерпитъ, чтобы и ради него не былъ назначенъ Пачабгожеву новый 15-ти дневный срокъ, какъ ради стариковъ то было сдѣлано. Ослушаться не было возможности; отложили снова на 15 дней. Пачабгожевъ, увѣрившись, что ему нельзя ожидать пощады отъ своей жены, и не зная, какими средствами вырваться изъ ея когтей, впалъ въ глубокое уныніе; кромѣ одной думы, день и ночь его грызшей, онъ сталъ безучастенъ ко всему остальному, забылъ о своихъ коняхъ, оружіи, не ходилъ къ женѣ, ставшей ему ненавистною, даже не обращалъ уже никакого вниманія на свою наружность.

Въ длинной шубѣ, не подпоясанный и *безъ ноговицъ* [3]), онъ слонялся по двору, по полю, да въ окрестностяхъ своей кунацкой, погруженный въ свою думу. За пять дней до наступленія послѣдняго срока, назначеннаго княземъ, Пачабгожевъ, по обыкновенію, вышелъ въ степь и, походивъ тамъ немного, сѣлъ подъ плетнемъ находившагося недалеко отъ его дома кладбища. Углубленный въ свою думу о чашѣ, онъ не замѣтилъ даже, какъ бѣгавшій по степи котенокъ сѣлъ на полу его шубы и уснулъ. Впрочемъ, и самъ онъ послѣдовалъ скоро примѣру котенка. Вдругъ онъ слышитъ голосъ, говорящій ему: „Эй, Пачабгожевъ, не стыдно-ли мужчинѣ такъ унывать!“ Встрепенувшись, Пачабгожевъ быстро оглянулся кругомъ, но, не видя никого, снова вздремнулъ. Немного погодя онъ слышитъ однако тотъ-же, зовущій его, голосъ. Осмотрѣвшись тогда пристальнѣе, онъ увидѣлъ на кочкѣ земли крысу, которая кричала ему: „смотри за спящимъ на полѣ твоей шубы, а я сообщу тебѣ кое-что интересное для тебя“. Пачабгожевъ поспѣшилъ поймать котенка за шею. Тогда крыса продолжала: „Эй, Пачабгожевъ, не такіе мужчины, какъ ты, унываютъ такъ скоро! Вмѣсто того, чтобы горевать, тебѣ слѣдовало-бы сосчитать и узнать, все-ли цѣло твое золото, или плѣнники, или, наконецъ, что сталось съ твоею драгоцѣнною шашкою. Эй, Пачабгожевъ“, продолжала крыса, „сторожи хорошенько спящаго на полѣ твоей шубы, я сообщу тебѣ интересныя новости“. Затѣмъ крыса разсказала послѣдовательно Пачабгожеву, какъ жена его выбрала себѣ любовника между его плѣнниками, какъ былъ убитъ этотъ любовникъ, какъ она отрыла черепъ его и приказала изъ него сдѣлать серебрянику чашу, надъ открытіемъ происхожденія которой ломаетъ теперь голову онъ, Пачабгожевъ. Крыса, во все время разсказа своего, не спускала взгляда съ своего врага и спѣшила при каждомъ удобномъ случаѣ напомнить Пачабгожеву, чтобы онъ сторожилъ получше спящаго на полѣ его шубы. Сообщивъ свой запасъ новостей и попросивъ въ послѣдній разъ приглядѣть хорошенько за врагомъ, крыса быстро скрылась. Только спустя нѣкоторое время придя въ себя послѣ открытій, сдѣланныхъ ему крысой, Пачабгожевъ быстро всталъ и направился домой, швырнувъ далеко котенка, котораго онъ даже задушилъ, незамѣтно для себя,

---

[3]) Ходить такимъ образомъ и дома считается признакомъ крайней лѣности и неприличія.

во время разсказа крысы, сдавливая его все сильнѣе при каждомъ напоминаніи крысы. Жена его, увидѣвъ еще издали возвращавшагося мужа, догадалась, что въ немъ произошла какая-то перемѣна, и испугалась, подумавъ: „Несчастная я, лихой мужъ что-нибудь да придумалъ, не къ добру и походка его измѣнилась, и лицо его покрылось вновь обычною краскою". Между-тѣмъ Пачабгожевъ, войдя въ спальню, быстро сбросилъ шубу, велѣлъ достать чистую одежду и переодѣлся. Потомъ, велѣвъ осѣдлать скорѣе коня, поѣхалъ къ князю Т., владѣльцу аула. Находившіеся у князя люди, увидѣвъ подъѣзжавшаго къ кунацкой Пачабгожева, стали удивляться, что-бы могло привести его туда, такъ-какъ онъ обыкновенно никогда не посѣщалъ князя, которого поспѣшили также предупредить объ этомъ необыкновенномъ, по ихъ мнѣнію, случаѣ, и спросить, возможно-ли его принять. Князь велѣлъ принять его какъ можно радушнѣе. „Между нами никакой вражды не было и нѣтъ причинъ, почему-бы его гнать со двора; если-же онъ не посѣщалъ меня до-сихъ-поръ и теперь вздумалъ пріѣхать ко мнѣ, то это его дѣло", объяснилъ князь.

Не успѣлъ Пачабгожевъ подъѣхать къ кунацкой, какъ нѣсколько молодыхъ людей кинулись принимать отъ него лошадь; между тѣмъ на встрѣчу къ нему вышелъ и самъ князь и ввелъ его въ кунацкую. Здѣсь князь обошелся съ нимъ очень ласково—велѣлъ принести собственно ему чашу бузы съ закускою. Наконецъ Пачабгожевъ объявилъ, что онъ имѣетъ дѣло къ князю и просилъ находившихся въ кунацкой людей оставить ихъ однихъ на короткое время. „Я былъ много передъ тобою виноватъ", сказалъ онъ князю, оставшись съ нимъ наединѣ; „твоя снисходительность ко мнѣ заставила меня одуматься, и въ знакъ того, что каюсь въ своей винѣ и сожалѣю о прошлой своей спѣси, которая не можетъ быть ничѣмъ оправдана, я прошу тебя принять отъ меня клятву въ томъ, что я отнынѣ намѣренъ служить тебѣ, какъ одинъ изъ самыхъ вѣрныхъ и преданныхъ тебѣ узденей". Князь, принимая съ благодарностью предложеніе своего строптиваго когда-то узденя, изъявилъ съ своей стороны желаніе поклясться также, что и онъ будетъ преданъ ему, какъ родному брату. Тотчасъ-же каждый изъ нихъ принялъ и желаемую присягу. „Теперь, позволь мнѣ объяснить просьбу, которую я имѣю къ тебѣ", сказалъ Пачабгожевъ: „въ тотъ день, когда ты встрѣтилъ меня, окруженнаго моими родственниками, и когда ты такъ великодушно за меня заступился, забывъ мои проступки,—причина, поста-

вившая меня въ такое положеніе, была тебѣ объяснена не совсѣмъ вѣрно. Я держалъ закладъ не съ родственниками, а съ женою; вотъ въ чемъ обстоятельства, его вызвавшія“.... Далѣе онъ разсказалъ все какъ было, добавивъ: „Она была увѣрена въ выигрышѣ, однако Богъ не допустилъ ея восторжествовать. Только теперь, случайно разрѣшивъ задачу и узнавъ всѣ ея плутни, я желаю передъ народомъ уличить ее и наказать такъ, какъ она того заслуживаетъ. Теперь я прошу твоего содѣйствія, — собери почетныхъ и другихъ достойныхъ лицъ въ народѣ, пріѣзжай съ ними сегодня ко мнѣ и предоставь мнѣ самому наказать виновныхъ по своему усмотрѣнію“. Князь изъявилъ на все согласіе. По сборѣ народа, Пачабгожевъ прежде всего потребовалъ серебряника, оправлявшаго чашу, и велѣлъ ему, подъ страхомъ смерти, сказать, онъ-ли дѣлалъ показываемую ему чашу, изъ чего она сдѣлана и кто давалъ ему такую работу. Испуганный серебряникъ далъ объясненія по всѣмъ вопросамъ. Присутствовавшіе, посвященные въ тайны заклада, о который побился Пачабгожевъ, согласились, что онъ дѣйствительно выигралъ и свободенъ отъ своей клятвы. Отпустивъ серебряника, ни въ чемъ невиновнаго, такъ-какъ онъ по роду своихъ занятій не можетъ отказываться отъ всякой выгодной работы, какая ему дастся, Пачабгожевъ повелъ гостей своихъ въ кладовую, гдѣ были отрыты кости любовника жены, съ драгоцѣнною чашкой Пачабгожева, причемъ послѣдній счелъ нужнымъ попросить у князя прощенія въ томъ, что онъ могъ тогда заподозрить, не подосланъ-ли былъ княземъ тотъ человѣкъ, котораго онъ убилъ. Когда такимъ образомъ разъяснилась вполнѣ виновность жены, присутствовавшіе единогласно потребовали казни ея. Но прежде привели трехъ родственниковъ. „Такихъ негодныхъ, позорящихъ свой родъ, какъ вы, должно наказывать только такимъ образомъ“, сказалъ Пачабгожевъ и, отрѣзавъ одному ухо, другому кончикъ носа, третьему кусокъ языка, отпустилъ ихъ, окровавленныхъ, домой. Привели потомъ жену Пачабгожева. Почетные старики объяснили ей, что мужъ разрѣшилъ предложенную ею задачу совершенно правильно, и что плутни ея раскрыты, почему они приговорили ее къ смерти. Привели двухъ неуковъ и, привязавъ ее ногами къ ихъ хвостамъ, пустили въ степь.

Придерживаясь обычая, по которому князь возмѣщаетъ потери, понесенныя узденемъ въ его присутствіи, владѣлецъ аула, князь Т., вызвался самъ женить Пачабгожева,—и дѣйствительно, вскорости женилъ его, засватавъ невѣсту и заплативъ калымъ самъ.

II.

Дохшуко Бгуншоковъ.

Къ Кемиргоевскому князю Б. была прислана Кабардинскимъ княземъ К. въ подарокъ тетива. Она была передана Б. въ его кунацкой, при большомъ стеченіи народа. Зная, что изъ такой дали не будетъ прислана однимъ княземъ другому какая-либо обыкновенная тетива, всѣ любопытствовали видѣть ее. И дѣйствительно, тетива оказалась удивительно мастерской работы; какъ князь, такъ и всѣ присутствовавшіе старики, знавшіе толкъ въ тетивѣ вообще, сказали, что она не похожа на тѣ тетивы, которыя обыкновенно приготовляются въ Адигской землѣ, и сработана развѣ только *въ городѣ* [1]). Полюбовавшись, князь свернулъ тетиву, уложилъ и велѣлъ отнести ее къ себѣ домой, говоря, что такая необыкновенная тетива достойна только Бгуншокова, которому онъ ее и подаритъ, по его возвращеніи изъ поѣздки. Всѣ присутствовавшіе уздени обидѣлись тѣмъ, что князь не сказалъ имъ, какъ принято говорить при полученіи подарка, не нравится-ли онъ кому изъ нихъ? „Этимъ онъ не лишался права“, говорили они между собою, „поступить съ тетивою по своему усмотрѣнію, такъ-какъ никто не счелъ-бы себя болѣе его, князя, достойнымъ присланнаго ему издалека, какъ рѣдкость, подарка и также не рѣшился-бы, при первомъ-же полученіи имъ этого подарка, отобрать его у него“. Но уздени, конечно, не подали виду, что они недовольны особеннымъ передъ ними предпочтеніемъ Дохшуко Бгуншокова, и въ обыкновенное время, послѣ ужина, разошлись по домамъ.

По возвращеніи Бгуншокова изъ поѣздки, ему, въ числѣ прочихъ новостей аула, разсказали, конечно, и исторію съ тетивою. Когда утромъ на другой день Бгуншоковъ, по обыкновенію, поѣхалъ къ князю повидаться, этотъ приказалъ принести тетиву, показалъ ее Дохшуко и потомъ отдалъ ему, говоря, что въ тотъ же мигъ, какъ онъ получилъ ее, вспомнилъ о немъ и отложилъ ее для него.

Какъ и всѣ присутствовавшіе при этомъ, Бгуншоковъ сказалъ князю *табу* за подарокъ. По возвращеніи домой, удивляясь, какъ и всѣ, чудной работѣ тетивы и любопытствуя узнать, гдѣ

[1]) Городская работа почитается самою искусною.

и кѣмъ она сдѣлана, Бгуншоковъ далъ себѣ слѣдующую клятву: „такъ-какъ князь, въ отличіе отъ всѣхъ своихъ узденей, удостоилъ меня такого рѣдкаго подарка, то и я, чтобы заслуженно воспользоваться этимъ отличіемъ, даю клятву не проводить двухъ ночей подъ ридъ подъ кровлею своего дома, до-тѣхъ-поръ пока не узнаю, кѣмъ именно тетива сдѣлана, и если дѣвушкой или вдовой, то возьму ее въ жены, если-же замужнею, то сдѣлаю любовницею". На другой день Дохшуко поѣхалъ въ Большую Кабарду, къ князю К., къ тому самому, отъ котораго былъ присланъ подарокъ. Вечеромъ, успокоивъ гостя и сидя съ нимъ въ кунацкой, князь сказалъ Дохшуко, указывая на тетиву лука, висѣвшаго у стѣны, гдѣ обыкновенно вѣшаютъ оружіе: „кажется, эта тетива вышла изъ моихъ рукъ?" — „Да, это—тетива, посланная тобою въ подарокъ князю Б., который отдалъ ее мнѣ. Я пріѣхалъ къ тебѣ по поводу ея", отвѣтилъ Бгуншоковъ и затѣмъ разсказалъ, какъ Б. подарилъ ему тетиву, какъ онъ послѣ того, восхищенный, какъ и прочіе, ея работою, далъ клятву узнать, кѣмъ она сдѣлана, потомъ просилъ князя К. сказать, если тетива сработана у него въ домѣ или въ аулѣ, то кѣмъ именно. Князь возразилъ, что и онъ не могъ узнать, хотя очень желалъ, гдѣ она сдѣлана, такъ-какъ и самъ получилъ ее въ подарокъ, и назвалъ при этомъ одного кабардинскаго-же князя, къ которому и поѣхалъ на другой-же день Бгуншоковъ.

Тотъ далъ Бгуншокову точно такой-же отвѣтъ, какъ и князь К., и Дохшуко принужденъ былъ такимъ образомъ посѣтить еще нѣсколько лицъ, все также безуспѣшно. Наконецъ, въ Малой Кабардѣ ему сказали, что тетива прислана изъ *Кумука*, причемъ указали и князя, ее подарившаго.

Тутъ уздень впалъ въ раздумье и каялся, что навязалъ самъ себѣ добровольно такое опрометчивое обязательство. Кумыки были его смертельные враги; это была ихъ страна, куда онъ ѣздилъ постоянно для наѣзднических подвиговъ. Едва ли было тамъ хоть одно семейство, которому онъ не причинилъ какого-либо зла, или укравъ, или ранивъ, или убивъ какого-либо его члена. Его имя было извѣстно всему кумыкскому краю, гдѣ оно произносилось ежедневно съ проклятіями. Теперь, опрометчиво данная клятва вынуждала его предаться въ руки своихъ злѣйшихъ враговъ! На минуту онъ подумалъ даже, не отказаться-ли отъ своего намѣренія и не вернуться-ли домой, но, вспомнивъ, что онъ въ этомъ случаѣ будетъ клятвопреступникомъ,

рѣшился, хотя-бы привелось положить собственную голову, довести до конца свое намѣреніе, и не медля, прямо изъ Малой Кабарды уѣхалъ въ Кумукъ.

Вслѣдъ затѣмъ и кумыки были увѣдомлены довѣренными лицами, которыхъ они имѣли, конечно, между кабардинцами, что Бгуншоковъ поѣхалъ въ ихъ сторону, съ тѣмъ чтобы сдѣлать тамъ, вѣроятно, какое-либо похищеніе. Тотчасъ составили кумыки партіи изъ наиболѣе исправныхъ и годныхъ всадниковъ, и начали сторожить тропы, по которымъ могъ-бы проѣхать Дохшуко. Однако, послѣдній, обманувъ бдительность карауловъ, проѣхалъ къ аулу нужнаго ему князя. Встрѣтивши пастаго телятъ пастуха, онъ спросилъ его: „Кто здѣсь самый вліятельный и можетъ, въ случаѣ надобности, принять на себя защиту отъ народнаго мщенія злѣйшаго врага?“. Пастухъ указалъ на домъ владѣльца аула, сказавъ, что никого народъ такъ не слушаетъ, какъ его. Бгуншоковъ направился тогда къ указанному княжескому дому и, такъ-какъ самъ князь находился въ числѣ партій, выѣхавшихъ на его поиски, то Дохшуко, слѣзши съ коня, никѣмъ не замѣченный, прошелъ прямо на женскую половину. Подойдя быстро къ княгинѣ и не давая ей времени опомниться, онъ, снявъ шапку и преклонивъ колѣно, сказалъ ей, что проситъ позволенія сдѣлаться ея гостемъ [2]). Княгиня, оправившись нѣсколько, отвѣтила: „Да будешь ты гостемъ Бога! въ чемъ твое дѣло, противъ кого ты просишь моей защиты?“ Дохшуко старается тогда дать ей понять, что его дѣло слишкомъ важно, и потому прежде чѣмъ онъ рѣшится открыть ей свое дѣло, ему необходимо увѣриться, что его просьба будетъ исполнена. Княгиня отвѣчаетъ, что до-сихъ-поръ никто просившій покровительства не былъ изгнанъ изъ *дома, въ которомъ она живетъ* [3]), безъ исполненія его просьбы, и ни одинъ его гость не былъ данъ еще въ обиду, что и теперь, хотя самого хозяина нѣтъ дома, но она даетъ ему слово защищать его и быть ему полезной, насколько это будетъ доступно ей, женщинѣ. Тогда Бгуншоковъ, прежде чѣмъ приступить къ разсказу о своемъ дѣлѣ, объявилъ ей мѣсто, откуда онъ пріѣхалъ, и затѣмъ свое имя и фамилію. Но не успѣлъ онъ договорить еще своей фамиліи, какъ княгиня ки-

[2]) Т. е. даровать ему право на ея покровительство и защиту.

[3]) Ни фамилію, ни имя мужа или старшаго въ семействѣ жена не можетъ называть и замѣняетъ ихъ имена подобными приведенному соотвѣтствующими выраженіями.

нулась къ нему, внѣ себя, съ ножницами въ рукахъ; однако, тотчасъ-же образумившись и овладѣвъ собой, она вернулась назадъ, говоря: ,,аллахъ, аллахъ! какое позорное дѣло я хотѣла совершить! домъ, до-сихъ-поръ вполнѣ безупречный, я едва не обезславила на вѣки, убивъ его гостя. Но какая женщина могла-бы поступить иначе на моемъ мѣстѣ? Похитивъ у матери сыновей, искалѣчивъ ея мужа, ты ко всему этому тайно пробираешься къ ней и нагло, обманнымъ образомъ вырываешь у ней обѣщаніе въ покровительствѣ и защитѣ! Но да будетъ тебѣ судьею Богъ, избавившій меня сейчасъ отъ тяжкаго позора; я-же невластна судить тебя и, давъ уже слово, обязана сдержать его... Разскажи дѣло, какое имѣешь ты до меня". И затѣмъ уже очень спокойно стала слушать Бгуншокова, а онъ между тѣмъ не заставилъ себя ждать и принялся разсказывать очень подробно дѣло, по которому пріѣхалъ, не забывъ при этомъ даже и клятву свою въ томъ, что если окажется, что тетиву сдѣлала дѣвушка или вдова, то онъ женится на ней, если-же замужняя женщина, то сдѣлаетъ ее своею любовницею. По окончаніи Бгуншоковымъ своего разсказа, княгиня отвѣтила, что данная ею клятва и честь дома обязываютъ ее помочь ему добросовѣстно и словомъ и дѣломъ, но извѣстно одному Богу, какъ она была-бы рада, если-бы его намѣренія не исполнились! И затѣмъ продолжала, что тетива эта ей знакома и сдѣлана ея сестрою, которая еще не замужемъ и живетъ въ томъ-же аулѣ, немного выше; что получить ее въ жены обыкновеннымъ порядкомъ онъ не можетъ и мыслить, при непримиримой его враждѣ съ ея родными; но что она, обязанная клятвою помочь ему по мѣрѣ силъ и знанія своего, укажетъ ему одно средство, удачное исполненіе котораго зависитъ единственно отъ смѣтливости, ловкости и неустрашимости взявшагося за это средство, почему онъ одинъ и можетъ судить, насколько удобно для него это средство. ,,Ежегодно, въ честь этой дѣвушки", объяснила княгиня, ,,мой мужъ и ея родные дѣлаютъ пиръ, продолжающійся семь дней. У ней есть горничная, совершенно на нее похожая; впродолженіи этихъ семи дней онѣ одѣваются ежедневно въ новыя одежды и мѣняются мѣстами, т. е. одинъ день служанка исполняетъ роль княжны, а княжна роль служанки, на другой-же день обѣ занимаютъ опять свои обыкновенныя мѣста, такъ-что не знающіе коротко княжны не могутъ отличить ее отъ ея служанки. На седьмой день пиръ завершается джигитовкой, при которой присутствуетъ и княжна, окруженная своими подру-

гами. Наиболѣе отличившемуся въ джигитовкѣ наѣзднику она собственноручно подаетъ, какъ-бы въ награду, чашу бузы. Только въ этотъ день можешь ты получить къ ней близкій доступъ, да и то заслуживъ прежде награду. Тогда, приглядѣвшись къ княжнѣ на столько, чтобы узнать ее и тогда, какъ она будетъ исполнять роль служанки, ты можешь при возвращеніи чаши самой княжнѣ подхватить ее и увезти. Никакимъ другимъ путемъ ты не можешь пріобрѣсти ея. Если ты намѣренъ испытать это средство, время празднества приблизилось и я буду скрывать тебя и твою лошадь до наступленія его; когда начнется празднество, ты можешь участвовать въ немъ втеченіи всѣхъ семи дней, переодѣтый, и приглядѣться къ княжнѣ; на седьмой день, получивъ своего коня въ назначенномъ заранѣе скрытномъ мѣстѣ, ты въѣдешь въ среду джигитующихъ, какъ только что прибывшій; если и найдется тамъ кто-либо знающій тебя, въ общей суматохѣ навѣрное не примѣтитъ тебя; затѣмъ, что дѣлать, чтобы отличиться во время джигитовки, тебѣ это лучше знать. Но я должна еще предупредить тебя о томъ, что ты и самъ уже давно могъ знать, именно, что неудача попытки легко навлечетъ смерть тебѣ. Скажи теперь, намѣренъ-ли ты испытать предлагаемое средство, несмотря на сопряженныя съ нимъ опасности?“ Бгуншоковъ отвѣтилъ, что, принимая на себя обязательство это, онъ зналъ, что ему придется или пожертвовать жизнью или привести въ исполненіе свое намѣреніе, и что поэтому онъ не можетъ не испробовать всѣхъ средствъ, могущихъ способствовать исполненію его клятвы, какъ-бы они ни были опасны и трудно осуществимы. Княгиня, не возражая на это ничего, позаботилась объ его помѣщеніи; довѣренному холопу своему велѣла взять къ себѣ и поставить въ потайномъ мѣстѣ лошадь Бгуншокова, а его самого помѣстила въ секретной кладовой, пристроенной къ ея саклѣ, снабдивъ провизіею и нужными вещами, послѣ чего заперла на замокъ и двери.

Вскорости затѣмъ возвратился изъ объѣзда и мужъ княгини, измученный и не въ духѣ. Ухаживая около него, она, между прочимъ, спросила, нашли-ли Бгуншокова, на что мужъ, проклиная, отвѣтилъ, что они и слѣда его не видѣли. — „Какіе-же вы мужчины послѣ этого“, замѣтила она на это; „несмотря на то, что я женщина, право, если бы я захотѣла, вывела-бы его сейчасъ изъ своей кладовой“. Мужъ не обратилъ вниманія на слова жены, принявъ ихъ за шутку.

Наступилъ наконецъ и праздникъ, на который былъ созванъ весь кумыкскій народъ.Ославъ всю провизію и дары, заготовленные для этого случая, поѣхалъ вслѣдъ за ними на всѣ семь дней въ домъ родителей дѣвушки и мужъ покровительницы Бгуншокова. Послѣдній, переодѣтый и потому никѣмъ неузнанный, также посѣщалъ всѣ шесть дней исправно праздникъ и приглядывался къ княжнѣ, которая, какъ сказала его покровительница, во всѣ эти дни ежедневно мѣнялась мѣстомъ и одеждою съ своею горничною.

На седьмой день, утромъ, онъ получилъ коня своего обратно отъ холопа, которому онъ былъ порученъ, въ небольшомъ, мало посѣщаемомъ ущельѣ, недалеко отъ аула, и отправился на праздникъ, гдѣ присоединился къ другимъ всадникамъ, не привлекая на себя ничьего вниманія. Послѣ обѣда началась джигитовка, на которой не замедлилъ тотчасъ-же, конечно, отличиться Бгуншоковъ, потому-что кто изъ кумыковъ могъ-бы сравниться съ извѣстнымъ по всей адигской землѣ наѣзникомъ! Княжна, въ сопровожденіи своихъ подругъ, вышла на средину двора, приказала подозвать Бгуншокова, которому сказавъ: „хотя по виду ты не здѣшній, а гость, и неизвѣстно, кто ты такой, но нужно быть тѣмъ не менѣе справедливымъ къ тебѣ,—ты вполнѣ заслужилъ *богатырскую чашу*, — возьми ее“, велѣла принять отъ стоявшей впереди служанки (то была сама княжна) чашу. Бгуншоковъ выпилъ бузу и когда княжна (т. е. служанка) протянула руку за чашей, онъ, сказавъ, что пустая чаша не должна быть возвращаема ей, протянулъ ее служанкѣ (т. е. княжнѣ). Когда-же послѣдняя подошла къ нему и протянула руку за чашей, онъ схватилъ ее къ себѣ на сѣдло и ускакалъ.

Тотчасъ-же поднялась, конечно, тревога; всѣ находившіеся на джигитовкѣ всадники кинулись за нимъ. Но у такого хорошаго наѣзднка, какъ Бгуншоковъ, не могла быть, конечно, и дурная лошадь,—потому большая часть кумыковъ отстала вскорости-же, а тѣ немногіе, что могли еще за нимъ слѣдовать, понеся большой уронъ, не достигнувъ сами ничего, сочли за лучшее также вернуться. Освободившись отъ погони, Бгуншоковъ продолжалъ все-таки ѣхать безостановочно, до-тѣхъ-поръ пока не прибылъ въ такое мѣсто, гдѣ онъ былъ въ совершенной безопасности отъ погони. Здѣсь, у ручья, онъ слѣзъ съ коня, стреножилъ его и, отведя дѣвушку подъ тѣнь дерева, положилъ пе-

редъ нею *небольшую сухую закуску* [4]), которую не забыла, вѣрно, привязать къ его сѣдлу княгиня; затѣмъ, зачерпнувъ ей воды въ *сулукъ* [5]), проспалъ ее немного отдохнуть и подкрѣпить себя, такъ-какъ, сказалъ онъ, дорога предстоитъ имъ еще дальняя. Самъ онъ отошелъ въ сторону и сѣлъ, подперевъ голову плетью, чтобы не заснуть крѣпко. Вздремнувъ нѣсколько времени и проснувшись, онъ увидѣлъ, что дѣвушка стоитъ надъ нимъ и тихо машетъ около его лица платкомъ, чтобы дать ему спокойно отдохнуть. Бгуншоковъ сильно обрадовался, подумавъ, что недаромъ онъ потрудился, такъ-какъ, видно, нашелъ вполнѣ хорошую жену. Тотчасъ-же, не подавая вида дѣвушкѣ, что онъ замѣтилъ ея поступокъ, онъ собрался и поѣхалъ далѣе. Прибывъ домой, онъ помѣстилъ привезенную имъ дѣвушку, какъ жену, у одного своего состоятельнаго вольно-отпущенника, и самъ тоже остановился у одного пріятеля своего. Вѣсть о томъ, что Бгуншоковъ привезъ себѣ жену, тотчасъ-же разнеслась по аулу: собрались дѣвушки, молодые люди, и начались пляски и веселіе. По прошествіи двухъ-трехъ недѣль послѣ пира, устроеннаго ему пріятелемъ, у котораго онъ останавливался, съ подобающими подарками Бгуншоковъ былъ приведенъ въ родительскій домъ, гдѣ онъ принялъ *чашу примиренія* [6]) отъ матери, угостившей, потомъ, сопровождавшихъ Бгуншокова молодыхъ людей на славу. Черезъ годъ или, быть можетъ, ранѣе была введена въ свой домъ и жена его, съ такимъ-же торжествомъ, послѣ чего все въ домѣ Бгуншокова пошло старою обыкновенною колеею.

Въ одно время, когда Бгуншоковъ около сумерекъ ѣхалъ посидѣть у своего князя, ему встрѣтился одинъ всадникъ, сдѣлавшій, судя по усталому виду его и коня, дальнюю дорогу. На приглашеніе Бгуншокова, послѣ обычныхъ привѣтствій, переночевать у него, быть его гостемъ, пріѣзжій отвѣтилъ, что онъ имѣетъ дѣло въ аулѣ, къ Бгуншокову, привезшему себѣ жену изъ Кумука, почему проспилъ указать его домъ. Бгуншоковъ указалъ ему свой домъ и между прочимъ спросилъ, какое онъ имѣетъ дѣло къ Бгуншокову и не можетъ-ли онъ самъ быть ему полезнымъ по этому дѣлу, чему онъ былъ-бы очень радъ, такъ-какъ,

---

[4]) Лепешки, копчоный сыръ и т. п. называются *сухою* закуской.

[5]) Сшитый изъ толстаго сафьяна, родъ ковша, сохраняемый подъ сѣдельною подушкою.

[6]) Послѣ женитьбы сынъ не видится съ матерью до размѣна чаши бузы при описанной обстановкѣ.

встрѣтивъ его первый, онъ считаетъ его уже за своего гостя. Пріѣзжій сказалъ, что онъ имѣетъ дѣло собственно не къ Бгуншокову, а къ его женѣ, что дѣло это очень щекотливое, но такъ-какъ онъ столь любезно предложилъ ему быть его гостемъ и помочь ему, то онъ, пріѣзжій, надѣется не сдѣлать ошибки, объяснивъ ему свое дѣло и попросивъ у него къ лучшему его устройству совѣта. Бгуншоковъ постарался убѣдить гостя въ своей скромности и готовности помочь ему всѣми зависящими отъ него средствами. Тогда пріѣзжій разсказалъ слѣдующее: „Я — кумыкскій князь. Дѣвушку, которую похитилъ Бгуншоковъ, я зналъ съ дѣтства и были мы очень дружны съ ней. Долгое время я сватался за нее и хотя она была не прочь выйти за меня, но родители на это не согласились. Тогда я предложилъ ей бѣжать со мною, но она отказалась, говоря, что никакъ не рѣшится огорчить своихъ родителей, которые ее такъ любятъ. Когда я сталъ упрекать ее, что она обманывала все время и не любитъ меня вовсе, она отвѣтила мнѣ увѣреніями въ противномъ и сказала, что послѣ того какъ ее выдадутъ замужъ, если я рѣшусь явиться къ ней и потребовать, чтобы она измѣнила своему мужу, она безпрекословно исполнитъ мое требованіе. Чтобы напомнить ей о данномъ словѣ, если-бы она забыла его или раздумала выполнить, она дала мнѣ и этотъ платокъ, поклявшись, что послѣ того какъ я покажу ей этотъ платокъ, она не сдѣлаетъ никакихъ отговоровъ. И теперь вотъ я пріѣхалъ испытать ее“. Бгуншоковъ сказалъ своему гостю, что мужъ дѣвушки ему знакомой не такой мужчина, который можетъ позволить обидѣть себя безнаказанно и что поэтому лучше не засиживаться ему долго въ аулѣ и даже никому не показываться, почему онъ укажетъ ему средство привести къ какому-либо концу свое дѣло въ эту-же ночь. „Жена Бгуншокова, живущаго со мной по сосѣдству“, продолжалъ онъ, „имѣетъ обыкновеніе всегда передъ разсвѣтомъ выходить изъ сакли. Вотъ тутъ по сосѣдству есть долина небольшая, почти никѣмъ не посѣщаемая, до разсвѣта ты побудь тамъ, а ко времени выхода жены Бгуншокова изъ сакли, пройди и скройся въ томъ мѣстѣ, куда она должна пойти. Передъ входомъ въ это мѣсто или на дорогѣ, по которой она должна придти, положи платокъ, тебѣ данный ею. Если она, увидя платокъ, пройдетъ все-таки къ тому мѣсту, гдѣ ты находишься, то желаніе твое навѣрное будетъ исполнено, такъ-какъ она придетъ къ тебѣ, зная уже, что встрѣтитъ тебя и слѣдовательно рѣшившись сдер-

жать свое слово. Если-же она, напротивъ, замѣтивъ платокъ, тотчасъ-же повернетъ назадъ и будетъ возвращаться въ саклю, дай мнѣ слово, что и ты не сдѣлаешь тогда ни одного движенія, чтобы вернуть ее. Если ты не дашь мнѣ этого слова, то я слагаю съ себя обязанности, которыя я принялъ на себя, признавъ тебя своимъ гостемъ". Когда гость далъ Бгуншокову слово поступить такъ, какъ онъ желаетъ, Бгуншоковъ, указавъ ему мѣсто, куда ходила обыкновенно его жена, и путь, по которому гость могъ пробраться туда, отвезъ его въ долину, гдѣ онъ долженъ былъ ждать разсвѣта. Самъ Бгуншоковъ отправился потомъ къ князю, но растревоженный только-что услышаннымъ, не могъ, конечно, просидѣть тамъ долго и вернулся домой, гдѣ въ урочное время легъ спать, не давая женѣ замѣтить никакой въ себѣ перемѣны. На разсвѣтѣ жена его, по обыкновенію, вышла въ заднія двери. Бгуншоковъ, тотчасъ-же поднявшись, сдѣлалъ концомъ кинжала небольшую щель въ стѣнѣ, приходившейся къ той сторонѣ, куда пошла его жена, и усѣлся слѣдить оттуда за тѣмъ, что произойдетъ. Жена его, дойдя до платка и тотчасъ-же узнавъ его, попятилась назадъ, потомъ повернулась и сдѣлала нѣсколько шаговъ къ саклѣ. Вспомнивъ однако, что она не имѣетъ права, не сдѣлавшись клятвопреступницей, убѣгать такимъ образомъ, она пошла назадъ, въ надеждѣ, обратившись къ великодушію кумыкскаго князя, получить разрѣшеніе отъ своего слова. Напрасно умоляла она его оставить свое намѣреніе, представляя всю опрометчивость своего обѣщанія, всю неблаговидность — воспользоваться ея опрометчивостью, неопытностью, а также и опасность, соединенную для нихъ обоихъ съ выполненіемъ его намѣренія, если оно будетъ открыто какимъ-либо путемъ; князь повторялъ только, что онъ не станетъ прибѣгать ни къ какому насилію и она вольна выполнить или нѣтъ свое обѣщаніе, но самъ онъ добровольно не освободитъ ея отъ даннаго слова. „Да послужитъ-же это тебѣ во вредъ, а мнѣ въ пользу", сказала она тогда и выполнила требованіе его, послѣ чего она вернулась и легла вновь къ мужу. Вставъ въ обычное время, Бгуншоковъ сѣлъ верхомъ и поѣхалъ по аулу, чтобы нѣсколько разогнать осаждавшія его думы. Встрѣчается ему кумыкскій князь, ѣдущій назадъ. „Ну что", говоритъ Бгуншоковъ, „исполнилось-ли твое желаніе?" — „Благодарю тебя", отвѣтилъ гость, „за совѣты твои,—поѣздка моя ненапрасна".—„Ну, такъ спѣши-же безостановочно домой", посовѣтовалъ Бгуншоковъ и

проѣхалъ далѣе. На мгновеніе у него блеснула-было мысль покончить съ оскорбившимъ его тутъ-же, но онъ оставилъ эту мысль, какъ недостойную его, подумавъ притомъ, что, въ случаѣ надобности, онъ всегда съумѣетъ розыскать своего обидчика и отомстить ему подъ другимъ, болѣе благовиднымъ предлогомъ.

Прошло нѣсколько времени, Бгуншоковъ не находилъ нигдѣ покоя; мысль, что обидчикъ его преспокойно себѣ живетъ, да еще, быть можетъ, посмѣивается надъ нимъ, грызла его, какъ онъ ни старался отогнать ее отъ себя. Наконецъ, осѣдлавъ лучшаго своего *походнаго* коня, уѣхалъ онъ, не говоря никому, куда ѣдетъ. Прибывъ въ *Кумукъ*, онъ разузналъ исподоволь, гдѣ находится аулъ его обидчика и дома-ли самъ онъ. Въ полдень, когда весь аулъ былъ въ сборѣ и самъ владѣлецъ находился дома, Бгуншоковъ подъѣхалъ и, въ виду всего аула, похитилъ одного изъ пастуховъ, пасшихъ телятъ. По поднявшейся тотчасъ-же тревогѣ, весь аулъ, съ княземъ своимъ во главѣ, устремился въ погоню за Бгуншоковымъ, а онъ между тѣмъ ѣхалъ такимъ образомъ, чтобы погоня не могла потерять его изъ виду. Проскакавъ такимъ образомъ, пока онъ не замѣтилъ, что вся погоня отстала далеко и что преслѣдовалъ его уже одинъ только его обидчикъ, Бгуншоковъ сбросилъ мальчика, котораго онъ увезъ-было единственно съ цѣлью вызвать погоню изъ аула, и поѣхалъ тише. Какъ только князь подъѣхалъ къ нему, между ними завязалась борьба. Безъ большаго усилія Бгуншоковъ убилъ князя, отрубилъ ему тотчасъ-же затѣмъ голову, нарвалъ травы, обложилъ ею голову и затѣмъ, завязавъ ее въ башлыкъ, привязалъ къ сѣдлу и уѣхалъ. Возвратившись ночью домой, онъ прошелъ прямо къ женѣ съ башлыкомъ и, положивъ передъ нею голову, сказалъ: „Я привезъ тебѣ того, котораго ты мнѣ предпочла; держи ее постоянно при себѣ и любуйся“. Жена, которой онъ до того времени не подавалъ и виду, что знаетъ объ ея измѣнѣ, обомлѣла. Самъ онъ, не говоря болѣе ни слова, вышелъ отъ нея и поѣхалъ къ князю, чтобъ разсказать ему все съ нимъ приключившееся и узнать отъ него, что ему далѣе дѣлать. Привязавъ коня въ конюшнѣ кунацкой, онъ перелѣзъ черезъ ограду, которою была окружена женская половина, чтобъ войти къ князю, отправлявшемуся уже спать. Не успѣлъ онъ перелѣзть и сдѣлать не болѣе двухъ-трехъ шаговъ, какъ услышалъ, будто еще кто-то перелѣзаетъ черезъ плетень. Бгуншоковъ тотчасъ-же спрятался подъ плетнемъ, немного въ сторонѣ отъ

мѣста, гдѣ происходилъ шумъ, чтобы узнать, кто и зачѣмъ перелѣзаетъ. Только-что онъ скрылся подъ плетнемъ, какъ черезъ него перелѣзъ человѣкъ, въ которомъ онъ узналъ табунщика-калмыка, давно еще подареннаго имъ князю. Бгуншоковъ не тронулся съ мѣста, желая узнать намѣреніе табунщика, а этотъ между тѣмъ прошелъ прямо къ саклѣ, въ которой спалъ князь, и тихо стукнулъ плетью въ окно. По прошествіи нѣкотораго времени табунщикъ вновь стукнулъ въ окно, но уже посильнѣе. Такъ-какъ долгое время и на этотъ стукъ не отвѣчали ничего изнутри, то табунщикъ стукнулъ въ окно три раза еще громче. Тотчасъ-же вслѣдъ затѣмъ отворилась дверь и на порогѣ показалась женщина, одѣтая только въ бѣлую рубаху. Тогда табунщикъ повернулся, прошелъ къ оградѣ и остановился недалеко отъ мѣста, гдѣ спрятался Бгуншоковъ, такъ-что послѣдній могъ слышать самый тихій ихъ разговоръ. Вслѣдъ за нимъ пришла туда-же и женщина, которая оказалась женою князя. Табунщикъ, какъ-только она подошла къ нему, ударилъ ее плетью, бывшею у него въ рукахъ, раза три очень сильно, за то что она не вышла къ нему по первому-же его стуку. Оказалось, что княгиня была любовницей табунщика, который отпустилъ ее, не задерживая долго, и самъ перелѣзъ обратно черезъ плетень. Бгуншоковъ, удивленный и вмѣстѣ съ тѣмъ огорченный только-что имъ видѣннымъ, не рѣшился будить сейчасъ-же князя, какъ онъ прежде имѣлъ намѣреніе, и вернулся въ кунацкую, гдѣ подождалъ разсвѣта. Тогда онъ пошелъ къ князю, рѣшивъ ничего не говорить ему ни о себѣ, ни о видѣнномъ имъ въ ту ночь, чтобы напрасно не тревожить его покоя. Какъ-только вошелъ онъ въ саклю, ему, по обыкновенію, подали чашу бузы съ сухою закускою, съ которою онъ присѣлъ у очага, въ ожиданіи, пока встанетъ и одѣнется князь. Въ скоромъ времени присоединился къ нему и князь, которому подали умываться. Обсушившись поданнымъ ему женою полотенцемъ, князь протянулъ его обратно женѣ, но послѣдняя, отвернувшись зачѣмъ-то въ сторону, не замѣтила этого; поэтому князь перекинулъ полотенце ей черезъ плечо и нечаянно задѣлъ имъ лицо ея. Княгиня вспылила, говоря, по какому поводу могъ онъ оскорбить ее такъ жестоко, бросивъ ей утиральникъ въ лицо, что она не найденышъ какой-либо, за котораго не кому было-бы заступиться, что родные ея, которые во всѣхъ отношеніяхъ не хуже его, съумѣютъ заступиться за нее. Напрасно князь Б., а вслѣдъ за нимъ и Бгуншоковъ, говорили,

что въ поступкѣ князя не было никакого намѣренія оскорбить ее, и что если полотенце задѣло ее по лицу, то это случилось совсѣмъ неожиданно и безъ всякаго желанія со стороны князя, — княгиня не унималась и только пуще сердилась. Тогда Бгуншоковъ просилъ Б. позволить ему сказать нѣсколько словъ и притомъ дать ему клятву, что онъ, Б., исполнитъ безпрекословно все, что Бгуншоковъ отъ него ни потребуетъ. Б. охотно далъ ему клятву и позволеніе говорить. Тогда Бгуншоковъ разсказалъ все съ нимъ приключившееся съ того дня, какъ Б. подарилъ ему тетиву, и до прошлой ночи. „Выйдя“, продолжалъ онъ, „я поѣхалъ къ тебѣ, съ цѣлью разсказать тебѣ мою исторію, но то, что я встрѣтилъ на пути къ тебѣ, показало-было мнѣ, что моя участь не изъ худшихъ, почему я было-рѣшилъ затаить свое горе; однако, настоящій поступокъ княгини понудилъ меня разсказать, кромѣ моей исторіи, которую ты уже услышишь, и то, что я видѣлъ въ эту ночь, идя къ тебѣ“. И затѣмъ онъ разсказалъ все происходившее ночью въ дворѣ князя. „Если ты мнѣ не вѣришь“, заключилъ онъ, „вели этой женщинѣ, гнушающейся теперь легкаго прикосновенія утиральника, раздѣться—и ты увидишь на спинѣ ея отчетливо синяки отъ плети калмыка“. Б. кинулся къ оружію, въ намѣреніи убить жену, стоявшую безъ движенія, какъ мертвая, но Бгуншоковъ напомнилъ о словѣ, ему даннomъ, и, успокоивъ нѣсколько, повелъ его въ кунацкую, велѣвъ въ то-же время подать туда обычную закуску. Послѣ того какъ убрали закуску, Бгуншоковъ объявилъ стоявшимъ въ кунацкой людямъ, что Б., по спѣшному дѣлу, хочетъ ѣхать въ одно мѣсто, по близости, и велѣлъ сѣдлать ему коня. По выѣздѣ изъ аула, на вопросъ Б., куда онъ его везетъ, Бгуншоковъ сказалъ, что прежде-чѣмъ наказывать княгиню, необходимо покончить съ ея любовникомъ; что пріѣхавъ въ табунъ, они могутъ его взять оттуда подъ какимъ-либо пустымъ предлогомъ и, заведя потомъ въ какую-либо трущобу, убить его такъ, что никто и не узнаетъ, куда онъ дѣлся. Б. согласился съ мнѣніемъ Бгуншокова. Осмотрѣвъ табунъ, они, потомъ, разговаривая все съ табунщикомъ, ничего не подозрѣвавшимъ, выѣхали изъ табуна и завели калмыка въ глухое мѣсто. Здѣсь Бгуншоковъ, подъѣхавъ къ нему, ловкимъ ударомъ отрубилъ ему голову, которую, завернувъ въ траву, положилъ въ башлыкъ и привязалъ къ сѣдлу. Вернувшись, ночью, когда всѣ полеглись, они прошли прямо въ спальню, и Б., положивъ передъ женою голову табунщика,

сказалъ: „вотъ тебѣ голова человѣка, котораго ты мнѣ предпочла, — храни ее на память о немъ“. Затѣмъ Б. хотѣлъ развестись съ женою, но Бгуншоковъ не согласился на это и, напомнивъ клятву, данную княземъ, настоялъ, чтобъ княгиня была оставлена безъ всякаго наказанія. „Потому-что“, сказалъ онъ, „какъ твоя жена, такъ и моя, будутъ долго помнить то, что произошло передъ ихъ глазами и потому можно быть увѣреннымъ, что онѣ въ другой разъ не рѣшатся на подобную измѣну. Между-тѣмъ мы ничѣмъ не обезпечены противъ того, чтобы наши новыя жены не обманули насъ еще хуже, быть-можетъ, старыхъ, поэтому забудемъ оба все прошедшее и будемъ жить съ своими старыми женами по-старому“. Признавъ справедливость словъ Бгуншокова, князь Б. согласился сдѣлать по его указанію. На утро и тотъ и другой, призвавъ муллъ, просили обвѣнчать ихъ вторично съ ихъ женами, по всѣмъ правиламъ китаба, такъ-какъ, сказали они, недавно они вынуждены были измѣнить супружеской вѣрности. По исполненіи этой обязанности, они стали жить съ своими женами по-старому, простивъ и забывъ ихъ проступки [7]).

По прошествіи нѣкотораго времени, нѣсколькихъ-ли мѣсяцевъ или лѣтъ, Бгуншоковъ, по собственной-ли охотѣ или по настояніямъ жены, вздумалъ примириться съ ея родственниками. Припоминая весь вредъ, нанесенный имъ кумыкамъ, онъ находилъ, что намѣреніе его трудно осуществимо; однако, надѣясь на помощь друзей, которыхъ у него было не мало, какъ у всякаго расторопнаго и бывалаго наѣздника, а также зная, что для смѣлаго не существуютъ препятствія, онъ не видѣлъ причинъ унывать заранѣе. Прежде всего онъ обратился, конечно, къ князю своему, Б., съ просьбою о помощи, объяснивъ ему свое намѣреніе. Б. принялъ въ немъ живѣйшее участіе, — и они вмѣстѣ порѣшили тутъ-же, что поѣдутъ въ Кабарду и тамъ розыщутъ такое лицо, которое могло-бы, переговоривъ съ кумыками, убѣдить ихъ согласиться на примиреніе съ Бгуншоковымъ, согласно съ обычаями. Не откладывая надолго, князь и Бгуншоковъ

---

[7]) Разсказы съ подобнымъ содержаніемъ, именно, что одинъ обманутый мужъ ловитъ на мѣстѣ преступленія жену другаго мужа, къ которому первый поѣхалъ подѣлиться своимъ горемъ, довольно распространены въ Кабардѣ. И настоящій разсказъ принадлежитъ, конечно, къ ихъ числу. Разсказъ-же о тетивѣ и другіе подвиги Бгуншокова приплетены, вѣроятно, къ нему для пущаго украшенія и съ цѣлью придать ему болѣе достовѣрности.

поѣхали въ Кабарду, взявъ съ собою подобающую свиту и такихъ извѣстныхъ почетныхъ стариковъ, которые могли способствовать ихъ дѣлу своею опытностью и краснорѣчіемъ. Своимъ знакомымъ, наиболѣе прославившимся частыми разъѣздами и обширнымъ кругомъ знакомства, они объяснили дѣло, по которому пріѣхали. Всѣ приняли близко къ сердцу ихъ просьбу, но такъ-какъ сами они не были настолько знакомы съ кумыками, чтобы выполнить съ успѣхомъ порученіе, то присоединились къ своимъ гостямъ и поѣхали съ ними въ Малую Кабарду, къ князю А., который былъ въ непрерывныхъ сношеніяхъ съ кумыками и настолько уважаемъ ими, что можно было расчитывать на успѣшность его посредничества, если-бы онъ согласился принять его на себя. Громадная партія гостей, наѣхавшая къ А., не могла, конечно, вся помѣститься у него. За исключеніемъ дальнихъ гостей, князя Б., со свитою, помѣстившихся у А., принужденнаго все-таки болѣе молодыхъ и не столь значительныхъ гостей поставить у своихъ вольно-отпущенниковъ и даже состоятельныхъ холоповъ, остальные гости размѣстились въ аулѣ, у тѣхъ кто имѣлъ какую-либо кунацкую и средства принимать гостей.

На утро, какъ аулъ, такъ и всѣ гости, по обыкновенію, собрались къ князю А., у котораго остановился старшій гость. Сопровождавшіе кемпргоевскаго князя Б. кабардинцы объяснили А. и жившимъ при немъ почетнымъ лицамъ дѣло, по которому ѣздитъ Б.; какъ онъ заѣхалъ сперва къ нимъ и какъ они, не будучи въ состояніи приняться за посредничество, но желая успѣха Б., направили его къ А. и сами присоединились къ нему, чтобы совмѣстно съ нимъ просить А. о помощи въ его дѣлѣ. А. выразилъ сомнѣніе, чтобы возможно было успѣть въ такомъ щекотливомъ дѣлѣ, „но хоть-бы пришлось мнѣ оставить голову тамъ за свою попытку, я, конечно, ни минуты не поколеблюсь исполнить ваше и Б. желаніе“, прибавилъ онъ. Затѣмъ было условлено, что А. тотчасъ-же поѣдетъ къ кумыкамъ, съ приличною свитою, и приложитъ тамъ всѣ старанія для полученія какого-либо благопріятнаго отвѣта, почему А. былъ также уполномоченъ объявить кумыкамъ, что Бгушоковъ, разъ рѣшившись примириться съ ними, не намѣренъ отступить ни передъ какими требованіями, выполнимыми для смертнаго. А., назначивъ своимъ гостямъ приблизительный срокъ, далѣе котораго онъ во всякомъ случаѣ не можетъ пробыть въ поѣздкѣ, уѣхалъ. Было рѣшено также, что до возвращенія его и полученія какого-либо отвѣта, гости не оставятъ

Малой Кабарды, почему они во все время отсутствія А., чтобы не быть слишкомъ уже въ тягость своимъ хозяевамъ, или разъѣзжали, по ауламъ, посѣщая своихъ знакомыхъ, или развлекались охотою, для чего выѣзжали большими партіями, иногда на нѣсколько дней кряду. Между тѣмъ А. прибылъ въ Кумукъ. Объявивъ на утро, что онъ пріѣхалъ по дѣлу, касающемуся народа, онъ просилъ своего хозяина, князи кумыкскаго, разослать гонцовъ и собрать поспѣшнѣе народъ. Собравшемуся въ непродолжительное вслѣдъ за тѣмъ время народу А. объяснилъ дѣло, по которому онъ принялъ на себя посредничество, выразивъ при этомъ надежду на то, что народъ, которому доказано впродолженіи многихъ лѣтъ безпрерывныхъ сношеній благорасположеніе его фамиліи вообще и его самого въ особенности, не оставитъ безъ вниманія его просьбу, тѣмъ болѣе, что съ исполненіемъ ея сопряжены и выгоды народа. Но одно то уже, что смертельный врагъ ихъ могъ рѣшиться сдѣлать имъ такое предложеніе черезъ кого-бы то ни было, взорвало народъ, который счелъ поступокъ Бгуншокова за самое послѣднее оскорбленіе, какого можно было отъ него ожидать. Въ изступленіи народъ шумѣлъ сильно и готовъ былъ рискнуть на всевозможныя крайности. Но, конечно, кабардинцы не выбрали-бы въ посредники между двумя народами такого человѣка, который не могъ-бы заблаговременно подготовиться къ возможнымъ случайностямъ. Вѣроятно, у А. были въ народѣ свои сторонники, довѣренныя лица, заранѣе имъ припасенныя; теперь они принялись успокоивать народъ и убѣждать его не поступать опрометчиво, но обсудить здраво сдѣланное ему предложеніе. Съ своей стороны, и А. не переставалъ увѣщевать народъ и вліятельныхъ въ немъ лицъ не отвергать его просьбы, говоря, что нѣтъ человѣка, который въ своей жизни не могъ-бы ошибиться ни разу, что если Бгуншоковъ и былъ виновенъ въ отношеніи народа, то онъ искренно теперь раскаялся и для заглаженія своихъ проступковъ намѣренъ исполнить, не считая обременительными, всякія требованія, выполненіе которыхъ можетъ быть доступно человѣку. Послѣ долгихъ споровъ и колебаній согласились наконецъ принять предложеніе Бгуншокова и затѣмъ приступили къ обсужденію условій, на которыхъ должно состояться примиреніе. Главными условіями были выставлены: 1) возвращеніе Бгуншоковымъ всѣхъ похищенныхъ имъ изъ кумыкской страны и находящихся въ живыхъ плѣнниковъ, гдѣ-бы они ни пребывали, 2) уплата извѣстной суммы, лошадьми, ро-

гатымъ скотомъ, оружіемъ и рабами за раненыхъ, убитыхъ и невозвращенныхъ плѣнниковъ, и 3) въ томъ случаѣ, когда похищенные имъ княжескіе два сына не отыскались-бы въ живыхъ, также вознагражденіе, на что была опредѣлена довольно значительная сумма, такъ-какъ въ тѣ времена кровь князя не могла быть окуплена никакою платою. Какъ ни чрезмѣрны были требованія кумыковъ, но А. не счелъ достойнымъ пятиться передъ ними назадъ и потому на другой день по окончательномъ уговорѣ съ народомъ вернулся домой. Гости, которымъ А. объяснилъ требованія кумыковъ, приняли ихъ также безпрекословно, говоря, что тамъ, гдѣ средства Бгуншокова окажутся безсильны, не оставятъ его, конечно, безъ помощи его друзья и народъ, могущій съ Божьею помощью перенести и не такое испытаніе. Поручивъ А. сообщить кумыкамъ о принятіи Бгуншоковымъ ихъ условій и назначивъ приблизительно срокъ, къ которому они могутъ быть выполнены, Б., со свитою своею, собрался въ обратный путь. Какъ мало-кабардинцы, такъ и жители Большой Кабарды, не желая отпустить съ пустыми руками такихъ дальнихъ и рѣдкихъ гостей и такого извѣстнаго князя, что́ было-бы совершенно противъ обычая, предлагали имъ подарки, каждый хозяинъ соразмѣрно своимъ средствамъ; но гости, объявивъ, что для нихъ цѣннѣе всякихъ подарковъ успѣшное окончаніе ихъ дѣла, не согласились ничего принять. Нѣсколько десятковъ коней и кое-какія малоцѣнныя вещи, какъ-то: кинжалы, пистолеты и т. п., отъ которыхъ Б. не могъ отказаться, — по возвращеніи домой, онъ раздарилъ своей свитѣ, каждому соотвѣтственно его общественному положенію, кому двѣ-три лошади съ приличной прибавкой вещей, кому одну только лошадь, кому пистолетъ и т. д.

Бгуншоковъ, по прибытіи домой, не засиживаясь долго, поѣхалъ въ *Бжедугъ* къ знакомымъ, у которыхъ были помѣщены оба похищенные имъ кумыкскіе князя. Бгуншоковъ имѣлъ осторожность не продавать ихъ, въ виду подобнаго настоящему случая, и какъ людей высокаго происхожденія, за которыми могли послѣдовать справки. Оказалось, что семейство, у которыхъ они воспитывались, содержали ихъ очень прилично,—и молодые князья, по своему поведенію и манерамъ, могли съ честью занять вновь мѣсто, принадлежавшее имъ по происхожденію. Когда Бгуншоковъ объявилъ пѣстунамъ молодыхъ князей, для какой цѣли онъ пріѣхалъ, они попросили у него позволенія самимъ имъ доставить къ нему своихъ питомцевъ, такъ-какъ, говорили они, вос-

питывали они до-сихъ-поръ ихъ, какъ *кановъ*, и теперь желали-бы и возвратить ихъ ему, съ соблюденіемъ всѣхъ обрядовъ, требуемыхъ обычаемъ при возвращеніи *кана* [7]). Бгуншоковъ охотно, конечно, согласился на просьбу *аталыковъ* [8]) и не медля самъ возвратился домой, такъ-какъ ему необходимо было еще торопиться розысканіемъ и другихъ плѣнныхъ кумыковъ. И дѣйствительно, до наступленія срока, назначеннаго аталыками, Бгуншоковъ почти не провелъ ни одной ночи подъ своей кровлей, усердно розыскивая и самъ и черезъ друзей похищенныхъ имъ въ разное время кумыковъ. Между тѣмъ настало и условленное съ аталыками время; поэтому, они не замедлили, сопровождаемые откормленными быками и баранами, а также арбами, нагруженными подобающимъ количествомъ яствъ и напитковъ, привезти молодыхъ кумыкскихъ князей, вполнѣ безукоризненно снабженныхъ какъ одеждою, оружіемъ, такъ и конскою сбруею. Поѣвъ и распивъ все навезенное аталыками - бжедугами, кемиргоевцы, съ княземъ своимъ во главѣ, сдѣлали приличный подарокъ аталыкамъ и отпустили ихъ домой. Такъ-какъ всѣ плѣнные, какіе оказались въ живыхъ, были уже собраны, то приступили къ заготовленію условленнаго вознагражденія. Князь Б., какъ и подобало ему по его общественному положенію, принялъ на себя заготовленіе болѣе цѣнной части вознагражденія: онъ обязался представить извѣстное число вполнѣ безукоризненныхъ, достойныхъ дворянина, коней, съ необходимою къ нимъ сбруею, и такое-же количество одежды и оружія,—все это, конечно, лучшей и богатѣйшей работы. Кромѣ того, онъ изъявилъ желаніе, хотя въ этомъ и не предстояло уже надобности, и отъ себя еще принарядить молодыхъ кумыкскихъ князей. Б. созвалъ всѣхъ извѣстныхъ въ кемиргоевской землѣ, по чистотѣ и изящной красотѣ своей работы, серебряниковъ и засадилъ за работу, не прерывавшуюся ни днемъ, ни ночью. Остальная часть вознагражденія была распредѣлена, по рѣшенію собранной по этому случаю народной сходки, между почетными лицами и народомъ, причемъ руководствовались, конечно, средствами и общественнымъ положеніемъ каждаго. На Бгуншокова, кромѣ уплаты вознагражденія по средствамъ, была наложена также забота объ уничтоженіи, по-возможности, слѣдовъ неволи на собранныхъ имъ плѣнныхъ и преданіи имъ болѣе свѣжаго, бодраго вида, приодѣвъ, накормивъ ихъ.

---

[7]) Т. е. взятаго на воспитаніе ребенка высшаго сословія.

[8]) Воспитателей.

Наконецъ было приготовлено все; не были забыты и необходимыя при каждомъ примиреніи всевозможныя яства и буза. Распредѣливъ, кому слѣдовало ѣхать, кому оставаться дома, кемиргоевцы, предводимые своимъ княземъ и сопровождаемые громаднымъ обозомъ, какъ аулъ переселяющійся куда-либо, двинулись въ путь. Прибывъ въ Кабарду и попросивъ здѣсь кого слѣдовало присоединиться къ нимъ и забравъ ихъ съ собою, они продолжали путь въ Малую Кабарду, по прибытіи куда они расположились лагеремъ возлѣ аула, такъ-какъ партія была слишкомъ многочисленна и расположить ее въ аулѣ не было-бы никакой возможности. Въ то-же время явился къ нимъ и А., съ почетными лицами Малой Кабарды и предшествуемый быками, баранами, жеребятами и т. д., посланными гостямъ на зарѣзъ. Послѣ двухъ-трехъ дней отдыха, партія, къ которой присоединился, конечно, и А., съ почетнѣйшими лицами своего народа, двинулась далѣе, въ Кумукъ. Не доѣзжая до границъ Кумука на разстояніи одного или двухъ дней ѣзды, партія остановилась и послала А. со свитою къ кумыкамъ, чтобы объявить имъ о прибытіи Бгуншокова, какъ было условлено, и потому, если они, кумыки, не раздумали слѣдовать сдѣланному съ нимъ уговору, то указали-бы, какъ и гдѣ устроить примиреніе. По пріѣздѣ А., кумыкскій князь тотчасъ-же разослалъ гонцовъ и созвалъ народъ, которому объявилъ затѣмъ привезенное А. извѣстіе. Кумыкскій князь и почетныя лица согласились, пока народъ будетъ совѣщаться о способѣ и мѣстѣ примиренія, подослать къ пріѣхавшей партіи двухъ наиболѣе разумныхъ и расторопныхъ всадниковъ изъ кумыковъ, дабы они хорошенько присмотрѣлись къ партіи, узнали-бы, не имѣетъ-ли она какого-либо скрытнаго злаго умысла и дѣйствительно-ли Бгуншоковъ отыскалъ сыновей князя и выполнилъ и другія предложенныя ему условія. Выбранные всадники явились къ партіи подъ тѣмъ предлогомъ, что они желали-бы повидаться съ своими молодыми князьями, а такъ-какъ сами они, давно не видавъ, не могли узнать князей, то просили указать ихъ. Приглядѣвшись къ своимъ князьямъ, поговоривъ съ ними, они остались вполнѣ довольны всѣмъ замѣченнымъ и облобызали ихъ. Затѣмъ, разузнавъ все, что было нужно, одинъ изъ всадниковъ вернулся сообщить народу, что всѣ условія выполнены точно, а другой остался при князьяхъ. Тогда кумыки послали къ кемиргоевцамъ просить ихъ прибыть туда, гдѣ собрался кумыкскій народъ. Но кемиргоевцы и всѣ вообще кабардинцы, имъ сопутство-

вавшіе, находя слишкомъ неблагоразумнымъ и опрометчивымъ въѣзжать прямо съ Бгуншоковымъ въ среду народа, не примиривъ его по-крайней-мѣрѣ съ главными его врагами, сговорились съ почетными лицами кумыковъ, что прежде чѣмъ они прибудутъ на народное сборище, Бгуншоковъ поѣдетъ съ своими молодыми питомцами къ ихъ родителямъ, и послѣ-того-какъ онъ размѣняется съ послѣдними чашею бузы, въ знакъ примиренія, пріѣдутъ всѣ вмѣстѣ на народное сборище для окончательнаго уже примиренія всѣхъ кумыковъ съ Бгуншоковымъ. Подъ предлогомъ возвратить молодыхъ князей въ родительскій домъ, послали Бгуншокова съ молодыми князьями и приличною къ нимъ свитою и подарками, предназначенными родителямъ ихъ. Такъ-какъ глава дома, князь, находился въ народномъ собраніи, то Бгуншокова и его питомцевъ провели прямо къ матери послѣднихъ, къ княгинѣ. Представивъ ей сыновей, такъ давно съ ней разлученныхъ, Бгуншоковъ просилъ, ради такого радостнаго для нея дня, простить ему нанесенныя ей страданія и, обращаясь къ своимъ питомцамъ, просилъ также и ихъ заступничества передъ нею. Княгиня, зная, конечно, все что происходило между кумыками и Бгуншоковымъ и обрадованная возвращеніемъ своихъ сыновей, не заставила себя долго просить. «Какъ-бы ни былъ ты виновенъ, никто не рѣшится тебя оттолкнуть, послѣ-того-какъ ты явился съ повинною, и особенно, послѣ-того-какъ ты, хотя и противъ воли нашей, связался съ нами кровнымъ родствомъ. Да проститъ же тебѣ Богъ твои провинности, какъ и прощаю тебѣ твои вины въ отношеніи къ этому дому. Подойди, возьми эту чашу, которая да будетъ знаменіемъ того, что отнынѣ между тобою и этимъ домомъ дружба, веденіе хлѣба-соли, никогда не прервется», сказала княгиня и подала ему чашу бузы собственными руками. Послѣ примиренія, передавъ княгинѣ служанку и прочіе подарки, предназначенные собственно ей, Бгуншоковъ, оставивъ также и своихъ питомцевъ, дабы они и ихъ мать могли вдоволь, послѣ долгой разлуки, насмотрѣться и наговориться, вернулся къ своей партіи и поѣхалъ съ нею на народное собраніе кумыковъ, для уплаты имъ вознагражденія и передачи привезенныхъ плѣнныхъ. Но тогда кумыки попросили гостей, дабы они сами подѣлили между ними привезенное вознагражденіе, такъ-какъ иначе они, послѣ отъѣзда ихъ, гостей, оставшись одни, не въ состояніи будутъ правильно между собой подѣлить полученную ими сумму и она, поэтому, послужитъ причиной

кровавыхъ, быть можетъ, ссоръ въ народѣ. Гости согласились и просили кумыковъ привести въ ясность всѣ семейства, въ которыхъ были убитые, раненые или невозвращенные плѣнные. Получивъ это свѣдѣніе, гости раздѣлили между семействами вознагражденіе, принявъ при этомъ въ расчетъ, согласно обычаю, общественное положеніе каждаго семейства и степень понесенной имъ потери. Послѣ полнаго удовлетворенія всѣхъ обиженныхъ, осталось еще множество лошадей, скота, оружія, рабовъ. Кемиргоевцы не захотѣли брать ничего назадъ и раздарили весь этотъ остатокъ кумыкскому народу. Завершивъ все это пиромъ, на которомъ были истреблены съ усердіемъ кушанья и напитки, навезенные какъ кемиргоевцами, такъ и кумыками, оставшимися крайне-довольными такимъ неожиданно-счастливымъ для нихъ исходомъ дѣла, кемиргоевцы собрались въ обратный путь. Кумыки, не желая отстать отъ своихъ гостей въ великодушіи и безкорыстіи, отпустили ихъ только тогда, какъ наполнили арбы ихъ собранными со всего народа кинжалами, пистолетами и другими своими произведеніями. По прибытіи въ Кабарду, кемиргоевцы, понудивъ кабардинцевъ, не смотря на отказъ ихъ, едва не доведшій до ссоры, принять часть груза, навязаннаго имъ кумыками (такъ-какъ не подѣлиться съ своими товарищами тѣмъ, что пріобрѣтено вмѣстѣ, дурно-ли, хорошо-ли оно, было-бы противъ обычая), возвратились наконецъ домой.

Послѣ этого примиренія и особенно благодаря молодымъ князьямъ кумыкскимъ, которые сильно привязались къ Бгуншокову и большею частью проживали у него, такъ-какъ, пробывъ столько времени между адигами и приглядѣвшись къ ихъ обычаямъ, они не могли уже привыкнуть къ кумыкскимъ порядкамъ, Бгуншоковъ жилъ постоянно въ добромъ согласіи съ кумыками, какъ будто-бы никогда между ними не было никакой вражды.

III.

Отцовское завѣщаніе.

Одинъ богатый и почтеный старикъ, уздень, пролежавъ нѣкоторое время больнымъ и почувствовавъ приближеніе смерти,

призвалъ единственнаго своего сына и сказалъ ему: „часъ мой насталъ, сынъ мой! я долженъ покинуть тебя; состоянія и связей я оставляю тебѣ столько, что мало кто изъ равныхъ тебѣ по происхожденію не позавидуетъ. Излишне говорить, какъ должно поступать тебѣ, чтобы увеличить это состояніе и поддержать мои знакомства, — то познаешь ты собственнымъ опытомъ. Но если ты желаешь мирно жить, пользуясь состояніемъ, которое я тебѣ оставляю и котораго хватитъ тебѣ на безбѣдное существованіе, то я дамъ тебѣ три совѣта: 1) не бери и не отдавай ничего въ долгъ своему князю; 2) не выручай своего бѣднаго родственника въ нуждѣ и 3) не довѣряй своей женѣ никакой тайны».

Въ непродолжительное затѣмъ время умеръ отецъ. Похоронивъ его, справивъ обычныя обрядности, сынъ сталъ часто задумываться о томъ, что могло побудить отца дать ему такіе совѣты и насколько они справедливы. Такъ-какъ размышленія эти стали все чаще его посѣщать и наконецъ не давали покою ни днемъ, ни ночью, то онъ рѣшился на самомъ себѣ испытать справедливость отцовскаго завѣщанія.

Въ это-же время князь его сильно безпокоился, нуждаясь въ деньгахъ и не находя ихъ нигдѣ. Сынъ узденя, подумавъ, что это очень удобный случай испытать первый совѣтъ отца, взялъ необходимую князю сумму денегъ и поѣхалъ къ нему. Привязавъ коня у коновязи, самъ онъ зашелъ въ кунацкую; постоялъ, пошутилъ тамъ нѣкоторое время съ молодежью, и потомъ, воспользовавшись удобнымъ случаемъ и вызвавъ князя изъ кунацкой въ болѣе уединенное мѣсто, сказалъ ему: „я узналъ, что ты ищешь занять денегъ и нигдѣ ихъ не находишь. Отецъ оставилъ мнѣ ровно такую сумму, какая тебѣ необходима; хотя и мнѣ эти деньги нужны по хозяйству, но нужды такого уважаемаго, какъ ты, князя должны быть для насъ, твоихъ узденей, важнѣе нашихъ собственныхъ. Поэтому я счелъ своею обязанностью принести тебѣ эти деньги; возьми ихъ и возврати, когда раздобудешь денегъ“. Князь съ благодарностью принялъ отъ него деньги и назначилъ срокъ, въ который онъ никакъ не преминетъ уплатить ихъ.

На возвратномъ пути отъ князя узденскій сынъ встрѣтилъ ѣхавшаго изъ лѣсу ближняго родственника своего, крайне бѣднаго и обремененнаго притомъ большимъ семействомъ. Желая при этомъ испытать и второй совѣтъ отца, узденскій сынъ сказалъ своему родственнику, что имѣетъ къ нему дѣло и чтобы онъ

завернулъ къ нему, какъ только будетъ свободенъ. На другой день, когда родственникъ пришелъ къ нему, онъ сказалъ ему въ присутствіи навѣщавшихъ его, по обыкновенію, вольноотпущенниковъ-своихъ: „послѣ смерти отца моего, ты остался старшимъ въ родѣ; въ знаніи обычаевъ и въ умѣньи вести себя, какъ подобаетъ узденю, никто, конечно, не опередитъ тебя; но недостаточность средствъ вынуждаетъ тебя чуждаться общества равныхъ тебѣ по происхожденію и приковываетъ тебя исключительно къ плугу. Смотрящіе со стороны люди могутъ упрекнуть меня, если я, младшій въ родѣ, буду пользоваться оставленнымъ мнѣ отцомъ состояніемъ спокойно, не попытавшись ни разу помочь тебѣ. Поэтому я рѣшился просить тебя принять отъ меня: одно холопское семейство, которое могло-бы привезти возъ дровъ, когда нужно, и ходить за плугомъ вмѣсто тебя, служанку для присмотра за домомъ и лошадь съ оружіемъ“. Всѣ присутствовавшіе похвалили молодаго узденя и сказали *табу* [1]); родственникъ также поблагодарилъ его и принялъ подарки.

Срокъ, назначенный княземъ для уплаты долга, насталъ, но молодому узденю, напоминавшему о томъ не разъ князю, былъ назначенъ новый срокъ. По прошествіи и этого срока, еще нѣсколько разъ была отсрочена княземъ уплата долга. Между молодымъ узденемъ и его должникомъ появились наконецъ изъ-за этого неудовольствія и уздень сталъ терять надежду на полученіе долга.

Въ это-же время къ молодому узденю пріѣхали *секретные* [2]) гости, давніе знакомые его отца. Гостямъ необходимо было подарить что-либо. И уздень замыслилъ одною палкою убить двухъ змѣй, т. е. тѣмъ-же подаркомъ, какой онъ сдѣлаетъ гостямъ, отомститъ и князю. Онъ сказалъ своимъ гостямъ: „Не разъ я слышалъ отъ отца, что между вами было не мало взаимныхъ одолженій; сынъ, не могущій поддержать знакомства, завѣщанныя ему отцомъ, не почитается нигдѣ; потому наслѣдовать отъ отца вашу испытанную дружбу я почитаю для себя большою честью и, видитъ Богъ, домогаюсь того всѣми силами! Если и вы, по-

[1]) Т. е. благодарю; словомъ этимъ изъявляется крайняя признательность.

[2]) Такъ называются гости, пріѣзжающіе съ цѣлію сдѣлать наѣздъ съ хозяиномъ или получить отъ него въ подарокъ что-либо воровское; потому они не показываются никому, кромѣ хозяина, и скрываются гдѣ-нибудь въ лѣсу, куда имъ хозяинъ доставляетъ нужную провизію.

читая память отца, не желаете прервать дружбу съ его сыномъ, то дозволеніе мнѣ обратиться къ вамъ съ одною просьбою и исполненіе ея вами, я принялъ-бы какъ залогъ вашего ко мнѣ неизмѣннаго расположенія». Гости увѣрили его, конечно, въ своей преданности и попросили высказать имъ безъ утайки свое желаніе, обѣщавъ напередъ исполнить его. Тогда молодой уздень попросилъ ихъ, чтобы мальчика, котораго онъ имъ подаритъ, не передавая въ постороннія руки, они содержали и воспитывали какъ княжескаго сына, взятаго на воспитаніе, и чтобы, если онъ, или посланный отъ него, попросятъ возвращенія его обратно, мальчикъ былъ немедленно представленъ къ нему. Гости охотно согласились на его просьбу.

Передъ сумерками молодой уздень уѣхалъ обратно въ аулъ свой. Здѣсь, укутавшись хорошенько въ бурку и башлыкъ, чтобы не быть узнаннымъ, онъ проѣхалъ къ двору аталыковъ княжескаго сына, имѣвшаго обыкновеніе играть тамъ по вечерамъ съ аульными мальчиками. Въѣхавъ въ средину мальчиковъ, молодой уздень, будто нечаянно, уронилъ свою плеть возлѣ княжескаго сына, котораго и попросилъ поднять ее. Когда этотъ протянулъ ее къ нему, онъ подхватилъ его къ себѣ на сѣдло и ускакалъ. Тотчасъ-же въ аулѣ поднялась тревога; но пока люди могли собраться и узнать въ чемъ дѣло, молодой уздень успѣлъ уже скрыться и всѣ поиски выѣхавшихъ въ погоню всадниковъ оказались безполезны.

Молодой уздень, отдавъ въ ту-же ночь своимъ гостямъ, вмѣстѣ съ другими подарками, и княжескаго сына на заранѣе сдѣланныхъ уже условіяхъ и отпустивъ ихъ, къ разсвѣту вернулся домой. Здѣсь, когда ему разсказали о случившемся съ княземъ, онъ притворился, что огорченъ несчастіемъ князя даже болѣе другихъ приближенныхъ его.

Прошло, можетъ-быть, годъ, можетъ-быть, болѣе или менѣе; слѣдовъ украденнаго княжескаго сына все не находили, несмотря на непрерывные тщательные поиски. Въ одну ночь, молодой уздень, пролежавъ нѣкоторое время задумавшись передъ очагомъ своей спальни, вдругъ разсмѣялся. Стоявшая возлѣ жена спросила, надъ чѣмъ онъ смѣется. Тотъ первоначально отказывался объяснить ей причину своего смѣха, но когда жена все не унималась и даже стала обижаться его молчаніемъ, онъ сказалъ ей: „хорошо, если ты непремѣнно желаешь, я скажу тебѣ, отчего смѣюсь, но только знай, что это очень важная тайна,

отъ которой зависитъ наша жизнь и смерть. А такъ-какъ въ сохраненіи ея мы оба одинаково заинтересованы, то я не сдѣлаю большой ошибки, сообщивъ ее тебѣ. Ты знаешь, что князь нашъ не возвратилъ мнѣ денегъ, которые я ему отдалъ въ долгъ, ни въ сроки имъ самимъ назначенные, ни даже и теперь, и что по этому поводу между нами и до-сихъ-поръ разладъ. Ты помнишь также, вѣроятно, что въ то самое время, когда я потерялъ надежду на полученіе этихъ денегъ, былъ выкраденъ княжескій сынъ, до-сихъ-поръ нигдѣ не розысканный. Знай-же, что этого мальчика укралъ я, въ отомщеніе князю, и отдалъ пріѣзжавшимъ тогда ко мнѣ дальнимъ гостямъ". Не успѣлъ молодой уздень выговорить послѣднія слова, какъ жена его, испуганная, бросилась къ нему и, зажимая ему ротъ, вскрикнула: „замолчи, ты погубишь и себя и меня! не только довѣриться мнѣ, но какъ можно даже и спать спокойно съ такою тайною на душѣ, не опасаясь какъ-нибудь нечаянно проболтать ее во снѣ"! И дѣйствительно, жена узденя не спала всю ночь, ворочалась и съ нетерпѣніемъ ожидала разсвѣта, но только не изъ боязни проболтать во снѣ довѣренную ей тайну.

Едва только показался свѣтъ, какъ она уже вскочила, одѣлась на скорую руку и побѣжала къ своей сосѣдкѣ, подъ предлогомъ взять у ней огня. Отворившая на ея стукъ двери, сосѣка съ удивленіемъ спросила, что такъ рано ее подняло? «Ахъ, если-бы ты знала, какую бѣду сотворилъ *мой*,—и ты, какъ я, лишилась-бы сна. Я съ нетерпѣніемъ ждала свѣта, чтобы подѣлиться моимъ горемъ съ тобою, моею задушевною подругою. Но только я должна предупредить тебя, что отъ тайны, которую я сообщу тебѣ, зависитъ жизнь моего мужа и моя, и если открываю ее тебѣ, то только потому что я увѣрена въ тебѣ, какъ въ самою себя и что ты никому другому на свѣтѣ не откроешь ея.» Затѣмъ она разсказала сосѣдкѣ все, что открылъ ей ночью мужъ. Отведя такимъ образомъ душу, жена узденя возвратилась домой съ огнемъ, который ей вовсе не былъ нуженъ. Сосѣдка-же между тѣмъ тотчасъ отправилась къ другой, которой и разсказала все только что слышанное отъ жены молодаго узденя, отобравъ, конечно, и отъ нея слово никому не сообщать слышаннаго. Но эта другая, какъ и первая, не сдержала слова, разсказала третьей, третья—четвертой, четвертая—пятой и такимъ образомъ тайна, сообщенная молодымъ узденемъ ночью своей женѣ, къ обѣду стала извѣстна всему аулу.

Тотчасъ весь аулъ, возмущенный неслыханно дерзкимъ поступкомъ молодаго узденя, сбѣжался къ князю, громко требуя или немедленной смерти молодаго узденя, или чтобъ онъ и все его семейство было распродано по-одиночкѣ въ дальнихъ странахъ и все его имущество обарантовано. Привели и молодаго узденя, связаннаго по рукамъ. Замѣтивъ ожесточеніе народа, молодой уздень просилъ, прежде чѣмъ будетъ сдѣлано надъ нимъ какое-либо насиліе, дозволить ему сказать два-три слова, или разобраться по Божьему китабу. Молодежь и во главѣ ея облагодѣтельствованный молодымъ узденемъ его родственникъ не хотѣли ничего слушать и продолжали требовать немедленной смерти преступника. Родственникъ молодаго узденя, съ обнаженнымъ оружіемъ, рвался изъ рукъ удерживавшихъ его постороннихъ лицъ, крича, что молодой уздень своимъ поступкомъ опозорилъ весь ихъ родъ и что онъ обязанъ убить его собственными руками; но почетные старики усмирили молодежь, говоря, что въ ихъ странѣ не было обычая убивать человѣка, какъ-бы онъ ни былъ виновенъ, не давъ ему высказаться, и что они не опозорятъ своей старости, допустивъ при своей жизни нарушить этотъ обычай. Затѣмъ, приказавъ отвести въ сторону родственника молодаго узденя, старики велѣли послѣднему объяснить имъ, что онъ желаетъ сказать въ свое оправданіе.

Тогда молодой уздень объяснилъ, что отецъ его, который былъ извѣстенъ и почитаемъ всѣми, какъ благоразумнѣйшій человѣкъ и знатокъ обычаевъ, передъ смертью своею, вмѣсто того чтобы подѣлиться съ нимъ знаніемъ, вынесеннымъ изъ многолѣтней и обильной приключеніями жизни, ограничился только увѣщаніемъ, если онъ желаетъ жить покойно и безъ горя, не дѣлать слѣдующаго: не входить ни въ какія долговыя обязательства съ своимъ княземъ, не выручать изъ нужды бѣдствующаго родственника и не довѣрять женѣ своихъ тайнъ. «Я не могъ разрѣшить, почему я не жилъ-бы мирно и лишился-бы имѣнія, если-бы не слѣдовалъ этимъ изреченіямъ. По моему расчету, отцемъ оставлено было мнѣ столько состоянія, что я могъ пожертвовать половину его на опыты и все-таки другой, оставшейся половиною жить безбѣдно. Я рѣшился тогда узнать смыслъ отцовскихъ изреченій. Кстати, въ то время князь нуждался въ деньгахъ, которыхъ нигдѣ не находилъ. Безъ всякаго напоминанія съ его стороны, я отдалъ ему нужную сумму, наперекоръ отцовскому завѣщанію. И одолженіе это, какъ вы сами знаете, вмѣсто того

чтобы еще болѣе сблизить насъ, какъ я надѣялся, только отдалило меня отъ него. Родственникъ мой, который порывается и теперь еще убить меня собственными своими руками и котораго едва могутъ удержать отъ этого, былъ мной выведенъ изъ нищеты, облагодѣтельствованъ. Вмѣсто того, чтобы вѣчно молить за меня Бога, за мою доброту къ нему, вы видите, какъ онъ теперь ведетъ себя. Я дѣйствительно достоинъ смерти отъ его руки, но только за то, что я могъ усомниться въ справедливости отцовскихъ совѣтовъ. Сейчасъ скажу вамъ, какъ я узналъ справедливость и третьяго отцовскаго изреченія; но прежде я долженъ сознаться, что дѣйствительно я укралъ княжескаго сына, въ то время, когда между нами вышли неудовольствія изъ-за долга. Но только я не продалъ его въ рабство и не передалъ въ неизвѣстныя руки; онъ находится у хорошихъ старинныхъ знакомыхъ моего отца, которые содержатъ его какъ княжескаго сына, взятаго на воспитаніе, и которые, по первому моему извѣщенію, должны привезти его назадъ, какъ подобаетъ возвратить въ родительскій домъ *кана*. Для удостовѣренія въ справедливости моихъ словъ, если хотите, пошлите теперь-же гонца. Объ этомъ я намѣренъ былъ и самъ черезъ два-три дня сказать князю. Но вчера, желая испытать и третье изреченіе отца,—въ полночь, когда мы были совершенно одни, я открылъ *живущей въ домѣ моемъ*, объяснивъ ей первоначально всю важность сообщаемой тайны, что я укралъ княжескаго сына. Она не дала мнѣ даже договорить и упрекнула меня за то, что я и ей даже могъ довѣрить такую тайну. И дѣйствительно, пока я не открывалъ ей этого секрета, его никто и не зналъ, кромѣ меня; но лишь вчера въ полночь узнала она одна только, какъ уже сегодня къ обѣду онъ сталъ извѣстенъ всему народу, хотя она была увѣрена, что черезъ это она пострадаетъ также точно, какъ и я. Такимъ образомъ, цѣною, быть можетъ, собственной жизни я узналъ смыслъ отцовскихъ изреченій, и сожалѣю теперь, хотя и поздно, что не слѣдовалъ имъ слѣпо. Теперь, когда я открылъ вамъ все, что имѣлъ сказать, голова моя и мечъ въ вашихъ рукахъ,—распорядитесь по своему усмотрѣнію.»

Молодой уздень тотчасъ-же былъ освобожденъ и отправленъ за княжескимъ сыномъ. Аталыки, у которыхъ воспитывался послѣдній, справивъ ему что слѣдовало по обычаю, именно: хорошую конскую сбрую, оружіе, одежду и пр., сами привезли его обратно домой, въ сопровожденіи приличной свиты и вообще со всею пыш-

ностью, требуемою обычаемъ при такихъ случаяхъ. По окончаніи пира, на которомъ было выпито и съѣдено все навезенное аталыками, послѣдніе были отпущены домой съ приличными подарками, какъ отъ князя и присутствовавшихъ на пирѣ почетныхъ лицъ, такъ особо и отъ аула.

Послѣ того и молодой уздень, получивъ отъ князя свой долгъ и примирившись съ нимъ, слѣдовалъ уже неуклонно отцовскому завѣщанію и, всѣми почитаемый, въ довольствѣ, жилъ до глубокой старости.

IV.

Жанболатъ.

У князя Мазыко Еркова было десять сыновей: девять отъ второй жены и одинъ, старшій, по имени Жанболатъ, отъ первой. По смерти Мазыко, Жанболатъ, какъ старшій въ семействѣ, но главное, какъ ловкій, дѣятельный человѣкъ и хорошій наѣздникъ, завладѣлъ всѣмъ ауломъ и не дозволялъ своимъ младшимъ братьямъ, какъ говорится, *выглянуть изъ норы*, и вмѣшиваться въ какія-бы то ни было аульныя дѣла. Материнское сердце княгини Андолы могло-ли не возмущаться такимъ положеніемъ ея сыновей и видѣть хладнокровно постоянное превосходство надъ ними пасынка, Жанболата! И дѣйствительно, она съ своими сыновьями—*хомыху*—не мало отравляла жизнь Жанболата, не мало употребляла коварныхъ ухищреній, чтобъ повредить его доброй славѣ!

Разъ, когда по первой порошѣ всѣ ея девять сыновей и Жанболатъ отправились, порознь, на охоту, каждый съ своими борзыми собаками, княгиня Андола вздумала испытать, не превзойдутъ-ли ея сыновья Жанболата хоть въ томъ, что выкажутъ къ ней болѣе вниманія. Съ этой цѣлью, хотя день былъ очень морозный, она не велѣла разводить огня и разослала своихъ служанокъ и всѣхъ находящихся въ дворѣ людей, напередъ приказавъ парню поставить у очага кувшинъ бузы и вареную заднюю ляшку баранины, обѣ замерзшія, а дворовымъ людямъ—на томъ мѣстѣ, гдѣ должны были лежать дрова, положить нѣсколько

сучковатыхъ полѣньевъ и очень тупой топоръ. Сама-же, одѣвшись тепло и закутавшись, усѣлась на кровати. Къ полудню вернулся съ охоты, безъ всякой добычи, старшій ея сынъ. Вбѣжавъ въ саклю и увидѣвъ, что нѣтъ огня въ ней, онъ спросилъ у матери, почему она не велѣла развести огня. Андола отвѣтила, что всѣ люди куда-то разбрелись и что съ самаго утра она сидитъ безъ огня и очень озябла. „Вѣроятно, и ты очень озябъ“, добавила она, „не полѣнись или самъ *сдѣлать огонь*,—вонъ тамъ дрова и топоръ, или розыскать кого-либо. Ктому-же, вонъ видишь-ли, и закуска замерзла“. Повертѣвшись въ саклѣ и не видя никого въ дворѣ, онъ, не говоря ни слова матери, вышелъ изъ сакли, пустилъ коня своего, даже не разсѣдлавъ его, къ стогу сѣна, и отправился къ аталыкамъ, расчитывая найти тамъ лучшій пріемъ. Въ короткое затѣмъ время вернулись съ охоты и остальные ея сыновья, одинъ вслѣдъ за другимъ, не привезя никакой добычи, исключая младшаго сына, который затравилъ только одного зайца. Всѣ они, войдя въ саклю и видя, что тамъ нѣтъ огня и не приготовлено имъ никакой закуски, тотчасъ-же уходили къ своимъ аталыкамъ, не обращая вниманія на то, что мать ихъ мерзнетъ цѣлый день, и не позаботившись даже своихъ лошадей разсѣдлать и поставить къ сѣну. Наконецъ, подъ вечеръ вернулся и Жанболатъ. У него были всего три борзыя собаки, но онѣ стоили многихъ. За день онъ успѣлъ ими затравить десять зайцевъ. Положивъ ихъ передъ Андолой, съ словами: „вотъ моя сегодняшняя добыча, употреби ее, на что заблагоразсудишь“, онъ спросилъ, почему она сидитъ безъ огня, и не холодно-ли ей, на что княгиня Андола отвѣтила и ему, какъ своимъ сыновьямъ, что люди разошлись еще съ утра и она съ того времени сидитъ безъ огня. „Я сейчасъ разведу для тебя огонь“, говоритъ Жанболатъ, „я видѣлъ подлѣ калитки топоръ и дрова“, и, сказавъ это, онъ идетъ къ дровамъ; нарубивъ ихъ цѣлую охапку, онъ разводитъ огонь, дѣлаетъ сидѣнье подлѣ него для княгини, сажаетъ ее туда и потомъ уходитъ, чтобъ поставить къ мѣсту свою лошадь. Возвратившись оттуда, онъ спросилъ, нѣтъ-ли чего закусить, и, когда Андола указала на закуску, поставленную *въ дыру возлѣ очага*, онъ досталъ ее оттуда. Помѣшавъ нѣсколько горячимъ вертеломъ въ кувшинѣ, онъ разогрѣлъ замерзшую бузу, выдавилъ кость изъ мерзлой баранины, и потомъ, выпивъ залпомъ три чашки бузы, откусивъ три большіе ломтя отъ баранины, остатокъ поставилъ на мѣсто, и самъ

вышелъ изъ сакли. Видя все это, княгиня Андола сильно огорчилась и еще болѣе возненавидѣла Жанболата.

Съ этого дня она стала только и помышлять о томъ, какъ-бы погубить Жанболата, такъ-какъ она убѣдилась теперь, что пока онъ живъ, ея сыновья, если-бъ и пошли противъ него, *не нашли-бъ ни прямой дороги, ни сторонней тропы* [1]). Зная, что не легко было-бы найти между узденями человѣка, который покусился-бы на жизнь Жанболата, съумѣвшаго заслужить ихъ привязанность своимъ ласковымъ обхожденіемъ и доблестными качествами, она избрала своихъ сыновей орудіемъ для исполненія своего замысла. Но она также знала, что ея сыновья не рѣшатся напасть на него, иначе какъ заставши его врасплохъ, — поэтому она возбудила ихъ мужество, посовѣтовавъ имъ напасть на него ночью, когда онъ будетъ спать одинъ въ кунацкой. Сыновья признали совѣтъ этотъ хорошимъ и, послѣ долгихъ споровъ, назначивъ, кому изъ нихъ первому войти въ кунацкую и нанести ударъ Жанболату, рѣшили напасть на него въ первую-же ночь, какъ онъ останется одинъ ночевать въ кунацкой.

Младшій изъ сыновей Андолы былъ особенно привязанъ къ Жанболату, но, не рѣшаясь открыто помѣшать замыслу своихъ братьевъ, онъ счелъ за лучшее сообщить Жанболату объ ихъ заговорѣ и упросить его не спать болѣе одному въ кунацкой. Жанболатъ не хотѣлъ сперва повѣрить, чтобъ его братья могли приняться за такое смѣлое дѣло, но младшій убѣдилъ его, сказавъ, что они не сами надумали это дѣло, а настроены на то своею матерью. „Посмотримъ-же, чье счастіе перевѣситъ“, отвѣтилъ тогда Жанболатъ, и, попросивъ младшаго не говорить ничего своимъ братьямъ, отправился одинъ спать въ кунацкую. Здѣсь, положивъ на свою постель обрубокъ дерева и прикрывъ его одѣяломъ, самъ онъ скрылся за дверью и сталъ ожидать сыновей Андолы.

Около полуночи являются и они. Дружнымъ натискомъ они врываются въ саклю, стремительно кидаются къ постели и начинаютъ рубить съ остервененіемъ. Но вдругъ за спиной ихъ появляется Жанболатъ, съ словами: «надо мной-ли слѣдовало вамъ, трусы, выказывать свою храбрость! И къ чему вы такъ остервенились! развѣ недовольно вамъ было-бы смерти моей, а хотѣ-

[1]) Т. е. они не могли-бы добиться при его жизни пользованія своими правами по происхожденію.

лось-бы напиться еще моей крови!» Пользуясь смятеніемъ, произведеннымъ его неожиданнымъ появленіемъ, Жанболатъ обезоруживаетъ ихъ, потомъ приказываетъ имъ раздѣваться и, отобравъ отъ всѣхъ, за исключеніемъ младшаго брата, всю одежду, оставляетъ ихъ совсѣмъ голыхъ въ купацкой, а самъ становится въ дверяхъ на сторожѣ.

Между тѣмъ разсвѣтаетъ, собирается народъ. Какъ скоро понятъ былъ смыслъ представившагося страннаго зрѣлища, въ собравшейся толпѣ начинаютъ слышаться насмѣшки надъ смѣлымъ похожденіемъ сыновей Андолы. Но собравшіеся почетные старики считаютъ необходимымъ прекратить поскорѣе это позорное зрѣлище и упрашиваютъ Жанболата освободить своихъ братьевъ, говоря, что они заслужили и худшее наказаніе, но ради чести рода, къ которому принадлежатъ, какъ онъ, такъ и его братья, какъ-бы они ни были дурны, не слѣдуетъ выставлять ихъ на позоръ. Тогда только Жанболатъ согласился возвратить братьямъ ихъ одежду; но и тутъ, не отдавая ее имъ въ купацкой, отнесъ ее на открытое мѣсто, положилъ возлѣ коновязи и заставилъ всѣхъ восьмерыхъ братьевъ, сопровождаемыхъ смѣхомъ бабъ и остальнаго собравшагося народа, пройтись по-одиночкѣ къ коновязи и одѣваться тамъ.

Съ этого времени княгиня Андола стала открытымъ врагомъ Жанболата. Говорится, что лучше имѣть дальняго врага, нежели дурнаго ближняго, а насколько мачиха бываетъ дурна, опредѣлено также хорошо поговоркой: «мачиха холоднѣе самаго льда, горьше самой желчи.» Понятно, поэтому, какова должна была быть теперь жизнь Жанболата въ томъ домѣ, гдѣ хозяйкою была княгиня Андола, его мачиха, и притомъ имѣвшая столько причинъ ненавидѣть его. Какъ ни крѣпился, но и такой сильный мужъ, какъ онъ, не могъ долѣе выносить тѣхъ ежедневныхъ мелочныхъ дрязгъ, которыми умѣла отравлять его жизнь княгиня Андола. Но и тутъ, какъ истый *уоркъ* [2]), считая неприличнымъ быть судьею въ собственномъ дѣлѣ, онъ рѣшился обратиться къ посредничеству родныхъ братьевъ княгини. Она была родомъ изъ Кумука, дочь князей Темезовыхъ. Жанболатъ, рѣшивъ разъ обратиться къ посредничеству Темезовыхъ, не откладывалъ уже надолго своего намѣренія, и скоро собрался въ путь, не говоря, конечно, никому, куда онъ ѣдетъ. Прибывъ въ Кумукъ, онъ не от-

[2]) Уздень, благородный.

крывая настоящаго дѣла, по которому пріѣхалъ, просилъ всѣхъ трехъ братьевъ Темезовыхъ пріѣхать погостить у него подольше, такъ-какъ онъ, много наслышавшись о нихъ, желалъ-бы совершить съ ними хоть одну дальнюю дорогу. Братья Темезовы не могли, конечно, отказать такому извѣстному наѣзднику въ просьбѣ, которую они должны были считать за честь для себя, и потому, по настоянію Жанболата, тотчасъ-же поѣхали къ нему.

По возвращеніи домой, Жанболатъ помѣстилъ гостей въ *малой кунацкой* [3]), такъ, чтобы о нихъ никто не могъ провѣдать. Потомъ онъ у нихъ попросилъ позволенія отлучиться на мѣсяцъ или два, чтобъ провѣдать, куда удобнѣе будетъ направиться имъ въ набѣгъ: «а можетъ быть, моя поѣздка настолько будетъ удачна, что вамъ не придется дождаться меня съ пустыми руками,» прибавилъ онъ. Получивъ отъ гостей позволеніе и присягу, что они ни въ какомъ случаѣ до его возвращенія не откроютъ даже и своей сестрѣ, что они ея гости, онъ объявилъ княгинѣ Андолѣ, что у него въ малой кунацкой скрываются дальніе и очень важные гости, которыхъ онъ по необходимости долженъ оставить на время, но за которыми должно возможно лучше ухаживать. «Чѣмъ прокормить ихъ и лошадей ихъ, это, конечно, моя забота,» прибавилъ онъ, и затѣмъ, на виду самихъ Темезовыхъ, онъ велѣлъ зарѣзать откормленныхъ быковъ, барановъ, заготовилъ *фада пâче* [4]), а также сѣна и проса для лошадей. Устроивши такимъ образомъ гостей и попросивъ вновь княгиню получше о нихъ заботиться, но при этомъ не открывая ей, какіе именно гости остаются на ея попеченіи, Жанболатъ уѣхалъ.

Проѣздилъ онъ мѣсяцъ или, можетъ быть, болѣе. Наконецъ, въ одинъ вечеръ онъ возвращается, сопровождаемый лошадьми, тяжело навьюченными различнымъ краснымъ товаромъ. Слѣзши съ лошади, съ оружіемъ еще, входитъ онъ въ кунацкую. И что-же онъ видитъ? Гости до такой степени истощены голодомъ, обезсилѣли, что не имѣютъ силъ приподняться и привѣтствовать

[3]) Состоятельные люди и вообще лица высшаго сословія имѣютъ по двѣ кунацкихъ: одна, построенная вдали отъ жилья и называемая *большою кунацкою*, предназначается для гостей дальнихъ, т. е. пріѣхавшихъ издалека, или высокаго происхожденія, сопровождаемыхъ большою свитою; *малая-же кунацкая* предназначается для гостей одиночныхъ; въ ней живетъ и самъ хозяинъ, къ которому туда собираются жители аула потолковать, провести время.—Въ прежнее время строили, вѣроятно, и другія малыя кунацкія, для помѣщенія гостей, которыхъ пребываніе слѣдовало скрывать.

[4]) Отстоенная, перебродившая медовая буза.

его. ,,А, мои гости, я васъ, кажется, заставилъ слишкомъ скучать", говоритъ онъ и, круто повернувшись, идетъ къ конюшнѣ. И тамъ онъ видитъ, что лошади ихъ, приготовленныя для набѣговъ, слѣдовательно сытыя и хорошо выѣзженныя, превратились въ кости да кожу. Отсюда уже онъ пошелъ въ свою кунацкую, снялъ оружіе; потомъ, зайдя къ княгинѣ Андолѣ и велѣвъ гостей хорошо угостить, и самъ отправился къ нимъ. Послѣ закуски, выславъ всѣхъ людей изъ кунацкой, онъ сказалъ своимъ гостямъ, что онъ не безъ причины просилъ ихъ не открываться даже своей сестрѣ. «Вы сами видѣли, что я, какъ мужчина и глава дома, исполнилъ свою обязанность въ отношеніи васъ, заготовивъ въ достаточномъ количествѣ провизіи на прокормъ васъ и лошадей вашихъ. Скажите-же теперь, если вы не желаете потворствовать хозяйкѣ, какъ своей сестрѣ, съумѣла-ли она этою заготовленною мной провизіею кормить васъ?» спросилъ Жанболатъ. Тогда гости отвѣтили, что со времени его отъѣзда ихъ кормили только *пастою* [5]), съ солью и водою, лошадямъ-же ихъ давали черезъ нѣсколько дней немного гнилой соломы. ,,Если-бы сестра ваша знала, что мои гости—вы, она не кормила-бы, конечно, васъ такъ. Но со всѣми моими гостьми, въ мое отсутствіе, она обходится вотъ именно такимъ образомъ. Пригласилъ я васъ къ себѣ, помимо всегдашняго желанія видѣть васъ у себя, еще съ цѣлью показать вамъ наглядно, какую жизнь заставляетъ меня выносить ваша сестра".—,,Это позоръ для всей нашей фамиліи, она не должна жить!,, вскричали братья Темезовы и кинулись къ своему оружію.—,,Нѣтъ", отвѣтилъ Жанболатъ, придержавъ ихъ и не допуская къ оружію, ,,прошу васъ, не дѣлайте ничего недостойнаго ни васъ, ни меня. Я открылъ вамъ тайну, которую старательно столько лѣтъ скрываю отъ всѣхъ, не съ тѣмъ чтобы вы наказали свою сестру. Для меня достаточно и того, что вы будете знать и сочувствовать горю, которое сидѣло меня до-сихъ-поръ. Притомъ, мы не только что начинаемъ жизнь и, быть можетъ, Богу не будетъ угодно, чтобъ я терпѣлъ еще столько, сколько уже терпѣлъ."

Успокоивъ такимъ образомъ братьевъ и усадивъ ихъ снова, Жанболатъ вернулся къ княгинѣ Андолѣ и, взявъ скрипку, пропѣлъ ей пѣсню [6]), которую онъ сложилъ самъ и пѣлъ только въ

---

[5]) Крутая каша изъ проса, замѣняющая хлѣбъ.

[6]) Пѣсня эта помѣщается ниже.

особенно-горькія минуты, оставшись одинъ. Изъ добавленныхъ къ этой пѣснѣ словъ, Андола узнала, кто были гости Жанболата, и *ударила себя по лбу*, сожалѣя о своей ошибкѣ.

Жанболатъ будто предугадывалъ, говоря, что ему, быть можетъ, не приведется выносить столько, сколько онъ уже вытерпѣлъ. Дѣйствительно, въ непродолжительное время оба они, и онъ и Андола, умерли одинъ вслѣдъ за другимъ. Случилось это такъ.

По своему обыкновенію, Жанболатъ однажды отправился въ набѣгъ къ бжедугамъ. Послѣдніе давно уже были злы на Жанболата, не дававшаго имъ покою и ускользавшаго до-сихъ-поръ счастливо изъ всякой западни, устраиваемой ими на его погибель. У Жанболата между бжедугами былъ одинъ довѣренный, по имени Гулай, къ которому онъ всегда заѣзжалъ и который, хотя былъ холопъ, но могъ поровняться съ любымъ узденемъ-наѣзднкомъ въ удальствѣ и оказывалъ большую помощь Жанболату во время его набѣговъ.

Бжедуги, провѣдавъ о связи между Жанболатомъ и Гулаемъ, понудили послѣдняго согласиться на то, что онъ въ первый-же пріѣздъ Жанболата предоставитъ имъ случай убить его.

Жанболатъ, какъ и всегда, не преминулъ, прибывъ въ землю бжедуговъ, завернуть къ Гулаю, чтобъ узнать отъ него, гдѣ удобнѣе будетъ сдѣлать нападеніе. Гулай предложилъ поѣхать вмѣстѣ съ нимъ, но просилъ обождать его день или другой (такъ-какъ ему, говорилъ онъ, теперь невозможно выѣхать изъ дома), скрывшись въ кустахъ, гдѣ онъ имѣлъ обыкновеніе прятать его и прежде, и что онъ доставитъ ему туда и провизію, если онъ въ ней нуждается. Какъ только Жанболатъ скрылся въ указанныхъ кустахъ, Гулай осѣдлалъ коня и поѣхалъ дать знать старикамъ, что Жанболатъ пріѣхалъ и скрывается въ такомъ-то мѣстѣ. Старики, тотчасъ собравшись и уговорившись, какъ дѣйствовать, разослали гонцовъ созвать лучшихъ наѣздниковъ. Въ такихъ обстоятельствахъ стали-ли-бы медлить? Всѣ всадники собрались, какъ только было возможно скоро, окружили кусты и напали на Жанболата. Завязалась, конечно, перестрѣлка. Жанболатъ наносилъ своимъ врагамъ страшный вредъ. Между прочими онъ уложилъ, заподозривъ въ измѣнѣ, и своего пріятеля Гулая, который, прискакавъ послѣ другихъ, подъѣхалъ было къ нему съ соболѣзнованіями о случившемся и уговаривалъ его сдаться. Бжедуги, видя потерю, которую они несли отъ мѣткихъ выстрѣловъ Жанбо-

лата, и не зная, какъ приступиться къ нему, стали наконецъ приходить въ смятеніе. Но внезапно, въ промежуткѣ между ними и Жанболатомъ, является, какъ будто выросъ изъ земли, всадникъ, весь въ бѣлой одеждѣ и на бѣлой лошади. Ни тогда, ни послѣ не могли узнать, былъ-ли онъ смертный или какой-нибудь духъ. Этотъ всадникъ, натянувъ лукъ и поднявъ его вверхъ, сказалъ такъ громко, что слышали, какъ Жанболатъ, такъ и бжедуги: „Эта стрѣла на невинаго пусть не падетъ, виновный-же отъ нея да не уйдетъ!“ и выстрѣлилъ вверхъ. Стрѣла, опустившись внизъ, вонзилась прямо въ колѣно Жанболата. Тогда его, вскорѣ обезсилѣвшаго, забрали бжедуги безъ труда. Въ аулѣ Жанболата узнали о случившемся съ нимъ несчастіи, тотчасъ снарядили за нимъ арбу и привезли назадъ домой.

Послѣ-того-какъ онъ, умирая, пролежалъ въ кунацкой около недѣли, княгиня Андола, также отъ болѣзни не вставшая съ постели, пожелала провѣдать пасынка, чтобъ, увидѣвъ его собственными глазами, узнать, есть-ли какая надежда на его выздоровленіе и не доведется-ли ей радость пожить еще нѣсколько послѣ него. Услышавъ, что княгиня идетъ провѣдать его, Жанболатъ приказалъ поднять себя съ постели, сталъ на ноги и, придерживаясь за перекладину руками, стоялъ такъ все время, пока княгиня отъ него не вышла, не смотря на страшную боль, которую это ему причиняло, лишь-бы только не доставить мачихѣ повода радоваться, показавшись ей въ постели. Когда княгиня вернулась къ себѣ и легла снова въ постель, то подумала: „а, не легко мнѣ достанется радость пережить такого мужа!“.

Но ей вовсе не привелось пережить его. Черезъ нѣсколько дней она умерла отъ своей болѣзни. Жанболатъ, какъ только услышалъ о томъ, велѣлъ вырѣзать изъ бумаги пару подошвъ, подшить ихъ къ чевякамъ и, надѣвъ эти послѣдніе, велѣлъ провести себя нѣсколько разъ по комнатѣ, пока не истерлись бумажныя подошвы. Тогда „слава Всевышнему!“ сказалъ онъ, проведя рукой по бородѣ, „теперь не буду тужить, если и придется умереть тотчасъ вслѣдъ за ней. Буду утѣшаться тѣмъ, что я прожилъ послѣ нея столько, что успѣлъ износить хоть одну пару подошвъ“. Только теперь и этимъ поступкомъ высказалъ онъ, да какой степени ненавидѣлъ онъ княгиню Андолу; до того-же времени никогда и никому изъ своего народа не далъ онъ замѣтить этого: дотого онъ былъ терпѣливъ!

И Жанболату не долго привелось наслаждаться жизнью

послѣ княгини Андолы. Онъ умеръ вскорѣ послѣ нея отъ своей раны.

Вотъ пѣсни, изъ которыхъ первую онъ сложилъ самъ, а вторую сложили про него послѣ его смерти.

I.

Жанболатъ одинокъ,—чужой между своимъ семействомъ.

Княгиня Андола мой врагъ; Богъ далъ мнѣ девять негодныхъ братьевъ, и они, вѣчно грозя своими дамасскими мечами, изсушили мнѣ сердце.

Лучшаго бжедугскаго наѣздника я поборалъ, но по милости братьевъ теперь тускнѣетъ на мнѣ *непронзаемое* [7]) стрѣлами.

Три брата Темезовы мои гости (да потопится кунацкая въ крови!); въ ней они высохли, не ѣвши; кони-же ихъ изнурялись на одной соломѣ.

Щедро провизію заготовляю, но она исчезаетъ: у нихъ руки проворныя [8]), колѣни—тѣ-же толкачи; ихъ непомѣрно-большія уши—отвислыя.

Когда отправляюсь въ дорогу, *пирогами* [9]) меня не снабжаютъ; но и глупцы мнѣ не товарищи.

Раненый олень стремится къ рѣкѣ; заартачившагося скакуна понукаютъ; хорошій волъ въ трудную для него минуту тяжко вздыхаетъ: такъ и доблестный мужъ, будучи въ крайности, покóренъ.

Они съ неба луну срываютъ; *кинту* [10]) путь преграждаютъ. Не ѣздивши на *хоара* [11]), покушаются сдѣлать нападеніе; не носивши *мау* [12])—гордятся; не убивши ни одного оленя — хорошіе

---

[7]) Кольчуга. Т. е. братья своими поступками позорятъ его фамилію.

[8]) Намекъ на то, что братья ѣли хорошо и истребили заготовленную Жанболатомъ провизію.

[9]) Небольшіе пирожки съ сыромъ, по-кабардински *хатлыва*, т. е. что Жанболатъ не избалованъ вообще ласками и уходомъ за нимъ Андолы.

[10]) Значеніе этого слова утеряно. Говорятъ, оно служило названіемъ какого-то народа. Оно встрѣчается только въ старичныхъ пѣсняхъ, въ значеніи: совершеннѣйшій, истый.

[11]) Лошадь красиваго, безукоризненнаго склада; такъ назывались, кажется, лошади особой, теперь не существующей породы. По-крайней-мѣрѣ теперь говорятъ, если хотятъ особенно похвалить складъ, красоту какой-нибудь лошади: *подобна хоара*.

[12]) Такъ называлась, говорятъ, одна изъ принадлежностей боеваго во-

стрѣлки, не привозя добычи — хорошіе наѣздники.—Удалые мои братья враждуютъ со мной, негодные девять братьевъ да погибнутъ!

II.

Отецъ — Ерко Мазыко, сынъ его — Жанболатъ. Отецъ князь Ерко Мазыко выростилъ золотаго сына.

Когда прибываетъ *нижнее войско* [13]), онъ выѣзжаетъ на встрѣчу; сойдясь съ нимъ, первый зачинаетъ битву.

Безцѣнный тугой лукъ сильной рукой натягиваетъ; стрѣлой, украшенной перьями *ыбаже* [14]), пронзаетъ блестящій панцырь; о головы удалыхъ мужей онъ притупляетъ мечъ, котораго остріе что зубы бѣшенаго волка, и золотой свой шарфъ въ крови омываетъ.

Бурѣ подобныхъ, быстроногихъ, онъ усмирялъ, сдавивъ колѣнями.

Статныхъ скакуновъ *хоара* дарилъ онъ своимъ узденямъ; а тѣ, которыхъ онъ одаривалъ такъ, были пестые *кинтскіе* князья.

Онъ укладывалъ мѣткимъ выстрѣломъ выдѣлявшихся изъ сильнаго войска наѣзниковъ.

Да зальются кровью гулаевскіе кусты: изъ нихъ Жанболатъ вывезенъ въ безнадежномъ положеніи. Что-жъ дѣлать? ненавидѣвшій его народъ неустанно надъ нимъ бодрствовалъ. Княгиня Андола радостно встрѣчаетъ насъ; радующихся нашему горю да постигнетъ такая-же участь!

оруженія, которую, подобно-тому-какъ шарфъ надѣвался на шею, держали въ рукѣ.

[13]) Нижнимъ называется всякое мѣсто, встрѣчающееся на пути при удаленіи отъ снѣговаго хребта, и вообще всякое мѣсто, находящееся на сѣверъ отъ хребта. Слѣд. *нижнее войско* значитъ пришедшее съ сѣвера войско.

[14]) Должно полагать, что такъ назывался орелъ; но точное значеніе этого слова утеряно.

V.

Айдемирканъ [1]).

Айдемирканъ былъ изъ рода князей Мударовыхъ, теперь прекратившагося. Будучи еще пятнадцати лѣтъ, онъ сталъ просить партію, собравшуюся въ набѣгъ, взять и его съ собою. По возрасту, онъ, конечно, не годился еще для набѣговъ, и другой, не княжескаго рода его сверстникъ, не возъимѣлъ-бы даже мысли просить о подобномъ. Но извѣстно, что князья потому и князья, что не похожи на другихъ простыхъ людей и что «самый малютка княжескій похожъ на взрослаго» [2]). И старшіе, находившіеся въ партіи, не сочли поэтому нужнымъ препятствовать желанію Айдемиркана: они охотно взяли его съ собою. Въ этотъ же первый свой выѣздъ онъ заявилъ себя съ самой хорошей стороны. Отказавшись отъ почестей, слѣдовавшихъ ему по его происхожденію, онъ, чтобъ пріучиться, какъ онъ сказалъ, спозаранку къ трудностямъ похода, терпѣливо выполнялъ обязанности сопровождавшихъ партію прислужниковъ, во всемъ наравнѣ съ ними. Такъ-же, какъ и они, онъ чистилъ, купалъ, сѣдлалъ и разсѣдлывалъ лошадей старшихъ въ партіи; днемъ и ночью, во время приваловъ, караулилъ ихъ. Кромѣ того онъ въ эту-же поѣздку завелъ привычку, удивившую всѣхъ его спутниковъ и которая

---

[1]) Лица, о которыхъ разсказывается въ предшествующемъ и въ послѣдующихъ 4-хъ разсказахъ, дѣйствительно существовали, какъ доказываютъ и приводимыя пѣсни, о нихъ составленныя. Нѣкоторыя миѳическія черты составляютъ, конечно, позднѣйшее прибавленіе, но остальное, вѣроятно, происходило такъ, какъ оно передается до-сихъ-поръ и здѣсь описано. Айдемирканъ, о которомъ, какъ и о борцѣ Созырыхо, упоминаетъ въ своихъ матеріалахъ исторіи Адигейскаго народа и Шора Ногмовъ,—одинъ изъ наиболѣе замѣчательныхъ наѣздниковъ старины. Пѣсня и сказаніе о немъ наиболѣе распространены между всѣми вообще *Адиге*.

[2]) Выраженіе это употребляется въ томъ смыслѣ, что малюткѣ княжескому слѣдуетъ воздавать почести, предписываемыя обычаемъ, такъ-же точно, какъ и взрослому. Но и мнѣніе, для опредѣленія котораго оно здѣсь употреблено, также очень распространено и имѣетъ основаніемъ фактъ, дѣйствительно существующій. Княжескія дѣти, находясь большею частью въ кунацкихъ своихъ родителей, гдѣ собираются постоянно не только лучшіе люди аула, но и всего народа, а также будучи отданы на воспитаніе наиболѣе достойнымъ узденямъ, скорѣе чѣмъ дѣти простыхъ людей, развиваются, т. е. лучше знаютъ обычаи, подходящіе къ каждому случаю, не говоря о томъ, что они пріобрѣтаютъ самыя лучшія манеры, имѣя въ этомъ образцомъ для подражанія наиболѣе элегантныхъ людей своего народа.

потомъ такъ за нимъ навсегда и осталась. Карауля ночью лошадей до самаго свѣта, онъ не садился и безъ крайней надобности не мѣнялъ мѣста, даже въ самые сильные морозы, наставшіе при возвращеніи партіи домой, хотя онъ былъ обутъ только въ чевяки сыромятной лошадиной кожи и сафьянные *мест*ъ [3]).

Награбивъ богатой добычи и лошадьми и товаромъ разнымъ, партія поѣхала въ обратный путь. На послѣднемъ ночлегѣ, гдѣ на другой день предположенъ былъ дѣлежъ добычи, была Айдемиркану съ нѣкоторыми другими очередь караулить лошадей. Велѣвъ, по обыкновенію, своимъ товарищамъ лечь спать, онъ одинъ сталъ сторожить, какъ собственныхъ лошадей партіи, такъ и пригнанныхъ. Между послѣдними была одна кличенка, кобылица жерёбная. Около полуночи она ожеребилась. Въ ту ночь выпалъ снѣгъ и былъ сильный морозъ, потому Айдемирканъ заранѣе было расчиталъ, что жеребенокъ малой худой клячи не выдержитъ стужи и издохнетъ. Жеребенокъ не успѣлъ, однако, стать на ноги еще хорошо, какъ уже встряхнулся и перепрыгнулъ черезъ свою мать въ одну сторону и другой разъ назадъ. Удивленный Айдемирканъ, предположивъ изъ этого, не выйдетъ-ли чего-либо рѣдкостнаго изъ этого жеребенка, рѣшилъ тогда-же пріобрѣсти его непремѣнно, и такъ-какъ никто, кромѣ него, не видѣлъ происшедшаго, то онъ и не счелъ нужнымъ сообщать о томъ кому-бы то ни было.

Утромъ, какъ было предположено, раздѣлили всю добычу. Кобылица съ жеребенкомъ достались одному изъ прислужниковъ. Тогда Айдемирканъ сказалъ ему: «уступи мнѣ эту кобылицу съ жеребенкомъ; какъ видишь, кобылица очень худа и трудно надѣяться, что она можетъ при такихъ холодахъ выкормить жеребенка. Взамѣнъ ея я дамъ тебѣ пару теплыхъ полстяныхъ чулковъ и чевяки; они, пожалуй, будутъ тебѣ гораздо полезнѣе при такомъ холодѣ, чѣмъ кобыла и жеребенокъ. Кромѣ того я дамъ тебѣ изъ своей доли коня. Я беру у тебя кобылицу, не потому что я ожидаю отъ нея, или жеребенка, чего-либо особенно хорошаго, но ради того только, что жеребенокъ явился на свѣтъ въ первый мой выѣздъ въ набѣгъ, и изъ любопытства узнать, что съ нимъ станется.» Прислужникъ съ радостью, конечно, уступилъ кобылицу съ жеребенкомъ Айдемиркану. Послѣдній тутъ-же назвалъ жеребенка *Жаманъ-шарыкъ* (по-татарски: изношенный чевякъ), въ память того, что онъ былъ пріобрѣтенъ

[3]) Обувь, замѣняющая носки, сдѣланная изъ сафьяна.

за чевяки. По прибытіи домой, онъ отдалъ его съ матерью своимъ аталыкамъ, строго наказавъ смотрѣть за нимъ хорошо. Несмотря на то, что жеребенокъ поздно родился и мать вскорости не могла доставлять уже молока,—стараніями аталыковъ, которые стали кормить его буйволинымъ молокомъ, главное же — благодаря своему особенно рѣдкому тѣлосложенію, онъ въ хорошемъ тѣлѣ дожилъ до травы. Давъ ему пастись до поздней осени, Айдемиркань велѣлъ поймать и держать его въ нарочно устроенной для него подземной конюшнѣ, кормя тамъ *усомъ* [4]). Подъ страхомъ навсегда отказаться отъ родства съ аталыками, онъ приказалъ имъ, чтобы ни одинъ людской взоръ не взглянулъ на Жаманъ-шарыка и никто не узналъ о его существованіи, а также чтобы выводили его даже на водопой только ночью.

Содержимый такъ старательно, Жаманъ-шарыкъ развивался быстро, не такъ, какъ другія лошади. Глаза его стали блестящіе, какъ огонь, круглые и выпуклые, какъ чаша, и самъ онъ дотого силенъ и горячъ, что вскорости принуждены были водить его на водопой въ желѣзныхъ путахъ. Когда онъ выросъ, Айдемиркань сталъ ѣздить на немъ въ набѣги, но старательно избѣгалъ имѣть товарищей, чтобы никто не могъ провѣдать о Жаманъ-шарыкѣ, выказавшемъ необыкновенныя качества и который могъ быть сравненъ развѣ только съ *альпомъ* [5]), но никакъ не съ обыкновенной породы лошадью.

Въ одномъ собраніи аула, во время бражничанья, стали толковать о томъ, у кого есть хорошая лошадь. Назвали того, другого и пр. Тогда вышелъ молодой аталыкъ Айдемиркана, вѣроятно, немного охмѣлѣвшій, и сказалъ: «что ваши лошади? Вотъ лошадь есть у нашего *зіузсхана* [6]), такъ это дѣйствительно лошадь!» — „Какъ-же, откуда у него могла взяться лошадь, которой-бы мы не знали, и гдѣ-бы онъ ее держалъ“, возразили ему и стали смѣяться, что онъ нескладно совралъ. — «Нѣтъ», сказалъ разсерженный аталыкъ Айдемиркана, «я говорю правду; кто хочетъ убѣдиться,

---

[4]) Зерновой фуражъ.

[5]) Баснословная лошадь, не знающая устали и пробѣгающая въ короткое время громадныя пространства.

[6]) Имя, которымъ обыкновенно называютъ кормильцы своихъ воспитанниковъ; такъ называли прежде всѣ простаго происхожденія лица князей и хановъ; теперь это обыкновеніе выводится. Означаетъ оно: «котораго болѣзни да сниму я.»

можетъ пойти со мною и заглянуть въ подземелье, гдѣ онъ у насъ содержится и откуда выводится только ночью на водопой.» Вскорости слухъ объ этомъ дошелъ черезъ довѣренныхъ людей до отца Айдемиркана. Тотчасъ-же послалъ онъ къ своему сыну, чтобъ онъ прислалъ ему своего коня. Удивившись, откуда-бы отецъ могъ провѣдать объ его конѣ, Айдемирканъ не сознался однако посланнымъ, говоря, что у него нѣтъ лошади, достойной его отца. Получивъ отвѣтъ сына, отецъ вспылилъ и, сказавъ: «какъ, развѣ лошадь, недостойную меня, приличнѣе водить ему, не гадкому,» послалъ вновь сказать, чтобъ онъ отдалъ непремѣнно коня, если намѣренъ почитать отца. Но Айдемирканъ отказался исполнить это желаніе, продолжая все говорить, что у него нѣтъ такого коня, о какомъ пересказали. Но отецъ не успокоился на этомъ. Разъ, когда Айдемирканъ былъ въ отлучкѣ, онъ послалъ къ его аталыкамъ своихъ людей, которые, объявивъ, что они присланы отцомъ Айдемиркана, разломали двери подземелья и увели Жаманъ-шарыка. По возвращеніи съ поѣздки, Айдемирканъ, узнавъ объ этомъ, поклялся скорѣе погибнуть, чѣмъ оставить коня у отца. Нѣсколько разъ подсылалъ онъ къ нему довѣренныхъ людей съ просьбой возвратить ему коня, но отецъ, конечно, и не удостоилъ его отвѣта. Потерявъ тогда надежду мирно воротить коня и подумавъ, пусть выйдетъ изъ этого что-бы то ни было, выбралъ время удобное и, пробравшись къ конюшнямъ отца, увелъ назадъ своего коня. Когда доложили объ этомъ отцу его, тотъ только постукалъ пальцемъ по носу и сказалъ: «хорошо!», давъ себѣ въ тайнѣ слово не прощать сыну такой дерзости.

По прошествіи нѣкотораго времени, когда неудовольствіе, порожденное между отцомъ и сыномъ споромъ о конѣ, нѣсколько поулеглось, отецъ прислалъ къ сыну письмо, прося возможно скорѣе и аккуратнѣе доставить его къ Шамхалу Тарковскому, съ которымъ отецъ съ давнихъ поръ былъ въ очень пріязненныхъ отношеніяхъ. Хотя Айдемирканъ не зналъ содержанія письма (въ немъ отецъ его просилъ Шамхала, чтобъ онъ приказалъ подателя письма немедленно убить, а лошадь его прислать ему назадъ), но онъ тотчасъ-же поѣхалъ съ нимъ. На четвертый или, можетъ быть, на третій день по отъѣздѣ, на разсвѣтѣ Айдемирканъ прибылъ къ Шамхалу и такъ-какъ люди еще не поднялись, то, не желая никого безпокоить, привязалъ своего коня къ коновязи, а самъ, накрывшись буркой, легъ на диванѣ,

въ кунацкой. Дочь Шамхала, вставши раньше другихъ, увидѣла коня Айдемиркана у коновязи. Стремглавъ бросилась она домой, крича: «Боже, Боже, у нашей коновязи стоитъ одинъ осѣдланный конь, которому подобнаго я никогда не видывала, да едва-ли и найдется такой во всей нашей землѣ! Навѣрно, и хозяинъ его такой-же рѣдкостный и пріѣхалъ изъ какой-нибудь дали". Послали служанку узнать, кто въ кунацкой. Приподнявъ конецъ бурки и осмотрѣвъ Айдемиркана, служанка вернулась и сказала: „дѣйствительно, въ кунацкой спитъ, накрытый буркой, незнакомый мужчина, какого и не встрѣтишь въ нашей землѣ, — онъ средняго роста и съ рыжеватыми усами; у него плечи и бедра широкія, станъ-же такой тонкій, что, когда онъ спитъ, кошка свободно можетъ проползти подъ его бокомъ".—Когда пришли прислужники въ кунацкую, Айдемирканъ велѣлъ доложить о себѣ Шамхалу, когда онъ встанетъ, какъ о посланномъ отъ князя Мударова. Наконецъ всталъ и Шамхалъ и пришелъ въ кунацкую привѣтствовать гостя, который въ отвѣтъ на это подалъ ему письмо своего отца. Развернувъ и прочтя письмо, Шамхалъ долго вглядывался въ гостя. „Хорошо, я пошлю отвѣтъ съ тобою-же, только прежде поживи у меня немного и отдохни", сказалъ онъ и вышелъ. Догадываясь по замѣчательной наружности гостя, что онъ не долженъ быть простаго происхожденія, Шамхалъ отложилъ исполненіе просьбы своего пріятеля, считая недостойнымъ изъ-за лошади, какъ-бы она ни была хороша, убивать такого юношу. Оставилъ-же его Шамхалъ съ цѣлью приглядѣться и покороче узнать его.

Гостя у Шамхала, Айдемирканъ часто слышалъ разговоры объ одномъ оленѣ, скрывавшемся въ сосѣднихъ камышахъ. Олень этотъ, какъ разсказывали, былъ необыкновенно красивъ, масти такой рѣдкой желтизны, что на солнцѣ она блестѣла, какъ золото. Всѣ знаменитые охотники и наѣздники ихъ земли, и самъ Шамхалъ, какія старанія ни прилагали, не могли его убить; не находили ни собаки, ни лошади, которыя могли-бы его догнать. Разъ, когда снова завели разговоръ объ этомъ оленѣ, Айдемирканъ попросилъ, если думаютъ скоро собраться на охоту, то взять и его съ собою. Предложили отправиться на другой-же день. Айдемирканъ попросилъ указать и потомъ уже предоставить этого оленя ему. Пошли въ камыши облавою и выгоняли нѣсколько оленей, но Айдемирканъ предоставлялъ охотиться по нимъ другимъ, когда ему отвѣчали, что это не тотъ

олень. Наконецъ, выгнали и его. Айдемирканъ кинулся за нимъ тогда на своемъ Жаманъ-шарыкѣ и, преслѣдуя близко, по стопамъ, не давая ему вернуться въ камыши, погналъ въ степь; вскорости, какъ всадникъ, такъ и олень, пропали изъ виду, скрылись отъ охотниковъ. Прошло нѣсколько времени. Вдали снова показался Айдемирканъ съ оленемъ, котораго, обогнавъ, онъ завернулъ назадъ. Не давая оленю кинуться ни вправо, ни влѣво, Айдемирканъ погналъ оленя мимо охотниковъ, прямо къ кунацкой Шамхала, и только что подумали—вотъ, онъ пробѣжитъ далѣе,—Айдемирканъ быстро отвязалъ арканъ, накинулъ на оленя и, при крикахъ восторга собравшагося народа, повалилъ его прямо противъ кунацкой Шамхала.

Всѣ кинулись поздравлять его съ замѣчательной побѣдой, говоря, что она навсегда останется въ народной памяти; а Шамхалъ принялъ его въ объятія съ лошади. „Немало досаждалъ мнѣ этотъ олень; ты мнѣ доставилъ радость, какой я давно не зналъ. Проси, чего только пожелаешь; отнынѣ я и все мое имущество принадлежимъ тебѣ“, говорилъ ему обрадованный Шамхалъ. Послѣ этого, понятно, Шамхалъ нисколько не поколебался не исполнить просьбы своего пріятеля. Напротивъ, послѣ-того-какъ Айдемирканъ погостилъ у него еще нѣсколько, онъ отправилъ его домой, давъ ему письмо, въ которомъ писалъ, что если Мударовъ рѣшится сдѣлать какую-либо несправедливость противъ молодаго человѣка, привозившаго къ нему письмо его, то онъ, Шамхалъ, пойдетъ на него съ войскомъ и жестоко накажетъ его, и что ему недостойно было и подумать лишить свой народъ такого мужа ради одной лошади, которая, какъ-бы ни была славна, все-же лошадь. Получивъ такое письмо, отецъ не поминалъ уже Айдемиркану болѣе о конѣ.

Такъ-то достался Айдемиркану Жаманъ-шарыкъ, изъ-за котораго отецъ и сынъ, забывъ родственныя узы, готовы были пролить кровь. Только двѣ или три лошади и были во всей адигской землѣ, которыя могли поспорить съ Жаманъ-шарыкомъ и считались, какъ и онъ, альпами. Если конь заслужилъ такую извѣстность, то понятно, что всадникъ, съумѣвшій выслѣдить и выказать достоинства его, долженъ былъ заслужить еще большую славу. Говорятъ, что въ то время не было наѣзднка, который-бы рискнулъ сказать, что онъ опередитъ въ чемъ-нибудь Айдемиркана, но что не было также такого смѣлаго предпріятія, на которое не рискнулъ-бы Айдемирканъ, и что, наконецъ, онъ въ са-

мые дальніе и опасные набѣги ѣздилъ всегда одинъ. Слѣдующее приключеніе, бывшее съ нимъ въ одну изъ его поѣздокъ въ набѣгъ, показываетъ, дочего доводило иногда его мужество.

Поѣхалъ онъ въ *сатей*[7]). Взъѣхавъ на одинъ пригорокъ у береговъ Терека, онъ стреножилъ коня и самъ тутъ-же прилегъ высматривать добычу, но вскорости, однако, вздремнулъ. Неожиданно онъ былъ разбуженъ пронзительнымъ шумомъ, раздавшимся, какъ громовой ударъ, почти надъ ухомъ, и который, казалось, потрясъ землю подъ нимъ. Прохваченный дрожью невольною, внѣ себя приподнявъ быстро голову и осмотрѣвшись кругомъ, Айдемирканъ увидѣлъ недалеко отъ себя громаднаго змѣя, который съ поднятою высоко головою шелъ на него. „Какъ могъ я дойти до того, что испугался какого-нибудь пресмыкающагося въ степи червяка“, подумалъ тогда съ досадою Айдемирканъ и легъ снова, какъ будто-бы ему не грозила никакая опасность въ скоромъ времени. Лошадь, испуганная, дрожала и стояла безъ движенія, съ глазами прикованными къ змѣю, который между-тѣмъ все подвигался. Дойдя до Айдемиркана, онъ обвился вокругъ его ногъ и сдавилъ ихъ такъ сильно, что, казалось, употреби онъ еще небольшое усиліе, то были-бы сломаны кости. Освободивъ потомъ ноги, змѣй просунулъ голову подъ рубашку у поясницы и сталъ ползти вверхъ къ шеѣ Айдемиркана по голому тѣлу. Добравшись до шеи, онъ обвился вокругъ нея и сталъ давить такъ-же, какъ прежде ноги. Айдемирканъ не спалъ, но, не считая достойнымъ безпокоить себя изъ-за червяка, предоставилъ ему свободу дѣйствія. Сжимая постепенно, змѣй дотого сдавилъ шею Айдемиркана, что тотъ, какъ ни силился приподнять хоть руки, чтобы оторвать змѣя отъ шеи, не могъ уже пошевелиться. Видя, что нѣтъ никакого спасенія и насталъ его конецъ, Айдемирканъ, хотя совершенно обезсилѣвшій, еле переводившій духъ, но не потерявшій еще сознанія, мысленно прощался со свѣтомъ, сожалѣя единственно о томъ, что онъ безразсудно пренебрегъ опасностью и самъ сталъ причиною своей позорной смерти отъ какого-нибудь пресмыкающагося. Сдавивъ еще разъ, сильнѣе чѣмъ прежде, змѣй, отъ того-ли что не имѣлъ уже силъ давить сильнѣе, или раздумалъ, но только сталъ постепенно ослаблять кольца, которыми было стянуто горло. Затѣмъ, освободивъ шею, змѣй отправился назадъ тѣмъ-же путемъ, какимъ приползъ къ шеѣ, между тѣломъ и рубашкой, а потомъ и вовсе скрылся изъ

[7]) Такъ называются степи, въ которыхъ пропадаетъ р. Кума.

виду въ той сторонѣ, откуда приползъ. Айдемиркапъ, такъ неожиданно избавившійся отъ смерти, придя нѣсколько въ себя, сѣлъ на коня и уѣхалъ далѣе, давъ себѣ слово не пренебрегать болѣе никакою опасностью, отъ кого-бы она ни исходила.

Въ другой разъ, поѣхавъ вскорѣ послѣ этого приключенія въ набѣгъ въ горы, онъ встрѣчаетъ одного пѣшаго человѣчка, который, остановивъ его и привѣтствуя, просилъ взять и его съ собою въ набѣгъ. «Какіе мы можемъ быть товарищи», отвѣчалъ Айдемиркапъ на это, «ты пѣшій, а я верхомъ, какъ-же ты можешь поспѣть за мной?»—«Это уже мое дѣло,» отвѣтилъ пѣшій. Но Айдемиркапъ, не обративъ на него вниманія, поѣхалъ; пѣшій однако послѣдовалъ за нимъ и шелъ, не отставая, рядомъ съ его конемъ. Прибавлялъ-ли Айдемиркапъ шагу, ѣхалъ-ли онъ мелкою или крупною рысью, пѣшій былъ всегда наравнѣ съ нимъ, не отставая ни на шагъ отъ него. Такъ они доѣхали до мѣста, гдѣ Айдемиркапъ предположилъ сдѣлать нападеніе. Тамъ они нашли табунъ, который не медля и угнали. Не смотря на просьбы Айдемиркана, пѣшій не согласился сѣсть на коня, и все время, пока пригнали табунъ до того мѣста, гдѣ они встрѣтились, онъ подгонялъ табунъ такъ-же усердно и такъ-же не отдыхая и не отставая, какъ Айдемиркапъ на своемъ Жаманъ-шарыкѣ. Когда прибыли на мѣсто, гдѣ пѣшій встрѣтилъ Айдемиркана, первый сказалъ, что онъ разстанется съ нимъ здѣсь. Айдемиркапъ предложилъ тогда раздѣлить добычу, на которую пѣшій имѣлъ такое-же право, если не больше, какъ и онъ. Но этотъ отказался, говоря, что въ его околоткѣ лошадей не держатъ, что онъ ходилъ притомъ съ нимъ въ набѣгъ не для добычи, а для того чтобы познакомиться съ нимъ, Айдемиркапомъ, и что онъ долженъ быть доволенъ и тѣмъ уже, что достигъ одной своей цѣли. Сказавъ это и пожелавъ Айдемиркану счастливаго пути, пѣшій повернулся и направился къ горамъ. Не успѣлъ онъ отойти нѣсколько шаговъ, какъ Айдемиркапъ вспомнилъ, что пѣшій не назвалъ ему ни разу себя и, подумавъ, что нельзя разстаться съ такимъ замѣчательнымъ человѣкомъ, не узнавъ его имени, онъ кликнулъ и остановилъ его. «Я теперь только вспомнилъ, что ты мнѣ не сказалъ своего имени. Хотя ты знаешь меня, но я тебя не знаю. Между-тѣмъ мы съ тобой сдѣлали дорогу и кромѣ того ты отдалъ мнѣ свою долю добычи; но я не могу принять подарка твоего и вести съ тобою дружбу, не зная, кто ты и гдѣ тебя могу найти въ случаѣ надобности,» сказалъ Айдемиркапъ, подъѣ-

хавъ къ пѣшему.—«Не допытывайся этого, тебѣ нельзя ни узнать, ни найти меня, какъ ты пожелаешь; если-же ты будешь нуженъ мнѣ, то я найду тебя,» отвѣтилъ пѣшій.—«Нѣтъ, я тебя не пущу, пока не узнаю, кто ты?» вскричалъ Айдемирканъ и преградилъ ему путь.—«Ну, такъ вотъ, узнай-же, кто я!» возразилъ пѣшій и вдругъ обернулся въ громаднаго змѣя, стоявшаго на хвостѣ своемъ прямо, въ угрожающей позѣ и готоваго пронзить Айдемиркана, при малѣйшемъ движеніи, далеко высунутымъ жаломъ, во что превратилась, одновременно съ превращеніемъ пѣшаго, и *масура* [8]), находившаяся въ его рукахъ. «Да взборонятъ твой ротъ колючкой,» отвѣтилъ на это Айдемирканъ,—и оставивъ на томъ-же мѣстѣ змѣя, тотчасъ-же затѣмъ изчезнувшаго, онъ вернулся домой.

Послѣ этого приключенія объяснилось, что̀ за змѣй былъ напавшій на Айдемиркана въ степяхъ сатей. Теперь поняли, что какъ тотъ змѣй, такъ и этотъ пѣшій, былъ одинъ и тотъ-же *джіинъ* [9]), быть можетъ, желавшій испытать Айдемирканово мужество.

Какъ подобаетъ всякому мужчинѣ, достойно носящему усы, Айдемирканъ не мало имѣлъ и враговъ; отъ руки-то ихъ и умеръ онъ. Случилось это такъ.

Князь Большой Кабарды, Бесланъ *тучный*, пользовавшійся въ свое время большимъ могуществомъ, собрался однажды въ набѣгъ, кажется, на Астрахань (объ этомъ упоминается и въ пѣснѣ Айдемиркана). Онъ разослалъ гонцовъ пригласить сопутствовать ему всѣхъ извѣстныхъ достойныхъ наѣздниковъ. Находившіеся при этомъ приближенные Беслана объявили ему, что они очень желали-бы, чтобы онъ взялъ съ собою и Айдемиркана, который можетъ быть очень полезенъ ему. «Развѣ онъ такой хорошій наѣздникъ?» спросилъ Бесланъ. Когда ему отвѣтили, что это такой наѣздникъ, товариществомъ котораго не слѣдуетъ пренебрегать, Бесланъ-тучный послалъ пригласить и его. Когда тотъ прибылъ и остановился у него, тучный Бесланъ, желая испытать, каковъ у хваленаго Айдемиркана лукъ, снялъ его съ вѣшалки и, раза два натянувъ, повѣсилъ снова, сказавъ, что лукъ хорошо сдѣланъ, только немного слабоватъ. Айдемиркану это не понравилось, конечно, но онъ промолчалъ.

---

[8]) Палка съ желѣзнымъ наконечникомъ въ видѣ штыка.

[9]) Духъ. Бываютъ злые и добрые духи, или черные и бѣлые.

Въ скоромъ времени собрались всѣ приглашенные наѣздники и отрядъ тронулся въ путь. Однажды, проѣзжая мимо какихъ-то камышей, нѣкоторые всадники изъ отряда вздумали развлечься охотою. Окружили камыши и подняли много звѣрей разнаго рода. Айдемирканъ сталъ преслѣдовать одного оленя. Погонявъ его немного по степи, Айдемирканъ направилъ его потомъ къ арбѣ Беслана (по своей чрезмѣрной тучности, Бесланъ не могъ ѣздить верхомъ и его, куда-бы онъ ни отправлялся, возили всегда въ арбѣ) и, подогнавъ къ самому почти колесу, повалилъ его мѣткимъ выстрѣломъ. Стрѣла, пронзивъ насквозь оленя, попала въ колесо и пригвоздила его къ оси, такъ-что оно перестало вертѣться. «А, тучный Бесланъ, котораго лукъ возится арбою, какъ тебѣ понравился полетъ моей стрѣлы?» спросилъ его послѣ того Айдемирканъ. Бесланъ промолчалъ, сочтя это справедливымъ возмездіемъ за слова, которыя онъ сказалъ въ своей кунацкой относительно лука Айдемиркана.

Прибыли наконецъ къ Идылю, у берега котораго лежитъ Астрахань. Отрядъ остановился у берега, не зная что дѣлать. Брода никто не зналъ, а безъ этого рѣшиться переправиться невозможно было; не находилось и охотниковъ поискать броду. Тогда Айдемирканъ вызвался помочь отряду. Вогнавъ своего Жаманъ-шарыка въ воду прямо противъ себя, безъ всякаго броду, онъ переправился на ту сторону. Пріискавъ тамъ нужное число лодокъ, вмѣстѣ съ лодочниками, и переправивъ ихъ на эту сторону, онъ посадилъ отрядъ на эти лодки и перевезъ его такимъ образомъ на другой берегъ. Набѣгъ вышелъ очень удачный, набрали несмѣтно богатую добычу. Каждый возвращавшійся съ того берега торопился поздравить Беслана, остававшагося на этой сторонѣ, сказывая: «да дастъ тебѣ Богъ еще бо́льшаго счастія!» И Айдемирканъ, возвратившись съ набѣга, также подошелъ поздравить Беслана, но сказалъ ему: «да здравствуешь, госпожа!» Эта насмѣшка сильно оскорбила Беслана, хотя онъ постарался не подать и вида въ томъ. «Въ первый разъ я могъ ему простить, потому-что я первый его задѣлъ и онъ имѣлъ право отплатить мнѣ, но этотъ разъ уже онъ издѣвается надо мной безъ всякаго съ моей стороны повода, полагая, вѣроятно, что надо мной можно смѣяться безнаказанно. Но не будь я рожденъ своею матерью мужемъ, если я не заставлю раскаяться его въ этихъ словахъ,» подумалъ Бесланъ, и тутъ-же поклялся въ душѣ непремѣнно погубить его.

Вернулись съ этого похода. Прошло нѣсколько времени. Од-

нажды Айдемирканъ пріѣхалъ погостить къ своему пріятелю, князю Канболату. У этого послѣдняго былъ братъ, Асламбекъ, который былъ также въ большой дружбѣ съ Айдемирканомъ и часто съ нимъ предпринималъ поѣздки, но который пропалъ безслѣдно. Поговаривали, что онъ былъ убитъ Айдемирканомъ, къ которому Асламбекъ поѣхалъ въ гости, и который, какъ не богатый человѣкъ, будто, не имѣя чѣмъ достойно отдарить его, рѣшился скорѣе убить его, чѣмъ подвергнуться осужденію, отпустивъ его съ незначительнымъ подаркомъ. Такъ-какъ ясныхъ уликъ не находилось и притомъ Айдемирканъ преломилъ съ нимъ стрѣлу въ вѣчной вѣрности и преданности другъ другу, то Канболатъ не придавалъ особаго значенія ходившимъ относительно его брата слухамъ и водилъ по-прежнему дружбу съ Айдемирканомъ. Прослышавъ о пріѣздѣ къ Канболату Айдемиркана, Бесланъ также поѣхалъ туда тайно. Прибывъ въ аулъ ночью и скрываясь до утра возлѣ дома Канболата, Бесланъ, на разсвѣтѣ, заслышавъ, что жена Канболата отворила дверь, быстро вошелъ въ спальню и засталъ Канболата еще въ постели. Снявъ шапку и ударивъ челомъ, Бесланъ сказалъ Канболату, что онъ пришелъ къ нему въ гости, просить его покровительства. Канболатъ былъ ошеломленъ неожиданнымъ появленіемъ Беслана и его просьбою, но пока онъ могъ оправиться, Бесланъ продолжалъ, что онъ проситъ его оказать ему помощь противъ Айдемиркана, котораго онъ, Канболатъ, долженъ-бы также считать своимъ врагомъ, имѣя гораздо болѣе уважительную причину на то, чѣмъ всѣ другіе кабардинскіе князья, которые съ нимъ, Бесланомъ, во главѣ, замыслили его погубить. «Отъ имени ихъ и отъ себя я прошу тебя не отставать отъ насъ, своихъ болѣе близкихъ родственниковъ, между которыми ты живешь и которые во всякое время могутъ выказать болѣе участія и быть полезнѣе тебѣ, чѣмъ Айдемирканъ, давно уже измѣнившій клятвѣ, имъ данной тебѣ,» говорилъ Бесланъ. «Не мѣняй насъ, собратьевъ своихъ, на ненадежнаго друга и исполни нашу просьбу. Такъ-какъ онъ только тебѣ одному изъ всѣхъ насъ можетъ довѣриться, то предоставь намъ случай напасть на него врасплохъ и погубить его, такъ, чтобы онъ не могъ нанести намъ большаго вреда,» объяснилъ затѣмъ Бесланъ. Услышавъ это предложеніе, Канболатъ сильно пріунылъ. «Съ Айдемирканомъ я преломилъ было стрѣлу на вѣрную, неизмѣнную дружбу, и что-бы ни говорили люди, но такъ-какъ я не имѣю ясныхъ доказательствъ въ его измѣнѣ, то не долженъ-бы я первый нарушить

клятву. Но вражда ваша страшнѣе для меня нарушенія клятвы, и я, видитъ Богъ, только вынужденный необходимостью, исполню ваше желаніе,» отвѣтилъ Канболатъ послѣ краткаго размышленія. Тогда Бесланъ вынудилъ Канболата поклясться, что онъ не измѣнитъ данному слову и затѣмъ объяснилъ ему способъ, который онъ, совмѣстно съ другими кабардинскими князьями, придумалъ для умерщвленія Айдемиркана.

Вернувшись отъ Канболата, Бесланъ, съ рабочими, отправился въ ущелье *Хыу* [10]) и приказалъ сдѣлать тамъ окопъ, куда, по окончаніи его, должны были собраться въ опредѣленное заранѣе время соумышленники. Разъ, когда настало, вѣроятно, это время, Канболатъ предложилъ Айдемиркану, чтобы разсѣяться, проѣхать немного по степи и поохотиться на зайцевъ, лисицъ и т. п., далъ ему, взамѣнъ Жаманъ-шарыка, котораго посовѣтовалъ оставить, чтобы даромъ не мучить,—другаго коня, простенькаго,—предложилъ ему также другой, свой мечъ, говоря, что его, Айдемиркана, слишкомъ хорошъ и было-бы жаль, если-бы гдѣнибудь онъ сломалъ-бы его, и наконецъ, его самого, одѣтаго по домашнему, въ шубу длинную и сапоги, и ничего не подозрѣвавшаго, привезъ въ окопъ, гдѣ засѣли собравшіеся его враги. Послѣдніе, съ нетерпѣніемъ, вѣроятно, ожидавшіе появленія Айдемиркана, не заставили себя долго ждать, тотчасъ накинулись на него и началась свалка. Тутъ-то Айдемирканъ пожалѣлъ о своемъ конѣ. Верхомъ, связанный конемъ, не знавшимъ, какъ поворотиться, и гнувшимся подъ нимъ, какъ прутъ, а пѣшій, скованный шубой и сапогами, Айдемирканъ не могъ сдѣлать и десятой доли того вреда, какой онъ нанесъ-бы своимъ врагамъ, встрѣтившись съ ними иначе. Однако и теперь не дешево продалъ онъ свою жизнь и палъ, какъ было достойно мужчинѣ.

Разсказываютъ, что его Жаманъ-шарыкъ, привязанный нѣсколькими арканами въ конюшнѣ, подъ крѣпкимъ замкомъ, изъ боязни, чтобы онъ не подоспѣлъ на помощь къ своему господину, прискакалъ на мѣсто убійства, съ жалобнымъ ржаніемъ, за нѣсколько мгновеній передъ-тѣмъ-какъ Айдемирканъ долженъ былъ скончаться, и наклонился надъ нимъ. Замѣтивъ его, Айдемирканъ, махнувъ рукой, сказалъ: „а, Жаманъ-шарыкъ, я не гожусь уже болѣе тебѣ въ товарищи, заботься лучше о своей дальнѣйшей

[10]) Называется такъ по небольшой рѣкѣ, тамъ протекающей и впадающей въ р. Терекъ около аула Догужокова.

судьбѣ". Какъ только Айдемирканъ отошелъ, Жаманъ-шарыкъ ускакалъ къ нему домой. Жена Айдемиркана, увидѣвъ издали коня, сказала окружавшимъ ее дѣвушкамъ: „наша лошадь пришла безъ сѣдока; вѣроятно, его нѣтъ уже въ живыхъ"... Когда она открыла окно, онъ подошелъ и уныло положилъ голову на подоконникъ; слезы струею текли по щекамъ его...

Оплакавъ такимъ образомъ своего господина, Жаманъ-шарыкъ, съ наступленіемъ ночи, говорятъ, ушелъ со двора и пропалъ безъ вѣсти.

Вотъ пѣсня, сложенная про Айдемиркана, послѣ его смерти:

„Это сказаніе объ Айдемиркапѣ, о коемъ ходила великая молва и которому равнаго по доблестямъ князя не видывали никогда на конѣ.

Тлепшъ [11]), нашъ кормилецъ, жметъ (пригоняетъ) рукоятку его меча, котораго остріе натачиваетъ (поглаживаетъ) *Аушъ-и-Герге* [12]).

Кидаются-ли наѣздники въ атаку, Айдемиркапъ несется уже впереди. Слѣзаетъ-ли онъ съ коня, молніею опускается на землю. (Варіантъ: и пѣшій онъ грозенъ, подобно черной, густой тучѣ). Въ срединѣ непріятельской толпы онъ властвуетъ подобно бѣшеному волу. Въѣзжаетъ-ли онъ въ степи, озирается подобно *ныбаже*, и ничто имъ замѣченное не ушло отъ Жаманъ-шарыка. Во время набѣговъ, обезоружить за разъ сто наѣзниковъ— подвигъ для него незначительный. По щедрости подарковъ своихъ уподобленъ древнимъ нартамъ. Во всей адигской землѣ онъ одинъ и былъ достойнымъ сыномъ *кана* [13]) Ельмурзы.

Неожиданно и безоружный былъ онъ захваченъ своими врагами. Перекрещены копья, воткнутыя въ его мужественное чело, подобно корпіи. Чистокровный *хоара* падаетъ въ засадѣ, безплодно ожидая возврата своего господина. Соприсяжница его [14]), прекрасная Ельбике, рыдаетъ. Былъ мужественъ Айдемиркапъ, но палъ.

* * *

Жители верховьевъ приводили ему живыхъ оленей. — Старинный родъ Айдемиркана прекратился, его *уардовскій* [15]) дворъ,

[11]) Имя, какъ говорятъ, перваго кузнеца между адигами.

[12]) Названіе какого-то древняго божества.

[13]) Воспитанникъ.

[14]) Жена.

[15]) Богатырскій.

мѣсто сходки великихъ князей, заглохъ; возлюбившіе Бога сооружатъ тамъ крестъ.

Привѣсивъ къ лѣвому бедру *разводящее войско* [16]), выхвативъ изъ *детча* [17]) *поражающее удалыхъ мужей* [18]), со своимъ тугимъ семи локтей лукомъ, былъ онъ грозенъ. Отъ храбрѣйшей молодежи удостоился прозвища — *бѣшенаго*. При сборѣ обѣихъ Кабардъ на Астрахань, онъ снаряжаетъ въ походъ сопровождающихъ его *уорковъ*. — Вступивъ въ битву, выбиралъ замѣтныя тавры [19]). Вражескіе мечи, ударившись объ него, сгибались, точно мягкое серебро [20]). Удало владѣлъ мечомъ Айдемирканъ, но палъ.

* * *

Въ обѣихъ Кабардахъ только Канболатъ его довѣренный,— да отвернется отъ него Богъ — покровитель дружбы. Обманомъ вызвавъ въ поле, неожиданно привозитъ онъ его къ большому народному сборищу,—да будетъ всю жизнь свою безправнымъ приведшій его сюда. Великаго, могучаго князя застигли на маштакѣ; въ просакъ попавшаго мужа загнали въ западню,—да зальются кровью Черекскій лѣсъ и рѣчка Хыу. Явился и князь Кыдыръ-Шоко; ему мечъ замѣняетъ палку. Едва приспѣвъ, Битуовъ кидаетъ на него [21]) свой *баримасъ* [22]). Тотъ, обернувшись, отсѣкъ бороду Битуова, да чтобы чаще вспоминалъ о немъ—и три пальца съ него; для примѣты-же, какъ непосѣда, заклеймилъ его щеку мечомъ.

Окруживъ, закидываютъ они его копьями; онъ спасается отъ нихъ, легко перепрыгнувъ валъ.

„Порыскалъ-бы я съ ними, да нѣтъ Жаманъ-шарыка; позабавился-бы я надъ ними, но сапоги меня сковываютъ“, тужитъ Айдемирканъ.

На великаго, могучаго князя налагаютъ слѣды широкихъ мечей. Однимъ своимъ взглядомъ приводилъ онъ сердца ихъ въ трепетъ. Не отступая передъ оружіемъ изъ боязни погибнуть отъ

---

[16]) Мечъ. [17]) Сума, куда кладутъ стрѣлы. [18]) Стрѣла. [19]) Т. е. вступалъ въ борьбу только съ выдѣлявшимися особенно непріятельскими наѣздниками. [20]) Не нанося ему вреда.

[21]) Айдемиркана.

[22]) Мечъ, кажется; обстоятельнаго объясненія, какъ этого, такъ и многихъ словъ въ старинныхъ пѣсняхъ, мы не могли, да и не возможно уже найти.

него и играя мечомъ, Айдемирканъ убитъ въ узкихъ низовьяхъ Хыу.

Бѣлую, короткохвостую [23]), погоняетъ завистливый родственникъ.

Былъ неустрашимъ Айдемирканъ, но успокоился [24]).

VI.

Князь Амфоко Тосултановъ.

Князь Амфоко имѣлъ пріятеля, хана, жившаго гдѣ-то въ Дагестанѣ, если еще не дальше. Съ приличною свитою поѣхалъ онъ къ нему за подарками. Но на возвратномъ пути ему или товарищамъ его показалось, что по времени, которое они проѣздили, должно-бы получить гораздо больше подарковъ, и потому, опасаясь подвергнуться насмѣшкамъ на родинѣ, рѣшили сдѣлать гдѣ-либо набѣгъ и вернуться съ приличною добычею. Прибывъ къ Тереку, они съ этою цѣлью поѣхали внизъ по теченію его и, встрѣтивъ вскорости на пути большіе камыши, засѣли въ нихъ высматривать добычу. Пришлось просидѣть партіи здѣсь нѣсколько дней; одолѣвали ее скука, а еще болѣе комары. Одинъ изъ этой партіи, поймавъ какъ-то разъ комара, воткнулъ ему, скуки ради, въ пузо соломинку и пустилъ. Комаръ залетѣлъ въ кружокъ *кайтаковъ*, бесѣдовавшихъ на солнцѣ, и сѣлъ одному изъ нихъ на руку. Тотъ, осторожно поймавъ его и замѣтивъ его пузо, проткнутое соломинкой, вскричалъ: „эка, негодный народъ! и кто, кромѣ кабардинца, придумаетъ такую злостную шутку! Посмотрите“, продолжалъ онъ, передавая комара другимъ. Всѣ согласились съ нимъ, что это непремѣнно дѣло рукъ какого-нибудь кабардинца и, тутъ-же рѣшивъ, что, вѣроятно, гдѣ-либо поблизости скрываются кабардинцы, скорѣе разослали гонцовъ дать знать, что врагъ вторгся въ ихъ страну. По сборѣ народа, отправились ихъ розыскивать и, открывъ ихъ въ камышахъ, окру-

---

[23]) Кажется, жена его; другіе говорятъ, что это его конь.

[24]) Мы принуждены были опустить въ пѣснѣ Айдемиркана нѣсколько выраженій, именно во второмъ куплетѣ, смысла которыхъ нельзя возстановить.

жили и забрали всѣхъ въ плѣнъ. Такимъ образомъ необдуманная шутка одного изъ нихъ послужила, говорятъ, причиною плѣненія всей партіи.

Между-тѣмъ, на родинѣ, родственники стали безпокоиться долгимъ отсутствіемъ партіи; стали розыскивать и наводить справки всюду, но партія, будто провалилась сквозь землю, нигдѣ не отыскивалась. Члены фамиліи Жанбиковыхъ славились умѣніемъ отгадывать сокровенное; изъ этой фамиліи въ то время жилъ одинъ только юноша. Родственники, испытавъ всѣ свои силы надъ отыскиваніемъ партіи и отчаявшись напасть на ея слѣдъ обыкновеннымъ путемъ розысковъ, рѣшили обратиться къ Жанбикову. Призвали, объяснили ему свое дѣло и затѣмъ просили его, если онъ обладаетъ даромъ своихъ предковъ, открыть имъ, что̀ сталось съ партіею. Жанбиковъ отвѣтилъ, что онъ такой-же кудесникъ, какъ и его предки, если не лучше, но что для узнанія того, что имъ нужно, необходимо выполнить нѣкоторыя условія, которыя онъ потребуетъ, и затѣмъ, получивъ увѣреніе въ готовности исполнить въ точности всякое его требованіе, объяснилъ, что ему необходимо уединиться на 15 сутокъ, такъ, чтобы его и мелькомъ не могъ примѣтить ни одинъ человѣческій взоръ, а что для того чтобы достигнуть этого, надобно выстроить надъ нимъ небольшой рубленный домикъ, съ однимъ небольшимъ въ крышѣ отверстіемъ, въ которое могла-бы пролетѣть только небольшая птичка.—„По истеченіи этихъ 15 сутокъ, разобравъ домикъ, вы найдете меня распростертымъ на землѣ, безъ силъ, немогущаго шевельнуться и еле дышащаго. Не давъ пахнуть вѣтру на меня, бережно, укутавши хорошо, вы должны тогда перенести меня въ саклю, положить передъ огнемъ, тепло укутавши, и дать мнѣ такъ пролежать спокойно до-тѣхъ-поръ, пока самъ я не встану“, продолжалъ Жанбиковъ. Сдѣлали все такъ, какъ онъ говорилъ. Въ уединенномъ мѣстѣ построили надъ нимъ хату, втеченіи 15 сутокъ не дозволяли никому приближаться къ ней и, по прошествіи этого срока, перенесли его бережно въ саклю; когда-же пролежавъ сутки еще, онъ, тяжело вздохнувъ, приподнялся, стали съ нетерпѣніемъ ожидать, что онъ имъ откроетъ. Оправившись, Жанбиковъ разсказалъ, что послѣ-того-какъ его закупорили, онъ, превратившись въ воробья, вылетѣлъ въ отверстіе, продѣланное въ хаткѣ, и облетѣлъ всѣ извѣстныя сколько-нибудь ему мѣста. Не нападая нигдѣ на слѣдъ пропавшей партіи и уставъ, онъ сѣлъ отдохнуть немного, на

обратномъ пути, на кровлю тюрьмы въ *Желѣзныхъ воротахъ* (Дербентѣ). Въ скоромъ времени затѣмъ вышли на дворъ тюрьмы, погрѣться, вѣроятно, на солнышкѣ, какіе-то узники — страшные на видъ, съ отрощенными ногтями и волосами, и, усѣвшись въ кружокъ, стали печально между собою перекидываться словами. „Услышавъ, что они говорятъ по-кабардински, я удивился“, говорилъ Жанбиковъ, „и, подумавъ, не тѣ-ли это, которыхъ я ищу, взлетѣлъ и сѣлъ близко къ нимъ послушать ихъ рѣчи. Оказалось, что они изъ той партіи, которую я ищу; упоминали о своей родинѣ, родныхъ, сожалѣли о томъ, что не имѣютъ средства дать знать о своей участи родственникамъ, которые рискнули-бы на все, чтобы только выручить ихъ изъ этого позорнаго заключенія. Одинъ изъ нихъ, примѣтивъ меня, сказалъ: „если-бы этотъ воробей могъ понять меня, я попросилъ-бы его передать на родину о томъ, что мы здѣсь мучимся, ожидая ихъ помощи“. — „Если намъ придется пробыть здѣсь, пока воробей пойметъ и исполнитъ твое желаніе, придется ждать немало“, отвѣтилъ другой и бросилъ въ меня камышекъ. Я, взлетѣвъ, присѣлъ съ другого боку, еще ближе къ нимъ. — „Почему знать, кто этотъ воробей, вѣдь говорятъ-же, что Жанбиковы наши обладаютъ даромъ принимать какой имъ угодно видъ“, возразилъ первый.—„Если-бы это былъ Жанбиковъ, онъ прилетѣлъ-бы и сѣлъ ко мнѣ на ладонь“, сказалъ третій. Я взлетѣлъ и сѣлъ къ нему на руку. — „Это нашъ Жанбиковъ!“ вскрикнули тогда всѣ и, крайне радуясь, разсказали мнѣ все, что съ ними приключилось съ тѣхъ-поръ-какъ уѣхали они изъ дому; въ заключеніе объяснили, что они содержатся всѣ безъ исключенія въ той тюрьмѣ, что князь Амфоко также съ ними, но что его очень мучатъ и не даютъ такой свободы, какъ имъ. Выслушавъ вновь ихъ просьбу о скорой помощи, я оставилъ ихъ тамъ и вернулся къ вамъ“, заключилъ Жанбиковъ.

Какъ только окончился его разсказъ, стали совѣщаться, какъ выручить узниковъ. Согласившись, что, напавши силою на кайтаковъ, они тѣмъ ускорили-бы гибель узниковъ, не успѣвши до нихъ добраться, рѣшили, что лучше выкупить ихъ и тотчасъ-же сдѣлали на весь народъ раскладку. Превративши все собранное съ народа въ золото, наполнивъ имъ переметныя сумы и навьючивъ имъ лошадь одного изъ своихъ товарищей, наѣздники, выбранные народомъ, отправились выкупать узниковъ. Когда проѣхали день или два, товарищъ ихъ, на лошадь котораго было

навьючено золото, отсталъ отъ своихъ спутниковъ и, давши имъ отъѣхать подальше, слѣзъ скорѣе съ коня подлѣ одного примѣтнаго дерева, снялъ переметныя сумы и закопалъ ихъ подъ этимъ деревомъ, послѣ чего поторопился догнать своихъ товарищей, чтобъ не дать имъ замѣтить своего отсутствія. Послѣ того-какъ проѣхали еще день или можетъ быть два, на одномъ привалѣ, тотъ, которому поручено было везти золото, всталъ и объявилъ: „Мечъ и голова въ вашей власти, дѣлайте со мной что хотите, но скрывать долѣе мнѣ невозможно: я потерялъ наше золото“. Неожиданное сообщеніе поразило всѣхъ, какъ громомъ. Что имъ теперь было дѣлать? Съ какими глазами они вернулись-бы и объявили народу, что потеряли порученное имъ достояніе, которое было собрано съ такимъ трудомъ, подвергаясь такимъ лишеніямъ? Нѣтъ, лучше никогда не возвращаться! рѣшила партія, придя нѣсколько въ себя. Такъ-какъ имъ не было отнынѣ возврата на родину иначе какъ съ плѣнниками, за выкупомъ которыхъ они поѣхали, то согласились, что они все-таки поѣдутъ къ кайтакамъ и испробуютъ всѣ средства, чтобы выручить плѣнниковъ, и только въ крайнемъ случаѣ рѣшатся умереть, пробиваясь все-таки къ нимъ. Пріѣхавъ въ страну кайтаковъ, стали они снова совѣщаться, что имъ дѣлать. Тогда скрывшій золото просилъ партію, прежде-чѣмъ прибѣгать къ оружію, испробовать слѣдующее средство: „Пошлемъ сказать кайтакамъ“, сказалъ онъ, „что мы пріѣхали выкупить своихъ плѣнниковъ. Тогда они пришлютъ къ намъ двухъ своихъ почетныхъ стариковъ для переговоровъ. Мы задержимъ ихъ. Чтобы узнать, что случилось съ ихъ посланными, они пришлютъ, конечно, еще двухъ; мы задержимъ и ихъ. Будемъ продолжать такъ до-тѣхъ-поръ, пока у насъ въ рукахъ не окажется столько-же ихъ почетныхъ стариковъ, сколько у нихъ нашихъ плѣнниковъ; тогда предложимъ обмѣнъ. Если-же они раньше откроютъ наше намѣреніе, мы, имѣя въ рукахъ двухъ или четырехъ почетныхъ стариковъ, легко найдемъ, при посредствѣ ихъ, между кайтаками сторонниковъ, которые помогутъ намъ освободить плѣнниковъ“. — Вся партія совѣтъ этотъ признала хорошимъ и рѣшила ему послѣдовать. Дали знать кайтакамъ о своемъ прибытіи. Тѣ прислали къ партіи, не медля, двухъ стариковъ своихъ для переговоровъ. Ихъ задержали. Кайтаки, долгое время прождавши ихъ напрасно и удивляясь, что́ бы могло ихъ задержать, послали еще двухъ. И эти были задержаны. Тогда одинъ изъ партіи замѣтилъ, что кай-

таки будутъ теперь осторожнѣе, догадавшись, конечно, что посланные ихъ безъ какой-либо неожиданной задержки не стали-бы медлить и что они теперь пришлютъ, вѣроятно, не какихъ-либо двухъ стариковъ, а цѣлую партію, могущую напасть и выручить своихъ посланныхъ: поэтому слѣдуетъ предпринять что-либо на такой случай. Тогда сговорились, что сдѣлаютъ кругъ, покажутъ видъ, будто совѣщаются съ посланными, и такимъ образомъ и партію, которая пріѣдетъ за ними, заманятъ въ этотъ кругъ, а потомъ, легко будетъ и ее плѣнить. Вскорости, дѣйствительно, за посланными пріѣхала порядочная партія кайтаковъ. Остановившись въ отдаленіи, она спросила, что сталось съ посланными; встрѣтившіе ее люди изъ кабардинской партіи указали на кружокъ, гдѣ они, казалось, усердно совѣщались, и пригласили и партію сойти съ лошадей и послушать, о чемъ тамъ говорятъ. Лишь только кайтаки вошли въ кружокъ, какъ на нихъ неожиданно накинулись кабардинцы и обезоружили. Плѣнивъ такимъ образомъ лучшихъ людей у кайтаковъ, кабардинцы смѣло могли уже требовать обмѣна на нихъ своихъ плѣнниковъ. И дѣйствительно, они безъ долгихъ проволочекъ получили ихъ; затѣмъ, приведя ихъ въ болѣе приличный видъ, выкупавъ, обривъ и одѣвши заново, отправились въ обратный путь.

Какъ только разнеслась вѣсть о томъ, что плѣнники возвращаются, народъ поспѣшилъ собраться и встрѣтить ихъ. Была всеобщая радость. Всѣ поздравляли партію и плѣнниковъ съ счастливымъ возвращеніемъ. Когда-же прошелъ нѣсколько первый порывъ радости, тотъ, кто зарылъ золото подъ деревомъ, вышелъ на середину и сказалъ: „Я горевалъ о томъ, что и бѣдняки, для сравненія съ нами, хотя и охотно, но жертвовали своимъ послѣднимъ достояніемъ, чтобы собрана была сумма, достаточная для выкупа нашихъ плѣнниковъ. Я думалъ, неужели нѣтъ другого средства ихъ выручить, и мы, кабардинцы, дожили до того, что своихъ плѣнниковъ можемъ только выкупать золотомъ. Я былъ увѣренъ, что партія, съ которой я поѣхалъ, исполнитъ данное ей порученіе безъ помощи золота, такъ-же хорошо, какъ и съ золотомъ, и потому рѣшился скрыть его въ извѣстномъ мнѣ мѣстѣ. Я объявилъ партіи, что потерялъ золото. Поступая такимъ образомъ, я рисковалъ своею жизнью; но скорѣе готовъ я былъ ея лишиться, чѣмъ допустить кого-нибудь сказать, что кабардинцы выкупили своихъ плѣнниковъ золотомъ. Но, съ Божьею помощью, этого не случилось; плѣнники наши среди

насъ, и золото наше осталось намъ-же. Вотъ оно!“, сказалъ онъ, высыпая его изъ переметныхъ сумъ. Всѣ обрадовались, какъ-будто ихъ мертвые воскресли; обнимали, благодарили сохранившаго имъ золото ихъ, и наконецъ пристали къ нему, чтобы онъ сказалъ, чего онъ желаетъ за такое благодѣяніе. Но тотъ рѣшительно отказался принять что-либо отъ народа. Тогда постановили, чтобы увѣковѣчить благородный поступокъ этого молодаго человѣка, назвать его именемъ холмъ, на которомъ онъ возвратилъ народу его золото, вмѣстѣ съ плѣнниками. Холмъ этотъ оттого названъ *Халишиховымъ* холмомъ [1]).

Вотъ пѣсня, сложенная этими плѣнными, во время ихъ заключенія.

„Его народъ, котораго не обскачетъ лошадь, дѣлитъ еженедѣльно пригоняемыхъ имъ скакуновъ; чужестранные наѣздники добиваются его лицезрѣнія.

Уоркскіе воины садятся на коней и пріѣзжаютъ въ пѣкую страну, гдѣ ихъ надѣляютъ богатыми подарками.

Изъ *Дарго* наши взоры направляются на *Тарка*. Лишившись Тарка, мы стали-бы бѣдны.

Народъ *Кайтака* [2]), ты понудилъ проложить къ тебѣ тропу. Съ-тѣхъ-поръ-какъ помнимъ себя, мы жили за этимъ народомъ, мѣняясь съ нимъ подарками.

Но *гобешинцы*, подобно собакамъ (при случкѣ), окруживши, плѣнили и забросили насъ, какъ гусей для откармливанія, въ тѣсный окопъ,—и наши бѣлые боевые кони достаются имъ.

Призвали-бы мы противъ нихъ большое войско, да руки наши коротки.

Только по выходѣ нашемъ изъ тѣснаго окопа, этотъ старый свѣтъ покажется намъ вновь свѣтлымъ.

Семь дней и семь ночей мы подкапываемъ старую крѣпость; вырытую землю мы храпимъ какъ самородки золота.

Глянувъ изъ крѣпости, мы видимъ *Касболата* [3]); чтобы

[1]) Холмъ называется и теперь такъ и находится между рр. Баксаномъ и Чегемомъ.

[2]) *Гобеши*—общее названіе всѣхъ небольшихъ племенъ, какъ-то лезгинъ, аварцевъ и др., живущихъ на восточномъ склонѣ снѣговыхъ горъ. Кайтаки и тарковцы, — также гобешинцы, — были непріязненны кабардинцамъ,—и приводимыя въ пѣснѣ выраженія намекаютъ на то, что кабардинцы проложили къ нимъ тропу. Выкупы и увозимые оттуда люди названы, вѣролтно, тѣми подарками, которыми мѣнялись кабардинцы съ кайтаками, а также съ тарковцами, и которыми содержали себя кабардинцы.

[3]) Касболатъ Суншаловъ. Къ нему хотѣлъ, на обратномъ пути изъ

увидѣть только адигскую землю, мы пожертвовали бы всѣмъ своимъ достояніемъ.

Его мать, княгиня *Тезеке*, не сходя съ медвѣжьей шкуры, скучаетъ по немъ. Даурбекъ Боташевъ истязуетъ себя *треногою* [4]); малый Арапъ Тузаровъ, уткнувшись въ гриву коня, рыдаетъ; отъ рева многолюднаго Боташевскаго аула, раздающагося какъ ревъ овецъ передъ сумерками, колеблются всѣ семь небесъ.

Покинутая Богомъ партія гибнетъ въ крѣпости. На нашихъ глазахъ князь Амфоко обливаетъ свою бороду слезами.

Наши усы и бороды разрослись какъ кустарники *карагача*. [5])

Покинуты нами на родинѣ соприсяжницы, гладкія, статныя, какъ коровы яловыя.

Услышавъ насъ, Жанбиковъ прилетѣлъ-бы, подобно сѣрому орлу.

Послушавшись нашего славнаго родственника, мы не попали-бы въ такую бѣду.

Да молятся за насъ *гоныхепши* передъ золотыми воротами Кайтуковыхъ“ [6]).

VII.

Созырыхо, сынъ Коала.

Борьба силачей была въ старое, давнопрошлое время самымъ любимымъ народнымъ зрѣлищемъ. Она происходила всегда съ особенною торжественностью, при большомъ стеченіи народа, оповѣщеннаго заранѣе о днѣ состязанія; боролись на небольшихъ аренахъ, достаточныхъ только для борьбы, безъ помѣхи для обоихъ борцовъ. Арены эти устраивались въ формѣ квадрата, изъ брусьевъ, какъ строятся и теперь базы для загона буйволовъ, и назывались *пхашику*. Борьба никогда не оканчивалась благо-

---

Закавказья, заѣхать князь Амфоко, какъ къ пріятелю своему, также за подарками, но плѣненъ, не доѣзжая до него.

[4]) Такъ оплакивали въ старину князей.

[5]) Густой кустарникъ.

[6]) Въ домѣ Кайтуковыхъ князей были, говорятъ, какія то священныя двери, предъ которыми *гоныхепши* (заклинатели, жрецы) имѣли обыкновеніе обращаться съ своими мольбами къ богамъ.

получно. Побѣжденный или умиралъ, или получалъ увѣчье,—потому каждый силачъ старательно скрывалъ свою силу. Но князья, считавшіе въ то время борцовъ необходимою принадлежностью своей свиты и щеголявшіе ими другъ передъ другомъ, завербовывали въ свои борцы всякаго, какъ-нибудь опрометчиво выказавшаго свою силу или заподозрѣннаго въ ней, не брезгая для приманки ихъ никакими средствами. Чаще-же, говорятъ, борцы княжескіе были калмыки, которыхъ, какъ славившихся тогда своею силою, крали малолѣтними и воспитывали особеннымъ образомъ для этой цѣли. Вотъ, почему между теперешними узденями много такихъ, которые, говорятъ, происходятъ отъ такихъ калмыковъ, пожалованныхъ своими князьями за заслуги въ узденп.

Однажды князь Хатохшуко, родомъ изъ фамиліи *Хатохшоко* [1]) возвращаясь отъ князя Шужея, самаго могущественнаго въ то время князя, пользовавшагося первенствомъ, и который былъ изъ рода Мисостовыхъ, заночевалъ на хуторѣ, стоявшемъ на *Куркужинѣ* [2]). Одинъ старикъ съ этого хутора поѣхалъ на саняхъ по выпавшему въ тотъ день небольшому снѣгу на Малку, чтобы привезти проса. Къ тому времени, когда онъ переѣхалъ на обратномъ пути Куркужинъ, снѣгъ весь растаялъ и сани старика застряли у подъема на гору; быки его, какъ онъ ихъ ни понукалъ, не могли встащить на гору тяжело нагруженныя сани. Старикъ былъ въ отчаяніи, не зная, что дѣлать, и собирался уже поднять на себѣ мѣшки на гору. Въ это время, спустившись съ горы, подъѣхалъ къ нему одинъ всадникъ, въ черной черкескѣ, съ бѣлыми костяными газырями, съ оборванными рукавами, изъ которыхъ выказывались рукава бѣлаго бешмета, въ бѣлой шапкѣ и на бѣломъ небольшаго роста коротко-хвостомъ конѣ. Всадникъ этотъ, видя отчаянное, безпомощное положеніе старика, пожалѣлъ о немъ и сказалъ, что онъ выручитъ его, „но не раньше“, продолжалъ онъ, „какъ дашь мнѣ клятву, что ты, даже если-бы долженъ былъ подвергнуться смерти, не откроешь никому, какъ и кто выручилъ тебя“.—„Только выручи, *зіузсханъ*“, отвѣтилъ обрадованный старикъ, „готовъ я сдѣлать все, что ты ни пожелаешь“, и поспѣшилъ дать всаднику требуемую клятву. Тогда тотъ слѣзъ съ коня, выпрягъ быковъ и, взявшись за оглобли, быстро встащилъ сани на гору. „Ну, старичокъ, ѣзжай

[1]) Атажукина.

[2]) Рѣчка между Малкой и Баксаномъ.

теперь, куда тебѣ нужно, но только помни клятву, которую далъ; ты моня не знаешь и я тебя не знаю", сказалъ всадникъ и, сѣвъ на коня, поѣхалъ по дорогѣ къ аулу Хатохшуко, находившемуся на Малкѣ.

Какъ только старикъ вернулся на хуторъ, всѣ, удивляясь, какъ онъ вывезъ свои сани на гору, стали его распрашивать. Старикъ и самъ еще, вѣрно, не пришедшій въ себя отъ только что имъ видѣннаго, отвѣталъ: „не быки ихъ вывезли, а мужчина бравый!"—„Хорошъ мужчина", засмѣялись окружающіе, полагая, что онъ говоритъ о себѣ.—„Посмотрѣлъ-бы, какъ вы посмѣялись-бы, если-бъ я походилъ на того мужчину", возразилъ съ досадою старикъ, но тотчасъ-же спохватился, вспомнивъ свою клятву. Но было уже поздно. Князь Хатохшуко слышалъ весь этотъ разговоръ и, какъ давно уже искавшій себѣ борца, предположивъ, не поможетъ-ли ему этотъ случай, поспѣшилъ воспользоваться имъ. Отозвавъ въ сторону старика и застращавъ его, онъ понудилъ его, сперва отказывавшагося и увѣрявшаго, что сани вывезены однимъ его быками, безъ посторонней помощи, сознаться; но такъ-какъ старикъ не зналъ вовсе всадника, то объяснилъ только его примѣты. Хатохшуко по нимъ тотчасъ-же догадался, что это долженъ быть Коаловъ, про котораго давно уже ходилъ слухъ, что онъ силачъ, хотя тотъ упорно отвергалъ это, и что онъ, должно быть, поѣхалъ къ своему родственнику, Хусыну-Широконогому, который былъ тоже силачъ и, живя въ аулѣ Хатохшуко, состоялъ, однако, борцомъ у князя Шужея. Хатохшуко, замысливъ тутъ-же заставить Коалова сознаться въ своей силѣ и сдѣлать его своимъ борцомъ во что-бы то ни стало, поспѣшилъ вернуться домой, не говоря о томъ никому ни слова. На другой день ранехонько утромъ поѣхалъ онъ къ Хусыну-Широконогому и, замѣтивъ на землѣ возлѣ кунацкой слѣдъ ногъ гостя, выходившаго на разсвѣтѣ на дворъ, онъ, никого не тревожа, вошелъ прямо въ кунацкую, гдѣ, какъ и расчитывалъ, онъ засталъ Коалова, еще лежавшаго въ постели.

Замѣтивъ входившаго князя, Коаловъ вскочилъ, поспѣшно одѣлся и сталъ, въ ожиданіи, что скажетъ онъ. Князь, привѣтствуя его по обычаю, сказалъ: „Коаловъ, теперь уже безполезно скрываться тебѣ, я узналъ твою тайну. Не упорствуй, если не хочешь сдѣлать меня своимъ вѣчнымъ врагомъ, и согласись стать моимъ борцомъ". Коаловъ все-таки продолжалъ, какъ и прежде, отказываться, но, видя, наконецъ, что у князя есть улика, и

онъ не отстанетъ отъ него, не сдѣлавшись его врагомъ, сознался, что онъ имѣетъ, дѣйствительно, нѣкоторую силу, но поступитъ къ нему борцомъ только въ томъ случаѣ, если онъ, Хатохшуко, поклянется, что будетъ преданъ ему такъ-же, какъ онъ, Коаловъ, и не измѣнитъ и не покинетъ его, если-бы съ нимъ случилось какое-либо несчастіе. Хатохшуко далъ требуемую присягу. „Да принесетъ намъ обоимъ счастіе нашъ союзъ“, продолжалъ тогда Коаловъ, „теперь—я твой борецъ, и ты можешь заставить меня бороться съ кѣмъ и когда тебѣ угодно; отнынѣ я весь въ твоемъ распоряженіи. Но я попрошу тебя объ одномъ: если ты не хочешь, чтобъ я былъ побѣжденъ, то передъ тѣмъ какъ вывести меня на борьбу, корми меня втеченіи 15-ти сутокъ мясомъ овецъ, достигшихъ до второй осени; послѣ того уже я ручаюсь, что меня никто не одолѣетъ“. Князь охотно согласился на это.

Съ того времени Коаловъ, открыто заявивъ себя борцомъ, поселился у Хатохшуко, который заботливо за нимъ ухаживалъ и усердно кормилъ, согласно условія, мясомъ *бгабзъ*. Не замедлилъ, конечно, разнестись о томъ слухъ по всей Кабардѣ; дошелъ онъ и до князя Шужея, который, также точно какъ владѣлецъ хорошаго скакуна, прослышавъ о другомъ скакунѣ, не знаетъ покоя, пока не испытаетъ его силы, сталъ желать поскорѣе пустить своего борца въ состязаніе съ новопоявившимся. Далъ онъ о томъ знать князю Хатохшуко и затѣмъ назначили время и мѣсто, гдѣ должна была состояться борьба; стали дѣлать необходимыя приготовленія. Но въ самый день, назначенный для состязанія, Хатохшуко принужденъ былъ уѣхать по какому-то спѣшному дѣлу. Между тѣмъ Шужей, не вѣдая этого или не желая ради того пріостанавливать уже назначенной борьбы, прислалъ за Коаловымъ; но когда послѣдній не поѣхалъ съ его посланными, сказавъ, что князь его въ отсутствіи и не приказалъ ему вступать въ борьбу до его возвращенія, пріѣхалъ къ нему самъ Шужей и принудилъ его силой согласиться. Коаловъ попросилъ у него тогда, какъ милости, не выставлять противъ него родственника его Хусына-Шпроконогаго, съ которымъ онъ, ради родства, ихъ связывающаго [3]), не желалъ-бы бороться. Князь Шужей увѣрилъ его, что онъ заставитъ его бороться съ другимъ, именно съ Шогеномъ-Длиннымъ.

[3]) Они были сыновья отъ двухъ сестеръ.

Прибыли къ мѣсту, гдѣ была устроена арена и гдѣ уже собрался народъ. Впустили Коалова въ *пхашику*, а вскорости и Шогена-Длиннаго, который, схватившись съ Коаловымъ и немного повозившись съ нимъ, но видя, вѣроятно, что онъ его не одолѣетъ, или, быть можетъ, по сдѣланному заранѣе съ Шужеемъ соглашенію, воспользовался небольшимъ перерывомъ въ борьбѣ и, рванувшись изъ рукъ Коалова, скрылся съ арены. Въ ту-же минуту взошелъ на нее Хусынъ-Широкопогій. Увидѣвъ его, Коаловъ пріунылъ и сталъ упрекать его, что онъ согласился вступить въ борьбу съ нимъ, ссылаясь на то, что, какъ сохранено пѣснею, составленною про него: „хотя отцы ихъ не братья, но матери были сестры родныя“ и что имъ не слѣдовало-бы поэтому одинъ другому желать гибели. Но Хусынъ отвѣтилъ, что „подъ занесеннымъ уже мечомъ безполезно обращаться къ защитѣ *нана*“ [4]), и сталъ широко шагать по аренѣ, оглашая ее ревомъ и приглашая Коалова скорѣе вступить въ борьбу. „Да отвернется отъ тебя Богъ дружбы“, сказалъ тогда Коаловъ и, противъ воли, съ стѣсненнымъ сердцемъ, схватился съ Хусыномъ. Возились долго, и побѣда не склонялась замѣтно ни на чью сторону. Но вдругъ Коаловъ пошатнулъ сильно Хусына, и въ тотъ мигъ, когда онъ, казалось, только что долженъ былъ повалить его на землю, Шужей подскочилъ къ нимъ съ крикомъ: „стойте, вы не такъ взялись“, и остановилъ ихъ. Подойдя къ нимъ, будто съ цѣлью исправить, какъ они должны держаться, онъ взялъ ихъ за головы обѣими руками и, сблизивъ ихъ, быстро и незамѣтно опустилъ въ горло Коалова *хагяса* [5]), спрятанное въ его рукавѣ. Коаловъ сталъ уже тогда на половину мертвымъ, и когда Шужей отошелъ, Хусынъ безъ всякаго труда повалилъ своего соперника на землю, уже совсѣмъ мертваго. Напряженіе, съ какимъ слѣдили за борьбой, не дозволило никому изъ народа замѣтить лукавой продѣлки Шужея; всѣ, полагая, что Хусынъ одолѣлъ Коалова въ честной и правильной борьбѣ, разошлись, прославляя его силу. Продѣлку Шужея замѣтилъ только одинъ человѣкъ, ногаецъ, жившій конюхомъ у князя Хатохшуко, такъ-какъ онъ стоялъ у самаго *пхашику* и недалеко отъ мѣста, гдѣ были остановлены Шужеемъ борцы. Но могъ-ли онъ, ничтожный, безъ роду, безъ племени, идти противъ могущественнаго князя, „котораго наконечникъ копья былъ точно перед-

[4]) Матери.

[5]) Трехгранный тонкій и короткій ножикъ.

разсвѣтная звѣзда", какъ говорится въ пѣснѣ, „а длинный мечъ снималъ головы удалыхъ мужей!" До поры, до времени, и онъ счелъ за лучшее затаить въ себѣ то, что онъ видѣлъ.

Вернулся наконецъ и Хатохшуко. Узнавъ о смерти Коалова, онъ сильно опечалился и просиживалъ въ кунацкой цѣлые дни, горюя о своемъ борцѣ и не принимая почти никакой пищи. Ногаецъ-конюхъ, видя сильное горе Хатохшуко, рѣшился открыть ему истинную причину смерти Коалова. Между холопками Хатохшуко была у него одна пріятельница, быть можетъ, даже и любовница. Отправившись къ ней разъ вечеромъ, онъ сказалъ ей: „я имѣлъ несчастіе быть свидѣтелемъ одного дѣла и, оставаясь долѣе здѣсь, я этимъ призываю самъ свою гибель; поэтому, я эту-же ночь оставляю ваши края и уѣзжаю домой. Но передъ этимъ я хочу тебѣ открыть дѣло, котораго я былъ свидѣтелемъ, съ тѣмъ чтобы ты передала о немъ князю Хатохшуко. Ты—женщина, тебя никто не заподозритъ въ этомъ дѣлѣ". Затѣмъ онъ разсказалъ ей все, что видѣлъ въ день состязанія борцовъ, и потомъ продолжалъ: „одѣнься въ мужское платье, и въ сумерки, когда никого не будетъ въ кунацкой, кромѣ самого Хатохшуко, войди къ нему и скажи: а, князь, чѣмъ сидѣть здѣсь и тужить безъ пользы о смерти своего борца, ты навелъ-бы справки, побѣжденъ-ли онъ былъ въ честной борьбѣ и не убитъ-ли измѣнническимъ образомъ? Потомъ, не открывая ему себя и потребовавъ отъ него клятву, не разузнавать, кто ты, разскажи ему все, что я передалъ теперь тебѣ, а въ заключеніе объяви, что пусть онъ раскопаетъ могилу Созырыха и если найдетъ въ его груди хагяса, то это да послужитъ ему доказательствомъ твоихъ словъ". Согласившись исполнить просьбу конюха, женщина, дѣйствительно, на другой день одѣлась въ мужское платье и пошла въ кунацкую Хатохшуко, когда наступили сумерки. Выбравъ время, когда Хатохшуко остался одинъ, она вышла на середину кунацкой и сказала ему: „князь, если позволишь, я хочу тебѣ сообщить кое-что; узнавши то, что я тебѣ открою, ты не будешь болѣе сидѣть, тужа напрасно о смерти Коалова". Тогда Хатохшуко спросилъ, кто онъ такой и что имѣетъ открыть. „Я простаго происхожденія молодой человѣкъ, который не можетъ быть извѣстенъ тебѣ; но если ты меня увѣришь, что не будешь стараться узнать, кто я, то открою тебѣ нѣчто важное объ убійствѣ Коалова. Почитая его убитымъ въ честной борьбѣ, ты ошибаешься", сказала она, и затѣмъ, получивъ желаемое удостовѣреніе,

разсказала все сообщенное ей конюхомъ. „Если желаешь увѣриться въ справедливости моего разсказа, то раскопай могилу Созырыха и, найдя хагяса въ его груди, долженъ повѣрить мнѣ“, заключила она; потомъ, быстро выйдя изъ кунацкой, прибѣжала она домой, переодѣлась въ свое платье и принялась за свои обычныя работы.

Пораженный только-что сообщеннымъ ему и не рѣшаясь окончательно повѣрить словамъ непзвѣстнаго ему человѣка, Хатохшуко задумалъ отчаянное дѣло—раскопать могилу Созырыха и осмотрѣть его трупъ. Взявъ шесть человѣкъ изъ самыхъ преданныхъ ему молодыхъ людей, онъ отправился въ полночь на кладбище и, отыскавъ могилу Коалова, велѣлъ ее разрыть. Когда достали трупъ, онъ вскрылъ его грудь и, дѣйствительно, нашелъ хагяса. Тогда Хатохшуко, передъ трупомъ своего борца, принесъ торжественную клятву, что отнынѣ онъ не будетъ имѣть отдыха и покоя, пока не отомститъ за смерть его; потомъ, велѣлъ обратно закопать его, вернулся домой съ хагяса, который отнынѣ долженъ былъ не разлучаться съ нимъ и напоминать объ его клятвѣ.

Теперь вопросъ состоялъ въ томъ, какъ отомстить? Шужей былъ храбръ, силенъ, отлично владѣлъ оружіемъ и никогда не могъ быть захваченъ врасплохъ. На такого мужа, помимо того что онъ, какъ бывшій тогда въ силѣ, всегда былъ окруженъ избранными наѣздниками, готовыми мстить за него, было слишкомъ рисковано напасть и одинъ на одинъ. Не придумавъ самъ ничего годнаго, Хатохшуко рѣшился обратиться за совѣтомъ къ князю Адагико, который, какъ бывавшій въ своей молодости въ немалыхъ передрягахъ, могъ подать ему полезный совѣтъ и выручить изъ затрудненія.

Поѣхалъ онъ къ нему и, говоря, что, какъ къ старшему въ ихъ родѣ, онъ обращается къ нему съ просьбою выслушать его дѣло, обсудить его и дать ему какой-либо совѣтъ, разсказалъ затѣмъ оскорбленіе, нанесенное ему Шужеемъ, и клятву, которую онъ далъ объ отомщеніи ему. „Теперь я не знаю, какой путь избрать, чтобы достигнуть своей цѣли, именно—убить Шужея, и прошу тебя пособить мнѣ въ этомъ“, заключилъ Хатохшуко. Адагико и самъ ненавидѣлъ Шужея, забравшаго въ свои руки всю власть и значеніе, и потому высказалъ готовность помочь всѣмъ, что въ его силахъ. „Надобно“, сказалъ онъ, немного подумавъ, „прежде всего узнать, можешь-ли ты одолѣть

его силою. Я укажу тебѣ средство, какъ это узнать. Если-же окажется, что онъ сильнѣе тебя, тогда нужно будетъ прибѣгнуть къ какой-нибудь хитрости. Чтобы узнать силу Шужея, сдѣлай слѣдующее: возьми моего коня дадіановскаго [6]), постарайся найти гдѣ-либо Шужея пѣшимъ—и тогда, въ видѣ шутки, попробуй, можешь-ли грудью коня своего пошатнуть или сдвинуть его съ мѣста. Если ты достигнешь этого, то можешь надѣяться, что побѣдишь его силой; въ противномъ-же случаѣ, пріѣзжай ко мнѣ,—нужно будетъ тогда прибѣгнуть къ какой-либо хитрости". Хатохшуко, съ конемъ Алагико, вернулся домой. Въ скоромъ времени представился и случай испробовать совѣтъ Алагико. На одномъ бражничаньи оказались вмѣстѣ и Шужей и Хатохшуко. Когда бражничанье подошло къ концу, Шужей вышелъ на дворъ и сѣлъ на сложенныя возлѣ плетня брусья; за нимъ послѣдовалъ и Хатохшуко, не забывавшій своего намѣренія. Видя, что Шужей сѣлъ, и онъ также сѣлъ на дадіановскаго коня, подъѣхалъ къ Шужею и, натянувъ поводья, сталъ противъ него,—сказавъ шутя: „становись противъ моего коня, Шужей, если ты мужчина съ усами,—испытай его доблесть!" Шужей, подойдя къ нему и говоря: „развѣ подобаетъ мужчинѣ ѣздить на такомъ безсильномъ конѣ", толкнулъ ладонью въ грудь коня и осадилъ его въ лужу воды, находившуюся сзади. Хатохшуко вернулся домой, пристыженный. Недолго медля, поѣхалъ онъ снова къ Алагико и, возвративъ ему коня, сказалъ, какъ онъ былъ позорно пораженъ. „Въ такомъ случаѣ открытою силою ты не побѣдишь его", сказалъ Алагико, „надобно найти случай, когда онъ будетъ одинъ, и напасть на него неожиданно, такъ, чтобы онъ былъ лишенъ возможности защищаться. Но оба эти обстоятельства вмѣстѣ могутъ встрѣтиться тебѣ послѣ того, какъ ты заслужишь полную его довѣренность. Укажу тебѣ средство, какъ и этого достигнуть. На народномъ какомъ-либо сборищѣ, или въ присутствіи нѣсколькихъ лицъ, мы, по какому-либо простому поводу, поговоримъ съ тобою крупно и разойдемся, такъ, чтобы присутствующіе могли подумать, что мы съ тобою поссорились навсегда; вслѣдъ затѣмъ я велю пригнать восемь быковъ изъ-подъ твоего плуга и зарѣжу ихъ; ты послѣ того вели также угнать восемь моихъ быковъ и зарѣжь. Потомъ поѣзжай къ Шужею и скажи, что ты пріѣхалъ къ нему просить защиты его противъ моихъ

[6]) У него былъ извѣстный конь, подаренный ему Дадіаномъ.

притѣсненій, что я поссорился съ тобою изъ-за пустяковъ, велѣлъ угнать и зарѣзать твоихъ восемь быковъ, что и ты сдѣлалъ тоже самое, но что теперь опасаешься, не рѣшусь-ли я противъ тебя на что-либо худшее. Шужей обрадуется и не упуститъ случая повредить мнѣ; но прежде чѣмъ рѣшиться на что-либо, онъ потребуетъ отъ тебя клятвы въ томъ, что говоришь правду и что ты ему не измѣнишь. Когда дашь ему требуемую клятву, онъ не будетъ уже остерегаться тебя и ты легко найдешь послѣ того случай убить его". Рѣшили немедленно приступить къ исполненію составленнаго плана. Въ тотъ-же день, обсуждая какое-то незначительное дѣло аульное, Хатохшуко и Алагико такъ крупно между собой поговорили, что „дошли даже до попрековъ другъ друга въ мужествѣ"; даже вмѣшательство присутствовавшихъ примирить ихъ было безуспѣшно, — и Хатохшуко уѣхалъ отъ Алагико, по-видимому, сильно на него разсерженный. На другой-же день Алагико послалъ забрать отъ плуга Хатохшуко восемь быковъ, пригнать ихъ и зарѣзать. Какъ только дали о томъ знать Хатохшуко, и онъ сдѣлалъ тоже самое; но вслѣдъ затѣмъ поѣхалъ къ Шужею, которому и разсказалъ дѣло свое такъ, какъ его научилъ Алагико. Шужей слышалъ уже о размолвкѣ, между ними происшедшей, и потому легко повѣрилъ желанію Хатохшуко вступить съ нимъ въ союзъ противъ Алагико. Но все-таки, какъ предвидѣлъ Алагико, Шужей потребовалъ отъ Хатохшуко присяги на вѣрность ему. „Я вѣрю тому, что ты поссорился съ Алагико и желаешь теперь ему всякаго зла, но я все-таки не рѣшусь открыто стать на твою сторону до-тѣхъ-поръ, пока ты меня не увѣришь клятвой, что, во-первыхъ, не примиришься съ нимъ безъ моего вѣдома и, во-вторыхъ, что пока мы будемъ преслѣдовать одну цѣль, ты будешь преданъ и вѣренъ мнѣ, какъ родной братъ; я, съ своей стороны, дамъ тебѣ такую-же клятву", сказалъ Шужей. Когда Хатохшуко изъявилъ готовность дать требуемую клятву, онъ и Шужей рѣшили поѣхать въ *Татартупъ* [7]) и тамъ преломить стрѣлу, что признавалось тогда за самую сильную клятву.

Взявъ по одному только прислужнику, такъ-какъ не подобало разглашать слишкомъ о дѣлѣ, по которому ѣхали, отправились они въ Татартупъ. Какъ только прибыли туда, слѣзли съ лошадей, и Шужей и Хатохшуко, выпувъ каждый по одной

---

[7]) Извѣстная башня, возлѣ ст. Змѣйской.

стрѣлѣ, подошли къ Татартупу. Шужей первый принесъ присягу, сказавъ: „съ этого дня я буду относиться къ Хатохшуко, какъ къ любимому родному брату, считать его враговъ и друзей также своими врагами и друзьями“, и преломилъ стрѣлу. Затѣмъ присягнулъ и Хатохшуко, но только сказавши: „клянусь и я не измѣнять разъ уже мной сказанному“. Не замѣчая двусмысленности присяги Хатохшуко, Шужей, по окончаніи обряда, обнялъ Хатохшуко, говоря, что они отнынѣ должны считать себя за братьевъ, и потомъ поѣхали назадъ. Доѣхавъ до холма, находящагося почти посединѣ между рр. Чегемомъ и Баксаномъ, немного спустя послѣ восхода солнца, они остановились на этомъ холмѣ покормить лошадей. По прошествіи нѣкотораго времени, Хатохшуко спросилъ Шужея, дремавшаго лежа на буркѣ: „Какъ ты думаешь, Шужей, ближе-ли этотъ холмъ къ Баксану или Чегему?“ Шужей сказалъ, что онъ ближе къ Чегему, Хатохшуко-же — что онъ, напротивъ, ближе къ Баксану. „Впрочемъ, если ты согласенъ, можно будетъ рѣшить это сейчасъ“, продолжалъ Хатохшуко: „пошлемъ нашихъ товарищей одновременно, твоего въ Чегемъ, а моего въ Баксанъ; кстати, у меня жажда, такъ они привезутъ огурцовъ и вернутся; судя по тому, кто изъ нихъ раньше вернется, мы узнаемъ, къ которой изъ рѣкъ ближе холмъ“. Получивъ согласіе Шужея, Хатохшуко отправилъ обоихъ прислужниковъ, приказавъ своему, тайно, чтобы онъ, скрывшись изъ виду, поѣхалъ-бы вскачь и вернулся скорѣе. Хатохшуко такимъ образомъ остался одинъ съ Шужеемъ, который все продолжалъ дремать. Немного погодя послѣ отъѣзда прислужниковъ, Хатохшуко, ходившій по холму, подошелъ къ Шужею и нагнулся за мечомъ Шужея, лежавшимъ около него, говоря: „Шужей, что лучше—рубить или колоть мечомъ?“ и вынулъ его изъ ноженъ, какъ-бы съ цѣлью разсмотрѣть его. Шужей, все лежа, отвѣтилъ, что надѣющійся на себя мужчина будетъ имъ рубить, трусу-же лучше колоть. „Хорошо-же“ подумалъ Хатохшуко и, давъ Шужею снова вздремнуть, сталъ прямо противъ его головы и ловкимъ ударомъ разрубилъ ее пополамъ. Встрепенувшись и сжавъ одною рукою обѣ половины разрубленной головы, Шужей кинулся къ своему оружію, но не найдя на мѣстѣ своего меча и не имѣя уже силъ что-либо болѣе сдѣлать, сжалъ обѣими руками свою голову и, пригнувшись къ камнямъ, заплакалъ. Хатохшуко, стоявшій возлѣ, сказалъ тогда: „а, Шужей, не подобало-бы такому славному мужу, какъ ты, плакать оттого, что уми-

раешь". — „Я плачу не оттого, что умираю, но плачу потому только, что люди могутъ подумать, что въ открытой и честной борьбѣ убилъ ты меня", отвѣтилъ Шужей.—„Въ такомъ случаѣ я обѣщаю тебѣ, что разскажу, какъ я убилъ тебя, не скрывая ничего", сказалъ Хатохшуко. Какъ только затѣмъ умеръ Шужей, Хатохшуко прикрылъ его буркой, вытянувъ ему, какъ слѣдуетъ, руки и ноги. Потомъ, приказавъ вернувшемуся своему товарищу ѣхать по дорогѣ въ Кишбекъ, съ тою цѣлію, что если-бы вскорѣ собралась какая погоня, то она, принявъ за него товарища, погналась-бы за нимъ, самъ поѣхалъ на находившійся невдалекѣ пчельникъ. Жившему тамъ старику онъ приказалъ запречь арбу. Легши въ нее и накрывшись буркою, онъ велѣлъ везти себя къ дому Кудинетовыхъ, жившихъ на Чегемѣ, которые, какъ аталыки Шужея, могли-бы мстить князю Хатохшуко. Предъ тѣмъ онъ объяснилъ подробно старику, что̀ дѣлать и говорить, какъ дорогою, при встрѣчѣ съ товарищемъ Шужея, такъ и въ домѣ Кудинетовыхъ, пригрозивъ истребить его съ семействомъ, если онъ не исполнитъ въ точности все, что ему сказано. Встрѣтивъ возвращавшагося товарища Шужея, старикъ спросилъ его, не онъ-ли товарищъ Шужея, и, получивъ утвердительный отвѣтъ, сказалъ: „ну, такъ возвращайся назадъ и пошли скорѣе погоню за его убійцею, княземъ Хатохшуко, который поѣхалъ по дорогѣ въ Кишбекъ; Шужея-же нѣтъ въ живыхъ, вотъ трупъ его, я везу его къ Кудинетовымъ". Товарищъ Шужея вернулся вскачь въ аулъ, гдѣ, узнавши о несчастіи, тотчасъ-же собралась погоня и кинулась за товарищемъ Хатохшуко, принятымъ такимъ образомъ за него самого. Между тѣмъ подъѣхалъ къ дому Кудинетовыхъ и старикъ. Вынувъ изъ арбы и внеся въ большую саклю [8]), положили на полу возлѣ дверей князя Хатохшуко, котораго приняли, конечно, за трупъ Шужея. Какъ только подошла къ нему и открыла конецъ бурки, чтобъ взглянуть на него и оплакать, мать Кудинетовыхъ, кормившая Шужея,—Хатохшуко вскочилъ и, безъ труда доставъ груди испуганной старухи, приложился къ нимъ. Потомъ, сказавъ: „какъ Шужей, и я приложился къ твоимъ грудямъ, потому и меня, какъ его, ты должна считать своимъ сыномъ", отпустилъ ея груди и сталъ передъ нею, говоря, что она вольна теперь дѣлать надъ нимъ за его преступленіе, что ей угодно. „Знаетъ Богъ, какъ я не желала-бы видѣть тебя въ этомъ домѣ, послѣ того что тобой совершено; но если

[8]) Сакля, гдѣ вообще помѣщается госпожа дома.

такъ случилось, значитъ—то было угодно Богу, а что угодно Богу, то должно быть и хорошо", сказала старуха и увѣрила Хатохшуко, что она отнынѣ будетъ и его признавать за сына. Когда погоня вернулась, сыновья старухи, узнавъ, что Хатохшуко у нихъ въ домѣ, потребовали, чтобы она выдала имъ его. Но мать ихъ возразила, что онъ, пососавъ у ней грудь, сталъ такимъ-же сыномъ ея, какъ они, и что она, какъ не могла-бы своими руками отдать на погибель никого изъ нихъ, такъ не дозволитъ убить и Хатохшуко, иначе, какъ добравшись до него по ея трупу. Послѣ этого Кудинетовы должны были примириться съ Хатохшуко, признавъ его такимъ-же каномъ, какъ и Шужея. Говорятъ, что подробности убійства Шужея разсказалъ самъ Хатохшуко, какъ онъ обѣщалъ то ему передъ смертью. Это должно было наложить пятно на его имя, но онъ все-таки разсказалъ, ради того только, чтобы сдержать свое слово, которому онъ, говорятъ, никогда не измѣнялъ; убійство-же имъ Шужея, послѣ данной у Татартупа клятвы, не считаютъ клятвопреступленіемъ, такъ-какъ онъ присягнулъ не измѣнить обѣщанію, имъ прежде данному, что относилось къ клятвѣ его въ томъ, чтобы отомстить за смерть Коалова, чему онъ, дѣйствительно, и не измѣнилъ [9]).

VIII.

Гоаша-Махо [1]).

Были два сверстника, оба по имени Гетагажъ, по фамиліи-же, одинъ Хырцыжевъ, другой Хырзаговъ. Хотя первый былъ житель Убыха, а второй абадзехъ, но они, славясь одинаково своими доблестями, были пріятели, поклявшіеся другъ другу въ неизмѣнной дружбѣ. У обоихъ не было ничего завѣтнаго другъ для друга и каждый изъ нихъ врага или пріятеля другого также почиталъ и своимъ.

[9]) Курганъ, на которомъ убитъ Шужей, называется и теперь Шужеевымъ курганомъ.

[1]) Помимо извѣстности, заслуженной ею бывшимъ съ ней приключеніемъ, она, говорятъ, славилась повсюду, какъ красивая, умная, рукодѣльная и съ хорошими манерами дѣвушка.

Разъ Хырцыжевъ пріѣхалъ къ своему другу въ его отсутствіе, но такъ-какъ онъ былъ принятъ въ его домѣ, какъ родной, то и пошелъ въ *большую* саклю, къ матери Хырзагова. Старуха, любившая пріятеля своего сына, какъ его самого, обрадовалась ему и, усадивъ его къ огню, угостивъ, стала жаловаться ему, что сынъ ея рѣдко бываетъ дома, не думаетъ вовсе, видно, о томъ, чтобы завести осѣдлость [2]), а что она, между тѣмъ, стара и не можетъ уже исправно вести большое хозяйство своего сына; что у него нѣтъ ни братьевъ, ни сестеръ, и что, въ случаѣ ея смерти, чего—по ея лѣтамъ—нельзя не ожидать каждую минуту, при такой бродячей жизни сына, хозяйство его, оставшись безъ надежнаго присмотра, дойдетъ до того, что онъ не въ состояніи будетъ прилично принять, кого-бы пожелалъ. Жалобы свои старуха заключила, наконецъ, просьбою къ Хырцыжеву, чтобы онъ уговорилъ сына ея жениться; что она сама не хочетъ выбирать для него невѣсту, а предоставляетъ это ему, такъ-какъ не ей, а ему съ ней жить, но что она одного настоятельно требуетъ, именно, чтобы онъ, если желаетъ успокоить ее, женился-бы еще на ея глазахъ. Хырцыжевъ, находя справедливыми жалобы старухи, обѣщалъ ей поговорить съ ея сыномъ, какъ только онъ вернется, и отказаться даже отъ его дружбы, если онъ не исполнитъ ея требованія.

Черезъ день или два возвратился и Хырзаговъ. Выбравъ время, Хырцыжевъ передалъ своему пріятелю просьбу его матери и отъ себя также сталъ ему совѣтовать завести осѣдлость, находя, что отлагать это не слѣдуетъ. Хырзаговъ отвѣтилъ, что онъ не имѣетъ ничего противъ такого желанія матери, и если до сего времени не приступалъ къ женитьбѣ, такъ это потому, что мать его ограничивалась до-сихъ-поръ только одними намеками; что никакой дѣвушки онъ не имѣетъ въ виду; но чтобы доставить удовольствіе своей матери, успокоить ее, онъ не только готовъ жениться, но и проситъ ее сосватать ему дѣвушку, какую она найдетъ болѣе подходящею. Хырцыжевъ обрадовалъ старуху, передавъ ей отвѣтъ ея сына; но она рѣшительно отказалась отъ выбора невѣсты, говоря, что хотя это и принято, но что она уже стара и должна прожить со своею невѣсткою не столько, сколько ея сынъ. Видя, что ни мать, ни сынъ не имѣютъ въ виду никакой невѣсты, и что поэтому они примутъ,

[2]) Жениться; Хырзаговъ, какъ и Хырцыжевъ, не былъ женатъ.

вѣроятно, съ признательностью его предложеніе выручить ихъ изъ этого затрудненія, Хырцыжевъ сказалъ, что въ ихъ краѣ есть одна очень достойная дѣвушка, и что если ни мать, ни сынъ не находятъ ничего противъ этого возразить, то онъ надѣется безъ труда устроить это дѣло. Какъ мать, такъ и сынъ отвѣтили, что они безъ всякой опаски довѣряются выбору такого испытаннаго друга. Тогда оба пріятеля, не медля, уѣхали изъ дому и прибыли въ аулъ къ Хырцыжеву, гдѣ жила и дѣвушка. На другой день Хырцыжевъ пошелъ въ домъ дѣвушки и, оставшись съ ея братьями наединѣ, сказалъ, что его хорошій пріятель, Хырзаговъ, пріѣхалъ сватать ихъ сестру; что онъ, какъ они, вѣроятно, уже и слышали, такой мужчина, родства съ которымъ надо искать, и что они сдѣлаютъ большое одолженіе, отдавши за него свою сестру и ему, Хырцыжеву, такъ-какъ онъ указалъ ему ихъ сестру и принялъ на себя устроить это дѣло. Братья *Гоаша-Махо* [3]) отвѣтили, что давно слышатъ о Хырзаговѣ, какъ о самомъ достойномъ человѣкѣ, но если-бы они его и вовсе не знали, то для нихъ довольно и одного его, Хырцыжева, сватовства. „Но“, продолжали они, „сестра наша, какъ единственная дочь у нашихъ родителей, выросла, не зная никакихъ препонъ своей волѣ, а такъ-какъ она уже не разъ ставила насъ въ большое затрудненіе, отказывая, не смотря на всѣ наши угрозы и просьбы, многимъ искателямъ ея, которымъ мы давали слово выдать ее, то дали мы клятву не вмѣшиваться болѣе въ ея сватовство и дозволить ей выйти замужъ, за кого она пожелаетъ. Сестра наша относится къ тебѣ, какъ къ брату, поговори самъ съ ней; если она будетъ согласна, то мы будемъ очень рады породниться съ Хырзаговымъ“. Хырцыжевъ, знавшій хорошо, что сказанное ему братьями правда и не есть предлогъ не принять его сватовства, рѣшился попытаться, не уговоритъ-ли онъ Гоаша-Махо выйти за предлагаемаго имъ жениха, и отправился къ ней. „Гоаша-Махо“, сказалъ онъ ей, „ты меня знаешь не съ сегодняшняго дня и, надѣюсь, можешь повѣрить, что я не желаю тебѣ зла. Тебя сватаетъ одинъ человѣкъ, который, по моему, вполнѣ тебя достоинъ. Я говорилъ съ твоими братьями, но они направили меня къ тебѣ, сказавъ, что не хотятъ уже вмѣшиваться въ выборъ тебѣ мужа, хотя были-бы рады, чтобъ ты вышла замужъ за того, который поручилъ мнѣ свое дѣло. Сва-

[3]) Имя дѣвушки.

таетъ тебя мой хорошій пріятель — Гетагажъ-Хырзаговъ. Если-бы даже я и не принялъ на себя его дѣла и не былъ-бы онъ моимъ пріятелемъ, то и тогда, узнавъ, что онъ сватаетъ тебя, я посовѣтовалъ-бы тебѣ выйти за него; теперь-же я прошу тебя не упускать такого случая. Хырзаговъ имѣетъ хорошія средства, и кромѣ старухи-матери, которая любитъ его, какъ единственнаго своего сына, и потому будетъ носить на рукахъ избранную имъ жену, у него въ домѣ нѣтъ никого, такъ-что ты будешь тамъ полною госпожею. Кромѣ того, я-бы совѣтовалъ тебѣ подумать также о томъ, что Хырзаговъ одинъ изъ извѣстнѣйшихъ наѣздниковъ во всемъ нашемъ краѣ и что, отказывая ему, ты отгонишь отъ себя многихъ достойныхъ женіховъ. Ты прославилась вездѣ, какъ хорошая, достойная дѣвушка, потому изъ равныхъ тебѣ по происхожденію рѣшаются сватать тебя только имѣющіе за собою какія-либо заслуги; но и они, слыша постоянно объ отказахъ твоихъ достойнымъ людямъ, подумаютъ, что ты не намѣрена выходить за равнаго тебѣ, а мѣтишь въ княгини или султанши, и отстранятся отъ тебя". Гоаша-Махо сидѣла долго, послѣ того какъ Хырцыжевъ пересталъ говорить, молча, съ поникшею головою; наконецъ она сказала: „я отказывала досихъ-поръ сватавшимъ меня женихамъ, не потому что я находила ихъ не достойными себя или желала-бы выйти за князя или хана, но только потому что считала возможнымъ не торопиться еще выходомъ замужъ; однако, изъ откровенныхъ твоихъ словъ вижу, что причина моихъ отказовъ не понята и можетъ быть истолкована во вредъ мнѣ: оставаться на шеѣ своихъ братьевъ забытою всѣми старою дѣвою не должно быть заманчиво. Не доживши до этого и имѣя еще возможность выбирать, я соглашаюсь на твое предложеніе и вполнѣ довѣряюсь твоему выбору. Скажи объ этомъ моимъ братьямъ и пусть они уговариваются съ тобою о чемъ найдутъ нужнымъ, я-же даю тебѣ слово выйти за предложеннаго тобой жениха и не измѣню своему слову".

Послѣ-того-какъ Хырцыжевъ объявилъ о согласіи Гоаша-Махо ея братьямъ, не замедлили сдѣлать *накяхъ* [4]) и уговориться на счетъ калыма. Когда братья объявили, что ихъ обыкновенный *уаса* [5]) состоитъ въ трехстахъ *головахъ* [6]), Хырза-

---

[4]) Обрядъ вѣнчанія, который скорѣе можно-бы назвать обрученіемъ и который состоитъ въ томъ, что мулла соединяетъ руки довѣренныхъ жениха и невѣсты и прочитываетъ извѣстныя молитвы.

[5]) Калымъ; буквально—цѣна. [6]) Отдѣльныя штуки чего-бы то ни было.

говъ, не возражая нисколько, сказалъ, что онъ калымъ этотъ приготовитъ и внесетъ, не возвращаясь домой, найдя его здѣсь, въ этомъ краѣ, между своими знакомыми. Объѣздивши вмѣстѣ съ Хырцыжевымъ своихъ знакомыхъ втеченіи недѣли или двухъ, Хырзаговъ вернулся, и, когда стали считать собранное имъ, оказалось, что оно составляетъ болѣе трехсотъ головъ. Но Хырзаговъ не принялъ назадъ излишка и отдалъ его роднымъ невѣсты, говоря: „если оказался излишекъ, то все-же онъ собиралъ его не для того, чтобы брать назадъ“... Затѣмъ Хырзаговъ потребовалъ, чтобъ они, получивши то, что имъ слѣдовало, отдали-бы и ему слѣдуемое, т. е. его жену. Но братья стали просить, чтобы онъ дозволилъ оставить ее еще на мѣсяцъ или два; что хотя гость всегда готовъ, но хозяинъ не готовъ во всякую минуту принять гостя; что сестра ихъ не отправляется переночевать гдѣ-либо у сосѣдей, а идетъ въ дальній край, гдѣ не знаютъ ея рода, и что поэтому было-бы неприлично отпустить ее въ такомъ видѣ, который недостоинъ ни его, ни ихъ. Рѣшили оставить ее въ домѣ родныхъ на два мѣсяца, чтобъ они могли достойнымъ образомъ одѣть ее.

По прошествіи недѣли или двухъ, когда разнеслась вѣсть, что Гоаша-Махо засватана за Хырзагова, при посредствѣ Хырцыжева, сверстники послѣдняго стали удивляться ему, какъ онъ могъ уступить такую рѣдкую дѣвушку, хотя-бы даже своему лучшему другу: развѣ онъ врагъ себѣ, и когда онъ еще дождется другой такой дѣвушки, какъ Гоаша-Махо! Внушенія эти не остались безъ дѣйствія. Скоро Хырцыжевъ пожалѣлъ о потерѣ для себя такой невѣсты, а за сожалѣніемъ послѣдовала мысль о томъ, нельзя-ли какъ-либо возвратить ее. Къ Гоаша-Махо онъ былъ вхожъ съ давняго времени, былъ съ ней въ очень хорошихъ отношеніяхъ и зналъ, что онъ имѣетъ на нее вліяніе; поэтому онъ рѣшился попытаться, нельзя-ли будетъ убѣдить ее отказать Хырзагову. Начавъ посѣщать ее чаще прежняго, онъ пользовался каждымъ представлявшимся случаемъ, чтобы приготовить ее исподоволь къ тому, что самъ замыслилъ; говорилъ ей обиняками, что теперь, когда она должна достаться другому, онъ понялъ, какъ она ему дорога; что онъ сожалѣетъ, что поступилъ такъ опрометчиво... Гоаша-Махо на подобные намеки отвѣчала обыкновенно молчаніемъ; когда-же они дѣлались слишкомъ прозрачными, она останавливала его простымъ замѣчаніемъ, что онъ-бы долженъ стыдиться говорить ей теперь по-

добныя вещи. Такой отпоръ дѣвушки еще болѣе укрѣпилъ Хырцыжева въ его намѣреніи. Выбравъ удобное время, онъ прямо уже заявилъ ей, что хотя Хырзаговъ и хорошій его пріятель, но своя рубашка ближе къ тѣлу; что, понявъ теперь, какъ она ему дорога, и раскаявшись, что уговаривалъ ее идти за другого, онъ проситъ ее теперь забыть Хырзагова и идти за него, Хырцыжева. Но Гоаша-Махо поспѣшила остановить его, сказавъ: „пополощи свой ротъ, не изъ твоихъ-бы устъ слышать мнѣ подобныя рѣчи! Я постараюсь забыть ихъ теперь-же; сдѣлай и ты тоже самое и не говори мнѣ болѣе никогда такихъ рѣчей; ты знаешь, что вышедшее изъ однихъ устъ входитъ во сто другія, и твои предложенія легко могутъ дойти до твоего друга, такъ-что, не достигши своей цѣли, ты только потеряешь хорошаго друга, да и мнѣ повредишь“. Но Хырцыжевъ не такой былъ человѣкъ, чтобы его можно было такъ легко заставить отказаться отъ разъ задуманнаго. На другой-же день онъ возобновилъ свою просьбу еще съ большею силою. Хырцыжевъ, говорятъ, былъ гораздъ говорить; соблазнить-же дѣвушку не особенно трудно для всякаго мужчины. Немудрено, поэтому, что Хырцыжевъ, употребивъ всю силу своего краснорѣчія, успѣлъ вынудить у Гоаша-Махо согласіе на его предложеніе. Но и тутъ она отказалась сама добровольно предаться ему въ руки. Боясь допустить молву о томъ, что она бѣжала по своему желанію, она потребовала, чтобы онъ „выломалъ дверь ея сакли“ и насильно, ворвавшись къ ней, увезъ-бы ее. Хырцыжевъ согласился; назначили и ночь, когда привести это въ исполненіе.

Между-тѣмъ, какъ предвидѣла Гоаша-Махо, происходившее между нею и Хырцыжевымъ не осталось тайной. Однажды, ночью, около *джасы* [7]), къ кунацкой Хырзагова подъѣхалъ всадникъ, закутанный въ бурку и башлыкъ, такъ что нельзя было примѣтить его лица. У вышедшихъ по зову его людей онъ спросилъ, дома-ли Хырзаговъ, и просилъ выслать его къ нему. Взявъ въ руки пистолетъ, Хырзаговъ вышелъ къ нему и, привѣтствуя, просилъ его слѣзть съ коня и зайти въ кунацкую. Но тотъ отказался, говоря, что спѣшитъ и заѣхалъ къ нему съ важными вѣстями. Потомъ, отведя его въ сторону, сказалъ: „лучшій другъ, въ котораго ты вѣрилъ болѣе, чѣмъ въ роднаго брата, измѣнилъ тебѣ. Я навѣрное знаю, что Хырцыжевъ убѣдилъ засва-

[7]) Молитва передъ отходомъ ко сну.

танную тобой дѣвушку бѣжать съ нимъ и что между ними уже условлено и время, когда привести это въ исполненіе. Вотъ, что я имѣлъ сообщить тебѣ; теперь твое дѣло рѣшить—что дѣлать". И онъ повернулъ коня, чтобы уѣхать. Но Хырзаговъ остановилъ его, взявшись за уздечку, и просилъ его сказать, кто онъ такой и какъ онъ могъ узнать объ этомъ. Всадникъ отказался отвѣтить на это, говоря: „къ чему тебѣ знать меня? если вѣришь мнѣ, то поторопись взять свою жену; для ея родныхъ не должно быть особенной разницы, возьмешь-ли ты ее нѣсколькими недѣлями раньше или позже; если-же не вѣришь—мое имя тебя не убѣдитъ, а моя совѣсть все-таки будетъ спокойна, что я исполнилъ свой долгъ, такъ-какъ я считаю постыднымъ, чтобы такого славнаго мужа обманули такъ гнусно". Тогда Хырзаговъ отпустилъ его, оттолкнувъ отъ себя голову его коня и сказавъ: „если не желаешь открыть своего имени, то ты—гнусный обманщикъ и трусъ, и я сочту стыдомъ повѣрить твоимъ наговорамъ".—„Какъ знаешь, такъ и дѣлай", отвѣтилъ всадникъ и, ударивъ коня плетью, скрылся въ темнотѣ. Въ сердце Хырзагова закралось, однако, подозрѣніе, хотя онъ отвѣтилъ неизвѣстному доносчику такъ самоувѣренно. „Какъ знать, что скрывается въ душѣ у человѣка", подумалъ онъ и тотчасъ-же, осѣдлавъ коня, поѣхалъ къ Хырцыжеву. Какъ только вошелъ онъ въ кунацкую, Хырцыжевъ кинулся къ нему съ распростертыми объятіями, говоря: „какъ я радъ тебя видѣть, какая счастливая мысль побудила тебя пріѣхать!", и принялъ его, еще радушнѣе, чѣмъ обыкновенно. Но Хырзаговъ, холодно отстранивъ его ласки и не соглашаясь снимать съ себя оружіе, сказалъ, что прежде необходимо переговорить съ нимъ объ одномъ спѣшномъ дѣлѣ, и вызвалъ его изъ кунацкой. Тутъ Хырзаговъ объявилъ Хырцыжеву: „мы поклялись другъ другу быть родными братьями, не измѣнять и не имѣть ничего завѣтнаго другъ для друга; я остаюсь вѣрнымъ этой клятвѣ,—надѣюсь, что и ты не намѣренъ измѣнить ей. Недавно мнѣ хотѣли внушить, что ты измѣнилъ, но я не хочу допустить объ этомъ и мысли. Однако, нельзя ручаться, что въ сердце человѣка, даже противъ его воли, не закрадется какая-либо дурная мысль. Скажи мнѣ откровенно, нравится-ли тебѣ заручennая мной дѣвушка и не раскаеваешься-ли, что ты сваталъ ее за меня. Ты знаешь, что я беру ее, не зная ея, лишь по твоему указанію, и потому безъ сожалѣнія могу отказаться отъ нея; скажи-же откровенно: если тебѣ западала ког-

да-либо мысль о женитьбѣ на ней, то я сейчасъ-же откажусь отъ нея и она будетъ твоя; отданный калымъ зачтется за твой, такъ-какъ мы и нашли его вмѣстѣ. Пусть только какая-либо баба, какъ-бы она достойна ни была, не будетъ причиною разрыва нашей дружбы. Именемъ этой дружбы клянусь тебѣ, что я дѣйствительно и охотно, даже съ радостью намѣренъ исполнить то, что предложилъ тебѣ", заключилъ Хырзаговъ. Но Хырцыжевъ „*не допустилъ его и близко къ себѣ*" [8]), начавъ клясться, что у него никогда и въ мысляхъ не было взглянуть на Гоаша-Махо, иначе какъ на сестру. Хырцыжевъ говорилъ такъ убѣдительно, такъ притворился обиженнымъ подозрѣніями Хырзагова, что сомнѣніе послѣдняго исчезло безъ слѣда, особенно когда Хырцыжевъ, въ заключеніе своихъ словъ, вынулъ изъ бокового кармана бешмета небольшой коранъ и присягнулъ на немъ, что онъ не имѣлъ никогда и не будетъ имѣть никакихъ видовъ на Гоаша-Махо и что всегда останется вѣренъ своей клятвѣ. Успокоивъ такимъ образомъ Хырзагова и попросивъ его озаботиться во-время прислать за своею невѣстою, Хырцыжевъ ввелъ его обратно въ кунацкую и безъ труда уговорилъ остаться у него переночевать. Обрадовавшись, что такъ легко отдѣлался на этотъ разъ отъ опасности, но боясь, чтобы враги, проникшіе, вѣроятно, въ его замыслы, снова не могли смутить Хырзагова или вовсе разстроить его козни, Хырцыжевъ раздумалъ ждать условленнаго между нимъ и Гоаша-Махо срока, и въ одну ночь, когда братьевъ ея не было дома,— по предварительному согласію съ Гоаша-Махо, подъѣхалъ къ ея саклѣ, выломалъ двери и, стащивъ съ постели дѣвушку, повидимому, испуганную, кричавшую и сопротивлявшуюся ему, посадилъ ее передъ собою на коня и ускакалъ. На вой и плачъ дворовыхъ людей, поднятыхъ крикомъ Гоаша-Махо, собрался народъ. Но узнавъ, что Гоаша-Махо увезена кѣмъ-то, всѣ подумали, что она увезена, вѣроятно, своимъ мужемъ, который соскучился, быть можетъ, ждать долго. Поэтому розыскивали Гоаша-Махо не особенно старательно, а такъ, чтобы только очистить свою совѣсть. Но скоро разъяснилось, кто увезъ Гоаша-Махо. Тотъ-же неизвѣстный всадникъ, который предупреждалъ прежде Хырзагова о замыслахъ его пріятеля, пріѣхалъ опять къ нему ночью и, сказавъ: „ты не хотѣлъ вѣрить мнѣ, теперь-же пеняй на себя: твоя жена увезена Хырцыжевымъ", скрылся въ темнотѣ.

[8]) т. е. отказывался отъ обвиненія.

Къ разсвѣту прискакалъ къ нему и гонецъ отъ ея родныхъ съ тою-же вѣстью. Тутъ онъ пожалѣлъ о своей излишней довѣрчивости, хотя и поздно. „Его клятва поразитъ его, не уйдетъ онъ отъ нея“, подумалъ Хырзаговъ въ свое утѣшеніе, и потомъ, собравъ большую партію, пустился въ погоню за Хырцыжевымъ. Но послѣдняго нигдѣ не могли розыскать; онъ будто провалился сквозь землю. Наконецъ, послѣ полугода или года розысковъ, стали доноситься слухи, что Хырцыжевъ ночевалъ въ томъ-то или другомъ мѣстѣ; но когда партія пріѣзжала туда, и слѣдовъ его уже не оставалось тамъ. Такъ Хырцыжевъ долгое время скрывался отъ преслѣдованій, не проводя двухъ ночей сряду въ одномъ мѣстѣ, и изъѣздилъ онъ такъ все пространство земли, окруженное хребтомъ нашихъ горъ.

Наконецъ Хырцыжевъ вернулся снова въ свой край, соскучившись ѣздить по чужимъ странамъ и вести такую бродячую жизнь, а быть-можетъ и желая развязаться съ виновницею всего этого. Тогда дали знать партіи Хырзагова, что его врагъ долженъ ночевать въ такую-то ночь въ такомъ-то аулѣ. Партія тотчасъ-же кинулась туда и прибыла къ разсвѣту, когда только-что Хырцыжевъ выѣхалъ изъ аула. Чтобы не вводить въ стыдъ Гоаша-Махо, которая, быть-можетъ, была уже совращена, но не была ни въ чемъ виновна, а также чтобъ не допустить столкновенія Хырзагова съ Хырцыжевымъ, партія избрала горсть лучшихъ наѣздниковъ и послала ее въ погоню за Хырцыжевымъ, а сама поѣхала вслѣдъ шагомъ, не выпуская изъ своего круга Хырзагова, все порывавшагося впередъ. Посланные вскорѣ догнали бѣглецовъ и едва взялся за руку Гоаша-Махо первый изъ всадниковъ, се догнавшій, какъ Хырцыжевъ, безъ всякаго сопротивленія, передалъ ее ему, сказавъ Гоаша-Махо: „я клялся тебѣ, что не отдамъ тебя никому до-тѣхъ-поръ, пока не вырвутъ тебя изъ рукъ моихъ силою; теперь я свободенъ отъ своей клятвы“. Потомъ, проѣхавъ нѣсколько и обернувшись, онъ крикнулъ ей вслѣдъ: „Гоаша-Махо, если мужъ твой не будетъ каждый годъ справлять тебѣ по одной рубашкѣ изъ *думасара* [18]), и каждый мѣсяцъ доставлять по одному рабу, тогда ты вспомнишь обо мнѣ“.—Всадники, отнявшіе Гоаша-Махо, прислали спро-

[18]) Говорятъ, что будто это была такая матерія, непромокаемая и въ огнѣ не горящая, которой аршинъ стоилъ тысячу рублей и которую Хырцыжевъ какъ-то досталъ гдѣ-то.

сить Хырзагова, какъ съ нею поступить онъ намѣренъ, и когда тотъ сказалъ, что не хочетъ пренебречь своею женою ради того, что негодяй, не знающій Бога и не держащій своего слова, могъ обмануть ее,—тогда отвезли ее въ ближній аулъ, снарядили тамъ арбу, дали женщину для прислуги, провожатыхъ, и отправили ее въ домъ Хырзагова. Какъ послѣдній ни порывался и ни просилъ пустить его, чтобъ наказать достойно клятвопреступника, но партія не пустила его, сказавъ, что Хырцыжевъ выпилъ собственными устами помои съ своихъ ногъ, что своимъ поступкомъ онъ наказалъ самъ себя достаточно и что онъ отнынѣ не найдетъ пристанища нигдѣ въ адигской землѣ. И, дѣйствительно, въ скоромъ времени Хырцыжевъ принужденъ былъ совсѣмъ уѣхать изъ адигской земли и скрыться въ Турціи.

Въ пѣснѣ, составленной, будто-бы, самой Гоаша-Махо и приводимой ниже, она, обращаясь къ сестрамъ Хырзагова, говоритъ: „на три ночи возьмите меня подъ свою защиту,—затѣмъ обѣщаю покровительствовать вамъ во всю вашу жизнь“. Такъ опасалась она на первое время обидъ со стороны своего мужа. Но насколько успѣла она завлечь своего мужа и могла-ли потомъ покровительствовать сестрамъ у брата, показываетъ слѣдующій случай, происшедшій въ скоромъ времени послѣ разсказаннаго. У Хырзагова были очень важные гости; между-тѣмъ онъ, утромъ, долго не выходилъ изъ своей спальни, что съ нѣкотораго времени вошло у него въ привычку. Мать его, обезпокоенная и разсерженная этимъ, прошла мимо окна его спальни и, такъ громко, чтобы онъ могъ слышать, сказала: „если-бы эта госпожа, не шатавшись такъ долго, поступила къ тебѣ прямо изъ родительскаго дома, ты-бы, пожалуй, и не выходилъ изъ спальни“.—„Потому-то я и не могу на нее наглядѣться, что она долго шаталась“, возразилъ ей сынъ, смѣясь. Потомъ, придя къ гостямъ въ кунацкую, онъ сказалъ имъ, смѣясь: „вѣроятно, и вы, какъ мать моя, упрекнули меня, что я долго проспалъ“, и затѣмъ, все также шутливо, разсказалъ имъ разговоръ, бывшій у него сейчасъ съ матерью.

Вотъ пѣсня, составленная по поводу Гоаша-Махо.

„Моя шея была бѣла, какъ *голубиная* [19]), а тѣло—подобно морской пѣнѣ; ланиты мои были что *дахаракъ* [20]), и поступь, какъ у пѣшей *мелекъ* [21]).

---

[19]) Какъ шея морскаго голубя, вѣрнѣе. [20]) Красивый, довольно плотный сафьянъ. [21]) Кажется, испорченное *мелейкъ*, ангелъ.

Дѣвушки, видѣвшія мое возвращеніе, да будутъ отнынѣ умнѣе!

Была я *свѣтлая* госпожа [22]); но свѣтъ мой помрачился.

Я въ бѣлокаменномъ домѣ горюю, осеннія ночи просиживаю на-пролетъ, иголка отъ работы разгорается, серебряныя пуговицы свои обливаю кровавыми слезами.

На бѣлой груди моей чередуются оба Гетагажа, и я мучусь мыслью, какъ-бы мирно ихъ развести.

Шолоховскій бѣлохвостый [23]) служитъ намъ обоимъ сѣдалищемъ; атласъ и кисея изнашиваются въ ночныхъ переѣздахъ; старательно дѣлаю серебряную шапку, но роса только и кропитъ ее.

Золотой шатеръ замѣнялъ мнѣ *лагуну* [24]); моя лагуна была разбита у подножія *Ахмата* [25]).

Думасара стелется по моимъ колѣнямъ; атласомъ прикрыта спина; ихъ я изнашивала у перваго мужа, но онъ отсталъ отъ меня, какъ красивый, но слабенькій конь [26]).

Не стара я, но похожа на трупъ; не заключенная, но узница.

Должна-бы я полетѣть вслѣдъ за нимъ, но осталась, какъ не оперившійся орлиный птенецъ.

Изъ аула въ аулъ меня привозятъ; аульныя дѣвушки навѣщаютъ меня, почитая за гостью; но отъ взоровъ собравшагося народа краснѣетъ мое бѣлое лицо.

Въ кунацкой Тлипаковыхъ [27]) раздается пѣсня обо мнѣ. — Какими глазами взгляну, какими ногами я стану въ домѣ Хырзаговыхъ?

На три ночи возьмите меня подъ защиту свою,— затѣмъ обѣщаюсь покровительствовать вамъ во всю вашу жизнь".

---

[22]) *Гоаша*, госпожа, *Махо*, благодатная, а также—свѣтъ, день.

[23]) Конь Хырцыжева, завода Шолоховскаго.

[24]) Сакля, спальня молодыхъ женъ и вообще неполныхъ еще хозяекъ дома.

[25]) Скала въ верховьяхъ Кумы, неприступная. Въ ней, говорятъ, много пчелъ и такъ-какъ ихъ меда нельзя достать, то и говорится: какъ медъ Ахмата.

[26]) Варіантъ: скрылся отъ меня, какъ красивый хорошій скакунъ.

[27]) Фамилія родныхъ Гоаша-Махо.

IX.

Абадзехъ-кровомститель.

Одинъ почтенный старикъ абадзехъ враждовалъ съ однимъ также абадзехскимъ семействомъ. Вышло такъ, что въ этой враждѣ счастіе постоянно склонялось на сторону этого семейства и оно послѣдовательно убило всѣхъ сыновей старика, которыхъ у него было семь. Когда настала весна, первая послѣ убійства послѣдняго его сына, и аулъ его собрался пахать, онъ приказалъ всему аулу на тотъ годъ вовсе не пахать. Настало время жатвы, аульные запасы хлѣба кончились, жителямъ стало нечего ѣсть. Тогда старикъ выѣхалъ изъ дому и прибылъ къ семейству, убившему его сыновей. Оно приняло его съ должнымъ почетомъ, но всю ночь терялось въ догадкахъ и безпокоилось, не зная, что могъ означать пріѣздъ къ нимъ старика, которому причинили они столько огорченія. На утро онъ самъ такимъ образомъ разъяснилъ причину своего пріѣзда: „По обычаю, я-бы долженъ былъ не входить къ вамъ въ домъ, а стараться сдѣлать и вамъ столько-же зла, сколько вы причинили мнѣ; но, при моихъ лѣтахъ, объ этомъ думать—неумѣстно. Поэтому, я не могу вамъ мстить. Пріѣхалъ я также и не за тѣмъ, чтобы требовать отъ васъ кровной платы. Послѣ-того-какъ вы убили моихъ сыновей, которые должны были кормить меня на старости, я остался на попеченіи своего аула. Онъ содержалъ меня до-сихъ-поръ по мѣрѣ силъ. Но въ этомъ году, по случаю неурожая хлѣба, аулъ нетолько не въ состояніи меня содержать, но можетъ и самъ погибнуть. Въ этой крайности я не могъ придумать ничего лучшаго, чтобы сохранить аулъ, единую мою опору на старости лѣтъ, какъ обратиться къ вамъ, т. е. къ тѣмъ, которые лишили меня другихъ моихъ опоръ. Если вы дадите мнѣ по одной арбѣ проса съ каждаго двора въ вашемъ аулѣ, этого достаточно будетъ для моего аула до будущей жатвы. Исполнивъ это, вы на половину исправите зло, мнѣ причиненное, и я сочту себя вполнѣ тѣмъ удовлетвореннымъ“. Враги старика обрадовались, что они такъ дешево могутъ съ нимъ примириться, и просили его пріѣхать въ какое ему будетъ удобно время за просомъ. Сказавъ, что онъ не замедлитъ, старикъ вернулся въ свой домъ. Тогда, собравъ жителей своего аула, онъ сказалъ имъ, чтобы всѣ имѣющіе по парѣ быковъ, построили себѣ арбы, на подобіе *гуйма* [1]), но только не съ дверцами

[1]) Арбы, въ которыхъ ѣздили женщины высшаго сословія.

по обоимъ концамъ, какъ обыкновенно ихъ дѣлаютъ, а съ однимъ отверстіемъ вверху, въ которое могъ-бы свободно пролѣзть одинъ человѣкъ, и чтобы въ арбахъ этихъ могли помѣститься безъ стѣсненія по пяти человѣкъ вооруженныхъ. Когда арбы были готовы, онъ распредѣлилъ всѣхъ мужчинъ, жившихъ въ аулѣ и способныхъ носить оружіе, такимъ образомъ, что на каждую пришлось по пяти человѣкъ, которые должны были помѣститься въ самыхъ ящикахъ, и по одному возницѣ. Потомъ, объяснивъ, что онъ поведетъ ихъ въ такое мѣсто, гдѣ они пріобрѣтутъ, не только вдоволь проса, но и богатую добычу, онъ приказалъ собраться и ѣхать за нимъ. Приблизившись къ аулу своихъ кровниковъ, онъ собралъ всѣхъ людей и объявилъ имъ слѣдующее: „мы пришли къ цѣли нашего похода и потому намъ надо уговориться, какъ дѣйствовать. Если вы поступите такъ, какъ я вамъ сейчасъ скажу, то безъ всякой опасности для себя будете имѣть богатую добычу, да и за кровь мою, вашего владѣльца, также отомстите. Аулъ, къ которому теперь мы подъѣзжаемъ, есть аулъ моихъ кровниковъ. Я просилъ у нихъ проса, для прокормленія всѣхъ васъ,—они обѣщали мнѣ дать по одной арбѣ съ каждаго двора въ ихъ аулѣ. Теперь я поѣду къ нимъ впередъ и скажу, что арбы слѣдуютъ за мной и чтобы въ каждый дворъ ихъ аула поставлено было на ночлегъ по одной моей арбѣ, дабы можно было приступить безъ проволочекъ къ нагрузкѣ съ утра-же. Такимъ образомъ на каждый дворъ въ ихъ аулѣ васъ будетъ по шести вооруженныхъ человѣкъ; сами жители не будутъ и подозрѣвать этого, потому-что въ полночь кто вздумаетъ свидѣтельствовать арбы, и кому придетъ въ голову, что въ арбахъ, пріѣхавшихъ за просомъ, кромѣ мѣшковъ, будетъ скрываться что-либо другое. Между-тѣмъ когда люди успокоятся, всѣ скрытые въ арбахъ выйдете и вмѣстѣ съ возницами своими станете каждый у дверей своего хозяина, съ обнаженнымъ оружіемъ, готовые поразить хозяина, какъ только онъ покажется изъ дверей. Рѣзню я начну первый, у своихъ хозяевъ, при помощи своихъ людей, которые поставлены будутъ къ нимъ. Сосѣди ихъ, услышавъ выстрѣлы, вскочатъ съ постелей и кинутся узнать, въ чемъ дѣло,—тогда стоящіе у дверей на сторожѣ должны поразить ихъ. Сосѣди этихъ послѣднихъ, также услышавъ выстрѣлы, выбѣгутъ изъ сакли, и они также должны быть уложены стоящими у дверей ихъ людьми нашими. Такимъ образомъ, не допуская помочь другъ другу, мы истребимъ по одиночкѣ всѣхъ

мужчинъ въ аулѣ, способныхъ носить оружіе, и потомъ уже мы безъ помѣхи станемъ полными властелинами аула и всего его имущества“. Получивъ увѣреніе отъ своихъ людей поступить по его указанію и наказавъ имъ какъ можно осторожнѣе и точнѣе выполнить его наставленія, старикъ поѣхалъ впередъ и остановился у своихъ кровниковъ. Были тогда-же высланы изъ аула на встрѣчу арбамъ люди, которые разставили ихъ по дворамъ, съ наказомъ съ утра-же начать ихъ нагружать, а также принять хорошо и успокоить возницъ и воловъ ихъ. Каждый хозяинъ угостилъ остановившагося у него гостя-погонщика и, успокоивъ его и его воловъ, самъ уклался спать, не подозрѣвая, конечно, что у него есть еще и другіе гости. Какъ только жители поулеглись, скрывавшіеся въ арбахъ люди, по знаку погонщиковъ, вышли и стали у дверей своихъ хозяевъ. Вскорѣ затѣмъ былъ поданъ и знакъ—послышались выстрѣлы съ той стороны, гдѣ жили кровники старика. Тогда началась общая рѣзня и все произошло такъ, какъ совѣтовалъ старикъ.

Къ утру не осталось въ аулѣ ни одного человѣка, способнаго защищаться. Тогда старикъ велѣлъ запречь арбы, какъ пріѣхавшія съ нимъ, такъ и всѣ найденныя здѣсь; наложивъ туда все имущество, весь скарбъ аула, посадивъ туда дѣтей и женщинъ, онъ переселилъ всѣхъ ихъ въ свой аулъ и обратилъ въ своихъ рабовъ. Отведя такимъ образомъ свою душу, старикъ, когда впослѣдствіи ему напоминали о его мщеніи, съ лукавою усмѣшкою отвѣчалъ: „такова месть безпомощныхъ стариковъ“.

X.

Два друга.

За Кубанью жилъ одинъ богатый и необыкновенно красивый молодой князь, по фамиліи П.; о немъ разносилась вездѣ громкая молва, какъ о щедромъ, умномъ и мужественномъ князѣ. Точно также и за Терекомъ прославился одинъ молодой князь, по фамиліи Т. Оба князя никогда еще не встрѣчались, но слышали другъ о другѣ, пересылались подарками и очень желали когда-либо свидѣться. Жившій на р. Кумѣ ханъ также прослышалъ

обо всемъ этомъ, и кромѣ того ему сказали, что оба князя, вполнѣ заслужившіе свою славу, такъ разительно другъ на друга похожи, что если одѣть ихъ одинаково и поставить рядомъ, то нельзя отличить одного отъ другого. И вотъ ханъ пожелалъ свести обоихъ князей и познакомить ихъ другъ съ другомъ у себя. Онъ послалъ къ нимъ обоимъ гонцовъ, съ просьбою пріѣхать повидаться съ нимъ, причемъ назначилъ каждому изъ нихъ срокъ, съ такимъ разсчетомъ, чтобы оба могли пріѣхать къ нему одновременно. Но ни объ этомъ, ни о томъ, что они совмѣстно приглашены ханомъ, не было извѣстно ни П., ни Т.

Къ исходу назначеннаго ханомъ срока, на берегу Кумы остановились, въ недальнемъ одна отъ другой разстояніи, двѣ партіи всадниковъ, по виду пріѣхавшихъ издалека. Само собою, партіи любопытствовали узнать что-либо одна про другую. Стерегшіе пущенныхъ на траву лошадей, товарищи каждой партіи, встрѣтившись сообщали другъ другу, къ какой изъ нихъ они принадлежатъ. Оказалось, что одна—партія П., другая—Т., и обѣ ѣдутъ къ хану. Когда *пшафа* [1]), вернувшись, сказали объ этомъ своимъ партіямъ, сопутствовавшіе князьямъ узденп-старики объявили, что это два пріятеля, давно пщущіе другъ друга, но не могшіе до-сихъ-поръ встрѣтиться, что ихъ теперь самъ Богъ свелъ и надобно безотлагательно познакомить ихъ. Тотчасъ отдѣлились отъ каждой партіи по два почетныхъ старика. Сойдясь въ сторонѣ отъ партій, они сговорились о необходимости свести князей, а также и о томъ, какъ и гдѣ это устроить. Потомъ уже познакомили ихъ другъ съ другомъ.

Давъ новымъ пріятелямъ достаточно наговориться, почетные старики принялись вновь совѣщаться, ѣхать-ли обѣимъ партіямъ вмѣстѣ, или одной пріѣхать раньше къ хану, а другой позже, и въ такомъ случаѣ, какая партія должна имѣть предпочтеніе, т. е. пріѣхать раньше къ хану, и какая послѣ? Послѣ короткаго совѣщанія согласились, что прежде пріѣдетъ Т., какъ сдѣлавшій болѣе дальнюю дорогу и почти чужой въ краѣ; П.-же пріѣдетъ послѣ и также остановится у хана, отъ котораго будетъ уже зависѣть, оставить-ли обѣ партіи у себя, или одну, по своему выбору, разставить по квартирамъ [2]). Притомъ было рѣшено так-

[1]) Прислужники.

[2]) Если наѣдетъ много гостей и помѣщенія окажется недостаточно, то хозяинъ помѣщаетъ прислужниковъ и менѣе значительныхъ изъ гостей у своихъ крестьянъ или сосѣдей.

же, что обѣ партіи не будутъ показывать и виду, что встрѣчались уже и что П. и Т. лично уже знакомы другъ съ другомъ.

Какъ было условлено, Т. съ своею партіею поѣхалъ впередъ, былъ встрѣченъ самимъ ханомъ и помѣщенъ въ дальней кунацкой. Спустя нѣкоторое время прибылъ и П., который, встрѣченный съ такими же почестями, какъ Т., былъ помѣщенъ въ малой кунацкой.

Гостили они довольно долго. Обѣ партіи не подавали и виду, что встрѣчались прежде; П. и Т., при людяхъ постороннихъ, также показывали видъ, что не были до того времени знакомы, но какъ только всѣ успокоивались, они съ довѣренными людьми сходились въ какомъ-либо потаенномъ мѣстѣ и всю почь почти на-пролетъ бесѣдовали.

Наконецъ ханъ предложилъ почетнымъ старикамъ обѣихъ партій, не могутъ-ли они уговорить своихъ князей, чтобы тѣ, отпустивъ своихъ товарищей домой съ подарками, какіе отъ него получатъ, сами остались и прожили при его дворѣ нѣкоторое время. Ханъ продолжалъ, что предложеніе это онъ дѣлаетъ потому, что оба князя очень понравились ему и что онъ желалъ-бы не только самъ сблизиться съ ними, но и познакомить ихъ другъ съ другомъ, какъ можно короче. Почетные старики, не найдя въ предложеніи хана ничего предосудительнаго, противнаго обычаямъ, уговорили своихъ князей остаться у хана, а сами, съ щедрыми подарками отъ послѣдняго, возвратились по домамъ.

Призвавъ П. и Т. къ себѣ тотчасъ послѣ отъѣзда ихъ товарищей, ханъ благодарилъ ихъ, что они не отказались исполнить его просьбу, и просилъ ихъ быть у него отнынѣ какъ дома, прибавивъ, что онъ будетъ почитать ихъ за своихъ любимыхъ сыновей и чтобы они также смотрѣли на него, какъ на снисходительнаго и любящаго отца. П. и Т. охотно исполнили желаніе хана—и всюду, куда они получили доступъ, какъ домашніе люди, будь это у жены хана, его дочери, или у служанокъ, были принимаемы ласково и радушно, какъ любимые сыновья хана. И сами они такъ полюбили другъ друга, что стали не разлучны; даже для наѣзднических подвиговъ они выѣзжали или вмѣстѣ, или, если въ разныя стороны, то одновременно, назначивъ заранѣе срокъ, къ которому они должны были оба вернуться домой; словомъ—жили душа въ душу, какъ родные братья. Не довольствуясь этимъ, по предложенію П., они дали еще другъ другу клятву, что одинъ другому не пожелаетъ зла и что каждый

просьбу другого исполнить съ такою-же честностью и охотою, съ какими онъ пожелалъ-бы, чтобы и его самого искреннее желаніе было выполнено.

Ѣздя часто въ набѣги, по возвращеніи принимая гостей, слѣдя за нуждами ханскаго хозяйства, или когда не предстояло надобности ни въ томъ, ни въ другомъ, проводя время на охотѣ, П. и Т. прожили довольно долго у хана. П., съ перваго-же времени какъ увидѣлъ дочь хана, необыкновенно красивую дѣвушку, былъ плѣненъ ею; съ тѣхъ-поръ, сколько онъ ни силился не думать о ней, побороть свою любовь къ ней, не могъ того достигнуть, и какъ мысли о ней осаждали его ежедневно все сильнѣе, то, будучи не въ силахъ болѣе противиться своей страсти, рѣшился пріискать средство овладѣть ханскою дочерью, сдѣлавъ ее или своею любовницею, или женою. Замѣчая давно уже особенную благосклонность дѣвушки къ Т., онъ попросилъ его объяснить ей его дѣло и добиться отъ нея непремѣнно какого-либо отвѣта. Т., выслушавъ желаніе своего друга, сталъ представлять ему всю неблаговидность его намѣренія и просилъ оставить его. На всѣ увѣщанія другъ его отвѣтилъ только повтореніемъ своей просьбы, съ напоминаньемъ и клятвы, данной ими другъ другу. Тогда Т., поневолѣ, долженъ былъ принять на себя порученіе друга. Выискавъ удобный случай, онъ объяснилъ дѣвушкѣ желаніе своего друга, прибавивъ отъ себя, что, какъ посредникъ и преданный другъ своего довѣрителя, онъ желаетъ отъ души успѣшнаго исполненія принятаго имъ на себя порученія и потому проситъ ее исполнить желаніе его друга. Дѣвушка отвѣтила ему: „зачѣмъ ты принялъ на себя это посредничество? развѣ ты не замѣтилъ до-сихъ-поръ, что я давно берегу для тебя то, что ты просишь мени отдать другому? Не проси-же за него, позаботься о себѣ“. Т. отклонилъ отъ себя предложеніе дѣвушки, говоря, что было-бы безчестно и помышлять о чемъ-либо подобномъ, послѣ-того-какъ его другъ довѣрилъ ему веденіе своего дѣла, и просилъ дѣвушку, постаравшись забыть сказанныя ею сейчасъ слова, какъ и онъ самъ поступитъ, исполнить просьбу его друга, если она дѣйствительно къ нему, Т., расположена и желаетъ сдѣлать ему пріятное. Опечаленная дѣвушка отвѣтила, что, если онъ отвергаетъ ея любовь, она готова на все, что онъ отъ нея ни потребуетъ. Послѣднія слова дѣвушки Т. передалъ П. и затѣмъ, пріискавъ самъ удобный случай, далъ имъ свидѣться.

Прошло нѣсколько времени. Положеніе дѣвушки стало разъясняться и въ аулѣ начали громко порицать поведеніе П. Одинъ находившійся въ дворѣ хана холопъ, довѣренный Т., донесъ въ то-же время ему, что положеніе дѣвушки стало также извѣстно и хану; что ханъ, по совѣту своихъ почетныхъ стариковъ, замыслилъ убить П. за нанесенное ему, хану, оскорбленіе; что днемъ убійства избранъ день ежегоднаго празднества въ честь дочери хана; что, зная дружбу Т. къ П. и опасаясь его заступничества за П., ханъ намѣренъ отослать его домой до наступленія этого празднества. Т. тотчасъ-же передалъ все имъ слышанное П. и они стали совѣщаться, какъ имъ поступить. Т. предложилъ слѣдующее: прежде-чѣмъ ханъ соберется отпустить его домой, онъ самъ попроситъ у него позволеніе на то, выставивъ предлогомъ долгое отсутствіе и необходимость присмотрѣть за хозяйствомъ. „Ты долженъ также присутствовать при моемъ разговорѣ съ ханомъ, и когда онъ разрѣшитъ мнѣ, съ большою, конечно, готовностью, возвратиться домой“, продолжалъ Т., „скажи, что ты просишь хана согласиться передать мнѣ твою просьбу и быть ходатаемъ твоимъ передо мною о томъ, чтобы я, въ память нашей долгой дружбы, оставилъ тебѣ мою гнѣдую лошадь. Я отвѣчу на это, что и безъ вмѣшательства хана я исполнилъ-бы твою просьбу, и оставлю тебѣ своего коня. Поступая такимъ образомъ, мы отстранимъ отъ себя всякое подозрѣніе въ стачкѣ или въ томъ, что мы проникли въ ихъ замыслы. Передъ праздникомъ, узнавъ день, на который оно назначено, и распоряженія, сдѣланныя на этотъ случай, садись на коня моего и предоставь ему ѣхать свободно; онъ привезетъ тебя прямо ко мнѣ; тамъ мы посмотримъ, что нужно дѣлать далѣе“. Послѣ этого отправились они къ хану, который съ значительными подарками отпустилъ Т. домой, а лошадь Т. была оставлена П.

Въ послѣднюю ночь передъ наступленіемъ праздника, П., какъ было условлено съ Т., разузнавъ всѣ распоряженія, сдѣланныя для празднества, а отъ довѣреннаго Т. холопа, что его, П., назначили распредѣлителемъ *бузы*, съ цѣлью напоить его допьяна и убить во время джигитовки,—П., выждавъ, пока люди поуснули, сѣлъ на Т—скаго коня и къ полночи прибылъ къ П. На зовъ его, Т. тотчасъ-же вышелъ къ нему въ одномъ бешметѣ и съ пистолетомъ въ рукѣ. П. разсказалъ ему все, что узналъ. „Хорошо“, отвѣтилъ Т., „слѣзай съ коня, дай мнѣ свое оружіе и одежду, а самъ переодѣнься въ мое платье и иди спать

къ моей женѣ, но постарайся, чтобы она не имѣла никакого подозрѣнія въ происшедшемъ. Я-же поѣду на празднество вмѣсто тебя; что произойдетъ тамъ, я сообщу тебѣ по возвращеніи". Не прекословя нисколько, П. перемѣнился одеждою съ Т. и отдалъ ему коня и оружіе. Послѣ этого Т. поѣхалъ къ хану, а П. пошелъ въ спальню Т. Жена Т., принимая П. за своего мужа, спросила, куда онъ ходилъ, и стала къ нему ласкаться; но П., ничего ей не отвѣчая, отстранилъ ее отъ себя; однако, когда жена все не унималась, онъ взялъ и положилъ между нею и собою шашку, говоря, что, если она хотя коснется его рукой, онъ отрубитъ ей руку. Такъ они стали ночевать до возвращенія Т., который между тѣмъ до свѣта прибылъ въ аулъ хана и на утро принялся за обычныя занятія П., чтобы не дать замѣтить его отсутствія.

Весь народъ, приглашенный на празднество въ честь дочери хана, собрался. Ханъ, призвавъ Т., или, какъ самъ онъ полагалъ, П., сказалъ, что народу собралось очень много и что необходимъ хорошій распорядитель, который могъ-бы устроить такъ, чтобы нигдѣ не было недостатка въ чемъ-либо, и просилъ его принять на себя эту обязанность на время праздника, такъ-какъ онъ, ханъ, не имѣлъ въ виду никого другого, кто могъ-бы лучше его присмотрѣть за правильнымъ распредѣленіемъ бузы и кушаньевъ гостямъ. Началось затѣмъ угощеніе. Вездѣ, гдѣ ни показывался Т., подносили ему полныя чаши, которыя онъ, не смотря на свои отговорки, что, замѣняя хозяина, долженъ быть трезвъ и слѣдить за всѣмъ, принужденъ былъ выпивать. По окончаніи пира, началась джигитовка, въ которой принялъ участіе на своемъ гнѣдомъ конѣ и Т. Но въ немъ не замѣчалось никакой перемѣны, несмотря на обильное количество выпитой имъ бузы. Проскакавъ разъ, другой и третій между рядами народа, стоявшаго съ палками и дручками, поваливъ одного, искалѣчивъ другого, Т. одинъ остался полнымъ хозяиномъ джигитовки. Народъ, испуганный, не находя отъ него убѣжища нигдѣ, ни за плетнями, чрезъ которые конь его легко перескакивалъ, ни подъ навѣсомъ или крыльцомъ, разбѣжался—и никто, несмотря на заранѣе отданное строгое приказаніе, не осмѣлился поднять руку на выказавшаго такую удаль. Самъ ханъ и окружавшіе его почетные старики, удивляясь необыкновенной ловкости и смѣлости, какъ коня, такъ и всадника, стали между собой говорить: не грѣшно-ли такого удальца убивать и не лучше-ли, не полезнѣе-ли для народа, хотя это и будетъ противъ обычая, выдать за него за-

мужъ ханскую дочь, причислить его затѣмъ къ своему аулу и такимъ образомъ одновременно, подъ приличнымъ предлогомъ, исправить его ошибку и пріобрѣсти наѣзднпка, могущаго при случаѣ быть полезнымъ народу.

Послѣ небольшаго совѣщанія было рѣшено поступить именно такимъ образомъ. Тогда ханъ, призвавъ Т. къ себѣ, сказалъ ему: „Съ того времени, какъ ты находишься у меня, ни одного разу, ни я, ни кто-либо изъ народа не видѣли за тобой повода быть недовольнымъ тобой; всѣмъ отъ мала до велика ты одинаково милъ. Общее наше желаніе заключается въ томъ, чтобы ты остался жить среди насъ, обзаведясь своимъ домомъ. Хотя это и противъ обычая, но, уступая желанію народа и собственному къ тебѣ расположенію, я рѣшился предложить тебѣ въ жены свою дочь и просить тебя остаться жить у меня, замѣнивъ мнѣ сына и наслѣдника. Что скажешь на это?“ Т., не ожидавшій, конечно, такого благопріятнаго исхода, обрадованный, принялъ съ благодарностью, какъ великую милость, предложеніе хана. Тотчасъ-же была съиграна и свадьба.

Ночью, когда люди успокоились и Т. пошелъ къ своей молодой женѣ, дочери хана, принимавшей его, конечно, какъ и всѣ, за П., онъ объявилъ ей, что, никакъ не расчитывая на прошедшее въ тотъ день, онъ назначилъ одному человѣку свиданіе на эту ночь, для поѣздки въ набѣгъ, и что ему необходимо поэтому на короткое время оставить ее одну. Такъ-какъ эта ночь не была первою брачною ихъ ночью, то ханская дочь не прекословила, и Т., выйдя отъ нея, осѣдлалъ коня своего, выѣхалъ изъ аула никѣмъ не замѣченный и пріѣхалъ домой. Здѣсь, вызвавъ П. и разсказавъ ему подробно все происшедшее у хана, онъ перемѣнился съ нимъ одеждою, передалъ ему лошадь и оружіе и отпустилъ его домой. Самъ-же, вернувшись въ спальню, сталъ ласкаться къ женѣ. Но она смертельно была уже оскорблена непонятнымъ для нея поведеніемъ П., котораго она принимала за мужа; внезапная, также ничѣмъ необъяснимая для нея, перемѣна въ мужѣ еще пуще ее взорвала, и потому, оттолкнувъ его въ сердцахъ, она вскричала: „я не какая-либо сука тебѣ досталась, чтобы издѣваться надо мной, то отгоняя отъ себя безъ всякой причины, то вновь призывая! Я такого-же происхожденія, какъ ты, рождена княземъ и княгиней, которые нисколько не хуже твоихъ родителей; имѣю также домъ, и если не нравлюсь тебѣ болѣе, могу вернуться къ себѣ“. Т. понялъ, въ чемъ дѣло, и постарал-

ся кое-какъ ее успокоить. Но жена съ того времени возненавидѣла его и стала изыскивать средства отомстить ему.

Много-ли, мало-ли прошло времени съ-тѣхъ-поръ, только вдругъ Т. заболѣлъ, стали у него вылѣзать волосы на головѣ, бородѣ и усахъ; красивѣйшій когда-то молодой человѣкъ сталъ не узнаваемъ, отвратителенъ на видъ. Обращались ко всемъ лѣкарямъ, перепробовали всевозможныя лѣкарства, но ничто не помогало,—Т. становился все отвратительнѣе, такъ-что наконецъ оказалось необходимымъ и не показывать его болѣе народу. Пролежавъ такимъ образомъ долго, надоѣвшій всѣмъ, заброшенный, Т. задумалъ наконецъ провѣдать своего пріятеля, въ надеждѣ умереть по-крайней-мѣрѣ на рукахъ единственнаго человѣка, который быть-можетъ не отвернется отъ него.

Никѣмъ не замѣченный и безъ товарищей, выѣхалъ онъ изъ своего аула и прибылъ къ П., который, къ тому времени наслѣдовавъ хану, жилъ припѣваючи. Хотя Т. сильно измѣнился, но П. еще издали узналъ его и, бросившись на встрѣчу, принялъ его съ лошади въ свои объятія. Какъ только остались они одни, пошли распросы о житьѣ-бытьѣ и здоровьи другъ друга. Узнавъ причину перемѣны, происшедшей въ Т. и сильно его удивившей, П. поблагодарилъ друга, что вспомнилъ о немъ, и просилъ его остаться у него.

Устроивши его какъ можно удобнѣе, П. сталъ самъ за нимъ ухаживать, не отходилъ отъ него ни на шагъ, не возвращался даже спать домой. Такимъ образомъ, изыскивая неустанно средства къ излѣченію его, не покидая ни на минуту, П. провелъ семь длинныхъ лѣтъ надъ изголовьемъ своего друга. Однажды, чтобы разсѣяться нѣсколько, П. велѣлъ осѣдлать коня и поѣхалъ по аулу шагомъ, для проѣзда застоявшейся лошади. Подъѣхавъ незамѣтно къ игравшимъ посреди дороги мальчикамъ, онъ услышалъ, какъ одинъ изъ нихъ говорилъ: „если-бы нашъ бѣдный владѣлецъ зналъ, какъ легко вылѣчить его друга, онъ навѣрно не мучился-бы съ нимъ столько лѣтъ“. — „Чѣмъ-же это можно вылѣчить его?“ спросили его другіе мальчики.—„Стоитъ только ему зарѣзать своего сына, въ видѣ жертвы, и натереть больнаго чашею сыновней крови.“ П., тутъ - же, круто повернувъ коня, вернулся домой и прямо съ коня пошелъ въ саклю жены. Послѣдняя, увидя мужа, испугалась и подумала, не случилось-ли чего особеннаго, не умеръ-ли другъ мужа, что онъ, столько лѣтъ не возвращавшійся въ свою спальню, вдругъ идетъ къ

ней. Войдя въ комнату, мужъ выслалъ всѣхъ находившихся тамъ людей и сказалъ женѣ: „ты знаешь хорошо, какъ я преданъ своему другу и желаю его выздоровленія и какъ всѣ испробованныя до-сихъ-поръ средства оказывались безспльными; сегодня я узналъ еще объ одномъ средствѣ, но прежде-чѣмъ рѣшиться испробовать его, я долженъ получить твое согласіе, такъ-какъ оно столько-же касается тебя, какъ и меня". И затѣмъ онъ сообщилъ ей все слышанное отъ мальчиковъ, добавивъ: „не знаю, что ты скажешь, но я думаю не отступать даже и передъ этимъ средствомъ, будетъ-ли оно дѣйствительно или нѣтъ. Хорошаго, испытаннаго друга нельзя найти въ жизни два раза, а мѣсто этого сына, если Богъ будетъ милостивъ, можетъ замѣнить другой". Жена оказалась не только одного съ нимъ мнѣнія, но и сама еще болѣе укрѣпила мужа въ его намѣреніи. Послали тотчасъ къ аталыкамъ мальчика, чтобы они принесли его къ отцу. Когда принесли его въ саклю, гдѣ находились отецъ и мать, эти послѣдніе выслали оттуда всѣхъ и, оставшись одни, тотчасъ-же, въ-горячахъ, чтобы послѣ какъ-либо не раздумать, зарѣзали мальчика, укутавъ его первоначально такъ, чтобы не было слышно его крика. Напустили въ чашу сколько было нужно крови, потомъ уложили мальчика на койку, накрыли, и тогда уже П., съ чашею, отправился въ кунацкую, а жена, не имѣя силъ пробыть въ одной комнатѣ съ сыномъ, вышла въ заднія двери сакли на дворъ, гдѣ и ожидала съ нетерпѣніемъ, когда придутъ за сыномъ аталыки и возьмутъ его. Отецъ, войдя въ кунацкую и въ-торопяхъ поставивъ тамъ чашу, вышелъ вновь оттуда, влекомый желаніемъ еще разъ взглянуть на сына. Легко представить себѣ удивленіе и восторгъ родителей, когда они увидѣли, что кормилица, вошедшая послѣ напраснаго ожиданія призыва въ саклю, вынесла оттуда ребенка свѣженькаго и смѣющагося. Мать кинулась къ ребенку съ распростертыми объятіями, а мужъ, спокойный и радостный, возвратился въ кунацкую.

Средство, узнанное П. такъ случайно, оказалось дѣйствительнымъ, и Т. сталъ быстро поправляться и принимать свой прежній видъ. Послѣ-того-какъ онъ совершенно выздоровѣлъ, онъ, проживъ еще нѣкоторое время у П., пожелалъ возвратиться домой; но П. не согласился отпустить его одного и самъ сопутствовалъ ему.

На рубежѣ владѣній аула Т., оба пріятеля, ѣхавшіе съ приличной свитой, встрѣтили многочисленный табунъ лошадей, и

на распросы пріятелей табунщики, не знавшіе ихъ, сказали, что табунъ принадлежалъ первоначально Т., ихъ владѣльцу, который однако исчезъ, давно уже, неизвѣстно куда, и что поэтому какъ табунъ этотъ, такъ и все остальное его состояніе перешло къ его женѣ, которая, тотчасъ-же послѣ исчезновенія мужа, замѣнила его любовникомъ, бывшимъ табунщикомъ ихъ владѣльца, и живетъ теперь припѣваючи. Какъ только отъѣхали отъ табунщиковъ, Т. сказалъ, что онъ сдѣлалъ большую ошибку, не отправивъ жены домой, тотчасъ какъ между ними вышли недоразумѣнія, но что теперь уже поздно и необходимо будетъ, какъ ее, такъ и любовника ея, примѣрно наказать. П., соглашаясь съ тѣмъ, чтобы жена, виновная, какъ видно, еще и въ болѣзни Т., была наказана, рѣшительно отвергъ, чтобы любовнику ея было сдѣлано какое-бы то ни было насиліе, такъ-какъ это могло означать, будто человѣкъ такого низкаго происхожденія можетъ оскорбить его, Т., „и притомъ“, прибавилъ П., „нужно радоваться, что не чужая, а собственная собака осквернила дворъ и быть благодарнымъ табунщику, не допустившему до подобнаго позора“.

По пріѣздѣ въ домъ къ Т., пріятели собрали народъ, которому и предоставили судъ надъ женою Т. Они разоблачили сперва ея проступки и заставили ее сознаться, что она причинила мужу его болѣзнь, давъ ему поѣсть мозга ослиныхъ костей [3]). Народъ единогласно присудилъ ее къ смерти. Тогда, приведя двухъ коней-неуковъ, привязали ее ногами къ ихъ хвостамъ и пустили въ степь. Табунщикъ-же, которому, согласно желанію П., была сохранена жизнь, былъ проданъ на чужбину безправнымъ холопомъ.

Лично пріискавъ Т. новую жену и съигравъ его свадьбу, П. возвратился домой. Находясь въ непрерывныхъ сношеніяхъ, еще болѣе преданные, любящіе другъ друга,—если только было возможно быть еще болѣе преданными и любящими, — они прожили до глубокой старости, на радость своихъ друзей и зависть враговъ.

---

[3]) И въ другомъ разсказѣ, нами слышанномъ, жена князя даетъ увѣдѣю, отказавшемуся удовлетворить ея страсть, поѣсть мозга ослинаго, что, будто-бы, причиняетъ выпѣзаніе волосъ и порчу всей вообще наружности

КАБАРДИНСКІЯ СКАЗКИ.

Гадальщица Бабочка.

Одинъ мулла ѣхалъ вдоль аула на розыски своей пропавшей лошади. Ему встрѣтилась женщина. Почему-то предположивъ, что женщина эта должна быть гадальщица, мулла пристalъ къ ней, чтобы она погадала ему о пропавшей его лошади. Не слушая увѣренія бѣдной женщины, что она не умѣетъ гадать и въ жизни своей не брала съ этою цѣлью въ руки фасоли, мулла понудилъ ее зайти съ нимъ въ ближайшую саклю. Тамъ, доставъ у хозяевъ фасоли, онъ посадилъ женщину гадать. Та, не умѣвшая, дѣйствительно, гадать, кинула раза два фасоль и, чтобъ только отдѣлаться какъ-нибудь отъ назойливаго муллы, сказала: „вѣдь лошадь, которую ты розыскиваешь, стоитъ за твоимъ дворомъ, возлѣ сѣна твоихъ сосѣдей“. Мулла, вернувшись, въ самомъ дѣлѣ нашелъ свою лошадь на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ указала женщина. „Какая свѣдущая гадальщица!“, удивился мулла, загнавъ коня домой.

Черезъ нѣсколько времени послѣ того у дочери хана пропалъ перстень. Какъ ни розыскивали, къ какимъ гадальщицамъ ни обращались, никакъ не могли найти перстень. Ханъ сильно былъ огорченъ этою пропажею. Придя разъ къ хану и узнавъ, о чемъ онъ печалится, мулла посовѣтовѣлъ ему обратиться къ гадальщицѣ, отыскавшей его коня. Послали тотчасъ за ней. Какъ она ни отказывалась, но ее все-таки усадили гадать. Въ это самое время гадальщицу вызвала изъ комнаты старая служанка хана, которая, испугавшись, чтобы гадальщица сама не открыла, созналась въ томъ, что она украла перстень ханской дочери, и просила гадальщицу, чтобы она не выдала ея, перстень-же она возвратитъ тотчасъ, положивъ его подъ порогъ. Бабочка [1]) охотно согласилась и, увѣривъ старуху, что она не выдастъ ея, вернулась въ комнату. Зная уже, гдѣ перстень, она смѣло могла гадать; кинувъ раза два фасоль, чтобы дать время старухѣ положить перстень на мѣсто, она самоувѣренно сказала: „ахъ, Богъ мой, да вѣдь перстень, надъ отысканіемъ котораго

[1]) Такъ звали гадальщицу.

вы такъ долго ломали голову, лежитъ тутъ-же подъ порогомъ!“ Пошли, и что-же? дѣйствительно, нашли его, такъ-какъ укравшая старуха только-что положила его туда. Когда доложили хану объ этомъ, ему вздумалось испытать, на сколько, въ самомъ дѣлѣ, велико умѣнье гадальщицы. Призвавъ ее, онъ сказалъ: „если ты хорошая гадальщица, я сожму что-либо въ своемъ кулакѣ, такъ, чтобы ты не видѣла, а ты отгадывай, что будетъ находиться у меня въ кулакѣ. Отгадаешь, значитъ—ты хорошая гадальщица и я тебя награжу; если-же нѣтъ, ты только — обманщица и я велю тебя казнить“. Тутъ-то Бабочка окончательно поникла головою. Ханъ выслалъ ее и, только-что подумалъ онъ, что́-бы положить въ кулакъ, какъ влетѣла въ комнату бабочка. Ханъ подумалъ, что это отличный случай и гадальщицѣ никакъ не можетъ придти въ голову, чтобы онъ, сидя въ комнатѣ, могъ поймать бабочку. Схвативъ и сжавъ ее въ кулакѣ, онъ велѣлъ ввести снова гадальщицу и усадилъ ее отгадывать. Бѣдная женщина, усѣвшись и кидая фасоль, стала размышлять о томъ, какъ извернуться изъ этого безвыходнаго положенія, такъ-какъ не могла-же она, не умѣя вовсе гадать, извернуться при помощи фасоли. Но какъ ни думала, ничего не могла придумать. Тогда, въ отчаяніи, она сказала, обращаясь къ самой себѣ: „бѣдная Бабочка, попалась ты теперь въ гибельное для тебя мѣсто!“ — „Ну да и гадальщица-же!“ сказалъ тогда сильно удивленный ханъ, (не знавшій, что имя гадальщицы также Бабочка), разжимая свой кулакъ и выпуская оттуда бабочку. Женщина, не вѣря своему счастію, поспѣшила убраться поскорѣе во-свояси, съ даннымъ ей ханомъ золотомъ, закаиваясь вовсеуслышаніе никогда болѣе не гадать.

Кошелекъ Ногайки.

До занятія кабардинцами *Акбаша* [2]), тамъ, говорятъ, жили ногайцы. Но передъ приходомъ кабардинцевъ, земля эта была покинута ногайцами и нѣкоторое время оставалась пустопорожнею. Въ это-то промежуточное время, одинъ кабардинецъ

[1]) Правый берегъ Терека, заселенный малокабардинцами.

пріѣхалъ въ камыши, здѣсь находившіеся, поохотиться по первому выпавшему снѣгу. Только-что онъ приблизился къ камышамъ, какъ видитъ на снѣгу слѣды семи собакъ и одного верховаго. Недоумѣвая, кто-бы могъ сюда пріѣхать, такъ-какъ мѣста эти были опасныя и рѣдко кѣмъ посѣщались, кабардинецъ „взялъ слѣды“ и поѣхалъ по нимъ, но не по тому направленію, куда они пошли, а обратно, откуда они шли. Все не покидая слѣдовъ, онъ въѣхалъ въ камыши, гдѣ въ самой гущѣ встрѣтилъ небольшую ногайскую кибитку. Когда онъ подъѣхалъ къ ней, оттуда вышла къ нему дѣвушка и, привѣтствовавъ, пригласила его въ кибитку. На вопросъ его: „есть-ли тутъ странникъ?“ [3]), дѣвушка отвѣчала, что „онъ поѣхалъ на ловлю того, что не могли-бы догнать семь скакуновъ“. Тогда кабардинецъ, желая узнать, кто-бы могъ быть этотъ поселившійся въ пустынѣ съ одною дѣвушкою человѣкъ, слѣзъ съ коня и зашелъ въ кибитку, съ намѣреніемъ дождаться охотника, который поѣхалъ съ борзыми на ловлю зайцевъ и лисицъ. Пока дѣвушка, приготовляя гостю закуску, возилась надъ огнемъ, вернулся и хозяинъ кибитки, съ нѣсколькими затравленными зайцами и лисицами. Оказалось, что это былъ бѣдный старикъ ногаецъ, который, при перекочевкѣ его племени, не имѣя средствъ послѣдовать за нимъ, остался здѣсь съ своею единственною дочерью и пропитывалъ себя и дочь кое-какъ тѣмъ, что затравливалъ на охотѣ своимъ единственнымъ достояніемъ — семью борзыми собаками. „Какъ только немного соберусь съ силами, думаю послѣдовать за своимъ племенемъ“, заключилъ старикъ свой печальный разсказъ. Дочь старика понравилась кабардинцу и онъ вознамѣрился теперь-же предложить старику выдать ее за него, а самому, чѣмъ ѣхать вдаль къ своему племени, переселиться къ нему, гдѣ онъ проживетъ старость безъ нужды. Отказываясь отъ предложенія кабардинца на счетъ переселенія, старикъ отвѣтилъ, что онъ препятствовать не будетъ, если дочь согласна за него идти. Дочь-же сказала, что она пойдетъ за него, если только онъ не откажетъ снабдить старика, ея отца, средствами для возвращенія на родину. „Одному старику потребуется немного, ему будетъ достаточно, если дать ему денегъ, сколько вмѣстится въ этотъ кошелечекъ“, сказала дѣвушка, доставъ изъ-за пазухи небольшой кошелекъ и передавая его кабардинцу. Видя, какъ малъ

---

[3]) Т. е. живетъ-ли здѣсь какой-либо мужчина.

кошелекъ, кабардинецъ сказалъ, что наполнить его дѣло пустое и что онъ съѣздитъ только домой и тотчасъ привезетъ кошелекъ, наполненный серебромъ. Вернувшись домой, онъ насыпалъ въ кошелекъ все серебро, какое имѣлъ дома, но въ кошелькѣ не замѣтно было никакой перемѣны,—онъ былъ, казалось, такимъ-же пустымъ, какимъ былъ привезенъ. Занялъ кабардинецъ у сосѣда серебра, сколько у того оказалось, насыпалъ и то въ кошелекъ; но онъ все-такой-же пустой, какъ въ началѣ. Занялъ у третьяго, четвертаго, наконецъ объѣздилъ всѣхъ знакомыхъ, родныхъ,—словомъ, побывалъ вездѣ, гдѣ только расчитывалъ найти какое-либо серебро, клалъ все найденное въ мѣшокъ, но онъ нисколько не наполнялся. Наконецъ пріѣзжаетъ онъ, совершенно уже отчаявшись наполнить когда-либо кошелекъ, къ одному кабардинцу, который былъ женатъ на сестрѣ ногайки, давшей ему этотъ кошелекъ. Услышавъ странное свойство кошелька и потомъ увидѣвъ его, женщина эта сказала: „а, я узнаю его, это кошелекъ моей сестры, негодной вѣдьмы. Не зная его секрета, ты не наполнишь его серебромъ всего міра. Но я его сейчасъ наполню“, сказала она. Взяла потомъ немного земли, насыпала въ кошелекъ и, когда потомъ положила туда-же одну небольшую монету, кошелекъ оказался полонъ. Удивленный кабардинецъ просилъ тогда объяснить ему, что это значитъ. Женщина разъяснила слѣдующее: „кошелекъ этотъ выдѣланъ изъ утробы человѣческой; извѣстно, что человѣческая утроба не насыщается, не наполняется до-тѣхъ-поръ, пока не попадетъ въ нее земля. И кошелекъ этотъ обладаетъ тѣмъ-же свойствомъ. Ты положилъ въ него столько серебра, что, казалось, можно было имъ наполнить сотни такихъ кошельковъ, а между-тѣмъ кошелекъ былъ пустъ, какъ и въ началѣ. Я-же, какъ ты видѣлъ, зная его свойство, насыпала въ него немного земли, — и онъ наполнился и одной монетой. Теперь, когда ты знаешь его свойство, и ты можешь наполнить его, положивши ровно столько, сколько желаешь“. —„Хорошо-же“, подумалъ кабардинецъ, „покажу я этой негодной вѣдьмѣ, какъ обманывать меня“. И, пріѣхавши домой, онъ высыпалъ изъ кошелька всѣ деньги, какія уже тамъ находились; взятыя у другихъ возвратилъ заимодавцамъ обратно. Потомъ, изъ своихъ денегъ положивъ въ кошелекъ столько, сколько онъ нашелъ достаточнымъ калымомъ за ногайку, поѣхалъ къ старику-ногайцу. Дѣвушка со старикомъ, принявъ кабардинца очень радушно, угостивъ, спросили, привезъ-ли онъ назадъ кошелекъ? Кабардинецъ

вынулъ его и положилъ передъ дѣвушкой. Та, взявъ кошелекъ въ руки и чувствуя, что онъ очень легокъ, быстро высыпала изъ него деньги и, сосчитавши ихъ, сказала: „странно, кошелекъ мой не имѣлъ обыкновенія столь малымъ наполняться“, но, тотчасъ-же догадавшись, что, навѣрное, ея вѣдьма сестра объяснила кабардинцу свойство кошелька, не прибавила ничего болѣе. „Ты исполнилъ свое обязательство“, сказала потомъ дочь ногайца, „и я не измѣню своему слову, выйду замужъ за тебя, хотя расчитывала на гораздо бо̀льшій калымъ. Но въ отплату за съигранную имъ со мною штуку“, продолжала она, обратившись къ отцу, „обѣщаю тебѣ, отецъ, я сдѣлаю съ нимъ то, что онъ будетъ показываться людямъ только разъ—сперва втеченіи семи дней, затѣмъ семи недѣль, потомъ семи мѣсяцевъ и наконецъ семи лѣтъ“. Кабардинецъ, не пугаясь обѣщанной ему незавидной бабьей жизни, все-таки взялъ дѣвушку и женился на ней. Но, говорятъ, жена такъ забрала его въ руки, что онъ дѣйствительно, не выходилъ изъ своей сакли и не показывался людямъ, какъ предсказала она.

Три дочери старика.

У одного старика было три дочери. Старикъ этотъ былъ бѣденъ, не имѣлъ средствъ содержать свою семью. Разъ, выйдя въ поле и бродя тамъ, натknулся онъ нечаянно на яблоню. Сорвавъ три яблока, по одному для каждой дочери, и положивъ ихъ въ свои ноговицы, вернулся онъ къ своимъ дочерямъ и сказалъ старшей изъ нихъ: „сними съ меня ноговицы“. — „До тебя-ли мнѣ, когда я умираю съ голоду“, сказала она и не согласилась. Потомъ старикъ обратился съ тою-же просьбой къ средней дочери, но и она также отказалась. Тогда младшая дочь встала и, говоря: „бѣдный отецъ, когда ты былъ богатъ, за тобой всѣ ухаживали, а теперь тебя, обѣднѣвшаго, никто не хочетъ знать“, сняла съ него ноговицы, изъ-за которыхъ выпали три яблока. Тогда обѣ старшія дѣвушки попросили младшую, чтобы она дала имъ по яблоку. Хотя младшая отвѣтила: „за что я вамъ дамъ, когда вы не хотѣли снять ноговицъ“, — но дала имъ по одному

яблоку. Тогда старикъ сказалъ дочерямъ, что онъ поведетъ ихъ на другой день собирать яблоки къ яблонѣ. Утромъ онъ ушелъ раньше ихъ, сказавъ, что будетъ идти и строгать палку, а онѣ шли-бы за нимъ по этому слѣду. Прибывъ къ яблонѣ, старикъ вырылъ большую яму, накрылъ ее ковромъ; потомъ, тряхнувши хорошенько яблоню, покрылъ яблоками коверъ. Когда дѣвушки, пришедши, взбѣжали на коверъ, всѣ три упали въ яму и остались тамъ. Старикъ, накрывъ хорошенько яму сверху, вернулся домой. Старшая изъ трехъ дѣвушекъ попросила у Бога, чтобы въ крышѣ ямы продѣлалось отверстіе, хотя не больше ушка иголки. По ея просьбѣ, открылось отверстіе въ крышѣ ямы. Средняя попросила: „Боже, открой верхъ ямы, и дозволь намъ выйти изъ нея“. Какъ она просила, верхъ ямы самъ собою снялся и онѣ изъ нея вышли. Затѣмъ и младшая попросила: „Боже, пошли намъ одно блюдо, полное *лыбжа*“ [1]). Какъ она просила, такъ передъ тремя дѣвушками и очутилось блюдо лыбжа. Онѣ хорошенько покушали и поднялись потомъ на яблоню. Пока онѣ тамъ сидѣли, одинъ ханъ, бывшій съ товарищами на охотѣ, подъѣхалъ къ нимъ и спросилъ, что онѣ за люди? Тѣ отвѣтили, что онѣ адыге. Тогда ханъ спросилъ, что онѣ могутъ работать? Старшая сказала, что въ одинъ день можетъ приготовить всю одежду на сто всадниковъ; средняя сказала, что она приготовитъ одежду на пятьдесятъ всадниковъ; младшая-же сказала: „а я, если рожу, то рожу двухъ дѣтей; одно дитя мужескаго, другое женскаго пола; у каждаго изъ нихъ одна половина будетъ *бѣлаго золота* [2]), другая желтаго золота“. Тогда ханъ, обдумавши сказанное дѣвушками, младшую изъ нихъ выбралъ себѣ въ жены, а двухъ старшихъ отдалъ своимъ товарищамъ. Взяли дѣвушекъ и уѣхали. Прослышавши, что ханъ привезъ себѣ жену, устроили большой пиръ. Въ скоромъ времени забеременѣла жена хана; но она еще не успѣла родить, какъ ханъ уѣхалъ въ дальній путь, откуда не могъ вернуться раньше года. Въ его отсутствіе жена его разрѣшилась и, какъ говорила, родила близнятъ. Но какъ-только она родила, сестры ея прибѣжали и подмѣнили обоихъ дѣтей двумя щенками; малютокъ-же отнесли и кинули въ воду. Когда настало время возвратиться хану, къ нему выѣхали на встрѣчу и сказали, что жена его раз-

[1]) Рубленная и поджаренная на маслѣ говядина.

[2]) Платиновыя монеты назывались монетами *бѣлаго золота*.

рѣшилась отъ бремени и родила двухъ щенятъ. Ханъ приказалъ встрѣтившимъ его тотчасъ вернуться, зарѣзать одного быка, снять съ него кожу, не разрѣзывая ея, положить въ эту кожу ханшу и привязать ее потомъ къ воротамъ. Какъ-только вернулись они, немедля зарѣзали быка, вложили въ его кожу ханскую жену и привязали къ воротамъ.

Брошенныя въ воду дѣти были взяты госпожею *рѣчною* [3]).

Жена хана, привязанная къ воротамъ, видѣла каждый день, какъ дѣти ея сидѣли на одномъ большомъ камнѣ, находившемся по срединѣ рѣки. Увидѣвъ однажды, что одна женщина проходила мимо, она попросила у ней немного муки. Та дала ей муки. Тогда ханская жена сдѣлала изъ этой муки двѣ лепешки, одну изъ нихъ замѣсивши на молокѣ изъ своей груди, а другую на водѣ. Лепешки эти она переслала сидѣвшимъ на камнѣ дѣтямъ черезъ одну женщину, шедшую по воду, попросивъ ее, чтобы она положила тѣ лепешки на большой камень, находящійся въ водѣ. Женщина отнесла и положила лепешки на камень. Когда дѣти, по обыкновенію, вышли къ камню, то увидѣли на немъ лепешки и поспѣшно схватили ихъ; мальчику попалась лепешка, сдѣланная на молокѣ, дѣвочкѣ-же приготовленная на водѣ. Мальчикъ, попробовавъ свою лепешку, вскричалъ: „аллахъ, аллахъ, какая вкусная, будто она приготовлена на грудномъ молокѣ“; дѣвочка сказала: „а мою будто мѣсили на водѣ“. Говоря такъ, они съѣли лепешки. Потомъ они вернулись къ госпожѣ рѣчной; та спросила ихъ, что они сегодня видѣли. Дѣти отвѣтили, что они на камнѣ нашли двѣ лепешки: одна изъ нихъ, казалось, мѣшена на грудномъ молокѣ, другая на водѣ, и они ихъ поѣли. Тогда рѣчная госпожа, сказавъ, что они въ такомъ случаѣ не могутъ стать ея дѣтьми, отпустила ихъ. Дѣти отправились въ лѣсъ. Мальчикъ выстроилъ рубленный домъ и поселился въ немъ съ сестрою. Ежедневно убивалъ онъ оленей и этимъ жили они.

Однажды, когда народъ собрался сообща принести жертву, одинъ бѣднякъ, не имѣя, что положить въ складчину, пошелъ въ лѣсъ, думая, не найдетъ-ли тамъ или дохлаго зайца, или оленя, и присоединитъ его къ общему сбору. Ходя по лѣсу, онъ наткнулся на домъ мальчика. „Жалуй, *дада* [4]), къ намъ, мы такіе-же, какъ ты, люди“, сказалъ мальчикъ и затѣмъ зазвалъ его къ себѣ,

[3]) Исыхо-Гоаша.

[4]) Съ этимъ словомъ обращаются къ отцу, а равно къ старику.

накормилъ вдосталь; далъ ему мяса, сколько тотъ могъ взять, и отпустилъ домой. Старикъ, все удивляясь видѣнному, вернулся въ аулъ и, отправившись къ тѣмъ двумъ женщинамъ, которыя кинули дѣтей въ воду, сказалъ, что онъ видѣлъ такое-то чудо въ лѣсу и хочетъ сказать о томъ хану. „Да пропадешь ты, негодный! если ты видѣлъ какой-нибудь *шайтанскій* домъ, то можно-ли о томъ говорить хану“, сказали женщины и не допустили старика до хана. Обѣ женщины отправились потомъ къ дѣвочкѣ и, сказавъ ей: „бѣдняжка, какая можетъ быть у тебя радость, если твой братъ не достанетъ тебѣ такого-то голубя, находящагося въ томъ-то мѣстѣ“, вернулись домой. Воротившійся братъ засталъ сестру плачущую. На вопросъ, о чемъ плачетъ, она объяснила, что не будетъ знать покоя до-тѣхъ-поръ, пока онъ не привезетъ ей голубя, находящагося въ такомъ-то мѣстѣ. Пошелъ братъ къ рѣчной госпожѣ и объявилъ ей: „какъ теперь быть, сестра моя плачетъ, требуя, чтобы я привезъ ей голубя“? — „Поразилъ-бы Богъ тѣхъ, которыя научили ее этому“, сказала рѣчная госпожа. „Но, дѣлать нечего, надо за нимъ ѣхать. На пути ты встрѣтишь одну грушу, плоды которой будутъ дотого кислы, что невозможно положить ихъ въ ротъ; но ты удивись, какіе они вкусные, сорви три груши, изъ нихъ одну скушай, а двѣ другія положи за пазуху,—тогда ты проѣдешь мимо этой груши, а иначе она тебя не пропуститъ. Проѣхавши грушу, ты встрѣтишь очень мутную рѣку. Ты скажи: какая это чудная рѣка! слѣзь съ коня, умойся и напейся этой воды,—тогда рѣка сдѣлается мелка и ты проѣдешь ее, а иначе и она тебя не пропуститъ. Послѣ этой рѣки, ты встрѣтишь пески. Скажи: какой чудесный песокъ, ахъ, если-бы онъ находился въ моемъ краѣ! Затѣмъ возьми немного песку и положи за пазуху,—тогда и пески тебя пропустятъ. Проѣхавши пески, ты встрѣтишь голубя, сидящаго на *шардакѣ* [5]). Ты схвати его и скачи назадъ. Хозяинъ голубя крикнетъ тогда вслѣдъ тебѣ: „хахай, пески мои, не пускайтѣ его!“ Но пески пропустятъ тебя, сказавши: „да принесешься ты ему въ жертву! когда служанки брали песокъ, ты ругалъ ихъ, говоря, что они пачкаютъ дворъ“. Когда пріѣдешь къ рѣкѣ, онъ снова крикнетъ: „хахай, рѣка моя, не пускай его!“ Но и рѣка тебя пропуститъ, сказавши: „да принесутъ тебя въ жертву ему! когда служанки приносили два ведра

[5]) Малыхъ размѣровъ, но высокое жилье.

воды, ты ругалъ ихъ, говоря, что они, вмѣсто воды, принесли песку". Наконецъ онъ крикнетъ: „хахай, моя груша, не пускай его", но и она, отвѣтивъ: „да принесутъ тебя ему въ жертву! когда мальчики приносили груши тебѣ, ты ругалъ ихъ, говоря, что они принесли кислыхъ грушъ", пропуститъ тебя и ты вернешься домой съ голубемъ". — Мальчикъ отправился въ путь. Какъ говорила рѣчная госпожа, такъ онъ и поступилъ и привезъ сестрѣ голубя. Дѣвочка съ-тѣхъ-поръ проводила время, забавляясь голубемъ. Однажды тотъ-же бѣдный старикъ пошелъ опять въ лѣсъ и снова набрелъ на домъ мальчика; этотъ зазвалъ его къ себѣ, накормилъ вдосталь и, давъ ему какъ можно больше мяса, отпустилъ домой. Старикъ опять сообщилъ двумъ женщинамъ, какъ и прежде, все видѣнное. Женщины пошли бѣгомъ къ дѣвочкѣ. Брата ея не было дома, а она сидѣла, забавляясь голубемъ. „Несчастнѣйшая, и ты довольствуешься тѣмъ, что имѣешь какого-нибудь негоднѣйшаго голубенка! Что за жизнь твоя, если снохою твоею не будетъ *Айришъ - айриша-канъ*" [6]), сказали дѣвочкѣ женщины и ушли. Вернувшись, братъ засталъ сестру рыдающую. Спрашиваетъ, что случилось. Сестра отвѣтила, чтобы онъ взялъ себѣ въ жены *ой, ой, Айришъ - айриша-канъ*. „Вотъ несчастіе, гдѣ-же я ее достану!", сказалъ братъ и пошелъ къ рѣчной госпожѣ. Та спросила, зачѣмъ онъ пришелъ. „Пришелъ я вотъ зачѣмъ: сестра моя плачетъ и требуетъ, чтобы я далъ ей въ снохи *ой, ой, Айришъ - айриша-канъ*", сказалъ онъ.—„Что-же дѣлать, сестра хочетъ, вѣрно, погубить тебя во что-бы то ни стало. Поѣзжай, она находится вотъ въ такомъ-то мѣстѣ. Изъ-за нея сто человѣкъ превратились уже въ каменные столбы. И ты становись съ самаго ихъ края и три раза крикни ее по имени; если она повернется и взглянетъ на тебя, возьми ее и вернись; если-же она не оглянется, то и ты превратишься въ столбъ", сказала ему рѣчная госпожа. Юноша поѣхалъ и, ставъ съ самаго края столбовъ, крикнулъ со всей мочи: хахай! Айришъ! Она не оглянулась и ноги его до колѣнъ окаменѣли. Второй разъ крикнулъ онъ: хахай, Айришъ! И въ этотъ разъ она не оглянулась и онъ до поясницы превратился въ камень. Наконецъ, когда онъ третій разъ крикнулъ: хахай, Айришъ! и она

---

[6]) Правильнѣе, вѣроятно, *ерышъ*, что значитъ: упрямый—ая, терпѣливый—ая. Слѣд., Айришъ-айриша-канъ значитъ: упрямая воспитанница упрямой-же; названа такъ, вѣроятно, потому, что упорствуетъ на томъ, чтобы не оглянуться на зовъ.

не оглянулась, онъ весь превратился въ камень. Между-тѣмъ сестра его глядитъ, слушаетъ, — нѣтъ ея брата, исчезъ. Наконецъ она отправляется къ рѣчной госпожѣ. „Братъ мой пропалъ“, сказала она ей. — „Кто-же виноватъ? ты, негодная, не успокоилась, пока не погубила его. Ступай вонъ къ тѣмъ столбамъ; самый крайній изъ нихъ—твой братъ. Стань и ты рядомъ съ нимъ и крикни три раза: хахай, Айришъ! Если она оглянется — твой братъ вернется, если-же не оглянется — и ты также превратишься въ столбъ“, сказала ей рѣчная госпожа. Дѣвушка пошла и стала на самомъ краю столбовъ. Крикнула она разъ: хахай, Айришъ!, та не оглянулась и дѣвушка до колѣнъ стала камнемъ. Крикнула потомъ второй разъ: хахай, Айришъ!, та не оглянулась и дѣвушка превратилась до поясницы въ каменный столбъ. Наконецъ, когда въ третій разъ дѣвушка крикнула: „Айришъ Айриша-канъ, да опакостятъ уста твоего отца собаки, зачѣмъ ты не хочешь оглянуться ради меня!“, та засмѣялась: „кикь, кикь, кикь“, и оглянулась. Тогда всѣ столбы снова ожили. Кто помнилъ свой домъ, поѣхалъ домой, кто-же не помнилъ, присоединился къ юношѣ, который тотчасъ-же вернулся съ сестрою домой.

Пришелъ снова въ лѣсъ старикъ и видитъ—большой пиръ у того юноши. Пригласили и его зайти, накормили, дали мяса и отпустили домой. Вернувшись, старикъ пришелъ къ хану и сказалъ: „я видѣлъ чудо въ лѣсу: тамъ живетъ какой-то юноша, а при немъ одна дѣвушка и много другаго народа“. Ханъ велѣлъ скорѣе осѣдлать коня, поѣхалъ въ лѣсъ и нашелъ тамъ пированье и большое веселье. „Селямъ алейкумъ“, сказалъ ханъ, остановившись передъ домомъ.—„Алейкумъ селямъ“, отвѣтилъ юноша, выходя изъ дому къ хану и приглашая его слѣзть съ коня и быть гостемъ. „Слѣзать съ коня мнѣ некогда, но я-бы желалъ знать, кто ты такой“, сказалъ ханъ. — „Я не говорю всякому встрѣчному, кто я такой“, отвѣтилъ юноша: „заходи ко мнѣ въ домъ, тогда узнаешь, кто я“. Ханъ зашелъ къ нему. Приняли его какъ нельзя лучше, кормили, поили и веселили его, сколько только могли. Ханъ опять спросилъ, кто такой онъ, юноша. „Кто я такой—скажу, пріѣхавши къ тебѣ погостить“, отвѣтилъ юноша.—„Очень хорошо; только въ тотъ день, когда ты соберешься ко мнѣ, дай мнѣ о томъ знать“, отвѣтилъ ханъ и уѣхалъ домой, получивъ на свою просьбу согласіе юноши. Юноша, выбравъ одну пятницу, собрался къ хану. Не доѣзжая

немного до хана, юноша послалъ къ нему сказать, что онъ ѣдетъ, но что не въѣдетъ къ нему въ дворъ, пока женщина, привязанная къ воротамъ, не будетъ отвязана. Пара щенятъ, тѣхъ самыхъ, которые были подкинуты женѣ хана, встрѣтили и обняли его, одинъ спереди, другой сзади; такимъ образомъ ѣхалъ юноша. Посланнаго ханъ воротилъ назадъ, сказавъ, что онъ не отвяжетъ женщины. „Если не хочетъ отвязать—и я не ѣду къ нему“, сказалъ юноша и хотѣлъ уже вернуться назадъ; тогда ханъ сказалъ, что, нечего дѣлать, отвяжетъ женщину и велѣлъ, отвязавъ ее, запереть въ катухъ. Потомъ пріѣхалъ и юноша, обнятый двумя щенятами, чему весь народъ крайне удивлялся, говоря: какъ могли привязаться къ нему такія злыя собаки, не дававшія никому прохода! Въѣхалъ юноша во дворъ, слѣзъ съ коня — ханъ устроилъ ему большой пиръ. Юноша велѣлъ принести ему какую-либо старую чашку. Накладывая въ эту чашку всякаго кушанья, какое приносили впродолженіи всего пира, онъ отсылалъ ее къ женщинѣ, которая была привязана къ воротамъ. Кончился и пиръ. „Скажи-же теперь, кто ты“, спросилъ тогда ханъ юношу. „Если желаешь знать, кто я, то ты—мой отецъ, а женщина, привязанная къ воротамъ—моя мать“, сказалъ юноша. „Если не вѣришь, вели призвать двухъ ея сестеръ и спроси“. Потомъ ханъ велѣлъ привести тѣхъ двухъ женщинъ и, привязавъ ихъ къ хвостамъ лошадей-неуковъ, пустилъ въ степь. Съ того времени ханъ, признавъ юношу за сына, его сестру за дочь и свою жену опять за жену, живетъ съ ними и до-сихъ-поръ.

По этому случаю, говорятъ, и заведенъ обычай, что князья и ханы не разводятся съ своими женами.

Старикъ пастухъ.

Телятъ одного аула пасъ одинъ бѣдный старикъ, котораго за это аулъ поочередно каждый вечеръ кормилъ. Въ одинъ вечеръ съ одного двора принесли ему коровай хлѣба и кувшинъ бузы. Старикъ со своею старухою поѣли хлѣбъ, выпили бузу. Хлѣбъ сталъ цѣлъ, какъ былъ, и кувшинъ снова наполнился бузой. Тогда старикъ раздумалъ пасти телятъ, говоря, что хлѣба

этого и кувшина бузы на вѣкъ хватитъ ему. На другой день аулъ сказалъ, чтобы онъ гналъ пасти телятъ; на это старикъ отвѣтилъ, что имѣетъ теперь чѣмъ прокормиться свой вѣкъ и не желаетъ болѣе пасти телятъ. Тогда нѣсколько человѣкъ отправились къ одному мудрецу [1]) и сказали ему: „нашъ пастухъ отказался пасти телятъ,—научи насъ, какъ его заставить вновь пасти ихъ“. Мудрецъ сказалъ имъ: „объявите хану о кувшинѣ и хлѣбѣ старика, ханъ возьметъ ихъ у него, тогда онъ, ставши снова бѣднымъ, какъ прежде, поневолѣ будетъ пастухомъ“. Люди эти пришли къ хану и сказали: „нашъ пастухъ говоритъ, что у него есть одинъ кувшинъ бузы и коровай хлѣба и что онъ хотѣлъ-бы принести ихъ тебѣ, но боится, не зная, понравится-ли то тебѣ.“ Ханъ, призвавъ пастуха, велѣлъ ему принести къ нему свой кувшинъ бузы и коровай хлѣба. Старикъ, горестный, долженъ былъ исполнить это. Всѣ находившіеся тогда у хана люди напились бузы и поѣли хлѣба вдоволь, но и потомъ кувшинъ наполнился бузою снова, и хлѣбъ оказался цѣлымъ. Тогда ханъ, давъ старику по парѣ быковъ и коровъ и возвративъ ему также его кувшинъ и хлѣбъ, отпустилъ домой. Аулъ, снова собравшись, отправился къ мудрецу и сказалъ: „Зачѣмъ погубилъ ты насъ, вѣдь ханъ не только возвратилъ старику кувшинъ и хлѣбъ, но далъ ему еще въ придачу по парѣ быковъ и коровъ.“ Мудрецъ снова сказалъ имъ: „Подите и скажите хану такъ: старикъ-пастухъ говоритъ, что онъ нашелъ-было въ степи одно яйцо и хотѣлъ отдать его хану, но такъ-какъ ханъ ничего не говоритъ ему, то онъ, пастухъ, и не рѣшается отнести яйцо. Когда ханъ призоветъ и потребуетъ отъ пастуха яйцо, то онъ не найдетъ его и тогда ханъ отниметъ у него все что ему подарилъ и притомъ прикажетъ пасти опять телятъ“. Пошли къ хану и, какъ научилъ ихъ мудрецъ, такъ и сказали. Ханъ призвалъ старика и сказалъ ему: „принеси мнѣ яйцо, которое ты нашелъ въ степи“. Старикъ, вернувшись домой, взялъ яйцо и отнесъ хану, который тогда еще болѣе обласкалъ его. Аулъ отправился опять къ мудрецу и сказалъ: „Зачѣмъ ты насъ обманываешь? Ханъ еще болѣе обласкалъ пастуха“. Мудрецъ возразилъ: „такъ идите снова къ хану и скажите, что пастухъ хотѣлъ принести и курицу, которая снесла то яйцо, но такъ-какъ ханъ ничего не говоритъ, то и не несетъ.“ Пошли и сказали хану.

---

[1]) *Орсарыжъ*—старецъ-мудрецъ.

Ханъ призвалъ пастуха и сказалъ: „принеси мнѣ курицу, что снесла яйцо, которое ты отдалъ мнѣ.“ Старикъ съ воплями вернулся домой. „Что случилось?“ спросила его жена.—„Случилось то, что ханъ требуетъ, чтобы я нашелъ ему курицу, которая снесла яйцо, ему отданное“, сказалъ старикъ.—„Что-же дѣлать“, отвѣтила его жена, „ступай ищи ее.“ Старикъ отправился и только-что вышелъ за ворота, какъ его встрѣчаетъ одинъ человѣкъ и, сказавъ: селямъ алейкумъ, подошелъ къ нему, на что старикъ, по обычаю, отвѣтилъ: алейкумъ селямъ. „Куда идешь?“ спросилъ тотъ человѣкъ. „Знаю-ли и самъ, куда идти? Пасши телятъ, я нашелъ одно яйцо и отнесъ его хану, а онъ потребовалъ теперь, чтобъ я нашелъ и курицу, которая снесла то яйцо. И вотъ теперь иду ее искать“, сказалъ старикъ-пастухъ.—„Такъ стоитъ-ли изъ-за этого печалиться? ты узнаешь мѣсто, гдѣ нашелъ яйцо?“—„Конечно, узнаю.“—„Такъ смѣшай краснаго и чернаго проса, потомъ отнеси его и положи въ томъ мѣстѣ, гдѣ нашелъ яйцо, а самъ скройся въ сторонку; тогда прилетятъ двѣ курицы и станутъ ѣсть просо; когда онѣ наѣдятся вволю, ты кинься на нихъ: изъ нихъ одна улетитъ, а другую ты поймаешь и принесешь.“ Старикъ такъ и поступилъ. Когда прилетѣли двѣ курицы и наѣлись проса, онъ кинулся на нихъ: одна улетѣла, а другую онъ поймалъ и принесъ къ хану. Ханъ его обласкалъ и, подаривъ ему снова по парѣ быковъ и коровъ, отпустилъ. „Старикъ еще болѣе разбогатѣлъ“, сказалъ аулъ и, придя къ мудрецу, объявилъ ему: „убьемъ тебя сейчасъ, если ты не дашь слова поступить съ нами теперь по правдѣ“. Тогда мудрецъ сказалъ имъ опять: „пойдите и скажите хану, что пастухъ говоритъ, что онъ хотѣлъ-бы женить хана на той дѣвушкѣ, которой принадлежитъ курица, но что такъ-какъ ханъ ничего не говоритъ, то и не женитъ его.“ Пошли и сказали. Ханъ призвалъ старика и сказалъ: „достань мнѣ въ жены дѣвушку, которой принадлежитъ та курица.“ Старикъ съ воплями вернулся домой, осѣдлалъ коня и выѣхалъ, рыдая. Какъ только выѣхалъ онъ за ворота, его встрѣтилъ одинъ человѣкъ и, размѣнявшись съ нимъ селямомъ, спросилъ его, куда онъ ѣдетъ. „Знаю-ли я и самъ, куда я ѣду? Нашелъ я одну курицу въ степи и отдалъ ее хану; теперь онъ потребовалъ, чтобы я ему досталъ въ жены и дѣвушку, которой принадлежитъ та курица. Такъ вотъ ѣду за ней, а гдѣ она—и самъ не знаю“, сказалъ старикъ.—„Изъ-за этого-ли ты печалишься?“ сказалъ встрѣтив-

шійся человѣкъ: „дѣвушка эта находится въ такомъ-то мѣстѣ. Ты поѣзжай въ тотъ аулъ, выбравъ для этого пятницу, и гдѣ-либо скройся. Дѣвушка спустится съ шардака [2]), зайдетъ въ два-три дома и потомъ будетъ возвращаться снова на шардакъ; тогда подскачи къ ней, схвати и, посадивъ на коня, скачи назадъ. Вслѣдъ тебя будутъ стрѣлять изъ пушекъ, изъ ружей, но ты не оглядывайся ни-зачто назадъ.“ Старикъ сдѣлалъ такъ и, привезя дѣвушку, отдалъ ее хану. Этотъ отдарилъ старика, какъ только могъ: далъ ему съ-полъ аула холоповъ и назвалъ его своимъ отцомъ. Тогда аулъ снова отправился къ мудрецу, говоря: „зачѣмъ ты насъ погубилъ, вѣдь ты сдѣлалъ его еще болѣе богатымъ.“ Но мудрецъ сказалъ имъ: „еще разъ сходите къ хану и скажите, что старичокъ говоритъ, что онъ хотѣлъ-бы привезти своей канъ ея одѣяло, но такъ-какъ ханъ ничего не говоритъ, то онъ и не привозитъ.“ Пошли и передали хану, а онъ, призвавъ старика, сказалъ: „привези мнѣ одѣяло своей дочери“ [3]). Старикъ, вернувшись домой, сѣлъ на своего маштака и, выѣхавши изъ воротъ, былъ встрѣченъ однимъ человѣкомъ, который, сказавъ ему: селямъ алейкумъ, подъѣхалъ и спросилъ старика, куда онъ ѣдетъ. „Я и самъ не знаю, куда я ѣду. Пася телятъ, я нашелъ одно яйцо, его я отдалъ хану, который потребовалъ тогда и курицу, его снесшую. Досталъ и отдалъ я и курицу хану. Онъ-же потребовалъ тогда и дѣвушку, которой принадлежала та курица. Досталъ и ее ему. Теперь онъ опять требуетъ, чтобы я досталъ ему одѣяло этой дѣвушки, и вотъ я ѣду за этимъ одѣяломъ“, отвѣтилъ старикъ. Встрѣтившій его человѣкъ посовѣтовалъ ему: „поѣзжай въ тотъ аулъ, откуда ты привезъ дѣвушку, и скройся тамъ гдѣ-либо. Пойдетъ тогда такой сильный проливной дождь, что подумаешь, не потопитъ-ли онъ міръ, но тамъ, гдѣ ты будешь стоять, не упадетъ ни одна капля его. Все что находится въ домахъ будетъ замочено этимъ дождемъ, и вмѣстѣ съ другими вещами вынесутъ сушить на солнцѣ и одѣяло. Тогда ты схвати его и скачи домой. За тобой будетъ погоня еще большая, чѣмъ когда ты увезъ дѣвушку, но тебя не догонятъ, если только ты не оглянешься назадъ“. Когда пріѣхалъ старикъ въ тотъ аулъ, какъ говорилъ встрѣтившійся ему человѣкъ, пошелъ сильный дождь, замочилъ все находившее-

---

[2]) См. выше. Здѣсь это слово означаетъ тоже что теремъ.

[3]) Т. е. жены хана.

ся въ домахъ, и когда одѣяло вынесли и повѣсили на дворѣ сушить, старикъ подхватилъ и ускакалъ домой; хотя погнались за нимъ, но не догнали. Когда онъ отдалъ одѣяло хану, тотъ, давъ ему еще множество подарковъ, отпустилъ его. Аулъ, подумавъ: старикъ сталъ совсѣмъ богачъ, отправился къ мудрецу и припугнулъ его, говоря: „клянемся, что убьемъ тебя.“—„Въ такомъ случаѣ сходите еще къ хану и скажите, что старикъ говоритъ: хану не слѣдовало-бы жить въ такомъ домѣ, въ какомъ онъ живетъ. Я хотѣлъ было построить ему домъ изъ зубовъ слоновыхъ, но какъ онъ ничего не говоритъ, то я не строю“, сказалъ мудрецъ. Пошли и сказали такъ хану, который, призвавъ старика, сказалъ ему: построй мнѣ домъ изъ зубовъ слоновыхъ. Тогда старикъ пошелъ и сказалъ своей дочери (женѣ хана): „ханъ требуетъ, чтобы я ему сдѣлалъ домъ изъ зубовъ слоновыхъ,—гдѣ я ихъ достану?“—„Развѣ это трудно!“ сказала она: „слоны находятся въ *бадза-ко* [4]); ежедневно они приходятъ въ полдень на водопой. Скажи хану, пусть велитъ сдѣлать побольше *бал-бузы* [5]), потомъ поѣзжай съ этой бузой туда, запруди воду и, наливъ лодки бузою, поставь ихъ въ русло рѣки. Слоны, придя напиться и не находя воды, напьются бузы, охмѣлѣютъ и попадаютъ. Тогда выбей ихъ зубы, вели построить домъ и вернись, привезя его“. Взявши много бузы и такихъ плотниковъ, которые *два раза не били въ одно мѣсто топоромъ* [6]), поѣхалъ старикъ въ *бадза-ко*, построилъ большія лодки, запрудилъ рѣку, налилъ бузу въ лодки и поставилъ ихъ потомъ въ русло запруженной рѣки. Слоны, придя напиться и не находя воды, напились бузы, охмѣлѣли и попадали. Тогда, выбивъ у нихъ зубы, построили плотники домъ этажами и на колесахъ. Старикъ, привезя этотъ домъ, вернулся къ хану, который далъ ему еще множество подарковъ. Съ того времени до-сихъ-поръ старикъ и ханъ живутъ вмѣстѣ, почитая другъ друга, какъ сынъ и отецъ.

---

[4]) Буквально: долина мухъ.

[5]) Тоже что махсима, фадапаче—медовая буза.

[6]) Т. е. мастера, ловко владѣющіе топоромъ.

Дочь одного старика.

У одного старика была одна дочь. Ѣдучи въ Мекку, онъ оставилъ свою дочь на рукахъ своего работника, говоря: „дочь моя твой *акамашъ* [1]), слѣди за ней, исполняй ея требованія, словомъ—покой и заботься о ней, какъ о своей госпожѣ". Старикъ уѣхалъ и въ цѣломъ дворѣ остались только работникъ и дочь старика. По прошествіи короткаго времени, работникъ возъимѣлъ относительно оставленной на его попеченіи дѣвушки дурныя мысли. Дѣвушка, какъ онъ ее ни упрашивалъ, не соглашалась исполнить его требованіе; но такъ-какъ ей наконецъ не стало дома житья отъ работника, то она ушла изъ дому и, почти никогда туда не показываясь болѣе, проживала то у однихъ, то у другихъ сосѣдей. Настало такимъ образомъ время возвращенія старика и прибылъ гонецъ съ извѣстіемъ, что *хаджи* [2]) доѣхали уже до такого-то мѣста и черезъ два, три дня будутъ домой. Тогда работникъ поѣхалъ на встрѣчу старика-хаджи и объявилъ, что дочь, оставленная имъ на его попеченіи, несмотря на всѣ его просьбы, увѣщанія и угрозы, со времени его отъѣзда стала вести себя самымъ предосудительнымъ образомъ и что она теперь и беременна. „Въ такомъ случаѣ возвращайся скорѣе назадъ, сдѣлай съ ней что хочешь, но только чтобъ я ея больше не видѣлъ и не слышалъ о ней", отвѣтилъ огорченный хаджи. Работникъ, того-то и желавшій, возвратился и, не говоря дочери старика ни слова, схватилъ ее, увезъ и бросилъ въ степи. Работникъ вернулся и остался у старика хаджи, не знавшаго его вины, самымъ довѣреннымъ работникомъ. Между-тѣмъ дѣвушку, поселившуюся въ камышахъ, нашелъ ханъ, бывшій на охотѣ. Дѣвушка понравилась ему и, получивъ на свой вопросъ: обыкновенная-ли она смертная или нѣтъ, отвѣтъ, что она такой-же человѣкъ, какъ и онъ,—ханъ взялъ ее съ собой и женился на ней. Дѣвушка оказалась отличной женой, любила и покоила хана, который, видя это, радовался, что онъ не поколебался жениться на дѣвушкѣ неизвѣстнаго рода и племени, найденной въ степи. Она родила ему сына. Разъ, когда ханъ лежалъ въ постели, а она нагнулась, чтобы сгрести и закрыть огонь, она какъ-то задумалась;

---

[1]) Отданное на сохраненіе.

[2]) Хаджи, возвращающіеся изъ Мекки, даютъ знать заранѣе въ аулъ о днѣ въѣзда, чтобы родные могли ихъ встрѣтить подобающимъ образомъ.

простоявъ съ поникшею головою нѣкоторое время надъ огнемъ, она, наконецъ очнувшись, тяжело вздохнула, загребла огонь и легла спать. Ханъ спросилъ ее, о чемъ она такъ тяжело вздохнула. Она сказала, что такъ-себѣ, безъ особенно-важной причины, которую стоило-бы ему сообщать. Но ханъ не удовольствовался такимъ отвѣтомъ и настоятельно просилъ, чтобы она сказала ему, о чемъ вздохнула. Жена сказала тогда: „и у меня есть тамъ, далеко, домъ, отецъ и другіе родственники; теперь я какъ-то вспомнила о нихъ и, не зная, что съ ними сталось, вздохнула“.— „Какъ! ты помнишь своихъ родныхъ, знаешь, гдѣ они живутъ? Зачѣмъ-же ты этого не говорила мнѣ до-сихъ-поръ?“ вскричалъ ханъ. Потомъ онъ предложилъ ей поѣхать провѣдать отца, если желаетъ, и получилъ въ отвѣтъ, что она была-бы рада узнать, что сталось съ отцомъ, но не говорила ему объ этомъ, не рѣшаясь оставить его скучать одного, безъ нея; но что если теперь ему угодно позволить ей увидѣть родныхъ, то она съ радостью исполнитъ угодное хану. На другой-же день ханъ приказалъ готовиться въ путь. Когда было изготовлено достаточное количество бузы, сдобныхъ печеній и прочее необходимое для дороги, жена выѣхала, сопровождаемая приличною женскою и мужскою свитою. Долго-ли, мало-ли ѣхали они, наконецъ пріѣхали въ одно мѣсто; распрягли арбы, вынули бузу; всѣ сопровождавшіе ханшу, много выпивши, охмѣлѣли и каждый, гдѣ сидѣлъ, тамъ и заснулъ. Остались трезвы только аталыкъ ханши и одна ея служанка; они имѣли особый умыселъ, для достиженія котораго и напоили всѣхъ. Аталыкъ ханши, у котораго первое время послѣ выхода замужъ за хана, до поступленія въ его домъ, согласно обычаю, жила ханша, польстился на нее и подговорилъ служанку, чтобы она помогла ему сотворить надъ ханшей что ему желательно. Съ цѣлью привести въ исполненіе этотъ замыселъ, и напоили они товарищей. Когда всѣ уснули, аталыкъ объявилъ ей, чего онъ отъ нея желаетъ. Ханша отказала. Но аталыкъ сталъ грозить ей, говоря, что онъ кинетъ въ воду ея сына, наконецъ ее самое, если она не согласится на его требованіе. Ханша оставалась все-таки непреклонна. Тогда аталыкъ напалъ на нее, желая силою достигнуть своей цѣли. Ханша, не видя другого спасенія, кинулась въ воду и сама; ребенокъ ея былъ раньше кинутъ въ воду аталыкомъ. Тогда, этотъ послѣдній, сознавая, что онъ слишкомъ далеко зашелъ, и опасаясь, чтобы товарищи не узнали его вины, залегъ и самъ, притворившись, какъ они,

хмѣльнымъ. Служанка сдѣлала тоже самое. Наконецъ очнулись товарищи ханши и видятъ—нѣтъ ни ханши, ни ея сына. Недоумѣвая, куда они могли дѣться, кинулись туда и сюда искать, но нигдѣ ихъ не нашли. Уставши искать, собрались всѣ вновь къ арбамъ и стали совѣщаться, что дѣлать, что имъ теперь сказать хану. „Да что будемъ сидѣть тутъ, не дуть-же въ *бжамій* [7]) надъ мертвой! поѣдемъ назадъ и перестанемъ ломать голову надъ тѣмъ, что сказать хану о его женѣ, которая ушла туда, откуда пришла“, сказалъ кто-то.—„И вправду“, отвѣтили другіе, „и какъ могъ онъ рѣшиться взять въ жены дѣвушку, найденную въ степи, не зная, человѣкъ она или духъ какой. Навѣрно она была какой-нибудь духъ,—самая пропажа ея доказываетъ это“. Ободривъ себя такимъ разсужденіемъ, свита ханши вернулась назадъ, и на вопросъ хана, куда дѣвали его жену, отвѣтила: „кто знаетъ, гдѣ она! откуда пришла, туда и ушла.“ Ханъ подумалъ: „какъ и я могъ, въ самомъ дѣлѣ, предположить, что женщина, найденная въ степи, можетъ быть мнѣ женою“, и на томъ успокоился. Бросившаяся въ рѣку ханша была прибита къ берегу, далеко отъ арбъ. Обсушившись, оправившись нѣсколько отъ постигшаго ея горя, пошла она бродить безъ цѣли по степи. Встрѣтился ей пастухъ съ козами. Отдавъ ему свои цѣнныя одежды, она взяла у него его платье и одѣлась въ него. Потомъ, оставивъ пастуха, побрела далѣе. Пришла она къ одному пастуху, пасшему барановъ; переночевавъ тамъ и узнавъ, что одинъ хозяинъ ищетъ пастуха, она нанялась къ нему на пять лѣтъ, получивши впередъ шестьдесятъ овецъ, которыя, по прошествіи пяти лѣтъ, должны были стать со всѣмъ приплодомъ, по обычаю, ея собственностью. Прожила она на этомъ кошѣ свои договоренныя пять лѣтъ, и наконецъ, до исхода ихъ осталось всего день или два. Овцы ея были сосчитаны и отдѣлены особо. За все это время ни одному человѣку не пришло въ голову, чтобы она была не мужчина, а женщина; такъ ловко вела она себя. Вечеромъ передъ тѣмъ днемъ, какъ долженъ былъ кончиться срокъ уговора, на кошъ пріѣхали ея отецъ, съ работникомъ, наговорившимъ на нее, а также и ханъ, съ ея аталыкомъ. Ханша, отозвавъ тогда *могупажа* [8]) въ сторону, сказала ему: „завтра я долженъ разстаться съ кошемъ, на которомъ я прожилъ

[7]) Родъ свирѣли.

[8]) Главный распорядитель на кошѣ.

пять лѣтъ, не слыша во все это время ни отъ одного человѣка ругательнаго слова. Позволь-же мнѣ передъ разставаньемъ зарѣзать одного своего барана и угостить своихъ товарищей. Кстати, есть и гости, слѣдовательно и для нихъ не нужно будетъ рѣзать барана.“ Логупажъ согласился на ея просьбу. Тогда она сама поймала лучшаго изъ своихъ барановъ, зарѣзала, чисто сняла съ него кожу, разрѣзала на части и положила въ котелъ варить; внутренности-же надѣла на вертелъ, разложила большой огонь и, усѣвшись жарить ихъ, сказала гостямъ, сидѣвшимъ у огня: „не хотите-ли отъ скуки послушать одну сказку; на кошу намъ больше нечѣмъ васъ позабавить.“ Гости просили ее разсказывать. Тогда она послѣдовательно передала все съ ней случившееся, окончивъ свой разсказъ слѣдующими словами: „если-же мои слова вамъ кажутся неправдою, то вотъ, убѣдитесь“,— и, снявъ шапку, показала свои волосы. Тогда узнали — отецъ свою дочь, ханъ свою жену; потомъ тотчасъ старикъ своего работника, а ханъ аталыка привязали къ неукамъ и пустили въ степь. Такимъ образомъ ханъ отыскалъ свою жену, а эта нашла снова и своего мужа и своего отца. Всѣ они вмѣстѣ живутъ и доселѣ. Ушами вы слышали, да проживете, пока увидите глазами.

Заяцъ и его мать.

У семи братьевъ была одна единственная сестра. Всѣ братья были женаты. Такъ-какъ они очень любили свою сестру, то жены ихъ стали ей завидовать и разъ пошли къ *орсарыжъ* [1]), чтобы онъ научилъ ихъ средству заставить братьевъ разлюбить сестру. За это обѣщали они ему много золота. Орсарыжъ посовѣтовалъ имъ достать сала заячьяго и дать покушать дѣвушкѣ-сестрѣ: тогда она станетъ беременна и братья разлюбятъ ее. Женщины сдѣлали такъ, какъ совѣтовалъ мудрецъ, и дѣвушка стала беременна. Тогда братья ея взяли ее да и бросили въ степи. Тамъ она родила зайца, за которымъ скоро открылось такое свойство, что если онъ, отправившись въ степь, находилъ какую-либо ветошь, то она превращалась опять въ новую вещь.

[1]) Мудрецъ.

Этимъ способомъ онъ добывалъ пропитаніе матери и себѣ. Такимъ образомъ прожили они долго. Наконецъ заяцъ разъ сказалъ: „пойду-ка попрошу хана подарить мнѣ какую-либо саклю“, и отправился къ нему. Сдѣлавъ низкій поклонъ, попросилъ заяцъ хана: „дай мнѣ, *зіузсханъ*, одну саклю, въ которой моглабы поселиться несчастная моя мать, бѣдная моя мать“. Ханъ подарилъ ему какую-то саклю. Снова ударивъ ему челомъ, заяцъ сказалъ: „если дашь позволеніе, хочу еще объ одномъ тебя просить: дай мнѣ и двѣ, три арбы, чтобы перевезти наши разныя *хабыръ-шабыръ* [2]). Ханъ далъ ему и арбы. Затѣмъ заяцъ вернулся къ матери. Наложилъ онъ на арбы все свое имущество, посадилъ туда и мать, и переселился въ аулъ, въ саклю, подаренную ему ханомъ. И вотъ, жили въ этой саклѣ, заяцъ съ своей матерью, какъ разъ заяцъ сказалъ: „пойду-ка я къ хану и попрошу его, если онъ не пренебрегаетъ нами, чтобы посѣтилъ насъ и отвѣдалъ нашего хлѣба-соли“. Пошелъ онъ къ хану и, ударивъ челомъ, попросилъ его объ этомъ. „Хахай, приду“, сказалъ ханъ и, взявъ съ собою нѣсколько человѣкъ, пошелъ къ зайцу. Этотъ обрадовался гостю, такъ-что и не зналъ, куда его посадить.

Хану очень понравилась мать зайца. Съ-тѣхъ-поръ-какъ онъ увидѣлъ ее, онъ ни о чемъ уже другомъ думать не могъ, не глядѣлъ болѣе и на свою жену; что-бы ни готовилось у него дома, онъ не могъ отвѣдать, безъ того чтобы не послать того кушанья матери зайца. Тогда жена хана снарядилась ѣхать домой, къ матери, за ядомъ, чтобы отравить мать зайца. Когда она отправилась, пошелъ и заяцъ вслѣдъ, но такъ, что его никто не примѣтилъ. Прибыли къ матери. Всѣ въ ея домѣ находившіеся и прибывшіе съ ея дочерью, попивши, поѣвши, улеглись, а мать съ дочерью остались наединѣ; заяцъ-же въ это время спдѣлъ подъ нарами и ждалъ, о чемъ онѣ станутъ говорить между собою. Дочь сказала: „въ нашемъ аулѣ живетъ одна женщина съ сыномъ, зайцемъ; ханъ такъ ею обольщенъ, что не даетъ намъ покушать ни одного сготовленнаго у насъ кушанья, безъ того чтобы не послать отъ него и ей часть“. Мать отвѣтила на это: „когда вернешься домой, вели приготовить *хантхупсъ* [3]) изъ сарачинской крупы, и насыпь въ ея до-

---

[2]) Тоже что скарбъ.

[3]) Жирная кашица изъ пшена или другаго чего-либо.

лю вотъ это", и она дала дочери ядъ. Услышавъ и запомнивъ хорошо слова эти, заяцъ утромъ, чуть свѣтъ, вернулся домой. Вскорѣ возвратилась и жена хана. Тотчасъ велѣла она сварить хантхупсъ изъ сарачинской крупы, и когда онъ былъ готовъ, сказала зайцу, чтобы онъ сходилъ домой за чашкой, въ которую наливали порцію для его матери. Заяцъ принесъ. Ханша взяла чашку и, будто размѣшивая въ ней хантхупсъ, всыпала туда ядъ. Въ тотъ-же мигъ заяцъ скрылся изъ сакли и, взбѣжавъ на одинъ холмъ, поднялъ тревогу, крича: хахай, войско приспѣло! Всѣ бывшіе въ саклѣ, вмѣстѣ съ самой ханшей, выскочили по этому крику на дворъ, узнать что случилось. Пока они тамъ стояли, заяцъ прибѣжалъ назадъ въ саклю и, налитый для его матери хантхупсъ переливъ въ чашку ханши, присоединился къ стоявшимъ на дворѣ, справляясь въ свою очередь, что случилось. Когда разошлись люди и ханша вернулась въ свою саклю, зайцу отдали его чашку, говоря: „отнеси своей матери ея часть". Заяцъ ушелъ домой съ чашкой. Ханша, какъ-только хлебнула свой хантхупсъ, умерла. Разнеслась тотчасъ вѣсть о смерти ея. Услышавъ о томъ, зайчикъ, ударяя себя по головѣ, пришелъ оплакивать ханшу. Крѣпко оплакавъ ее, зайчикъ попросилъ потомъ собравшихся оплакивать ханшу женщинъ, чтобы двѣ-три изъ нихъ пошли съ нимъ, такъ-какъ его несчастненькая мать, его бѣдненькая мать, пришла-бы съ ними тоже оплакать ханшу. Взявъ съ собою двѣ-три женщины, заяцъ, въ сопровожденіи ихъ, привелъ свою мать. Она, оплакавши ханшу, возвращалась домой и была усмотрѣна ханомъ, который тогда приказалъ не отпускать ее домой. Она была остановлена и взята потомъ ханомъ въ жены. Послѣ-того и заяцъ ушелъ на жительство въ степь, и отъ него-то, говорятъ, произошли всѣ теперешніе зайцы.

Волкъ и перепелка.

Перепелка и волкъ бродили вмѣстѣ. Однажды волкъ обратился къ перепелкѣ съ такою просьбою: „я очень голоденъ, дай мнѣ чего-либо покушать". — „Что-же я тебѣ дамъ?", отвѣтила перепелка: „пожалуй, пойдемъ туда, гдѣ жнутъ", продолжала перепелка и повела волка. Пришли туда въ ту пору, когда жнецы

всѣ сидѣли и закусывали. Волкъ спрятался въ хлѣбѣ, еще не сжатомъ, а перепелка полетѣла и сѣла возлѣ жнецовъ. Увидѣвъ ее, жнецы вскрикнули: перепелка, перепелка! и, бросивъ ѣду, кинулись ловить ее. Перепелка перескакивала съ мѣста на мѣсто, а жнецы бѣжали за ней, думая: вотъ, сейчасъ ее поймаемъ. Такъ она заманила ихъ далеко. Тѣмъ временемъ волкъ пришелъ къ оставленной жнецами провизіи и, поѣвши ее всю, скрылся. Тогда и перепелка улетѣла отъ жнецовъ. Встрѣтившись потомъ съ волкомъ, она спросила его, наѣлся-ли онъ. Волкъ отвѣтилъ, что онъ поѣлъ хорошо, но что ему теперь хотѣлось-бы смѣяться.—„Какъ-же мнѣ заставить тебя смѣяться?“ сказала перепелка, а потомъ прибавила: „ступай, садись вонъ на тотъ холмъ и гляди оттуда на то, что я буду дѣлать“. Волкъ взобрался на холмъ, перепелка-же полетѣла и сѣла на голову одной женщины, доившей корову. Женщина вскрикнула: перепелка, перепелка! На крикъ ея выскочилъ мужъ и, сказавъ: не давай ей улетѣть, я сейчасъ ее поймаю, — вернулся въ саклю и вынесъ топоръ. Намѣреваясь ударить топоромъ перепелку, онъ попалъ въ жену и раскроилъ ей голову. Перепелка улетѣла. Волкъ, все смѣясь, скатился съ самаго верху холма и до низу. Прилетѣвши къ нему, перепелка спросила, смѣялся-ли онъ, на что волкъ отвѣтилъ, что онъ вволю насмѣялся, но теперь ему хотѣлось-бы побѣгать до устали. „Какъ-же заставить тебя набѣгаться?“, сказала перепелка и повела его въ ногайскій аулъ. Ногайцы, какъ только запримѣтили волка, погнались за нимъ и гоняли его до-тѣхъ-поръ, пока онъ не выбился совсѣмъ изъ силъ. Волкъ кое-какъ скрылся отъ ногайцевъ и доплелся до перепелки, которая спросила его: „ну что, набѣгался-ли?“, на что онъ отвѣтилъ: „аллахъ, аллахъ, не мало они меня промучили!“ Потомъ волкъ сказалъ перепелкѣ: „аллахъ, аллахъ, какъ тѣло у меня чешется! почеши немного меня“. Перепелка почесала его. Волкъ продолжалъ: „спина моя теперь чешется“, — перепелка почесала ему спину; потомъ волкъ сказалъ, что плечо его чешется; почесала перепелка и плечо его; потомъ, что лобъ чешется; почесала перепелка и лобъ; потомъ, что грудь чешется. Когда перепелка со лба волка хотѣла перелетѣть на грудь его, чтобы почесать и ее, волкъ схватилъ перепелку. „Что такое, зачѣмъ ты меня хочешь съѣсть?“ спросила его тогда перепелка. — „Какъ тебя не съѣсть, когда ты замучила меня такъ“, отвѣчалъ волкъ.—„Такъ съѣшь-же, по-крайней-мѣрѣ, какъ принято кушать. Скажи прежде

бисмилляхъ и потомъ уже кушай", сказала перепелка. Когда волкъ раскрылъ ротъ и хотѣлъ проговорить *бисмилляхъ*, перепелка улетѣла. Хвативши ее въ догонку, волкъ успѣлъ поймать только ея хвостъ, который и откусилъ. Потому-то, говорятъ, теперь у перепелки и короткій хвостъ.

—

Лягушка.

Дѣтей одной лягушки, какъ только они рождались, поѣдала змѣя. Отчаявшись наконецъ оставить по себѣ потомство, лягушка рѣшила и сама лишить себя жизни. Вышла она изъ болота и легла, уткнувшись въ землю головой. Пришли другія лягушки и стали уговаривать ее не убивать себя. Лягушка отвѣтила: „ежегодно рожаю дитя, и оно поѣдается змѣемъ,—стоитъ-ли для этого жить?" и отказалась вернуться въ болото. Тогда лягушки пошли за мышью-матерью, *Сумегенъ*, и привели ее, накрытую вмѣсто шали бѣлою корою луковицы, державшую вмѣсто платка красную кору луковицы, увѣщевать лягушку. Мышь-мать, придя къ лягушкѣ, стала ей говорить такъ: „*а гурмикъ гурмакей гуркикъ ибакъ гурбагусъ кису ибакъ* [1]), съ яблони упала искра и убитъ ею князь *Кашмасъ*,—пойдемъ оплакивать его вмѣстѣ съ другими." На это лягушка отвѣтила: „довольно, довольно, полный и не полный другъ друга не познаютъ [2])! глаза у меня выпуклы, шея вогнута, ноги крючковаты, привычны къ грязи; ежегодно рожаю по одному ребенку, и онъ поѣдается змѣемъ; такія-ли, какъ я, могутъ являться къ княжескому двору?" Мышь-мать отвѣчала на это: „постигло-ли тебя несчастіе, большее, нежели мое? Девять моихъ сыновей убиты доскою, десять моихъ сыновей погибли въ дрожжахъ, одиннадцать моихъ сыновей задохлись подъ соломой; остался потомъ у меня единственный сынъ, народъ называлъ его *хараха*, домашніе мои

[1]) Слова эти не имѣютъ особаго значенія и суть названіе лягушки, которое дано въ подражаніе ея кваканья. При быстромъ произношеніи, они сильно походятъ на кваканье ея.

[2]) Сытый голоднаго не разумѣетъ.

звали его *хараша*, я-же звала его *орда-бій*, мой любимый юноша [3]),—и его скомкалъ, погубилъ, такъ-что въ ушахъ моихъ раздавалось хрустѣніе его костей и приводило меня въ дрожь, сынъ сѣроглазаго [4]), съ острыми когтями, захудавшій передъ очагомъ, пробѣжавъ по толчеѣ и спустившись по жернову; изъ-за этого перестала-ли я грызть бурдюки, кушать сушеный сыръ и ходить на розыски конопли, чтобъ ею полакомиться? Если будетъ у тебя мужъ, то и еще дѣтей найдешь, да дозволитъ Богъ вырости всѣмъ тѣмъ, которые еще родятся!“—„Дѣйствительно, меня не постигло такое несчастіе, какъ тебя“, сказала на это утѣшенная лягушка и, *шкуартъ* [5]), кинулась обратно въ болото.

Мужъ и жена.

Однажды мужъ и жена заспорили о томъ, кто коварнѣе [1]), мужчина или женщина. Мужъ говорилъ, что мужчина коварнѣе, жена, что женщина. Не убѣдивъ другъ друга на этотъ разъ, они разошлись. Разъ приходитъ мужъ домой и приноситъ женѣ живую рыбу, говоря, что онъ отрылъ ее въ землѣ, когда копалъ яму. Жена, удивившись очень находкѣ мужа, сказала, что рыба будетъ сварена къ тому времени, какъ онъ вернется обѣдать. Мужъ ушелъ опять на работу, жена-же сварила скорѣе рыбу, съѣла большую ея часть сама, а остатокъ заперла въ сундукъ. Мужъ, воротившись, спросилъ у жены рыбу. Та, съ удивленіемъ, замѣтила ему, о какой-это рыбѣ онъ спрашиваетъ: „если-бы ты принесъ рыбу, куда-же-бы я ее дѣла, не подавши ея тебѣ?“ сказала она. Когда-же мужъ напомнилъ ей о рыбѣ, имъ выкопанной изъ земли и принесенной утромъ, жена всплеснула руками, вскричавъ: „богъ мой, да онъ съ ума сошелъ!“ Мужъ началъ сердиться, говорить, чтобы она перестала шутить и дала-бы ему скорѣе рыбы. Дѣло дошло почти до драки. Жена вы-

[3]) Названія сына мыши не имѣютъ особаго значенія, кромѣ послѣдняго, которое значитъ: богатырь надъ богатырями, или князь богатырей.

[4]) Сынъ сѣроглазаго, т. е. кошка.

[5]) Подражаніе звуку, издаваемому тѣломъ при паденіи въ воду.

[1]) Или: „находчивѣе.“

бѣжала тогда изъ сакли и, прибѣжавъ въ-попыхахъ къ мечети, сказала находившимся тамъ людямъ, что мужъ ея сошелъ съ ума, кидается на всѣхъ и едва ее не убилъ, и просила помочь ей связать и уложить его. Пришедшіе люди, узнавъ въ чемъ дѣло и видя, какъ мужъ кидается и ругаетъ свою жену, упрекая ее въ утайкѣ какой-то выкопанной изъ земли живой рыбы, признали его дѣйствительно одержимымъ бѣсами и связали его. Потомъ призвали къ нему знахаря лечить его. Дня два-три мужъ бился, ругался и увѣрялъ, что онъ дѣйствительно выкопалъ изъ земли рыбу, но видя, что это не помогаетъ, сталъ тише. Но жена только этого и ждала. Какъ только остались они вдвоемъ, жена, показавъ мужу изъ сундука остатокъ рыбы, спросила: „а что, признаешь-ли теперь, что женщина коварнѣе?“ Мужъ заоралъ, что было силы: рыба, рыба! Прибѣжали люди и, думая, что онъ сильнѣе прежняго заболѣлъ, связали его еще крѣпче, не слушая его увѣреній, что рыба, которая имъ найдена, хранится въ сундукѣ и что жена показывала ему сейчасъ ее. Всякій разъ потомъ, какъ мужъ съ женою оставались одни, она поддразнивала его, показывая изъ сундука остатокъ рыбы, съ словами: а что, кто хитрѣе, мужчина или женщина? Приходившіе-же на шумъ люди вязали мужа еще крѣпче, не слушая его увѣреній и полагая, что съ нимъ приключился болѣе сильный припадокъ. Продолжая такимъ образомъ, жена довела мужа до того, что хоть относи на кладбище. Наконецъ, совершенно обезсилѣвшій, мужъ сталъ ей жалокъ и она прекратила его мученія, но съ условіемъ—признавать отнынѣ, что женщина коварнѣе и находчивѣе мужчины.

ГОРСКАЯ ЛѢТОПИСЬ.

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНІЕ ТУЗЕМНАГО НАСЕЛЕНІЯ СУХУМСКАГО ОТДѢЛА.

Территорія Абхазіи, Самурзакани и Цебельды, составляющихъ Сухумскій отдѣлъ, тянется вдоль юго-восточнаго берега Чернаго моря, отъ рѣки Ингура до горнаго хребта, идущаго отъ горы Арабика и оканчивающагося за Гаграми недалеко отъ впаденія въ море р. Бесерпсты, и отдѣляется отъ другихъ горскихъ обществъ главнымъ Кавказскимъ хребтомъ. Собственно Абхазіи сѣверо-западною границею была рѣка Бзыбь и за нею начиналась земля джигетовъ, но съ постройкою въ 1830 году укрѣпленія Гагры все пространство отъ Бзыби до укрѣпленія присоединено къ Абхазіи, каковая черта принята и при опредѣленіи границъ Сухумскаго отдѣла. На этомъ большомъ пространствѣ полоса земли собственно занятая населеніемъ не простирается отъ берега моря въ глубь страны болѣе чѣмъ на двадцать пять верстъ, причемъ и этого разстоянія достигаетъ только у рѣки Ингура. Къ Гаграмъ населенная полоса идетъ постоянно съуживаясь и за Гаграми отрѣзывается отрогомъ горъ главнаго хребта, круто обрывающимся къ морю.

Все населенное пространство составляетъ какъ-бы нѣсколько террасъ, понижающихся къ морю, покрытыхъ лѣсомъ и щедро орошенныхъ рѣками и ручьями. Рѣки *Ингуръ*, *Кодоръ* и *Бзыбь* берутъ свое начало съ высотъ главнаго хребта и изобилуютъ водою зимою и лѣтомъ. Онѣ, по глубинѣ своей и обилію водъ, могли-бы быть на нѣкоторое пространство удобны для плаванія небольшихъ судовъ, но постоянный баръ преграждаетъ входъ въ нихъ съ моря, почему плаванье по нимъ производится только въ небольшихъ фелюгахъ. Изъ второстепенныхъ рѣкъ обильнѣе другихъ водою: *Мчищъ*, бьющая большимъ каскадомъ изъ-подъ отвѣсной горы, находящейся вблизи сел. Маазиква; *Анста*, беру-

щая начало изъ горы Ахалъ-вогъ; *Гумиста*, вытекающая изъ горы Чедымъ; Келасури, вытекающая изъ горы Савайбашъ; *Моква*, берущая начало изъ горы Кукіашта, *Гализга* — изъ горы Бугакушіидзари, *Окумъ* — изъ горъ Ахачхо и *Оджегоре*, вытекающая изъ высотъ, облегающихъ селеніе Цхири. Рѣки эти далеко не настолько глубоки, чтобы по нимъ возможно было какое-нибудь плаваніе; но при впаденіи въ море онѣ образуютъ довольно обширные и глубокіе водоемы, годные для отстаиванія фелюгъ, застигнутыхъ бурею въ морѣ и успѣвшихъ проскользнуть черезъ баръ. Всѣ остальныя рѣчки и ручьи на столько маловодны и такъ недалеко отъ впаденія въ море берутъ свое начало, что въ лѣтнія засухи совершенно исчезаютъ. Всѣ рѣки Абхазіи и Самурзакани, вообще какъ горныя рѣчки, необыкновенно скоро, во время таянія въ горахъ снѣговъ и при обильныхъ дождяхъ, пополняются водою, разливаются на большое пространство и, при сильной быстротѣ теченія, сносятъ все, что попадается имъ на пути. Иногда при этомъ онѣ обмываютъ значительную часть берега, причемъ струя воды, отражаясь отъ новаго берега, получаетъ другое направленіе и рѣка промываетъ себѣ новое русло. Подобными капризами въ особенности замѣчательна рѣка Ингуръ, съ каждымъ годомъ болѣе и болѣе подмывающая территорію Самурзакани и взамѣнъ того надѣляющая, лежащую на лѣвомъ берегу, Мингрелію превосходными лугами. Небольшія рѣки и ручьи, вытекая изъ ближайшихъ къ морю отлогостей, большею частію достигаютъ моря; но нѣкоторыя рѣчки, протекающія недалеко отъ большихъ рѣкъ, теряются въ низменностяхъ, покрытыхъ густымъ лѣсомъ, образуя вмѣстѣ съ остающеюся здѣсь послѣ разлива водою вѣчно гніющія болота. Эти болота, съ роскошною растительностью и изобиліемъ гніющихъ папоротниковъ, даютъ богатый матеріалъ зарожденію міазмы, дѣлающей климатъ Сухумскаго отдѣла болѣзненнымъ *). Впрочемъ, было-бы несовсѣмъ справедливо приписывать болѣзненность климата всему Сухумскому отдѣлу; это можно сказать только о низменностяхъ, прилегающихъ къ морю и находящихся преимущественно вблизи устьевъ большихъ рѣкъ, гдѣ окружающія ихъ болота постоянно обильны влагою. Самыя замѣчательныя въ этомъ отношеніи мѣстности—это окрестности селеній Гу-

*) Опытъ медицинской Географіи Кавказа. Н. Торопова. С.-Пб., 1864 г., стр. 160.

давы, Репи, Илори, мѣстечка Очемчиры, устьевъ р. Кодора, города Сухума, такъ называемая (по имени бывшаго тамъ укрѣпленія) Бомборская поляна и окрестности Пицунды. Первое мѣсто между ними безспорно принадлежало Сухуму, потому-что здѣсь сосредоточивались всѣ условія, способствовавшія развитію болѣзненности: болота почти въ самомъ городѣ, лѣсъ и папоротникъ въ окрестностяхъ. Но благодаря заботамъ мѣстной администраціи, нѣкоторыя изъ этихъ условій почти уничтожены, другія, можно надѣяться, тоже скоро не будутъ существовать. Шоссировка всѣхъ улицъ и проведеніе водосточныхъ канавъ, сдѣланныя съ 1867 года, уничтожили болота въ самомъ городѣ и теперь послѣднія остаются только въ окрестностяхъ, гдѣ, съ развитіемъ жизни въ городѣ, при потребности въ большемъ количествѣ полей для выгоновъ, они тоже исчезнутъ. Отдача частнымъ лицамъ участковъ въ окрестностяхъ города, покрытыхъ лѣсомъ и папоротникомъ, на условіяхъ очистить ихъ и засадить въ опредѣленный срокъ фруктовыми деревьями или виноградными лозами, — довершитъ улучшеніе сухумскаго климата, который, при умѣренной зимѣ, сдѣлается одинаковымъ съ климатомъ лучшихъ мѣстъ южнаго берега Крыма. Можно смѣло сказать, что въ настоящее уже время не существуетъ трехъ-пятыхъ условій, перечисленныхъ г. Тороповымъ въ своемъ сочиненіи *), дѣлавшихъ сухумскій климатъ болѣзненнымъ. Условія болѣзненности и зараженія воздуха въ другихъ поименованныхъ выше мѣстахъ, исключая мѣстечка Очемчиры, гдѣ тоже сдѣлано кое-что для улучшенія климата, остаются тѣми-же, какими они изображены г. Тороповымъ и какими, вѣроятно, были вскорѣ послѣ паденія владычества Греціи на восточномъ берегу Чернаго моря.

Болѣзненность климата въ мѣстностяхъ, прилегающихъ къ берегу моря, и опасеніе нападеній—въ послѣднее время русскихъ войскъ, а до того турецкихъ разбойниковъ,—заставили населеніе Абхазіи и Самурзакани селиться въ ущельяхъ и на гористой мѣстности. Все населеніе это простирается въ настоящее время до 66,800 душъ обоего пола. Число это весьма незначительно въ сравненіи съ занимаемой жителями территоріей, простирающейся вдоль морскаго берега почти на 200 верстъ, и въ сравненіи съ населеніемъ, жившимъ здѣсь въ древнія времена. Причины такого уменьшенія мѣстнаго населенія лежатъ въ его исторической

*) Опытъ медицинской Географіи Кавказа, Н. Торопова., стр. 157—163.

судьбѣ. Подвергаясь разновременно завоеваніямъ грековъ, римлянъ, готовъ и персовъ—народовъ, имѣвшихъ обыкновеніе плѣнныхъ выводить въ свое отечество, для того чтобы увеличивать число своихъ гражданъ, — абхазцы должны были остаться въ весьма ограниченномъ числѣ, когда въ 1578 году перешли подъ покровительство Турціи. Съ этого времени, не подвергаясь значительнымъ вторженіямъ внѣшнихъ враговъ, народъ могъ-бы отдохнуть и увеличиться въ числѣ, но принявшая чрезвычайные размѣры торговля людьми не давала ему возможности поправиться: все цвѣтущее здоровьемъ и силой народонаселеніе шло на рынки Турціи или погибало въ рабствѣ у горцевъ сѣвернаго Кавказа.

Оттиснутое внѣшними вторженіями внутрь страны, населеніе Абхазіи и Самурзакани гнѣздилось въ ущельяхъ горъ, терпя недостатокъ въ пахатныхъ и пастбищныхъ мѣстахъ, лежащихъ преимущественно на низменности, богато орошаемой рѣками. Это ограниченіе въ пользованіи богатствами природы породило нищету, заставлявшую отца продавать своихъ дѣтей, мужа—свою жену. До чего доходила торговля людьми въ Абхазіи, можно судить по тому, что даже тавады и амиста, стоящіе выше остальнаго населенія по своимъ сословнымъ правамъ и по матеріальному благосостоянію, вынуждаемы были продавать своихъ дѣтей. Постыдной этой торговлей занимались владѣтели, занимались ихъ родственники, занималось духовенство, занимались высшія сословія и, наконецъ, низшія сословія, имѣвшія право, по народному обычаю, владѣть рабами. Число послѣднихъ въ Абхазіи и Самурзакани русское управленіе застало не болѣе двухъ тысячъ *), и эти двѣ тысячи, за исключеніемъ конечно стариковъ и старухъ, вѣроятно перешли-бы въ Турцію и замѣстились-бы другими дѣтьми, оторванными отъ родителей или добровольно брошенными ими.

Абхазскія селенія вѣрнѣе назвать хуторами, разбросанными на всемъ населенномъ пространствѣ края. Трудно опредѣлить, гдѣ оканчивается одно селеніе и начинается другое. Каждая усадьба состоитъ изъ дома или, лучше сказать, плетенаго сарая въ

*) По спискамъ, составленнымъ въ 1869 г., ихъ значится 1440 душъ; но немедленно съ введеніемъ русскаго управленія, т. е. съ 1864 года, началось освобожденіе всѣхъ неправильно закабаленныхъ рабовъ, число которыхъ превышало 600 душъ.

одну комнату. Комната эта отапливается очагомъ, состоящимъ изъ большой каменной плиты, служащей для кладки дровъ, и плетеной изъ хвороста трубы; въ большей-же части домовъ трубъ не существуетъ и дымъ выходитъ черезъ скважины крыши, покрытой папоротникомъ, а въ Самурзакани особенной породы осокой, растущей въ изобиліи на полянѣ Тогонь. Внутри, вокругъ стѣнъ дома, расположены низкія нары или, такъ называемыя, тахты, служащія мѣстомъ отдохновенія для всего семейства, употребляющаго, вмѣсто тюфяковъ, толстыя ватныя одѣяла; подушки, которыхъ также какъ и одѣялъ держится всегда въ изобиліи, рѣдко набиваются пухомъ (послѣднее тоже привиллегія тавадовъ и амиста), а преимущественно ватою. Вмѣсто столовъ употребляются низенькія длинныя скамейки, а у болѣе зажиточныхъ круглые на трехъ ножкахъ столики. Вотъ вся мебель и убранство абхазскаго жилья, которое у болѣе богатыхъ, имѣющихъ деревянные дома, отличается правильно сложеннымъ каминомъ и не такъ грубо сдѣланными тахтами и прочею мебелью. Недалеко отъ дома, служащаго помѣщеніемъ для семейства хозяина, находится меленькій плетеный сарай, или нѣсколько ихъ, для жилья домашней прислуги, и нѣсколько большихъ четырехъ-угольныхъ корзинъ, поставленныхъ на высокіе, сажени въ полторы, столбы и покрытыхъ папоротникомъ: это кукурузники.

Усадьба размѣщается обыкновенно на *канашѣ* (кукурузномъ полѣ), огороженномъ плетнемъ. Плетень этотъ дѣлается каждую весну и послѣ уборки кукурузы разбирается и идетъ на топливо. На канашѣ стоятъ одиноко нѣсколько грабовыхъ деревьевъ, оголенныхъ отъ верхнихъ вѣтвей, служащихъ для укладки на нихъ *чалы* (кукурузныхъ стеблей), составляющей зимою кормъ буйволовъ и вообще домашняго скота; гулевой скотъ обыкновенно цѣлую зиму таскается по лѣсу, такъ-что къ веснѣ еле волочитъ ноги. Кромѣ граба, называемаго абхазцами святымъ деревомъ, никакихъ другихъ деревьевъ на канашѣ имѣть нельзя, потому-что всѣ они легко могутъ привлечь удары молніи, тогда какъ грабъ, по убѣжденію абхазцевъ, составляетъ въ этомъ отношеніи исключеніе. Увѣренность абхазцевъ въ этомъ такъ велика, что во время грозы они бѣгутъ спасаться подъ грабовыя деревья и при постройкѣ дома непремѣнно закладываютъ въ верхнюю связь хотя одно грабовое бревно. Эти-же грабовыя деревья служатъ подпорками для виноградныхъ лозъ, достигающихъ громадныхъ размѣровъ.

Обработка кукурузнаго канаша начинается обыкновенно весною огораживаніемъ его и очисткою отъ корней прошлогодней кукурузы, которые тутъ-же сжигаются и зола разбрасывается по полю. Для распашки земли обыкновенно употребляется особенный плугъ, похожій на соху и состоящій изъ большаго деревяннаго крюка, одна сторона котораго заострена на подобіе трехъугольнаго рѣзца *). Этимъ первобытнымъ орудіемъ, при помощи одной, а иногда и двухъ паръ буйволовъ, смотря по грунту земли, распахивается канашъ сначала вдоль, а потомъ поперекъ. Посѣвъ кукурузы начинается въ концѣ іюня и продолжается до половины іюля; раньше посѣянная кукуруза пропадаетъ отъ засухи, которая обыкновенно бываетъ въ маѣ, іюнѣ и началѣ іюля **). Посѣянное зерно засыпаютъ землею, употребляя для этого, вмѣсто бороны ***), вязанку колючаго кустарника, на которую кладутъ небольшую тяжесть. Какъ только ростки немного подымутся, начинается подбивка ихъ и очистка отъ сорныхъ травъ. Такъ-какъ работа эта довольно трудная, то она производится обыкновенно при пособіи сосѣдей; такой порядокъ полевыхъ работъ существуетъ впрочемъ не только въ Абхазіи, но и въ Мингреліи, гдѣ онъ носитъ названіе *ѳди*. Вечеромъ, наканунѣ дня, когда хозяинъ предполагаетъ заняться подбивкой кукурузы, онъ выходитъ изъ дому и кричитъ пронзительнымъ голосомъ, что завтра онъ рѣжетъ быка или корову и приготовляетъ вино для тѣхъ, кто поможетъ ему работать. Этого оповѣщенія достаточ-

*) Г. Пахомовъ, въ статьѣ ,,Абхазія въ сельско-хозяйственномъ отношеніи", помѣщенной въ Запискахъ Кавказскаго Общества Сельскаго Хозяйства (№№ 1 и 2 — 1868 г., стр. 38), говоритъ, что въ Драндскомъ округѣ употребляется плугъ ,,всегда съ желѣзнымъ лемехомъ". Это справедливо относительно Самурзакани, но какъ въ бывшемъ Драндскомъ, такъ и въ Пицундскомъ округахъ, желѣзный лемехъ большая рѣдкость, вошедшая въ употребленіе въ весьма недавнее время.

**) Тамъ-же, на стр. 39, г. Пахомовъ говоритъ, что только въ 1867 г. посѣвы производились до половины іюля, но что это было вслѣдствіе случайныхъ обстоятельствъ. Подъ этими случайными обстоятельствами надо подразумѣвать переселеніе абхазцевъ въ Турцію, окончившееся 11 мая. Не только въ 67, но и въ 68, 69 и 70 посѣвы производились въ іюнѣ и іюлѣ. Ранніе посѣвы въ небольшихъ огородахъ около домовъ производятся въ концѣ апрѣля и въ началѣ мая, но кукуруза эта не идетъ въ запасъ.

***) Тамъ-же, стр. 37, г. Пахомовъ говоритъ: ,,сѣмена никогда не забораниваются и о боронѣ не имѣютъ никакого понятія". Если это говорится о боронѣ, употребляемой у насъ, то вѣрно; но вмѣсто бороны употребляютъ хворостъ.

но, чтобы на другое утро съ разсвѣтомъ собралось человѣкъ тридцать, сорокъ работниковъ, каждый съ своею *тохою* *). Съ пѣснями, они принимаются за работу и работа кипитъ до захода солнца. По окончаніи работъ начинается ужинъ, продолжающійся до разсвѣта другаго дня, при чемъ тостамъ нѣтъ конца. Въ августѣ и сентябрѣ мѣсяцахъ въ каждомъ селеніи ежедневно можно слышать нѣсколько подобныхъ пирушекъ. Подбивка кукурузы дѣлается два-три раза, до-тѣхъ-поръ, пока стебель подымется отъ земли на три четверти аршина. По достиженіи этого возраста кукуруза уже не требуетъ никакого ухода до конца октября, когда обламываются листы около початковъ, но это дѣлаютъ только нѣкоторые хозяева. Въ ноябрѣ мѣсяцѣ початки сламываютъ, вѣшаютъ ихъ для просушки на большія широкія лѣстницы и потомъ складываютъ въ кукурузники. Очистка початковъ производится руками по мѣрѣ надобности и обобранныя зерна тотчасъ-же перемалываются въ муку ручными мельницами.

Изъ хлѣбныхъ растеній абхазцы сѣютъ еще *гоми* *), особый родъ мелкаго проса. Посѣвъ гоми, сравнительно съ кукурузой, составляющей главную пищу населенія и вмѣстѣ съ тѣмъ выгодный предметъ торговли, незначителенъ. Есть впрочемъ селенія, какъ напримѣръ Дурюпшъ, гдѣ исключительно засѣваютъ гоми; но причина этого лежитъ въ условіяхъ грунта, глинистаго, покрытаго не болѣе какъ на вершокъ черноземомъ. Посѣвъ гоми производится послѣ посѣва кукурузы и уборка его предшествуетъ немного уборкѣ кукурузы.

Въ послѣднее время, при содѣйствіи и настояніи администраціи, абхазцы начали засѣвать пшеницу, разводившуюся прежде въ самомъ ограниченномъ размѣрѣ для хлѣбцевъ, употребляемыхъ при жертвоприношеніяхъ; первые опыты дали весьма удачный результатъ, такъ-что, можно надѣяться, столъ абхазцевъ со временемъ значительно улучшится введеніемъ въ употребленіе пшеничнаго хлѣба; но предварительно для послѣдняго нужно улуч-

---

*) Совершенное подобіе нашей мотыки.

**) Въ той-же статьѣ, на стр. 43, г. Пахомовъ говоритъ: „О посѣвахъ гоми пока не стоитъ говорить, потому-что оно еще не вошло въ общее употребленіе въ Абхазіи и встрѣчается только какъ исключеніе“. Положительно могу увѣрить, что еще въ 1867 году селеніе Дурюпшъ исключительно засѣвало гоми; большіе посѣвы его были кромѣ того въ селеніяхъ Аркка, Рюпта, Эберныхва, Ачандара, Тасраква и Колдохвара, въ ограниченномъ-же размѣрѣ засѣвалось гоми повсемѣстно.

шить мельницы. Такъ-какъ я коснулся этого предмета, то опишу устройство абхазскихъ мельницъ.

Конструкція ихъ весьма немногосложна: вертикальное веретено, на одинъ конецъ котораго насажено водяное колесо, не больше полутора аршина въ діаметрѣ, а на другой — шестерня; зубцы шестерни входятъ въ выемки верхняго камня, вертящагося на оси, вдѣланной въ нижній камень, снабженный дорожкою, чрезъ которую выбрасывается мука. Водяная струя какого-нибудь ручейка направляется въ бокъ водянаго колеса и приводитъ весь несложный механизмъ въ движеніе. Такихъ мельницъ помѣщается иногда десятка полтора на какомъ-нибудь ручейкѣ, саженяхъ въ 20 — 30 одна отъ другой, какъ это можно видѣть въ селеніи Хвапъ; но ежедневный помолъ ихъ такъ невеликъ, что всѣ мельницы не въ состояніи удовлетворить требованію селенія, число жителей котораго не болѣе 120 дымовъ. Независимо отъ водяныхъ мельницъ, въ селеніяхъ, не имѣющихъ быстро текущихъ ручьевъ, почти на каждые десять дымовъ есть ручныя мельницы для ежедневнаго помола кукурузы и гоми, въ количествѣ потребномъ для обѣда и ужина.

Кромѣ упомянутыхъ хлѣбныхъ растеній абхазцы засѣваютъ еще фасоль, ленъ, хлопчатникъ и табакъ. Все это засѣвается въ самомъ ограниченномъ размѣрѣ, потребномъ для домашняго хозяйства. Впрочемъ, табакъ и хлопокъ, первый въ окрестностяхъ м. Очемчиры, а второй вообще въ Самурзаканѣ *), засѣваются въ значительныхъ размѣрахъ, такъ-что въ послѣднее время сдѣлались предметомъ торговли. Ленъ абхазцы собираютъ незадолго до созрѣванія зерна, говоря, что въ это время волокна стебля самыя нѣжныя; вымолоченное зерно бросается или отдается тому, кто берется его вымолотить. Только въ послѣднее время появленіе нѣсколькихъ торговцевъ, скупающихъ льняное сѣмя, заставило жителей селеній, окрестныхъ мѣстечку Гадауты, выдерживать ленъ на корню до полнаго созрѣванія сѣмянъ.

Перечисляя сорты растеній, воздѣлываемыхъ абхазцами, я забылъ упомянуть еще объ одномъ—это клещевинникъ, дающій здѣсь весьма хорошій урожай. Поджаривая и растирая зерна клещевинника, абхазцы употребляютъ ихъ въ пищу, какъ при-

*) Тамъ-же, на стр. 47, говорится, что хлопчатки разводится больше въ Пицундскомъ округѣ. Вѣроятно, г. Пахомовъ не имѣлъ случая осмотрѣть Самурзакань, иначе онъ убѣдился-бы въ ошибочности своего мнѣнія.

праву для каши изъ кукурузы или гоми. Въ прошломъ году предполагалось сдѣлать опытъ посѣва клещевинника въ большихъ размѣрахъ для выдѣлки рициннаго масла, и поэтому, для узнанія степени годности зеренъ здѣшней клещевицы, было послано въ Керчь нѣсколько пудовъ сѣмянъ изъ собранныхъ на плантаціи кн. Г. Дм. Шервашидзе, но какой результатъ испытанія и удался-ли посѣвъ въ Сухумѣ—не знаю.

Изъ огородной зелени и овощей абхазцы обрабатываютъ лукъ, киндзу, чеснокъ, рѣдьку, огурцы, помедоры, тыквы и красный перецъ. Все это засѣвается въ самомъ ограниченномъ размѣрѣ необходимомъ для семейства, и засѣвается не въ правильныхъ огородахъ, а какъ попало, недалеко отъ жилья. Киндза (клоповникъ), чеснокъ и перецъ—любимыя приправы абхазцевъ во всѣ кушанья, что дѣлаетъ ихъ для непривычнаго вкуса отвратительными.

Абхазцы вообще чрезвычайно воздержны въ пищѣ. Необходимыя принадлежности ихъ стола—каша изъ муки гоми или кукурузы, замѣняющая хлѣбъ, и кислое молоко. Къ кашѣ подается особенный соусъ, называемый *соцебела*, приготовляемый изъ соку гранатъ, или сливъ, или кизила, подправленнаго перцемъ и киндзой. У болѣе зажиточныхъ лицъ иногда приготовляется курица, или вареная, подправленная соусомъ изъ перцу, или жареная на вертелѣ, а иногда и баранина, изготовленная такимъ-же образомъ, какъ и курица. Къ пріѣзду почетнаго гостя всегда готовится особенный обѣдъ, за которымъ первымъ блюдомъ подается такъ называемая *бечa*, т. е. большой кусокъ, отваренной въ соленой водѣ, говядины. Хозяинъ дома съ необыкновенною ловкостью отрѣзываетъ тонкіе пласты говядины и на ножѣ подноситъ гостямъ, приглашеннымъ къ столу. Потомъ почетному гостю подносятъ сердце, легкое и голову барана; за ними слѣдуютъ колбасы въ видѣ заплетенной косы, приготовленныя изъ бараньихъ кишекъ; потомъ курица жареная, курица вареная и наконецъ кислое молоко съ сотовымъ медомъ. Между этими кушаньями, вмѣсто entre-mets, подается соленый сыръ, сыръ поджаренный, фаршъ маленькими шариками, завернутый въ виноградныя листья, и вино,—послѣднее въ изобиліи. О вилкахъ абхазцы не имѣютъ никакого понятія; ножи находятся всегда при нихъ въ кожаныхъ чехольчикахъ, привѣшенные къ поясу или вложенные въ особое влагалище, находящееся подъ кинжаломъ; ложки, всегда роговыя или пальмовыя, употребляются только для

кислаго молока; форма ихъ такая-же, какъ и обыкновенныхъ столовыхъ ложекъ, но ручки чрезмѣрно длинныя, и абхазскій шикъ состоитъ именно въ томъ, чтобы употреблять ее, держа за самый конецъ.

При парадныхъ обѣдахъ, столъ, или правильнѣе, скамейки, покрываются полотенцемъ или кускомъ турецкаго коленкора; яства разставляются на различныхъ тарелочкахъ, деревянныхъ и фаянсовыхъ, а за неимѣніемъ ихъ, просто на дощечкахъ; гости, только приглашенные хозяиномъ, садятся по обѣимъ сторонамъ скамейки и принимаются работать руками. Такъ-какъ всю пищу, даже кашу, служащую вмѣсто хлѣба, берутъ прямо руками, то какъ только гости сядутъ за столъ, подносятъ каждому мѣдный тазъ и рукомойникъ. При самомъ парадномъ обѣдѣ имѣетъ право присутствовать каждый, какого-бы онъ ни былъ сословія; присутствующіе не садятся за столъ, а помогаютъ хозяину угощать гостей и терпѣливо ждутъ своей очереди, горланя и гича во все горло, когда гости пьютъ за чье-нибудь здоровье. Послѣ обѣда, продолжающагося иногда часа три-четыре, скамейки выносятъ изъ комнаты, пополняютъ съѣденныя кушанья и всѣ присутствующіе садятся къ столу. Хозяинъ, не накормившій присутствующихъ, считается дурнымъ и скупымъ и не можетъ самъ расчитывать на радушный пріемъ у кого-бы то ни было.

Гостепріимство у абхазцевъ развито такъ-же, какъ и у всѣхъ восточныхъ народовъ. Хозяинъ обезчеститъ себя, если откажетъ въ ночлегѣ и ужинѣ какимъ-бы то ни было случаемъ заѣхавшему къ нему незнакомому гостю. Кто-бы ни былъ пріѣзжій, его встрѣчаютъ съ радушіемъ, ему отдается лучшая постель и его угощаютъ всѣмъ, что только есть у хозяина. О прислугѣ и лошади пріѣзжему тоже нечего заботиться,—они будутъ сыты и пріютены. Предложить что-нибудь за ночлегъ и ужинъ хозяину—это кровно обидѣть его; если вы человѣкъ новый, не знающій обычаевъ народа, онъ отклонитъ ваше предложеніе вѣжливо, но если вы пробыли нѣкоторое время въ краѣ, онъ безъ церемоніи при васъ швырнетъ деньги какому-нибудь ахашалу. Единственное средство выразить свою благодарность за гостепріимство — это одарить дѣтей, по большей части одѣваемыхъ бѣдно. Обычай гостепріимства такъ великъ, что селенія, въ которыхъ помѣщаются власти, въ полномъ смыслѣ обѣднѣли отъ кормленія толпы, ежедневно осаждающей своими просьбами и жалобами начальство.

Такъ-какъ я уже коснулся домашняго быта абхазцевъ, то опишу его здѣсь, на сколько возможно подробнѣе. Описывая абхазскую мебель и утварь, я упустилъ изъ виду одну весьма важную вещь—люльку. Устройство ея весьма оригинально: плоскій продолговатый ящикъ соединяется, посредствомъ четырехъ длинныхъ ножекъ, съ крутыми дугами, служащими основаніемъ; надъ ящикомъ на двухъ стойкахъ утверждена перекладинка, на которую во время сна ребенка набрасывается кусокъ какой-нибудь матеріи, служащей пологомъ, — вотъ и все. Ребенокъ не пеленается, а укладывается на какую-нибудь мягкую подстилку, на дно ящика, и бинтуется вмѣстѣ съ нимъ холстомъ. Для отдѣленія испражненій ребенка, въ подстилкѣ и днѣ ящика дѣлается, въ надлежащемъ мѣстѣ, отверстіе, а моча отдѣляется въ камышинку, приставленную къ члену, и пропущенную тоже черезъ дно ящика. Въ такомъ положеніи ребенокъ находится нѣсколько дней, а иногда и болѣе недѣли, пока прійдетъ въ голову матери или кормилицѣ перемѣнить подъ нимъ подстилку. Для того чтобы накормить ребенка, мать становится на колѣни около люльки и даетъ ему грудь; когда эта операція кончена, кормилица набрасываетъ пологъ, толкаетъ люльку и та, качаясь, убаюкиваетъ ребенка. Полгода ребенокъ такимъ образомъ содержится въ люлькѣ и тогда ему даютъ свободу на день, а на ночь опять привязываютъ въ ящикѣ. Часто можно встрѣтить семейство, отправляющееся куда-нибудь въ гости, причемъ люлька съ ребенкомъ привязывается спереди сѣдла. Кормятъ ребенка грудью два, а иногда и три года, увѣряя, что чѣмъ дольше онъ сосетъ молоко кормилицы, тѣмъ будетъ здоровѣе; но независимо отъ молока кормилицы, начиная съ девяти мѣсяцевъ, ребенку даютъ уже коровье молоко и кашицу изъ гоми или кукурузы, послѣднюю безъ всякихъ кислыхъ и острыхъ приправъ. Начиная отъ году и до пяти лѣтъ ребенокъ ходитъ въ одной рубашкѣ, и только болѣе богатые съ двухъ-лѣтняго возраста напяливаютъ на него узкіе холщевые понталоны. Дѣти лицъ сословія ахуйю, а въ особенности дѣти ахашалъ, можно сказать ходятъ даже безъ рубашонокъ, такъ-какъ послѣднія представляютъ рядъ лоскутьевъ, какой-то неопредѣленной матеріи, соединенныхъ кое-гдѣ нитками. Нужно удивляться, какъ при такой костюмировкѣ дѣти переносятъ всѣ невзгоды погоды, въ особенности зимою, бывающей весьма холодною въ горныхъ частяхъ Абхазіи и даже Самурзакани. Съ четырехъ-пяти лѣтъ ребенку дается полная свобода и

мальчика этого возраста часто можно видѣть верхомъ на лошади, слѣдующимъ за своимъ отцомъ или воспитателемъ. Въ 12 лѣтъ, и даже ранѣе, дѣвочка обыкновенно считается чьей-нибудь невѣстой, ее одѣваютъ въ болѣе полный костюмъ и пріучаютъ къ шитью и домашнему хозяйству; она участвуетъ въ народныхъ гульбищахъ и хороводахъ, а въ четырнадцать она уже сама хозяйка, и даже имѣетъ ребенка. Мальчикъ въ десять лѣтъ помогаетъ отцу въ полевой работѣ, погоняя буйволовъ, въ четырнадцать уже участвуетъ въ воровскихъ похожденіяхъ, а въ 17—18 лѣтъ—отецъ семейства. Такимъ образомъ все воспитаніе ребенка состоитъ въ развитіи его физическихъ силъ, и грѣшно сказать, чтобы кто-нибудь въ семьѣ позаботился о развитіи его нравственныхъ качествъ. Скорѣе можно сказать, что употребляются всѣ мѣры для того, чтобы развить въ ребенкѣ дурныя наклонности и сдѣлать изъ дѣвушки, появляющейся въ обществѣ съ 10 лѣтъ, какую-то ни къ чему непригодную куклу, а изъ мальчика, участвующаго въ воровствѣ съ 12 лѣтъ, вора и мошенника. Дѣти зависимыхъ сословій, которымъ волей-неволей приходится помогать отцу и матери въ ихъ домашнемъ и полевомъ хозяйствѣ, выходятъ несравненно лучше, нежели дѣти лицъ привиллегированныхъ фамилій, пріучающіяся измальства къ бездѣльничанью. Поэтому, проступки воровства, мошенничества и разводы, вслѣдствіе безнравственной жизни одного изъ супруговъ, встрѣчаются и до настоящаго времени гораздо чаще между тавадами и амиста, нежели между анхае и ахуйю.

Молодые супруги, по большей части, нѣкоторое время живутъ въ домѣ отца мужа, пока не успѣютъ обзавестись вполнѣ хозяйствомъ. Если-же женится ахашалъ, то все необходимое для хозяйства ему долженъ дать его бывшій владѣлецъ *), равно какъ и долженъ отвести ему участокъ земли, по стоимости равный одной коровѣ. Этотъ обычай существуетъ, вѣроятно, вслѣдствіе того, что ахашалъ, съ женитьбой, хотя и переходитъ въ высшее сословіе ахуйю, но тѣмъ не менѣе онъ все-таки остается въ зависимости отъ своего прежняго владѣльца, которому и отбываетъ всѣ повинности, сопряженныя съ принадлежностію его къ новому сословію.

Въ семействѣ, гдѣ нѣсколько женатыхъ сыновей, обыкно-

*) Обыкновенно ему даются: дойная корова, полная постель, мѣдный тазъ, котелъ для варенія пищи и болѣе приличная одежа, которая, впрочемъ, даже у взрослыхъ ахашалъ напоминаетъ лахмотья цыганскихъ дѣтей.

венно строится для каждаго сына отдѣльный домъ, но столъ и все хозяйство имѣются общіе. Въ опредѣленный часъ глашатай, кто-нибудь изъ прислуги, возвѣщаетъ, стоя у дверей отцовскаго дома, что обѣдъ или ужинъ готовъ; по этому зову изъ домовъ выползаютъ пары съ своимъ потомствомъ и направляются въ родительскій домъ, гдѣ, совершивъ омовеніе рукъ, садятся за столъ. По окончаніи трапезы такъ-же чинно каждый бредетъ въ свою саклю заниматься тѣмъ-же, чѣмъ занимался до обѣда, т. е. ничего недѣланіемъ.

Абхазецъ, довольствующійся весьма малымъ,—при плодородіи страны и при существованіи, въ прежнее время, кровомщенія, доводившаго иногда цѣлыя селенія до разоренія, слѣдовательно, при ежечасномъ ожиданіи лишенія всего своего достоянія, — сдѣлался чрезвычайно лѣнивъ и безпеченъ. Можно смѣло сказать, что у тавадовъ и амиста не существуетъ рабочихъ дней, если не считать, конечно, таковыми дни, когда кто-нибудь изъ нихъ отправляется на воровство; у бывшихъ зависимыхъ сословій рабочіе дни начинаются въ періодъ полевыхъ работъ и продолжаются урывками до уборки винограда; одни ахашала были безустанными тружениками зимою и лѣтомъ. Зима, т. е. періодъ со времени уборки винограда и до конца апрѣля, когда начинается городьба капашей, у абхазцевъ проходитъ въ полномъ бездѣйствіи. Въ это время они изыскиваютъ всевозможные предлоги, чтобы отлучиться изъ дому, откапываютъ въ своей памяти различныя тяжебныя дѣла и процессы и биткомъ наполняютъ сельскіе и окружные суды, причемъ одного жалующагося сопровождаютъ десятка полтора зѣвакъ. Благодаря развитому въ краѣ гостепріимству, нѣтъ ничего легче, какъ таскаться изъ одного конца въ другой по всѣмъ селамъ и быть всегда сытымъ и согрѣтымъ. Если-же какимъ-нибудь случаемъ въ этотъ періодъ абхазецъ сидитъ дома и не занятъ гостями, то онъ съ полнымъ равнодушіемъ ко всему окружающему просидитъ нѣсколько часовъ передъ костромъ, строгая палочку. Все занятіе бывшихъ зависимыхъ сословій въ этотъ періодъ времени состоитъ въ приготовленіи топлива (для себя и для бывшаго своего владѣльца, если онъ принадлежитъ къ сословію ахуйю и находится къ послѣднему во временно-обязательныхъ отношеніяхъ), что не сопряжено съ большимъ трудомъ, такъ-какъ для этого, какъ я сказалъ, употребляютъ изгородь канаша, сдѣланную весною,—и въ закладкѣ лошадямъ корма. Вечеркомъ, впрочемъ, мужчины еще

заняты полчаса времени доеніемъ коровъ,—обязанность, которую абхазцы повсемѣстно отняли у женщинъ. Женщины зимою заняты, кромѣ приготовленія обѣда и ужина, какъ я сказалъ, весьма несложнаго, тканьемъ холста и грубой шерстяной матеріи.

Костюмъ абхазскаго мужчины состоитъ изъ чохи, той-же черкески, которая составляетъ костюмъ и остальныхъ горскихъ племенъ Кавказа, ситцеваго или бязеваго бешмета, исполняющаго по большей части и обязанность сорочки, узкихъ въ обтяжку бязевыхъ подштанниковъ, такихъ-же шерстяныхъ или, лѣтомъ, нанковыхъ шараваръ и чевякъ, надѣваемыхъ на босую ногу; на голову, вмѣсто шапки, повязывается весьма живописно башлыкъ, обыкновенно свѣтлыхъ цвѣтовъ, исключая лицъ, занимающихся воровствомъ, которыя, по словамъ спеціалистовъ въ этомъ дѣлѣ, имѣютъ всегда въ запасѣ черный башлыкъ. Женщины сверхъ сорочки надѣваютъ широкіе шаравары, стянутыя у щиколодки ноги, ситцевую юбку и ситцевый-же, а у богатыхъ шелковый длинный бешметъ, съ открытымъ воротомъ, застегнутый на груди различными вычурными застежками, у богатыхъ серебряными, занимающими почти всю грудь до таліи. Волосы обыкновенно дѣвушки зачесываютъ въ нѣсколько косъ, а женщины въ одну висящую вдоль спины; ноги такъ-же обуты, какъ у мужчинъ, а голова прикрыта платкомъ или кускомъ турецкой кисеи, концы которой висятъ по обѣимъ сторонамъ головы. Какъ мужчины, такъ и женщины, крайне неряшливы и нечистоплотны. Главный шикъ мужчинъ — оборванная до-нельзя чоха, такъ-что отъ нея висятъ лохмотья, краснаго сукна шаравары и кинжалъ, щеголевато отдѣланный въ серебро. Я спрашивалъ многихъ, почему у щеголя чоха должна быть въ клочкахъ и получалъ два отвѣта: одни говорили, что это служитъ доказательствомъ, что ему не жаль костюма, который онъ при своемъ молодечествѣ всегда можетъ легко пріобрѣсть; другіе-же объясняли совершенно иначе, говоря, что въ Абхазіи существуетъ обычай мѣняться съ гостемъ чохами, причемъ тотъ, у кого нарядная, не имѣетъ права отказать желающему обмѣнять на его чоху свои лохмотья. При существованіи такого обычая, конечно, нѣтъ расчета носить хорошее платье. Исподняго бѣлья абхазцы по нѣскольку недѣль не перемѣняютъ; во время глубокаго траура обычаемъ запрещается перемѣна бѣлья, а такъ-какъ трауръ продолжается не менѣе года, то можно себѣ представить, въ какомъ видѣ, ужъ никакъ нельзя сказать снимается, а сваливается сорочка. Женщины абхазскія

также чрезвычайно неряшливы и заботятся только о наружномъ украшеніи, пренебрегая совершенно чистотою бѣлья и нижней юбки или кринолина, который, по изгнаніи его изъ Европы, нашелъ пріютъ въ Абхазіи.

При совершенномъ отсутствіи бань, абхазцы никогда не моются зимою, лѣтомъ-же жители горной части освѣжаются морскою водою только тогда, когда случай заброситъ ихъ на берегъ моря или когда имъ вздумается покупать свою лошадь. Отсутствіе опрятности въ одеждѣ и въ содержаніи самого себя породило между абхазцами чесотку и парши, начинающія осаждать ихъ съ дѣтскаго возраста и прекращающіяся съ ихъ смертію. Рѣдкаго абхазца и абхаженку вы встрѣтите съ головою сплошь покрытою волосами; обыкновенно, на различныхъ частяхъ головы торчатъ пучками рѣдкіе тощіе волоски. Эта потеря волосъ еще съ дѣтства заставила мужчинъ брить или стричь подъ гребенку всѣ волосы, исключая макушки, гдѣ оставляется клочекъ, а женщинъ прибѣгать къ привязнымъ косамъ, а за недостаткомъ и неумѣніемъ придѣлывать ихъ къ обшивкѣ своихъ тощихъ косичекъ—черною шерстяною или шелковою матеріею. Руки абхазцевъ, въ томъ числѣ и женщинъ, до того всегда грязны и покрыты чесоточными прыщами, что внушаютъ отвращеніе ко всему, къ чему онѣ прикоснутся.

При такомъ неряшествѣ и невниманіи къ своей особѣ, абхазцы чрезвычайно заботятся о наружной чистотѣ, и вошедшаго въ ихъ домъ въ первый разъ поразитъ бѣдность и чистота. Полъ въ комнатѣ, состоящій изъ утрамбованной земли, смазанной глиной, выметается въ день нѣсколько разъ; постель и всякая домашняя рухлядь аккуратно складываются на тахтѣ въ какомъ-нибудь уголкѣ и завѣшиваются или ситцевой занавѣской или, у богатыхъ, ковромъ; тазъ, рукомойникъ, котелки также красуются гдѣ-нибудь въ другомъ уголкѣ, чинно разставленные вдоль стѣны; на стѣнѣ повѣшены сѣдло, конская сбруя и оружіе—словомъ, порядокъ замѣчательный, и даже сама хозяйка дома, увѣшенная различными амулетами и ожерельемъ (по большей части изъ серебряныхъ или золотыхъ турецкихъ монетъ) чинно сидитъ гдѣ-нибудь на скамеечкѣ, окруженная штатомъ своей оборванной прислуги, какъ-бы ожидая гостя.

Не смотря на то, что въ рабочіе дни абхазцы дѣлаютъ весьма мало, они чрезвычайно внимательно слѣдятъ за всѣми праздниками, которые, по ихъ убѣжденію, непремѣнно должны

быть исключительно посвящены сужденію объ общественныхъ дѣлахъ и удовольствіямъ. Праздниками считаются всѣ воскресные дни, Рождество Христово, Троицынъ день и всѣ дни, посвященные торжествамъ въ честь мѣстныхъ боговъ. Въ эти дни, гдѣ есть церкви, вмѣстѣ съ благовѣстью къ обѣднѣ или часовъ около девяти, всѣ мужчины селенія собираются около церкви или на площадкѣ, подъ группою деревъ, и начинаютъ сообщать другъ другу слышанныя втеченіи предшествовавшихъ дней новости. По окончаніи обѣдни собираются старики судить и рядить общественныя дѣла и затѣмъ сельскій судъ принимается за разборъ жалобъ и споровъ. Въ обѣденную пору, кружокъ этотъ нѣсколько уменьшается, но зато послѣ обѣда замѣтно увеличивается всею молодежью селенія, какъ мужчинами, такъ и женщинами, собирающимися для хороводовъ и плясокъ.

Самостоятельной народной пляски у абхазцевъ нѣтъ; ихъ хороводъ заимствованъ отъ мингрельцевъ и представляетъ слабое подражаніе тамашѣ, а ихъ лезгинка пародія на этотъ танецъ. Общій характеръ ихъ танцевъ чрезвычайно монотонный и вполнѣ соотвѣтствуетъ пѣснямъ, замѣняющимъ музыку. Хороводъ состоитъ въ томъ, что мужчины и женщины берутъ другъ друга за руки и составляютъ большой кругъ; подъ речитативъ, произносимый однимъ изъ пляшущихъ, вся толпа въ тактъ припѣваетъ *ги-го*! и при этомъ, мѣрно переступая, кружится въ одномъ направленіи; затѣмъ причитывающій ускоряетъ немного тактъ, пляшущіе соразмѣряютъ съ нимъ свой припѣвъ и начинаютъ кружиться чаще, идя все чѣмъ дальше, тѣмъ скорѣе и оканчиваютъ бѣшенымъ круженьемъ, перескакивая съ одной ноги на другую. Послѣ этого начинается опять монотонное причитываніе и танцующіе кружатся въ другую сторону, пока опять не дойдутъ до бѣшенства. Подъ этотъ-же самый припѣвъ изъ танцующихъ выдѣляются мужчина и женщина, входятъ въ кругъ и танцуютъ что-то среднее между лезгинкой и нашимъ сельскимъ бабьимъ танцемъ, по граціи и тѣлодвиженіямъ далеко отставая отъ первой, а вялостію и однообразіемъ напоминая второй. Вообще всѣ движенія абхазцевъ въ танцахъ или вялы и однообразны до унынія или безсмысленны и бѣшены до припадковъ сумашествія.

Абхазское пѣніе по однообразію совершенно соотвѣтствуетъ танцамъ. Общій характеръ его восточный, состоящій изъ чтенія запѣваломъ на распѣвъ какого-нибудь стиха и потомъ повторенія

его всѣми присутствующими, или повторенія одного и того-же припѣва, слѣдующаго послѣ каждаго стиха. Въ стихахъ воспѣвается или природа, заслуживающая лучшихъ пѣвцовъ, или какой-нибудь герой, сложившій свою буйную головушку при воровствѣ или набѣгѣ. Существованіе героевъ пѣсенъ не относится къ слишкомъ отдаленнымъ временамъ, а обыкновенно къ недавнему прошлому, еще свѣжему въ памяти всѣхъ. Только двѣ былины давно прошедшихъ временъ мнѣ удалось узнать изъ абхазскихъ пѣсенъ, но и ихъ никакъ нельзя считать народными, а скорѣе фамильными сказаніями о предкахъ.

Одна изъ этихъ пѣсенъ, сохранившаяся въ родѣ шинагмъ Пилія, гласитъ о трагической смерти предка ихъ Мамагула и его жены. Въ ней говорится, что Зурабъ Шервашидзе былъ бездѣтенъ и обратился къ колдуну, прося его помочь какъ-нибудь горю. Колдунъ, недовольный Мамагуломъ Пилія, объявилъ Зурабу, что жена его не будетъ имѣть дѣтей до-тѣхъ-поръ, пока будутъ жить Мамагулъ и его жена. По приказанію Зураба, Пилія и жена его были убиты, головы ихъ были отдѣлены отъ туловищъ, и колдунъ провелъ жену Зураба три раза между головами и туловищами жертвъ, послѣ чего она забеременѣла и родила дочь. Вторая пѣсня повѣствуетъ о набѣгѣ Кана Шервашидзе (изъ рода Таулахъ-ипа) въ Джигетію и его кончинѣ. По словамъ пѣсни, джигеты постоянно тревожили Абхазію, несмотря на то, что дочь главнаго ихъ князя Гечь была замужемъ за Каномъ Шервашидзе. Сколько ни старался Канъ взять въ плѣнъ Геча, но онъ былъ неуловимъ, потому что имѣлъ лихаго бѣлаго коня, называвшагося „птица“. Жена Кана, наученная своимъ мужемъ, отправилась въ гости къ отцу, тайкомъ вошла въ конюшню, гдѣ стояла лошадь, и насыпала въ пищу ея толченаго стекла. Лошадь Геча скоро околѣла, но это не заставило его отложить задуманный раньше набѣгъ. Партія подъ предводительствомъ Геча переплыла р. Бзыбь, взобралась на крутой ея берегъ по лѣстницамъ, заготовленнымъ ранѣе, и направилась къ сел. Бача, мѣстопребыванію Кана. Послѣдній, предувѣдомленный заранѣе, вышелъ на встрѣчу джигетамъ, разбилъ ихъ и погналъ къ Бзыби, гдѣ большая часть партіи и самъ Гечь, не попавши на переправу, погибли въ волнахъ рѣки. Возвратившійся съ тріумфомъ, Канъ отпраздновалъ побѣду и успокоился на лаврахъ, въ то время какъ джигеты собирались отмстить за свое пораженіе. Вскорѣ, дѣйствительно, они напали на селеніе Бача, застали Кана

врасплохъ, и хотя онъ дрался, какъ левъ, но все-таки абхазцы были побѣждены и Канъ былъ убитъ.

Краткимъ очеркомъ плясокъ и пѣсенъ абхазцевъ я заканчиваю описаніе ихъ домашней жизни и увеселеній и возвращаюсь къ ихъ сельскому хозяйству. Читатель могъ видѣть, въ какомъ первобытномъ состояніи находится хлѣбопашество въ Абхазіи, но его можно назвать цвѣтущимъ, сравнительно съ мѣстнымъ садоводствомъ, шелководствомъ и винодѣліемъ.

Громкое названіе сада въ Абхазіи носятъ нѣсколько фруктовыхъ деревьевъ, растущихъ разбросанно по большей части недалеко отъ жилища. Кто насадилъ ихъ тамъ—трудно сказать, но судя по безпорядку, въ какомъ они произрастаютъ, можно предположить, что случай забросилъ косточку или сѣмя на это мѣсто, и изъ него, безъ всякаго человѣческаго ухода, выросло дерево; благодатныя для растительности климатическія и почвенныя условія края исправляютъ то, что упускается жителями по незнанію или вслѣдствіе лѣни. При малѣйшемъ уходѣ за садами, Абхазія могла-бы доставлять самые разнообразные и лучшихъ качествъ фрукты, тогда какъ до 1867 года, кромѣ яблокъ двухъ-трехъ сортовъ и твердыхъ, какъ камень, хотя большихъ и сочныхъ грушъ, она не отпускала ничего изъ продуктовъ своихъ садовъ. Главную роль въ домашнемъ хозяйствѣ абхазцевъ играютъ алыча, гранаты и кизилъ, сокъ которыхъ служитъ приправой къ пищѣ, для чего и сохраняется на зиму въ сушеномъ видѣ. Но и къ разведенію этихъ плодовыхъ деревьевъ жители относятся небрежно, чему конечно главною причиною служитъ то, что алыча и кизилъ встрѣчаются въ изобиліи дикорастущими въ лѣсахъ Абхазіи и плоды ихъ замѣняютъ гранаты, требующія разсадки и нѣкотораго ухода первые два года. Для сохраненія на зиму алычи и кизила, плоды ихъ, по отдѣленіи косточекъ, растираются; полученная такимъ образомъ масса размазывается на доскѣ и выставляется для сушки на солнце; высушенные листы свертываются въ трубку — и въ этомъ видѣ, въ сухомъ мѣстѣ, могутъ пролежать нѣсколько лѣтъ, не подвергаясь порчѣ и сохраняя кислоту. Г. Пахомовъ говоритъ, что кислота, названіе которой носятъ эти консервы, ,,сохраняетъ пріятную свѣжую кислоту и ароматъ“*); но, мнѣ кажется, нужно быть слишкомъ неприхотливымъ или-же предубѣжденнымъ въ пользу этого аб-

*) ,,Абхазія въ сельско-хозяйственномъ отношеніи“, стр. 56.

хазскаго произведенія, чтобы находить въ немъ тѣ достоинства, которыхъ нѣтъ, и даже совершенно противуположныя существующимъ; кромѣ кислоты, вслѣдствіе небрежнаго и грязнаго приготовленія, въ высушенныхъ листахъ массы не сохраняется почти ничего изъ качествъ подвергшихся переработкѣ плодовъ; первоначальный-же ароматъ ихъ замѣняется какимъ-то кисло-затхлымъ запахомъ, напоминающимъ скорѣе шубный квасъ, нежели алычу или кизилъ. Другіе плоды, какъ-то яблоки, груши, инжиръ, черешни, персики и сливы употребляются абхазцами какъ лакомство и не имѣютъ никакого примѣненія въ домашнемъ хозяйствѣ. Въ селеніяхъ, лежащихъ въ окрестностяхъ Сухума, плоды эти составляютъ предметъ незначительной торговли и ихъ можно встрѣтить на базарѣ, но въ весьма ограниченномъ количествѣ. Сколько можно судить по свидѣтельствамъ, выдававшимся до 1864 года, яблоки и груши вывозились изъ Абхазіи въ Крымъ, гдѣ продавались, подъ названіемъ батумскихъ, въ большомъ количествѣ, но въ 1865—66 годахъ вывозъ ихъ былъ значительно меньше, а въ 1867 г. совершенно прекратился. Причина этому быстрая порча плодовыхъ деревьевъ въ Абхазіи, которыя, вслѣдствіе усиленнаго роста и постоянной влажности воздуха и почвы, около 20-го года перестаютъ давать плодъ, потому-что сердцевина ихъ подвергается гніенію. Сады Абхазіи требуютъ постояннаго обновленія, замѣною старыхъ деревьевъ молодыми, что жители по незнанію и лѣности упускаютъ изъ виду. Единственный во всемъ Сухумскомъ отдѣлѣ правильно устроенный садъ, разведенный въ сел. Псыртеха маіоромъ Гасаномъ Маргани, съ 1867 года пересталъ давать плоды вслѣдствіе устарѣлости деревьевъ, и наслѣдники Гасана Маргани довольствуются сборомъ пяти-шести мѣръ фруктовъ съ сада, имѣющаго до 150 плодовыхъ деревьевъ.

Независимо отъ плодовыхъ деревьевъ, растущихъ вблизи жилищъ, почти каждый изъ жителей имѣетъ еще нѣсколько фруктовыхъ деревьевъ на своихъ кукурузныхъ канашахъ. Деревья эти по большей части дико росшія въ лѣсу и пощаженныя топоромъ при расчисткѣ канаша. Освобожденныя отъ окружавшаго ихъ лѣса, они начали давать болѣе крупные и сочные противу прежняго плоды, но далеко не такіе, какіе могли-бы приносить при искусственной обработкѣ. О колировкѣ деревьевъ абхазцы не имѣютъ ни малѣйшаго понятія, и только какихъ-нибудь два-три человѣка изъ поселившихся въ краѣ турокъ, лѣтъ десять

тому назадъ, начали знакомить жителей съ прививкою въ расщепъ.

Инжирное дерево растетъ въ Абхазіи весьма скоро и даетъ хорошіе сочные плоды, но они или съѣдаются сырыми или гніютъ на деревѣ; о сушкѣ ихъ туземное населеніе не имѣетъ никакого понятія, хотя мнѣ удавалось пробовать ихъ въ этомъ видѣ, приготовленные въ Сухумѣ, и могу сказать, что по свѣжести и вкусу они легко могли-бы замѣнить привозимый къ намъ инжиръ турецкаго и греческаго приготовленія. Айву мнѣ приходилось встрѣчать только въ окрестностяхъ мѣстечка Очемчиры, гдѣ она разведена турками, а вишни и черешни въ нѣсколькихъ садахъ города Сухума, сел. Лыхны и Дурюпшъ.

Наравнѣ съ другими фруктовыми деревьями, при рубкѣ лѣсовъ, абхазцы щадятъ орѣхъ, каштанъ и хурму. Плоды послѣдняго дерева употребляются свѣжими и сушеными, какъ лакомство, а плоды каштана и орѣха составляютъ предметъ значительной вывозной торговли края. При правильномъ сборѣ, огромныя каштановыя и орѣховыя рощи въ Абхазіи могли-бы доставлять плодовъ въ количествѣ въ десять разъ большемъ противу вывозимаго теперь. Сборъ плодовъ производится обыкновенно въ концѣ октября и въ началѣ ноября и имъ занимаются какъ взрослые, такъ и дѣти. Необходимое для продовольствія семейства количество орѣховъ и каштановъ оставляется въ запасъ, а остальные сносятся на базаръ мѣстечекъ Гудаутъ и Очемчиръ, гдѣ за безцѣнокъ скупаются турками и мингрельцами и отправляются въ Россію. О выдѣлкѣ изъ нихъ масла до-сихъ-поръ абхазцы не помышляютъ, а можно смѣло сказать, что эта статья хозяйства могла-бы дать значительный доходъ предпринимателю и послужила-бы къ обогащенію жителей, такъ-какъ цѣна на орѣхи и каштаны, не требующіе никакого ухода и доступные всѣмъ и каждому, поднялась-бы значительно. Въ настоящее время кошелка *) орѣховъ стоитъ до 15 к., а каштановъ до 20 копѣекъ, такъ-что фунтъ обходится не дороже $1^1/_2$ коп. Каштаны и орѣхи жители употребляютъ въ пищу въ сыромъ видѣ, прибавляя ихъ мелко растертыми къ своему любимому соусу—соцебела.

Неболѣе двѣнадцати лѣтъ тому назадъ абхазцы начали заниматься шелководствомъ, и эта отрасль промышленности,—бла-

*) Абхазская кошелка, плетеная изъ хворосту, содержитъ до 15 фунтовъ орѣховъ или каштановъ.

годаря своей легкости и притомъ доходности, несмотря на запрещеніе послѣдняго владѣтеля, кн. Михаила Шервашидзе, преслѣдовавшаго, изъ своихъ эгоистическихъ цѣлей, всѣ способы къ развитію благосостоянія народа, и на существующій въ странѣ предразсудокъ, что развитіе шелководства влечетъ непремѣнно уничтоженіе хлѣбныхъ посѣвовъ,—начала быстро развиваться. Шелковичныя деревья можно назвать дико растущими въ Абхазіи, такъ-какъ они иногда встрѣчаются въ непроходимыхъ лѣсахъ. Судя по тому, что они растутъ отдѣльными группами, можно думать, что первоначально, въ древнія времена, когда Абхазія процвѣтала своею торговлею и когда, вѣроятно, шелководство было развито наравнѣ съ другими промыслами, шелковичныя деревья были завезены сюда и потомъ, совершенно акклиматизировавшись, дали потомство, продолжающее существовать и донынѣ безъ всякаго пособія человѣка. Для вывода шелковичныхъ червей жители довольствуются этими деревьями и теперь; приспособленныхъ-же собственно для этой цѣли садовъ въ Абхазіи нѣтъ, хотя шелководство, какъ сказано выше, начало дѣлать замѣтные успѣхи, въ особенности въ Пицундскомъ округѣ *). Шелкъ сырецъ сбывается такъ-же, какъ и всѣ продукты полеваго и домашняго абхазскаго хозяйства, туркамъ, на базарахъ мѣстечекъ Гудаутъ и Очемчиръ и города Сухума, и сбывается почти за безцѣнокъ, чему причиною дурная размотка коконовъ, производящаяся безъ пособія какихъ-либо инструментовъ.

Виноградіе въ Абхазіи, хотя и существуетъ давно, но находится въ самомъ жалкомъ видѣ. Виноградныя лозы, разведенныя во время оно, какъ можно думать по существующимъ теперь сортамъ, отъ хорошихъ породъ, были оставлены на произволъ судьбы и имъ дана была полная свобода виться по дереву до той поры, когда эта подставка сама собою рухнетъ отъ времени и непогодъ. Встрѣчаются часто лозы, достигающія до аршина въ обхватѣ и закрывающія совершенно дерево, служащее имъ

*) На стр. 68 и 69, г. Пахомовъ говоритъ, что шелководство болѣе развито въ Драндскомъ (нынѣ Очемчирскомъ округѣ). Мнѣніе это ошибочно и доказываетъ, что г. Пахомовъ мало обратилъ вниманія на развитіе этой промышленности въ Пицундскомъ округѣ, гдѣ одни селенія Хвапъ, Джирхва, Дурюшъ и Куланурхва сбываютъ на базарѣ мѣстечка Гудаутъ, быть можетъ, болѣе шелку, нежели всѣ жители бывшаго Драндскаго округа вмѣстѣ. Развитію этой промышленности жители обязаны генералъ-маіору Кацо Маргани, привезшему сѣмена червей изъ Тифлиса.

опорой. При такихъ условіяхъ первоначальный типъ винограда, конечно, не могъ сохраниться даже настолько, чтобы въ настоящее время возможно было опредѣлить, къ какому сорту принадлежала лоза. Виноградъ, дающій розово-золотистые плоды, носящій мѣстное названіе *амлаху*, пѣтъ никакого сомнѣнія, произошелъ отъ какой-нибудь хорошей породы, но въ настоящее время онъ сдѣлался настолько самобытнымъ, что отнятые отъ него черенки даютъ плодъ совершенно такой-же, какъ тотъ кустъ, отъ котораго они отдѣлены. Единственный сортъ винограда, долѣе другихъ сохраняющій свой первичный типъ, это Изабелла, — и въ послѣднее время многіе изъ жителей, убѣдившись въ превосходствѣ его передъ другими, начали заниматься разведеніемъ лозъ этого сорта.

Слово *разведеніе* можетъ ввести въ заблужденіе читателя, заставивъ его предположить, чт виноградные сады въ Абхазіи имѣютъ хотя малѣйшее сходство съ тѣмъ, что носитъ у насъ это названіе; поэтому я считаю долгомъ предупредить подобное заблужденіе. Если абхазецъ говоритъ вамъ, что у него есть виноградный садъ,— это значитъ, что на его канашѣ, въ размѣрѣ десятины или полуторы десятины, растетъ 12—15 грабовыхъ деревьевъ, обвитыхъ виноградными лозами, невѣсть когда и кѣмъ посаженными. Побѣги этихъ лозъ переплелись съ вѣтвями дерева, такъ-что составляютъ съ нимъ какъ-бы одно цѣлое, и если-бы вздумалось кому-нибудь подчистить виноградъ, то это оказалось-бы дѣломъ рѣшительно невозможнымъ. Плоды подобныхъ вѣковыхъ лозъ составляютъ неотъемлемую собственность владѣльца канаша, но вмѣстѣ съ тѣмъ до половины октября не запретны для всякаго желающаго ими полакомиться*). Каждый хозяинъ начинаетъ охранять свой садъ только за мѣсяцъ до уборки винограда, т. е. въ октябрѣ. Зимою, когда ограда канашей уничтожается, какъ топливо, quasi-виноградные сады наполняются скотомъ, для котораго канашъ служитъ въ это время пастбищнымъ мѣстомъ, и козы объѣдаютъ низко растущіе побѣги. Г. Тороповъ, въ своемъ сочиненіи „Опытъ медицинской географіи“, назначаетъ гор. Сухумъ предѣломъ, за которымъ виноградныя лозы страдаютъ отъ зимъ

*) Всякій проѣзжающій или проходящій имѣетъ право нарвать для своего собственнаго употребленія сколько ему нужно плодовъ съ фруктовыхъ деревьевъ, принадлежащихъ другому, и даже самъ хозяинъ сада постарается предупредить подобное желаніе; но рвать плоды съ деревьевъ, принадлежащихъ другому, для продажи—считается воровствомъ.

и требуютъ на это время прикрытія. Ошибочность этого предположенія доказывается тѣмъ, что лучшіе виноградные сады—принадлежавшіе бывшему владѣтельному дому Абхазіи—находятся въ селеніяхъ Акваскемца, Звандрюпшъ, Тасраква, Рюита, Ацы и Ачандара, лежащихъ на сѣверъ отъ Сухума не менѣе чѣмъ на тридцать верстъ, а послѣднее даже на самомъ возвышенномъ пунктѣ Пицундскаго округа. Въ селеніяхъ Акваскемцы и Звандрюпшъ находится самый лучшій сортъ винограда *амлаху*, дающій розово-золотистаго цвѣта шипучее вино.

Для выдѣлки вина абхазцы употребляютъ самые простые пріемы. Какъ сказано выше, привяленый виноградъ безъ всякой сортировки сваливается въ корыто, выдолбленное изъ большаго бруса. Два или три человѣка разминаютъ виноградъ ногами и выдавленный сокъ спускаютъ черезъ отверстіе, сдѣланное въ днѣ корыта, въ большіе врытые въ землю глиняные кувшины, емкостью до двадцати ведеръ. Когда кувшинъ наполненъ, его слегка прикрываютъ до окончанія броженія сока и потомъ замазываютъ на-глухо и въ такомъ видѣ вино сохраняется до востребованія, т. е. по большей части до дня принесенія жертвы божеству Шёсшу *), такъ-какъ лучшее и самое крѣпкое вино назначается для этого праздника. Выжимки, оставшіяся въ корытѣ, продолжаютъ растирать ногами, подбавляя воды, и изъ этого разбавленнаго сока приготовляютъ вино для вседневнаго употребленія. Неопрятность и небрежность, неизбѣжныя при всѣхъ туземныхъ производствахъ, портятъ абхазское вино, имѣющее, при хорошей выдѣлкѣ, весьма пріятный букетъ и вкусъ. Выдержанное три — четыре года, амлаху пріобрѣтаетъ значительную крѣпость и совершенно своеобразный вкусъ и букетъ, нѣсколько напоминающіе бургонскія вина. Значительный запросъ абхазскаго вина собственно для нуждъ жителей Сухума, при болѣзни винограда, существующей въ краѣ около двадцати лѣтъ, заставилъ абхазцевъ усвоить мингрельскій способъ выдѣлки вина, т. е. усиленно разводить его водою и подбавлять различныя примѣси, иногда вредныя, какъ напримѣръ, ягоды жирной травы, что окончательно его испортило. Можно надѣяться, впрочемъ, что въ скоромъ будущемъ абхазцы, при содѣйствіи администраціи, выписавшей для нихъ изъ Крыма значительное число виноград-

*) См. „Сборникъ свѣд. о кавк. горц.“, вып. V, статья: „Религіозныя вѣрованія абхазцевъ“, стр. 12—14.

ныхъ лозъ, будутъ имѣть новые виноградные сады, которые, вѣроятно, не будутъ страдать отъ болѣзни, почти уничтожающей плоды, такъ-какъ правильно устроенный садъ дастъ возможность употреблять противу болѣзни исправляющія это зло средства, и тогда абхазцы, при выдѣлкѣ вина, отбросятъ дурныя привычки мингрельцевъ. Вновь-посаженныя лозы дали въ нѣкоторыхъ садахъ уже плодъ, доказавшій, что, при правильномъ уходѣ за виноградомъ, онъ не перерождается, а это можетъ служить ручательствомъ того, что современемъ Абхазія будетъ доставлять виноградъ и вина, не уступающіе крымскимъ.

Заканчивая краткій очеркъ сельскаго хозяйства абхазцевъ, нельзя не сказать о лѣсномъ богатствѣ края. Сколько можно судить по названію Бомборской гавани, считавшейся главною (Cavo de Buxo, port du Buis), Абхазія еще въ средніе вѣка была лѣснымъ рынкомъ, доставлявшимъ въ особенности въ изобиліи буксовое дерево, носящее въ краѣ названіе пальмы. Благодаря богатой растительности края, торговля эта продолжалась безостановочно до 1864 года и лѣса Абхазіи уничтожались самымъ безпорядочнымъ образомъ. Вывозъ изъ края лѣса составлялъ доходъ владѣтельной фамиліи, и потому нечего удивляться, что владѣтели старались поддержать и расширить этого рода торговлю, благодаря чему въ прибрежной части Абхазіи лѣса почти уничтожены. Всѣ деревья лучшихъ породъ, находившія сбытъ на рынкахъ Турціи, буковъ, дубъ, каштанъ, орѣхъ и ясень, вырублены повсемѣстно вдоль всего берега Абхазіи и остались на возвышенностяхъ и въ ущельяхъ, откуда доставка лѣсныхъ матеріаловъ, при отсутствіи путей сообщенія, была затруднительна. Но зато эти послѣднія мѣста представляютъ несмѣтныя богатства и, нѣтъ никакого сомнѣнія, современемъ послужатъ къ обогащенію края. Для пользы жителей нужно только пожелать, чтобы, съ разрѣшеніемъ поземельнаго дѣла въ краѣ, были приняты какія-нибудь мѣры для того, чтобы предохранить Абхазію отъ уничтоженія лѣсовъ. Въ противномъ случаѣ можно ручаться, что въ самое короткое время всѣ частные лѣса будутъ закуплены и вырублены промышленниками и вся прилегающая къ морю часть Абхазіи будетъ представлять пустынныя скалы.

А.....ъ.

28 мая 1871 года.

НАУЧНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

I.

По поводу изслѣдованій П. К. Услара о Кюринскомъ языкѣ.

Неутомимый изслѣдователь кавказско-горскихъ языковъ, П. К. Усларъ, обогатилъ науку языковѣдѣнія новымъ капитальнымъ трудомъ, озаглавленнымъ: „Этнографія Кавказа. Языкознаніе. Кюринскій языкъ".

Подобно прежнимъ изслѣдованіямъ своимъ о языкахъ чеченскомъ, маарульномъ, лакскомъ и хюркилинскомъ, П. К. Усларъ отлитографировалъ свой трудъ, составляющій 850 страницъ in 4° и заключающій въ себѣ: а) составленную авторомъ кюринскую азбуку, б) свѣдѣнія о географическомъ распространеніи кюринскаго языка, в) очеркъ грамматическаго строенія и образцы этого языка и г) сборникъ кюринскихъ словъ.

Главныхъ нарѣчій этого языка только два: *кюринское* и *ахтинское*. Настоящее изслѣдованіе П. К. Услара относится собственно до кюринскаго нарѣчія; объ ахтинскомъ-же сообщены авторомъ только нѣсколько замѣчаній.

Не входя въ настоящей замѣткѣ въ разборъ звуковъ и особенностей грамматическаго строенія кюринскаго нарѣчія, мы имѣемъ въ виду лишь занести на страницы горской лѣтописи самый фактъ пріобрѣтенія наукою настоящаго капитальнаго труда г. Услара, и ограничиваемся — на основаніи указаній многоуважаемаго автора—приведеніемъ данныхъ, по которымъ возможно составить понятіе, какъ о томъ, что разумѣетъ почтенный изслѣдователь подъ названіемъ—*кюринскій языкъ*, такъ и о предѣлахъ распространенія этого языка въ Дагестанѣ и внѣ его.

„Языкъ, условно названный нами *кюринскимъ*, — говоритъ г. Усларъ—составляетъ особую лингвистическую единицу, кото-

рая менѣе дробится на расходящіяся нарѣчія, чѣмъ напр. языкъ маарулoвъ или языкъ даргуа. Въ отношеніи къ однообразію, языкъ кюринскій можетъ быть уподобленъ лакскому, не смотря на то, что раскинулся на гораздо большее пространство. Въ немъ встрѣчается много видоизмѣненій выговора,—едва-ли не въ каждомъ аулѣ,—но, не смотря на то, кюринцы съ самыхъ противоположныхъ концовъ края, подобно лакамъ, свободно понимаютъ другъ друга, чего нельзя сказать о маарулахъ или даргинцахъ. Для отвращенія недоумѣній, весьма желательно, чтобы, какъ языкъ, такъ и народъ, говорящій на немъ, носили общее наименованіе. Въ этомъ отношеніи мы встрѣчаемъ много затрудненій. Ни языкъ въ цѣлости своей не называется *кюринскимъ*, ни жители, на немъ говорящіе, не носятъ общаго названія *кюринцевъ*. Во всякомъ случаѣ, общее названіе необходимо. Мы принимаемъ *условно*, для языка названіе *кюринскаго*, а для жителей—названіе *кюринцевъ*“.—Далѣе авторъ объясняетъ, почему эти названія онъ предпочелъ другимъ.

„Географическое положеніе кюринцевъ въ самыхъ общихъ чертахъ обозначается теченіемъ рѣки Самура,—по-кюрински называемаго *срединная рыка* *). Самуръ замыкаетъ дагестанское прибрежье Каспія на югѣ такъ-же, какъ Сулакъ на сѣверѣ. Въ нѣсколькихъ верстахъ ниже Рутула, Самуръ становится *кюринскою* рѣкою; кюринское народонаселеніе сопровождаетъ оба берега его до самаго впаденія въ море. Прерывается оно лишь немногими аулами съ тюркскимъ народонаселеніемъ, построенными на низовьяхъ рѣки. Вмѣстѣ съ тѣмъ, Самуромъ опредѣляются и *три* главныя части, на которыя дѣлится страна, обитаемая кюринцами: a) долина средняго Самура, b) лѣвая сторона нижняго Самура и c) правая сторона нижняго Самура. Таковое естественное раздѣленіе соотвѣтствуетъ, какъ нынѣшнему административному, такъ и бывшему политическому дѣленію края.

„Кюринская часть долины средняго Самура составляетъ восточную часть нынѣшняго Самурскаго округа и начинается не далѣе, какъ верстахъ въ 20-ти внизъ по рѣкѣ отъ Рутула. Первый встрѣчающійся на Самурѣ аулъ, говорящій по-кюрински, есть Кюлютль, который представляетъ крайнюю западную оконечность распространенія кюринскаго языка. Отъ этого аула вверхъ по

*) Къ сожалѣнію, за недостаткомъ въ тифлисскихъ типографіяхъ Усларовскаго шрифта, мы не можемъ привести начертаній тѣхъ звуковъ, которые составляютъ собственно кюринскія названія мѣстныхъ рѣкъ и ауловъ.

Самуру до Казикумуха, равно-какъ и къ сторонѣ запада, черезъ главный хребетъ въ Елису, идутъ языки *михетъ* и *цахуръ*, о которыхъ до-сихъ-поръ мы не имѣемъ еще положительныхъ свѣдѣній. Ахтинцы увѣряли меня, что эти языки не имѣютъ ничего общаго съ языкомъ кюринскимъ; существуютъ и противоположныя показанія. Эти вопросы могутъ быть разрѣшены не иначе, какъ точными изслѣдованіями.

„Начиная отъ аула Кюлютль, внизъ по Самуру, по обѣ стороны рѣки, до восточной оконечности Самурскаго округа, исключительно господствуетъ *особое нарѣчіе* языка кюринскаго, которое подвергается мелкимъ видоизмѣненіямъ по ауламъ. Говорящіе на кюринскомъ языкѣ живутъ въ 36 аулахъ и нѣсколькихъ выселкахъ, въ числѣ 5796 дворовъ. При этомъ замѣтимъ, что жители сами себя не называютъ кюринцами и никто ихъ такъ не называетъ. Съ незапамятныхъ временъ дѣлились они на три отдѣльныя независимыя общества, которыя сохранили независимость свою почти до позднѣйшихъ временъ. Общества эти назывались: *Ахти-пара*, *Алти-пара* и *Докузъ-пара*, — названія, чисто тюркскія; тюрко-адербиджанскій языкъ весьма распространенъ въ Самурской долинѣ. Селеніе Мискинджа, 403 двора, населенное кюринцами-шіитами, находилось внѣ всѣхъ этихъ обществъ. Сверхъ того, нѣкоторые кюринскіе аулы причислялись къ рутульскому магалу, слѣдовательно находились въ союзѣ съ народомъ иноязычнымъ. Первенствующее мѣсто занимало и теперь еще занимаетъ селеніе (около 1000 дворовъ), которое мы и тюрки называемъ обыкновенно *Ахты*, отъ арабскаго اخت (ухтъ) сестра, такъ-какъ, по преданію, арабскій завоеватель Абу-Муселимъ отдалъ его въ управленіе своей сестрѣ и зятю. По названію этого селенія, какъ внѣшніе кюринцы, такъ и сосѣдніе народы, называютъ кюринцевъ долины средняго Самура, съ легкимъ измѣненіемъ выговора, *ахцѣhгӳ* един., *ахцѣhгӳjар* множ., въ переводѣ ахтинецъ, ахтинцы,—не принимая въ соображеніе различія обществъ. Это названіе жители и сами себѣ придаютъ, чтобы обозначить въ общихъ чертахъ, откуда они родомъ. Но названіе это ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть распространено на совокупность всѣхъ кюринцевъ. Изъ Самурскаго округа кюринскій языкъ переходитъ къ югу черезъ главный Кавказскій хребетъ въ предѣлы Нухинскаго уѣзда нынѣшней Елиса-

ветпольской губерніи. По показанію ахтинцевъ, жители селеній Шинъ, Дашагиль и Филифли говорятъ одинакимъ съ ними языкомъ. Быть-можетъ, есть и еще нѣсколько таковыхъ селеній въ Нухинскомъ уѣздѣ, но о нихъ мы не имѣемъ свѣдѣній. Покуда, можно принять селеніе Филифли за крайній предѣлъ распространенія кюринскаго языка къ югу. Это селеніе находится въ близкомъ разстояніи отъ *Варташина*, гдѣ уцѣлѣлъ еще языкъ удскій.

„Лѣвое прибрежье нижняго Самура, населенное кюринцами, подвергалось втеченіи вѣковъ многимъ переворотамъ. Вообще страна эта довольно доступна по всѣмъ направленіямъ и не носитъ на себѣ отпечатка суроваго Нагорнаго Дагестана. Сѣверные кюринскіе аулы входили въ составъ владѣнія Маасума Табасаранскаго,—владѣльца, установленнаго арабскими завоевателями еще въ VIII-мъ вѣкѣ по Р. Х. Къ югу отъ маасумства Табасаранскаго, страна до самаго Самура называется Кюре. По преданію, названіе это произошло оттого, что арабскій правитель страны жилъ въ аулѣ Кюръ-кентъ. Впрочемъ, это не подтверждается ничѣмъ положительнымъ. Жители сами себя называютъ *кӳрӕгӳ*, кюринецъ, *кӳрӕгӳjар*, кюринцы. Такъ называютъ ихъ, съ нѣкоторыми видоизмѣненіями выговора, и горные сосѣди. Языкъ свой называютъ они *кӳрӕд ɣал*.

„Впродолженіи длиннаго ряда вѣковъ, кюринцы, по-видимому, не имѣли у себя центральнаго правительства. По временамъ и частями они признавали власть, то Дербента, то Кубы, то Казикумуха. Во второй половинѣ прошлаго вѣка, вѣтвію династіи хановъ казикумухскихъ образовано было особое ханство Кюринское, которое съ нѣкоторыми перерывами существовало до 1864 года. Кюринскій ханъ жилъ обыкновенно въ селеніи Курахъ, названіе котораго не имѣетъ ничего общаго съ кюре, хотя русская транскрипція и можетъ подать поводъ къ сближенію. Въ настоящее время, изъ описываемаго нами края, съ присоединеніемъ Южной Табасарани, образованъ округъ Кюринскій, большинство жителей котораго суть кюринцы и говорятъ кюринскимъ языкомъ, но, кромѣ того, встрѣчаются и другіе языки.

„Самый сѣверный кюринскій аулъ есть Имаглы, на рѣкѣ Карчагсу. Начиная отъ него вверхъ по рѣкѣ, встрѣчаются кюринскіе аулы въ перемежку съ табасаранскими, числомъ девять

(589 дворовъ). Не смотря на различіе языка, они всегда находились въ безспорномъ владѣніи маасума табасаранскаго.

„Къ югу отъ Карчагсу протекаетъ Чирахсу. Селенія, расположенныя вдоль лѣвой верхней части рѣки, образуютъ Ахмарлинскій магалъ, въ которомъ пять ауловъ (200 дворовъ) говорятъ на кюринскомъ языкѣ. Обладаніе этими селеніями подавало поводъ къ распрямъ между ханомъ кюринскимъ и маасумомъ табасаранскимъ. Выше по лѣвую сторону рѣки языкъ табасаранскій (Хивъ, Ляка и пр.).

„Полоса земли между Чирахсу и Самуромъ составляетъ коренную кюринскую землю, — то собственно, что называется Кюре, бывшее неоспоримое владѣніе хана кюринскаго. Здѣсь находится 111 ауловъ (6764 двора), которые говорятъ по-кюрински. Къ западу языкъ кюринскій встрѣчается съ языкомъ агульскимъ. Вверхъ по Курахъ-чаю, на притокѣ его Хипечь, въ аулѣ Хипечь говорятъ по-кюрински, въ слѣдующемъ выше аулѣ Орсунъ по-агульски, еще выше въ Химихеръ—по-кюрински, далѣе въ Хпинкъ—по-агульски. Вверхъ по теченію самаго Самура кюринскій языкъ прекращается селеніемъ Кирханъ (Гялханъ). Выше идетъ языкъ агульскій до селенія Чирахъ, гдѣ говорятъ однимъ изъ даргинскихъ нарѣчій. Покуда, всѣ наши свѣдѣнія о языкѣ агульскомъ ограничиваются записанными личными мѣстоименіями и числительными, которыя представляютъ нѣкоторое сходство съ кюринскими. Къ востоку кюринскій языкъ доходитъ до моря: аулъ Фаргатъ находится на самомъ устьѣ южнаго рукава Самура. Здѣсь языкъ этотъ находится въ тѣсномъ соприкосновеніи съ языкомъ тюрко-адербиджанскимъ.

„Правое прибрежье Самура, по самымъ условіямъ географическаго положенія своего, всегда входило въ составъ *Кубинскаго ханства.* Подъ именемъ Кубинскаго ханства подразумѣваемъ мы страну, находящуюся между нижнимъ Самуромъ и главнымъ Кавказскимъ хребтомъ, который на этомъ протяженіи все болѣе и болѣе понижается, становится удобопереходимымъ и, наконецъ, исчезаетъ на Апшеронскомъ полуостровѣ. Впрочемъ, Куба, въ видѣ центрально-административнаго пункта, сообщившаго названіе свое цѣлой странѣ, появляется не ранѣе середины прошлаго вѣка. Страна эта въ прежнія времена управлялась наслѣдственными правителями, болѣе или менѣе признававшими надъ собою власть правительства персидскаго. Резиденціей ихъ было селеніе Худатъ; родоначальникомъ династіи нѣкто Лезги-Ахмедъ.

По преданію, онъ былъ изъ фамиліи Уцміевъ, переселился въ Карчагъ, и, потомъ, въ Персію, откуда возвратился въ званіи правителя края въ Худатъ. Въ настоящее время бывшее Кубинское ханство составляетъ Кубинскій уѣздъ Бакинской губерніи, который административно отдѣленъ отъ Дагестана.

,,Въ полосѣ страны, сопровождающей справа теченіе Самура, шириною почти до самаго города Кубы, господствующее народонаселеніе есть кюринское, говорящее тѣмъ самымъ языкомъ, которымъ говорятъ въ бывшемъ Кюринскомъ ханствѣ. Г. Зейдлицъ, составившій весьма-вѣское въ этнографіи Кавказа описаніе Бакинской губерніи, насчиталъ въ Кубинскомъ уѣздѣ 50 ауловъ и и 21 выселокъ, жители которыхъ цѣликомъ или частію говорятъ по-кюрински". Для числа жителей обоего пола, говорящихъ на кюринскомъ языкѣ въ Кубинскомъ уѣздѣ, г. Зейдлицъ полагаетъ цифру 28641.

,,Въ южной части Кубинскаго уѣзда существуютъ языки: Хиналугъ, Будухъ, Крызъ, о которыхъ мы пишемъ по наслышкѣ, не имѣя о нихъ положительныхъ свѣдѣній. Кюринцы увѣряютъ, что эти языки не имѣютъ ничего общаго съ ихъ языкомъ, но и это показаніе требуетъ подтвержденія.

,, Въ отношеніи къ кубинскимъ кюринцамъ, повторимъ замѣчаніе, сдѣланное уже нами о кюринцахъ долины средняго Самура, т. е. то, что не только они сами себя не называютъ кюринцами, но и никто ихъ такъ не называетъ. Единоязычные сосѣди называютъ ихъ обыкновенно *ḱуӈа̀тгу́* (кубинецъ), *ḱуӈа̀тгу́јар* (кубинцы),—названіе, не имѣющее никакого лингвистическаго значенія.

,,Впрочемъ, существуетъ общее названіе, которымъ называютъ себя всѣ кюринцы, откуда-бы они ни были родомъ. Это названіе есть столь знакомое намъ *лезгі̂* един., *лезгі̂ јар* множ. Замѣтимъ, притомъ, что это названіе кюринцы присвоиваютъ себѣ въ исключительную собственность; *лезгі̂ ҡал* есть кюринскій языкъ. Лезгинами не называютъ ни хайдаковъ, ни табасаранцевъ, ни лаковъ, ни какой-либо другой изъ горскихъ народовъ. Происхожденіе этого названія не имѣетъ корней въ языкѣ, и сами кюринцы полагаютъ, что принято оно ими только

потому, что такъ прозвали ихъ сосѣди тюрки. Съ другой стороны, ни одинъ изъ горскихъ народовъ не называетъ кюринцевъ лезгинами. Во всякомъ случаѣ, это названіе, которымъ весь народъ себя объединяетъ, было-бы хорошо, если-бы мы имѣли возможность въ настоящее время придать ему требуемую опредѣлительность. Но, какъ тюрки, такъ и мы, привыкли уже безъ разбора называть лезгинами всѣхъ дагестанскихъ горцевъ. Спеціализированіе этого названія повело-бы только къ большей запутанности. Мы предпочитаемъ для народа названіе *кюринцевъ*, и для языка—названіе *кюринскаго*. Такъ называетъ себя теперь большая часть народа; къ этому названію мы уже привыкли, и оно имѣетъ для насъ опредѣленное значеніе".

Что касается численности населенія, говорящаго по-кюрински, то г. Услеръ замѣчаетъ, что цифры,—на которыя онъ ссылался при исчисленіи туземцевъ, говорящихъ на кюринскомъ языкѣ,—представляютъ не одинаковую степень достовѣрности. Вообще, г. Услеръ полагаетъ, что число всѣхъ кюринцевъ простирается до 80 т. душъ обоего пола. Слѣдовательно, языкъ кюринцевъ, по числу говорящихъ на немъ, занимаетъ третье мѣсто въ Дагестанѣ послѣ языка мааруловъ и языка даргинцевъ, но, какъ сказано выше, онъ представляетъ гораздо болѣе единства.

Относительно общей характеристики кюринскаго языка, г. Услеръ замѣчаетъ слѣдующее:

„Кюринскій языкъ, какъ въ лексическомъ, такъ и въ грамматическомъ отношеніяхъ, представляетъ сходныя черты съ чеченскимъ и тѣми дагестанскими, которые уже изслѣдованы. Нельзя не причислить этотъ языкъ къ обширной семьѣ языковъ *восточно-кавказскихъ*. Съ другой стороны, съ перваго-же разу, встрѣчаемъ мы особенность, которая ставитъ кюринскій языкъ поодаль отъ означенной семьи. Эта особенность заключается въ полномъ отсутствіи *категорій* или *родовъ*, которые играютъ столь-великую роль въ языкахъ восточнаго Кавказа и обусловливаютъ многосложныя измѣненія иныхъ буквъ въ началѣ, серединѣ и концѣ словъ. Таковыя измѣненія насквозь проникаютъ грамматики этихъ языковъ, и предварительнымъ объясненіемъ этихъ измѣненій начинали мы всѣ наши грамматическіе очерки. Какъ мы сказали, ничего подобнаго нѣтъ въ кюринскомъ языкѣ, который, по-видимому, обнаруживаетъ существованіе особаго *юго-восточнаго* подраздѣленія кавказскихъ языковъ. Г. Шифнеръ уже изслѣдовалъ одинъ изъ таковыхъ *безродныхъ* языковъ, а именно

удскій. Извѣстно также, что всѣ языки иверскаго семейства не имѣютъ родовъ. Впрочемъ, таковыя сближенія покуда еще преждевременны".

Болѣе обстоятельный отчетъ о настоящемъ почтенномъ трудѣ П. К. Услара мы надѣемся представить въ слѣдующемъ выпускѣ „Сборника".

Н. В.

II.

Нѣсколько словъ по поводу новаго лингвистическаго труда академика Шифнера.

Въ концѣ прошлаго года, въ Запискахъ Имп. Академіи наукъ, (VII Série, T. XVII, № 8), отпечатанъ новый трудъ акад. Шифнера, подъ заглавіемъ: „Ausführlicher Bericht über Baron P. v. Uslar's hürkanische Studien". Въ своемъ обстоятельномъ отчетѣ многоуважаемый лингвистъ, знакомя ученый міръ, на основаніи труда П. К—ча Услара, съ свойствами *хюркилинскаго языка*, дѣлаетъ, въ разныхъ мѣстахъ, сближенія между названнымъ языкомъ и другими кавказско-горскими языками.—Для лучшаго уясненія значенія вышеозначеннаго труда, весьма цѣннаго для кавказскаго языкознанія, считаемъ нелишнимъ предпослать нѣсколько общихъ замѣчаній о ходѣ изслѣдованія восточно-кавказскихъ языковъ.

Еще въ концѣ прошлаго вѣка академикъ Гильденштедтъ сдѣлалъ попытку распредѣленія на классы языковъ восточнаго Кавказа, причемъ онъ руководствовался единственно поверхностнымъ сличеніемъ между собою незначительнаго количества искаженныхъ горскихъ словъ. Въ началѣ текущаго столѣтія Клапротъ, на основаніи подобнаго-же сравненія горскихъ языковъ съ языками, принадлежащими къ такъ-называемой урало-алтайской группѣ, высказалъ предположеніе о сродствѣ восточно-горскихъ языковъ съ языками сѣверной Азіи, а преимущественно съ финскими и самоѣдскими нарѣчіями *). Нужно-ли распространяться о томъ, что означенныя упражненія въ лингвистикѣ, относящіяся къ періоду ея младенчества, не могли повести ни къ какимъ положительнымъ результатамъ? Считаетъ излишнимъ распространяться и о томъ, что какъ за распредѣленіе на классы восточно-горскихъ языковъ, такъ и за отысканіе сродства ихъ

*) Kaukasische Sprachen, S. 12—25, 145—167.

съ другими языками можно приняться только послѣ основательнаго, серьезнаго ихъ изученія. Начало такого изученія восточно-кавказскихъ языковъ относится къ пятидесятымъ годамъ, т. е. ко времени изданія академикомъ Шифнеромъ своего труда о такъ называемомъ тушскомъ (цовскомъ) языкѣ. Этотъ трудъ („Versuch über die Thusch-Sprache“) и составляетъ эпоху въ исторіи кавказскаго языкознанія. Потомъ изданы были г-мъ Шифнеромъ грамматическіе очерки языковъ удинскаго и аварскаго. Здѣсь замѣтимъ, что не мало содѣйствія многоуважаемому лингвисту оказалъ А. П. Берже, обязательно доставлявшій ему различные лингвистическіе матеріалы. Затѣмъ, послѣ составленія чеченской грамматики П. К. Усларомъ, г. Шифнеръ издалъ свои „Tschetschenzische Studien“. Названные труды, представляющіе строго-грамматическіе очерки означенныхъ языковъ, далѣе — образчики языка и наконецъ—правильно составленные сборники словъ, положили прочный базисъ для дальнѣйшаго изученія и изслѣдованія восточно-кавказскихъ языковъ. — Въ началѣ шестидесятыхъ годовъ принялся за изученіе кавказско-горскихъ языковъ на мѣстѣ другой лингвистъ, оказавшій незабвенныя заслуги кавказскому языкознанію. Благодаря своей энергіи и неутомимости, П. К. Усларъ успѣлъ, въ теченіи десяти лѣтъ, основательно изучить пять восточно-горскихъ языковъ, а именно: чеченскій, аварскій, лакскій (казикумухскій), хюркилинскій и кюринскій. Плодомъ этого изученія были самые обстоятельные грамматическіе очерки перечисленныхъ языковъ. Къ нимъ приложены образчики языка (съ грамматическимъ разборомъ) и сборники словъ. Академикъ Шифнеръ, живо интересующійся трудами П. К—ча Услара, познакомилъ ученый міръ, на основаніи-же трудовъ послѣдняго, сперва съ лакскимъ, а потомъ съ хюркилинскимъ языкомъ.

Можно сказать, что гг. Шифнеръ и Усларъ, изслѣдованіями своими восточно-кавказскихъ языковъ, открыли новый лингвистическій міръ. Не смотря на особенности, свойственныя порознь каждому изъ изслѣдованныхъ восточно-кавказскихъ языковъ, послѣдніе обнаруживаютъ немало сродства между собою, какъ въ фонетическомъ и лексическомъ, такъ въ грамматическомъ и синтаксическомъ отношеніяхъ. Обстоятельное разъясненіе этого сродства слѣдуетъ, конечно, предоставить самимъ изслѣдователямъ,— мы-же, въ нашей замѣткѣ, ограничимся лишь указаніемъ на тѣ общія характеристическія черты изслѣдованныхъ языковъ, которыя бросаются въ глаза, даже при первомъ ознакомленіи съ

ними. Итакъ, во-первыхъ, всѣ означенные языки богаты, хотя и въ различной степени, гортанными и шипящими и бѣдны, болѣе или менѣе, губными звуками. Во-вторыхъ, вышеозначенные языки, представляющіе сродство между собою въ лексическомъ отношеніи, изобилуютъ односложными словами; въ словахъ, состоящихъ изъ нѣсколькихъ слоговъ, обнаруживаются законы конкордаціи гласныхъ и ассимиляціи согласныхъ, — въ нихъ-же происходитъ иногда перестановка, вставка или выбрасываніе извѣстныхъ звуковъ. Въ-третьихъ, восточно-кавказскіе языки, при отсутствіи предлоговъ и недостаткѣ относительныхъ мѣстоименій и союзовъ, служащихъ для выраженія причинной связи между предложеніями, представляютъ, съ одной стороны, обиліе прилоговъ и падежныхъ окончаній, а, съ другой стороны, богатство дѣепричастій, причастій и вообще глагольныхъ формъ. Далѣе, при необыкновенномъ обиліи падежей, въ означенныхъ языкахъ не оказывается винительнаго падежа, а слѣд. и дѣйствительнаго залога. Вслѣдствіе означенныхъ грамматическихъ явленій, горскіе языки представляютъ довольно оригинальную, своеобразную конструкцію. Рѣзко бросается въ глаза и то обстоятельство, что въ изслѣдованныхъ языкахъ (за исключеніемъ двухъ изъ нихъ) предметы распредѣляются по родамъ, или по категоріямъ, и что для обозначенія родовъ или категорій служатъ извѣстные характеристическіе звуки, помѣщаемые въ началѣ, а также въ концѣ и серединѣ словъ. Эти характеристическіе звуки появляются въ различныхъ частяхъ рѣчи. Попадаются и другіе характеристическіе звуки. При помощи подобныхъ звуковъ получается, напр., значительное количество указательныхъ мѣстоименій, опредѣляющихъ различное положеніе указываемаго предмета къ лицу говорящему и къ лицу, которому говорится. Подобные звуки, а также падежныя окончанія, будучи отдѣлены отъ словъ, съ которыми соединяются, не имѣютъ значенія; но очень можетъ быть, что, по-крайней-мѣрѣ, нѣкоторыя изъ нихъ представляютъ, такъ сказать, обломки цѣльныхъ словъ, слившихся съ другими словами и подвергшихся, при этой операціи, значительнымъ сокращеніямъ на основаніи присущаго горскимъ языкамъ свойства—выражать рѣчь, по-возможности, кратко и сжато. Кажется, что можно было-бы объяснить происхожденіе нѣкоторыхъ подобныхъ обломковъ словъ *), но значительная ихъ

*) Въ чеченскомъ языкѣ вставка въ глагольныхъ формахъ звука *б* служитъ

часть останется, по всей вѣроятности, неразъяснимою. Какъ-бы то ни было, но восточно-горскіе языки, при кажущейся, съ перваго разу, необыкновенной ихъ бѣдности, въ состояніи выразить сжато, посредствомъ весьма незамысловатыхъ грамматическихъ пріемовъ, самые разнообразные оттѣнки понятій.—Далѣе, нельзя не обратить вниманія на нѣкоторыя особенности, свойственныя различнымъ группамъ восточно-кавказскихъ языковъ. Такъ, напр., языкъ удинскій и кюринскій (недавно изслѣдованный П. К. Усларомъ) не имѣютъ характеристическихъ родовыхъ звуковъ, чѣмъ они рѣзко отличаются отъ прочихъ изслѣдованныхъ языковъ. Языки чеченскій и аварскій представляютъ либо средніе, либо строго-страдательные глаголы. Въ этихъ языкахъ, для обозначенія дѣйствія переходящаго, предметъ дѣйствующій ставится обыкновенно въ творительномъ падежѣ, а предметъ, на который обращено дѣйствіе,—всегда въ именительномъ падежѣ. Въ языкахъ-же лакскомъ и хюркилинскомъ замѣтенъ уже какъ-бы переходъ отъ залога страдательнаго къ дѣй-

---

для выраженія собирательнаго дѣйствія, дѣйствія, совершаемаго многими лицами. Этотъ-же звукъ появляется иногда въ тушскомъ и аварскомъ языкахъ въ качествѣ характеристическаго звука множественнаго числа. Въ сборникахъ горскихъ словъ находимъ: въ аварскомъ языкѣ слово *бо*, въ чеченскомъ—*бҕуо*, въ тушскомъ—*бхо*. Эти слова, сродныя другъ съ другомъ, обозначаютъ — общество, племя, войско.—Въ аварскомъ языкѣ, въ окончаніи мѣстныхъ падежей, означающихъ направленіе, находимъ суффиксъ *хун*. Кажется, что онъ представляетъ подвергшуюся сокращенію форму дѣепричастія прошедшаго отъ глагола *ахіне*—подниматься, направляться: въ сборникѣ аварскихъ словъ, мы, подъ словомъ *маго* сонъ, сновидѣніе, *маґіҕ*—во снѣ, отыскали сложное слово *маґіхіне*——чувствовать позывъ ко сну, а отъ него—форму *маґіхун*.—Особенный интересъ въ этомъ отношеніи представляетъ кюринскій языкъ, въ которомъ, для выраженія прилоговъ, употребляются часто либо дѣепричастія нѣкоторыхъ глаголовъ, либо нѣкоторыя существительныя и прилагательныя, подвергающіяся падежнымъ измѣненіямъ и приставляемыя къ другимъ словамъ (Кюринская грам., §§ 282—297); такъ, напр., для выраженія слова *вокругъ* употребляется дѣепричастіе прошедшее отъ глагола, означающаго вертѣться, слово *гіл* глазъ употребляется для выраженія словъ—*передъ*, *впереди*, *прежде*, слово *ҡан* подошва—вмѣсто прилога въ значеніи *подъ* и т. д.

ствительному, — вслѣдствіе-же отсутствія винительнаго падежа, конструкція этихъ языковъ, въ особенности лакскаго, выходитъ весьма оригинальною. Въ этихъ-же языкахъ окончанія глагольныхъ формъ подвержены измѣненіямъ, смотря по тому, какое лицо на какое дѣйствуетъ. Кромѣ того, языки лакскій и хюркилинскій богаты формами, служащими для выраженія одиночнаго, повторительнаго и продолжительнаго дѣйствія или состоянія. Въ группѣ чеченско-аварской выдѣляются, въ фонетическомъ отношеніи, чеченскій и весьма близкій къ нему тушскій (цовскій) языкъ, обнаруживающіе наклонность къ образованію дифтонговъ, чѣмъ они довольно рѣзко отличаются и отъ прочихъ восточно-кавказскихъ языковъ. Само собою разумѣется, что нельзя еще, на основаніи указанныхъ только признаковъ, составить классификацію означенныхъ языковъ: для этого нужно принять во вниманіе всѣ ихъ существенные признаки, весь ихъ, такъ сказать, habitus. Нечего распространяться и о томъ, что къ этому дѣлу лучше приступить по изученіи неизслѣдованныхъ еще горскихъ языковъ; но тѣмъ не менѣе можно уже и въ настоящее время, на основаніи добытыхъ наукою данныхъ, дѣлать отдѣльныя сближенія, сравненія, между изслѣдованными языками. Подобныя сближенія послужатъ значительнымъ подспорьемъ для будущей классификаціи вышеозначенныхъ языковъ,—много изъ нихъ уже разбросано въ разныхъ мѣстахъ лингвистическихъ трудовъ гг. Услара и Шифнера. Послѣдній сдѣлалъ, между прочимъ, немало довольно важныхъ сближеній между горскими языками въ лексическомъ отношеніи. Такихъ сближеній замѣчаемъ много въ особенности въ новомъ, уже вышеназванномъ его трудѣ, къ которому теперь и перейдемъ.

Съ самаго начала замѣтимъ, что г. Шифнеръ разошелся съ г-мъ Усларомъ относительно названія языка, ознакомленію съ которымъ ученаго міра посвященъ новый трудъ многоуважаемаго академика. Хюркилинскимъ языкомъ названо г. Усларомъ одно изъ нарѣчій того языка, которымъ говоритъ почти цѣлое народонаселеніе нынѣшняго Даргинскаго округа и Горнаго Кайтага; названо-же оно такъ по имени самаго многолюднаго селенія — *Курклá—ми*, жители котораго называются хюруками. Единственное число послѣдняго слова—хюркаъ. Поэтому г. Шифнеръ полагаетъ, что правильнѣе назвать означенный языкъ хюркапскимъ (hürkanische Sprache). Хотя, положимъ, это наимено-

ваніе, можетъ быть, и правильнѣе въ филологическомъ отношеніи, нежели названіе, данное упомянутому языку П. К. Усларомъ; но оно, какъ намъ кажется, можетъ повести отчасти къ недоразумѣнію, вслѣдствіе созвучія своего съ словомъ — Гирканія (Hyrcania). Послѣ указанія территоріи, занимаемой хюркилинскимъ языкомъ, г. Шифнеръ переходитъ къ звукамъ, свойственнымъ этому языку. Что касается до способовъ ихъ обозначенія, то г. Шифнеръ, въ этомъ отношеніи, остался вообще вѣренъ своей кавказско-горской орѳографіи *). Грамматическій очеркъ хюркилинскаго языка, составленный строго на основаніи труда П. К—ча Услара, распадается, по примѣру прежнихъ очерковъ, на 3 отдѣла. Первый отдѣлъ (Lautlehre) трактуетъ о звукахъ и измѣненіяхъ, которымъ они подвержены. Въ этомъ отдѣлѣ удачно сгруппированы эти измѣненія (§§ 4—22). Въ отдѣлѣ, посвященномъ изложенію грамматическихъ формъ (Formenlehre), отчетливо представлены парадигмы склоненій и спряженій, ясно обозначены составные глаголы, сдѣланы также незначительныя отступленія отъ грамматическаго очерка П. К—ча; такъ, напр., падежи равняющій, уподобляющій и тожественный подведены подъ общую категорію равняющихъ падежей, причемъ первый изъ нихъ названъ равняющимъ количественнымъ, второй—равняющимъ качественнымъ, а третій—равняющимъ образнымъ падежомъ; далѣе, уступающій падежъ названъ сравнительнымъ. Эти четыре падежа являются постоянно въ парадигмахъ склоненій. Такъ-какъ означенные падежи образуются непзмѣнно посредствомъ прибавки извѣстныхъ суффиксовъ къ именительному падежу, то намъ кажется, что лучше было-бы отдѣлить ихъ отъ прочихъ падежей, какъ это сдѣлано въ грамматическомъ очеркѣ гг. Услара. Въ третьемъ—синтаксическомъ—отдѣлѣ сгруппированы случаи и примѣры употребленія извѣстныхъ падежей, глагольныхъ формъ и т. д., помѣщенные въ трудѣ г. Услара при изложеніи грамматическихъ формъ. Въ отдѣлѣ образчиковъ языка (Sprachproben) помѣщены эти образчики съ переводомъ ихъ на нѣмецкій языкъ, безъ грамматическаго разбора, какъ это сдѣлано у г. Услара. Отчетъ завершается сборникомъ словъ, заимствованнымъ у П. К—ча; но у послѣдняго слова распредѣлены въ порядкѣ русскаго

*) Интересующихся этимъ предметомъ отсылаемъ къ приложенію къ нашей замѣткѣ, которое составитъ въ то-же время дополненіе къ нашей статьѣ о кавказско-горскихъ письменахъ, помѣщенной въ V выпускѣ „Сборника свѣдѣній о кавказскихъ горцахъ“.

алфавита, въ сборникѣ-же г. Шифнера они размѣщены по извѣстнымъ категоріямъ звуковъ. При многихъ словахъ помѣщены въ скобкахъ слова, сходныя съ хюркилинскими. Сближенія хюркилинскаго языка съ другими горскими языками сдѣланы и въ предисловіи къ отчету, и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ самого отчета. Изъ этихъ сближеній оказывается, что хюркилинскій языкъ обнаруживаетъ болѣе всего сходства съ лакскимъ (казикумухскимъ) языкомъ. Дѣлая подобныя сближенія, г. Шифнеръ указалъ на то, что какъ въ лакскомъ, такъ и въ хюркилинскомъ языкѣ нѣкоторые звуки замѣняются одними и тѣми-же звуками (напр., въ обоихъ языкахъ *к* иногда переходитъ въ *ч*). Указалъ онъ также и на нѣкоторыя фонетическія особенности двухъ сравниваемыхъ языковъ, какъ, напр., на то, что многимъ хюркилинскимъ словамъ, начинающимся съ *д*, соотвѣтствуютъ лакскія слова, имѣющія въ началѣ *г* (*дарш—гурли, дурзан— гурзан, діла— гул* и т. д.). Особенное значеніе слѣдуетъ, по нашему мнѣнію, придать тѣмъ замѣткамъ многоуважаемаго академика, въ которыхъ онъ указываетъ на болѣе сравнительную древность извѣстныхъ фонетическихъ явленій или грамматическихъ формъ: подобныя указанія чрезвычайно важны потому, что, при бо́льшемъ ихъ числѣ, можно было-бы открыть, по-крайней-мѣрѣ, кое-какіе слѣды историческаго развитія кавказско-горскихъ языковъ. Въ предисловіи къ своему отчету (S. II—III) г. Шифнеръ указалъ на то, что во многихъ хюркилинскихъ словахъ выпало уже *г*, сохранившееся еще въ лакскомъ языкѣ (*ді'* — *діг* мясо, *ні'*— *наг* молоко, *мі'* —*міг* ледъ и т. д.). Далѣе, въ нѣкоторыхъ хюркилинскихъ словахъ замѣтна перестановка *н*, которое въ другихъ горскихъ словахъ помѣщается въ началѣ словъ; напр., *анда* лобъ—*нодо* (авар.), *унза* дверь—*нуз* (лак.), *нгуда* (авар.) и т. д. Проницательности г. Шифнера слѣдуетъ приписать и указаніе такихъ случаевъ, въ которыхъ, въ видѣ такъ-называемыхъ исключеній, сохранились слѣды болѣе древнихъ формъ: на 11 стр. онъ указалъ на нѣсколько хюркилинскихъ словъ, въ которыхъ остался древній суффиксъ множественнаго числа —*ру*, сохранившійся въ гораздо бо́льшемъ количествѣ лакскихъ словъ (Bericht über Uslar's kasikumük. Studien, S. 7). Подобныя сближенія важны также и для объясненія нѣкоторыхъ особенностей данныхъ языковъ, особенностей, часто неразъяснимыхъ въ томъ случаѣ,

если разсматривается данный горскій языкъ порознь, безъ связи съ другими восточно-кавказскими языками. Въ заключеніе замѣтимъ, что многоуважаемый лингвистъ сдѣлалъ уже и въ прежнихъ своихъ трудахъ много указаній, подобныхъ вышеприведеннымъ. Эти разбросанныя, отрывочныя, но тѣмъ не менѣе драгоцѣнныя указанія и сближенія сравнительное кавказское языкознаніе должно подбирать съ чувствомъ глубочайшей признательности.

Но, спрашивается, слѣдуетъ-ли теперь приниматься за сравненіе съ языками индо-европейскими или урало-алтайскими восточно-горскихъ языковъ, языковъ, столь оригинальныхъ и своеобразныхъ, что еще въ 1866 году П. К. Усларъ (см. Зап. Кавк. Отд. Имп. Рус. Геогр. Общ., кн. VII, вып. 1-й) усумнился въ возможности отысканія народовъ, сродственныхъ по языку съ кавказскими горцами, и высказалъ то предположеніе, что „послѣдніе представляютъ ничтожные остатки множества народовъ, населявшихъ въ доисторическія времена огромныя полосы земли въ Азіи и въ Европѣ и принадлежавшихъ къ одной расѣ, которая вездѣ исчезла, за исключеніемъ Кавказа“. Вѣрно-ли, или нѣтъ это положеніе, сохранились-ли, или нѣтъ, за Ураломъ или въ какомъ-нибудь другомъ мѣстѣ, дальніе по языку родичи кавказскихъ горцевъ; но, во всякомъ случаѣ, нельзя не признать означеннаго предположенія въ высшей степени практичнымъ въ дѣлѣ изученія и изслѣдованія восточно-горскихъ языковъ: вѣдь совершенно понятно, что для того, чтобы имѣть возможность сравнивать горскіе языки съ другими языками, нужно прежде основательно изучить и изслѣдовать первые. Такъ къ этому вопросу относились и наши многоуважаемые кавказскіе лингвисты, что видно изъ той крайней осторожности, которую они соблюдали въ своихъ изысканіяхъ. Благодаря этой сдержанности гг. Услара и Шифнера, изслѣдованіе восточно-горскихъ языковъ подвинулось до того, что послѣдній, въ своемъ вышеназванномъ трудѣ, сдѣлалъ *попытку сближенія хюркилинскаго языка*, одного изъ самыхъ распространенныхъ восточно-горскихъ языковъ, съ *осетинскимъ языкомъ*, принадлежащимъ, безспорно, къ группѣ иранскихъ языковъ. (S. III—IV). Дѣлая столь важный шагъ въ кавказскомъ языкознаніи и не ограничиваясь, конечно, однимъ только сличеніемъ словъ, но проводя также параллель и между нѣкоторыми грамматическими формами сравниваемыхъ языковъ, г. Шифнеръ находитъ сдѣланныя имъ сближенія достойными вниманія (beachtenswerth). Не чувствуя себя компетентными для

рѣшенія вопроса, насколько правъ знаменитый лингвистъ, мы не можемъ, однако, не высказать сомнѣнія по поводу сдѣланныхъ имъ сближеній между двумя поименованными языками.

1) Многоуважаемый академикъ говоритъ (см. стр. III), что встрѣчающееся въ именительномъ падежѣ множественнаго числа хюркилинскихъ именъ окончаніе *mi* напоминаетъ *ҕæ*—окончаніе множественнаго числа въ осетинскихъ именахъ. Но *въ хюркилинскомъ языкѣ* (см. хюркил. грам., составл. г. Усларомъ, § 17) *общее окончаніе именительнаго падежа множественнаго числа есть звукъ i*, который и присоединяется къ окончанію именит. падежа единственнаго числа; въ большинствѣ-же случаевъ впереди означеннаго *i* вводится одна изъ буквъ: *н*, *в*, *м*, *р*, *т*. Насколько можно судить по указанію г. Усларомъ случаевъ, въ которыхъ вставляется одинъ изъ означенныхъ звуковъ передъ окончаніемъ *i*, слѣдуетъ предположить, что вставка извѣстнаго звука обусловливается нерѣдко, по-крайней-мѣрѣ, фонетическими законами. Что касается до вставочнаго *т*, то г. Шифнеръ утверждаетъ (см. стр. 12), что вставка *т* передъ окончаніемъ *i* происходитъ по большей части въ словахъ, имѣющихъ въ окончаніи именительнаго падежа единственнаго числа одинъ изъ плавныхъ звуковъ. Случается нерѣдко и то, что данный вставочный звукъ замѣняется другимъ, такъ, напр., означенное *т* замѣняется посредствомъ *в* (см. хюркил. грам., § 37). Спрашивается, можно-ли, въ виду указанныхъ обстоятельствъ, сопоставлять хюркилинское *mi* съ *осетинскимъ ҕæ, составляющимъ во всѣхъ случаяхъ неизмѣнно характеристику именительнаго падежа множественнаго числа* (см. Osset. Sprachlehre von Sjögren, § 32, VII). Впрочемъ, самъ г. Шифнеръ не придаетъ вышеозначенному сближенію особеннаго значенія. Гораздо важнѣе то сближеніе, о которомъ сейчасъ будетъ рѣчь.

2) Окончаніе дательнаго падежа въ хюркилинскомъ языкѣ есть *с*. Исключеніе изъ этого правила представляютъ личныя мѣстоименія 1-го и 2-го лица: *нам* (мнѣ), *нушім* (намъ), *ҕушім* (вамъ). Г. Шифнеръ усматриваетъ въ конечномъ *м* осетинское *мæ*, служащее суффиксомъ для мѣстнаго падежа, со значеніями: *къ*, *у*. Для доказательства этого нужно указать на присутствіе означеннаго *м*, въ качествѣ суффикса, и въ другихъ хюркилинскихъ словахъ. Г. Шифнеръ находитъ его въ составныхъ числительныхъ: *даршлім ҕвел* (102), *азіллім ца* (1001). Но что

касается до словъ: *даршлім* и *азіллім*, то въ нихъ суффиксомъ оказывается,—въ чемъ соглашается и самъ г. Шифнеръ (см. стр. 23),—*лім*. Если-бы мы захотѣли въ этомъ суффиксѣ отыскивать слѣды осетинскаго *мæ*, то онъ оказался-бы сложнымъ изъ *лі*-┼-*м*, а въ такомъ случаѣ слѣдовало-бы показать значеніе каждой составной части этого сложнаго суффикса. П. К. Усларъ заключаетъ (§ 53), по поводу означеннаго *лім*, слѣдующее: „То, что намъ извѣстно о падежныхъ окончаніяхъ въ хюркилинскомъ языкѣ, нисколько не объясняетъ окончанія *лім*“. Совершенно вѣрно. Но въ грамматическомъ очеркѣ хюркилинскаго языка (§§ 52 и 53) находимъ, что *лім* равнозначуще съ *лів*. Въ сборникѣ хюркилинскихъ словъ мы отыскали *ліw* (*лів*, *лір*), о которомъ сказано, что оно, находясь впереди нѣкоторыхъ глаголовъ, соотвѣтствуетъ русскому *при*; далѣе, въ грамматическомъ очеркѣ (§ 162) мы отыскали нѣсколько такихъ надставокъ, которыя появляются и въ качествѣ прилоговъ, напр. *шіw* (*в*, *р*)—на, надъ, *уw* (*в*, *р*)—подъ. Если наше сопоставленіе вѣрно, то *лім* (*лів*) было-бы подобнымъ прилогомъ для поименованныхъ числительныхъ, которыя можно было-бы перевести по-русски: при сотнѣ два, при тысячѣ одинъ. Но въ такомъ случаѣ въ слогѣ *лім* на конечное *м* нужно было-бы смотрѣть, какъ на звукъ, замѣнившій собою тоже губной звукъ *в* (хюркилинское *в* составляетъ переходъ отъ *б* къ *в*), слѣд. нельзя было-бы дѣлать сближенія между имъ и осетинскимъ *мæ*. Какъ-бы то ни было, но такъ-какъ многоуважаемый академикъ не объяснилъ значенія суффикса *лім*, то и о сближеніи его съ окончаніемъ дательнаго падежа вышеуказанныхъ личныхъ мѣстоимѣній не можетъ быть рѣчи. Разсматривая отдѣльно суффиксъ дательнаго падежа вышеозначенныхъ хюркилинскихъ личныхъ мѣстоименій, мы не можемъ уяснить себѣ и соотвѣтствія значенія его съ значеніемъ осетинскаго мѣстнаго суффикса *мæ*. Какъ-бы то ни было, но на означенный суффиксъ дательнаго падежа хюркилинскихъ личныхъ мѣстоименій слѣдуетъ смотрѣть, какъ на необъясненное покамѣстъ явленіе.

3) Не менѣе загадочное явленіе составляетъ и звукъ *д*, появляющійся въ окончаніяхъ втораго лица, какъ единственнаго, такъ и множественнаго числа, нѣкоторыхъ глагольныхъ формъ (*аді*, *ад* въ единств. числѣ и *адā* во множественномъ). Г. Шифнеръ усматриваетъ въ означенныхъ окончаніяхъ присутствіе осетинскаго личнаго мѣстоименія втораго лица *дæ* (означающаго собственно—тебя, твой). Онъ находитъ только немного страннымъ то

обстоятельство, что упомянутое хюркилинское *д* встрѣчается и во множественномъ числѣ; мы-же находимъ страннымъ то, что оно является только въ нѣкоторыхъ временахъ. Необъяснимо покамѣстъ, почему въ будущемъ допускаемомъ, котораго первое лицо вполнѣ соотвѣтствуетъ, по своему окончанію, первому лицу аористическаго будущаго, является вмѣсто *ад—ави*. Замѣтимъ при томъ, что слогъ *ад* встрѣчается и въ окончаніи суффиксовъ мѣстныхъ падежей, суффиксовъ, совершенно различныхъ по своёму значенію (*ад, ћад, сад*) и въ окончаніи слога *уад*, составляющаго суффиксъ равняющаго падежа. Конечное *д* одно, или въ сопровожденіи *і*, въ особенности часто появляется въ кюринскомъ языкѣ, и то въ такихъ случаяхъ, которые ничего общаго не имѣютъ съ осетинскимъ *дæ*, напр. въ числительныхъ и прилагательныхъ именахъ (см. грам. кюринскаго языка, состав. г. Усларомъ). Какъ-бы то ни было, но намъ кажется, что для объясненія фонетическихъ или грамматическихъ особенностей, попадающихся въ данномъ восточно-кавказскомъ языкѣ, гораздо вѣрнѣе обращаться къ сроднымъ съ нимъ горскимъ языкамъ, нежели прибѣгать къ сравненіямъ съ осетинскимъ языкомъ, сродство котораго съ дагестанскими языками еще требуется доказать. Но во всякомъ случаѣ нельзя не высказать глубокой признательности многоуважаемому академику за указаніе имъ на достойныя изслѣдованія особенности горскихъ языковъ.

4) Многоуважаемый академикъ, дѣлая сближенія между вышеозначенными языками, старается сейчасъ-же, съ свойственною ему добросовѣстностью, указать и на замѣчающіяся противорѣчія. Такъ, напр., высказавъ свое предположеніе о томъ, что хюркилинская глагольная приставка *ар*, быть можетъ, заимствована (eine Entlehnung ist) изъ осетинскаго языка, гдѣ имѣется похожая частица, присоединяемая къ глаголамъ, г. Шифнеръ сейчасъ-же указалъ и на различное значеніе этихъ приставокъ. Въ самомъ дѣлѣ, осетинская частица *æр* (иногда *ра*), соотвѣтствующая, по значенію, нѣмецкой частицѣ *er*, выражаетъ приближеніе (см. Osset. Sprachlehre, § 88), а въ хюркилинскомъ языкѣ приставка *ар*, присоединяясь къ глаголамъ, сообщаетъ имъ вообще значеніе удаленія (см. сборникъ хюркилинскихъ словъ).

5) Г. Шифнеръ придаетъ значеніе тому обстоятельству, что въ хюркилинскомъ языкѣ, для выраженія разныхъ дѣйствователей,

употребляется, въ видѣ суффикса, слово *qæna*, которое, по мнѣнію многоуважаемаго академика, очевидно напоминаетъ осетинскій глаголъ **ӷænyn** дѣлать. Въ восточно-горскихъ языкахъ названія дѣйствователей выражаются, во-первыхъ, посредствомъ причастія настоящаго; такъ, напр., въ хюркилинскомъ языкѣ *ухани* значитъ—читающій и читатель (хюркил. грам., § 33). Подобнымъ образомъ выражаются названія дѣйствователей въ кюринскомъ и въ лакскомъ языкахъ *). Кромѣ того, горцы, для выраженія дѣйствователей, употребляютъ тюркскій суффиксъ *чі*, или тюркское-же слово *уста* — мастеръ; хюркилинцы, напр., кузнеца называютъ *мірһла-уста* (что буквально значитъ — мастеръ желѣза). Къ такимъ-же заимствованнымъ словамъ принадлежитъ и хюркилинское qæna. Но, спрашивается, изъ какого языка оно заимствовано? Въ осетинскомъ языкѣ отъ слова **ӷænyn** (дѣлать) получается причастіе настоящее **ӷænæg** (дѣлающій); оно, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, и употребляется для выраженія дѣйствователей (напр. **саӈатӷænæg**—часовой мастеръ). Кажется, однако, что въ этимологическомъ отношеніи къ слову qæna подходитъ ближе персидское причастіе настоящее كُنَا, كُنَان (дѣлающій), употребляемое тоже въ сложныхъ словахъ (Diction. p. Bianchi..., t. II, p. 642). Въ пользу того мнѣнія, что слово qæna заимствовано изъ персидскаго языка, говоритъ и то обстоятельство, что въ хюркилинскомъ языкѣ находится изрядное количество словъ, вошедшихъ изъ персидскаго языка. Но предположимъ, что хюркилинцы заимствовали слово qæna изъ осетинскаго языка,—какое значеніе имѣетъ это обстоятельство при рѣшеніи вопроса о степени сродства хюркилинскаго языка съ осетинскимъ? Вотъ, еслибы, напр., можно было доказать, что въ разсматриваемомъ языкѣ имѣется глаголъ, представляющій настоящее сродство съ осетинскимъ **ӷænyn**, да удалось пріискать другіе подобные глаголы, то это дѣйствительно имѣло-бы немаловажное значеніе для кавказскаго сравнительнаго языкознанія.

6) Поверхностное сличеніе восточно-горскихъ и осетинскихъ мѣстоименій, числительныхъ именъ и вообще такихъ словъ, по

*) Горцы иногда выражаютъ довольно оригинально названія разныхъ дѣйствователей (nomina agentis); такъ напр., лаки (казикумухи) деньщиковъ называютъ дѣлателями чая, людей состоящихъ на жалованьи у правительства—людьми, получающими деньги.

которымъ обыкновенно заключаютъ о лексическомъ сродствѣ сравниваемыхъ языковъ, говоритъ не въ пользу родства восточно-горскихъ языковъ съ осетинскимъ языкомъ. Многоуважаемый академикъ сдѣлалъ, въ своемъ вышеназванномъ трудѣ, сближенія между нѣсколькими хюркилинскими и осетинскими словами. Эти сближенія имѣли-бы больше значенія для кавказскаго сравнительнаго языкознанія, если-бы они не были одиночны; такъ, напр., для того, чтобы можно было видѣть дѣйствительное сходство хюркилинскаго слова *мурӯр* (борода) съ осетинскимъ *боцо*, слѣдовало-бы привести еще нѣсколько и другихъ словъ, въ которыхъ видна была-бы замѣна *м* звукомъ *б*. При отсутствіи этого пріема въ лексическомъ сравненіи данныхъ языковъ, трудно даже видѣть сродство между хюркилинскимъ словомъ *мі'* (ледъ) и осетинскимъ **міӡ** (снѣгъ), если-бы даже эти слова были совершенно тожественны по своему значенію.

Въ заключеніе еще разъ повторимъ, что новый вышеназванный лингвистическій трудъ многоуважаемаго академика составляетъ весьма цѣнное пріобрѣтеніе для кавказскаго языкознанія.

Л. Загурскій.

Приложеніе.—*Хюркилинскій алфавитъ г. Шифнера* *).

Въ V выпускѣ „Сборника свѣдѣній о кавказскихъ горцахъ“ мы помѣстили нашу статью о *кавказско-горскихъ письменахъ* и къ ней, между прочимъ, приложили сравнительную таблицу горскихъ алфавитовъ, составленныхъ гг. Усларомъ и Шифнеромъ. Въ этой таблицѣ не помѣщенъ латино-хюркилинскій алфавитъ г. Шифнера (трудъ котораго о хюркилинскомъ языкѣ отпечатанъ только въ концѣ прошлаго года). Поэтому считаемъ необходимымъ познакомить теперь нашихъ читателей и съ хюркилинскимъ алфавитомъ, составленнымъ многоуважаемымъ академикомъ.

*) Приложеніе къ настоящей замѣткѣ составляетъ въ то-же время дополненіе къ нашей статьѣ о *кавказско-горскихъ письменахъ*, помѣщенной въ V выпускѣ „Сборника свѣдѣній о кавказскихъ горцахъ“.

Характеристическую особенность хюркилинскаго языка въ фонетическомъ отношеніи составляютъ промежуточные звуки, которые П. К. Усларъ изобразилъ условно буквами, по-большей части заимствованными изъ своихъ русско-горскихъ азбукъ и выражающими звуки, весьма близко подходящіе къ означеннымъ хюркилинскимъ звукамъ. Вслѣдствіе этого хюркилинская азбука г. Услара представляетъ вообще сходство съ лакскою и другими горскими азбуками, имъ составленными.—Въ настоящемъ своемъ трудѣ г. Шифнеръ, по примѣру П. К. Услара, изображаетъ хюркилинскіе промежуточные звуки условно, по-большей-части буквами, заимствованными изъ своего лакскаго алфавита. Одна только латино-лакская буква замѣнена другимъ письменнымъ начертаніемъ, а именно—*ҝ* съ точкою внизу, соотвѣтствующее усларовскому *ҝ* съ ташдидомъ, замѣнено посредствомъ *ҝ*, надъ которымъ помѣщенъ значокъ, имѣющій подобіе крючка. Неизвѣстно также, почему одно хюркилинское *h*, а именно *h*, соотвѣтствующее усларовскому *h̄*, изображено посредствомъ лакскаго удвоеннаго *h̄*.

Но въ хюркилинской азбукѣ П. К. Услара находимъ и новыя письменныя начертанія, а именно: *æ*, изображающее промежуточный звукъ между *а* и *е*, англійское *w*, выражающее крайне-бѣглый переходъ между русскимъ *у* и *в*. Кромѣ того, звукъ, составляющій переходъ отъ *б* къ *в* (подходящій, кажется, ближе къ *б*), изображенъ условно посредствомъ русскаго *в*, а смягченное *в*—посредствомъ *г* съ ташдидомъ. Первый изъ названныхъ звуковъ изображенъ г. Шифнеромъ посредствомъ *а* съ двумя надъ нимъ точками (по подобію того удинскаго *а*, которое потеряло чистоту своего звука), второй обозначенъ также точно, какъ и въ азбукѣ г. Услара, т. е. чрезъ *w* (эта буква въ другихъ латино-горскихъ алфавитахъ соотвѣтствуетъ постоянно русско-горскому *в*); третій звукъ изображенъ посредствомъ *v*. Смягченное-же *в* г. Шифнеръ обозначаетъ чрезъ *g*, надъ которымъ онъ помѣщаетъ значокъ, имѣющій подобіе крючка (эта буква въ абхазскомъ алфавитѣ г. Шифнера выражаетъ совершенно другой звукъ).—Наконецъ, надо замѣтить, что въ хюркилинскомъ языкѣ находится три звука, чуждыхъ лакскому языку, а именно звуки, обозначенные г. Усларомъ посредствомъ *ǯ*, *ʒ* и *ɣ*. Эти звуки изображены г. Шифнеромъ такъ точно, какъ и прежде,—съ начертаніями ихъ наши читатели могли ознакомиться изъ нашей срав-

нительной таблицы горскихъ алфавитовъ (см. Основныя начертанія кавказско-горскихъ азбукъ, помѣщ. въ IV табл.).

Вообще слѣдуетъ сказать, что шифнеровскій хюркилинскій алфавитъ отличается, по примѣру его прежнихъ алфавитовъ, необыкновенною простотою письменныхъ начертаній, дающею ему неоспоримое преимущество передъ извѣстною лингвистическою азбукою Лепсіуса, такъ называемою „Standard alphabet“. Приходится только сожалѣть о томъ, что нѣкоторые звуки, въ хюркилинскомъ алфавитѣ г. Шифнера и въ другихъ его кавказско-горскихъ азбукахъ, обозначены неодинаковымъ образомъ. Это обстоятельство можетъ представить небольшое затрудненіе для тѣхъ, которые вздумали-бы приняться за сравнительное изученіе кавказско-горскихъ языковъ. Но означенное затрудненіе легко можетъ быть устранено правильно составленною сравнительною таблицею кавказско-горскихъ алфавитовъ *).

*) Помѣщая вышеприведенную замѣтку по кавказскому языкознанію, редакція „Сборника“ считаетъ долгомъ заявить особенную благодарность автору ея, обстоятельно знакомящему читателей-неспеціалистовъ съ научными трудами почтенныхъ изслѣдователей кавказскихъ языковъ, гг. Услара и Шифнера.

Труды перваго изъ нихъ составляютъ библіографическую рѣдкость; труды втораго публикуются въ малораспространенномъ спеціальномъ изданіи, и притомъ на иностранномъ языкѣ. Ни о томъ, ни о другомъ въ текущей русской литературѣ почти не встрѣчается никакихъ отзывовъ, никакихъ сужденій. Въ виду такого равнодушія нашей литературы къ трудамъ почтенныхъ лингвистовъ, долженствовавшимъ-бы вызывать къ себѣ полное сочувствіе и живѣйшее вниманіе,—повторяемъ, нельзя не быть признательнымъ нашему многоуважаемому сотруднику, какъ за вышеприведенную его замѣтку, такъ и за статью ,,Кавказско-горскія письмена‘‘, помѣщенную въ V-мъ выпускѣ нашего ,,Сборника‘‘.

Ред.

О САМОУБІЙСТВАХЪ ВЪ ДАГЕСТАНСКОЙ ОБЛАСТИ.

Самоубійства въ горскомъ населеніи Дагестанской области—явленіе весьма не рѣдкое. Между тѣмъ въ издаваемомъ Кавказскимъ Статистическимъ Комитетомъ „Сборникѣ свѣдѣній о Кавказѣ“ (т. 1-й), въ статьѣ: „О самоубійствахъ на Кавказѣ и за Кавказомъ“ (стр. 270—287), значится, что въ этой области, за время съ 1860 по 1871 годъ, т. е. въ *одиннадцать* лѣтъ, произошло только *три* самоубійства; но и эти трое самоубійцъ принадлежали по происхожденію къ *русскимъ* (табл. подъ лит. Б); слѣдовательно, можно думать, что изъ туземныхъ горцевъ въ показанный періодъ времени ни одинъ не покусился на свою жизнь. Неизвѣстно также, на какомъ основаніи, въ той-же статьѣ (стр. 283), сдѣланъ выводъ, что въ Дагестанской области приходится одно самоубійство на 15927 жителей.

Считаемъ долгомъ указать на ошибочность приведенныхъ цифръ и вывода относительно дагестанскихъ самоубійцъ. Интересующіеся этимъ предметомъ могли уже убѣдиться, напр., изъ статьи г. Комарова „Адаты и судопроизводство по нимъ (въ Дагестанской области)“, помѣщенной въ 1-мъ выпускѣ Сборника свѣдѣній о Кавказскихъ горцахъ, что самоубійство въ средѣ горцевъ Дагестана явленіе далеко не исключительное. Такъ, по даннымъ статьи г. Комарова, случаевъ самоубійства въ горскомъ населеніи Дагестанской области было:

Въ 1861 году...	2	Въ 1865 году.....	8
— 1862 — ...	2	— 1866 —	7
— 1863 — ...	2	— 1867 —	10
— 1864 — ...	»	Итого въ *семь* лѣтъ	31 случай самоубійства.

Замѣтимъ при этомъ, что хотя приведенныя въ статьѣ г.

Комарова числовыя данныя основаны на вполнѣ достовѣрныхъ источникахъ, однако источники эти, по всей вѣроятности, по-крайней-мѣрѣ за время до 1865 года, не совсѣмъ полны.

Далѣе, въ „Сборникѣ свѣдѣній о Кавказскихъ горцахъ", подъ рубрикою: „Изъ горской криминалистики" (Вып. III и IV), приведено было нѣсколько, притомъ весьма характерныхъ, случаевъ самоубійства, происшедшихъ въ Дагестанѣ. Въ третьемъ выпускѣ такихъ случаевъ показано *восемь* (всѣ они относятся къ 1869 г.), въ четвертомъ—*пять*, происшедшихъ въ 1870 г.

Но по имѣющимся въ Горскомъ Управленіи вполнѣ точнымъ свѣдѣніямъ, число самоубійствъ въ Дагестанѣ, случившихся въ эти два года, а также въ предшествовавшій имъ 1868 годъ, представляется слѣдующими цифрами:

въ 1868 году.... 9 самоубійствъ.
— 1869 — .... 24 самоуб. и 2 покуш. на самоубійство.
— 1870 — .... 19 самоубійствъ.

Итого въ три года 52 самоуб. и 2 покуш. на самоубійство.

Изъ этого числа самоубійцъ, мужчинъ было 26 и женщинъ 26; покушались на самоубійство двѣ женщины. Изъ самоубійцъ мужчинъ: застрѣлились 17, закололись кинжалами 4, повѣсились 5. Изъ самоубійцъ-женщинъ: повѣсились 18, бросились съ кручи въ рѣку 6, отравилась 1, застрѣлилась 1. Покушавшіяся на самоубійство двѣ женщины ранили себя кинжалами.

Для характеристики самоубійствъ, которыя—повторяемъ—весьма не рѣдки въ горскомъ населеніи Дагестанской области, приводимъ цѣлый рядъ случаевъ самоубійства, происшедшихъ въ ней въ теченіи двухъ послѣднихъ лѣтъ.

Въ 1871-мъ году:

5-го января, жителька сел. Рутулъ, Самурскаго округа, *Шахзада Муса-кизы*, найдена повѣсившеюся въ своемъ саманникѣ.

Въ ночь съ 31 января на 1 февраля, жителька сел. Ашты, Казикумухскаго округа, *Патиматъ Махмудъ-кизы*, найдена повѣсившеюся въ конюшнѣ своего дома.

8-го марта, житель сел. Губдень, Т.-Х.-Шуринскаго округа, *Заккарія Алиханъ-оглы*, бывши на свадьбѣ у односельца своего, въ присутствіи гостей сдѣлалъ по неосторожности неприличіе и былъ такъ сконфуженъ этимъ случаемъ, считающимся у туземцевъ величайшимъ позоромъ, что тутъ-же выхватилъ пистолетъ и выстрѣломъ изъ него смертельно ранилъ себя въ животъ.

5-го апрѣля, въ сел. Кумухъ, дѣвица *Хадиджатъ Илла-Гаджи-кизы*, въ припадкѣ умопомѣшательства, бросилась съ крыши двухъ-этажнаго дома, въ которомъ она жила съ матерью и сестрою, и ушиблась на смерть.

9-го апрѣля, жителька сел. Шуши, Казикумухскаго округа, *Айша Магомедъ-кизы*, повѣсилась въ канюшнѣ своего дома, за то, что мать ея, поссорившись съ нею, назвала ее публичной женщиной, чего она не заслуживала.

17-го апрѣля, житель сел. Говкра, того-же округа, *Исмаилъ Бутай-оглы*, собираясь въ мечеть, приказалъ своей женѣ подать ему башмаки; жена не послушалась и башмаки подала ему родная его мать. Тогда Исмаилъ, огорченный такимъ поступкомъ жены, смертельно ранилъ себя кинжаломъ.

3-го мая, жителька сел. Хосрекъ, того-же округа, *Гулла Гасанъ-кизы*, 15-ти лѣтняя дѣвушка, повѣсилась въ конюшнѣ своего дома. По разслѣдованію оказалось, что недѣли за три до этого происшествія, у односелки ея были украдены изъ сундука нѣкоторыя вещи и въ этомъ воровствѣ она заподозрѣла Гуллу.

Житель сел. Кунди, того-же округа, *Ибрагимъ Чи-Магомедъ-оглы*, хотѣлъ жениться на двоюродной сестрѣ своей, но, встрѣтивъ къ тому препятствія со стороны двухъ ея родственниковъ, съ досады, покусился на самоубійство, а именно — выстрѣломъ изъ пистолета ранилъ себя въ лѣвый бокъ.

14-го мая, жителька сел. Усиша, Даргинскаго округа, дѣвушка *Ашура Ника-Магомадъ-кизы*, найдена въ своемъ домѣ повѣсившеюся. Поводомъ къ этому, какъ полагаютъ родственники ея, было то, что односелецъ ихъ, Гази Чаху-оглы, обезчестивъ ее, отказался жениться на ней.

20-го іюня, жителька сел. Унчугатль, Казикумухскаго округа, *Умаматъ Магомедъ-кизы*, повѣсилась въ конюшнѣ сосѣда своего.

12-го іюля, жителька сел. Мукуръ, того-же округа, *Патиматъ Кулъ-Бутай-кизы*, повѣсилась въ лѣсу. Причиной къ этому, какъ полагаютъ, были частыя ссоры ея съ своею мачихою.

19-го іюля, жителька сел. Уллу-ая, Даргинскаго округа, *Айшатъ Али-кизы*, находясь въ услуженіи у жителя сел. Обеки-Махи, Мутая Муса-оглы, повѣсилась.

16-го августа, житель сел. Хосрекъ, Казикумухскаго округа, *Рамазанъ Муса-оглы*, возвратившись изъ Кюринскаго округа, выпилъ много бузы и пошелъ на дворъ съ своимъ отцомъ; этотъ, увидя, что у лошади, на которой пріѣхалъ Рамазанъ, сби-

та спина, сдѣлалъ ему замѣчаніе; тогда Рамазанъ, ничего не говоря, выхватилъ кинжалъ и убилъ себя.

Въ ночь съ 18 на 19 ноября, содержавшійся въ сел. Кутиши, Даргинскаго округа, подъ присмотромъ, житель сел. Муги, *Муса Бахмудъ-оглы*, убившій въ сентябрѣ мѣсяцѣ 1870 года односельца своего Чирака Муртузали-оглы и самъ при этомъ получившій нѣсколько ранъ, въ припадкѣ сильнаго душевнаго разстройства застрѣлился.

17-го декабря, житель сел. Усемикентъ, Кайтаго-Табасаранскаго округа, Султанмудъ побранилъ сына своего *Ильяса*, который, въ гнѣвѣ за это, застрѣлился.

Итого въ 1871 году *четырнадцать* случаевъ самоубійства и *одно* покушеніе на самоубійство.

Въ 1872-мъ году:

Въ Темиръ-Ханъ-Шуринскомъ округѣ, 20-го января, житель сел. Кака-Шура, *Алхазъ Устарханъ-оглы*, женившись, пошелъ спать въ отдѣльную комнату и черезъ нѣсколько минутъ застрѣлился тамъ изъ своего пистолета.

Въ Кайтаго-Табасаранскомъ округѣ, 26-го января, житель сел. Маджалисъ, *Абдулъ-Селимъ-бекъ Гасанъ-бекъ-оглы*, 10-ти лѣтъ, поссорился съ 14-ти лѣтнимъ братомъ своимъ Султанъ-бекомъ за то, что тотъ заставлялъ его, противъ желанія, изъ найденной имп ямы выгребать зерно; когда-же Султанъ-бекъ ударилъ Абдулъ-Селима, то послѣдній выхватилъ изъ-за пояса пистолетъ и застрѣлился.

Въ Казикумухскомъ округѣ, 14 января, житель сел. Хосрекъ, *Касумъ Шада-оглы* застрѣлился въ домѣ отца своего.

Въ Даргинскомъ округѣ, 4-го февраля, житель сел. Балкхаръ, *Каратъ Раджабъ-оглы*, возвратясь изъ гостей домой и подвергнувшись упрекамъ своей матери за дурное поведеніе, нанесъ себѣ въ животъ рану кинжаломъ, отъ которой черезъ 10 дней умеръ.

5-го февраля, житель сел. Куппа, того-же округа, *Тубукъ Мама-оглы*, въ пьяномъ видѣ ранилъ себя кинжаломъ въ животъ. Поводомъ къ этому покушенію на самоубійство послужили упреки его свекра за его дурное поведеніе.

Въ Казикумухскомъ округѣ, 31-го марта, жителька сел. Хосрекъ, *Нунки Магомедъ-кизы*, лишила себя жизни, нанеся себѣ ударъ кинжаломъ въ животъ.

Въ Даргинскомъ округѣ,14-го апрѣля, ночью, житель сел.

Хаджалъ-Махи, *Магомадъ Мама-оглы* (14-ти лѣтъ), въ собственномъ домѣ повѣсился. Причиной этого послужило то, что отецъ запретилъ ему носить кинжалъ.

Въ Андійскомъ округѣ, 26-го апрѣля, близъ селен. Гоко, найденъ трупъ повѣсившейся *Чакаръ-Тури Магома-кизы*.

Въ Кюринскомъ округѣ, 20-го мая, жителька сел. Курахъ, *Галиматъ Даудъ-кизы*, найдена повѣсившеюся въ конюшнѣ.

Въ Самурскомъ округѣ, 12-го мая, жителька сел. Мухрекъ, *Айша*, повѣсилась въ конюшнѣ своего дома.

Въ Даргинскомъ округѣ, 12-го іюня, жителька сел. Урахи, *Патиматъ Исмаилъ-кизы*, повѣсилась въ конюшнѣ своего дома.

Въ Казикумухскомъ округѣ, 9-го іюля, жителька селен. Анклухъ, *Патиматъ Закарья-кизы*, найдена повѣсившеюся въ конюшнѣ.

Въ Кайтаго-Табасаранскомъ округѣ, 28-го іюля, житель сел. Алхаджакентъ, *Ахали-Темиръ Султанъ-оглы*, застрѣлился послѣ ссоры, которую онъ имѣлъ съ матерью.

Въ Даргинскомъ округѣ, 12-го сентября, жителька селен. Мекеге, *Патиматъ Лачилъ-кизы* (20-ти лѣтъ), найдена повѣсившеюся въ домѣ своего отца.

Въ Кайтаго-Табасаранскомъ округѣ, 18-го сентября, въ сел. Туманляръ, найденъ въ своей саклѣ съ перерѣзаннымъ горломъ житель того-же селенія *Ярачугъ Рамазанъ-оглы*. По разслѣдованію оказалось, что онъ зарѣзался самъ бритвой.

Итого въ 1872 г. (по октябрь) *четырнадцать* самоубійствъ и *одно* покушеніе на самоубійство.

Дѣлая общій сводъ всѣмъ перечисленнымъ случаямъ самоубійства, получимъ: въ два года 28 самоубійствъ и 2 покушенія на самоубійство. Изъ этого числа самоубійцъ, мужчинъ было 12, женщинъ 16; покушались на самоубійство 2 мужч. Изъ самоубійцъ-мужчинъ: застрѣлились 7, закололись кинжалами 3, повѣсился 1, перерѣзалъ себѣ горло 1. Изъ самоубійцъ-женщинъ: повѣсились 15, бросилась съ крыши дома 1. Покушавшіеся на самоубійство двое мужчинъ ранили себя—одинъ кинжаломъ, другой пулею изъ пистолета.

За время-же съ 1868 года, т. е. въ теченіи *пяти* лѣтъ, въ горскомъ населеніи Дагестана, простирающемся до 480 т. д. об. п., произошло *восемьдесятъ* случаевъ самоубійства и *четыре* случая покушенія на самоубійство.

Въ числѣ самоубійцъ было:

мужчинъ.....	38
женщинъ.....	42
	80

Изъ покушавшихся на самоубійство было:

мужчинъ.....	2
женщинъ.....	2
	4

Изъ самоубійцъ:

повѣсились.....	6	мужч.	33	женщ.
застрѣлились.....	24	—	1	—
закололись кинжалами.....	7	—	,,	—
бросились съ высоты и въ рѣку	,,	—	7	—
отравились.....	,,	—	1	—
перерѣзали горло.....	1	—	,,	—
	38	мужч.	42	женщ.

Н. В.

НАСЕЛЕНІЕ ЗАКАТАЛЬСКАГО ОКРУГА

(по народной переписи 1871 года).

НАИБСТВА И СЕЛЕНІЯ.	Число дымовъ по камеральному описанію 1859 года.	Число дымовъ по переписи 1871 года.	Число душъ.		Народность и религія жителей.
			Мужескаго п.	Женскаго п.	
БЕЛОКАНСКОЕ НАИБСТВО.					
Белокань	801	1009	2418	1941	Лезгины. Магометане.
Ковахчоль	242	336	924	665	
Шамбулъ	30	32	77	50	Татары. Маг.
Катехи	354	478	1047	845	Лезг. Магомет.
Мацехи	134	158	313	222	Лезг. Магом.
Карагаджило	67	81	181	152	Лезг. Магомет.
Итого	1628	2094	4960	3875	
ДЖАРСКОЕ НАИБСТВО.					
Джары	686	745	1531	1233	Лезгины. Магометане.
Гогамъ	130	174	373	358	
Дардохказъ	36	38	81	71	
Сумайло	25	38	78	64	
Ити-Тала (вновь образовавшійся поселокъ)	—	36	87	66	Грузины. Маг.
Талы	1059	1220	2809	2302	Лезгины. Маг.
Итого	1936	2251	4959	4094	
МУХАХСКОЕ НАИБСТВО.					
Мухахъ	567	693	1558	1284	Лезгины. магометане.
Чардахло	329	458	1128	1024	
Сапунчи	89	140	290	264	
Аласкаръ	14	26	62	48	

Гозбарахъ	86	91	181	148	Лезг. Магом.
Мамрухъ	84	98	226	195	
Гюллюкъ	278	351	657	539	
Чобанколь	123	156	378	313	Ттр. Магом.
Кумуръ	153	190	340	252	Лезг. Магом.
Базаръ	61	93	182	154	
Итого	1778	2296	5002	4221	
АЛАБАТСКОЕ НАИБСТВО.					
Муганло	150	210	484	426	Ттр. Магом.
Фальдарло	113	123	238	223	
Кондахъ	97	127	327	272	Груз. Магом.
Енгіанъ	57	74	196	181	Ттр. Магом.
Капанахчи	37	53	130	117	Грузин. Магом.
Мусулъ	193	239	621	546	Ттр. Магом.
Падаръ	22	29	58	56	
Аліабатъ	617	688	1967	1838	Грузин. Магом.
Верхіанъ	185	231	807	751	Татары.
Кичикъ-Лаичь	119	141	289	266	
Беюкъ-Лаичь	16	19	43	46	
Ляляло	105	106	207	185	
Киндиргало	14	17	38	38	Магометане.
Каталпарахъ	10	6	12	10	
Курдамуръ	30	33	64	64	
Чудуло	57	73	189	142	
Бай-Ахмедло	7	9	17	16	
Загамъ	86	94	313	292	Грузины.
Тасмало	85	92	244	216	
Ляля-Паша	31	32	91	84	Магометане.
Марсалъ	47	60	143	144	
Карабалдуръ	59	70	158	160	Ттр. Магом.
Итого	2137	2526	6636	6075	
ЕЛИСУЙСКОЕ НАИБСТВО.					
Сувагиль	114	269	518	471	Лезгины.
Каркай	30	42	74	69	
Касъ	22	46	104	79	
Калалъ	37	49	97	87	
Азгилли	17	18	28	29	Магометане.
Зарна	94	109	327	261	
Кумъ	128	224	390	295	
Ликитъ	106	127	344	326	

Кетукло (лезгинское).	18	37	78	71	Лезг. Магом.
Ликитъ-Малахъ	15	20	58	47	
Сускентъ	20	26	60	50	Грузин. Магом.
Фистахло	42	47	100	77	Ттр. Магом.
Кахъ	160	249	971	973	Грузин. Христ.
Кахъ-Мугалъ	95	170	488	386	Ттр. Магом.
Мешабашъ	16	22	57	56	Грузин. Христ.
Елису	228	358	1128	892	Лезг. Магом.
Агчай	27	31	76	71	
Сарубашъ	100	122	421	378	
Амирджанло	78	89	190	158	Ттр. Магом.
Кашкачай	98	140	405	316	Лезг. Магом.
Юхари-Малахъ	18	33	83	65	
Ашага-Малахъ	41	77	216	171	
Амбарчай	50	71	166	129	
Итого	1554	2376	6379	5457	
КАРАСУЙСКОЕ НАИБСТВО.					
Казмаларъ	27	32	85	77	Ттр. Магом.
Караганъ	69	115	314	312	Груз. 268 хр. 358 магомет.
Шатоваръ	35	56	158	147	Груз. Магом.
Бабало	12	13	31	25	Ттр. Маг.
Алмало	204	316	678	565	
Шихляръ	25	26	61	49	
Дагмедагельды	37	57	163	151	
Алибегло	83	104	350	286	Груз. Христ. (22 магомет).
Кетукло (ингилоевск.)	28	30	83	72	Груз. Христ.
Онджало	29	34	86	73	Татары. Магометане.
Аманло	12	19	48	38	
Кайсарло	16	18	65	50	
Узунъ-Тала	6	11	30	26	
Кара-Тала	4	7	13	8	
Джалаиръ	25	43	99	83	
Ибахлю	17	30	87	73	
Кипчахъ	48	70	205	151	
Байдарло	30	45	107	98	
Гангитъ	16	22	55	50	
Дайкентъ	4	12	31	31	
Итого	727	1060	2781	2365	
Всего	9760	12,603	30,717	26,085	

Примѣчаніе 1. Населеніе Закатальскаго округа опредѣлялось прежде на основаніи камеральнаго описанія, произведеннаго въ $18^{59}/_{60}$ г. Въ округѣ тогда было насчитано всего 9760 дымовъ. Прошло съ небольшимъ десять лѣтъ, и вотъ новая перепись показала въ округѣ уже 12,603 д., т. е. на 2,843 д. болѣе, чѣмъ значилось по камеральному описанію. Процентъ приращенія числа дымовъ втеченіи десяти лѣтъ равняется слишкомъ29,1 или же ежегодно до 3-хъ процентовъ. Между-тѣмъ число жителей въ округѣ нарастало далеко не въ такой пропорціи, а именно: камеральнымъ описаніемъ число жителей въ округѣ опредѣлялось въ 52,215, а по новой народной переписи оно простирается до 56,802, т. е. втеченіи десяти лѣтъ общее число жителей округа увеличилось почти на 4,600 д. или всего на 9%, что составляетъ ежегодно не болѣе 0,9% наращенія. Такая неравномѣрность наращенія числа дымовъ сравнительно съ числомъ душъ можетъ быть объясняема: или 1) неточнымъ исчисленіемъ числа дымовъ прежнимъ камеральнымъ описаніемъ, которое описало ихъ значительно меньше, чѣмъ было въ дѣйствительности, или-же 2) тѣмъ обстоятельствомъ, заслуживающимъ большаго вѣроятія, что въ послѣднія десять лѣтъ въ округѣ дѣйствительно происходило увеличеніе числа дымовъ непропорціонально возрастанію числа душъ—вслѣдствіе стремленія жителей раздроблять дымы. Извѣстно, какую силу имѣлъ въ прежнее время, полное военныхъ опасностей и внутреннихъ неурядицъ, многочисленный тохумъ (фамилія, родъ); многолюдный дымъ въ то время заключалъ въ себѣ значительныя гарантіи безопасности. Такимъ образомъ, соціально-политическія причины препятствовали въ то время дробленію дымовъ, хотя-бы потребность въ дробленіи этомъ и вызывалась причинами естественными и экономическими. Съ минованіемъ-же такого смутнаго времени, съ наступленіемъ поры внутренней тишины и порядка, прежнія искусственныя причины, сдерживавшія естественныя стремленія дымовъ къ раздробленію, само-собою, уже болѣе не существуютъ. Прибавимъ къ этому, что такимъ стремленіямъ должно было поспособствовать и увеличеніе общаго достатка, нераздѣльно слѣдующее съ общимъ успокоеніемъ и внѣ и дома. Какъ-бы то ни было, но по прежнему камеральному описанію среднимъ числомъ приходилось на дымъ $5,_4$ д. об. п.; по послѣдней-же переписи приходится на дымъ всего $4,_5$ д. об. п.

Примѣчаніе 2-е. По народностямъ, населеніе округа распредѣляется такъ:

Грузинъ..	5,295 м.	4,925 ж.	= 10,220
Лезгинъ..	18,892 —	15,518 —	= 34,410
Татаръ..	6,530 —	5,642 —	= 12,172
	30,717	26,085	56,802

Лезгины и татары всѣ магометане; изъ грузинъ-же считается христіанъ-православныхъ 3094; остальные 7126—магометане.

Примѣчаніе 3-е. Число мужчинъ въ округѣ значительно превышаетъ число женщинъ. Среднимъ числомъ на 100 мужчинъ приходится всего $84,_9$ женщинъ. Наименьшая непропорціональность въ отношеніи распредѣленія населенія по полу замѣчается въ наибствѣ Аліабатскомъ ($91,_5$), наибольшая—въ Белоканскомъ ($78,_1$). Вообще-же по всѣмъ наибствамъ округа населеніе распредѣляется по полу въ слѣдующемъ порядкѣ:

Въ Аліабатскомъ	на 100 мужч.....	$91,_5$ женщ.
— Елисуйскомъ	— — —	$85,_5$ —
— Карасуйскомъ	— — —	$85,_0$ —
— Мухахскомъ	— — —	$84,_3$ —
— Джарскомъ	— — —	$82,_5$ —
— Белоканскомъ	— — —	$78,_1$ —

По народностямъ:

У грузинъ.....	на 100 мужч.....	$93,_0$ женщ.
— лезгинъ.....	— — —	$82,_1$ —
— татаръ.....	— — —	$86,_4$ —

Н. В.

ЗАМѢТКА.

Въ V-мъ выпускѣ „Сборника", въ примѣчаніи къ статьѣ: „Религіозныя вѣрованія Абхазцевъ", обѣщано было уяснить справками, гдѣ находится нынѣ древнее Евангеліе, принадлежавшее Пицундскому храму.

По справкамъ оказалось, что, при очищеніи Абхазіи нашими войсками въ началѣ Восточной войны, Евангеліе это было спасено и оставалось при Черноморскомъ линейномъ № 1 баталіонѣ. Оно состояло изъ перемѣшанныхъ и разбитыхъ листовъ.

Въ 1857 г., по просьбѣ Управленія Императорской Публичной Библіотеки и Румянцовскаго Музеума, Кавказское начальство препроводило это Евангеліе къ барону М. А. Корфу, и вслѣдствіе ходатайства его, послѣдовало Высочайшее разрѣшеніе оставить въ Императорской Публичной Библіотекѣ этотъ замѣчательный памятникъ древней грузинской письменности *).

Ред.

*) Дѣло Штаба Отдѣльнаго Кавказскаго Корпуса, 1857 г., № 89.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

„Сборникъ свѣдѣній о кавказскихъ горцахъ“ издается по слѣдующей программѣ:

I. Научныя изслѣдованія, касающіяся кавказскихъ горцевъ.

II. Народныя сказанія кавказскихъ горцевъ.

III. Путешествія, мемуары и разсказы, характеризующіе бытъ горцевъ.

IV. Горская лѣтопись (важнѣйшія распоряженія по горской администраціи; современныя статистическія свѣдѣнія о горцахъ; библіографія сочиненій, касающихся горскаго быта; разнаго рода текущіе вопросы и замѣтки, разъясняющія настоящее положеніе горцевъ; извлеченія изъ дѣлъ Кавказскаго Горскаго Управленія и пр.).

„Сборникъ свѣдѣній о кавказскихъ горцахъ“ выходитъ въ свѣтъ выпусками, отъ 25 до 30 печатныхъ листовъ каждый, въ неопредѣленные сроки, по мѣрѣ накопленія научно-литературнаго матеріала, удовлетворяющаго программѣ изданія.

За статьи, признанныя удобными къ помѣщенію въ „Сборникѣ“, назначается гонорарій, по уговору съ автромъ, полагая за капитальныя статьи по 50 и болѣе руб. отъ печатнаго листа.

Статьи, предназначаемыя для „Сборника“, равно и всѣ сношенія по редакторской части изданія, просятъ адресовать въ Тифлисъ, въ Кавказское Горское Управленіе, на имя редактора „Сборника“, Н. И. Воронова.

Содержаніе вышедшихъ въ свѣтъ книгъ „Сборника свѣдѣній о кавказскихъ горцахъ“:

1-й выпускъ.

I. Предисловіе.
II. Адаты и судопроизводство по нимъ (съ приложеніями), *А. В. Комарова.*
III. Этнографическіе очерки Аргунскаго округа (съ 3-мя рисунками), *А. П. Ипполитова.*
IV. Шамхалы Тарковскіе (съ родословною таблицею).
V. Народныя сказанія кавказскихъ горцевъ:
а) Кое-что о словесныхъ произведеніяхъ горцевъ, *П. У.*
б) Казикумухскія (лакскія) народныя сказанія (Нѣсколько словъ о казикумухахъ; сказки, басни, анекдоты и пословицы).
VI. Изъ путешествія по Дагестану, *Н. И. Воронова.*
VII. Воспоминанія муталима, *Абдуллы Омарова.*
VIII. Горская лѣтопись:
1) Статистическія свѣдѣнія о кавказскихъ горцахъ, состоящихъ въ военно-народномъ управленіи.
2) Крѣпостные въ Кабардѣ и ихъ освобожденіе, *Е. С.—ва.*
3) Освобожденіе зависимыхъ сословій во всѣхъ горскихъ округахъ Терской области.
4) Освобожденіе безправныхъ рабовъ въ Дагестанѣ.
5) Положеніе дѣла освобожденія зависимыхъ сословій въ горскихъ округахъ Кубанской области.
6) Изъ горской криминалистики: I. Народная казнь женщины въ сел. Калаки. II. Убійство и казнь женщины въ сел. Оглы.
7) Библіографическая замѣтка.

Приложеніемъ къ I-му выпуску служитъ *Карта земель горскаго населенія, состоящаго въ военно-народномъ управленіи.*

II-й выпускъ.

I. Начало христіанства въ Закавказьѣ и на Кавказѣ, *П. У.*

II. Ученіе „Зикръ“ и его послѣдователи въ Чечнѣ и Аргунскомъ округѣ, *А. П. Ипполитова.*

III. Ученіе о тарикатѣ:

1) Адабуль-Марзія, соч. шейха *Джемалэддина Казикумухскаго*, перев. съ арабскаго: а) Отъ редакціи; б) Предисловіе къ рукописному сочиненію Джемалэддина о тарикатѣ, сеида *Абдурахмана*; в) Адабуль-Марзія и г) Послѣсловіе отъ переписчика.

2) Тарикатскія легенды, поученія и письма (перев. съ арабскаго и татарскаго).

IV. Матеріалы для исторіи Дагестана:

1) Казикумухскіе и Кюринскіе ханы (съ приложеніями и родословною таблицею), *А. К.*

2) Мехтулинскіе ханы (съ родословною таблицею).

V. Народныя сказанія кавказскихъ горцевъ (Аварскія народныя сказанія: а) Нѣсколько словъ объ аварцахъ, *Н. В.*; б) Сказки и басни, собранныя и переведенныя съ аварскаго *Айдемиромъ Чиркеевскимъ*).

VI. Этнографическіе очерки:

1) Свадьба въ горскихъ обществахъ Кабардинскаго округа, *Н. Ф. Грабовскаго.*

2) Воспоминанія муталима (окончаніе), *Абдуллы Ожарова.*

VII. Горская лѣтопись:

1) Устройство поземельнаго быта горскихъ племенъ Сѣвернаго Кавказа, *П. А. Гаврилова.*

2) Научное извѣстіе (Грамматическія и филологическія изслѣдованія Хюркилинскаго языка, П. К. Услара), *Н. В.*

III-й выпускъ.

I. Изслѣдованія и матеріалы:

1) Очеркъ устройства общественно-политическаго быта Абхазіи и Самурзакани.

2) Низамъ Шамиля (матеріалъ для исторіи Дагестана).

3) Горскіе евреи, *І. Я. Чернаго.*

4) Привиллегированныя сословія Кабардинскаго округа.

5) Экономическій и домашній бытъ жителей Горскаго участка Ингушевскаго округа, *Н. Ф. Грабовскаго* (съ приложеніемъ: похороны и поминки у горцевъ, *Чаха Ахріева*).

II. Народныя сказанія кавказскихъ горцевъ:

Осетинскія народныя сказанія: а) Предисловіе отъ собирателя; б) Сказки, басни и анекдоты; в) Легенды, преданія и повѣрья, *Джантемира Шанаева.*

III. Этнографическіе очерки:

1) Домашняя и семейная жизнь дагестанскихъ горцевъ Аварскаго племени, *Н. Львова.*

2) Какъ живутъ лаки (изъ воспоминаній дѣтства), *Абдуллы Омарова.*

3) Изъ путешествія по Дагестану (съ двумя рисунками), *Н. И. Воронова.*

IV. Горская лѣтопись:

1) О распространеніи грамотности между горцами, *П. У.*

2) Экономическое положеніе бывшихъ зависимыхъ сословій Кабардинскаго округа, *Н. Ф. Грабовскаго.*

3) Изъ горской криминалистики.

IV-й выпускъ.

I. Изслѣдованія и матеріалы:

1) Очеркъ суда и уголовныхъ преступленій въ Кабардинскомъ округѣ, *Н. Ф. Грабовскаго.*

2) Природа и люди Закатальскаго округа, *А. И. Фонъ-Плотто.*

3) Матеріалы для древней исторіи осетинъ, *П.*

4) Истинные и ложные послѣдователи тариката, *Мугеддина Магомедъ-Ханова* (переводъ съ арабскаго, съ предисловіемъ, *А. Омарова*).

5) Ичкерія (историко-топографическій очеркъ), *И. М. Попова.*

II. Народныя сказанія кавказскихъ горцевъ:

Изъ чеченскихъ сказаній: а) Нѣсколько словъ о герояхъ въ ингушевскихъ сказаніяхъ, *Ч. Ахріева*; б) чеченскія сказки, басни и пословицы.

III. Этнографическіе очерки:

1) Какъ живутъ лаки, *Абдуллы Омарова.*

2) Свадьба у сѣверныхъ осетинъ, *Джантемира Шанаева.*

IV. Горская лѣтопись:

1) Извлеченіе изъ отчета объ осмотрѣ казенныхъ свободныхъ земель нагорной полосы между рр. Тебердой и Лабой (съ картою).

2) Нѣсколько словъ о примѣненіи народныхъ обычаевъ къ судопроизводству Абхазіи.

3) Замѣтка о карачаевскихъ адатахъ по долговымъ обязательствамъ, *Н. Г. Петрусевича.*

4) Изъ горской криминалистики (криминальные случаи: а) изъ дѣлъ Полеваго Аудиторіата и б) изъ дѣлъ Кавказскаго Горскаго Управленія).

5) Борьба съ леопардомъ, *Н. Г. Петрусевича.*

V-й выпускъ.

I. Изслѣдованія и матеріалы:

1) Дагестанскія лѣтописи. I. Извлеченіе изъ исторіи Дагестана, составленное Мухаммедомъ-Рафи, съ предисловіемъ *П. У.*

2) Кавказско-горскія письмена (съ 4-мя таблицами), *Л. П. Загурскаго.*

3) Матеріалы для исторіи Осетинъ, гл. VI—XXXVI, *В. Б. Пфафа.*

II. Народныя сказанія кавказскихъ горцевъ:

1) Осетинскія народныя сказанія: а) Нѣсколько словъ отъ собирателя и б) Нартовскія сказанія, *Джантемира Шанаева.*

2) Изъ Чеченскихъ сказаній, *Чаха Ахріева.*

3) Изъ Кабардинскихъ сказаній о Нартахъ, съ предисловіемъ отъ собирателя.

III. Этнографическіе очерки:

1) Религіозныя вѣрованія Абхазцевъ (съ рисункомъ), *А—а.*

2) Ингушевскіе праздники, *Чаха Ахріева.*

IV. Горская лѣтопись:

1) Полемика Дагестанскихъ ученыхъ по вопросу объ отчужденіи собственности по *назру* (обѣту), съ предисловіемъ.

2) Освобожденіе зависимыхъ сословій въ Сухумскомъ Отдѣлѣ (Абхазіи и Самурзакани).

3) Статистическія свѣдѣнія о кавказскихъ горцахъ, состоящихъ въ военно-народномъ управленіи.

VI-й выпускъ.

I. Изслѣдованія и матеріалы:

1) Абхазцы (Азега),—по поводу сочиненія г. Дубровина: „Очеркъ Кавказа и народовъ его населяющихъ“,—***.

2) Карта горскихъ народовъ, подвластныхъ Шамилю (съ приложеніями), *И. П. Линевича*.

3) Чеченское племя (съ примѣчаніями), *Умалата Лаудаева*.

4) Адаты жителей Кумыкской плоскости.

II. Народныя сказанія кавказскихъ горцевъ:

1) Кабардинская старина (I. Коварная жена.—II. Дохшуко Бгуншоковъ.—III. Отцовское завѣщаніе.—IV. Жанболатъ.—V. Айдемирканъ.—VI. Князь Амфоко Тосултановъ.—VII. Созырыхо, сынъ Коала.—VIII. Гоаша-Махо.—IX. Абадзехъ-кровомститель.—X. Два друга).

2) Кабардинскія сказки.

III. Горская лѣтопись:

1) Экономическое положеніе туземнаго населенія Сухумскаго отдѣла, *А—а*.

2) Научныя извѣстія: I. По поводу изслѣдованій П. К. Услара о Кюринскомъ языкѣ, *Н. В.*—II. Нѣсколько словъ о новомъ лингвистическомъ трудѣ академика Шифнера, *Л. П. Загурскаго*.

3) О самоубійствахъ въ Дагестанской области, *Н. В.*

4) Населеніе Закатальскаго округа по народной переписи 1871 года, *Н. В.*

5) Замѣтка.

IV. *Приложеніе*:

Статистическія свѣдѣнія о Мангишлакѣ (съ картою), *И. П. Линевича*.

Желающіе пріобрѣсти вышедшія книги „Сборника свѣдѣній о кавказскихъ горцахъ“ благоволятъ обращаться въ Кавказское Горское Управленіе или въ книжные магазины гг. Берештама и Вартанова, въ Тифлисѣ.

Цѣна каждаго выпуска „Сборника“ *два*. руб Цѣна Карты земель горскаго населенія *пятьдесятъ* коп. За пересылку по почтѣ плата особо.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

СТАТИСТИЧЕСКІЯ СВѢДѢНІЯ

О

МАНГИШЛАКѢ.

Предлагаемыя статистическія свѣдѣнія о Мангишлакѣ извлечены преимущественно изъ оффиціальныхъ источниковъ: изъ архивныхъ дѣлъ Канцеляріи Оренбургскаго Генералъ-Губернатора, находящихся нынѣ въ Кавказскомъ Горскомъ Управленіи, и изъ сообщеній лицъ, въ вѣдѣніи которыхъ состоялъ этотъ край, по присоединеніи его къ Кавказу въ апрѣлѣ 1870-го года.

Цѣль предлагаемыхъ свѣдѣній—дать общее понятіе какъ о самомъ краѣ, такъ и о тѣхъ мѣропріятіяхъ, какія, со времени занятія его русскими, предприняты были въ видахъ колонизаціи края, введенія гражданственности между туземнымъ его населеніемъ и развитія нашихъ торговыхъ сношеній съ Средней Азіей.

Русская литература еще весьма бѣдна обстоятельными свѣдѣніями о территоріи и населеніи Мангишлака; поэтому,—и въ виду особенной важности, представляемой изученіемъ Закаспійскаго края въ настоящее время,—Кавказское Горское Управленіе, въ кругъ вѣдомства котораго поступилъ Мангишлакъ, сочло возможнымъ помѣстить предлагаемую статью въ видѣ приложенія къ свѣдѣніямъ, составляющимъ спеціальную задачу издаваемаго имъ „Сборника“.

Ред.

Содержаніе.

I. Результаты первоначальныхъ изслѣдованій Мангишлака.
II. Мѣропріятія по устройству русскаго поселенія на Мангишлакѣ.
III. Устройство Николаевской станицы на Мангишлакѣ. Бытъ посслянъ.
IV. Устройство поселенія торговцевъ при Ново-Петровскомъ укрѣпленіи (фортъ Александровскій). Свѣдѣнія о торговлѣ на Мангишлакѣ.
V. Территорія и населеніе Мангишлака по послѣднимъ свѣдѣніямъ.
VI. Устройство управленія на Мангишлакѣ.

Приложенія:

Таблица № 1. Свѣдѣніе о числѣ поселянъ и ихъ домохозяйствѣ за 1850, 1852 и 1854 гг.

— — № 2. О числѣ поселянъ и ихъ домохозяйствѣ за 1868, 1869 и 1870 гг.

— — № 3. Свѣдѣніе о товарахъ, вывезенныхъ изъ Ново-Петровскаго укрѣпленія (Александровскаго форта) въ г. Астрахань съ 1854 по 1871 г.

— — № 4. Свѣдѣніе о цѣнности товаровъ, вывезенныхъ изъ Ново-Петровскаго укрѣпленія въ г. Астрахань.

— — № 5. Свѣдѣніе о товарахъ, привезенныхъ въ Александровскій фортъ въ теченіи 1871 года.

Карта Мангишлакскаго пристанства (съ обозначеніемъ мѣстъ расположенія кочеваго населенія зимой).

СТАТИСТИЧЕСКІЯ СВѢДѢНІЯ О МАНГИШЛАКѢ.

I.

Результаты первоначальныхъ изслѣдованій Мангишлака.

Вопросъ о занятіи Мангишлака рѣшенъ былъ въ 1843 году, одновременно съ вопросомъ объ упраздненіи бывшаго на сѣверовосточномъ берегу Каспійскаго моря, у залива Карасу (Кайдакъ), Ново-Александровскаго укрѣпленія (построеннаго въ 1834 году).

Упраздненіе послѣдняго оказалось необходимымъ: 1) по вредному вліянію мѣстнаго климата на здоровье гарнизона, безплодію почвы, окружающей укрѣпленіе, и неудобству близъ-лежащаго морскаго залива, и 2) по отдаленности укрѣпленія отъ мѣстъ расположенія зимнихъ стойбищъ подвластныхъ намъ кочевниковъ—киргизъ, вслѣдствіе чего оно не достигало той главной цѣли, для которой было воздвигнуто.

Комитетъ (1), разсматривавшій въ 1843 г., по Высочайшему повелѣнію, вопросъ объ упраздненіи Ново-Александровскаго укрѣпленія, въ тоже время пришелъ къ заключенію:

что полное упраздненіе его, безъ замѣны другимъ укрѣпленіемъ на берегу Каспійскаго моря, можетъ возбудить въ кочевыхъ народахъ того края ложныя понятія о видахъ правительства;

что необразованныя и грубыя племена, обитающія близъ тѣхъ

---

(1) Изъ вице-канцлера, военнаго министра и начальника бывшаго главнаго морскаго штаба.

мѣстъ, не постигнутъ великодушнаго къ нимъ довѣрія, а скорѣе отнесутъ уничтоженіе существовавшаго 9 лѣтъ укрѣпленія къ слабости правительства;

что, по изложеннымъ причинамъ, упраздненіе Ново-Александровскаго укрѣпленія должно послѣдовать не иначе, какъ съ замѣной его новымъ укрѣпленіемъ, на другомъ мѣстѣ.

По изслѣдованію восточнаго берега Каспійскаго моря, произведенному еще въ 1839 г. (капитанъ-лейтенантомъ Бодиско и капитаномъ генеральнаго штаба Ширковымъ), единственный удобный по свойствамъ мѣстности пунктъ для устройства новаго укрѣпленія оказался на полуостровѣ Мангишлакѣ, у Тюбъ-Караганскаго залива, гдѣ представлялись удобства и для устройства слободки изъ русскихъ поселянъ.

Занятіе Мангишлака признавалось полезнымъ также по политическимъ и торговымъ видамъ: 1) Хивинскій ханъ издавна простиралъ свои права на Тюбъ-Караганскій мысъ,—слѣдовательно, возведеніе укрѣпленія на Мангишлакѣ парализировало-бы его стремленія и вліяніе на мѣстное кочующее населеніе, считавшееся въ русскомъ подданствѣ; 2) наши рыбопромышленники, удаляясь для рыбной ловли изъ Астрахани, не имѣли лучшей и удобнѣйшей для зимовки гавани, какъ Тюбъ-Караганская; 3) караваны съ русскими товарами, предназначавшіеся для при-каспійскихъ киргизъ и дальнѣйшаго отправленія въ Среднюю Азію, находили на Мангишлакѣ, у Тюбъ-Караганскаго залива, удобный пунктъ для выгрузки товаровъ и удобнѣйшіе пути отъ этого пункта въ степь къ Хивѣ, и 4) устройство здѣсь укрѣпленія, обезпечивая торговые караваны отъ нападенія кочевниковъ, вполнѣ соотвѣтствовало-бы и видамъ правительства, цѣлью котораго было—усиливая вліяніе наше на туземцевъ и по возможности умиротворяя ихъ, развить торговыя сношенія съ азіатскими народами.

Такъ-какъ достиженію послѣдней цѣли особенно могла способствовать колонизація края русскимъ элементомъ, который своимъ вліяніемъ на бытъ кочевниковъ способствовалъ-бы развитію между ними гражданственности, промышленности и торговли, то при пред-

варительномъ изслѣдованіи свойствъ мѣстности восточнаго берега Каспійскаго моря, между прочимъ, имѣлись въ виду и условія, необходимыя для устройства здѣсь русскаго поселенія.

Не полагаясь однако-же на результаты, добытые изслѣдованіемъ Мангишлака въ 1839 г., и въ виду особаго заявленія Оренбургскаго начальства о неудобствѣ пункта, избраннаго для возведенія укрѣпленія и устройства русскаго поселенія, Комитетъ положилъ, чтобы рѣшеніе этого вопроса отложено было до навигаціи 1844 г., когда должно было возъимѣть дѣйствіе зарождавшееся тогда на Каспійскомъ морѣ пароходство, посредствомъ котораго представлялась возможность окончательно изслѣдовать избранный пунктъ и, затѣмъ, составить на мѣстѣ проектъ укрѣпленія и смѣту на выполненіе проекта, такъ-какъ всѣ удобства или неудобства предполагавшагося укрѣпленія могли быть усмотрѣны съ надлежащей основательностью единственно при составленіи проекта на мѣстѣ.

Для выполненія этого, въ 1844 году назначена была коммисія (2), которой въ предпринятомъ дѣлѣ предстояло подробно изслѣдовать: какія именно неудобства представлялись къ возведенію укрѣпленія у Тюбъ-Караганскаго залива; можно-ли и какимъ образомъ устранить ихъ и, если неудобства эти оказались-бы значительными, то не найдется-ли, по обозрѣніи окрестной мѣстности, другого, болѣе выгоднаго для занятія, пункта.

Коммисіи этой, по отъѣздѣ моремъ изъ Астрахани въ маѣ 1844 г., сообщено было также распоряженіе военнаго министерства: 1) составить подробное описаніе всей мѣстности полуострова, съ объясненіемъ, сколько находится тамъ удобной для пашни земли, есть-ли вода хорошаго качества и удобные для скотоводства луга, какія племена и въ какомъ именно числѣ тамъ постоянно кочуютъ, и 2) по соображеніи числа кочующихъ племенъ съ количествомъ земли, удобной для пашни и скотоводства, вывести заключеніе о томъ, не представится-ли возможность, безъ стѣсненія кочующихъ племенъ, помѣстить на полуостровѣ до 1650 переселенцевъ.

(2) Отъ военнаго министерства военный инженеръ-капитанъ Жебровскій, отъ морскаго министерства капитанъ-лейтенантъ Капецкій и отъ Оренбургскаго вѣдомства войсковой старшина Уральскаго казачьяго войска Матвѣевъ.

По осмотрѣ Мангишлака, начиная съ берега моря отъ Тюбъ-Караганскаго залива внутрь степи, на востокъ верстъ на 35, на югъ—вдоль морскаго берега на 10, на сѣверъ до окопечности Тюбъ-Караганскаго мыса, а оттуда по сѣверо-восточному берегу на 15 верстъ,—коммисія представила слѣдующія свѣдѣнія объ этой мѣстности.

Мангишлакскій полуостровъ представляетъ весьма важныя удобства, для основанія на немъ укрѣпленія, въ *торговомъ и политическомъ отношеніяхъ*, какъ пунктъ, черезъ который можно пріобрѣсти вліяніе на наибольшее число населенія восточнаго берега Каспійскаго моря и черезъ который предпочтительнѣе другихъ могутъ происходить всѣ торговыя сношенія Астрахани съ Хивою и Бухарою.

Климатъ на полуостровѣ и прилегающей степи здоровъ и гораздо лучше чѣмъ въ Ново-Александровскомъ укрѣпленіи. Лѣтніе жары охлаждаются вѣтрами съ моря; зима непродолжительна; особенныхъ болѣзней, свойственныхъ мѣстности, незамѣчено.

Вода прѣсная находится въ изобиліи, какъ по всему полуострову, гдѣ для этого нужно только рыть колодцы глубиною около двухъ арш., такъ и въ окрестностяхъ онаго и по уступамъ морскаго берега, въ колодцахъ-же и родникахъ. (Вывезенная изъ Мангишлака вода была подвергнута химическому изслѣдованію въ Астрахани и Оренбургѣ и оказалась безвредною и совершенно годною для употребленія).

Почва земли на самомъ полуостровѣ преимущественно песчаная, съ иломъ и ракушею; на окрестныхъ-же высотахъ и вообще по степи камениста, глиниста и частію песчана и солонцевата.

Хлѣбопашество въ большомъ количествѣ не можетъ существовать, доказательствомъ чему служитъ то, что посѣвы туземцевъ проса, ячменя, кукурузы и овощей произрастаютъ только при тщательной поливкѣ.

Огороды могутъ быть разведены, что предполагалось по опыту, произведенному тогда-же, подъ руководствомъ бывшихъ тамъ офицеровъ.

Пастбищныя мѣста по всей окрестности полуострова

изобилуютъ годною для подножнаго корма травою; при нѣкоторой-же заботливости можно и на самомъ полуостровѣ имѣть подножный кормъ.

Сѣнокосовъ ни на низменности полуострова, ни на всемъ осмотрѣнномъ пространствѣ не находится, и потому на мѣстный запасъ сѣна надѣяться невозможно. Растущая на Мангишлакѣ трава повсюду такъ рѣдка, что косить ее нельзя; если-же и есть небольшія лощины, гдѣ можно косить, то ихъ весьма мало.

Топливо, по безлѣсности страны, можетъ быть добываемо только изъ растущихъ на Мангишлакѣ толстоствольныхъ травъ: бурьяна, жидовинника и также морской водоросли; но всѣ эти произрастенія далеко не могутъ обезпечивать въ потребномъ количествѣ топливомъ не только предполагаемое поселеніе, но даже одно укрѣпленіе. Островъ Кулалы, лежащій въ 25 верстахъ отъ Мангишлака, можетъ на первое время дать камыша около $^{40}/_{т}$. пудовъ; но, при усиленіи осѣдлости, и этотъ камышъ можетъ истребиться. По берегамъ залива и по степи растутъ тутовыя деревья, но ихъ весьма мало, и туземцы, считая деревья эти завѣтными, не рубятъ ихъ; камышъ и тальникъ, или верба, растутъ также въ весьма незначительномъ количествѣ.

Земли Мангишлака и прилегающей степи хотя безбѣдны подножнымъ кормомъ, но какъ запасовъ сѣна дѣлать здѣсь нельзя, то *скотоводство* нашихъ поселенцевъ не можетъ существовать въ значительномъ количествѣ. Туземцы круглый годъ держатъ свой скотъ на подножномъ корму; но они имѣютъ ту выгоду передъ нами, что, при неблагопріятныхъ обстоятельствахъ, могутъ отогнать свой скотъ въ глубь степи, на другія мѣста, чего мы дѣлать не можемъ, ибо черезъ удаленіе отъ укрѣпленія въ глубину степи наши табуны будутъ подвергаться опасности отъ хищныхъ киргизовъ.

Рыбный промыселъ у Мангишлака и бой тюленя около острова Кулалы могутъ производиться почти круглый годъ, и по обилію рыбы и удобствамъ стоянки судовъ у Тюбъ-Караганскаго залива будутъ привлекать сюда большое число промышленниковъ.

Два соляныя озера, лежащія при гавани, изобилуютъ хо-

рошею поваренною солью, что можетъ послужить значительнымъ пособіемъ къ усиленію тамъ рыболовства, а казна отъ этого, какъ и отъ самаго промысла, можетъ имѣть доходы.

Гавань, образующаяся въ Тюбъ-Караганскомъ заливѣ, соединяетъ всѣ необходимыя удобства, какъ для якорной стоянки частныхъ и военныхъ судовъ, такъ и для устройства киленбалки и элинга. Она со всѣхъ сторонъ закрыта отъ морскаго волненія; суда пристаютъ къ самому берегу, такъ-какъ глубина здѣсь отъ 18 до 22 футовъ. Заливъ рѣдко замерзаетъ и то ненадолго, а входъ въ него простъ и удобенъ какъ по глубинѣ, такъ и потому, что издали обозначается высокими берегами.

Сообщеніе съ Астраханью и Гурьевымъ удобно: Мангишлакъ лежитъ въ 210 верстахъ отъ устьевъ Волги и немного далѣе отъ р. Урала. Сообщеніе съ этими пунктами не преграждается ни мелями, какъ отъ Ново-Александровскаго укрѣпленія, ни другими препятствіями. Поэтому перевозка войскъ и всѣхъ тяжестей, въ особенности при пароходствѣ, можетъ производиться съ желаемою скоростію; въ послѣднемъ случаѣ самый большой срокъ перехода отъ Астрахани—три дня, а при попутномъ вѣтрѣ—одинъ сутки.

Караванный путь, по собраннымъ коммисіею свѣдѣніямъ, отъ Мангишлака до Хивы опредѣленъ въ 800 верстъ или въ 20 дней. Перевозная плата съ пуда товаровъ—около 30 коп. сереб. Путь признавался удобнымъ, но такъ-какъ на мѣстахъ ночлеговъ мало колодцевъ, то караванамъ удобнѣе идти небольшими партіями.

Торговля, подъ прикрытіемъ укрѣпленія, по предположенію коммисіи, можетъ развиться быстро, такъ-какъ до этого туземцы получали предметы первой необходимости изъ Хивы по цѣнѣ дорогой, и притомъ были невольно въ зависимости отъ Хивы; съ возведеніемъ-же на Мангишлакѣ укрѣпленія, русскіе будутъ привозить киргизамъ все нужное изъ Астрахани гораздо дешевле и сбывать свой товаръ на мѣстные предметы посредствомъ мѣны. Перевозъ товаровъ на Мангишлакъ особенно могутъ облегчить рыболовныя суда, отправляющіяся туда почти безъ всякаго груза, ибо главная ихъ потребность—соль—находится тамъ подъ руками. Такое удоб-

ство въ перевозѣ товаровъ ближайшимъ водянымъ путемъ облегчитъ и усилитъ нашу торговлю съ Хивою и Бухарою, тѣмъ болѣе, что при укрѣпленіи для товаровъ будетъ складъ вполнѣ безопасный.

Въ виду всѣхъ этихъ выгодъ Мангишлака, заселеніе его, по заключенію коммисіи, могло совершиться легко. Не только рыбопромышленникамъ желательно будетъ завести тамъ осѣдлость и ватаги, но и нѣкоторые изъ торговцевъ будутъ стремиться на Мангишлакъ для ближайшихъ торговыхъ сношеній съ Хивою и Бухарой, а также съ мѣстными жителями.

Что-же касается до водворенія на Мангишлакѣ 1650 нашихъ переселенцевъ, какъ предполагало военное министерство, то, по мнѣнію коммисіи, хотя такое количество и можно здѣсь поселить безъ стѣсненія туземцевъ, но только такихъ переселенцевъ, которые-бы занимались рыбнымъ промысломъ и торговлею; на успѣхи-же скотоводства и хлѣбопашества на Мангишлакѣ надѣяться нельзя. Коммисія признавала также полезнымъ, чтобы переселенцевъ этихъ обратить въ казачье сословіе, дабы они могли, въ случаѣ надобности, защищать отъ набѣговъ и разбоевъ, какъ самое поселеніе, такъ и рыбные промыслы около Мангишлака и ближайшихъ острововъ; а чтобы поселенцы скорѣе получили военный характеръ, то коммисія признавала возможнымъ дозволить туда-же переселиться и казакамъ изъ войскъ Уральскаго, Оренбургскаго и Астраханскаго, по желанію.

II.

Мѣропріятія по устройству русскаго поселенія на Мангишлакѣ.

Оренбургскій генералъ-губернаторъ, генералъ Обручевъ, доводя до свѣдѣнія военнаго министра о результатахъ новаго осмотра и вообще о выгодахъ занатія Мангишлакскаго полуострова, выразилъ слѣдующія предположенія о заселеніи этого края:

1) Вызовъ людей для поселенія на Мангишлакѣ предпочти-

тельно сдѣлать изъ казачьихъ войскъ: Уральскаго, Оренбургскаго и Астраханскаго, занимающихся рыболовствомъ; но если-бы изъ этихъ войскъ не нашлось желающихъ, или-же таковыхъ было недостаточно, то вызвать и охотниковъ—рыбопромышленниковъ изъ казенныхъ крестьянъ и мѣщанъ, съ обращеніемъ ихъ въ казачье сословіе, дабы, въ случаѣ надобности, они могли защищать и сами свое селеніе.

2) Пригласить на Мангишлакъ людей изъ русскаго торговаго сословія, не только для распространенія торговыхъ нашихъ сношеній съ Хивою и Бухарою, но и для доставленія легчайшаго сбыта предметовъ промышленности мангишлакскимъ поселенцамъ, не возбраняя и симъ послѣднимъ права торговли внутренней и внѣшней.

3) Переселенцамъ на Мангишлакскій полуостровъ, гдѣ лѣса дано быть не можетъ и земледѣльческія орудія не требуются, назначить (3) изъ государственнаго казначейства на каждое отдѣльное семейство по 55 руб. сер., изъ коихъ 1/3 часть выдавать при отправленіи, на путевое пособіе, а остальныя 2/3 по прибытіи къ Мангишлаку, на первоначальное устройство и заведеніе рыболовныхъ снастей; даровать имъ право на исключительное производство лова рыбы и боя тюленя въ водахъ, омывающихъ полуостровъ, и кромѣ того оказать при перевозкѣ ихъ, равно и строительныхъ для нихъ матеріаловъ, пособіе отъ астраханскаго порта, если позволятъ его средства.

4) Льготы для торговаго класса допустить въ слѣдующемъ видѣ: съ тѣхъ, кои будутъ имѣть на полуостровѣ постоянное пребываніе, но безъ устройства домовъ, взимать втеченіи 10-ти лѣтъ половину установленной гильдейской повинности; которые-же устроятъ дома каменные или деревянные, вовсе не взимать тѣхъ повинностей втеченіи 5-ти лѣтъ съ окончанія постройки, а потомъ на слѣдующія 5 лѣтъ обложить ихъ половиннымъ сборомъ тѣхъ повинностей, давая право на эту льготу по мѣрѣ капиталовъ, на постройку домовъ употребленныхъ; такъ, напр., за домъ не менѣе 3859 руб. 80 коп.—право 1-й гильдіи; не менѣе 1543 руб. 95

(3) Примѣнялсь къ 43 ст. II прод. Св. Зак. т. XII, изд. 1842 г.

коп.—2-й гильдіи не менѣе 408 руб. 50 коп.—3-й гильдіи. Затѣмъ купечеству двухъ первыхъ гильдій не возбраняется, находясь временно на Мангишлакѣ, производить торговлю, не пользуясь только даруемою постоянно живущимъ тамъ купцамъ льготою, и

5) Вызовъ поселенцевъ на Мангишлакъ сдѣлать благовременно, чтобы видѣть, какъ велико будетъ число желающихъ, и чтобы вѣрнѣе судить о результатахъ, ожидаемыхъ отъ поселенія въ промышленномъ и торговомъ отношеніяхъ.

Всѣ эти предположенія были Высочайше одобрены, но вызовъ желающихъ для устройства военнаго поселенія на Мангишлакѣ разрѣшено было, согласно новаго представленія генерала Обручева, отложить до возведенія укрѣпленія; на первый-же разъ въ число поселенцевъ рѣшено было обратить женатыхъ нижнихъ чиновъ 1-го линейнаго оренбургскаго баталіона, если кто изъ нихъ изъявитъ на то собственное желаніе, съ предоставленіемъ имъ всѣхъ выгодъ, кои предоставлялись поступающимъ изъ другихъ сословій.

Въ 1846 году, въ апрѣлѣ, генералъ Обручевъ лично присутствовалъ при закладкѣ укрѣпленія, названнаго Ново-Петровскимъ (въ 1857 году переименовано въ фортъ Александровскій) у Тюбъ-Караганскаго залива, осмотрѣлъ окрестности его и, подтверждая въ своемъ донесеніи военному министру тѣ свѣдѣнія, какія были добыты предшествовавшими изслѣдованіями этой мѣстности, между прочимъ пояснилъ: 1) что гавань, называемая Тюбъ-Караганъ, по словамъ моряковъ,—лучшая на Каспійскомъ морѣ, такъ-какъ можетъ помѣстить въ себѣ астраханскихъ купеческихъ судовъ, при устройствѣ паловъ, до 50-ти, на якорной-же стоянкѣ до 30-ти и представляетъ возможность съ сѣверозападной стороны производить выгрузку прямо на берегъ; 2) что, по словамъ промышленниковъ, рыболовство и бой тюленя около Мангишлака и на близъ-лежащихъ островахъ производятся въ изобиліи въ два періода: первый—по открытіи навигаціи до 10-го мая, а второй—съ августа мѣсяца до заморозковъ; сверхъ того бьютъ тюленя и зимой, на островѣ Кулалы, гдѣ промышленники имѣютъ уже деревянные дома; и 3) что заселеніе полуострова должно быть произведено только одними за-

житочными людьми, такъ-какъ морское рыболовство требуетъ значительныхъ расходовъ на пріобрѣтеніе разныхъ снастей, лодокъ и мореходныхъ судовъ.

Затѣмъ генералъ Обручевъ представилъ и окончательныя, подробныя предположенія свои относительно заселенія этого края (*). Предположенія эти въ томъ видѣ, какъ они удостоились Высочайшаго разрѣшенія (7 мая 1847 года), заключаются съ слѣдующемъ:

1) Заселеніе на полуостровѣ Мангишлакѣ допускается въ двухъ видахъ,—одно изъ торговыхъ промышленниковъ, для распространенія торговыхъ сношеній съ Хивою и Бухарою и для мѣновой торговли съ ордынцами, кочующими на восточномъ берегу Каспійскаго моря; другое-же изъ рыбопромышленниковъ, казенныхъ крестьянъ и мѣщанъ, для рыбнаго и тюленьяго промысловъ.

Переселяющихся торговцевъ назначено поселить внутри Ново-Петровскаго укрѣпленія, а рыбопромышленниковъ—на оконечности мыса залива Тюбъ-Караганскаго, въ разстояніи отъ укрѣпленія около 1600 саж., гдѣ назначено также выстроить гавань для выгрузки товаровъ и судовъ.

2.) Вызовъ для поселенія охотниковъ изъ рыбопромышленниковъ (казенныхъ крестьянъ и мѣщанъ) ограничить губерніями Оренбургскою, Саратовскою и Астраханскою, въ которыхъ преимущественно производятся значительныя рыбныя промыслы. Переселенцевъ этихъ зачислять, по желанію ихъ, въ казачье сословіе (для

(*) Въ подтвержденіе возможности осуществить предположеніе о заселеніи Мангишлака генералъ Обручевъ объявилъ, что къ поселенію на полуостровѣ изъявили уже желаніе: 1) 47 челов. женатыхъ нижнихъ чиновъ линейнаго баталіона; одинъ казакъ и (для работъ)—двое мастеровыхъ, и 2) два купца (одинъ изъ нихъ 1-й гильдіи), два мѣщанина и одинъ удѣльный крестьянинъ.

Нѣкоторымъ изъ просителей, заслуживавшимъ довѣрія, разрѣшено было поселиться у Ново-Петровскаго укрѣпленія, но безъ гарантіи имъ какихъ-либо льготъ, до утвержденія таковыхъ Высочайшею властью и съ условіемъ безвозмездно перенести свои временныя помѣщенія, если занятое ими для построекъ мѣсто не будетъ соотвѣтствовать проектируемому общему плану.

чего они должны имѣть законное увольненіе отъ своихъ обществъ), дабы они, въ случаѣ надобности, могли защищать отъ набѣговъ и разбоевъ какъ самое поселеніе, такъ и рыбные промыслы, а для того чтобы они скорѣе получили характеръ военнаго поселенія, дозволялось туда-же переселиться и желающимъ изъ казаковъ Уральскаго, Оренбургскаго и Астраханскаго войскъ. Поступившимъ въ казачье сословіе переселенцамъ въ первые 6 мѣсяцевъ должно производить въ пособіе на продовольствіе изъ казны безденежно узаконенную дачу провіанта; самое-же поселеніе, если оно воспримет начало, причислить къ Уральскому казачьему войску.

3) Переселенцамъ на полуостровъ даны слѣдующія льготы: а) съ тѣхъ переселенцевъ торговаго сословія, которые будутъ имѣть на полуостровѣ постоянное пребываніе, но безъ устройства домовъ, взимать втеченіи 10-ти лѣтъ половину установленной гильдейской повинности; которые-же устроятъ дома каменные или деревянные, вовсе не взимать тѣхъ повинностей втеченіи 5-ти лѣтъ съ окончаніемъ постройки домовъ; на слѣдующія-же 5 лѣтъ обложить ихъ половиннымъ сборомъ тѣхъ повинностей, давая право на эту льготу по мѣрѣ капиталовъ, на постройку домовъ употребленныхъ, такъ, напримѣръ: за домъ не менѣе въ 3859 руб. 80 коп.—право 1-й гильдіи, не менѣе 1543 руб. 95 коп.—2-й гильдіи и не менѣе 408 руб. 80 коп.—3-й гильдіи. Льготамъ этимъ назначенъ 20-ти лѣтній срокъ, по истеченіи котораго переселеніе допускается уже на общемъ основаніи. Затѣмъ лицамъ, имѣющимъ право производить на общемъ правѣ торговлю не возбранять, находясь временно на Мангишлакѣ, производить торговлю, на правѣ иногороднемъ, не пользуясь впрочемъ даруемою постоянно живущимъ купцамъ льготою; б) тѣмъ переселенцамъ изъ рыбопромышленниковъ, кои составятъ изъ себя военное поселеніе, дать льготы, допускаемыя особыми правилами о переселенцахъ, поступающихъ въ военное сословіе (3). Переселенцы эти должны непремѣнно устроиться втеченіи 3-хъ лѣтъ, и за этимъ мѣстное начальство обязано наблюдать неослабно, сверхъ

(3) XII томъ Св. Закон. гражд., о благоустр. въ казен. сел. ст. 49, пун. 3 и 5 и ст. 72—75.

того людей сихъ подчинить общимъ правиламъ, по которымъ они должны оставаться въ казачьемъ сословіи, съ потомствомъ, навсегда; в) вообще всѣмъ переселенцамъ подъ постройку домовъ безденежно отводить мѣсто по плану, смотря по размѣру строеній, на общемъ основаніи, предоставивъ, безвозмездно-же, пользоваться потребнымъ для строеній плитнымъ и известковымъ камнемъ, находящимся близь укрѣпленія; сверхъ того, при перевозкѣ ихъ на полуостровъ съ имуществомъ и при доставкѣ туда для нихъ строительныхъ матеріаловъ, дѣлать имъ пособіе отъ астраханскаго порта, если позволятъ его средства; г) изъ находящихся близь Ново-Петровскаго укрѣпленія соляныхъ озеръ отпускать соль безденежно тѣмъ переселенцамъ, которые вступятъ въ военное сословіе, не болѣе 150-ти пуд. на каждое семейство въ годъ; біямъ и старшинамъ ордынцевъ и туркменовъ по 10-ти, простымъ по два пуда на каждое семейство въ годъ и приходящимъ на мѣну и для своза товаровъ въ Хиву и обратно—по 5 фунтовъ на человѣка (6). Тѣмъ-же переселенцамъ, которые хотя и построятъ на Мангишлакѣ дома и другія помѣщенія, но не причислятся въ военное сословіе, производить изъ соляныхъ озеръ отпускъ соли для соленія рыбы, не иначе, какъ съ платою въ казну установленной цѣны. Для этого назначить на Мангишлакъ со стороны министерства финансовъ особаго чиновника, въ качествѣ соляного пристава, котораго подчинить во всемъ непосредственному мѣстному военному начальству, такъ-какъ министерство финансовъ не завѣдываетъ находящимися на Мангишлакѣ соляными озерами. Затѣмъ мѣстное военное начальство обязывается доставлять въ департаментъ горныхъ и соляныхъ дѣлъ всѣ свѣдѣнія, какія впослѣдствіи окажутся нужными для министерства финансовъ, и д) предоставленіе переселенцамъ исключительнаго права на ловъ рыбы и бой тюленя въ водахъ, меляхъ и островахъ, принадлежащихъ къ Мангишлакскому полуострову, не можетъ быть допущено навсегда, ибо морскія рыбныя ловли составляютъ принад-

(6) Гарнизонъ укрѣпленія и находящіяся на Мангишлакѣ войска также пользуются безденежнымъ опускомъ соли изъ озеръ для собственаго потребленія.

лежность государственную и потому право на нихъ слѣдуетъ ограничить опредѣлительными сроками.

4) Желающіе производить рыбные промыслы въ означенныхъ водахъ и торговлю на Мангишлакѣ, предварительно объявляютъ о томъ Ново-Петровскому коменданту, у дѣлъ котораго паспорты ихъ, или другіе виды, записываются въ книгу, а на самыхъ видахъ, или паспортахъ, дѣлается надпись о явкѣ, которая и служитъ дозволеніемъ производить промыслы.

5) Между русскими подданными на Мангишлакѣ и кочующими народами никакого торга, кромѣ мѣноваго, не допускать и правительство ни по какимъ долговымъ обязательствамъ взысканіе суммъ съ кочующихъ народовъ на себя не принимаетъ.

6) Люди торгующіе и производящіе рыбный промыслъ на Мангишлакѣ, по возникающимъ спорнымъ и исковымъ дѣламъ, обращаются съ просьбами на законномъ основаніи: первые — въ ближайшія присутственныя мѣста Астраханской губерніи, а послѣдніе въ астраханскую экспедицію рыбныхъ и тюленьихъ промысловъ; лица-же, зачисленныя въ военное сословіе, обращаются по такимъ дѣламъ къ тому начальству, въ вѣдѣніи котораго будутъ состоять. Если кто изъ ордынцевъ предъявитъ жалобу на нашихъ торговцевъ, промышленниковъ или служащихъ въ отрядѣ, то комендантъ укрѣпленія, при посредствѣ чиновника оренбургской пограничной коммисіи и при депутатѣ со стороны ордынцевъ, долженъ произвести на законномъ основаніи изслѣдованіе и по окончаніи отослать его въ названную коммисію, съ опредѣленіемъ которой дѣло это поступаетъ на разсмотрѣніе и рѣшеніе оренбургскаго военнаго губернатора. По преступленіямъ-же уголовнымъ производить на мѣстѣ, по назначенію коменданта укрѣпленія, законное слѣдствіе, которое онъ, по окончаніи, отсылаетъ вмѣстѣ съ виновными по принадлежности. (7)

---

(7) Впослѣдствіи (въ 1852 г.), также въ видахъ скорѣйшаго заселенія Мангишлака, Высочайше повелѣно: не считать состоянія на рекрутской очереди препятствіемъ къ переселенію на этотъ полуостровъ, не обязывая и общества, отъ которыхъ зависитъ согласіе на увольненіе, къ исполненію этой повинности за предпринимающихъ переселеніе.

Разрѣшеніе мангишлакскимъ поселенцамъ вышеупомянутой льготы безпошлинной ловли рыбы и боя тюленей послѣдовало лишь въ 1852 году.

Такъ-какъ эта льгота для поселянъ была самою существенной, долженствовавшей обезпечить ихъ бытъ, то необходимо упомянуть объ обстоятельствахъ, предшествовавшихъ ея разрѣшенію, тѣмъ болѣе, что впослѣдствіи мѣстное начальство нѣсколько разъ входило съ представленіями объ измѣненіи условій дарованной льготы. До 1852 г. происходили лишь оффиціальныя сношенія по опредѣленію 1) срока, какимъ слѣдуетъ ограничить право мангишлакскихъ поселенцевъ на ловъ рыбы и бой тюленя въ водахъ, омывающихъ Мангишлакскій полуостровъ, и 2) пространства морскихъ водъ, могущихъ быть предоставленными переселенцамъ для рыболовства.

Изъ высказанныхъ по этому предмету мнѣній обращаетъ на себя вниманіе мнѣніе оренбургскаго начальства, которому были ближе извѣстны относительно рыбнаго промысла, свойства Мангишлакскаго берега и тѣхъ частей, изъ прилежащихъ къ нему водъ, которыя необходимы были для обезпеченія благосостоянія поселянъ.

Находя, согласно съ предположеніемъ министра государственныхъ имуществъ, что при опредѣленіи короткаго напр. 4-хъ-лѣтняго срока, на право безпошлиннаго лова рыбы и боя тюленя у Тюбъ-Караганскаго залива, едва-ли найдутся охотники къ переселенію на Мангишлакъ, въ мѣсто совершенно новое и отдаленное, гдѣ притомъ, кромѣ единственно рыбнаго промысла, нельзя имѣть поселянину никакихъ другихъ средствъ для своего существованія, генералъ Обручевъ объяснилъ, что предполагаемое министерствомъ финансовъ къ выдѣленію въ пользованіе поселянъ пространство водъ на 150 квадр. верстъ у Тюбъ-Караганскаго залива нельзя признать достаточнымъ по слѣдующимъ причинамъ: 1) самъ по себѣ заливъ для рыболовства имѣетъ весьма незначительное пространство; 2) берегъ отъ этого залива къ сѣверу на 10 верстъ скалистъ и утесистъ; здѣсь при малѣйшей не благопріятной погодѣ, суда, употребляемыя для рыболовства, легко могутъ подвергнуться крушенію; по этому ловъ рыбы на означенномъ пространствѣ производиться не можетъ; 3) отъ залива на югъ хотя берегъ и отлогій, но рыбный

промыселъ на этомъ пространствѣ крайне скуденъ, потому что можетъ производиться только при западныхъ вѣтрахъ и благопріятной погодѣ (боя тюленя на этомъ пространствѣ вовсе не можетъ быть, по неимѣнію острововъ, балокъ и отмѣлей), а здѣсь господствуютъ вѣтры восточные, въ продолженіи которыхъ, по неимѣнію на берегу камышей, рыба отходитъ въ глубину моря.

По мнѣнію генерала Обручева, рыбопромышленникамъ выгоднѣе жить въ Астрахани и пользоваться рыбными промыслами и боемъ тюленей въ вольныхъ водахъ Каспійскаго моря, съ платой положенной пошлины, чѣмъ поселиться на Мангишлакѣ, гдѣ, за исключеніемъ рыбнаго промысла, не представлялось ни одного выгоднаго условія для обезпеченія ихъ быта.

Поэтому, дабы предположенное на Мангишлакѣ поселеніе болѣе соотвѣтствовало тѣмъ видамъ правительства, съ какими оно полагало учредить его, генералъ Обручевъ признавалъ необходимымъ кромѣ предположеннаго къ выдѣленію въ пользованіе поселянъ пространства въ 150 квадр. верстъ (отъ Тюбъ-Караганскаго залива къ югу на 15 верстъ и къ западу отъ берега на 10), дозволить имъ производить безпошлинно промыслы рыбный и тюленій на близь-лежащихъ около Мангишлака островахъ—Кулалы, Святомъ и Кари-Подгорномъ, находящихся въ 30—40 верстахъ отъ залива (въ особенности представлялъ для этого удобства островъ Кулалы, на которомъ произросталъ мелкій камышъ, годный для корма скота, и кустарникъ, могущій замѣнить топливо).

Вопросъ о предоставленіи права мангишлакскимъ поселенцамъ на рыболовство въ Каспійскомъ морѣ разрѣшенъ былъ въ 1852 году, указомъ правительствующаго сената отъ 17 января оренбургскому генералъ-губернатору, на слѣдующихъ основаніяхъ:

1) Поселенцамъ Мангишлакскаго полуострова предоставлено было въ исключительное пользованіе пространство водъ у Тюбъ-Караганскаго залива на 150-ти верстахъ, безъ всякого платежа въ казну акциза и таможенныхъ пошлинъ за привозимые ими къ каспійскимъ портамъ рыбу ихъ улова и добытые ими рыбные товары.

2) Срокъ этого права назначенъ 10-тилѣтній, наравнѣ со сроками дарованной имъ льготы въ платежѣ податей и повинностей.

3) Острова Кулалы, Святой и Подгорный оставлены въ числѣ участковъ эмбенскаго вольнаго промысла, съ дозволеніемъ мангишлакскимъ поселенцамъ пользоваться съ острова Кулалы нужнымъ имъ для топлива камышомъ, но съ тѣмъ, чтобы они не дѣлали помѣшательства въ боѣ тюленя другимъ промышленникамъ; самимъ-же производить бой, если того пожелаютъ, не иначе какъ по билетамъ астраханской экспедиціи, которые будутъ высылаться по заявленію коменданта укрѣпленія, для желающихъ заниматься сими промыслами безплатно.

По окончаніи 10-тилѣтняго срока и по изданіи въ 1859 г. новаго устава о рыбномъ и тюленьемъ промыслахъ на Каспійскомъ морѣ, за мангишлакскими поселенцами оставлено, по-прежнему, право безплатной ловли рыбы и боя тюленей на вышеозначенномъ пространствѣ.

III.

Устройство Николаевской станицы на Мангишлакѣ Бытъ поселянъ.

По объявленіи Высочайше утвержденнаго въ 1847 году положенія объ устройствѣ русскаго поселенія на Мангишлакѣ, къ генералу Обручеву отъ повѣренныхъ крестьянъ разныхъ волостей и деревень Оренбургской и Саратовской губерній поступили просьбы: въ 1847, о дозволеніи переселиться 200 ревизскимъ душамъ.
— 1848 — — — — — — 2161 — — — —
— 1849 — — — — — — 44 — — — —

Всего. 2405. — — — —

Не разрѣшая просьбъ, генералъ Обручевъ предоставлялъ избраннымъ изъ среды крестьянъ повѣреннымъ предварительно отправляться на полуостровъ и обозрѣвать тамошнюю мѣстность. Распо-

ряженіе это, какъ оказалось впослѣдствіи, устранило многія неудобства: почти всѣ крестьяне, бывшіе на Мангишлакѣ, нашли тамъ земли неудобными для хлѣбопашества и сѣнокошенія и потому желаніе свое переселиться отмѣнили.

Въ 1849 году положено было начало русскому поселенію на Мангишлакѣ водвореніемъ семи семействъ государственныхъ крестьянъ Саратовской губерніи и одиннадцати семействъ казаковъ Оренбургскаго войска, съ причисленіемъ первыхъ, по ихъ желанію, и съ переводомъ послѣднихъ въ составъ Уральскаго казачьяго войска; сверхъ того прибыло для поселенія два семейства Саратовскихъ государственныхъ крестьянъ по общему вызову, но безъ предварительнаго разрѣшенія оренбургскаго начальства. Эти 20 семействъ образовали у Тюбъ-Караганскаго залива станицу, названную Николаевской.

Мѣсто расположенія станицы избрано было съ согласія самихъ поселянъ; предназначавшіяся-же для этого другія мѣстности оказались неудобными, по невозможности устроить при домахъ необходимые для сохраненія жизненныхъ продуктовъ въ лѣтнее время погреба и подполья, такъ-какъ въ указанныхъ мѣстностяхъ вода оказалась отстоящею отъ поверхности земли всего на аршинъ.

Затѣмъ избранная для поселенія мѣстность оказалась выгодною:

1) по близости пристани и гавани, гдѣ суда поселянъ имѣли безопасную стоянку;

2) по удобству выгрузки товаровъ на берегъ у самой пристани;

3) по близости караваннаго пути, идущаго изъ степи къ укрѣпленію.

Для семействъ первыхъ поселенцевъ, по распоряженію оренбургскаго начальства, заготовлено было въ г. Астрахани (8):

20 деревянныхъ домовъ, на . . . . . 3256 р.

необходимыхъ предметовъ для устройства этихъ домовъ на . . . . . 164 —

11 подразшивныхъ лодокъ (собственно для казачьихъ семействъ) . . . . . 500 —

(8) До устройства домовъ поселенцы были расположены въ казармахъ, въ оборонительныхъ башняхъ и временныхъ землянкахъ.

разныхъ принадлежностей для рыболовства (также для казаковъ) на. . . . . 300 р.
За доставку всѣхъ этихъ предметовъ уплочено. . 940 —

Итого. . 5150 —

Каждая изба съ доставкой на Мангишлакъ обошлась въ 210 р.; лодка съ принадлежностями—въ 120 р.

Несмотря на всѣ предоставленныя поселенцамъ льготы и пособія, положеніе ихъ въ 1849 и 1850 г. не давало надежды на скорое развитіе ихъ благосостоянія.

Поселенцы, оставивъ на прежнемъ мѣстѣ жительства удобныя для хлѣбопашества земли, затруднились первое время въ выборѣ рода занятій на Мангишлакѣ, свойства мѣстности котораго, какъ оказалось, имъ не были достаточно извѣстны; а рыболовство, въ мѣстахъ временно отведенныхъ для поселянъ (права поселянъ на этотъ промыслъ были разрѣшены, какъ выше сказано, въ 1852 г.), не обѣщало выгодъ и требовало расходовъ, какихъ сами поселенцы понести не могли.

Въ виду крайне не обезпеченнаго положенія поселянъ, генералъ Обручевъ: 1) сдѣлалъ распоряженіе о продолженіи отпуска имъ казеннаго провіанта и послѣ 6-тимѣсячнаго срока, опредѣленнаго для отпуска этого довольствія, если-бы, по истеченіи означеннаго срока, поселяне затруднялись въ содержаніи себя на собственныя средства (9); 2) исходатайствовалъ переселенцамъ изъ казаковъ (10):

а) 8-милѣтнюю льготу отъ службы и повинностей въ войскѣ;

б) пособіе по 65 р. на каждое семейство;

в) право наниматься для отправленія службы (въ число тѣхъ казаковъ, которые ежегодно выкомандировываются изъ Оренбургскаго и Уральскаго казачьихъ войскъ), до истеченія 8-милѣтней льготы—

(9) Отпускъ казеннаго провіанта прекращенъ былъ окончательно въ 1851 г., не смотря на бѣдное состояніе многихъ поселянъ,—въ тѣхъ видахъ, дабы, лишась надежды на пособіе отъ правительства, они дѣятельнѣе принялись за устройство своего хозяйства.

(10) Высочайше утвержденное 3-го іюля 1850 года заключеніе военнаго совѣта.

безусловно, послѣ-же этого срока,—если не будутъ состоять сами на очереди.

Такимъ образомъ, допустивъ къ переселенію, несогласно первоначальнаго предположенія, людей бѣднаго состоянія, желавшихъ, какъ видно, воспользоваться лишь льготами и жить на счетъ казны, пришлось потомъ по необходимости, для предупрежденія обратнаго выселенія, поддерживать ихъ существованіе на Мангишлакѣ посредствомъ разныхъ пособій.

Что первые поселяне давали мало надежды на поддержаніе видовъ правительства на Мангишлакѣ, можно заключить изъ содержанія множества просьбъ, поданныхъ въ 1850-же году и коменданту Ново-Петровскаго укрѣпленія, и инспектировавшему въ этомъ году укрѣпленіе и станицу полковнику Беклемишеву. Одни изъ поселянъ просили о возвращеніи ихъ на прежнее мѣсто жительства, такъ-какъ дарованныя имъ льготы, и особенно льгота безплатнаго рыболовства въ мѣстности, для того отведенной, не обезпечиваютъ ихъ существованія; другіе—о предоставленіи имъ топлива и хлѣба отъ казны; поселяне изъ крестьянъ просили также о предоставленіи имъ денежнаго пособія, дарованнаго для казаковъ (по 65 р. на семейство). (11)

Изъ донесеній коменданта и лицъ, инспектировавшихъ укрѣпленіе и станицу въ 1851 (генералъ-маіоръ Фрейманъ) и 1852 (полковникъ Федоровъ) годахъ также усматривается, что хозяйство поселянъ вообще было бѣдно, что главнымъ промысломъ, рыболовствомъ, занимались въ 1851 г. только 16 челов., прочіе-же не имѣли рыболовныхъ снастей, и что нѣкоторые изъ поселянъ не брались за работу, расчитывая на содержаніе отъ казны.

Послѣ такихъ донесеній и оренбургское начальство стало сомнѣваться въ возможности развитія русскаго поселенія на Мангишлакѣ и достиженія предположенной посредствомъ колонизаціи края цѣли.

---

(11) По всѣмъ такимъ просьбамъ объявленъ былъ отказъ на томъ основаніи, что при вызовѣ точно были опредѣлены даруемыя переселенцамъ льготы и что предварительно переселенія они осмотрѣли мѣстность Мангишлака и признали ее удобною.

Во всеподданнѣйшемъ отчетѣ оренбургскаго генералъ-губернатора за 1851 и 1852 г., при объясненіи неудобствъ мѣстности Мангишлака, между прочимъ высказано было и предположеніе—не только не допускать новыхъ приселеній, но и находящимся тамъ поселянамъ предоставить право, по ихъ желанію, избрать для водворенія другія мѣстности Оренбургскаго края.

Между тѣмъ въ 1852 году прибыли въ г. Астрахань, для поселенія на Мангишлакѣ, еще 5 семействъ (въ числѣ 29 душъ) государственныхъ крестьянъ Саратовской губерніи, и въ такомъ нищенскомъ положеніи, что мѣстная палата государственныхъ имуществъ должна была выдавить имъ дневное пропитаніе.

По прибытіи на Мангишлакъ, (12) эти семейства, не имѣя никакой возможности устроить себѣ дома, должны были паниматься за весьма скудную плату въ работники къ поселянамъ изъ бывшихъ казаковъ Оренбургскаго войска.

Почти въ такомъ-же положеніи, какъ видно изъ донесеній коменданта Ново-Петровскаго укрѣпленія, были и прочіе поселяне (за исключеніемъ 3-хъ семействъ) изъ государственныхъ крестьянъ.

Поэтому для предупрежденія развитія числа бѣдствовавшихъ на Мангишлакѣ и въ виду того что по свойствамъ мѣстности этого края поселяне не могутъ имѣть иныхъ средствъ къ существованію, кромѣ торговаго и рыбнаго промысловъ, для чего, какъ и для первоначальныхъ обзаведеній на новомъ мѣстѣ, требуются значительныя денежныя затраты, объявлено было по губерніямъ, изъ которыхъ разрѣшалось переселеніе на Мангишлакъ, какъ о мѣстныхъ условіяхъ, требовавшихъ развитія между поселянами, для обезпеченія ихъ быта, вышеназванныхъ промысловъ, такъ и о томъ, чтобы мѣстныя власти отнюдь не разрѣшали переселенія крестьянъ недостаточнаго состоянія.

Для улучшенія-же быта поселенцевъ изъ государственныхъ

(12) Оренбургскимъ начальствомъ, по полученіи извѣстія о положеніи прибывшихъ семействъ, сдѣлано было распоряженіе не отправлять ихъ на Мангишлакъ, но оно получено было въ Астрахани, когда переселенцы были уже отправлены.

крестьянъ, уже находившихся на Мангишлакѣ, въ 1854 г. признано было необходимымъ:

1) устроить прибывшимъ въ 1852 г. 5-ти семействамъ дома ([13]) изъ камня, но примѣняясь къ плану домовъ прежнихъ поселянъ.

2) оказать денежное пособіе какъ послѣднимъ пяти, такъ и изъ прежде прибывшихъ, болѣе нуждающимся, 6-ти семействамъ, для пріобрѣтенія лодокъ съ снастями, предметовъ для домашняго хозяйства и принадлежностей для устройства домовъ.

На эти расходы ассигновано было отъ казны 1340 р.—и къ концу 1856 г. всѣ семейства поселянъ имѣли уже дома и, большая часть изъ нихъ, лодки.

Имѣющіяся свѣдѣнія о числѣ и домохозяйствѣ поселянъ за 1850, 1852 и 1854 г. даютъ возможность сдѣлать нѣкоторыя выводы о бытѣ и степени улучшенія матеріальныхъ средствъ ихъ за это время ([14]).

Вообще поселенцы изъ казаковъ, коимъ въ началѣ-же были выданы всѣ предметы для рыболовства, имѣли возможность вести свое хозяйство значительно лучше другихъ и матеріальныя средства ихъ улучшались съ каждымъ годомъ.

Изъ всѣхъ 20 семействъ, числившихся въ 1850—1852 г. въ Николаевской станицѣ, только представители 15-ти занимались рыболовствомъ. Въ 1851 г. ими поймано рыбы до 1800 пудовъ, по 120 пуд. на семейство, или, по цѣнѣ рыбы,—240 р. на семейство. Въ 1852 (съ открытія навигаціи до 1 августа) поймано 2400 пуд., слѣдовательно на каждое семейство 160 пуд., или около 320 р.

Изъ 20-ти семействъ только 6 имѣли хозяйство значительно лучше другихъ: у каждаго было по двѣ лодки и отъ 4 до 11 т. самоловныхъ крючьевъ; у девяти—было по одной лодкѣ и крючьевъ

([13]) Со временемъ прибытія и до конца 1856 г., когда дома для нихъ были устроены, послѣдніе пять семействъ размѣщались по квартирамъ прочихъ поселянъ.

([14]) См. табл. № 1.

отъ 3 до 6 т.; представители 2-хъ семействъ, по несостоятельности, нанимались на службу при фортѣ; остальныя-же три семейства находились въ крайней бѣдности.

Въ 1857 г. вновь прибыли для поселенія на Мангишлакѣ 1 семейство изъ государственныхъ крестьянъ и 21 изъ казаковъ Оренбургскаго войска и въ 1858 году два семейства изъ того-же войска, такъ что въ 1859 г. въ Николаевской станицѣ числилось 49 семействъ, изъ нихъ: 34 казачьихъ и 15 крестьянскихъ.

Послѣднее переселеніе 24 семействъ допущено было оренбургскимъ генералъ-губернаторомъ лишь по удостовѣреніи мѣстнаго начальства и отобраніи подписки отъ изъявившихъ желаніе переселиться въ достаточности ихъ средствъ, дающей возможность и слѣдовать къ Мангишлаку, и обзавестись на мѣстѣ необходимымъ хозяйствомъ на свой собственный счетъ.

Но и съ принятіемъ такихъ мѣръ положеніе Николаевской станицы не особенно улучшилось и послѣ 1858 года. Доказательствомъ служитъ какъ большое число просьбъ, разновременно поступившихъ отъ поселянъ о водвореніи ихъ на другомъ мѣстѣ, такъ и донесенія коменданта и лицъ инспектировавшихъ [15] укрѣпленіе и станицу.

Инспектировавшій въ 1861 г. подполковникъ Веревкинъ представилъ прошенія отъ 30-ти семействъ о выселеніи изъ Мангишлака и о выдачѣ имъ хлѣба и дровъ, вслѣдствіе крайней нужды въ нихъ, изъ запасовъ форта.

Причина неудовлетворительности ихъ хозяйственнаго быта, по удостовѣренію инспектора, заключалась частью въ недостаточномъ уловѣ рыбы за послѣдніе до этого годы, частью-же въ безпечности и нерадивости самихъ поселянъ.

Комендантъ также заявилъ, что, вслѣдствіе плохого улова ры-

---

[15] Въ 1858-же году поступили прошенія отъ 13 семействъ, изъ числа переселившихся въ послѣднее время, казаковъ объ отправленіи ихъ обратно, въ томъ вниманіи, что они обманулись въ выгодахъ жизни на Мангишлакѣ и не имѣли понятія о такой безплодности мѣстной почвы, какою они ее нашли; но въ просьбѣ ихъ было отказано.

бы, нѣкоторые изъ поселянъ должны были продать часть своихъ рыболовныхъ снастей для покупки хлѣба, и что имъ, доведеннымъ до крайности, выдано уже заимообразно 160 четвертей муки и 30 четвертей крупъ, которыхъ они не въ состояніи возвратить скоро, и что, вслѣдствіе ихъ безпечности и неопытности въ рыбопромышленности, нельзя надѣяться на скорое улучшеніе ихъ средствъ, за исключеніемъ случая особенно хорошаго улова рыбы и въ послѣдующіе годы, какой былъ въ 1861 году.

По обсужденіи мѣръ, которыя вновь нужно было принять въ видахъ улучшенія быта поселянъ Николаевской станицы, послѣдовали слѣдующія распоряженія:

1) разрѣшено выдавать заимообразно провіантъ бѣднѣйшимъ семействамъ, но секретно, дабы другія, надѣясь на пособія отъ казны, не ослабили стараній къ обезпеченію своего хозяйства;

2) воспрещено поселянамъ отдѣлять отъ своихъ семействъ взрослыхъ сыновей, безъ особенно уважительныхъ причинъ, такъ-какъ черезъ это и сами семейства, лишаясь рабочихъ рукъ, терпѣли разстройство въ хозяйствѣ, и отдѣлившіеся, поставленные въ необходимость обзаводиться своимъ хозяйствомъ, обыкновенно въ этомъ плохо успѣвали;

3) разрѣшено продолжить право, данное въ 1850 г. (на 8 лѣтъ безусловно, по истеченіи-же этого срока, если не будутъ состоять на очереди) наниматься на службу при укрѣпленіи въ число казаковъ, которые ежегодно командируются сюда отъ Оренбургскаго и Уральскаго войскъ.

Сверхъ того сдѣлано было представленіе объ увеличеніи пространства водъ, отведенныхъ Мангишлакскимъ поселянамъ для безплатнаго рыболовства; но и это представленіе, какъ и нѣсколько предшествовавшихъ по тому-же предмету, не имѣло удовлетворительнаго исхода.

Изъ послѣдующихъ свѣдѣній о поселянахъ видно, что число ихъ уменьшилось на 23 семейства. Хотя въ дѣлахъ, изъ коихъ извлечены данныя для настоящей статьи, нѣтъ точныхъ указаній о выселеніи ихъ изъ Мангишлака, но по всему ходу дѣла можно

предполагать, что, въ виду полной безнадежности ихъ положенія и для предупрежденія излишнихъ и безполезныхъ затратъ казны на ихъ содержаніе, начальство разрѣшило имъ возвратиться на прежнія мѣста. Затѣмъ, вслѣдствіе-ли принятыхъ начальствомъ мѣръ и, особенно, удаленія изъ Мангишлака бѣднѣйшихъ и ненадежныхъ семействъ, или, вѣрнѣе, сами поселяне, умудренные опытомъ, усилили свою дѣятельность,—но съ 1865 года благосостояніе ихъ развивается успѣшно.

Инспектировавшій въ 1867 г. укрѣпленіе и станицу полковникъ Порогскій донесъ, что поселяне занимаются исключительно рыболовствомъ и боемъ тюленей и отъ этихъ промысловъ имѣютъ возможность не только жить безбѣдно, но и заниматься торговлей; многіе изъ нихъ, владѣя большими лодками, отправляютъ добытый ими рыбный товаръ для продажи въ Астрахань, откуда привозятъ хлѣбъ и красный товаръ для сбыта туземцамъ; хозяйство ихъ съ каждымъ годомъ улучшается (только домашній скотъ содержится въ ограниченномъ числѣ, лишь для домашняго обихода); съ улучшеніемъ же быта возвышается и ихъ нравственность: по отзыву мѣстнаго священника, пьянство между поселянами значительно ослабѣло, и, равнодушные прежде къ исполненію христіанскихъ обязанностей, они теперь усердно посѣщаютъ церковь и начинаютъ обращать вниманіе на обученіе дѣтей грамотѣ и закону Божію.

Изъ отчета инспектировавшаго въ 1868 г. укрѣпленіе и станицу капитана 1 ранга Тверитинова также усматривается, что поселяне жили безбѣдно (за исключеніемъ одного семейства, занимавшагося въ работники), и даже устроили школу, для которой выписали учителя съ платой въ годъ по 100 р., при даровомъ помѣщеніи и продовольствіи.

Подтвержденіемъ изложенныхъ заявленій объ удовлетворительности положенія поселянъ служатъ нижеслѣдующія свѣдѣнія объ ихъ домохозяйствѣ за послѣдніе годы (16).

Изъ 26 семействъ представители 25 занимались рыболовствомъ и одно семейство, по бѣдности, занималось въ работники, и не имѣло собственнаго помѣщенія.

(16) См. таблицу № 2.

Въ 1867 г. поселянами поймано рыбы 9400 пуд., по 375 пуд. на семейство, и 4350 пуд. тюленя, по 170 пуд. на сем.

Въ 1868 г., впродолженіи только лѣта, поймано 5000 пуд. рыбы, до 180 пуд. на сем., и 1480 пуд. тюленя, по 60 пудовъ на сем.

Изъ сравненія свѣдѣнія о домохозяйствѣ поселянъ за 1868 годъ съ вышеприведеннымъ за 1852 годъ оказывается, что:

	Лодокъ.	Самоловныхъ крючьевъ.	Крупнаго и мелк. скота.
1) Въ 1852 году, на 20 семействъ (115 чел.), изъ коихъ 15 занимались рыболовствомъ, было	19	132,000	19 шт.
2) Въ 1868 году, на 26 семействъ (151 чел.), изъ коихъ занимались рыболовствомъ 25, было .	109	267,000 и 6700 сѣтей.	59 —

		лодокъ:	*крючьевъ:*
Приходится на каждое семейство, занимавшееся рыболовствомъ:	въ 1852	—1,3 —	8,800
	— 1868	—4,4 —	10,600

Для сужденія о степени улучшенія матеріальныхъ средствъ поселянъ служатъ особенно данныя, изложенныя въ слѣдующей главѣ, о ходѣ отпускной торговли на Мангишлакѣ рыбными и тюленьими товарами, принадлежавшими преимущественно мѣстнымъ поселянамъ.

IV.

Устройство поселенія торговцевъ при Ново-Петровскомъ укрѣпленіи (фортъ Александровскій). Свѣдѣнія о торговлѣ на Мангишлакѣ.

При рѣшеніи вопроса объ устройствѣ укрѣпленія на Мангиш-

лакѣ, лицами, изслѣдовавшими этотъ край, указывалось между прочимъ на выгоды, представляемыя имъ въ торговомъ отношеніи и обѣщавшія способствовать развитію нашихъ торговыхъ сношеній съ азіатскими народами.

Для достиженія послѣдней цѣли предполагалось основать при укрѣпленіи поселеніе торговцевъ и, въ видахъ привлеченія ихъ на Мангишлакъ, даровать льготы и облегченія въ производствѣ торговли, которыя, при обезпеченіи ея укрѣпленіемъ, служили-бы залогомъ успѣха ихъ торговыхъ операцій. Дарованныя мангишлакскимъ торговцамъ льготы исчислены выше, въ извлеченіи изъ Высочайше утвержденнаго 7 мая 1847 г. предположенія оренбургскаго генералъ-губернатора.

Въ томъ-же году Высочайше разрѣшено учредить въ Ново-Петровскомъ укрѣпленіи двѣ ярмарки: одну съ 1-го по 15-е апрѣля, а другую съ 1-го по 15-е октября, ежегодно; предполагали, что открытіе этихъ ярмарокъ произведетъ вообще весьма выгодное вліяніе на торговлю Россіи съ востокомъ, по слѣдующимъ соображеніямъ. Торговля Хивинскаго ханства съ Россіею имѣла два главныхъ пункта: въ Оренбургѣ и въ Астрахани. Первый, по малому населенію и незначительному числу капиталистовъ, не представлялъ хивинцамъ способовъ къ постоянному сбыту всѣхъ вывозимыхъ ими произведеній. Поэтому и, кромѣ того, по трудности путей для караваннаго изъ Хивы въ Оренбургъ хода, совершаемаго обыкновенно въ 50 дней, хивинцы обращались охотнѣе съ своими товарами чрезъ Мангишлакъ въ Астрахань, куда ходу изъ Хивы 30 дней, и гдѣ и больше капиталовъ, и товары могутъ быть проданы всѣ, на мѣстѣ; если-же и тутъ оказывался иногда недостатокъ въ покупщикахъ, то хивинцы произведенія свои, оставшіяся за продажею въ Астрахани, могли отправлять на нижегородскую ярмарку и тамъ ихъ сбывать, пріобрѣтая произведенія русскія, требующіяся въ Хивѣ и сосѣднихъ съ нею областяхъ, Бухарѣ, Кабулѣ, Кашмирѣ и другихъ, съ которыми хивинцы ведутъ торговлю. Хивинцами принималось въ расчетъ и то, что изъ Астрахани на нижегородскую ярмарку товары доставлять дешевле, чѣмъ изъ Оренбурга, откуда они перевозятся въ Нижній сухимъ путемъ. Впрочемъ, и при такомъ пре-

имуществѣ сбыта хивинскихъ произведеній черезъ Астрахань, нерѣдко случалось, что изъ привезенныхъ туда товаровъ цѣлая половина продавалась чрезъ годъ, если хивинскіе купцы прибывали въ Астрахань поздно и не успѣвали отправить свои товары въ Нижній къ ярмаркѣ; тогда хивинцы терпѣли неизбѣжныя потери, проживая въ Россіи продолжительное время безъ всякаго дѣла, въ ожиданіи сбыта своихъ произведеній.

Съ открытіемъ ярмарокъ въ укрѣпленіи на Мангишлакѣ, изложенныя неудобства, какъ предполагалось, устранялись-бы вполнѣ. Хивинцы, ознакомившись съ пользою учрежденія ярмарокъ, старались-бы приходить къ нимъ для торга своевременно и, обмѣнявъ на весенней ярмаркѣ, въ двѣ недѣли, свои товары на русскіе, могли-бы возвратиться къ 15-му мая въ Хиву, сбыть тамъ въ 3 мѣсяца иноземныя произведенія, и къ 1-му октября явиться снова съ мѣстными товарами на осеннюю ярмарку, не вынуждаясь, какъ было прежде, необходимостью проживать у насъ въ бездѣйствіи по нѣсколько мѣсяцевъ и неизбѣжные отъ того убытки раскладывать на товары, съ увеличеніемъ цѣнъ на свои и пониженіемъ на русскіе. Сообразныя съ этимъ выгоды пріобрѣтались и русскимъ купечествомъ: возвратившись съ весенней мангишлакской ярмарки въ Астрахань (при обыкновенномъ ходѣ судовъ) въ 10 дней, около 1 мая, наши торговцы, въ случаѣ невозможности сбыть тутъ всѣ привезенныя ими хивинскія произведенія втеченіи 3-хъ недѣль, могли-бы остатокъ ихъ отправлять на нижегородскую ярмарку, прибывать туда (при обыкновенномъ ходѣ судовъ въ 60, а пароходовъ въ 30 дней) къ ея началу, т. е. 20 іюля, сбывать тамъ этотъ остатокъ, закупать новые, требующіеся хивинцами русскіе товары и поспѣвать еще съ ними на Мангишлакъ къ осенней ярмаркѣ, имѣя такимъ образомъ всю хивинскую торговлю въ своихъ рукахъ и болѣе прежняго средствъ къ развитію торговыхъ предпріятій въ самую Хиву; послѣднему способствовало-бы и то обстоятельство, что во время ярмарки число киргизскихъ возчиковъ, естественно, было-бы болѣе и слѣдовательно цѣны за провозъ ниже обыкновенныхъ.

Кромѣ того на ярмаркахъ стали-бы закупать изъ нашихъ-же

рукъ все для себя нужное и киргизы, и туркмены, къ которымъ до того доходили русскія произведенія большею частію чрезъ хивинцевъ.

Въ видахъ облегченія-же производства торговли Высочайше разрѣшено въ 1848 году, впредь до дальнѣйшаго усмотрѣнія:

а) внутреннюю на Мангишлакѣ торговлю производить свободно всѣмъ русскимъ подданнымъ, имѣющимъ установленные паспорты или другіе законные виды;

б) мѣновую торговлю, а равно привозъ и вывозъ товаровъ на Мангишлакѣ, гдѣ нѣтъ еще таможеннаго учрежденія, оставить и на будущее время совершенно свободными, но привозимые оттуда въ другіе россійскіе порты Каспійскаго моря товары иностраннаго происхожденія подвергать платежу пошлинъ на общемъ основаніи, не исключая и таковыхъ товаровъ, вымѣненныхъ у киргизовъ, такъ-какъ бывали уже примѣры, что въ числѣ объявленныхъ мѣстными находились товары иностраннаго происхожденія;

в) всѣ товары, дозволенные къ вывозу изъ россійскихъ портовъ Каспійскаго моря, освободить при отправкѣ ихъ въ Ново-Петровское укрѣпленіе, для дальнѣйшаго оттуда слѣдованія, въ среднюю Азію, отъ платежа положенной по азіатскому тарифу отвозной однопроцентной съ цѣны товара пошлины, причемъ, для предупрежденія подлоговъ, вмѣнить коменданту въ обязанность доставлять въ подлежащія каспійскія таможни, въ шестимѣсячный срокъ, оборотныя свидѣтельства о дѣйствительномъ привозѣ сихъ товаровъ въ означенное укрѣпленіе;

г) на переселяющихся на Мангишлакскій полуостровъ лицъ торговаго сословія распространить дозволеніе (дарованное по ст. 85, прим. 3, пун. 2, т. XI Св. Зак. Уст. торг. VI прод., купцамъ, записаннымъ въ городахъ Оренбургской губерніи и западной Сибири во 2 и 3 гильдіи, а также крестьянамъ, торгующимъ въ западной Сибири по свидѣтельствамъ 3-го рода) отправлять товары въ азіатскія области и вовозить оные оттуда на томъ-же основаніи, какъ и купцамъ 1-й гильдіи, но только безъ личныхъ правъ, гильдіи сей присвоенныхъ, ограничивъ это дозволеніе тѣмъ-же 10-ти

лѣтнимъ срокомъ, на который дарованы уже поселяющимся на Мангишлакѣ торговцамъ другія льготы, и

д) торговцамъ, отправляющимся морскимъ путемъ на Мангишлакъ, предоставить получать нужныя для сего разрѣшенія не отъ оренбургскаго, а отъ астраханскаго начальства, съ тѣмъ чтобы о таковомъ разрѣшеніи оренбургское начальство было всякій разъ извѣщаемо и чтобы торговля на самомъ Мангишлакскомъ полуостровѣ была подчинена вѣдѣнію оренбургскаго военнаго губернатора.

Не смотря однако-же на дарованныя льготы и облегченія въ производствѣ торговли, по вызову въ 1847 г. изъявилъ согласіе переселиться въ Ново-Петровское укрѣпленіе для торговаго промысла только одинъ, положившій такимъ образомъ основаніе торговому классу на Мангишлакѣ.

Затѣмъ число торговцевъ, образовавшихъ особое поселеніе у подошвы высоты, на которой построено было укрѣпленіе, увеличивалось въ слѣдующей постепенности:

въ 1850 году ихъ было . . 5.
— 1852 —([17])— — . . 7.
— 1866 — — — . . 13.
— 1867 — — — . . 18.
— 1868 — — — . . 19.
— 1869 — — — . . 19.
— 1870 — — — . . 29 ([18]).

Почти всѣ торговцы были изъ астраханскихъ армянъ; въ 1870 г., въ числѣ 29 было: астраханскихъ армянъ 24, туркменъ 1, и русскихъ 4; въ томъ-же году во время возмущенія киргизъ пребывали въ фортѣ по билетамъ, для торговыхъ дѣлъ, 4 челов.

Торговцы занимались преимущественно мѣной мануфактурныхъ товаровъ, хлѣба и водки на предметы мѣстной производительности и вывозомъ послѣднихъ въ г. Астрахань.

([17]) За послѣдующіе, до 1866, годы свѣдѣній о числѣ торговцевъ не имѣется.

([18]) Въ этомъ числѣ былъ положившій въ 1847 г. основаніе торговому классу на Мангишлакѣ, бывшій и переводчикомъ при укрѣпленіи — Турпаевъ, убитый въ 1870 году киргизами.

Поэтому нижеприводимое свѣдѣніе (19) о товарахъ, такимъ образомъ вывезенныхъ, даетъ приблизительно понятіе:

1) объ общемъ размѣрѣ отпускной торговли Мангишлака,

2) объ успѣхѣ рыбнаго и тюленьяго промысловъ поселянъ Николаевской станицы, занимавшихся преимущественно этими промыслами, и

3) о предметахъ, служившихъ источникомъ богатства края и средствомъ обезпеченія мѣстнаго населенія.

Изъ этого свѣдѣнія усматривается, что изъ 28 предметовъ:

1) значительно увеличился вывозъ (20): *рыбы*—съ 1800 пудовъ въ 1851 г. до 22,000 пудовъ въ 1869 г. (21).

Рыбнаго товара: клею и вязиги, съ 4 до 70 пуд. и икры до 250 пудовъ.

Тюленя—съ 140 до 6000 пудовъ.

Кожъ верблюжьихъ—съ 200 до 3000 штукъ.
(въ 1865 г. вывезено 5000).
— конскихъ — съ 200 до 10,000.
— воловьихъ — съ 200 до 400.
— лисьихъ — 70 — 2000.
— корсучьихъ — 20 — 200.

Овчинъ — съ 9500 до 85,000.

Бараньяго сала — — до 800 пуд.

Шерсти бараньей — — 150 — 1000 тюковъ.

Овчинныхъ тулуповъ— съ 300 — 1500.

Армяковъ — съ 100 — 1000.

Роговъ сайгачьихъ — съ 2000 — 7000.

2) Мало измѣнялась цифра вывоза:

Верблюжьей шерсти, около 250 тюковъ каждый годъ, за исключеніемъ 1865 и 1869 годовъ, когда вывозилось болѣе 500 тюковъ.

Кошомъ около 2 т. штукъ ежегодно, за исключеніемъ 1871 г., когда вывезено 5,000 штукъ.

---

(19) См. табл, № 3.

На всѣ вывозимые изъ Александровскаго форта товары комендантъ выдавалъ свидѣтельства и о размѣрахъ вывоза доносилъ начальству ежетретно.

(20) Для удобства чтенія приводятся круглыя цыфры.

(21) Цѣна на рыбу около 2 руб. за пудъ все время.

3) Съ 1865 г. уменьшился вывозъ:

Барановъ—съ 11 т. до 2500 штукъ.

Козьяго пуху съ 150 до 5 тюковъ.

Кожъ волчьихъ съ 90 до 20 штукъ.

4) Новыми предметами, вошедшими въ торговый оборотъ съ 1865 г., были:

а) *Конскіе хвосты* и *гривы* до 2500 штукъ ежегодно;

б) *перчатки*, вывозъ которыхъ начался съ 2500 паръ и въ слѣдующемъ году представлялъ весьма значительную цифру, 16 тысячъ [22]), в) пиленый камень, вывозъ котораго усилился съ 250 до 4,000 штукъ; г) каменный уголь до 20000 пудовъ, каковая цифра несомнѣнно увеличится до весьма большихъ размѣровъ, и д) сумки переметныя до 150 штукъ.

4) Вовсе прекратился съ 1854 года вывозъ *марены* и *хлопчатой бумаги*.

Уменьшеніе вывоза рыбы и тюленя въ 1871 году противъ предшествовавшихъ объясняется тѣмъ, что во время возмущенія киргизъ въ 1870 г. поселяне Николаевской станицы, занимающіеся преимущественно рыбнымъ и тюленьимъ промыслами, лишились значительныхъ для производства ихъ средствъ.

Размѣръ отпускной торговли въ деньгахъ, по цѣнѣ на товары, существовавшей въ послѣднее время, выразится прилагаемой таблицей [23]), изъ которой видно:

1) что общій оборотъ отпускной торговли съ 1860 года увеличился почти вчетверо;

2) что сумма, на которую отпущено товара въ 1860 году, противъ 1854 года меньше на 50 т., не вслѣдствіе уменьшенія количества вывезенныхъ товаровъ, но отъ случайнаго отпуска въ 1854 году хлопчатой бумаги и марены, вывозъ которыхъ въ послѣдующіе годы совершенно прекратился; если-же исключить цѣнность этихъ товаровъ изъ итога годоваго оборота отпускной торговли, то цифра послѣдней за 1860 годъ будетъ почти на 40 т. рублей больше 1854 года.

([22]) Перчатки киргизской работы, изъ козьяго пуха.

([23]) См. таблицу № 4.

Свѣдѣнія о размѣрахъ привозной и мѣновой торговли, служащія, вмѣстѣ съ вышеприведенными, для опредѣленія общихъ торговыхъ оборотовъ на Мангишлакѣ, имѣются только за 1871 годъ, когда этотъ край состоялъ уже въ вѣдѣніи кавказскаго военно-народнаго управленія.

Всего за этотъ годъ привезено разныхъ предметовъ потребленія для туземцевъ и русскихъ поселянъ (за исключеніемъ гарнизона), какъ видно изъ прилагаемой таблицы ([24]), на 260,500 руб.

Въ числѣ привезенныхъ предметовъ первое мѣсто занимаетъ хлѣбъ разныхъ сортовъ, на 170 т. р.; затѣмъ красный и хлопчато-бумажный товаръ, на 60 т. р., водка и вино (около 3600 ведеръ и 1000 бутылокъ), на 17 т. р.

Почти всѣ предметы потребленія привозятся изъ Астрахани, за исключеніемъ предметовъ для гарнизона, привозимыхъ изъ гг. Петровска и Баку ([25]).

Мѣновая торговля на Мангишлакъ производится черезъ посредство торговцевъ форта Александровскаго: на базарѣ форта, внутри степи и въ нѣкоторыхъ прибрежныхъ пунктахъ восточнаго берега Каспійскаго моря (въ заливахъ: Киндерли, Александръ-бай, Карабугазъ и у Красноводска); въ степь товары посылаются караванами, съ благонадежными проводниками изъ туземцевъ; въ прибрежные пункты—на лодкахъ торговцевъ и поселянъ.

Главными продуктами мѣновой торговли въ 1871 году были, съ одной стороны—мука, крупа, красный и хлопчато-бумажный товаръ, посуда, чай, сахаръ, и съ другой—шерсть, кошомы, кожи, овчины и бараны.

Втеченіи года торговцы Александровскаго форта посредствомъ мѣны сбыли туземцамъ:

1) При фортѣ ([26]):

Муки.....	15,188 кулей (около 100 т. пуд.)	на 101,000 р.
Посуды разныхъ сортовъ.....	15,000 штукъ	— 7,800 —
Краснаго и хлопчато-бумажн. товара. ...	11,780 —	— 100.000 —

([24]) См. таблицу № 5.

([25]) Изъ Баку доставляются дрова.

([26]) Въ приводимыя цифры включены число и цѣнность товаровъ, обмѣненныхъ внутри степи, всего на 30 т. рублей.

Чаю	до	47 пудовъ	на 3,200 руб.
Сахару	—	350 —	— 3,500 —
			Всего— 215,500 —

2) Въ прибрежныхъ пунктахъ—всего на 21,000 руб.

Взамѣнъ исчисленныхъ предметовъ торговцами получено: при фортѣ:

кожъ верблюжьихъ	4,400	штукъ	на 22,000 руб.
— конскихъ	12,000	—	— 25,000 —
— лисьихъ	8,000	—	— 10,000 —
овчинъ	7,000	—	— 28,000 —
кошомъ	12,000	—	— 60,000 —
барановъ	20,000	—	— 70,000 —
			На 215,500 руб.
Въ прибрежныхъ пунктахъ			21,000 —

Всего въ 1871 году:

Вывезено товаровъ	на 265,527 —
Привезено ——	— 260,500 —
Обмѣнено ——	— 236,500 —
Общій оборотъ	— 762,527 —

V.

Территорія и населеніе Мангишлака по послѣднимъ свѣдѣніямъ.

Присоединеніе Мангишлака[27] къ управленію Кавказскимъ краемъ состоялось по Высочайше утвержденному 2 февраля 1870 г. заключенію особаго комитета, подъ предсѣдательствомъ Его Императорскаго Высочества генералъ-адмирала, вслѣдствіе большихъ удобствъ и возможности подать со стороны Кавказа помощь войсками, въ случаѣ-ли нападенія на фортъ Александровскій, или надобности въ движеніи внутрь страны ([27]).

([27]) Мангишлакъ объявленъ переданнымъ въ управленіе Кавказомъ (въ составъ Дагестанской области) во время самаго разгара возмущенія киргизъ, въ апрѣлѣ 1870 года.

Граница Мангишлака съ сѣвера, со стороны Уральской области (оренбургскаго генералъ-губернаторства), опредѣлена по параллели $45^1/_2{}^0$ сѣв. шир., отъ Каспійскаго моря до песковъ Самъ, южнѣе озера того-же имени; но такъ-какъ кочующіе зимой, вблизи указанной границы, перекочевываютъ на лѣто въ Уральскую область, къ рр. Эмбѣ, Сагизу и Уилу, то при разрѣшеніи вопроса, какія именно части населенія, изъ кочующихъ вблизи границы, должны отойти въ вѣдѣніе управленія Мангишлакомъ, принято (по соглашенію съ оренбургскимъ начальствомъ) считать: всѣхъ, имѣющихъ зимнія стойбища къ сѣверу отъ параллели $45^1/_2{}^0$ сѣв. шир., принадлежащими Уральскому управленію и къ югу—Мангишлакскому.

Условіе это точно опредѣляетъ принадлежность мѣстнаго населенія тому или другому управленію, потому-что киргизы обыкновенно не мѣняютъ своихъ зимнихъ кочевокъ, считая ихъ общественной собственностью своихъ родовъ.

Кочующіе къ югу отъ параллели $45^1/_2{}^0$ с. ш., между песками Самъ и Аральскимъ моремъ и по западному его берегу, киргизы Чумичли—Табинскаго рода—оставлены также въ вѣдѣніи Уральскаго управленія, какъ по отдаленности этихъ ордынцевъ отъ единственнаго административнаго пункта на Мангишлакѣ, форта Александровскаго, такъ и потому что, вкочевывая ранней весной въ предѣлы Эмбенскаго уѣзда и оставаясь тамъ до глубокой осени, они могутъ быть больше извѣстны мѣстному управленію и послѣднему собирать съ нихъ подать легче, чѣмъ управленію Мангишлакскому. Съ исключеніемъ Чумичли—Табинскаго рода—изъ вѣдѣнія управленія Мангишлакомъ, граница послѣдняго съ востока, отъ песковъ Самъ (южнѣе озера), условно опредѣлена черезъ колодецъ Бишъ-Акты къ сѣверо-восточному углу Карабугазскаго залива, по восточной окраинѣ песковъ Керымъ-Ярыкъ, прилегающимъ къ этому заливу.

Далѣе границу приставства составляетъ морской берегъ между заливами Карабугазъ съ юга и Мертвый Култукъ (у параллели $45^1/_2{}^0$ с. ш.) съ сѣвера.

Въ означенныхъ предѣлахъ Мангишлакъ имѣетъ около $^{65}/_{т.}$ кв. верстъ, или около 1325 квад. миль и состоитъ изъ 3-хъ частей:

собственно Мангишлакскаго полуострова, между заливами Качакъ и Александръ-Бай, полуострова Бузачи, между заливами Качакъ и Кара-Кичу, и степнаго пространства до вышеуказанной границы.

Мангишлакъ, по-киргизски Манъ-Кистау (мѣсто зимовки), представляетъ степную равнину; мангишлакскія горы имѣютъ среднюю высоту не болѣе 400 футъ надъ уровнемъ моря (28) и, притомъ, весьма пологіе скаты, за исключеніемъ окраинъ Усть-Урта (чинкъ), у залива Кайдакъ, имѣющихъ скалистые и обрывистые уступы. Мангишлакскія горы берутъ начало у колодца Тарталы и, отдѣляя отроги къ сѣверу до морскаго берега, направляются къ востоку двумя хребтами: Акъ-Тау (бѣлыя горы) къ заливу Кара-Кичу и Кара-тау (черныя горы), параллельно первому, къ Усть-Урту.

Почва почти повсюду песчано-глинистая и солонцеватая. Хребетъ Акъ-Тау мѣловой формаціи; Кара-Тау преимущественно каменистъ; отроги ихъ имѣютъ богатыя залежи каменнаго угля (29).

Климатъ Мангишлака, вслѣдствіе географическаго его положенія, вполнѣ континентальный; по наблюденіямъ, произведеннымъ въ фортѣ Александровскомъ въ послѣднее время, разница между лѣтомъ и зимой 25° и—15° (30).

Свойства почвы и континентальность климата даютъ краю и соотвѣтственную, крайне-скудную, растительность: бурьянъ, полынь и ковыль—главные виды мѣстныхъ травъ и единственная пища киргизскихъ табуновъ.

Такимъ образомъ, по первому впечатлѣнію, Мангишлакъ кажется только и пригоднымъ для жизни кочеваго населенія, какимъ

---

(28) По опредѣленію г. Иванина, высшая точка, гора Карачеку, около 2500 ф. (Записки Имп. Русск. Геогр. Об., кн. I, 1849 г.)

(29) Описаніе вида и свойствъ поверхности и климата Мангишлака см. «Замѣтки о Туркменіи» г. Стебницкаго, VIII кн. Записокъ Кавк. Отдѣла Имп. Русск. Геогр. Общ. (1872 г.).

(30) Наблюденія эти, по кратковременности ихъ и несовершенству употреблявшихся инструментовъ, не настолько точны, чтобы по нимъ можно было сдѣлать окончательное заключеніе о средней температурѣ временъ года.

онъ былъ занятъ до послѣдняго времени; но ближайшее знакомство съ нимъ открываетъ постепенно и другіе, кромѣ скотоводства, весьма цѣнные источники для обезпеченія быта мѣстнаго населенія и вѣрныя условія и задатки для развитія на немъ осѣдлостей.

1) Мангишлакъ обиленъ колодцами, родниками и вообще подпочвенной прѣсной водой, что даетъ возможность орошать поля для посѣвовъ и развить промышленность земледѣльческую.

Въ видахъ развитія этого рода промышленности, мѣстнымъ начальствомъ предприняты опыты разведенія разныхъ сортовъ хлѣбныхъ растеній и кормовыхъ травъ, а также обработки земли посредствомъ невѣдомаго киргизамъ плуга. Эти опыты несомнѣнно принесутъ благотворные результаты и найдутъ подражателей между киргизами, такъ-какъ, за недостаткомъ сѣна зимой, у кочевниковъ гибнетъ въ большомъ числѣ скотъ, а пріобрѣтеніе привознаго хлѣба покупкой обходится имъ весьма дорого (31).

2) Рыбная ловля и бой тюленей у мангишлакскихъ береговъ (именно у залива Сарыташъ и близь-лежащихъ острововъ), представляющихъ для названныхъ промысловъ всѣ выгодныя условія, могутъ быть развиты до общирныхъ размѣровъ (32).

3) Залежи каменнаго угля, по качеству его, близости къ морю (извѣстны залежи въ 10 верстахъ отъ залива Сарыташъ), возможности разработки самими киргизами и удобству доставки къ пристанямъ, въ мѣста складовъ, будутъ составлять, по всей вѣроятности, главнѣйшее богатство края (33).

---

(31) Въ послѣднее время имѣли посѣвы только старшины разныхъ отдѣленій (преимущественно Тобушева) киргизъ, всего на 550 десятинахъ и преимущественно по склонамъ Кара-Таускихъ горъ, представляющихъ для этого, по обилію родниковъ, большія удобства.

(32) Мангишлакскимъ поселенцамъ предоставлено исключительное право безпошлиннаго лова рыбы на прежнемъ пространствѣ 150 кв. в. у Тюбъ-Караганскаго залива.

(33) Въ 1871 г. произведено было изслѣдованіе нѣкоторыхъ залежей по распоряженію Кавказскаго горнаго вѣдомства; опубликованіе результатовъ этого изслѣдованія ожидается съ большимъ интересомъ.

Въ настоящее время уже отводятся участки частнымъ промышленникамъ для обработки.

Въ послѣднее время мангишлакскій каменный уголь испытанъ былъ на пароходѣ, взамѣнъ русскаго антрацита, англійскаго каменнаго угля и дровъ, а также въ фортѣ Александровскомъ, въ гарнизонѣ, при печеніи хлѣба, приготовленіи пищи и отопленіи казенныхъ зданій,—взамѣнъ дровъ, и далъ отличный результатъ. Примѣненіе его въ фортѣ для упомянутыхъ надобностей войскъ между прочимъ указало на возможность сбереженія расходовъ казны по форту (въ настоящемъ его видѣ) ежегодно на 13 т. рублей.

4) Къ источникамъ богатства края можно также отнести:

а) дикихъ животныхъ: лисицъ, архаръ (дикихъ барановъ), сайгакъ и кара-куйрукъ (дикихъ козъ), водящихся въ горахъ Акъ-Тау и Кара-тау въ большомъ числѣ; шкуры этихъ животныхъ и въ настоящее время служатъ предметами мѣновой торговли, и

б) дикихъ птицъ: породы лебедей, гусей и утокъ, покрывающихъ берега заливовъ Кочакъ, Кайдакъ, Кара-Кичу и Александръ-Бай иногда сплошной массой на нѣсколько верстъ.

5) Пути сообщенія, какъ на самомъ Мангишлакѣ, такъ и отсюда къ Хивѣ, удобны; киргизы, знающіе свойства этихъ путей и также идущихъ въ Хиву изъ Оренбурга и Красноводска, увѣряютъ, что первые даже значительно удобнѣе, потому-что на нихъ колодцы чаще, вода лучше и возлѣ каждаго колодца имѣется въ достаточномъ количествѣ кормъ и топливо ([34]).

Очеркъ вышеизложенныхъ источниковъ богатства края, удобства сообщенія его съ Россіей, моремъ, и удобство путей, ведущихъ изъ Мангишлака въ Хиву указываютъ: 1) на возможность развитія торговыхъ оборотовъ на Мангишлакѣ до значительныхъ размѣровъ; 2) на возможность и пользу колонизаціи этого края; 3) на возможность обращенія мѣстнаго кочеваго населенія въ осѣдлое, и 4) если пути изъ Мангишлака въ Хиву, при предстоящемъ обстоятельномъ изслѣдованіи, окажутся удобнѣе путей изъ Красноводска, то—и на возможность направленія на Мангишлакъ главнаго пути среднеазіатской торговли съ Россіей.

([31]) Обозрѣніе мангишлакскихъ путей, составленное г. Ламакинымъ, будетъ помѣщено въ печатаемыхъ Запискахъ Кавказскаго Отдѣла И. Р. Г. Общества.

Кочевое населеніе Мангишлака состоитъ изъ племенъ Киргизъ и Туркменъ, раздѣляющихся на роды, отдѣленія, подъ-отдѣленія и поколѣнія.

Для опредѣленія числительности ихъ служатъ пока слѣдующія данныя о числѣ кибитокъ, платившихъ подать.

Названіе племенъ и ихъ подраздѣленій.	Число кибитокъ, платившихъ подать до 1870 г.
I. Племя киргизъ.	
А) Родъ Адаевъ.	
1.) Отдѣленіе *Баимбетово.*	
Подъ-отдѣленія: Сабутай.	
Джиманкари.	
Рамберды.	
Анатъ.	
Кирымъ-Кулъ.	
Всего	935 кибитокъ.
2) Отдѣленіе *Джименеево.*	
Подъ-отдѣленія: Челымъ.	
Джумартъ.	
Всего	1604 — —
3) Отдѣленіе *Тобушево.*	
Подъ-отдѣленія: Альмамбетъ.	
Бегей.	
Чегемъ.	
Карошъ.	
Всего	1843 — —
4) Отдѣленіе *Джавлiево.*	
Подъ-отдѣленія: Джаръ.	
Эскельды.	
Коскулакъ.	
Всего	1200 — —

5) Отдѣленіе *Туркменъ-Адаево.*
Подъ-отдѣленія: Джаманъ-Адай.
Бялп.
Теней.
Байбулъ.

Всего 1594 кибитокъ.

6) Отдѣленіе *Кыркъ-Мултукъ.*
7) — — *Балыкчи.*
8) — — *Ахпанъ.*
9) — — *Купанъ-Урусъ.*

Всего 2002 — —

Б) Роды Хаджи и Кердери . . . 70 — —[35]
В) Родъ Бершевъ . . . . . 60 — —[36]
Г) — Джабазъ. . . . . . 100 — —[37]

II. Племя Туркменъ.

Роды: ***А) Хаджа*** . . . . } . . 295 — —
Б) Игдыръ . . . . }
В) Абдалъ . . . . }

Всего платившихъ подать до 1870 года было 9473 кибит. или, полагая по 5-ти человѣкъ на кибитку, 47,365 д. обоего пола.

Эту цифру нужно считать значительно менѣе дѣйствительной. По заявленію оренбургскаго начальства, число кибитокъ кочеваго

([35]) Причислены къ составу Тобушева отдѣленія.

([36]) — — — къ Джавліеву отдѣленію.

([37]) — — — — Туркменъ-Адаеву отдѣленію.

населенія Мангишлака по-крайней-мѣрѣ вдвое болѣе плативших подать.

Изъ киргизъ Адаева рода считались: 1) причисленными къ управленію Уральскою областью, какъ имѣвшіе зимнія кочевки сѣвернѣе параллели $45^1/_2{}^0$ сѣв. ш., отъ отдѣленія Тобушева, подъ-отдѣленія: Бегей, Чегемъ и Карошъ; отъ отдѣленія Туркменъ Адаева: подъ-отдѣленіе Байбулъ и въ полномъ составѣ отдѣленія Кыркъ-Мултукъ, Балыкчи, Ахпанъ и Кунанъ-Урусъ и 2) перекочевавшими въ Хиву, изъ боязни наказанія за участіе въ возмущеніи 1870 г., отъ первыхъ вышеисчисленныхъ шести отдѣленій по нѣскольку сотъ кибитокъ.

Но, по полученнымъ въ послѣднее время свѣдѣніямъ, оказывается, что первые (причисленные къ управленію Уральской областью) имѣли постоянныя зимнія кочевки южнѣе пограничной параллели, въ мѣстахъ показанныхъ въ нижеприводимомъ свѣдѣніи; что по объявленіи имъ въ 1871 г. распоряженія о причисленіи къ Уральской области, они заявили о крайне-важныхъ для нихъ неудобствахъ обязательно зимовать внѣ предѣловъ Мангишлака, гдѣ кочуетъ весь ихъ родъ и гдѣ сами они имѣли постоянныя кочевки, и что большая часть ихъ оставила уже Уральскую область и вкочевала на Мангишлакъ. Возвращаются также и ушедшіе въ Хиву и уже прислали своихъ депутатовъ къ мангишлакскому начальству за полученіемъ разрѣшенія кочевать на прежнихъ мѣстахъ, какъ вслѣдствіе выгодъ, представляемыхъ Мангишлакомъ для мѣстнаго населенія, особенно съ умиротвореніемъ края, такъ и по причинѣ распространившихся въ Хивинскомъ ханствѣ слуховъ о скоромъ прибытіи туда русскаго отряда.

Поэтому, предполагая, что всему кочевому населенію, имѣвшему постоянныя зимнія стойбища на Мангишлакѣ, будутъ предоставлены и впредь обычныя ихъ мѣста кочевокъ, къ чему не предвидится ни затрудненій, ни неудобствъ, все вышеисчисленное населеніе можно считать въ полномъ составѣ принадлежащимъ Мангишлаку.

Впродолженіи зимы, роды и отдѣленія этого населенія, занимая постоянно одни и тѣже раіоны, обозначенные на прилагаемой картѣ, располагаются у колодцевъ, поименованныхъ въ слѣдующей вѣдомости (у колодцевъ на границѣ кочевыхъ раіоновъ располагаются части обоихъ смежныхъ отдѣленій) (38).

Названіе отдѣленій	Число колодцевъ.	Глубина въ саженяхъ.	Примѣчанія.
Киргизы Адаева рода.			
I. Отдѣленіе Тобушево			
У форта и вдоль берега къ заливу Александръ-бай.			
У колодцевъ: Кулмышъ . . .	1	»	
Туще-кую . . .	2	1	
Урдюкъ. . . .	3	2	
Мулюкъ. . . .	1	1	
Ардалы-кую. . .	2	1½	*
Кизылъ-узень. .	1	5	
Узень-кудукъ. .	1	1	
Сага-кудукъ. . .	3	»	
Соура.	4	3	
Аще-кудукъ. . .	3	1½	*
Тюль-кую . . .	1	2	* въ 3-хъ колодц.
Саганды. . . .	5	1	*
Караялчи. . . .	11	1	
Калеспе. . . .	3	2	*
Аще-кудукъ-кую.	2	1½	
Есентубекъ. . .	1	1	
По большому пути отъ форта въ Хиву.			
У колодцевъ: Ханга-баба. . .	15	»	
Аксу.	2	1	
Киштень. . . .	17	3	
Чокракъ. . . .	40	3	

(38) Въ колодцахъ вода прѣсная, за исключеніемъ немногихъ, имѣющихъ солоноватую воду и отмѣченныхъ въ вѣдомости знакомъ *; ширина колодцевъ не менѣе сажени.

	Инсели	30	3	*часть колодцевъ.
	Кагинъ. . . .	»	»	родникъ.
	Беке	12	3	*
	Соубетъ. . . .	20	3	
	По хребту Каратау.			
У колодцевъ:	Уланакъ. . . .	»	»	родники.
	Джангельды. . .	»	»	
	Чаиръ. . . .	»	»	
	Акмышъ. . . .	»	»	
	Чакирганъ. . .	»	»	*
	Между Каратау и заливомъ Александръ-Бай.			
У колодцевъ:	Бурлы.	»	»	родникъ.
	Джилкабай. . . .	7	3	
	Учь-Кую . . .	9	2	
	Сауте.	»	»	родникъ.
	II. Отдѣленіе Баимбетово.			
	По дорогѣ отъ форта къ горамъ Каратау.			
У колодцевъ:	Тубеджикъ . . .	7	2	
	Тенгизекъ . . .	8	1	
	Кодъ.	4	1	
	Удюкъ.	12	2	
	Тарталы. . . .	6	1½	
	Отъ колодца Тарталы къ заливу Кочакъ.			
	Кумакъ-капе. . .	1	1½	*
	Кунансу. . . .	2	2½	
	Чича.	3	1	
	Отъ залива Сарыташъ по берегу къ форту.			
	Султанъ-эпе. . .	1	»	
	Бурлы.	4	1	
	Согажа.	8	1	
	Суатъ.	2	1	
	Джагилганъ. . .	1	1	
	Данеспанъ. . .	2	½	*
	Меретъ	2	»	

Кара-ганъ. . .	1	1	
Саутлы	»	»	
Отъ форта по главному пути въ Хиву.			
Аще-башъ . . .	8	2	*
Чатъ.	11	4	
Бурдюгенъ. . .	20	3	
Джабаглы. . . .	15	4	
Емиръ.	20	3	*
Башъ-кудукъ. .	7	1	
Игизъ.	7	1	
Джарма	6	2	
Бурлы.	9	2	
Кара-кудукъ . .	4	1	
Между фортомъ и заливомъ Александръ-бай:			
Кочкаръ-ата. . .	5	1½	
Алты-кудукъ. .	3	1	
Агиспе	3	2	
Торту.	40	4	
У залива Кочакъ.			
Тюбе-Кудукъ . .	1	½	
Коде	5	1	
Долана	3	1	*
Ущъ-аузъ . . .	1	1½	
Между заливами Кочакъ и Кара-кичу.			
Туе-су	3	1½	* въ 2-хъ колодц.
Усакъ	2	2	
Кочакъ	50	3	* часть колодцевъ.
Ала-тюрпе . . .	7	3	* часть колодцевъ.
Чурумъ-Кудукъ .	5	2	
Хіанъ.	15	4	*
III. Отдѣленіе Туркменъ-Адаево.			
У залива Александръ-бай.			
У колодцевъ: Ченджиръ . . .	9	5	
Талакъ. . . .	11	5	
Бурджакты. . .	15	6	*
Узень-кудукъ . .	17	7	*

Къ югу отъ залива Кара-кичу, вблизи большаго пути въ Хиву.			
У колодцевъ: Акъ-тюбе . . .	2	1	
Игизъ	7	1	
Мурзаиръ . . .	»	»	
IV. Отдѣленіе Джавліево.			
На западной половинѣ полуострова Бузачи.			
У колодцевъ: Тще-кую. . . .	2	1	
Чебыръ	5	1	
Тасъ-кудукъ. . .	4	3	
Игдыръ	3	3	
Чаудыръ. . . .	6	3	
Кара-тюбе. . . .	30	5	*
Джумаджи. . . .	2	5	*
Кизанъ.	100	5	* часть колодцевъ.
Джидели. . . .	10	2	
Мястекъ	50	4	*
У горъ Актау.			
У колодцевъ: Керемды. . . .	2	$1^1/_2$	
Какпахты. . . .	1	$^1/_2$	
Кулушъ	3	1	
Кизилатъ . . .	7	1	*
Къ заливу Киндерли.			
У колодцевъ: Бишъ-акты . . .	5	5	
Бурлы.	7	3	
Джарма	6	2	
У озера Коунды (гдѣ имѣются родники).			
V. Отдѣленіе Джименеево.			
На полуостровѣ Бузачи, вдоль заливовъ Кара-кичу и Кара-су.	10	2	
У колодцевъ: Джедели. . . .	8	2	
Моулемъ. . . .	»	»	
Тасъ-урпа. . . .	1	3	
Куту.	5	2	

Тартапалы. . .	10	2	
Кизыкъ	50	6	* часть колодцевъ.
Джидешикъ . . .	20	6	
Куганъ-ата. . .	2	3	
Аузу-урпа. . . .	6	3	
Камете.	7	2	
Джангяльды. . .	10	2	
VI Отдѣленія верхнихъ Адаевцевъ: Кыркъ-Мултукъ, Балыкчи, Ахпанъ и Куланъ-Урусъ (съ ними часть Тобушева отдѣленія, именно подъ-отдѣленія: Бегей, Чегемъ, Карошъ, и Джавліева отдѣленія подъ-отдѣленіе Коскулакъ).			
Вблизи залива Кендерли.			
У колодцевъ: Чопанъ-ата. . .	»	4	
Бишъ-акты. . .	5	5	
Сумса.	7	5	
Сенекъ.	12	5	
и у родниковъ вблизи озера Коунды; имъ принадлежатъ и кочевки въ пескахъ Самъ, но здѣсь на зиму остаются бѣднѣйшіе и то весьма рѣдко.			
Туркмены			
родовъ: 1) ***Ходжи.*** 2) ***Игдыръ*** и 3) ***Абдалъ.***			
Небольшая часть кочуетъ у форта, преимущественно абдальцы, прочіе-же у заливовъ Александръ-бай, Кендерли и Карабугазъ, вдоль берега; постоянныхъ большихъ колодцевъ у Туркменъ нѣтъ, но по обилію воды подпочвенной,			

отстоящей не болѣе аршина отъ поверхности земли, они вырываютъ для себя, на мѣстѣ кочевки, нѣсколько колодцевъ и остаются на однихъ и тѣхъ-же мѣстахъ до-тѣхъ-поръ, пока есть подножный кормъ,			

VI.

Устройство управленія на Мангишлакѣ.

Съ 1730-хъ годовъ, пока кочевое населеніе киргизъ только прилегало къ границѣ Оренбургскаго края, правительство наше старалось не вмѣшиваться въ ихъ внутреннюю жизнь и управленіе.

Послѣднее, сосредоточиваясь въ лицѣ хановъ, и сардарей, какъ начальниковъ и представителей киргизскихъ родовъ и ихъ подраздѣленій, соотвѣтствовало ихъ родовому быту; судъ производился выборными отъ народа изъ почетнѣйшихъ лицъ—біями.

Озабочиваясь, главнымъ образомъ, объ обезпеченіи границы и торговли съ Средней Азіей, наше правительство по отношенію къ кочевникамъ ограничивалось: сборомъ податей съ тѣхъ изъ киргизъ, которые вкочевывали въ наши предѣлы и считались въ русскомъ подданствѣ, и правомъ преслѣдовать виновныхъ въ безпорядкахъ на нашей границѣ и въ нападеніяхъ на русскіе торговые караваны. Въ настоящемъ-же столѣтіи, повторявшіеся со стороны киргизъ набѣги и грабежи и, при существованіи ханскаго произвола и слабости гарнизоновъ передовыхъ укрѣпленій для движеній внутрь степи, невозможность предупредить ихъ и преслѣдовать виновныхъ, заставили, въ видахъ обезпеченія пограничныхъ поселеній и торговли съ Средней Азіей: 1) выдвинуть передовые пункты, съ одной стороны, къ р. Сыръ-Дарьѣ и, съ другой,—по берегу Каспійскаго моря къ заливамъ Кара-су (Ново-Александровское укрѣпленіе) и Тюбъ-Караганъ (Ново-Петровское укрѣпленіе), и 2) устро-

ить такое управленіе надъ киргизами, которое-бы и удовлетворяло видамъ правительства и соотвѣтствовало, въ своихъ основаніяхъ, свойствамъ и быту кочевниковъ.

Такое управленіе необходимо было установить особенно для населенія, кочевавшаго между Аральскимъ моремъ и сѣверной частью Каспійскаго, такъ-какъ населеніе это было слишкомъ удалено отъ центральнаго управленія Оренбургскаго края и, имѣя возможность безпрепятственно откочевывать къ Усть-Урту и далѣе къ хивинскимъ предѣламъ, могло всегда уклоняться отъ исполненія требованій русской власти, если считало ихъ для себя невыгодными.

Начало устройства русскаго управленія въ киргизской степи положено было въ 1820 годахъ: 1) упраздненіемъ ханскаго достоинства; 2) учрежденіемъ центральнаго управленія надъ киргизами — *пограничной коммисіи*, подчинявшейся начальнику Оренбургскаго края, и 3) раздѣленіемъ оренбургскихъ киргизъ на три отдѣла, начальниками которыхъ назначались русской властью вліятельнѣйшіе и знатнѣйшіе по происхожденію киргизы, съ титуломъ *султановъ-правителей;* послѣдніе подчинялись непосредственно пограничной коммисіи.

Ближайшими исполнительными органами султановъ были начальники отдѣленій киргизъ—сардари, назначеніе которыхъ, въ подрывъ родовому началу, правительство также взяло на себя.

Всѣ распоряженія султана въ низшія инстанціи обыкновенно передавались черезъ довѣренныхъ лицъ и въ рѣдкихъ случаяхъ письменно (на арабскомъ языкѣ).

Населеніе между Каспійскимъ и Аральскимъ морями считалось принадлежавшимъ вѣдѣнію *султана-правителя западной части области оренбургскихъ киргизъ*, имѣвшаго ставку въ 1000 верстахъ отъ Ново-Петровскаго укрѣпленія (Александровскій фортъ). Вслѣдствіе медленности и неправильности теченія дѣлъ на Мангишлакѣ, оренбургское начальство въ 1858 году перенесло его ставку въ урочище Исень-Берды, отстоявшее отъ форта въ 650 верстахъ.— Высочайше утвержденнымъ въ 1844 г. Положеніемъ о военномъ устройствѣ въ Киргизской степи не было произведено въ установ-

ленномъ надъ кочевниками управленіи никакихъ существенныхъ перемѣнъ.

Устройство Ново-Петровскаго укрѣпленія въ 1847 году также не сопровождалось никакими измѣненіями въ положеніи и управленіи мангишлакскихъ киргизъ. Коменданту этого укрѣпленія (штатъ объявленъ при приказѣ по военному вѣдомству 27-го іюня 1847 г.), кромѣ прямыхъ обязанностей по гарнизону, принадлежалъ только полицейскій надзоръ за населеніемъ торговцевъ и Николаевскою станицею.

Въ 1859 году пограничная коммисія замѣнена *Областнымъ Правленіемъ оренбургскихъ киргизъ*, которому предоставлена была и административная и судебная власть; но такъ-какъ право утвержденія должностныхъ лицъ въ степи (султановъ-правителей и сардарей) и утвержденіе судебныхъ приговоровъ оставалось за начальникомъ Оренбургскаго края, то въ лицѣ послѣдняго сосредоточивалось все управленіе кочевымъ населеніемъ.

Устроившееся на такихъ основаніяхъ управленіе оказалось неудовлетворительнымъ и не утвердило нашего вліянія надъ киргизами: вслѣдствіе отдаленности высшаго начальства (оренбургскаго генералъ-губернатора и областнаго управленія), всѣ дѣла относившіяся до кочеваго населенія, разрѣшались чрезвычайно медленно, и контроль надъ дѣйствіями ближайшихъ начальниковъ киргизъ былъ невозможенъ; представители русской власти въ степяхъ—султаны правители, сохранившіе за собой всѣ свойства хановъ, безнаказанно производили всевозможныя злоупотребленія, для чего пользовались даже русскимъ конвоемъ изъ 150 челов., состоявшимъ при нихъ для поддержанія ихъ значенія и власти (39).

Сардари, исполнительные органы русской власти и въ тоже

---

(39) Даже въ близкое къ намъ время (1869 г.) султанъ-правитель западной части области оренбургскихъ киргизъ, полковникъ Тяукинъ, подвергнулся суду за произведенный имъ значительный поборъ съ киргизъ, подъ предлогомъ расходовъ на веденіе спорнаго съ пограничными казаками дѣла о лугахъ.

время представители кочевниковъ, стараясь оправдать и сохранить довѣріе начальства, и съ другой стороны снискать благорасположеніе подчиненныхъ, были или неисполнительны въ требованіяхъ начальства, или ненавидимы народомъ; но такъ-какъ чувство самосохраненія и матеріальные расчеты заставляли ихъ склоняться на сторону послѣднихъ, то, напр., при требованіи властей о высылкѣ преступныхъ лицъ, или о разслѣдованіи какого-нибудь происшествія, они не только не дѣйствовали соотвѣтственно требованіямъ, но даже являлись заступниками подвластныхъ имъ. Посыльныя-довѣренныя лица, черезъ которыхъ, обыкновенно, передавались приказанія, не имѣли для народа никакого значенія; приказанія ихъ исполнялись на столько, на сколько они не противорѣчили интересамъ мѣстнаго населенія. Въ этомъ отношеніи мангишлакское населеніе, вслѣдствіе отдаленности своей отъ ставки султана-правителя и свойствъ мѣстности, находилось въ особенно выгодныхъ для себя условіяхъ; кромѣ того, по разбросанности кочевокъ и смѣшанности кочеванія въ этихъ мѣстахъ (на полуостровахъ Мангишлакѣ и Бузачи и въ прилегающихъ степяхъ) киргизъ и туркменъ различныхъ родовъ и частей ихъ, начальство часто не знало, къ кому именно обращаться съ разными требованіями и порученіями.

Для устраненія такихъ неудобствъ признано было необходимымъ:

1) Возложить нѣкоторыя обязанности по отношенію къ ближайшимъ къ форту кочевникамъ на коменданта. Будучи дѣйствительнымъ представителемъ русской силы, по самому назначенію укрѣпленія и близости его къ кочевкамъ мангишлакскихъ киргизъ (сравнительно съ мѣстами расположенія непосредственныхъ ихъ русскихъ начальствъ), комендантъ форта, вслѣдствіе постоянныхъ торговыхъ сношеній и столкновеній кочевниковъ съ гарнизономъ и русскими поселенцами и торговцами, причемъ встрѣчались дѣла, требовавшія немедленнаго рѣшенія, не могъ не принимать нѣкотораго участія въ дѣлахъ мангишлакскихъ киргизъ и туркменъ. Но до 1857 года обязанности его, по отношенію къ послѣднимъ, не были опредѣлены никакими положеніями. Съ этого-же времени на него оффиціально возложено было взиманіе податей и разслѣдованіе по возникавшимъ у ко-

чевниковъ тяжебнымъ дѣламъ и содѣяннымъ ими преступленіямъ (40).

2) Сосредоточить власть надъ населеніемъ, имѣвшимъ кочевки на полуостровахъ Мангишлакѣ и Бузачи и въ прилегающихъ степяхъ, въ одномъ лицѣ—образованіемъ должности *начальника киргизъ противъ форта Александровскаго.*

Выборъ начальника киргизъ, изъ мѣстныхъ-же уроженцевъ, возложенъ былъ на султана-правителя, которому онъ подчинялся непосредственно; для привлеченія къ этой должности лучшихъ людей назначено было содержаніе въ 200 руб. въ годъ.

При учрежденіи должности начальника киргизъ имѣлось въ виду, что, завѣдывая кочевымъ населеніемъ различныхъ родовъ, поставленный выше управляющихъ ими, сардарей, такой ордынецъ, по всей вѣроятности, изъ самолюбія будетъ дорожить своимъ назначеніемъ, служить съ усердіемъ и, опасаясь лишиться вниманія къ нему начальства, будетъ по отношенію къ населенію и управляющимъ родами дѣйствовать безпристрастно.

Этому мѣстному начальнику областное правленіе поручило:

1) предварительный разборъ большей части дѣлъ, возникавшихъ между начальниками, такъ-какъ для этого управляющіе родами казались неблагонадежными;

2) разборъ жалобъ въ фортѣ Александровскомъ, возникавшихъ между инородцами и русскими торговцами, между которыми происходили постоянныя недоразумѣнія и столкновенія при торговыхъ сношеніяхъ (на базарѣ форта), и

3) доставленіе коменданту и султану-правителю различныхъ свѣдѣній о происшествіяхъ въ степи, для принятія мѣръ къ предупрежденію и пресѣченію безпорядковъ и грабежей.

Кругъ обязанностей начальника киргизъ противъ форта не былъ опредѣленъ точно; не былъ даже указанъ раіонъ, въ предѣлахъ котораго должна была распространяться его власть. Поэтому выходило: 1) что и незначительныя жалобы ордынцевъ другъ на друга

(40) Кругъ обязанностей, возложенныхъ разновременно на коменданта по отношенію къ кочевникамъ, указанъ ниже.

онъ представлялъ на усмотрѣніе султана-правителя или областнаго правленія, и 2) что при посылкѣ къ сардарямъ приказаній, онъ встрѣчалъ отказъ, подъ предлогомъ неподчиненности ихъ урочищъ начальнику киргизъ противъ форта.

Кромѣ того, имѣя постоянное пребываніе вблизи Александровскаго форта, онъ подчинялся и коменданту, и султану-правителю, и областному правленію.

Въ видахъ устраненія такой неопредѣленности и невліятельности положенія начальника киргизъ, въ 1866 году утверждена была оренбургскимъ генералъ-губернаторомъ инструкція, опредѣлявшая кругъ власти и обязанностей его, съ переименованіемъ начальника киргизъ въ *дистаночные начальники противъ форта* (41).

Кромѣ общихъ обязанностей: водворять въ народѣ вѣрноподданническую преданность Государю Императору, имѣть пребываніе вблизи форта и являться къ коменданту по первому его требованію, разыскивать и задерживать виновныхъ въ какихъ-либо безпорядкахъ, производить судъ и расправу по справедливости, ходатайствовать передъ начальствомъ о займообразномъ, въ случаѣ голода, отпускѣ киргизамъ отъ казны хлѣба, если это будетъ нужно, и пр.— на дистаночнаго начальника возлагалось:

1) исполнять законныя требованія коменданта форта, султана-правителя западной части Оренбургской области и областнаго правленія;

2) арестовывать неблагонадежныхъ людей, представляя ихъ для содержанія подъ стражей коменданту форта и донося объ этомъ, съ изложеніемъ обстоятельствъ дѣла, областному правленію, на дальнѣйшее по этому распоряженіе;

3) давать удовлетвореніе обиженнымъ по рѣшенію суда біевъ, которому предоставлено разбирать ссоры, маловажныя драки и тяжебныя дѣла, если цѣнность иска не свыше 50 руб.;

4) предоставлять суду біевъ разборъ исковъ на сумму и болѣе 50 руб., если только обѣ стороны согласны будутъ на таковой

(41) Условія назначенія лицъ на эту должность остались прежнія.

разборъ и дадутъ въ томъ подписку; въ другихъ случаяхъ немедленно производить розыскъ; виновныхъ въ преступленіи, дѣйствительныхъ или подозрѣваемыхъ, препровождать къ начальнику форта для заключенія подъ стражу и доносить областному правленію объ обстоятельствахъ дѣла и о своихъ по оному дѣйствіяхъ;

5) въ спорныя дѣла между киргизами и поселенцами или торговцами при Александровскомъ фортѣ не вмѣшиваться, такъ-какъ разборъ таковыхъ дѣлъ предоставляется коменданту;

6) въ письменныя сношенія вступать только съ лицами и мѣстами внѣ круга непосредственныхъ своихъ дѣйствій.

За изданіемъ инструкціи обнаружилось, что дистаночный начальникъ, по разбросанности и отдаленности отъ форта киргизъ и туркменъ, которые должны были ему подчиняться, не могъ скоро приводить въ исполненіе распоряженій трехъ начальствъ, въ отношеніи къ которымъ онъ былъ исполнительнымъ органомъ; поэтому, изъ одной образовано было двѣ дистанціи: *верхняя*, заключавшая полуостровъ Бузачи и кочевки по склонамъ Актау и къ востоку отъ него по Усть-Урту, и *нижняя*—остальное пространство къ югу до залива Карабугазъ.

При таковой системѣ управленія мангишлакскими киргизами, порядокъ сбора съ нихъ податей и производства разслѣдованій по возникавшимъ дѣламъ также не имѣли опредѣленныхъ основаній.

Въ началѣ сборъ податей производился черезъ довѣренныхъ лицъ султана-правителя, который собранную сумму представлялъ въ пограничную коммисію (областное правленіе); число податныхъ кибитокъ опредѣлялось по заявленію представителей родовъ киргизъ. Въ 1857 году, сборъ подати возложенъ былъ на коменданта Александровскаго форта, который исполнялъ эту обязанность черезъ посредство начальника киргизъ противъ форта и при содѣйствіи (по данному оренбургскимъ генералъ-губернаторомъ разрѣшенію), въ случаяхъ крайней надобности, воинскихъ командъ. Въ 1859 году обязанность сбора податей вновь возвращена султану-правителю, вслѣдствіе обнаружившихся неудобствъ назначенія для того воин-

скихъ командъ и злоупотребленій, которыя позволялъ себѣ начальникъ киргизъ противъ форта, въ надеждѣ на поддержку русскаго конвоя ([12]).

Коменданту дозволено было принимать подать въ одномъ случаѣ—если киргизы, не довѣряя присланному отъ султана сборщику, сами пожелали-бы сдать деньги въ комендантское управленіе; но при этомъ непремѣнно долженъ былъ присутствовать самъ сборщикъ.

Въ 1862 г., вслѣдствіе уменьшенія суммы кибиточной подати со времени предоставленія султану обязанности сбора ея, коменданту вновь предложено было исполнять эту обязанность, при слѣдующихъ условіяхъ:

1) при явкѣ истца по какому-либо дѣлу, требовать отъ него квитанцію въ уплатѣ кибиточной подати, и если таковая имъ не будетъ представлена, то ни въ какое разбирательство по его жалобѣ впредь до взноса имъ подати не входить.

2) Собирать деньги, слѣдующія въ кибиточную подать въ томъ-же порядкѣ, какой существовалъ прежде (до 1859 г.), но съ тѣмъ, чтобы, въ случаѣ невзноса кѣмъ-либо изъ инородцевъ подати, не дозволять незаплатившему зимовать на мѣстахъ, занимаемыхъ его однородцами.

3) Въ зимнее время, когда кочевники располагаются на обычныхъ своихъ зимовкахъ, командировать одного изъ благонадежныхъ офицеровъ форта съ отрядомъ для обозрѣнія раіона, возстановленія, въ случаѣ нарушенія, порядка и повѣрки уплаты кибиточной подати.

Какія средства и мѣры употреблялись для повѣрки числа кибитокъ, уплатившихъ и подлежавшихъ уплатѣ податей, и вообще для исполненія изложенныхъ распоряженій,—свѣдѣній не имѣется; но

([12]) Въ 1859 году, начальникъ киргизъ, получивъ команду отъ гарнизона въ 40 человѣкъ для содѣйствія при сборѣ податей, замыслилъ, и распускалъ объ этомъ слухъ, привести въ полное повиновеніе тѣхъ изъ сардарей, которые ничѣмъ не выражали ему своей покорности; отдѣленія, чувствовавшія себя въ опасности, тогда-же поспѣшили откочевать подальше отъ форта, и результатомъ похода начальника киргизъ въ степь былъ только сборъ, въ счетъ податей, 400 рублей, которые и пошли на содержаніе команды въ степи.

есть данныя предполагать, что никакихъ постоянныхъ правилъ для этого не существовало. Такъ, еще въ 1870 году, слѣдовательно передъ самымъ возмущеніемъ киргизъ на Мангишлакѣ, состоялось слѣдующее разрѣшеніе: вслѣдствіе неимѣнія у нѣкоторыхъ кочевниковъ денегъ для взноса кибиточной подати за 1869 годъ и изъявленнаго прикащикомъ одного купца 1-й гильдіи согласія принять отъ киргизъ подать баранами, за которыхъ онъ обязывался уплатить въ областное правленіе деньги полностію, по 3 руб. за каждаго,—сдать прикащикамъ слѣдуемыхъ вмѣсто подати (по расчету на 9½ т. рублей, на каковую сумму киргизы дали росписки) барановъ: верхнимъ адаевцамъ въ пескахъ Самъ, а нижнимъ на р. Эмбѣ. Разрѣшеніе это, для крайнихъ случаевъ, распространялось и на будущее время въ тѣхъ видахъ, дабы, съ одной стороны, казна возможно своевременнѣе получала подлежащій ей сборъ, а съ другой—дабы отклоненіе этой (имѣвшей откупной характеръ) мѣры не послужило причиной накопленія недоимки, взысканіе которой было-бы впослѣдствіи затруднительно.

Народный судъ у киргизъ, установившійся обычаемъ, въ прежнее время производился выборными отъ народа біями. Истецъ или обѣ тяжущіяся стороны обращались съ заявленіемъ по своему дѣлу къ одному или нѣсколькимъ біямъ; на обязанности послѣднихъ было только изслѣдованіе фактовъ обвиненія и оправданія и произнесенія приговоровъ, основывавшихся всегда на обычаѣ. Въ случаѣ недостатка уликъ, допускалась очистительная присяга, къ которой привлекались по указанію истца лица, знающія отвѣтчика.

Не смотря на всю простоту такого суда и безвредность его для русскаго управленія, пограничное начальство наше, оставляя всю мѣстную административную власть надъ киргизами въ рукахъ хановъ, а по упраздненіи ихъ—султановъ-правителей, постоянно стремилось къ введенію между кочевниками русскаго суда, въ виду того, что русскій судъ могъ оказать вліяніе на развитіе благосостоянія народа и служить связью между двумя народностями. Пограничное начальство не отказывалось отъ этой цѣли и тогда, когда примѣненіе въ степяхъ прежняго русскаго суда, съ его многописаніемъ

и изслѣдованіемъ уликъ по уголовнымъ законамъ, обнаруживало полное несоотвѣтствіе его характеру и обычаямъ киргизъ и заставляло послѣднихъ, уклоняясь отъ него, обращаться самовольно къ своему народному суду біевъ.

Въ Высочайше утвержденномъ 14 іюня 1844 г. положеніи объ управленіи оренбургскими киргизами:

Судъ гражданскій опредѣленъ двухъ видовъ: а) *народный*—по обычаямъ; этому суду подлежали дѣла, коихъ стоимость не превышала 50 руб.; судъ производился или біями, подъ контролемъ мѣстныхъ русскихъ начальствъ, или учрежденнымъ при областномъ правленіи словеснымъ мировымъ судомъ, или наконецъ самымъ областнымъ правленіемъ; б) *формальный*—по общимъ государственнымъ законамъ, коему подлежали дѣла стоимостью выше 50 руб.

Судъ уголовный былъ 4-хъ видовъ: а) *народный судъ*—о маловажныхъ преступленіяхъ и кражахъ до 30 руб.,—производился, какъ выше сказано о гражданскомъ народномъ судѣ;

б) *по общимъ уголовнымъ законамъ*—производился въ областномъ правленіи по дѣламъ о воровствахъ свыше 30 руб., насиліяхъ всякаго рода и тайныхъ переходахъ черезъ линію;

в) *по военно-уголовнымъ законамъ*—въ военно-судныхъ коммисіяхъ: о важныхъ преступленіяхъ, измѣнѣ, убійствахъ и проч.;

г.) *по полевымъ уголовнымъ законамъ*—въ военно-судныхъ коммисіяхъ: о нападеніяхъ на почты, караваны и проч.

Такъ-какъ областное правленіе, по дѣламъ гражданскимъ и уголовнымъ, имѣло власть палатъ, подчиненныхъ-же ему другихъ присутственныхъ судебныхъ учрежденій не было, то правленіе составляло для киргизъ и низшую, и высшую инстанцію суда.

По введеніи въ степяхъ русскаго суда на изложенныхъ основаніяхъ, оказалось, что:

1) большая часть дѣлъ не могла быть изслѣдована въ областномъ правленіи, вдали отъ мѣстъ совершившихся преступленій, и обращалась къ мѣстнымъ властямъ для разбора судомъ біевъ;

2) народный судъ потерялъ всякое значеніе, такъ-какъ за ходомъ въ немъ дѣлъ слѣдило административное начальство; по-

слѣднее даже само назначало біевъ изъ лицъ, бывшихъ съ нимъ въ стачкѣ;

3) способы производства разслѣдованій дѣлъ по русскимъ законамъ оказались неудобными, и для открытія преступленій и привлеченія къ суду виновныхъ, безсильными, вслѣдствіе кочеваго быта народа, громадности пространства степей, дававшаго возможность преступникамъ избѣгать преслѣдованія властей, въ силу родовыхъ отношеній кочевниковъ, обязывавшихъ каждаго стоять за однородца и, наконецъ,—недоброжелательства ближайшихъ надъ киргизами властей.

Доказательствомъ непримѣнимости и несостоятельности русскаго суда въ степяхъ служило огромное количество дѣлъ, накоплявшихся въ областномъ правленіи и лежавшихъ безъ производства, и частые случаи предоставленія, по силѣ обстоятельствъ, народному суду (потерявшему уже свое значеніе) дѣлъ, подсудныхъ русскому суду. Напр., въ 1849 году испрошено было разрѣшеніе на окончаніе миролюбивымъ разбирательствомъ по киргизскимъ народнымъ обычаямъ, черезъ посредство мѣстныхъ киргизскихъ властей, старыхъ дѣлъ по грабежамъ, убійствамъ и барантамъ. Въ 1858 и 1859 гг. учреждены были особыя коммисіи для окончанія миролюбивымъ-же соглашеніемъ дѣлъ прежняго времени.

На Мангишлакѣ, вслѣдствіе большаго числа поступавшихъ жалобъ и усилившейся вражды между туркменами и киргизами, угрожавшей безпокойствомъ и оренбургской границѣ, въ 1857 г. возложенъ былъ на коменданта Александровскаго форта и разборъ жалобъ, и употребленіе зависѣвшихъ отъ него средствъ къ примиренію враждовавшихъ, при содѣйствіи къ этому и султана-правителя, но такъ-какъ средства, зависѣвшія отъ коменданта были слишкомъ слабы, какъ для примиренія, такъ особенно для удовлетворенія обиженной стороны, то тяжебныя дѣла и у коменданта оканчивались ничѣмъ.

Въ 1858 году, не безъ заявленія султана-правителя о неуспѣхѣ дѣйствій коменданта по рѣшенію дѣлъ, въ которыхъ онъ принималъ участіе, состоялось распоряженіе: въ видахъ скорѣйшаго и

совершенно согласнаго съ азіатскими понятіями окончанія ихъ тяжебныхъ дѣлъ, коменданту въ нихъ никакого участія не принимать, за исключеніемъ случая, когда обѣ враждующія стороны обратятся къ нему за разборомъ ихъ дѣла; при возникновеніи-же при комендантскомъ управленіи, за исключеніемъ указаннаго случая, какихъ-либо дѣлъ, таковыя отправлять въ областное правленіе для дальнѣйшихъ распоряженій. Множество остававшихся безъ удовлетворенія жалобъ, возникавшихъ особенно со стороны туркменъ, по поводу своеволій и грабежей киргизъ, безсиліе русской власти въ лицѣ султана-правителя и по перенесеніи его ставки ближе къ Мангишлаку (въ уроч. Исень-берды), для преслѣдованія виновныхъ и вообще поддержанія порядка въ степяхъ,—указывали на необходимость предоставленія коменданту Александровскаго форта существеннаго участія въ дѣлахъ мангишлакскаго населенія.

Положеніемъ о временномъ устройствѣ Киргизской степи (Высочайше утвержденномъ 3 декабря 1861 года) коменданту предоставлялось, независимо общихъ обязанностей, присвоенныхъ комендантамъ и вообще воинскимъ начальникамъ, производить разслѣдованія по происшествіямъ и разборъ претензій и споровъ, какъ между чинами гарнизона съ поселенцами, такъ и возникавшихъ у тѣхъ или другихъ съ киргизами и инородцами, проживавшими при фортѣ или въ раіонѣ его. Положеніе это примѣнено было, по соображеніи всѣхъ обстоятельствъ, затруднявшихъ правильный ходъ дѣлъ на Мангишлакѣ, и ко всему мѣстному кочевому населенію, съ тѣмъ, чтобы разбирательство всѣхъ дѣлъ чинилось комендантомъ при свидѣтеляхъ со стороны истцовъ и отвѣтчиковъ, а сущность жалобы и постановленнаго комендантомъ рѣшенія вносилась кратко въ особую книгу, которая для того выдавалась областнымъ правленіемъ оренбургскихъ киргизъ.

За такимъ распоряженіемъ коменданту подчинены были всѣ инородцы, кочевавшіе въ окрестностяхъ форта, на полуостровахъ Мангишлакѣ и Бузачи и по берегу Каспійскаго моря, до залива Карабугазъ.

Неустройство Оренбургской степи, безотлагательно требовав-

шее новаго управленія, вызвало назначеніе особой коммисіи, которая по Высочайшему повелѣнію 5 іюня 1865 года была командирована въ степь для составленія общихъ началъ устройства управленія киргизами.

Изученіе въ подробности мѣстныхъ условій и быта народа убѣдило коммисію: 1) что киргизы, по своему происхожденію, понятіямъ, вѣрѣ, языку и образу жизни, составляютъ одинъ народъ и потому для нихъ необходимо и одинаковое управленіе; 2) что, поставляя цѣлью устройства степей на новыхъ началахъ—постепенное сліяніе кочеваго народа съ русскимъ, къ чему необходимо принять мѣры теперь-же, такъ-какъ, съ перенесеніемъ нашихъ границъ съ Урала и Иртыша болѣе чѣмъ на 1000 верстъ въ глубь Азіи и съ образованіемъ Туркестанскаго генералъ-губернаторства, оренбургскія степи обратились уже во внутреннія части имперіи,—необходимо ввести въ нихъ прочныя русскія административныя учрежденія, въ главныхъ началахъ общія съ учрежденіями имперіи, а въ частности настолько отличныя отъ сихъ послѣднихъ, сколько это требуютъ характеръ народа, степень его развитія, экономическія и политическія условія, въ которыя поставлено ордынское населеніе.

Существенныя черты проектированнаго коммисіею временнаго Положенія (Высочайше утверждено 4 декабря 1868 г.) объ управленіи въ степныхъ областяхъ, заключаются, относительно Мангишлака, въ слѣдующемъ:

1) Изъ западной части области оренбургскихъ киргизъ и земель Уральскаго казачьяго войска образуется область Уральская, главное управленіе которой принадлежитъ оренбургскому генералъ-губернатору. Въ составъ Уральской области включается и Александровскій фортъ. Область раздѣляется на уѣзды. Управленіе уѣздомъ предоставляется завѣдыванію русскаго чиновника, по назначенію правительства.

2) Для завѣдыванія населеніемъ, кочующимъ въ сосѣдствѣ Александровскаго форта, учреждается временно, вмѣсто уѣзда, Мангишлакское приставство, по особому расписанію. Права и обязан-

ности пристава по управленію населеніемъ полагается опредѣлить особою инструкціею, по завѣдыванію-же войсками и укрѣпленіемъ руководствоваться положеніемъ о военномъ управленіи въ областяхъ.

3) Кочевое населеніе въ уѣздахъ раздѣляется на волости отъ 1000 до 2000 кибитокъ, а волости на аулы отъ 100 до 200 кибитокъ; управленіе волостями и аулами предоставляется выборнымъ на три года изъ киргизъ волостнымъ правителямъ и аульнымъ старшинамъ. Этимъ должностямъ присвоиваются особые бронзовые знаки, для ношенія при отправленіи служебныхъ обязанностей, и особыя печати, для прикладыванія вмѣсто подписи къ исходящимъ бумагамъ.

Преобразованіе на этихъ началахъ управленія въ степяхъ, согласованнаго съ общими узаконеніями о губернскихъ учрежденіяхъ имперіи, предполагалось, не встрѣтитъ затрудненій, за исключеніемъ введенія административнаго раздѣленія кочеваго населенія на волости и аулы; затрудненіе въ послѣднемъ случаѣ ожидалось со стороны родоначальниковъ, имѣющихъ значеніе при нынѣшнемъ подраздѣленіи киргизъ, основанномъ на родовомъ началѣ, и теряющихъ свое значеніе при раздѣленіи ихъ на волости и аулы и введеніи выборнаго начала при замѣщеніи должностей волостныхъ правителей и аульныхъ старшинъ.

Тѣмъ не менѣе коммисія не остановилась на ожидавшихся препятствіяхъ, въ томъ соображеніи: 1) что народъ пойметъ пользу нововведеній, дающихъ ему возможность освободиться изъ-подъ гнета вліятельныхъ родовичей, и 2) что во всякомъ случаѣ необходимо рѣшительно идти къ цѣли, для достиженія которой должны быть предоставлены мѣстному начальству и матеріальныя средства, если-бы въ томъ встрѣтилась надобность для возстановленія порядка([43]).

При проектированіи новаго судопроизводства въ степяхъ, коммисія, имѣя въ виду примѣры прошедшаго, признала необходимымъ, предоставить народу право судиться, по мѣстнымъ обычаямъ, съ

([15]) Въ видахъ поддержанія порядка въ юго-западной части области коммисія признавала также необходимымъ устроить между Аральскимъ и Каспійскимъ морями укрѣпленіе.

возможнымъ расширеніемъ правъ народнаго суда, не отказываясь впрочемъ навсегда и отъ прежней цѣли объединенія кочеваго народа съ русскимъ общимъ судомъ; поэтому, оставляя народный судъ до тѣхъ только поръ, пока постепенный успѣхъ гражданственности въ средѣ киргизскаго народа не поставитъ его въ уровень съ остальнымъ населеніемъ Россіи, Положеніе 1868 года опредѣлило судъ для киргизъ въ слѣдующихъ видахъ:

1) *Военный*—за измѣну, сопротивленіе властямъ, убійство должностныхъ лицъ и т. п.

2) *По общимъ уголовнымъ законамъ имперіи*—за убійство, разбой, барантy ([44]), нарушеніе уставовъ казенныхъ управленій, преступленія по должности мѣстныхъ киргизскихъ властей и т. п ([45]).

3) *Народный*—коему подлежатъ всѣ прочія уголовныя дѣла киргизовъ, не подлежащія суду военному и суду по общимъ законамъ имперіи, равно какъ всѣ взаимные ихъ иски и тяжбы на всякую сумму.

Органы русскаго суда: а) уѣздный судья; б) военно-судныя коммисіи; в) областное правленіе; г) правительствующій сенатъ.

Исполненіе постановленій судей и рѣшеній судовъ возложено на обязанность и отвѣтственность мѣстныхъ полицейскихъ властей и волостныхъ правленій (послѣднихъ по рѣшеніямъ суда біевъ).

Подраздѣленія народнаго суда: *судъ біевъ*—для рѣшенія дѣлъ до 300 руб. (истецъ обращается къ одному или нѣсколькимъ біямъ, по своему выбору); *волостные съѣзды* біевъ, періодическіе, для рѣшеній дѣлъ на всякую сумму, но по дѣламъ свыше 1000 руб. могутъ быть подаваемы жалобы въ областное правленіе; *чрезвычайные съѣзды біевъ* нѣсколькихъ волостей, для рѣшенія дѣлъ между волостями.

([44]) Барантой называется угонъ скота или похищеніе имущества, вызванные неполученіемъ, по какимъ-либо причинамъ, удовлетворенія за нарушеніе правъ лицъ, аула или волости; баранта сопровождается насиліемъ и нерѣдко даже убійствомъ.

([45]) Дѣла киргизовъ съ русскими и другими народностями, какъ уголовныя, такъ и гражданскія, опредѣлено производить судомъ на основаніи общихъ законовъ имперіи.

Для устраненія прежнихъ неудобствъ въ отношеніи всецѣлаго поступленія податей въ государственную казну, а также для равномѣрнаго распредѣленія между платящими кибиточнаго сбора, опредѣлено: число выборныхъ должностныхъ лицъ поставить въ зависимость отъ числа кибитокъ и затѣмъ на сходы и съѣзды выборныхъ возложить производство внутренней раскладки кибиточнаго сбора, по благосостоянію ауловъ и кибитко-владѣльцевъ. Размѣръ податей увеличенъ съ 1 руб. 50 коп. до 3 руб. съ кибитки, соотвѣтственно увеличенію противъ прежняго цѣнности барана, принятой за норму кибиточной подати. Сверхъ того опредѣлено взыскивать по 50 коп. съ кибитки земскаго сбора (на покрытіе расходовъ по содержанію земскихъ властей, разсыльныхъ и пр.).

Взысканіе податей и земскаго сбора возложено на аульныхъ старшинъ, которые должны представлять собранныя ими суммы черезъ волостныхъ правителей въ уѣздныя управленія, а послѣднія—въ подлежащія финансовыя учрежденія.

Положеніе на вышеизложенныхъ основаніяхъ предполагалось къ повсемѣстному введенію въ степяхъ, въ томъ числѣ и на Мангишлакѣ; но, въ виду особенностей этого отдаленнаго края и его кочевниковъ, оренбургское начальство, признавая введеніе новаго Положенія, во всей его полнотѣ, преждевременнымъ, вошло предварительно въ сношеніе съ почетными и вліятельными мѣстными ордынцами относительно того, можетъ-ли быть введено въ приставствѣ новое положеніе безъ измѣненій или съ нѣкоторыми отступленіями отъ установленныхъ правилъ. Результатомъ совѣщаній съѣзда біевъ и почетныхъ киргизъ Адаевскаго рода, при содѣйствіи мангишлакскаго пристава, и данныхъ представителями отдѣленій (верхней и нижней дистанцій) подписокъ, въ которыхъ послѣдніе съ подвѣдомственными имъ аулами обязались исполнять всѣ установленные Положеніемъ правила, были слѣдующія распоряженія оренбургскаго начальства (въ мартѣ 1870 г.):

1) Отдѣленія именовать впредь волостями, а управляющихъ оными волостными правителями.

2) Хотя по правиламъ новаго Положенія всѣ должностныя лица и судебные біи мѣстнаго киргизскаго управленія должны назначаться

по выбору народа, но принимая во вниманіе, что при разбросанности на большомъ пространствѣ кочевокъ адаевцевъ было-бы крайне затруднительно созывать избирателей, предложено, въ видѣ временной мѣры, поручить управленіе волостями состоявшимъ начальниками отдѣленій, предоставивъ имъ права и обязанности волостныхъ правителей, съ тѣмъ чтобы они, какъ ознакомившіеся уже съ дѣломъ, привели къ окончанію начатое ими организованіе волостей.

3) Аульныхъ старшинъ и судебныхъ біевъ выбрать по желанію народа и подъ руководствомъ волостныхъ правителей, если не встрѣтится особенныхъ препятствій къ съѣзду избирателей къ сборнымъ пунктамъ, какіе будутъ указаны. Въ крайнемъ-же случаѣ старшинъ и біевъ назначить по совѣщанію начальника дистанціи съ волостными правителями.

4) По окончаніи выборовъ обязать волостныхъ правителей представить списки кибитко-владѣльцамъ, по-аульно, съ показаніемъ, кто будетъ выбранъ въ аульные старшины и судебные біи, причемъ приказано обратить особенное вниманіе на вѣрность исчисленія кибитокъ, подъ опасеніемъ отвѣтственности за сокрытіе ихъ.

5) Бывшихъ начальниками дистанцій верхней и нижней ([45]) назначить, временно, помощниками пристава, подчинивъ имъ ближайшее наблюденіе за волостями, какія образуются изъ бывшихъ дистанцій. Сохранить за ними оффиціальное положеніе и прежнее значеніе разрѣшено было какъ въ видахъ заслугъ ихъ передъ правительствомъ, въ отношеніи сохраненія возможнаго до того времени между адаевцами спокойствія и склоненія ихъ къ принятію новаго положенія, такъ и въ видахъ достиженія удобства въ управленіи адаевцами: находясь среди ввѣреннаго имъ населенія, они ближайшимъ образомъ могли-бы наблюдать за дѣйствіями ордынскихъ должностныхъ лицъ и направлять ихъ къ правильному исполненію служебныхъ обязанностей.

Съ окончаніемъ организаціи волостей, у адаевцевъ предпола-

([45]) Заурядъ-хорунжихъ, Малва, убитаго съ приставомъ Рукинымъ, и Колбина, бывшаго въ числѣ главныхъ бунтовщиковъ въ апрѣлѣ 1870 г.

галось принять мѣры къ введенію новаго положенія и у туркменъ, имѣвшихъ образовать особую волость.

Это было въ мартѣ. Въ слѣдующемъ мѣсяцѣ совершились извѣстная катастрофа на Мангишлакѣ и присоединеніе этого края къ управленію Кавказомъ, согласно мнѣнія особаго Комитета, разсматривавшаго вопросы относительно восточнаго берега Каспійскаго моря (Высочайшее повелѣніе 2 февраля 1870 г.).

Такъ-какъ фактъ присоединенія совершился во время самаго разгара вспыхнувшаго возмущенія и поводомъ къ нему, между прочимъ, было несоотвѣтствіе мѣстнымъ условіямъ объявленнаго ко введенію и на Мангишлакѣ временнаго Положенія объ управленіи въ степныхъ областяхъ Оренбургскаго и Западно-Сибирскаго генералъ-губернаторствъ, то кавказскому начальству предстояло, не вводя на Мангишлакѣ вышеупомянутаго Положенія въ томъ видѣ, какъ оно утверждено для прочихъ киргизъ, установить пока управленіе временное, которое удовлетворяло-бы главной цѣли—умиротворенія края, и затѣмъ уже, по обстоятельномъ ознакомленіи съ краемъ[47], проектировать такое управленіе, которое соотвѣтствовало-бы и видамъ правительства и согласовалось съ характеромъ и бытомъ самого населенія.

Начальникъ Дагестанской области, генералъ-адъютантъ князь Меликовъ, въ вѣдѣніе котораго приставство было передано, въ началѣ-же призналъ болѣе удобнымъ ввести на Мангишлакѣ управленіе на общихъ началахъ военно-народныхъ управленій Кавказскаго края, какъ наиболѣе соотвѣтствовавшихъ главнѣйшимъ цѣлямъ правительства: достиженію спокойствія и безопасности, съ одной стороны, и полнаго довѣрія—съ другой.

Результаты умиротворенія кочующаго населенія и двухлѣтній опытъ управленія имъ показали, что принятая система вполнѣ соотвѣтствуетъ быту и понятіямъ населенія. Поэтому, согласно

([47]) Оренбургское начальство при передачѣ приставства въ управленіе Кавказомъ никакихъ свѣдѣній о территоріи и населеніи Мангишлака не сообщило, заявивъ, что киргизы *до послѣдняго времени только номинально признавали наше господство и никакая власть не могла къ нимъ проникать.*

указаніямъ Его Императорскаго Высочества Главнокомандующаго Кавказскою Арміею, предполагается:

1) Изъ Мангишлакскаго пристанства образовать особый «*Мангишлакскій отдѣлъ*» на общихъ началахъ, принятыхъ для отдѣловъ Дагестанской области.

2) Мангишлакскій отдѣлъ раздѣлить на четыре наибства, при опредѣленіи границъ которыхъ принять въ соображеніе, въ видахъ удобства управленія мѣстнымъ населеніемъ, преимущественно распредѣленіе ихъ постоянныхъ зимнихъ кочевокъ.

3) Подраздѣленіе киргизъ въ наибствахъ оставить то, которое нынѣ существуетъ въ подраздѣленіи ихъ на части, основанномъ на родовомъ началѣ (отдѣленія, подъ-отдѣленія и пр.).

4) Для разбора дѣлъ по народнымъ обычаямъ, при управленіи отдѣломъ учредить народный судъ изъ 8-ми выборныхъ отъ народа біевъ. Для разбора дѣлъ по мусульманскому закону и для письмоводства въ народномъ судѣ—состоять муллѣ.

5) Для предоставленія начальнику отдѣла и наибамъ возможности прекращать безпорядки въ степи, въ самомъ ихъ началѣ, а также арестовывать виновныхъ, передавать приказанія черезъ надежныхъ людей и получать вѣрныя свѣдѣнія о происшествіяхъ,—образовать особую команду разсыльныхъ изъ туземцевъ, примѣняясь къ тѣмъ основаніямъ, на которыхъ образована Дагестанская постоянная милиція.

Сверхъ того, такъ-какъ въ вѣдѣніи Мангишлакскаго управленія состоятъ фортъ Александровскій и лица не туземнаго населенія, образующаго Николаевскую станицу и поселеніе торговцевъ, то предполагается также и для нихъ установить положеніе, соотвѣтственное настоящимъ условіямъ края. Въ этихъ видахъ, по приказанію Его Императорскаго Высочества Главнокомандующаго Кавказскою Арміею:

1) Для управленія войсками гарнизона форта Александровскаго проектированъ особый штатъ управленія воинскаго начальника форта, въ размѣрахъ, соотвѣтствующихъ кругу дѣятельности этого управленія.

2) Дѣлаются сношенія съ подлежащими министерствами объ опредѣленіи во всей подробности отношеній лицъ нетуземнаго населенія по судным, торговымъ, акцизнымъ и другимъ дѣламъ.

3) Дѣлается представленіе объ изъятіи изъ вѣдѣнія уральскаго управленія, состоящей на Мангишлакѣ вблизи форта, Николаевской станицы, населеніе которой (26 семействъ) причислено, согласно примѣчанія къ ст. 701 т. XII ч. 2 Свод. Гражд. Законовъ, изд. 1857 года, къ Уральскому казачьему войску. Изъятіе это представляется необходимымъ, какъ потому, что по отдаленности означеннаго управленія отъ Мангишлака всѣ сношенія съ нимъ крайне неудобны, такъ и потому, что населеніе Николаевской станицы не связано въ сущности никакими интересами съ Уральскимъ войскомъ.

По разрѣшеніи вышеизложенныхъ предположеній относительно Мангишлака, представится возможнымъ проэктировать для управленія этимъ краемъ и общее положеніе, съ опредѣленіемъ всѣхъ тѣхъ подробностей, которыя въ настоящее время не могли быть выяснены.

Указанія-же долгаго опыта дадутъ возможность при составленіи положенія избѣжать тѣхъ ошибокъ, которыя прежде, при устройствѣ управленія на Мангишлакѣ, случались отъ незнанія ни края, ни народа.

И. Линевичъ.

1-го іюня 1872 г.
Тифлисъ.

Табл. № 1.

Свѣдѣніе о числѣ поселянъ и ихъ домохозяйствѣ за 1850, 1852 и 1854 г.

СОСЛОВІЕ ПОСЕЛЯНЪ.	Число семействъ.	Число душъ. 1850 Муж.	Число душъ. 1850 Жен.	Число душъ. 1854 муж.	Число душъ. 1854 Жен	Состояніе домохозяйства. Число лодокъ. 1850	Число лодокъ. 1852	Число лодокъ. 1854	Число самоловныхъ крючьевъ. 1850	Число самоловныхъ крючьевъ. 1852	Число самоловныхъ крючьевъ. 1854	Число домашняго скота. 1850 Крупн.	1850 Мелк.	1852 Крупн.	1852 Мелк.	1854 Крупн.	1854 Мелк.	Число домовъ и службъ при нихъ.
Изъ Оренбургскаго казачьяго войска, перечисленныхъ въ Уральское.....	11	35	35	34	37	11 казенныхъ, 3 собственныхъ.	10 казенныхъ, 6 собственныхъ.	10 казенныхъ, 9 собственныхъ	88,000	100,000	152,000	3	17	9	10	8	22	Всѣ были помѣщены въ казенныхъ домахъ. Особыхъ пристроекъ не имѣли.
Изъ государственныхъ крестьянъ, причисленныхъ, по ихъ желанію, къ Уральскому войску.....	въ 1850 и 1852 годахъ 9 въ 1854 г. 14	25	20	—	—	Не имѣли.	3 собственныхъ.	8 (изъ нихъ 5 отъ казны)	12,000	32,000	25,000	не имѣли.				8	3	9 семействъ помѣщались въ казенныхъ домахъ; прибывшія-же въ 1852 г. 5 семействъ размѣщались по домамъ прочихъ поселянъ, до окончанія устройства домовъ для нихъ на счетъ казны, въ 1856 г.
ВСЕГО...	въ 1850 г. 20 въ 1854 25	60	55	84	68	14	19	27	100,000	132,000	177,000	3	17	9	10	16	25	Особыхъ пристроекъ не имѣли.

Табл. № 2.

О числѣ поселянъ и ихъ домохозяйствѣ за 1868, 1869 и 1870 г.

СОСЛОВІЕ ПОСЕЛЯНЪ.	Число семействъ.	Населеніе. Число душъ.						Состояніе домохозяйства. Число лодокъ разныхъ видовъ.			Число самоловныхъ крючьевъ и концовъ сѣтей.			Число домашняго скота.						Число зданій.					
		1868		1869		1870		1868	1869	1870	1868	1869	1870	1868		1869		1870		1868		1869		1870	
		Муж.	Жен.	Муж.	Жен.	Муж.	Жен.							Крупн.	Мелк.	Крупн.	Мелк.	Крупн.	Мелк.	Домовъ.	Амбар., погреб. и проч.	Домовъ.	Амб. и проч.	Домовъ.	Амб. и проч.
Всѣ поселяне Николаевской станицы причислены, по ихъ желанію, къ Уральскому казачьему войску.....	26	77	74	80	77	81	78	109	115	115 (изъ нихъ 45 уничтожены при возмущеніи)	267,000 и сѣтей 6,700	275,000 и сѣтей 7,000	450,000 и сѣтей 9,360	35	24	38	26	55	54	26 (изъ нихъ 2 собственныхъ).	30 (всѣ собственные).	26	31	32	45 собственныхъ (въ томъ числѣ 3 бани)

СВѢДѢНІЕ

о товарахъ, вывезенныхъ изъ Ново-Петровскаго укрѣпленія (Александровскаго форта) въ г. Астрахань съ 1854 по 1871 г.

№ по порядку.	НАЗВАНІЕ ТОВАРОВЪ.	1854 (за майскую и сентябрьскую треп.	1860	1865	1866	1867	1868	1869 *)	1871
1	Рыбы *) (въ пудахъ).	2400	Нѣтъ свѣдѣній.	2685	7430	12,340	21,565	22,020	18,343
2	Рыбьяго клею (въ пудахъ)	11	4	7	16	22	25	69	43
3	Визиги въ пудахъ	—	4	9	18	21	26	80	55
4	Икры	—	Нѣтъ свѣд.	7	12	29	Нѣтъ свѣд.	5	260
5	Тюленей (въ пудахъ).	140		1987	4283	5379	4000	5960	3900
6	Кожъ (штуками) верблюжьихъ	206	657	5012	3591	2257	2016	2590	3018
7	конскихъ	193	1074	6770	7514	6585	2537	1581	9996
8	воловьихъ и коровьихъ	61	124	224	121	103	3	—	400
9	лисьихъ	67	1812	2783	1273	1052	1158	1547	1807
10	корсучьихъ	22	160	264	215	133	76	322	201
11	волчьихъ	2	76	95	64	62	25	31	13
12	Барановъ и козъ	—	695	10,970	6350	520	540	2641	2276
13	Овчинъ	9415	15,248	63,416	94,980	46,233	40,322	45,200	85,000
14	Бараньяго сала	8 (полубоч.)	8 (полубоч.)	—	—	70 пуд.	400 п.	100 п.	812 п.
15	Шерсти верблюжьей (тюками около 15 п.)	215	171	519	224	249	195	504	371
16	Шерсти бараньей (тюками около 15 пуд.)	—	134	200	621	444	259	1233	972
17	Конскіе хвосты и гривы (штуками)	—	—	—	—	—	—	2000	2600
18	Козьяго пуху (тюками около 15 пудовъ)	17	83	147	33	9	5	6	2
19	Хлопчатой бумаги (пряденой и непряденой, тюками около 15п.)	1238	—	—	—	—	—	—	—
20	Штукъ: Армяковъ	100	515	703	452	200	199	364	1022
21	Овчин. тулуповъ	275	312	2377	755	901	435	864	1432
22	Кошомъ	—	2099	2033	1945	1834	1410	2780	5010
23	Роговъ сайгачьихъ (паръ)	2023	4185	1142	405	933	210	2049	6960
24	Перчатокъ (паръ)	—	—	2446	15,854	7620	2650	4539	4414
25	Марены (пудовъ)	449	—	—	—	—	—	—	—
26	Камня пилпаго (плитами разной величины)	—	—	—	260	—	3700	3994	Нѣтъ свѣд. 20,000
27	Каменный уголь	—	—	—	—	—	—	—	180
28	Сумки переметныя	—	—	—	—	—	—	22	

*) Въ 1851 году было поймано рыбы 1800 пуд.

*) Свѣдѣній за слѣдующій 1870 г. не имѣется.

СВѢДѢНІЕ

о цѣнности товаровъ, вывезенныхъ изъ Ново-Петровскаго укрѣпленія (Александровскаго форта) въ г. Астрахань.

№№ по порядку.	НАЗВАНІЕ ТОВАРОВЪ.	Цѣнность товаровъ.	НА КАКУЮ СУММУ ВЫВЕЗЕНО ТОВАРОВЪ ЗА							
			Майскую и сентябр. трети 1854.	1860	1865	1866	1867	1868	1869 *)	1871
		р. к.	р	у	б	л	и.	р у	б л	и.
1	Рыбы (въ пудахъ)...	2 —	4800	5000 **)	5370	14860	24680	43130	44040	36686
2	Рыбьяго клею (въ пудахъ).....	80 —	880	320	560	1280	1760	2000	5520	3440
3	Вязиги	25	—	100	225	450	525	650	2000	1375
4	Икры (въ пудахъ).	20 —	—	—	140	240	580	300 **)	100	5200
5	Тюленей	3 —	420	3000 **)	5961	12849	16137	12000	17880	11700
6	Кожъ (штуками) верблюжьихъ.....	5 —	1030	3285	25060	17955	11285	10080	12950	15090
7	конскихъ.....	3 —	579	3222	20310	22542	19755	7611	4743	29988
8	воловьихъ и коровьихъ.....	2 —	122	248	448	242	206	6	—	800
9	лисьихъ	1 25	84	2282	3479	1591	1325	1448	1934	2259
10	корсучьихъ.....	1 —	22	160	264	215	133	76	322	201
11	волчьихъ.....	1 50	3	114	140	96	93	38	46	20
12	Барановъ и козъ.....	3 50	—	2430	38395	22225	1820	1890	9243	7966
13	Овчинъ.....	— 50	4708	7624	31708	47490	23117	20161	22600	42500
14	Бараньяго сала (въ пудахъ).....	4 —	220	320	—	—	280	1600	400	3248
15	Шерсти верблюжей. (тюками около 15 пуд.).	45 —	2675	7695	23355	10080	11205	8775	22680	16695
16	Шерсти бараньей.	40 —	—	5360	8000	24840	17760	10360	49320	38880
17	Конскихъ хвостовъ и гривъ (штуками).....	— 15	—	—	—	—	—	—	30	39
18	Козьяго пуху (тюками около 15 пуд.).	75 —	1275	6225	11025	2475	675	375	450	150
19	Хлопчатой бумаги, пряденой и непряденой	70 —	86660	—	—	—	—	—	—	—
20	Армяковъ.....	1 —	100	515	703	452	200	200	364	1022
21	Овчинныхъ тулуповъ.....	5 —	1375	1560	11885	3775	4505	2175	4320	7160
22	Кошомъ.....	5 —	—	10495	10165	9725	9170	7050	13900	25050
23	Роговъ сайгачьихъ (паръ).....	2 —	4046	8370	2284	810	1866	420	4098	13920
24	Перчатокъ (паръ)....	— 15	—	—	37	238	114	40	73	66
25	Марены (въ пудахъ)..	8 —	3592	—	—	—	—	—	—	—
26	Камня пиленаго (плитами разной величины)	— 20	—	—	—	52	—	74	80	—
27	Каменнаго угля (въ пудахъ).....	— 10	—	—	—	—	—	—	—	2000
28	Сумокъ переметныхъ..	— 40	—	—	—	—	—	—	9	72
	Итого.....	—	112,691	68,325	199,514	194,382	147,191	130,459	217,102	265,427

*) Свѣдѣній за 1870 г. не имѣется.

**) Эта цифра опредѣлена по сравненію съ цифрами предшествовавшаго и послѣдующаго годовъ; точныхъ-же свѣдѣній за этотъ годъ не имѣется.

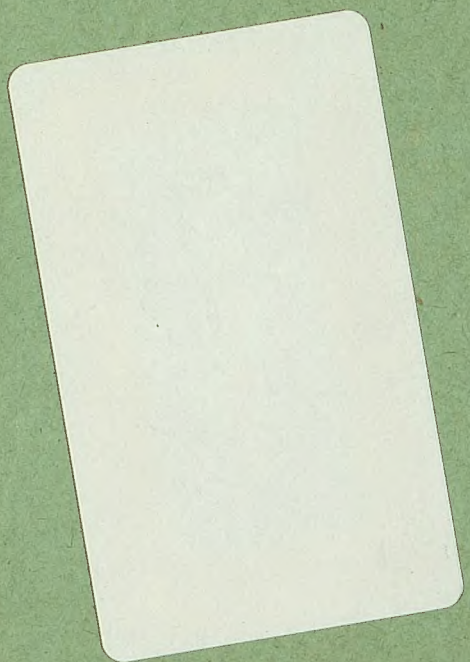
Таб. № 5.

СВѢДѢНІЕ

о товарахъ, привезенныхъ въ Александровскій фортъ въ теченіи 1871 года.

НАЗВАНІЕ ТОВАРОВЪ.	Число.	Вѣсъ.	На какую сумму.	Цѣнность товаровъ.
Муки разныхъ сортовъ	—	170,000 п.	170,000 р.	Средняя цѣна 1 р. за пудъ.
Краснаго и хлопчато-бумажнаго товара.....	6250	—	62,500—	— 10 р. за шт.
Водки простой и очищенной.....	1430 в.	—	6,075—	— 4 р. 25 к. за вед.
Водки высшихъ сортовъ.....	635—	—	3,810—	— 6 р.
Вина.....	1590—	—	6,360—	— 4 —
Разныхъ спиртныхъ напитковъ	920 б.	—	920—	— 1 р. за бут.
Чаю.....	—	16 —	895—	— 1 р. 40 к. за фун.
Сахару.....	—	135 —	1,620—	— 12 р. за п.
Свѣчей стеариновыхъ.....	—	4 —	40—	— 10 р. —
Табаку разныхъ сортовъ (преимущественно простаго, по 10 к. за фунтъ)...	—	220 —	3,520—	— 40 к. за фунтъ.
Прочихъ предметовъ (посуды, овощей и мелкихъ предметовъ)....	—	—	4,760—	—
Всего на....	—	—	260,500 р.	

КАРТА
МАНГИШЛАКСКАГО ПРИСТАВСТВА
Масштабъ въ дюймѣ 20 верстъ.
20 16 12 8 4 0 20 40 60 вер.
ТИФЛИСЪ.
1872 Г.
Объясненіе:
I. Отдѣленіе Тобушево.
II. Баимбетово.
III. Туркменъ-Адаево.
IV. Джавлiево.
V. Джименеево.
VI. Отдѣленія верхнихъ Адаевцевъ.
ЗАЛ.
МЕРТВЫЙ КУЛТУКЪ
ПОЛУОСТР. БУЗАЧИ
Зал. Кайдакъ или Кара-су
Зал. Кара-кичу
Фортъ Александровскій
ПОЛУОСТРОВЪ МАНГИШЛАКЪ
Зал. Ата
Зал. Александръ-бай
Оз. Батыръ
Оз. Каунды
ЗАЛ.
КАРАБУГАЗСКІЙ
КАСПІЙСКОЕ МОРЕ

Библиотека
Ростов-на-Дону
им. К. Маркса

Цѣна VI выпуска „Сборника“ 2 руб.